В МИРЕ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
ЛЕНИЗДАТ 1959

Переплет, титул и шмуцтитулы
О. И. Маслакова
Заставки Н. А. Кустова

НИКОЛАЙ ТОМАН

В погоне за "Призраком"

ПОВЕСТЬ

В КАБИНЕТЕ ПОЛКОВНИКА ОСИПОВА

Время перевалило за полночь. Все сотрудники генерала Саблина давно уже разошлись по домам. Один только полковник Осипов все еще сидел в своем кабинете, ожидая важного донесения.

Письменный стол его был освещен настольной лампой. Лучи света падали на поверхность стола из-под низко опущенного колпачка; белый лист бумаги отражал и слабо рассеивал их по всему кабинету.

Комната, однако, была большая, и этого отраженного света было в ней недостаточно. Со стороны казалось даже, что пространство за пределами письменного стола Осипова погружено в темноту. Полковник, однако, привык к полумраку и хорошо видел все вокруг. Он любил поздними вечерами, а часто и бессонными ночами во время дежурства бесшумно прохаживаться по мягкому ковру своего кабинета, продумывая многочисленные варианты возможных действий противника.

Чистый лист бумаги, казавшийся на темно-зеленом фоне настольного сукна не только единственным освещенным местом, но и как бы самим источником света, гипнотизировал и привлекал к себе Осипова. Полковник

подходил к нему то и дело, готовый запечатлеть на нем так долго продумываемую мысль, но всякий раз, когда он брался уже за перо, какой-то внутренний голос убеждал его, что мысль еще недостаточно созрела, загадка далека от решения и выводы слишком скороспелы.

И снова принимался полковник Осипов — седой, слегка сутуловатый человек с усталыми глазами — ходить по кабинету, подолгу останавливаясь у окна, за которым все еще не хотела засыпáть большая, очень шумная в дневные часы площадь.

«Если бы только этот Мухтаров выздоровел или хотя бы пришел в сознание, — уже в который раз мысленно повторял Осипов, наблюдая, как внизу, за окном, мелькали яркие огоньки автомобильных фар. — Все могло бы проясниться тогда... Может быть, позвонить в больницу еще раз?.. Нет, не стоит. Было бы что-нибудь новое — сами бы немедленно сообщили. Но почему, однако, бредит Мухтаров стихами? И что это за стихи: «Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах». Или еще вот эта строка: «Шумно оправляя траур оперенья своего». Как угадать по этим строчкам, какие мысли возникают у него в бреду? И почему произносит он только эти стихи? Ни одного другого слова, кроме стихов... А этот томик американских поэтов, который нашли у него?.. Существует, наверно, какая-то связь между ним и стихотворным бредом Мухтарова. Но какая?..»

Полковник Осипов сам перелистал несколько раз этот небольшой, типа «покит бук»,[1] томик избранных произведений американских поэтов. Он не мог похвалиться, что читал их всех, но такие имена, как Генри Лонгфелло, Эдгар По и Уолт Уитмен, были ему хорошо известны. Какое, однако, имели они отношение к бреду Мухтарова — оставалось для него загадкой.

Побывал вчера томик американских поэтов в химической лаборатории и подвергся там исследованию, но и это не дало никаких результатов. Попал он затем к подполковнику Филину, специалисту по шифрам. Филин высказал предположение, что какое-то из стихотворений этого томика, видимо, является кодом к тайной переписке засланных к нам шпионов. Он допускал да-

[1] «Покит-бук» (pocket-book) — записная книжка (*англ.*).

же, что именно этим кодом зашифрована радиограмма, перехваченная несколько дней назад в районе предполагаемого местонахождения знаменитого шпиона, известного под кличкой «Призрак». Подобная догадка, пожалуй, не лишена была оснований, так как и сам Осипов допускал, что агент иностранной разведки Мухтаров, видимо, предназначался в помощники «Призраку». Его ведь выследили в поезде, уходившем в Аксакальск, то есть именно в тот район, где находился «Призрак».

Все, конечно, могло бы обернуться по-другому, если бы Мухтаров не догадался, что за ним следят. Но он почувствовал это и, пытаясь уйти от преследования, неудачно выпрыгнул из вагона на ходу поезда. Теперь он лежит в бессознательном состоянии в больнице и врачи не ручаются за его жизнь.

В карманах шпиона обнаружили: паспорт на имя Мухтарова, удостоверение личности и железнодорожный билет до Аксакальска. В чемодане нашли портативную радиостанцию и томик избранных стихотворений американских поэтов. Подполковник Филин вот уже целый день сидит теперь над этим томиком, отыскивая стихотворение, строки из которого произносил в бреду Мухтаров.

Был уже второй час ночи, когда в кабинете Осипова зазвонил телефон. Полковник торопливо схватил трубку, полагая, что звонят из больницы.

— Р-разрешите д-доложить, Афанасий Максимович, — услышал он голос Филина. Подполковник был сильно контужен на фронте в годы войны и слегка заикался в минуты волнения.

— Докопались до чего-нибудь? — спросил Осипов.

— Так точно. Выяснилось, что Мухтаров произносит в бреду строки из стихотворения «Ворон» Эдгара По

— Ну и что же? — оживился Осипов. — Удалось с его помощью прочесть перехваченную шифрограмму?

— Никак нет, не удалось. Видимо, стихотворение Эдгара По не имеет никакого отношения к этой шифрограмме.

— Да?.. — разочарованно проговорил Осипов. — Не очень-то вы обрадовали меня этим сообщением.

Едва он положил трубку на рычажки телефонного аппарата, как снова раздался звонок. Теперь полковник уже почти не сомневался, что звонят из больницы.

— Это я, Круглова, — торопливо докладывала дежурная медсестра. По голосу ее Осипов тотчас же догадался: в больнице произошло то, чего он особенно опасался. — Знаете, что случилось, Афанасий Максимович? Мухтаров умер только что...

Все надежды Осипова, если не на полное признание Мухтарова, то хотя бы на какие-то дополнительные догадки, порождаемые бредом его, рушились теперь.

— Пришел ли он хоть перед смертью в сознание? — спросил Осипов медсестру.

— Нет, Афанасий Максимович, — поспешно ответила Круглова. — Только по-прежнему бредил стихами. Может быть, он поэт какой-нибудь?

— Люди такой профессии не бывают поэтами, — убежденно проговорил Осипов. — Какие же стихи говорил Мухтаров? Всё те же? — спросил он Круглову, уже без всякой надежды услышать что-нибудь новое.

— Я записала. Сейчас прочту вам. Тут, впрочем, тоже всё разрозненные строчки: «Гость какой-то запоздалый у порога моего, гость — и больше ничего»... Знаете, Афанасий Максимович, очень даже похоже, что все это он сам сочинил. Наверно, под этим «гостем» смерть свою имел в виду...

— Ну, а еще что?

— Из какого-то другого стихотворения он даже целую строфу прочел. Вот, послушайте:

Согнется колено, вихляет ступня,
Осклабится челюсть в гримасе, —
Скелет со скелетом столкнется, звеня,
И снова колышется в пляске.

— Прочтите-ка мне это еще раз, помедленнее, — попросил Осипов и торопливо стал записывать.

Кончив писать и поблагодарив Круглову, полковник подумал: «Вот уж действительно какие-то загробные стихи пришли на память Мухтарову перед смертью...»

Странным, непонятным казался Осипову этот бред стихами. Однако, видимо, не случайно происходило все это. Может быть, и прав Филин, что тайные агенты могли пользоваться стихами для кодирования своих донесений.

«Интересно, у себя еще Филин или ушел уже?» — подумал Осипов и набрал служебный телефон подполковника.

Филин отозвался тотчас же.

— Это Осипов, — сказал ему полковник.

— Узнаю́ вас по голосу, Афанасий Максимович.

— Запишите-ка еще несколько строк стихотворного бреда, Борис Иванович.

И полковник продиктовал Филину строки, сообщенные медсестрой Кругловой.

— Первая строка, вернее две строки, — это из «Ворона» Эдгара По, — выслушав Осипова, заметил Филин. — А «Скелеты» из какого-то другого стихотворения. Размер иной. Вы долго еще у себя будете, Афанасий Максимович?

— Ухожу минут через пять, — ответил Осипов, посмотрев на часы. — И вы вот что учтите, товарищ Филин: Мухтаров умер, — исходите теперь только из того, что уже известно.

Домой полковник Осипов пошел пешком. В голове было много неясных мыслей, смутных догадок. Приходили на память стихи Эдгара По о шорохах в портьерах, о черных птицах, оправляющих траур своего оперения... Что значит все это? Какой смысл таился в наборе таинственных слов? А ведь от этого зависела, быть может, судьба многих людей, безопасность каких-то районов страны, государственные или военные тайны...

КЛЮЧИ К ШИФРАМ

Хотя Осипов почти не спал всю ночь, на работу он явился как обычно — к девяти часам утра. Полковник слишком хорошо знал себя, чтобы надеяться спокойно провести теперь хотя бы одну ночь. Пока тайна Мухтарова не окажется разгаданной, он не успокоится и мозг его без у́стали будет работать. Но уж потом, когда трудную задачу удастся разрешить, он проспит, наверное, все двадцать четыре часа. С ним уже случалось такое.

Едва Осипов прошел в свой кабинет, как к нему постучался кто-то негромко, но энергично.

«Филин, наверно...» — подумал полковник, знавший его манеру стучать таким образом.

В кабинет действительно вошел торопливой походкой подполковник Филин.

«Позавидуешь человеку, — снова подумал полковник о Филине. — Тоже не спал, наверно, всю ночь, а ведь не скажешь... Да он и не напрасно, зидимо, бодрствовал».

— Разгадали? — оживленно спросил Осипов, почти не сомневаясь, что это именно так. Об успехе говорили стремительная походка подполковника, выражение лица его и радостный блеск серых глаз.

— Так точно, Афанасий Максимович! — весело проговорил Филин и положил на стол Осипову массивный однотомник произведений великого Иоганна-Вольфганга Гете.

Осипов, полагавший, что разгадать тайну шифра помог сборник американских поэтов, найденный в чемодане Мухтарова, удивленно поднял глаза на Филина. Подполковник помедлил немного, будто наслаждаясь недоумением Осипова, затем с загадочной улыбкой раскрыл семьдесят вторую страницу однотомника и показал пальцем на стихотворение «Пляска мертвецов»:

— Вот ведь откуда новая строфа мухтаровского бреда, товарищ полковник! Догадка эта родилась в результате специальной консультации у опытного литературоведа. А все стихотворение Гете в целом оказалось кодом к шифру... Обратили вы внимание, что цифры шифра разбиты на группы и расположены строками? Это показалось мне не случайным и натолкнуло на мысль, что для кодировки текста могли быть использованы стихи. И я не ошибся. Получается следующая система: каждая новая строка начинается трехзначной цифрой с нолем впереди. Ноль тут означает начало новой строки шифра. Следующая цифра после ноля — порядковый номер строки стихотворения. Третья цифра ключевой группы — строка в строфе, а все последующие цифры — номера букв в строках.

Возьмем теперь для примера первую строку перехваченной нами шифровки: «066 14 15 2 5 16 18 19 21 13 18 21...» Давайте расшифруем ее. 066 означает начало строки шифра, шестую строфу и шестую строку в ней. В «Пляске мертвецов» строка эта звучит так: «Все выше и выше вползает мертвец»... Четырнадцатой буквой будет здесь «п», пятнадцатой — «о», второй «с», пятой — «ы», шестнадцатой — «л», восемнадцатой — «а»,

девятнадцатой — «е», двадцать первой — «м», тринадцатой — «в», восемнадцатой «а», двадцать первой — «м». Из букв этих складываются слова: «Посылаем вам...»

Подполковник Филин был очень доволен своей сообразительностью и не сомневался, что на этот раз скупой на похвалы полковник Осипов непременно его похвалит. Но Афанасий Максимович прежде сам прочел с помощью гетевской «Пляски мертвецов» всю шифрограмму, адресованную, как предполагалось, «Призраку». Ушло на это довольно много времени. Филин, впрочем, знал скрупулезный характер Осипова и запасся терпением. Когда же наконец полковник самостоятельно раскодировал шифрограмму, он встал из-за стола и крепко, с чувством, пожал чуть-чуть вспотевшую от волнения руку Филину.

— Ну, спасибо, Борис Иванович. Спасибо! — с теплыми интонациями в голосе проговорил он и, помолчав немного, спросил: — Ну, а американские поэты тут при чем же?

— А вот это — совершенно непонятно! — развел руками Филин.

— Однако они определенно имеют какое-то отношение ко всему этому делу, — убежденно заявил полковник и отпустил Филина.

Генерал Саблин, начальник Осипова, был занят все утро каким-то неотложным делом, а полковнику никогда еще не терпелось так, как сегодня, доложить ему результаты проделанной работы. Разгадано ведь было многое, оставалось только сообразить, какое же отношение имеет томик стихов американских поэтов к поручению Мухтарова. Но это казалось теперь делом не таким уж трудным.

«Ловко, однако, придумали шпионы вести переговоры с помощью стихов, — размышлял Осипов, прохаживаясь по своему кабинету. — Для этого нужно было лишь хорошо запомнить какое-нибудь стихотворение и условиться со своими корреспондентами пользоваться только его текстом. Для такого шифра не нужно ни кодовых таблиц, ни книг, ни журналов, ни газет, к чему обычно прибегают тайные агенты при шифровке. Нужно только крепко держать в уме это стихотворение, и уж можно не сомневаться, что никто из непосвящен-

ных никогда не прочтет ни одной строки, зашифрованной с его помощью...»

Но при чем же тут все-таки этот томик стихов? Он, видимо, не имеет отношения к уже прочитанной шифрограмме, но, может быть, им намеревались пользоваться в будущем или предназначали для каких-нибудь особых передач?..

Полковник взял бумагу, на которой был написан текст раскодированной шифрограммы, и снова прочел его:

«Посылаем вам помощника — Мухтарова Таира Александровича — специалиста по радиотехнике, и рацию. С августа переходите на новую систему».

Что же это за «новая система»? Может быть, имеется в виду какое-нибудь новое стихотворение? Очень возможно, что все это именно так. Мухтаров, значит, вез тогда «Призраку» томик американских поэтов с тем, чтобы он выучил из него до августа какое-то определенное стихотворение. Затем, видимо, следовало уничтожить книжку и держать все в уме. Скорее всего этим новым стихотворением должен был быть «Ворон» Эдгара По, и Мухтаров, уже начавший заучивать его, повторял в бреду затверженные строки.

Полковник довольно потер руки и торопливо стал ходить по кабинету, с нетерпением ожидая, когда же наконец освободится генерал Саблин и вызовет его к себе...

Как только раздался телефонный звонок, Осипов подумал, что это от Саблина, но оказалось, что звонил Филин.

— Скажите, пожалуйста, Афанасий Максимович, — спросил он, — рация этого Мухтарова у вас еще?

— Да, — удивленно ответил Осипов. — А зачем она вам?

— На внутренней стороне ее футляра карандашом написано несколько цифровых строк. Посмотрите, пожалуйста, точно ли в начале первой и второй строчек стоят восьмерки?

— Подождите минутку, сейчас проверю.

Полковник торопливо открыл крышку рации, стоявшей в углу его кабинета, и на матовом фоне ее внутренней поверхности прочел:

— «033 2 19 28 25 7 22 39
035 3 2 26 27 6 3 32 30 5...»

Там были и еще какие-то строки, но полковник сосредоточил внимание только на этих двух. Первые цифры после нулей действительно напоминали восьмерки, но, присмотревшись к ним хорошенько, Осипов убедился, что это были тройки.

— Вы ошиблись, Борис Иванович, — сказал он в телефонную трубку, — не восьмерки, а тройки.

— Тройки? — переспросил Филин. — Ну, тогда совсем другое дело! Разрешите зайти к вам минут через пятнадцать?

— Приказываю зайти! — усмехнулся Осипов.

Подполковник Филин действительно пришел ровно через четверть часа. В руках он держал теперь томик стихов американских поэтов. Глаза его возбужденно блестели, как и в тот раз, когда он впервые сообщил о своем открытии. Видно было, что и теперь ему посчастливилось.

— Вот, пожалуйста, — радостно проговорил он и раскрыл книгу на той странице, на которой начинался «Ворон» Эдгара По. — Читайте строфу третью:

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах.
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
«Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость — и больше ничего».

Подполковник Филин был великолепным математиком, влюбленным в логарифмы и интегралы, но он любил и поэзию, уверял даже, что у нее много общего с математикой. Стихи Эдгара По прочел он с чувством, отметив при этом удачный перевод первой строки, в которой повторением буквы «ш» усиливалось ощущение шороха.

— Ловко это они шипящие обыграли! — с восхищением заметил он. — «Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах»... Здóрово, не правда ли? Прошу, однако ж, обратить внимание на третью строку этой строфы.

Развернув перед Осиповым лист бумаги, Филин

торопливо написал на нем текст этой строки и пронумеровал все буквы его следующим образом:

„И, ч т о б с е р д ц у л е г ч е с т а л о,
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21

в с т а в, я п о в т о р и л у с т а л о
22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41“

— Без труда можно заметить теперь, — продолжал он, — что цифры шифра на крышке футляра рации Мухтарова: 2, 19, 28, 25, 7, 22, 39 соответствуют буквам, из которых слагается слово «Чапаева».

Аккуратно обведя карандашом эти буквы и цифры, Филин перевернул листок на другую сторону.

— А теперь такую же процедуру проделаем и с пятой строкой той же строфы:

„Г о с т ь к а к о й - т о з а п о з д а л ы й
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22

у п о р о г а м о е г о
23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34“.

— К этой строке, — продолжал Филин, — относятся цифры — 3, 2, 26, 27, 6, 3, 32, 30, 5. Расшифровываем их и получаем слова: «сорок семь». Надо полагать, что это адрес: улица Чапаева, дом номер сорок семь. А в двух следующих строчках сообщается фамилия проживающего по этому адресу: Жанбаев Каныш Нуртасович. Вот вам и разгадка тайны томика американских поэтов. В нем ключ к новой системе, видимо, будущего шифра шпионов, которым так кстати поспешил воспользоваться Мухтаров.

КОГО ПОСЛАТЬ!

Освободившись от срочных дел, генерал Саблин не стал приглашать к себе полковника Осипова, а сам зашел к нему в кабинет.

Генерал был высокий, сухопарый. Черные волосы его изрядно поседели на висках, но выглядел он моложе Осипова, хотя они и были ровесниками. Легкой походкой прошел он через кабинет и, поздоровавшись,

сел против полковника верхом на стуле. Тонкие, все еще очень черные брови генерала были слегка приподняты.

— Ну, кажется, нам удалось кое-что распутать, Афанасий Максимович? — спросил он спокойным веселым голосом, хотя Осипов хорошо знал, как волновала и генерала возможность напасть на верный след знаменитого «Призрака».

— Многое удалось распутать, Илья Ильич!

— Ого! — невольно воскликнул Саблин, не ожидавший от полковника, очень сдержанного в выражениях, такого многообещающего заявления. Когда-то, лет тридцать назад, совсем еще молодым человеком познакомился он с Осиповым на курсах ВЧК. С тех пор долгие годы работали они вместе на самых трудных фронтах тайной войны со злейшими и опаснейшими врагами Советского государства. Крепко сдружились за это время и прониклись друг к другу глубоким уважением, которое рождается лишь в минуты самых тяжелых испытаний. Разница в званиях и должностях не мешала и теперь их дружбе.

Осипов никогда не бросал своих слов на ветер, всегда был очень трезв в оценке обстановки. Весь вид его, однако, говорил сегодня о какой-то большой победе, а уж Саблин-то хорошо знал, как нелегко давались эти победы на невидимых фронтах тайной войны.

Интересно, что же все-таки удалось ему распутать?

Усевшись поудобнее, генерал Саблин приготовился слушать.

— Выкладывай же, Афанасий Максимович, — проговорил он нетерпеливо.

— Теперь почти нет сомнения, что Мухтаров направлялся помощником к «Призраку», — довольно уверенно проговорил Осипов, но, произнося эти слова, почувствовал вдруг, как начали вкрадываться сомнения, и высказанная догадка стала казаться ему не такой уж бесспорной. Настороженный этими сомнениями, полковник уже гораздо сдержаннее продолжал свой доклад: — Легальная фамилия этого «Призрака», видимо, Жанбаев, и живет он на улице Чапаева в доме номер сорок семь. Такая улица есть в городе Аксакальске, то есть именно там, где мы и предполагали присутствие «Призрака».

— Так, так, — довольно проговорил генерал Саблин. — Давай-ка, однако, теперь вспомним кое-что и о самом «Призраке». Он ведь специализировался, кажется, по странам Востока?

— Да, это верно, — ответил Осипов, перебирая в уме все, известное ему о «Призраке». — Средняя Азия, Ближний и Средний Восток ему хорошо знакомы

— Значит, он вполне мог бы выдать себя и за специалиста историка-востоковеда? — спросил Саблин, уточняя неожиданно родившуюся смутную догадку.

— Полагаю, что да, — согласился Осипов, сразу же понявший смысл вопроса Саблина. — Работая в свое время в «Интеллидженс сервис», он участвовал в различных археологических экспедициях в Иране и Афганистане. Занимался при этом, конечно, не столько раскопками древностей, сколько военными укреплениями на советско-иранской и советско-афганской границах. Считается он и знатоком многих восточных языков: тюркских и иранских, например. Русским владеет в совершенстве.

— Похоже, что этому «Призраку» не дают покоя лавры полковника Лоуренса, — усмехнулся генерал Саблин.

— Да не без того, пожалуй. Когда он на англичан работал, они его даже вторым Лоуренсом величали. А он в одно и то же время работал и на них, и на немецких фашистов, и, видимо, еще на кое-кого.

— Легче, значит, сказать, на кого он не работал, чем назвать тех, на кого работал, — засмеялся Саблин. — Известна ли, по крайней мере, его подлинная национальность?

Полковник Осипов пожал плечами:

— Если судить по фамилиям, которые он носил в свое время, то это настоящий космополит. Фамилия Кристоф, под которой он был одно время известен, могла бы свидетельствовать как об английском, так и об американском происхождении. Но потом он сменил столько всяких немецких, французских и итальянских фамилий, что и сам, наверно, всех не помнит. Только шпионская кличка «Призрак» удержалась за ним по сей день.

— У нас он был, кажется, в 1943 году? — спросил

Саблин, перебирая в уме всех сотрудников, которым можно было бы поручить единоборство с таким опасным противником.

— Да, во время войны, — ответил Осипов, вспоминая, скольких бессонных ночей стоила им охота за «Призраком» в те годы. — Он тогда работал на фашистскую военную разведку, и ему, к сожалению, удалось улизнуть от нас безнаказанно, хотя мы уже нащупали его след. Почти в тех же местах был он тогда, что и сейчас. По проторенной дорожке, значит, идет. Может быть, и знакомство кое с кем завел еще в ту пору...

— Все может быть, — задумчиво отозвался Саблин. — Ну, а Мухтаров должен был, значит, передать этому «Призраку» новую рацию и поступить в его распоряжение?

— Да, если «Призрак» и Жанбаев одно и то же лицо, — уклончиво ответил Осипов.

— Ну, а еще что удалось разгадать, Афанасий Максимович?

— Удалось разгадать систему шифров: старого, на котором Жанбаев, видимо, еще ведет пока связь, и нового, который Мухтаров должен был передать «Призраку» при встрече. Разреши доложить тебе об этих шифрах несколько позже? Полагаю также, что понадобился Мухтаров «Призраку» как опытный радиотехник. Явиться к нему Мухтаров, очевидно, должен был по тем документам, которые мы нашли у него при обыске. Вот они.

Осипов положил на стол паспорт на имя Мухтарова Таира Александровича, уроженца Алма-Аты, 1920 года рождения, и удостоверение личности, свидетельствующее о том, что он является работником Алма-атинского исторического музея.

Генерал осмотрел все внимательно и заметил:

— Ловко сработано, не придерешься.

Встав, он медленно прошелся по кабинету. Задача казалась ему очень сложной.

— Полной уверенности, что мы будем иметь дело именно с «Призраком», у нас нет однако? — спросил он Осипова.

— Абсолютной, конечно, нет, но вероятность значительная, — теперь уже с обычной своей осторожностью

ответил Осипов. — Суди вот сам: из показаний недавно уличенного нами международного агента известно, что «Призрак» заброшен к нам в Среднюю Азию. Приблизительно назван район Аксакальска. В этом районе мы засекаем к тому же нелегальный передатчик и расшифровываем радиограмму с сообщением о присылке помощника какому-то тайному агенту. Нападаем мы и на след этого помощника, едущего поездом Москва — Аксакальск. Устанавливаем, что он везет рацию своему шефу и новую систему шифра, то есть именно то, о чем сообщалось в перехваченной радиограмме. Узнаём также, что следовал он по адресу, который действительно существует в Аксакальске...

— Но позволь, — нетерпеливым движением руки остановил Осипова Саблин, — разве улица Чапаева существует только в Аксакальске?

— Я специально наводил справки, — спокойно ответил Осипов. — Оказалось, что улица Чапаева из всей Аксакальской области имеется только в самом Аксакальске. Но и это еще не всё. В окрестностях Аксакальска работает археологическая экспедиция Алма-атинской Академии наук. Весьма возможно, что «Призрак» под легальной фамилией какого-нибудь востоковеда Жанбаева находится именно в этой экспедиции. Ты ведь и сам, кажется, допускаешь, что «Призрак» может выдать себя за историка-востоковеда? Вспомни, кстати, удостоверение личности Мухтарова, говорящее о его принадлежности к Алма-атинскому историческому музею. Есть и еще одно обстоятельство, о котором я тебе уже говорил: «Призрак» бывал именно в этих местах во время войны. Полагаю, что Жанбаев и он — одно и то же лицо. Допустить же, что в одном и том же районе одновременно работают два крупных международных агента — просто невероятно.

Но генерал Саблин все еще ходил и думал. Хотя доводы Осипова и казались ему убедительными, однако он не торопился принять их.

Лишь спустя несколько минут генерал остановился перед Осиповым и спросил:

— Ну, ладно. Допустим, что все это именно так. Кому же предложил бы ты в таком случае перевоплотиться в Мухтарова с тем, чтобы попробовать под его именем добраться до самого «Призрака»?

Полковник Осипов молчал, будто не расслышал вопроса.

Он заранее знал, что по этому поводу у них не будет единодушия.

— Ты слышишь меня, Афанасий? — подождав немного, уже нетерпеливо спросил Саблин.

— Слышу, Илья Ильич, — отозвался наконец Осипов, не поворачиваясь в сторону генерала и сосредоточенно разглядывая ногти на своих пальцах. — Вопрос не из легких. Подумать нужно, кому такое дело поручить. Надо полагать, что Жанбаеву могут быть известны кое-какие сведения о Мухтарове. Может быть, и о внешнем виде кое-что... Во всяком случае, это нужно иметь в виду.

— Что же он может знать о его внешности? — спросил Саблин, беря со стола удостоверение личности Мухтарова. — Вряд ли ему могли доставить его фотографию. Это можно смело исключить. Значит, только краткая характеристика по радио. Есть у него какие-либо «особые приметы»?

— Не положено иметь таковых тайным агентам, — усмехнулся полковник и тоже посмотрел на фотографию Мухтарова, приклеенную к удостоверению личности. — Забыл разве, что в шпионские школы отбирают людей с самыми невзрачными физиономиями? О Мухтарове они могли сообщить, однако, рост его, цвет лица, глаз, волос.

— Ну, и кого же ты все-таки наметил бы в его двойники? — снова спросил Саблин, вставая и принимаясь ходить по кабинету.

— Алимова можно или капитана Гунибекова, — ответил Осипов, мысленно представляя себе внешний облик каждого из названных им сотрудников своего отделения.

— А ты что же, из внешних только данных при этом исходишь? — недовольно поморщился генерал, останавливаясь перед полковником. — Знаю я и того и другого. Не под силу будет им справиться с таким противником. Тут значительно бóльшая опытность нужна. А вот что ты скажешь о майоре Ершове?

— О Ершове? — удивился полковник.

— Ну да, да, о Ершове... — слегка повышая тон, повторил генерал. — Знаю я, что ты с ним не очень-то

ладишь, но у меня иное мнение на сей счет. У Ершова большой опыт еще со времен войны. Полковник Астахов всегда о нем хорошо отзывался. Это у тебя он немножко подзакис, но в этом ты сам виноват, — не там его используешь, где надо.

— Ну хорошо, — согласился Осипов, хотя Саблин понимал, что разубедить Осипова не так-то просто. — Хорошо, допустим, что майор Ершов действительно обладает всеми теми качествами, которые необходимы для выполнения этого нелегкого задания, но внешность?.. Мы же только что говорили с тобой, что не следует забывать хотя бы о приблизительном внешнем сходстве.

— Приблизительное сходство, по-моему, тоже имеется, — стоял на своем Саблин. — Рост почти тот же, цвет лица такой же смуглый от загара и глаза черные.

— Да, но выражение лица! — почти выкрикнул Осипов. — У него же выразительное лицо актера характерных ролей или как это там у театральных деятелей называется? Что ты, Илья Ильич! Мы же только что говорили о непримечательной внешности тайных агентов, о невзрачности их. Это же люди-невидимки, они сливаются с толпой, растворяются в ней. А Ершов всем в глаза бросается. Да к тому же еще усы! — Вспомнив об усах Ершова, Осипов рассмеялся даже.

— Ну, усы и сбрить можно, — спокойно заметил Саблин. — А об актерах ты к месту вспомнил. Хороший контрразведчик должен быть актером и уметь перевоплощаться, а Ершова я считаю хорошим контрразведчиком, так что сживется он для пользы дела и с ролью Мухтарова...

Заметив, что Осипов собирается возразить что-то, генерал нахмурился и добавил почти официально:

— Так что, Афанасий Максимович, на это дело назначим мы Ершова. Таково мое решение, и не будем больше возвращаться к этому вопросу.

— Слушаюсь, — покорно отозвался Осипов, видя всю бесполезность дальнейшего спора с генералом, характер которого был ему достаточно хорошо известен.

— Ну, а теперь вот что нужно решить, — продолжал Саблин, снова присаживаясь к столу. — Как быть Ершову при встрече с «Призраком»? Арестовать его нужно ведь будет лишь в том случае, когда в руках

у нас окажутся самые бесспорные доказательства шпионской деятельности этого тайного агента. У нас, кажется, нет пока ничего такого, что мы могли бы ему предъявить в качестве обвинения?

— Все либо не очень весомо, либо слишком устарело, — ответил Осипов, доставая из стола папку, в которой были собраны материалы о «Призраке». — А такую международную знаменитость нужно, конечно, с поличным взять, чтобы и возмездие было по его заслугам. Нелегкая будет задача.

— Нелегкая, — согласился Саблин и добавил убежденно: — Потому и предлагаю поручить ее майору Ершову. Верю я в этого человека.

МАЙОР ЕРШОВ В ПЛОХОМ НАСТРОЕНИИ

Сегодня у майора Ершова настроение было скверное, как, впрочем, и все последние дни. Вот уже второй час лежал он на диване, не имея желания ни спать, ни читать. Да и думать как-то не думалось. Мысли были мелкие, случайные, прыгающие, как воробьи, за которыми так внимательно и настороженно наблюдал через окно любимый кот майора — Димка.

Не очень нравилась Ершову работа в отделении полковника Осипова. Не привык он к такой работе. Скучно было изучать чужие донесения, вести переписку, давать указания, согласовывая чуть ли не каждое слово с придирчивым и педантичным полковником.

А ведь славные времена были в дни войны, когда он служил с капитаном Астаховым у генерала Погодина! Это была настоящая работа, полная опасности и напряжения душевных и физических сил... Особенно, когда они распутывали систему шпионажа немецких фашистов с помощью телевизионной установки.

Астахов с тех пор сильно пошел в гору. Говорят, теперь полковником где-то. Вот бы с таким опять поработать! Вспомнились и еще более отдаленные времена, когда Ершов закончил курсы младших лейтенантов. Он тогда еще только осваивал командирский язык и с удовольствием принял под свою команду взвод молодых необученных солдат. Сам занимался с ними строевой подготовкой, не передоверяя этого своему

помощнику, старому, опытному служаке, старшему сержанту из сверхсрочников.

Приятно было выкрикивать громким голосом в морозное зимнее утро четкие, резкие слова команды, выдерживая длинную паузу между предварительными и исполнительными элементами команды. А как хрустел снег под сапогами его солдат, дружно шагавших по проселочным дорогам прифронтового тыла!

Ершов вздохнул и так энергично повернулся со спины на бок, что в диване даже пружины застонали. Кот Димка оторвался на мгновение от увлекательного зрелища за окном и удивленно посмотрел на своего хозяина. Кот был большой, черный, с лоснящейся шерстью. Только усы и манишка были у него светлые да кончики лап белели, как перчатки у аристократа.

Теперь майор лежал так, что ему виден был письменный стол, на котором в простенькой рамке стоял портрет девушки с пышными русыми косами и такими нежными чертами лица, что никто из заходивших в комнату майора не принимал ее за реально существующую знакомую Ершова. Все думали, что это хорошая репродукция с картины какого-нибудь художника, работающего под Васнецова. В девушке действительно было что-то от старой русской сказки. Тон фотографии был к тому же настолько мягок, что усиливал впечатление подлинной живописности.

Однако Андрей Ершов так пристально смотрел на эту фотографию и так тяжело вздыхал, что если бы присутствовал тут сомневающийся в сходстве фотографии с действительно существующей девушкой, наверное он не стал бы требовать доказательств этого.

Не очень-то складно сложились у Ершова отношения и с девушкой. В общем, так все получилось, что лучше было бы, пожалуй, перебраться ему куда-нибудь подальше от Москвы, чтобы в опасной работе забыть и о существовании девушки и о прочих неприятностях...

Кот Димка, которому надоело бесплодное наблюдение за воробьями, нагло разгуливавшими по карнизу за закрытым окном, спрыгнул наконец с подоконника и ленивой походкой подошел к дивану. Посмотрев в печаль-

ные глаза хозяина, он бесцеремонно взобрался к нему на бок.

— Ну, чего пожаловали, Димыч? — вяло спросил Андрей своего любимца, к которому всегда в минуты меланхолии обращался на «вы». Димка, хотя и не понимал человеческой речи, но прекрасно разбирался в интонациях голоса. По грустному его мурлыканию похоже было, что он вполне разделяет мрачные мысли хозяина.

— А что если нам, дружище, подать рапорт о переводе на другую работу или, еще лучше, — в другой город? — спросил Андрей Димку. Похоже, что Димка ничего не имел против этого. — Хватит нам, черт побери, плесневеть здесь. Как вы на это смотрите, Димыч?

Реакция Димки на подобное предложение так и осталась неизвестной, ибо хозяин неожиданно сбросил его на пол и, накинув на плечи китель, пошел открывать входную дверь, — снаружи кто-то очень решительно нажимал кнопку электрического звонка.

Отворив дверь, Ершов растерялся — перед ним стоял генерал Саблин.

— Товарищ генерал?! — воскликнул удивленный майор, торопливо застегивая китель и распахивая дверь перед Саблиным.

— Как видите. Но что же вы, дорогой мой, к телефону не подходите? Звоню вам, а вы, видно, спите себе? Или телефон испортился?

— Да, пошаливает что-то... — смущенно проговорил Ершов, пропуская Саблина вперед. Генерал жил с ним в одном доме, только несколькими этажами ниже. Иногда он приглашал Ершова к себе или сам заходил к нему поговорить о деле или сыграть в шахматы.

— Вы что же, только вдвоем с Димкой дома? — спросил генерал Ершова, входя в его комнату и присаживаясь на диван рядом с Димкой, который кокетливо изогнул спину и приветливо поднял хвост. — Анны Петровны нет разве?

— К сестре уехала, товарищ генерал.

— Ну что ж, тогда нам никто тут не помешает поговорить об одном очень важном деле. Садитесь, Андрей Николаевич, и слушайте внимательно.

НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Дня три ушло у Ершова на тщательную подготовку к выполнению задания генерала Саблина. Он изучал секретные коды Мухтарова и Жанбаева и тренировался быстро ими пользоваться. Провел несколько практических занятий по радиотехнике с инженерами и радиомастерами — специалистами по монтажу и ремонту радиоаппаратуры. Досконально изучил рацию Мухтарова.

На четвертые сутки, явившись к генералу Саблину, Ершов доложил ему, что он вполне готов к выполнению задания.

— Не буду вас экзаменовать, Андрей Николаевич, — заметил генерал, с удовольствием разглядывая статную фигуру майора. — Вы человек бывалый, сами знаете, что́ вам для этого необходимо. Должен вас предупредить, однако, что противник у вас очень осторожный, а следовательно, опытный. Ходит о нем молва, как о неуловимом. Дано и прозвище в соответствии с этим — «Призрак». Мы уже сделали запрос по адресу, обнаруженному у Мухтарова, и нам ответили, что в Аксакальске действительно временно прописан кандидат исторических наук Каныш Жанбаев, но что его ни разу никому не удалось увидеть. Чтобы они там не спугнули этого «Призрака», я дал им указание ничего против него не предпринимать пока и не проявлять к нему чрезмерного интереса. Приедете — сами во всем разберетесь. Связь с нами будете держать через лейтенанта Малиновкина, которого к вам прикомандируют. Все ясно, Андрей Николаевич?

— Все, товарищ генерал.

Еще раз осмотрев Ершова со всех сторон, Саблин остановил свой взгляд на усах майора и спросил, улыбаясь:

— Не жалко ли будет с усами распрощаться?

— А может быть, и не следует? — серьезно спросил Ершов, привычным движением руки поправляя усы. — Подстригу их только на восточный манер. Что вы на это скажете, товарищ генерал?

Саблин задумался, все еще присматриваясь к Ершову.

— А пожалуй, это даже естественней будет, — про-

говорил он наконец. — Только фасон непременно измените. С Алимовым по этому поводу посоветуйтесь. Тюбетейку еще можете надеть, но больше ничего восточного, а то слишком уж маскарадно получится. Поедете завтра утром, а пока отдыхайте да привыкайте к новой своей фамилии. С завтрашнего дня вы будете Мухтаровым.

Майор Ершов давно уже мечтал о настоящем, трудном и опасном деле, таком, как теперь. Он шел домой в приподнятом настроении и был по-настоящему счастлив. У Кировских ворот хотел сесть на трамвай или автобус, но передумал — решил перед поездкой в последний раз пройтись пешком по родному городу. Завтра рано утром поезд с Казанского вокзала увезет его далеко на Восток, за Урал, за пределы Европы, в советскую Среднюю Азию.

Настроение было приподнятое, торжественное. Казалось, что люди, встречавшиеся по пути, смотрят на него как-то особенно пристально. И сам он иными глазами смотрел на всех, не без гордости думая, что, кто знает, может быть, и жизнь и безопасность всех этих людей будут зависеть в какой-то мере от того, как он справится с тем большим и трудным заданием, которое поручает ему государство.

Вспомнилась и девушка, ее портрет... Мелькнула на мгновение мысль: «Может быть, зайти попрощаться?» Но тотчас же он подумал: «Ни к чему это». О том, что он уезжает, она и без того узнает, наверно, от своего отца, а большего сказать ей все равно никто не имеет права.

Дома Ершов еще раз осмотрел давно уже приготовленные вещи. Тут было только самое необходимое, лишь то, что обнаружили в карманах и чемодане Мухтарова, роль которого ему предстояло играть. Нужно было представить теперь, как вел бы себя этот человек в поезде, как встретился бы с Жанбаевым. Все это требовалось продумать заранее и начать играть роль Мухтарова уже с завтрашнего утра, с момента посадки в поезд, чтобы сжиться с нею и не сфальшивить в минуту встречи с врагом.

И тут только вспомнил Ершов о прикомандированном к нему лейтенанте Малиновкине. Это невольно вызвало в нем чувство досады. Зачем ему этот юнец?

Мешать только будет. Может, конечно, понадобится совет по ремонту радиостанции или потребуется запросить о чем-нибудь генерала Саблина по его рации, но он и сам как-нибудь справился бы со всем этим. Там ведь все придется делать очень скрытно. Лишний человек в такой обстановке явно ни к чему.

Ершов, впрочем, очень мало знал Малиновкина. Было ему известно только, что он отличный радист и радиомастер, виртуоз по скорости передачи радиограмм ключом радиотелеграфа. Вот и всё. Нужно будет познакомиться с ним поближе, пока еще есть время. Может быть, сразу окажется, что не подойдет ему этот человек. Тогда уж лучше тут же отказаться от него, чтобы не испортил он позже, в критический момент, всего дела.

С этим твердым намерением майор Ершов подошел к телефону и позвонил начальнику отдела, в котором числился Малиновкин.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! Это Ершов вас беспокоит, — сказал он в трубку, узнав по голосу начальника отдела связи. — Готов ли Малиновкин к заданию товарища Саблина?.. Ну так я бы хотел повидаться с ним. Может быть, вы ему трубку передадите?

Ершов услышал, как подполковник положил трубку на стол и крикнул кому-то, чтобы позвали Малиновкина. Через несколько секунд трубка снова зашумела и в ней послышался молодой, сильный голос:

— Лейтенант Малиновкин у телефона.

— Здравствуйте, товарищ Малиновкин! Ершов с вами говорит. Ну, как вы, готовы? Вот и отлично. Забирайте тогда с собой все, что положено, — и ко мне на квартиру. Адрес вам скажут. Мы тут и познакомимся поближе.

Ершов положил трубку и пошел в соседнюю комнату к матери — пожилой, но еще крепкой женщине, читавшей газету у окна.

— Как у вас с обедом, мама? — спросил он, приветливо кивая коту Димке, блаженствовавшему на коленях у Анны Петровны.

— Удивительно, — весело сказала Анна Петровна, откладывая газету в сторону, — как только ты входишь, Димка тотчас же поднимается и вытягивается, негод-

ник, «во фрунт». Уж хвост-то, во всяком случае, по команде «смирно».

— Военная дисциплина! — рассмеялся Андрей и, по настоянию Димки, стал почесывать его за ухом.

— А ты что про обед спрашиваешь, Андрюша? Или кушать уже захотел?

— Да нет, рановато еще. А вот хватит ли обеда на троих?

— Хватит-то хватит, но нас ведь двое?

— Придет ко мне еще один товарищ. Учтите это, пожалуйста.

— Учтем, учтем, — озабоченно сказала Анна Петровна и открыла буфет.

Андрей ушел в свою комнату, а Анна Петровна вздохнула тяжело, — она догадывалась, что сын уедет скоро на какое-то задание, может быть, завтра утром, а то и сегодня вечером, а ей скажет беспечным тоном: «В командировку на несколько деньков отбываю, мама. Вы не беспокойтесь, — по пустяковому делу». А она сделает вид, что поверит ему, и ничем не выдаст своего беспокойства, а потом вытрет слезы и подумает горько — доведется ли увидеться снова? Знает она эти командировки. Из одной такой вернулся он однажды с простреленным боком.

Малиновкин приехал как раз к обеду. В руках его был чемодан, через руку переброшен легкий серый пиджак. Воротничок светлой рубашки расстегнулся, обнажая загорелую шею. Лицо у лейтенанта было совсем юное. Улыбался он нежной, застенчивой улыбкой. Ершов только глянул на него и сразу же решил — хороший парень. Собравшись было встретить его холодно и строго, он тотчас же забыл об этом, улыбнулся и протянул Малиновкину руку:

— Давайте-ка познакомимся, товарищ Малиновкин! Как зовут-то вас?

— Дмитрием... Дмитрием Ивановичем, товарищ майор, — смущенно проговорил Малиновкин, не зная, куда поставить свой чемодан.

— Ну а меня Андреем Николаевичем. Это запомните, а то, что я майор, — забудьте. Имя это тоже, кстати, на сегодняшний день только, — улыбаясь добавил Ершов. — Завтра к другому придется привыкать. Вы, однако, с комфортом собираетесь путешествовать,—

кивнул он на чемодан. — Вещичек больше чем полагается прихватили.

— Так ведь там... — начал было Малиновкин, но Ершов перебил его:

— Ничего, ничего, я вас разгружу, если потребуется. Идемте теперь поговорим о деле.

В комнате майора Малиновкин в первую очередь обратил внимание на книжные шкафы и, когда Ершов предложил ему стул, сел так, чтобы видеть корешки книг за стеклянными дверцами. Пока майор доставал что-то из письменного стола, он уже пробежал глазами названия на некоторых томах, находившихся к нему ближе. Тут оказались, главным образом, военные книги, и это не удивило Малиновкина. Но зато в соседнем шкафу были научные и философские книги; вот уж такой литературы Малиновкин никак не ожидал найти в библиотеке разведчика. Это открытие вызвало у лейтенанта еще большее чувство уважения к майору, хотя он и без того слышал о нем много хорошего.

— Надеюсь, вас уже познакомили с заданием, Дмитрий... — Ершов замялся, вспоминая отчество Малиновкина.

— Знаете что, называйте меня просто Митей, — смущенно предложил Малиновкин.

— Согласен, — улыбнулся Ершов, внимательно рассматривая атлетическое телосложение Малиновкина. По всему видно было, что он незаурядный спортсмен. — Ну, так вот, Митя, знакомы ли вы с нашим заданием?

— Да, в общих чертах, товарищ майор... Простите — Андрей Николаевич.

— Так вот: завтра утром выезжаем — я на такси, вы автобусом. Встречаемся в поезде, в купированном вагоне. Там мы «случайно» окажемся соседями и «познакомимся». Я представлюсь вам Мухтаровым Таиром Александровичем, работником Алма-атинского исторического музея, направляющимся в научную командировку в Аксакальск. Вы отрекомендуетесь молодым железнодорожником, едущим на строительство железной дороги. Фамилию и имя вам нет смысла изменять. Вот какую бы только специальность подобрать?

— Телеграфиста или даже радиотелеграфиста, — подсказал Малиновкин. — Специальность эта хорошо мне знакома.

— Вот и отлично, — согласился Ершов, поднимаясь из-за стола и направляясь к двери. — Я позвоню попозже, и вам пришлют соответствующее удостоверение. Ну, а теперь идемте обедать, а потом чемоданом вашим займемся — разгрузим его немного.

— А что же в нем разгружать, Андрей Николаевич? — удивился Малиновкин. — У меня там рация. Это, сами знаете, для дела. А из личных вещей только самое необходимое.

ПОПУТЧИКИ

Всю дорогу от Москвы до Куйбышева Ершов и Малиновкин играли в шахматы. По внешнему виду они ничем не отличались от остальных пассажиров — людей самых разнообразных профессий и национальностей. На майоре была белая шелковая рубашка и тюбетейка на голове. Лейтенант остался в том, в чем приезжал вчера к Ершову.

Соседями их по купе были пожилые пенсионерки. Хотя на первый взгляд эти женщины были самыми безобидными, для Ершова и Малиновкина они оказались довольно опасными попутчицами, так как были очень любопытны и без конца задавали вопросы. Чтобы хоть частично умерить их любознательность, Малиновкин, представившийся телеграфистом, так виртуозно стал демонстрировать им свою технику, выстукивая с невероятной скоростью тут же сочиненные тексты, что старушки невольно закрывали уши от шума, поднятого этим энтузиастом телеграфного дела.

— Но это еще пустяковая скорость, — небрежным тоном говорил им Дмитрий. — Можно передавать и триста знаков в минуту. Например, вам нужно срочно передать такой текст: «Выезжайте срочно, запятая, скончалась бабушка. Точка. Вынос тела воскресенье. Точка. Подробности письмом. Точка». Вот в каком виде полетит все это в эфир.

И Малиновкин с таким ожесточением начинал выстукивать перочинным ножом по гулкой деревянной коробке из-под шахмат, что старушки в ужасе выбегали в коридор.

— Хватит вам, Митя, — укоризненно говорил Малиновкину Ершов, с трудом, однако, сдерживая улыбку. — Зачем людям нервы портить.

Дмитрий весело отвечал на это:

— Во-первых, текст телеграммы очень важный, во-вторых, сами же они меня просили с телеграфной техникой их познакомить и, в-третьих, нужно же как-нибудь унять их любопытство. Мне-то что, я от них быстро отстучусь, а вот если они на вас насядут? Начнут расспрашивать, почем фрукты в Казахстане, а то еще и историей заинтересуются, тем более, что одна из них учительствовала когда-то.

У старушек был такой характер, что они и в коридоре обязательно кого-нибудь расспрашивали и подолгу задерживались там. Используя это обстоятельство, разведчики могли разговаривать без помехи. Ершов, правда, считал более благоразумным не говорить о своей работе, но Малиновкин не мог удержаться, чтобы не спросить о чем-нибудь майора. Более же всего интересовал его сам Ершов.

— Завидую я вам, Андрей Николаевич, — шепотом заговорил Малиновкин, косясь на дверь купе. — Ловко вы в Прибалтике фашистских шпионов накрыли...

Майор, однако, тут же остановил восторженного лейтенанта.

— Во-первых, запрещаю вам сейчас и в дальнейшем разговаривать на эти темы, — строго заметил он Малиновкину. — А во-вторых, не я дело с телевизионным шпионажем распутал, а полковник Астахов. Он тогда еще только капитаном был. Вот уж кто действительно талант!

— Больше я не буду об этом, Андрей Николаевич, — пообещал Малиновкин, умоляющими глазами глядя на Ершова. — Но только ведь и вы помогали Астахову это дело распутать. Разве это не правда? И о вас лично рассказывают, как вы... Ну, ладно, всё! Больше об этом ни слова!

В Куйбышеве, к удовольствию Малиновкина, старушки наконец «выгрузились». Они тепло распрощались со своими попутчиками, поблагодарили за компанию и попросили у Ершова—Мухтарова его алматинский адрес, чтобы заехать как-нибудь к нему за фруктами, которые он так расхваливал всю дорогу.

Освободившиеся места тут же были заняты двумя молодыми людьми в железнодорожной форме.

— Далеко путь держите, молодые люди? — спросил их Ершов.

— Далеко, аж до самого Перевальска, — ответил парень, выглядевший помоложе.

— До Перевальска? — воскликнул Малиновкин. — И мне туда же, — попутчики, значит!

— А вы зачем туда, если не секрет? — снова спросил Ершов.

— На работу. Заработки, говорят, там хорошие на строительстве железной дороги, — усмехаясь ответил все тот же парень.

Другой сердито посмотрел на него и заметил недовольно:

— Ладно, хватит уж тебе рвача-то разыгрывать! Паровозники мы, — повернулся он к Ершову. — Я — машинист, а это мой помощник. Работали раньше на ветке Куйбышев—Гидрострой. А сейчас на новой стройке уже второй год. Из отпуска возвращаемся.

— Мы вообще всегда там, где всего труднее, — все тем же насмешливым тоном заметил помощник машиниста. — Это я не свои, а его слова повторяю, — кивнул он на машиниста. — Меня, главным образом, заработок прельщает.

— А вы знаете, молодой человек, как это по-научному называется? — вдруг зло проговорил Малиновкин, и лицо его стало непривычно суровым. — Цинизмом это называется!

— Да вы что, всерьез разве его слова приняли? — смущенно улыбнулся машинист. — Дурака он валяет. Думаете, я его умолял, чтобы он со мной в Среднюю Азию поехал? И не думал даже — сам увязался. А насчет заработков — так мы на Гидрострое и побольше зарабатывали.

Ершов разбирался в людях и даже по внешнему виду редко ошибался в их душевных качествах. Машинист сразу же ему понравился, как и Малиновкин, когда он его увидел впервые. Было в них что-то общее, хотя внешне они и не похожи были друг на друга. Машинист к тому же выглядел старше Малиновкина.

— Ну что же, давайте тогда знакомиться будем, — весело проговорил Ершов и протянул ему руку: —

Мухтаров Таир Александрович, научный работник из Алма-Аты.

— Шатров Константин Ефремович, — представился машинист и кивнул на помощника: — А это Рябов Федор.

Несколько часов спустя, когда поезд уже подходил к Сайге, попутчики совместно поужинали и распили принесенную Рябовым пол-литровку. Беседа пошла живее и откровеннее. Железнодорожники были так увлечены рассказами о своей работе и планах на будущее, что не расспрашивали ни о чем своих попутчиков, чему те были чрезвычайно рады. Малиновкин невольно подумал даже: «Это не старушки пенсионерки, им и самим есть что рассказать...»

Железнодорожники между тем, поговорив некоторое время о работе, незаметно перешли на интимные темы. Говорил, впрочем, об этом главным образом Рябов. Шатров сначала разозлился было на него, но потом только рукой махнул.

— Ну конечно, — философствовал Федор, — поехали-то мы в Среднюю Азию из-за главного нашего принципа — только вперед! Это, так сказать, идеологическая основа. Но была и еще одна движущая сила — любовь. Да, да! Вы не смейтесь... и нечего меня под бок толкать, дорогой Костя. Тут всё люди свои, и не надо стесняться. Да и потом — какой уж это секрет, если о нем чуть ли не вся Куйбышевская железная дорога знала. На новом месте тоже, кажется, секрета из этого не получилось...

Рябов говорил все это серьезным тоном, но Ершову сразу же ясно стало, что он просто разыгрывает своего приятеля.

— Так вот, — продолжал Рябов, — есть тут у нас такая девушка — инженер-путеец Ольга Васильевна Белова. Красавица! Можете в этом на мой вкус положиться. Сначала она вместе с нами на участке Куйбышев—Гидрострой работала, а потом ее на новое строительство в Среднюю Азию перебросили. Понимаете теперь, Таир Александрович, что́ еще нас на эту новую стройку потянуло?

Он усмехнулся и добавил:

— «Нас» — это я так, к слову сказал. Потянуло в основном Костю.

— Да не слушайте вы его! — горячо воскликнул Шатров, залившись румянцем. — Ерунду какую-то несет! Есть, конечно, такой инженер Белова, это верно. Нравится она мне — этого тоже скрывать не буду.

Андрей Ершов с удовольствием прислушивался к разговору железнодорожников, почти не принимая в нем участия. Он верил всему, что говорили здесь эти молодые люди, и даже завидовал немного Шатрову — видно, и в самом деле его любимая была не только красивой, но и хорошей девушкой. Думал он и о том, что собирался ведь прямо с момента посадки в поезд играть роль Мухтарова, представлявшегося ему нагловатым, самоуверенным человеком, а не вышло. Не перед кем было играть эту роль. Новые попутчики ему явно нравились.

ЖАНБАЕВ МЕНЯЕТ АДРЕС

В Аксакальске у Шатрова и Рябова была пересадка — до Перевальской нужно было ехать местным поездом.

— Ну, а вы как, товарищ Малиновкин? — спросили они Дмитрия. — Тоже с нами?

— А как же! — горячо воскликнул лейтенант.

Они попрощались с Ершовым — Мухтаровым и пошли к билетным кассам местных поездов. А Ершов не спеша направился к камере хранения ручного багажа, с тревогой думая о том, как удастся Малиновкину отделаться от своих спутников.

В камеру хранения была длинная очередь. Ершов даже обрадовался этому — может быть, Малиновкин успеет вернуться к тому времени. На всякий случай, впрочем, они условились, что Дмитрий будет ждать его на станции в зале транзитных пассажиров.

Более четверти часа пришлось простоять Ершову в очереди, прежде чем он смог сдать свой чемодан. А когда вышел наконец из камеры хранения, у дверей уже ждал его улыбающийся Малиновкин.

— Очень все удачно обернулось, — сказал он, вытирая платком потный лоб, — билетов в кассе на меня не хватило. А у них командировки и железнодорожные проездные документы, так что требовалось только ком-

постер поставить. Достал бы и я билет, конечно, если бы уж очень нужно было. Ну, а в общем-то вполне естественно все получилось. Тут, оказывается, такая перегрузка железной дороги, что билетов частенько не хватает. Приятелей наших проводил я до вагона, попрощался, помахал ручкой с перрона — и к вам. Вот и всё. Удачно?

— Будем считать, что удачно, — серьезно ответил Ершов, не глядя на лейтенанта. В душе он доволен был Малиновкиным, но считал, что теперь, когда они прибыли на место, нужно быть с ним построже.

— Ну, а теперь к Жанбаеву? — спросил Малиновкин.

— Нет, — все так же серьезно заметил Ершов, внимательно поглядывая по сторонам. — Кстати, мы теперь незнакомы друг с другом. Запомните это. Отправляйтесь-ка в зал для транзитных пассажиров и ждите меня там. Это может продлиться два-три часа, а может быть и больше.

— Ясно.

— Чемодан не сдавайте пока, пусть будет с вами. Когда я вернусь — пройду мимо вас. Встаньте тогда и идите за мной. Все понятно?

— Всё.

Не сказав больше ни слова, Ершов вышел на привокзальную площадь и спросил у какой-то пожилой женщины, как пройти на улицу Чапаева. Женщина подробно объяснила ему, как это сделать, и он зашагал в указанном направлении.

До Чапаевской было далеко, но Ершов шел не спеша, запоминая дорогу и читая названия улиц, которые приходилось пересекать. Солнце поднялось уже довольно высоко и пекло немилосердно. Низкие здания почти не давали тени, деревья, росшие кое-где, были слишком чахлыми, а тюбетейка — плохой защитник от солнечного зноя. Пот струился по лицу майора, но он продолжал идти, не сбавляя шага, делая вид, что южный климат ему привычен.

Но вот наконец и улица Чапаева. Дома здесь еще ниже и неказистее, большей частью — одноэтажные, с маленькими двориками, внутри которых через распахнутые калитки можно рассмотреть какие-то хилые, низкорослые посадки.

Дом сорок семь ничем не отличался от других, только калитка его была закрыта на крючок или щеколду изнутри. Ершов подергал несколько раз за ручку, но, заметив железное кольцо сбоку, потянул его на себя. Послышался неприятный скрип ржавого железа и яростный лай.

Чей-то голос прикрикнул на собаку, и майор услышал сначала тяжелые шаги, затем звук отодвигаемой щеколды.

Калитка приоткрылась ровно настолько, чтобы человек, открывший ее, мог просунуть голову в образовавшееся отверстие. Лицо у него было старое, сморщенное, глаза широко расставленные, узкие.

— Вам кого? — спросил он с сильным восточным акцентом, окидывая Ершова подозрительным взглядом.

— Каныша Жанбаева, — улыбаясь и кланяясь старику, ответил Ершов. — Я к нему из Алма-Аты, из исторического музея, — Мухтаров.

— Мухтаров? — переспросил старик, удивленно поднимая седые, жидкие брови и морщась, будто в рот ему попало что-то очень кислое.

— Ну да, Мухтаров! — торопливо повторил Ершов, с тревогой думая — туда ли он попал? — Таир Александрович Мухтаров.

— Ах, Таир Александрович! — радостно заулыбался вдруг старик и широко распахнул калитку. — Заходи, пожалуйста! Извини, что ждать заставил. Вот тут иди, пожалуйста, а то собака штаны порвет. Замолчи, проклятый! — замахнулся он на рвущегося с цепи пса. — Ух какой злой, шайтан! Вот сюда, дорогой Таир Александрович, голову только нагни, пожалуйста.

Старик ввел Ершова в довольно просторную комнату, обставленную хорошей мебелью. Это удивило майора, так как сам хозяин был одет бедно.

— Садись, пожалуйста, — придвинул он стул Ершову и протянул ему сморщенную желтоватую руку: — Я хозяин квартиры буду, Джандербеков Габдулла.

— А Каныш где же? — с тревогой спросил Ершов. Габдулла показался майору очень хитрым, и он опасался, что старик все еще не доверяет ему.

— Извини, пожалуйста, нет Каныша, — развел руками Габдулла, и маленькие глазки его совсем растворились в притворной улыбке. — Уехал. Вот письмо про-

сил тебе передать. Научную работу Каныш ведет, материал разный собирает. Много ездить приходится.

Сказав это, старик стал рыться в верхнем ящике комода, не сводя настороженных глаз с майора. Достав наконец запечатанный конверт, протянул его Ершову все с той же притворной улыбкой:

— Вот, возьми, пожалуйста.

На конверте крупно было написано: «Мухтарову Таиру Александровичу».

Ершов вскрыл конверт и прочел адресованное Мухтарову письмо:

«Дорогой Таир Александрович! Простите, что не дождался Вас. Пришлось срочно выехать к месту археологических раскопок. Обнаружены новые интересные сведения об истории этих древних мест. Вам, конечно, известно, что город Аксакальск, основанный в 1824 году, был расположен на караванном пути из Средней Азии в Западную Сибирь. Археологические раскопки в окрестностях его дают нам, историкам, много интересного. Особенно то, что относится к концу XIX века. Если хотите повидать меня до того, как я вернусь в Аксакальск, а это будет не раньше 26—28-го, приезжайте к Белому озеру. Оно недалеко — всего в 30—35 километрах от Аксакальска. Разыщите там базу археологов и спросите меня. До скорой встречи, дорогой Таир Александрович!

Ваш *Каныш Жанбаев*».

Ершов перечитал письмо еще раз, обратив при этом внимание, что написано оно на страничке, вырванной из учебника арифметики. Одна сторона ее была чистая, а на другой напечатано несколько столбцов с арифметическими примерами. Сообразив, что все это неслучайно, Ершов внимательно присмотрелся к цифрам. Вскоре он заметил, что над некоторыми из них бумага была чуть-чуть надорвана нажатием пера на отдельных буквах записки. На свет эти прорванные места были хорошо заметны. Майору теперь совершенно ясно стало, что этими, едва заметными, прорывами бумаги были помечены цифры шифра.

Для того, однако, чтобы прочесть этот шифр, нужно было иметь перед собой текст «Пляски мертвецов» Гете. Он был в записной книжке Ершова, но пользоваться им

при Габдулле майор не мог. Пришлось спрятать письмо в карман.

— Извините за беспокойство, — учтиво обратился Ершов к старику. — Жанбаев предлагает мне приехать к нему на Белое озеро. Пожалуй, так я и сделаю.

С этими словами Ершов попрощался с Джандербековым и направился к выходу. Габдулла проводил его до калитки и попросил передать привет Жанбаеву.

Выйдя из дома Джандербекова, Ершов некоторое время шел к станции, но затем, убедившись, что за ним никто не следит, направился к центру города. Отыскав там областное отделение государственной безопасности, представился полковнику Ибрагимову, который был уже поставлен в известность о его миссии.

— Мне дано указание из Москвы содействовать вам, — заявил Ибрагимов. — Чем могу быть полезен?

— Что вам известно о Жанбаеве, поселившемся у Джандербекова? — спросил Ершов, не без удивления рассматривая тучную фигуру и добродушное лицо Ибрагимова. Не вязалось это как-то с отзывом о нем, как об очень энергичном и волевом начальнике. Ну да, впрочем, ему доводилось ведь встречаться и с людьми, энергичными по внешнему виду, но очень бездеятельными.

— Известно нам пока только то, — ответил Ибрагимов на вопрос Ершова, — что Жанбаев проживает по временной прописке и числится членом археологической экспедиции Казахской Академии наук, которая работает здесь более месяца. Мы интересовались списками этой экспедиции. В них имеется и фамилия Жанбаева. Хотели навести о нем более подробные справки, но получили указание из Москвы — оставить его пока в покое.

— Дайте мне, пожалуйста, бумаги и разрешите расшифровать тут у вас одну записку, — попросил Ершов, доставая письмо Жанбаева.

Усевшись за стол Ибрагимова, он довольно быстро раскодировал зашифрованную запись и получил следующий текст:

«Место явки меняется. Новый адрес: Перевальск, Пржевальского, пятьдесят три. Спросите Аскара Джандербекова — это сын Габдуллы».

Ершов дал прочесть Ибрагимову полученный текст и спросил:

— А от Перевальска до Белого озера сколько будет?

— Столько же почти, что и из Аксакальска. Там даже есть, кажется, какая-то база этой археологической экспедиции.

— Придется, значит, поехать туда, — решил Ершов. — А вы установите тут наблюдение за домом Джандербекова. Враг чертовски осторожен — не спугните его.

Простившись с Ибрагимовым, Ершов поспешил на станцию. В зале для отдыха транзитных пассажиров с нетерпением ждал его Малиновкин. Он сидел на своем чемодане и, делая вид, что сосредоточенно читает газету, внимательно наблюдал за всеми входившими в помещение. Заметив майора Ершова, он зевнул и не спеша стал складывать газету. А когда Ершов прошел мимо, поднялся потягиваясь, взял чемодан и с равнодушным видом медленно направился к выходу. Майор Ершов задержался немного в дверях и, когда лейтенант Малиновкин поравнялся с ним, шепнул чуть слышно.

— Возьмите два билета до Перевальска на вечерний поезд. Буду ждать вас в вокзальном ресторане.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ ЖАНБАЕВА

На станцию Перевальскую Ершов и Малиновкин прибыли ранним утром. И станция и примыкающий к ней небольшой районный центр Перевальск показались им какими-то уж очень запыленными, невзрачными. Зелени тут было немного, к тому же она покрылась таким толстым слоем пыли, что казалась сделанной из старого кровельного железа.

— Прямо можно сказать — не Сочи!.. — со вздохом произнес Малиновкин, оглядываясь по сторонам. — Мне на вокзале вас ждать?

— Нет, — ответил Ершов, отыскивая глазами табличку с надписью: «Камера хранения». — Вокзал тут маленький, народу немного, все на виду. Сходите в управление строительства, наведите справку о работе по вашей специальности телеграфиста. А потом возвращайтесь сюда. Полагаю, что часа через полтора-два

нам удастся встретиться где-нибудь возле камеры хранения.

— Слушаюсь. Все ясно, Андрей Николаевич.

Так как Перевальск был невелик, Ершов решил не расспрашивать никого, а самому найти нужный адрес. Пришлось пересечь весь город и изрядно поплутать по противоположной его окраине, прежде чем он нашел улицу Пржевальского. В отличие от других, на ней росли низкорослые тополя и хилые березы. Во дворах многих домиков виднелись огороды и заросли эбелека — полукустарника с жесткими заостренными листьями. Дом номер пятьдесят три оказался на улице этой почти последним. Чем-то он напоминал домик Габдуллы Джандербекова в Аксакальске. Только калитка его не была закрыта на запор и во дворе не оказалось собаки. Дверь в доме тоже была открытой. Ершов перешагнул уже через порог, когда навстречу ему показался средних лет коренастый мужчина, с раскосыми глазами, придававшими лицу его глуповатое выражение.

— Вы, наверно, Аскар Джандербеков будете? — спросил Ершов, заметив некоторое внешнее сходство его с Габдуллой Джандербековым.

— Он самый, — густым басом отозвался мужчина, пристально всматриваясь в Ершова прищуренными глазами. — А вы ко мне лично?

— Я к товарищу Жанбаеву, — ответил майор, пытаясь представить себе, в каких отношениях с «Призраком» может быть этот человек. — Командирован к нему из Алма-Аты. Мухтаров моя фамилия.

— А, товарищ Мухтаров! — сразу оживился Аскар Джандербеков и приветливо протянул руку Ершову. — Ждет вас Каныш Нуртасович... Заходите, пожалуйста! Он просил меня принять вас как родного.

Ершов вошел в просторную комнату, оклеенную газетами «Гудок» и какими-то техническими журналами, тоже железнодорожными. Судя по этим газетам и по тому, что на хозяине дома был железнодорожный китель, майор решил, что либо сам Аскар железнодорожник, либо кто-то из его семьи работает на транспорте.

— Вот оклеиваться собрался, — смущенно кивнул Аскар на стены, — да все времени нет. Загрунтовал, можно сказать, а до обоев руки никак не доходят. Я

на железной дороге работаю начальником кондукторского резерва.

По-русски Аскар говорил довольно чисто, с почти неуловимым акцентом. Настороженность, прозвучавшая в первом его вопросе, сменилась радушными интонациями, как только узнал он, что Ершов—Мухтаров прибыл к Жанбаеву из Алма-Аты. Пропустив гостя вперед, он любезно пригласил его во вторую комнату, тоже оклеенную газетами. В ней у одной из стен стоял диван, а у окна — небольшой письменный стол с разложенными на нем книгами по истории и археологии.

— Располагайтесь тут, — приветливо сказал Аскар, подавая стул Ершову. — Это комната товарища Жанбаева. Он просил поместить вас с ним вместе. Я тут вам второй диван поставлю. Да, — спохватившись вдруг, воскликнул Аскар и ударил себя рукой по лбу: — велел еще извиниться Каныш Нуртасович — дня два-три будет он в отлучке. Какие-то новые исторические материалы обнаружились.

Будто теперь только заметив, что в руках Ершова ничего нет, Аскар спросил:

— А вещи вы на вокзале, верно, оставили?

— Не хотелось, знаете ли, тащиться с ними по незнакомому городу, — ответил Ершов, перебирая книги на столе Жанбаева. — Да и не был уверен, что дома кого-нибудь застану.

— Ну, теперь вам дорога знакомая, перебирайтесь уже окончательно и располагайтесь тут как дома. Я вам ключ оставлю, а мне на работу пора.

— Да вы хоть бы документы проверили, — смущенно улыбнулся Ершов. — Неизвестно ведь, кого в дом-то пустили. Может быть, жулика какого.

— Ну что вы! — махнул рукой Аскар. — Я порядочного человека всегда от жулика отличу. Да и красть у меня нечего.

Ершов хотел было пойти на вокзал вместе с Аскаром, но тот возразил поспешно:

— А чего вам торопиться! Успеете еще. Отдохните, помойтесь. Умывальник во дворе. Ну, а я пошел. Ключ на столе будет. Если перекусить что-нибудь захотите, так тоже, пожалуйста... На кухне кое-что найдется.

Выходя из комнаты Жанбаева, Аскар прикрыл за собою дверь, выходившую в полутемную прихожую.

А минут через пять, уже окончательно собравшись уходить из дома, постучался к Ершову и, слегка приоткрыв дверь, просунул в нее голову:

— Чуть было не забыл еще об одном предупредить вас. Нагаши тут со мной живет — родственник, значит, со стороны матери. Темирбеком его зовут. Тоже на железной дороге работает, кондуктором. У меня под начальством. Человек он тихий, мешать вам не будет. Да его и дома почти не бывает — всё в поездках. А когда и дома, так отсыпается после поездок. Комната его по соседству с вашей, но с отдельным входом. Сегодня он в поездке с утра. Завтра только вернется. Ну, я пошел. Счастливо оставаться.

«Да, — невольно подумал Ершов, — этого родственничка только еще не хватало! Странно, что Жанбаев решил остановиться в такой квартире. Хотя, может быть, все эти люди работают на него? Нужно будет присмотреться к ним хорошенько...»

Оставшись один, майор тщательно осмотрел весь дом, и на стене комнаты, в которой поместил его Аскар, невольно обратил внимание на таблицу, перечеркнутую карандашом. Это был какой-то график движения поездов, который не представлял бы собой ничего особенного, если бы некоторые цифры его не оказались подчеркнутыми.

Ершову сразу же стало ясно, что это был шифр. Еще раз обойдя весь дом и не заметив ничего подозрительного, майор закрыл входную дверь на крючок и, достав из кармана записную книжку, занялся расшифровкой.

Получилось следующее:

«Меня не будет дома дня два-три. Устраивайтесь тут и живите. Хозяин — человек надежный. Двоюродный брат его Темирбек — тоже нам пригодится. Никаких секретов, однако, им не доверяйте. Задание вам следующее: в сарае стоит мотоцикл — нужно вмонтировать в его корпус мою рацию. Рация в погребе. Достаньте ее оттуда, как только Аскар уйдет на работу. Ключ от погреба на стене в кухне. В погребе прощупайте левую стенку. У самого пола отдерите доску. Рация за обшивкой».

Ершов спрятал записную книжку в карман и вышел

в сарай. Там, прикрытый какой-то мешковиной, действительно стоял мотоцикл с коляской. По внешнему виду он ничем не отличался от мотоциклов подобного типа. Но, ощупав коляску, Ершов заметил, что под кожухом ее имелись полые места, — видимо, специально для рации.

Прежде чем спуститься в погреб за этой рацией, Ершов сходил к калитке, выходившей на улицу, и закрыл ее на щеколду. Затем разыскал ключи на кухне и одним из них открыл замок на двери погреба. Погреб оказался очень глубоким. В нем было прохладно, остро пахло овечьим сыром и овощами. Свет через дверное отверстие проникал сюда слабо. Ершову пришлось подождать немного, пока глаза привыкли к полумраку.

Стены погреба имели деревянную обшивку, доски которой были довольно плотно пригнаны одна к другой. Ершов ощупал ладонью низ левой стены, но не сразу обнаружил нужную ему доску.

Лишь после того, как он в нескольких местах продел в еле заметные щели обшивки лезвие перочинного ножа, одна из досок отделилась от стены, образовав темное, глубокое отверстие. Майор просунул в него руку и нащупал там металлический ящик. Вынув его, Ершов убедился, что это рация.

Рация была марки «Эн-Би». С конструкцией ее майор не был знаком. Однако, после тщательного осмотра, он вскоре разобрался в ней настолько, что смог бы пользоваться рацией для приема или передачи. Запрятать же ее под кожух мотоцикла так, чтобы это было незаметно при беглом осмотре машины, казалось ему делом нелегким. Тут требовалась помощь или хотя бы совет Малиновкина.

Сняв размеры рации в собранном и разобранном виде, Ершов так же записал и все размеры мотоцикла. С этими данными он вышел из дома, закрыв дверь его на замок.

С Малиновкиным они встретились возле камеры хранения. Кроме них, никого поблизости не было. Убедившись, что Малиновкин заметил его, Ершов пошел в помещение камеры за чемоданом. Лейтенант, обождав немного, направился за ним следом. У окна выдачи они обменялись быстрыми взглядами, и, когда кладовщик

ушел за вещами Ершова, майор передал Малиновкину записку, в которой коротко сообщил о положении дел и просил подумать о возможности размещения рации в кожухе мотоцикла. Поручил он также лейтенанту устроиться на квартире где-нибудь неподалеку от улицы Пржевальского и поинтересоваться кондуктором Темирбеком. Очередное свидание назначал на завтра в полдень в городской столовой.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

На следующий день, как было условлено, Ершов направился в городскую столовую, которую приметил еще вчера днем. Войдя в нее, он тотчас же увидел Малиновкина, устроившегося за угловым столиком. Позиция эта была очень выгодной. Она позволяла наблюдать почти за всей столовой, находясь под прикрытием огромной пальмы в кадке, стоявшей на полу у самого столика. К тому же столик был поставлен так, что за ним могло сидеть только два человека, тогда как за остальными размещалось по четыре.

В столовой было многолюдно, почти все столики оказались занятыми. Лишь кое-где оставалось по одному свободному месту. Ершов прошелся раза два по залу, будто приглядываясь, где получше устроиться. Хотя он и сам имел намерение сесть за столик Малиновкина, официант невольно помог ему в этом.

— Вон свободное место, гражданин, — кивнул он в сторону лейтенанта. — Как раз мой столик, так что мигом обслужу.

— Спасибо! — поблагодарил Ершов официанта и направился к Малиновкину.

— Свободно? — спросил он лейтенанта, берясь за спинку стула.

— Да, пожалуйста, прошу вас, — радушно отозвался Малиновкин. — Вдвоем веселее будет. Вот меню, пожалуйста. Выбор не богатый, так что раздумывать не над чем. Но, должен заметить, кормят здесь сытно — вчера тут обедал и ужинал.

Так, болтая о разных, обычных при таких знакомствах пустяках, они постепенно перешли к главному.

— Ну, как устроились? — спросил Ершов, зорко поглядывая по сторонам.

— Устроился, — ответил Малиновкин. — Но не на соседней улице, а на вашей и даже, более того, — буквально против вашего дома.

Заметив, что майор слегка нахмурился, лейтенант сделал успокаивающий жест:

— Не ругайтесь только! Все хорошо будет. Хозяйка моя — одинокая женщина, тихая, глуховатая, ей до меня никакого дела нет. Из той комнаты, в которой она меня поселила, видел я вас вчера вечером через окно. Это очень удачно, по-моему. Всегда можно будет подать сигнал друг другу, а то и перемолвиться с помощью условных знаков. В доме моем только одно-единственное окно выходит в вашу сторону. А то, что я поселился здесь, подозрений не вызовет. В связи со строительством железной дороги и разных подсобных предприятий в Перевальск столько народу понаехало, что нет дома, где бы не держали квартирантов.

Ершов немного подумал, взвешивая сказанное лейтенантом, и решил, что, в самом деле, может быть, не так уж плохо, что Малиновкин поселился неподалеку от него.

— Ну, а как насчет Темирбека? — спросил он лейтенанта, наблюдая за каким-то подозрительным парнем, дважды прошедшим мимо их стола.

— Осторожно навел о нем справку у сторожа кондукторского резерва, — ответил Малиновкин, не глядя на майора и делая вид, что рассматривает картину на стене. — Говорит, Темирбек тут уже почти три месяца. Сначала где-то на станции работал, а теперь кондуктором ездит. Подтвердил также, что он Аскару Джандербекову двоюродным братом доводится. Сейчас этот Темирбек действительно в поездке.

Теперь Малиновкин тоже обратил внимание на человека, за которым наблюдал Ершов.

— Вам не кажется этот тип подозрительным, Андрей Николаевич? — спросил он майора, незаметно кивнув на парня, остановившегося неподалеку от их столика.

— Казался, — спокойно ответил Ершов. — Теперь, однако, вижу, что подозрителен он в ином смысле. По

всей вероятности, просто жулик, присматривающийся к вашему чемодану. Что это за чемодан у вас, кстати? Зачем он вам понадобился?

— Пришлось специально купить, понимаете ли, — усмехнулся Малиновкин, засовывая чемодан поглубже под стол. — Хозяйке может странным показаться, что у меня вещей слишком мало.

Осмотревшись по сторонам и заметив, что подозрительный парень отошел в другой конец столовой, лейтенант усмехнулся:

— Ретировался воришка-то. Ну, а теперь относительно рации Жанбаева. С нею, по-моему, тоже все обойдется. Систему ее я хорошо знаю. «Эн-Би» — это «Night-bird», — то есть «Ночная птица». Разбирается она не на две части, как вы считаете, а на четыре. Я передам вам сейчас схему, по ней вы сможете аккуратнейшим образом разместить все внутри мотоцикла. Пользоваться рацией при этом можно будет, не вытаскивая ее наружу. Я положу схему в папку с меню. Вы возьмите-ка ее да поинтересуйтесь еще раз ценами обедов или кондитерских изделий.

«Отличный у меня помощник», — тепло подумал Ершов о Малиновкине.

— А как обстоит дело с вашей рацией? — спросил он лейтенанта, пряча в карман схему.

— Всё в порядке. В полной боевой готовности.

— А не опасно будет вам работать? Никто не обратит внимания на это?

— Можете не беспокоиться — все продумано и предусмотрено.

Ершов уже имел возможность убедиться в ловкости Малиновкина и ни о чем больше не стал его спрашивать. На парня этого можно было положиться.

— Ну, тогда свяжитесь сегодня с нашими, — приказал он, представив себе, с каким нетерпением ждет донесения от них генерал Саблин. — Передайте коротко, как обстоит у нас дело, и сообщите вот еще о чем: находку я сегодня сделал в погребе. За обшивкой его, кроме рации, нашел еще и счетчик Гейгера. Знаете, что это такое?

— Дозиметрический прибор? — удивленно поднял брови Малиновкин.

— Да, прибор для регистрации радиоактивных частиц, — подтвердил Ершов.

— Зачем, однако, он ему понадобился? — недоумевал Малиновкин, но в это время показался из кухни официант с подносом, на котором стояли тарелки с аппетитно пахнущим супом. Разговор пришлось перевести на другую тему. Малиновкин сделал это так ловко, что Ершов даже позавидовал ему.

— И представьте себе, — возмущенным тоном заговорил он, повысив голос, — нет, говорит, у нас потребности в телеграфистах! Как вам это нравится? На железной дороге нет потребности в такой специальности! Да быть этого не может! Просто я ему не понравился, видно. Но от меня не так-то просто отделаться. В тот же день добрался я до самого начальника отдела кадров, до товарища Митрошкина... Вот молодец! — обернулся Малиновкин к официанту, будто только теперь его заметил, и ловко подхватил тарелку с подноса, — проворно работаете.

— Столичная школа, — самодовольно улыбнулся официант. — В Москве два года на Казанском вокзале работал.

— Сразу чувствуется, — польстил ему Малиновкин и снова повернулся к Ершову: — Да, наседаю, значит, на самого начальника. Прижал к стене — пришлось ему после этого кое-что пообещать. Велел дня через три-четыре зайти.

— Ну, ладно, — добродушно улыбнулся Ершов, как только официант отошел от них на приличное расстояние. — Хватит врать, перейдем к сути дела.

— А я и не вру вовсе, — весело отозвался на это Малиновкин, с аппетитом принимаясь за еду. — Все в точности рассказываю, как было. Я ведь в самом деле ходил в отдел кадров.

Подсыпав соли в суп, он добавил уже серьезно:

— Ну, а что касается Жанбаева — понять не могу, для чего ему счетчик Гейгера понадобился?..

Ершов ничего не мог ответить на этот вопрос. У него, правда, мелькнула догадка, однако ее нечем было пока подтвердить. Следуя примеру Малиновкина, майор тоже принялся за еду. Суп ему понравился. Он ел его почти с таким же аппетитом, как и Малиновкин, что не мешало думать все о том же.

— А ведь счетчик этот поможет нам, пожалуй, самые сокровенные планы «Призрака» разгадать... — задумчиво проговорил он, отодвигая пустую тарелку.

— Непонятно что-то... — покачал головой Малиновкин.

— Ну, ладно, — прервал лейтенанта Ершов, — не будем пока ломать голову над этим. Поживем — увидим. А Саблину вы сообщите все-таки о моей находке.

Когда обед был окончен, Ершов, прежде чем отпустить Малиновкина, еще раз предупредил его:

— Противник у нас чертовски осторожный. Не исключено, что он следит за нами или, может быть, только за мною пока, так что конспирация должна быть постоянной. Ну а теперь — желаю вам удачного радиосеанса. Подумайте также и о системе нашей личной связи. Выходите из столовой первым. Я посижу тут еще немного.

Майор Ершов вышел на улицу минут через пятнадцать после Малиновкина. Побродил некоторое время по городу, зашел в городскую библиотеку, а затем на почту. Был уже вечер, когда он вернулся на квартиру Джандербекова. Дверь ему открыл Аскар.

— А у меня чай скоро будет готов, — весело сказал он. — Заходите, вместе поужинаем.

— Спасибо, Аскар Габдуллович, — поблагодарил его Ершов и прошел в комнату Жанбаева.

Усевшись за стол и раздумывая, как ему быть — идти к Аскару или нет, майор услышал вскоре, как за дверью кто-то обменялся приветствием с хозяином дома:

— Ассалям алейкум!

— Огалайкум ассалям!

А потом, когда пришлось все-таки пойти в гости к Аскару, у дверей комнаты Темирбека услышал Ершов монотонный голос:

— «Агузо беллахи менаш-шайтан ерражим...»

— Это Темирбек молитву читает, — усмехнулся Аскар, кивнув на дверь комнаты своего двоюродного брата. — Старорежимный он человек. Знаете, что такое это «Агузо беллахи...»? «Умоляю бога, чтобы он сохранил меня от искушения шайтана». Смешно, правда?

— Почему же смешно? — серьезно спросил Ершов. — Если человек верующий — ничего в этом смешного нет.

— Да я не в смысле молитвы, — рассмеялся Аскар, и узкие его глазки почти совершенно закрылись при этом. — До каких пор верить в бога можно?

— Ну, это уж в какой-то мере на вашей совести, — улыбнулся Ершов. — Вы человек культурный — перевоспитайте его.

— Ну уж кого другого, а его не перевоспитаешь, — серьезно и убежденно ответил Аскар. — Хотел его с вами познакомить, так он не пошел ни за что. Вечер сегодня какой-то такой, что религиозному человеку есть ничего нельзя. А сидеть за столом и не кушать ничего — соблазн очень большой. Вот и читает специальную молитву против этого соблазна.

У ГЕНЕРАЛА САБЛИНА

Весь день не давало покоя Саблину последнее донесение Ершова. Зачем понадобился Жанбаеву счетчик Гейгера? Что собирается он разведывать с его помощью?

И чем больше думал Саблин об этом счетчике, тем яснее становилось для него, что это не случайная находка.

«А что если Жанбаева интересуют наши работы в области атомной энергии? — невольно возникла тревожная мысль. — И в прошлом году, и весной этого года задержали же мы нескольких шпионов, признавшихся позже, что их интересовали наши работы в области атомной энергии. Почему же не допустить, что с подобной миссией прибыл к нам и Жанбаев?»

Илье Ильичу казалось теперь совершенно бесспорным, что Жанбаева интересует, конечно, либо конкретно атомная бомба, либо атомная энергия вообще. Но тут же возникла и новая мысль: почему Жанбаев обосновался в районе Перевальска, где, как Саблину было известно, никаких испытаний атомных бомб не велось? В чем же дело тогда? Почему он торчит там? Не случайно же такой опытный международный шпион находится в районе Перевальска...

Саблин хорошо знал о том большом интересе, который проявляет международная разведка к тайнам производства атомных бомб и других видов подобного оружия. Не безразлична она и к техническим секретам использования атомной энергии в мирных целях. В связи с этим ему понятно было, как заинтересованы разведывательные органы капиталистических государств в получении информации обо всех работах в области атомной энергии, а также в охране тайн сверхсекретных лабораторий в своих собственных странах. Саблину хорошо было известно, что «атомным шпионажем» занимались теперь не только американские секретные службы, но и английская «Интеллидженс сервис» и даже ватиканский «Чентре информационе про део».

А может быть, вовсе не атомной бомбой интересуется Жанбаев? Может быть, интересует его использование атомной энергии в мирных целях? СССР никогда ведь не скрывал своих намерений по использованию атомной энергии. Всему миру известно, что Советский Союз поставил атомную энергию на выполнение великих задач мирного строительства.

Расстегнув крючки воротника — жара в Москве в те дни стояла нестерпимая — генерал задумчиво прошелся по своему кабинету.

«А каково там, в Средней Азии, нашему Ершову?» — невольно подумал он, останавливаясь у открытого окна. Легкий, ленивый ветерок пахну́л ему в лицо теплом и запахом смолы и бензина, а внизу, по раскаленному солнцем асфальту огромной площади, с глухим рокотом катился нескончаемый поток автомобилей.

Возникло на мгновение томительное желание — вызвать машину, сесть в нее и уехать куда-нибудь за город, полежать на траве у реки, побродить по лесу... И опять мысли вернулись к донесению Ершова, к заботе о делах, требующих срочного решения.

Генерал снова прошелся несколько раз по кабинету и с невольным вздохом уселся за письменный стол. В зеленой папке лежали перед ним вырезки из заграничных газет — подборка, сделанная Осиповым. На некоторых из них были пометки полковника. Он предлагал, например, обратить внимание на шумиху, поднятую иностранной печатью в связи с катастрофой, постигшей

океанский пароход «Neptune», будто бы оборудованный атомным двигателем.

Саблин снял телефонную трубку и вызвал к себе Осипова.

— Не вижу пока никакой связи между всем этим и донесением Ершова, — заметил он полковнику, кивнув на папку с вырезками из газет. — Не для расширения же кругозора предложил ты мне познакомиться с этими материалами?

— А связь, может быть, и существует, — осторожно ответил Осипов, аккуратно завязывая тесемочки на папке.

Генерал удивленно развел руками и усмехнулся:

— Может быть, но может и не быть. Это, знаешь ли, не ответ.

— А что если на этом злополучном «Нептуне» действительно был двигатель, работавший на атомной энергии? — прищурясь спросил Осипов. — И взорвался он оттого, что они чего-то там не учли. А у нас, как ты знаешь, кое-что работает уже на этой самой атомной энергии и не взрывается... Ясна тебе моя мысль?

— Так ты думаешь, что «Призрака» они к нам прислали за приобретением, или, вернее сказать, присвоением, нашего опыта безаварийной работы атомных двигателей?

— А почему бы и нет? «Призрак» ведь не раз уже похищал немаловажные секреты для своих хозяев.

Генерал Саблин задумался. Может быть, все это и так... Но не слишком ли самонадеян враг, рассчитывающий, что их знаменитому агенту, действительно похищавшему различные государственные и военные секреты в некоторых буржуазных странах, удастся раздобыть кое-что и у нас?

— Ладно, допустим, что ты прав, — произнес он вслух, поднимаясь из-за стола. — Допустим даже, что все это представляется им чрезвычайно легким делом. Непонятно только, почему же тогда «Призрак» этот околачивается в районе, в котором, как мне известно, не только не испытывают атомных бомб, но и не применяют атомной энергии для мирных целей?..

Помолчав немного, он добавил:

— Нужно, однако, навести более точные справки.

Кто сейчас в районе Аксакальска ведет самое крупное строительство?

— Министерство путей сообщения.

— Вот мы и обратимся в это министерство.

НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ

Еще вчера в столовой майор Ершов условился с Малиновкиным, что в случаях, не требующих срочности, они будут связываться письмами до востребования. Вспомнив теперь об этом, лейтенант с утра направился на почту и спустя несколько минут получил письмо со знакомым почерком на конверте.

Ершов написал ему это письмо вчера вечером, уже после того, как расстался с Малиновкиным в городской столовой. У него неожиданно появилась мысль проверить на Перевальской археологической базе, известно ли там что-нибудь о Жанбаеве. Об этом-то Ершов и просил Малиновкина в своем письме.

Тут же, на почте, под благовидным предлогом, лейтенант осведомился, где находится база археологов, и тотчас направился туда.

База помещалась на окраине города в маленьком домике, окруженном высоким забором. Кроме этого домика, за забором оказались два больших сарая, в которых, как потом узнал Малиновкин, хранились инструмент и кое-какое имущество археологов.

Заведующий базой, сутуловатый щупленький старичок в пенсне, снисходительно объяснил Малиновкину:

— У нас, молодой человек, археологи главным образом землеройный инструмент тут получают. Они ведь, как кроты, в земле роются... Иногда, правда, и продовольствие к нам для них завозят. Вот, кстати, этому самому Жанбаеву, о котором вы справляетесь, особым распоряжением велено выдавать продукты сухим пайком. Он у них в отдельности где-то ковыряется. Так сказать, крот-одиночка.

— А вы, дедушка, видели его когда-нибудь?

— Нет, не видел, — равнодушно ответил старичок, поправляя свое старомодное пенсне на черном шелковом шнурке. — И не очень, между прочим, расстраиваюсь из-за этого. Думаю, что не много потерял. Я, молодой человек, немало знаменитых людей повидал на

своем веку и личное знакомство имел даже с двумя академиками: с Александром Евгеньевичем Ферсманом и Владимиром Афанасьевичем Обручевым. Я в знакомствах, знаете ли, разборчив. Этот ваш Жанбаев был тут как-то без меня, получал продукты да мотоцикл свой бензином заправлял. А вы-то кем будете? Тоже, небось, какой-нибудь геолог-археолог? Или историк, поди?

— Я, дедушка, простой рабочий-землекоп, — скромно ответил Малиновкин. — Хотел к кому-нибудь из археологов наняться. К Жанбаеву мне порекомендовали обратиться.

— А-а... — разочарованно произнес старичок и сразу перешел на «ты». — Ничем тебе не могу помочь в этом, друг любезный. Одно только могу сказать — стыдно, молодой человек, в твоем возрасте никакой иной квалификации не иметь!

Старичок снова поправил пенсне, внимательно посмотрел на Малиновкина и, укоризненно покачав головой, повернулся к нему спиной.

— Заболтался я тут с тобой, однако... — проворчал он, направляясь к домику, в котором у него было нечто вроде конторы.

В тот же день Малиновкин встретился с Ершовым в городской читальне и незаметно сунул ему записку с отчетом о своем посещении археологической базы.

Следующий день прошел у лейтенанта скучно, без встречи с Ершовым и даже без писем от него. От нечего делать Малиновкин бесцельно бродил по городу, раза два заходил на железнодорожную станцию. Сначала просто так, чтобы убить время, а потом уже во второй половине дня — понаблюдать за родственником Аскара Джандербекова — Темирбеком. Наблюдения, однако, почти ничего не дали ему. Он пришел на станцию как раз перед отправлением хозяйственного поезда на стройучасток.

— Послушайте-ка, — обратился Малиновкин к какому-то железнодорожнику. — Не видели ли вы кондуктора Темирбека?

— Да вот он, — кивнул железнодорожник на сутуловатого человека с флажками в кожаных футлярах, висевшими у него на поясе.

Пока Малиновкин раздумывал — подойти ли ему поближе к Темирбеку, кондуктор взобрался на тормоз-

ную площадку хвостового вагона и стал укреплять сигнальный фонарь на крючке кронштейна. А минут через пять поезд медленно тронулся в сторону нового строительного участка железной дороги.

Хотя Малиновкин видел Темирбека издалека, внешний вид его показался лейтенанту странным. Было что-то в фигуре его угрюмое, неприветливое.

«Похож на какого-то фанатика восточного...» — с неприязнью подумал Малиновкин.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Прошел еще один день с тех пор как Малиновкин в последний раз встретился с Ершовым, а вестей от майора все еще не было. Это начало серьезно беспокоить Дмитрия. Он решил просидеть весь вечер дома и понаблюдать за окном — может быть, Андрей Николаевич подаст какой-нибудь сигнал. Вчера лейтенант написал ему письмо до востребования и предложил в случае необходимости бросить ночью записку к нему в окно, которое он специально оставит открытым.

Давно уже стемнело, но лейтенант, не зажигая света, терпеливо сидел за столом и внимательно смотрел в окно. На улице было несколько светлее, чем в комнате, и просвет окна заметно выделялся на почти черном фоне комнатной стены. Изредка мелькали в его сером прямоугольнике темные фигуры прохожих, но Малиновкин не обращал на них внимания. Глаза его, не отрываясь, следили за домом напротив. Вернее, даже не за домом, а всего лишь за одним окном. Несмотря на скудное освещение комнаты, лейтенант различал все же часть стены, обклеенной газетами, стол, придвинутый к окну, и склонившегося над книгой майора Ершова. Он читал с большим вниманием, не отрывая глаз от книги, и торопливо перелистывал страницы.

Лишь спустя примерно четверть часа майор, с заметным сожалением захлопнув книгу, прошелся по комнате и потушил свет. Малиновкин, внимательно следивший за ним, тотчас же, как только потух свет, поднялся из-за стола и, стараясь не шуметь, подошел к окну.

Облокотившись на подоконник, Малиновкин снова стал пристально всматриваться в соседний дом, теперь

уже сосредоточив внимание не на окне его, а на калитке. Она со скрипом открылась, и вскоре из нее вышел высокий человек в тюбетейке. Малиновкин тотчас же узнал в нем майора Ершова.

Постояв немного возле калитки, майор медленно стал прохаживаться вдоль дома Джандербекова сначала по одной стороне улицы, затем по другой. Когда он прошел второй раз мимо открытого окна Малиновкина, лейтенант услышал, как какой-то очень легкий предмет упал на пол комнаты почти возле самых его ног.

Торопливо нагнувшись, Малиновкин пошарил по полу руками и нащупал свернутую в несколько раз бумажку.

Спрятав ее в карман, лейтенант вышел в другую комнату, окно которой выходило во двор, и зажег свет. Старая хозяйка квартиры Малиновкина, бабушка Гульджан, уже спала, и он был тут совершенно один. На всякий случай лейтенант все же прислушался. Из-за двери комнаты хозяйки доносилось равномерное похрапывание.

Задернув занавеску на окне, Малиновкин подошел поближе к свету. Достал записку из кармана, поспешно развернул ее и прочел:

«Мой хозяин передал мне письмо от Жанбаева, расшифровав которое, я прочел распоряжение: сегодня в двенадцать часов ночи выехать на мотоцикле к Черной реке по дороге, ведущей на Адыры. Приказано также обратить внимание в пути на мигание красного фонаря, который будет подавать сигналы в следующем порядке: две короткие вспышки и одна длинная. Я должен буду ответить на это мигание прожектора мотоцикла в обратном порядке — двумя длинными вспышками и одной короткой. После этого мне предписывается заехать в ближайший кустарник и оставить там мотоцикл с вмонтированной в него рацией и новым кодом. Видно, Жанбаев все еще не очень доверяет мне и не решается встретиться со мной. Я выеду ровно в двенадцать. Вы оставайтесь на своей квартире и внимательно следите за домом Аскара. Ничего до моего возвращения не предпринимайте. На всякий случай, включите после двенадцати рацию, — может быть, мне придется связаться

с вами по радио на какой-нибудь из трех волн, длина которых вам известна».

Малиновкин перечитал записку еще раз и задумался. Почему Жанбаев ведет себя так таинственно? Почему не показывается Ершову? Неужели все еще не доверяет ему?

Ясно было пока только одно — Жанбаев чертовски осторожен. Недаром, значит, дана ему шпионская кличка: «Призрак». А Андрею Николаевичу не следовало бы, пожалуй, ехать на это свидание одному. Нужно было бы взять и его, Малиновкина, с собой, или послать следом по этой же дороге на велосипеде. У хозяйки висит в коридоре чей-то велосипед, — можно было бы им воспользоваться.

Но приказ есть приказ. Малиновкин уничтожил записку, потушил свет и вернулся в свою комнату. На улице теперь не видно было Ершова. Он, очевидно, зашел в дом Джандербекова. Взглянув на светящийся циферблат часов, Малиновкин снова устроился у окна. Половина двенадцатого. Через полчаса Ершов должен был выехать из дома на мотоцикле.

Лейтенант Малиновкин еще очень мало работал в органах госбезопасности, но он достаточно начитался и наслушался всяческих рассказов о профессии контрразведчика, в которых все было слишком приподнято, полно действия и опасностей буквально на каждом шагу. В жизни, конечно, все это выглядело совсем иначе. Скромной, будничной работы во всяком случае было куда больше, чем героических эпизодов. Старые, бывалые контрразведчики знали это по собственному опыту и не тяготились будничными делами, а, напротив, понимали, что они-то, эти будничные дела, и гарантируют победу в героических эпизодах, ибо являются подготовкой к решительной схватке с врагом, разведкой его позиций.

Малиновкин, давно уже мечтавший об опасной оперативной работе, полгода провел в одном из отделов управления государственной безопасности. И, пока все было более или менее ново для него, не тяготился этой работой, но как только показалось ему, что он «все постиг», стал томиться по «настоящему делу».

Получив задание сопровождать майора Ершова в опасном предприятии, он обрадовался необычайно.

Однако в последние дни и это наскучило лейтенанту. Конспирация, которую он соблюдал все время, сначала нравилась ему, но затем стала казаться излишней, похожей на какую-то игру в таинственное. И вот вдруг теперь представляется возможность если не активных действий, то уж во всяком случае встречи с настоящим врагом с глазу на глаз. И что же? Его опять отстраняют от опасного дела!

Малиновкину обидным показалось все это. Он тяжело вздохнул и, закрыв окно, облокотился на подоконник. Пора бы уже Ершову выходить на улицу — времени без пяти двенадцать.

Лейтенант снова сосредоточил все свое внимание на калитке дома Аскара Джандербекова. Хотя ночь стояла темная, но если бы кто-нибудь вышел из этого дома, заметить его все-таки было возможно. А время все шло. Минутная стрелка перевалила через двенадцать. Вот уже пять... семь... десять минут первого. Что же Андрей Николаевич, заснул он, что ли?

Малиновкин начинал нервничать. Может быть, подойти незаметно к окну комнаты Ершова и постучать? Или бросить в него горсть песка? Но нет, не мог майор Ершов, прошедший школу у знаменитого Астахова, заснуть в столь напряженный момент!

Тогда, может быть, ему помешал кто-нибудь выехать вовремя? Но и этому тоже не верилось... Скорее всего, он ушел из дома огородами, чтобы не привлекать ничьего внимания.

Времени было уже четверть первого. Малиновкин достал из чемодана рацию, включил ее на прием, надел наушники и осторожно стал настраиваться то на одну, то на другую волну коротковолнового диапазона. Тоненький писк морзянки, обрывки музыки, чей-то баситый, раскатистый смех, молящий голос женщины, сухой треск грозовых разрядов и снова морзянка попеременно слышались в телефонах наушников.

Малиновкину нравилась эта «эфирная смесь», как он ее называл. Она казалась ему горячим, напряженным дыханием планеты. Из иностранных языков знал он только английский и немецкий, но легко узнавал по произношению, по темпераменту французскую, итальянскую и испанскую речь, без особого труда отличал польскую от чешской. Славянские языки он вообще понимал

довольно свободно, так как знал украинский и белорусский.

Малиновкин обычно любил строить догадки по обрывкам фраз, «выловленным» из эфира, когда не спеша настраивался на нужную ему волну. Любопытно ведь было представить себе, о чем говорило, пело, а иногда и кричало человечество в эфире.

Многое можно было подслушать в наушниках в томительные часы дежурства у радиостанции в ожидании часа радиосеанса. Да и не только голоса людей и звуки музыки говорили радисту, чем живут и волнуются люди. Комариное попискивание морзянок тоже могло поведать о многом: о бедствиях в море, о сводках выполненных заданий, о прогнозах погоды. Были звуки радиотелеграфа и главными носителями тайн. Ими передавались зашифрованные сведения коммерческого характера, служебные распоряжения и задания, донесения тайных агентов и секретные предписания их резидентов.

Малиновкин давно уже привык к этой «эфирной сумятице» и довольно легко ориентировался в ней, осторожными движениями пальцев поворачивая рифленую ручку настройки и смещая то вправо, то влево тонкую нить визира по светящейся шкале. Сегодня он интересовался только морзянками в ограниченных пределах одного из диапазонов коротких волн. Вот уже несколько минут чутко прислушивался он к звукам в наушниках, ловя малейший шорох в эфире, но никто, кажется, не собирался работать на этих волнах.

Был уже второй час ночи, когда Малиновкин решил, что Ершов, видимо, не имеет нужды или возможности связаться с ним по радио. На всякий случай, он решил подежурить еще немного, то и дело поглядывая в окно на дом Аскара Джандербекова.

Прошумела за окном машина, осветив на несколько мгновений стены комнаты Малиновкина. И снова погрузилось все в темноту. Даже дом Джандербекова растворился в ней. Только звезды в черном небе сверкали все так же ярко, медленно меняя свое расположение над крышами домов.

Пора уже было вернуться Ершову... Но, может быть, Жанбаев дал ему новое задание и послал куда-нибудь? Или случилось с ним что-то?..

Малиновкин не мог уже больше спокойно сидеть у рации. Он пододвинул ее поближе к окну и почти лег на подоконник. Затем, когда беспокойство и нетерпение его достигли крайней степени, выключил рацию и осторожно вышел на улицу. Постояв немного против дома Аскара, он прошелся по своей стороне до конца квартала и снова остановился в нерешительности. Что же делать дальше? Что предпринять?

Потом вдруг пришла другая, успокоительная мысль — мог ведь майор вернуться к себе так же незаметно, как и ушел отсюда? Но он бы как-нибудь дал тогда знать о себе. Должен же он понимать, что Малиновкин беспокоится за него...

Требовалось срочно принимать решение, но лейтенант Малиновкин впервые был в таком положении и не знал, что делать. Больше всего ему хотелось забрать хозяйский велосипед и пуститься по той дороге, по которой уехал несколько часов назад майор Ершов. Верное ли, однако, будет это решение? А что если он больше всего понадобится именно здесь, где оставил его Ершов? Нет, нужно твердо следовать приказанию майора и не уходить никуда от дома Аскара Джандербекова.

Сокрушенно вздохнув, лейтенант вернулся в свою комнату и снова уселся у окна. Улица теперь показалась ему светлее, чем раньше. Он посмотрел на часы — часовая стрелка стояла у цифры три, — значит, уже начинался рассвет.

ЖАНБАЕВ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ДОВЕРЯЕТ

Бросив в окно Малиновкина записку с сообщением о задании Жанбаева, Ершов вернулся в дом. Хозяин его, Аскар Джандербеков, был на дежурстве, — иногда у него бывали и ночные дежурства. Темирбек не вернулся еще из поездки. Казалось бы, в такой обстановке майор мог действовать совершенно свободно, но он позволял себе делать только то, что сделал бы, зная, что в доме он не один. Весьма возможно, что за ним и не следил никто, но он по опыту знал, что предосторожность никогда не бывает излишней.

Рация находилась теперь в мотоцикле. По совету Малиновкина, Ершову удалось так ловко вмонтировать ее внутрь коляски, что пользоваться ею можно было не вынимая из тайника.

Как же теперь лучше выехать со двора Аскара? Выкатить мотоцикл на улицу или незаметно провести его огородами? Пожалуй, лучше огородами.

Ершов выкатил машину во двор. Она была легкой, подвижной. Катить ее не стоило большого труда. Только в огороде пришлось немного повозиться, чтобы не помять грядок. Но вот, наконец, он в поле. Усевшись в седле, майор включил свет и завел мотор. Дорога была неважная, проселочная, ехать без света рискованно. Ершов включил первую скорость и медленно двинулся вперед.

Глушитель у мотоцикла был хороший, и мотор грохотал не очень громко. Желтоватый конус света тускло освещал песчаную дорогу. Иногда он выхватывал из темноты то белые султаны ковыля, росшего по сторонам дороги, то полукустарники кокпека с невзрачными стеблями и листочками. Попал в полосу света и степной хорек, вышедший на охоту за сусликами.

Ершов увеличил скорость, продолжая зорко поглядывать по сторонам, но вокруг все было обычно. Интересно, где же Жанбаев подаст условный сигнал, у самой Черной реки или где-то раньше?..

Вот в конусе света от фонаря мотоцикла вспыхнули впереди кусты терескена. Мелкие седовато-серые листики его казались теперь язычками тусклого пламени. Это невзрачное растение ночью казалось Ершову красивее, чем днем. Майор все ближе подъезжал к нему и вдруг увидел, как несколько левее того направления, по которому он ехал, замигал красный огонек: две короткие и одна длинная вспышка.

Ершов остановил мотоцикл и тоже просигналил своим прожектором. И почти тотчас же ему снова ответил красный фонарик обычной азбукой морзе: «Гасите свет. Вкатите мотоцикл в кусты. Сами возвращайтесь на дорогу. Ждите дальнейших приказаний».

После этого текста следовала цифра «33». Это был агентурный номер «Призрака», известный Ершову по признанию, сделанному шпионом, сообщившим органам

госбезопасности о заброске «Призрака» в Среднюю Азию. Значит, Саблин и Осипов не ошиблись, предполагая, что Жанбаев и «Призрак» — одно и то же лицо. Открытие это обрадовало Ершова. Значит, он верно нащупал след неуловимого «Призрака» и рано или поздно возьмет за горло эту международную знаменитость, если только не допустит промаха и ничем не выдаст себя осторожному врагу.

Когда Жанбаев кончил сигналить, Ершов ответил ему своим прожектором, что понял его. Выключив свет, он вынул из кармана томик стихов американских поэтов и раскрыл его на той странице, на которой был напечатан «Ворон» Эдгара По. Положив книгу на сидение коляски, майор столкнул с места мотоцикл и покатил его в кусты терескена. Когда машина оказалась в середине кустарника, Ершов оставил ее там и вышел на дорогу.

Никогда не питал Ершов большой любви к ночному светилу, но теперь, взглянув на небо, пожалел, что нет на нем луны. А золотистые песчинки большой небесной дороги — Млечного Пути — не в силах были осветить землю. В густой тьме лежали вокруг и казахские степи, и кустарники терескена, в зарослях которого таился «Призрак».

Уже более пяти минут ходил майор вдоль дороги, но не слышал из кустов ни одного звука. Только когда зажег Жанбаев свой фонарик, стало несомненно, что в кустах находится кто-то и, видимо, осматривает рацию, вмонтированную в кожух мотоцикла. Впрочем, об этом тоже можно было только догадываться, так как за кустами терескена ничего не было видно, лишь кое-где сквозь их густые ветви просачивался тусклый свет. Ершов же не принимал ни малейшей попытки подсмотреть, что там делается за этими кустами, чтобы не выдать себя, хотя ему очень хотелось взглянуть на «Призрака».

Майору казалось, что прошло уже очень много времени, прежде чем раздался из кустарника голос Жанбаева:

— Значит, кодировать будем по «Ворону» старика Эдгара? Верно я понял?

Голос «Призрака» был высокий, звучный, без малейшего акцента и совершенно незнакомый Ершову.

— Так точно! — поспешно ответил майор на его вопрос.

— Ваша работа по монтажу рации меня устраивает, — продолжал Жанбаев и, судя по тому, что голос его стал слышнее, вышел, наверно, из гущи кустарника. — А то, что я не показываюсь вам, пусть вас не смущает — таков стиль моей работы. Ну, а теперь ступайте назад пешком, дорогой мой коллега, сотрудник Алма-атинского исторического музея Таир Александрович Мухтаров, — добавил он с неприятным смешком. — Так ведь, кажется?

— Точно так.

— Возвращайтесь к Аскару Джандербекову, — теперь уже резким тоном приказа продолжал «Призрак». — Связь со мной будете держать по своей рации. Сеансы назначаю на двенадцать часов ночи. Может быть, я не смогу иногда вести передачу, но вы включайтесь ежедневно и будьте на приеме не менее получаса. Вам все понятно?

— Всё.

— Разговор будем вести по новому коду. Мой позывной — «Фрэнд», ваш — «Комрад». Длина волны — десять и тринадцать сотых. Задание вам следующее: узнавайте возможно подробнее, какие грузы идут со станции Перевальской на стройплощадку железной дороги. Сами старайтесь не ходить на станцию. Выпытывайте эти сведения у Аскара или его двоюродного брата Темирбека. Не пытайтесь только подкупать их. Это опасно — можете погубить все дело. Вам все ясно, Мухтаров?

— Так точно.

— Ну, тогда до свидания.

Слышно стало, как зашуршали ветки — наверно, Жанбаев выкатывал из кустов свой мотоцикл. Потом раздался стрекот мотора. Мотоцикл поработал немного на холостом ходу, затем Жанбаев включил скорость и уехал куда-то в поле, не зажигая света, так как дорога, видимо, была им заранее изучена.

Ершов постоял еще немного, взвешивая все только что происшедшее, и подумал невольно: «А я по-прежнему знаю о нем ровно столько же, сколько знал до этого. Даже лица его не видел...» Но тут же утешился: «Однако хорошо уже и то, что это тот самый «При-

врак», за которым мы так давно охотимся. Он, конечно, проверял меня все эти дни, наблюдая за мною, и нашел теперь возможным доверить кое-что. Можно, пожалуй, надеяться, что со временем он станет откровеннее...»

Шагая в Перевальск по пыльной дороге, Ершов уже в который раз задавал себе все один и тот же вопрос: что же все-таки привлекает Жанбаева на строительстве железной дороги? Даже приблизительного ответа на этот вопрос у него пока не было.

Только к рассвету добрался майор до города и так же, как ночью, огородами прошел в дом Аскара. На востоке уже занималась заря, когда он вошел в свою комнату. Подойдя к окну, он раздвинул занавески и посмотрел на домик напротив. Тотчас же открылось в нем окно и взлохмаченная голова Малиновкина высунулась на улицу. Он сделал вид, что выплескивает что-то из стакана на тротуар, а Ершов зажег спичку и закурил — это было условным знаком, означавшим, что у него все в порядке.

Окно напротив снова захлопнулось.

«Поволновался за меня Дмитрий», — тепло подумал Ершов о Малиновкине и, с наслаждением опустившись на диван, стал снимать пыльные ботинки.

За стеной комнаты Темирбека с присвистом храпел кто-то. «Значит кондуктор вернулся уже из поездки», — решил Ершов, вспомнив, что, проходя через кухню, наткнулся на окованный железом сундучок, который Темирбек обычно брал с собой в поездку.

В МИНИСТЕРСТВЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Генерал-директор пути и строительства Вознесенский очень устал сегодня после длительного совещания у министра путей сообщения и более всего мечтал теперь об отдыхе. Он уже собрался было домой, как вдруг вспомнил, что в пять тридцать должен заехать к нему Саблин. Об этом они договорились утром по телефону.

Когда-то Вознесенский был в дружеских отношениях с Саблиным, но с тех пор много воды утекло. Последние годы они общались все реже и реже, так что Вознесенский даже вспомнить теперь не мог, когда они

встречались в последний раз: три года назад или все пять?

Генерал-директор помнил, правда, что Саблин служит в Комитете государственной безопасности, и, когда Илья Ильич заявил, что дело у него служебное, отказать ему в приеме или перенести встречу на другой день было неудобно.

Вспомнив теперь о скором приходе Саблина, Вознесенский недовольно поморщился и закурил папиросу.

«Зачем, однако, я ему понадобился? — рассеянно думал он. — Надеюсь, это не связано с каким-нибудь неприятным делом? У меня, слава богу, и без того неприятностей хватает...»

Саблин приехал ровно в пять тридцать. Он был на этот раз не в генеральской форме, а в скромном штатском костюме и произвел на Вознесенского впечатление человека не очень преуспевающего в жизни. Это почему-то успокоило его, и он сразу же взял свой обычный в подобных обстоятельствах покровительственный тон.

— А, дорогой Илья! — весело воскликнул он, поднимаясь навстречу Саблину. — Входи, входи! Дай-ка я на тебя посмотрю, старина. Э, да ты поседел, дружище! А ведь мы с тобой, как говорится, годки.

— Ну а ты не изменился почти, разве потолстел только, — тоже улыбаясь и пожимая руку генерал-директору, проговорил Саблин. Ему еще утром, когда они разговаривали по телефону, не понравился тон Вознесенского, теперь же он окончательно решил, что друг его молодости чувствует себя большим человеком.

— Что же ты вестей-то о себе не подавал, дорогой? — продолжал Вознесенский, угощая Саблина дорогими папиросами. — Ты ведь по-прежнему в госбезопасности? О ваших подвигах, к сожалению, не очень-то пишут в газетах.

— Да, верно, — усмехнулся Саблин. — У нас работа скромная. Зато о тебе именно из газет мне все известно.

— А мне о тебе — ничего, — развел руками Вознесенский. — И расспрашивать не решаюсь, у вас ведь всё — тайна.

— Ну, не такая уж это тайна — моя личная биография, — рассмеялся Саблин, подумав: «Боится, видно,

что на судьбу жаловаться буду, протекции его просить...» — Хвалиться, впрочем, нечем, — добавил он вслух.

Генерал-директор бросил нетерпеливый взгляд на часы, давая этим понять, что он не располагает временем и спешит куда-то.

— Я тебя ненадолго задержу, — заметив его нетерпение, проговорил Саблин. — У меня, собственно, всего один вопрос. По телефону, однако, нельзя было его задать — вот и пришлось приехать лично. Ты ведь, конечно, хорошо осведомлен о строительстве железной дороги Перевальская—Кызылтау?

— Кому же тогда быть осведомленным, как не мне? — удивился Вознесенский, и мохнатые его брови поднялись вверх, наморщив высокий лоб.

— Ты не обижайся, пожалуйста, — улыбнулся Саблин. — Я не усомнился, а всего лишь принял во внимание расстояние. За несколько тысяч километров можно ведь и не быть достаточно осведомленным.

— Хороший начальник и за десятки тысяч километров должен знать, что у него там делается, — все еще ворчливо проговорил генерал-директор. — Долго ты, однако, подбираешься к своему вопросу.

— А вопрос вот какой: там у вас большой объем земляных и скальных работ, применяете ли вы для этого атомную энергию?

Снова удивленно поползли вверх пушистые брови генерал-директора:

— Откуда ты взял это?

— Ниоткуда, просто спрашиваю, — спокойно произнес Саблин. — Мне это очень важно знать...

Саблин не договорил, для чего ему нужно это знать, но Вознесенский понял, что он и не имел права это сказать.

— Нет, мы там не пользуемся атомной энергией, — ответил он Саблину. — У нас там нет в ней нужды. Мы удаляем породу взрывным способом с помощью аммонита. Взрывные работы ведет у нас специальная организация «Желдорвзрывпром». У нее солидный опыт в этом деле. Еще совсем недавно американские специалисты утверждали, будто по взрывному делу впереди идет Аргентина, расходующая в год до полутора тысяч тонн взрывчатых веществ. А мы еще в 1936 году одним

только массовым взрывом на Урале подняли на воздух тысячу восемьсот тонн взрывчатки. Как тебе это нравится!

Вознесенский довольно засмеялся. С лица его исчезло теперь выражение самодовольства. Чувствовалось, что говорил он о хорошо знакомом и близком ему деле. Саблин вспомнил даже, что в гражданскую войну служил Вознесенский сапером и всегда был неравнодушен к взрывчатке.

— Не хвалясь тебе скажу, Илья, — продолжал генерал-директор, — не без моего участия создавался этот «Желдорвзрывпром». Слыхал ты что-нибудь о направленных взрывах и взрывах навыброс? Интереснейшее дело, дорогой! Закладывается для этого по тысяче двести — тысяче триста тонн взрывчатых веществ, поворачивается ключ взрывной машинки, проносится электрический заряд по электровзрывной сети, срабатывают электродетонаторы, летят на воздух тысячи кубометров породы — и готова километровая железнодорожная выемка глубиною до двадцати метров! Точно так же направленным взрывом создаем мы и насыпи. И учти, Илья, что все это в одно мгновение, не считая, конечно, подготовительных работ. А сколько на это ушло бы времени при разработке выемок экскаватором, даже самым мощным?

— Ну, спасибо за справку, Емельян Петрович! — протянул Саблин руку генерал-директору. — Извини, что отнял у тебя столько времени.

— Э, да что там! — дружески хлопнул Вознесенский Саблина по плечу, и к нему снова вернулся покровительственный тон. — Я, брат, рад, что с тобой встретился. Ну, как у тебя дела-то по службе? В каких чинах ходишь? Помнится, в последний раз, когда встречались, майором был?

— Майором был, майором и остался, — засмеялся Саблин. — Правда, теперь пишется еще одно слово перед этим званием.

— Ах, так ты генерал-майор?! — уже каким-то другим тоном воскликнул Вознесенский. — Ну, брат, от всей души поздравляю!

Когда Саблин возвращался к себе, он все еще испытывал неприятное чувство от свидания со своим прежним приятелем. Знал он, что Вознесенский человек

деловой, заслуженный, но откуда этот покровительственный тон, важность? Нельзя разве простым и скромным оставаться даже при больших заслугах? Непонятно было это генералу Саблину, хотя уж кто-кто, а он-то хорошо знал, как портила людей слава.

ДЛЯ ЧЕГО МОТОЦИКЛ ЖАНБАЕВУ?

Вернувшись в свое управление, генерал Саблин тотчас же зашел к полковнику Осипову и сообщил ему о результате разговора с Вознесенским. Полковник не сразу высказал свое мнение по этому поводу, обдумывая и взвешивая что-то. Он никогда не торопился с выводами и заключениями, хорошо зная, как нелегко приходят верные решения.

— Что же это получается, Афанасий Максимович? — нетерпеливо спросил Саблин, не дождавшись ответа Осипова и начиная уже досадовать на него. — За чем же тогда охотится Жанбаев? Не могли ведь ввести его в заблуждение взрывные работы и не принял же он их за взрывы атомных бомб?

— Да-а, — задумчиво покачал головой полковник Осипов. — Тут все полно противоречий. В твое отсутствие мне принесли еще несколько вырезок из иностранных газет. В них сообщается, что мы, то есть Советский Союз, ведем в Средней Азии крупные строительные работы с помощью атомной энергии. И совершенно точно указываются именно те районы, где идет строительство нашей новой железной дороги.

— Какой давности эти сведения? — настороженно спросил Саблин и закурил папиросу, что было явным признаком волнения, ибо курил он очень редко.

— Двухнедельной.

Генерал задумался. Прошелся несколько раз по кабинету. Постоял у окна, глядя вниз на шумную площадь.

— Ну что ж, — произнес он наконец, не замечая, что папироса его давно уже потухла. — Могло быть и так: принял Жанбаев массовые взрывы аммонита за атомные и сообщил своим хозяевам. Кто-то из них мог обмолвиться об этом в присутствии журналистов, жадных до сенсации, а уж они постарались соответствующим образом раздуть ошибку «Призрака».

— Не хочешь ли ты этим сказать, что Жанбаев все еще находится в заблуждении относительно характера взрывов на нашем железнодорожном строительстве? — спросил Осипов, не совсем еще понимая, к чему клонит Саблин.

— Нет, не хочу. Он мог заблуждаться только вначале, но с тех пор у него было достаточно времени с помощью счетчика Гейгера убедиться в своей ошибке.

— М-да... — с сомнением покачал головой Осипов, — а может быть, он все-таки еще заблуждается?

— Почему же? — удивился генерал.

— Да потому, что Ершов доставил ему мотоцикл для того, вероятно, чтобы он лично съездил на строительство и собственными глазами посмотрел, что там делается.

— Едва ли только для этого понадобился ему мотоцикл. Он мог бы съездить на строительство и на поезде.

— Но зачем все-таки понадобился ему мотоцикл? — стоял на своем Осипов.

— Скорее всего, для скрытой перевозки рации. Ершов ведь надежно замаскировал ее в коляске мотоцикла.

— Меня такой ответ не удовлетворяет, Илья Ильич. Он нашел бы более надежный способ запрятать куда-нибудь свою рацию. Это не проблема.

— А ты считаешь, значит, что мотоцикл ему нужен только для поездки на стройку? — спросил Саблин, подумав с досадой, что упрямство полковника выведет его когда-нибудь из терпения.

— Нужно ведь как-то объяснить, зачем ему понадобился этот мотоцикл, — уклончиво ответил Осипов, не собираясь сдаваться.

— А для меня ясно одно, — слегка хмурясь, заметил Саблин: — на стройку он на мотоцикле не поедет, — это рискованно, а Жанбаев всячески избегает риска. Я даже думаю, что мотоцикл ему нужен, пожалуй, для того только, чтобы свободнее перемещаться и не дать возможности запеленговать свою рацию во время радиопередач.

— Но Ершова—Мухтарова, которого он считает своим помощником, тоже ведь могут запеленговать? Выходит, что, спасая себя, он ставит под удар своего помощника?

Саблин ждал этого вопроса и, не задумываясь, ответил:

— Ершов—Мухтаров будет, очевидно, вести с Жанбаевым очень короткую радиосвязь, главным образом прием его приказаний. Сам же Жанбаев, кроме связи с Ершовым—Мухтаровым, должен еще поддерживать регулярные сношения со своим резидентом, что связано, конечно, с немалым риском. Вот ему и потребовалось вмонтировать рацию в мотоцикл, чтобы вести передачи из разных точек, значительно отстоящих друг от друга. Мотоцикл же может быть у него совершенно легально. Донес ведь нам Малиновкин, что как член археологической экспедиции, работающей где-то на отшибе от основной группы, Жанбаев имеет возможность заправляться бензином в Перевальской археологической базе.

Говоря это, Саблин все более проникался убеждением в правильности своей догадки. Встав из-за стола, он прошелся несколько раз по кабинету, продолжая обдумывать эту мысль, и, окончательно уверившись в правильности ее, остановился перед Осиповым:

— А в том, что Жанбаев не собирается на строительство, есть и еще одно доказательство: он ведь приказал Ершову сообщать ему о грузах, идущих на стройку. Зачем ему это, если бы он сам туда собирался?

— Да-а,— задумчиво проговорил Осипов, приглаживая коротко подстриженные волосы.— Замысловато, замысловато все получается... Будем, однако, ждать новых сообщений Ершова. Может быть, и прояснится кое-что.

НЕ ДОПУЩЕНА ЛИ ОШИБКА?

Майор Ершов так устал в этот день перед встречей с Жанбаевым, что, казалось, готов был тотчас же заснуть мертвым сном. Но этого не случилось. Беспокойные мысли долго еще тревожили его, и он вертелся с боку на бок, комкая подушку и тяжело вздыхая.

Зачем понадобился Жанбаеву мотоцикл? Куда он собирается поехать на нем? Что думает о нем, Ершове? По-прежнему относится с подозрением или станет до-

верять теперь? Почему интересуется железнодорожными грузами?

Все это было пока неясно, непонятно Ершову, но все требовало скорейшего ответа, верного решения. Без этого нельзя действовать дальше и надеяться на успех. Более того, необдуманным ходом можно провалить все дело, упустить опасного врага, хуже того — дать возможность врагу осуществить его преступные планы.

Около шести часов утра вернулся с дежурства Аскар. Слышно было, как он умывался, а потом гремел тарелками на кухне, — решил, наверно, перекусить что-нибудь перед сном. Спустя несколько минут скрипнула дверь его комнаты. Теперь он ляжет спать и проспит, пожалуй, часов до двенадцати.

В каких отношениях этот человек с Жанбаевым? Только ли хозяин его квартиры или еще и сообщник? Это тоже необходимо было решить возможно скорее. В том, что какая-то связь между ними существует, у Ершова, впрочем, почти не было сомнений.

Не это, однако, было сейчас самым главным для Ершова. Более всего волновал его теперь вопрос: как будет вести себя Жанбаев в дальнейшем с ним, с Ершовым? Ведь задание, которое он дал ему, в сущности, пустяк. Сведения эти и Аскар сумеет раздобыть. Вот разве только сообщить их без рации не сможет...

Ершов прикидывал все это и так и этак и решил наконец, что если Жанбаев свяжется с ним вскоре по радио, то, значит, доверяет, не свяжется — нужно будет признать, что он, Ершов, раскрыл, обнаружил себя чем-то, спугнул опасного врага.

Была и еще одна забота у майора Ершова: нужно было проснуться не позднее девяти часов, чтобы ни Аскару, ни Темирбеку не дать повода догадаться, что Ершов ведет себя не очень осторожно, — ведь это значило бы для Жанбаева, что у него плохой помощник.

Ершов, впрочем, приучил себя вставать в любое время, когда это было нужно. Вернее, беспокойная работа приучила его каждую минуту быть настороже, ибо от этого зависели не только успех или неуспех порученного ему дела, но и собственная его жизнь.

Проснулся Ершов без пяти девять. Ему не требовалось много времени, чтобы сообразить, где он, что делал вчера, что должен сделать сейчас, он вспомнил все

почти мгновенно, — тут тоже сказывался жизненный опыт.

В доме было тихо. Только в соседней комнате осторожно ходил кто-то, — наверно, Темирбек поднялся уже и старается не шуметь, чтобы не разбудить своего двоюродного брата, которого он, как казалось майору, побаивался немного.

Ершов перевел взгляд на окно. Солнце ярко освещало противоположную сторону улицы и дом старухи Гульджан, в котором квартировал Малиновкин. Окно его комнаты было распахнуто. Значит, лейтенант встал уже. Они условились: по утрам открытое окно будет означать, что Малиновкин бодрствует, а днем и вечером, — что он дома. Означало это также, что Дмитрий, видимо, хочет узнать поскорее подробности вчерашней встречи Ершова с Жанбаевым и ждет новых указаний майора.

Но что же можно приказать ему? Что вообще можно предпринять? Нужно бы встретиться с ним как-то и поговорить, объяснить сложность создавшейся обстановки. Но и это тоже было не так-то просто. Черт ведь его знает, этого Жанбаева, может быть, он не считает еще испытательный срок оконченным. Нет, тут уж лучше соблюдать строжайшую конспирацию до конца. О том, где, когда и как встретиться с Малиновкиным, требовалось еще подумать. А пока Ершов тоже открыл окно и, высунув в него голову, посмотрел вдоль улицы направо и налево. Это означало для Малиновкина, что у майора все в порядке и что лейтенант может быть пока свободен и заниматься своими делами до полудня.

Аскар поднялся только в двенадцать часов дня. Ершов к этому времени вернулся из столовой, позавтракав и захватив кое-что с собой из буфета. Темирбека, который перед его уходом ел что-то у себя в комнате, в доме теперь не было.

— Ну как, не соскучились еще у нас, товарищ Мухтаров? — спросил Ершова Аскар, направлявшийся с полотенцем на шее умываться во двор.

— Нет пока, — бодро ответил Ершов. — Я много интересного в библиотеке вашей обнаружил. Вчера почти весь день там провел. Просматривал архивные материалы и на любопытные исторические документы натолкнулся. Ну, а у вас как идут дела, Аскар Габдул-

лович? Служба-то ваша не очень спокойная? Ночами приходится дежурить?

— Да нет, не всегда это. В основном, все-таки днем. Да и работа, откровенно говоря, пока не очень интересная. Вот закончат строительство магистрали, пойдут регулярные поезда — тогда поинтереснее будет. А сейчас у нас ни графика, ни расписания.

— Грузы тоже, наверное, пустяковые? — будто невзначай спросил Ершов, наблюдая, как энергично растирает Аскар вафельным полотенцем свою хорошо развитую грудь.

— Известное дело! В основном — стройматериалы идут пока. А это, главным образом, шпалы да рельсы, иногда цемент. Вот скоро вступят в строй новые заводы сборных конструкций — пойдут грузы поинтересней. Оно, правда, и сейчас доводится возить любопытные вещи, иногда даже на специальных многоосных платформах-транспортерах. Вот, к примеру, нынешней ночью сборный цельноперевозной мост отправили и несколько железобетонных строений. А вчера — элементы сборной металлической водонапорной башни системы Рожнова. Ну а в общем, все это не то, что на центральных магистралях. Там сейчас такая техника идет в адреса новых гидростроек, что диву даешься, как только ее грузят на железнодорожные платформы!

Аскар кончил обтираться и повесил полотенце на веревку, протянутую через весь двор. Снял с этой же веревки белую майку и с трудом продел в нее свою большую голову с жесткими волосами.

— А я все-таки вам, железнодорожникам, завидую, — заметил Ершов, поднимаясь со ступенек крылечка, на которые присел во время разговора. — Интересная у вас работа. По железным дорогам вашим, как по рекам, плывут и плывут, как плоты, разные составы и грузы. Вы, наверно, по ним лучше, чем по газетам, читаете все, чем страна живет?

— Да, это вы верно заметили, — согласился Аскар, и голос его прозвучал так искренне и просто, что Ершов подумал невольно: «А может быть, он и не связан ничем с Жанбаевым? Может быть, честный человек?..» Но тотчас же другой, более трезвый голос заключил: «Чертовски хитрый человек. Знает Жанбаев, кого в помощники подбирать. Он и о грузах этих потому, навер-

но, так подробно мне говорит, чтобы я смог это Жанбаеву по рации передать».

— Ну, я пойду позанимаюсь немножко, — заметил Ершов вслух. — Раздобыл тут у вас в книжном киоске несколько брошюрок, хочу посмотреть.

Войдя в свою комнату, Ершов первым делом посмотрел на окно домика, в котором поселился Малиновкин. Оно теперь снова было открыто, — значит, лейтенант вернулся уже из города. Что он делает там у себя? Что переживает? Чертовски скверно это состояние неопределенности... Ершов и сам находился в таком состоянии, но он хоть знал сложившуюся обстановку, а Малиновкин все еще пребывал в полном неведении и строил, наверно, различные догадки, одну тревожнее другой. Нужно было бы придумать какую-то простую систему связи, чтобы в любое время информировать Дмитрия и давать ему задания, не ожидая удобного случая.

НОЧНОЙ РАДИОСЕАНС

Лейтенант Малиновкин перебрал в уме множество способов конспиративной связи, но все они были слишком сложны, а нужно было придумать что-то совсем простое. Майор ведь просил его об этом и надеялся на него. Как же было не оправдать его надежд?

«А почему бы нам своими рациями не воспользоваться? — мелькнула вдруг до того простая мысль, что Малиновкин удивился даже, как он раньше не додумался до этого. — И у меня и у Андрея Николаевича есть ведь радиостанции, мы и используем их для нашей связи...»

Придя к такому заключению, Малиновкин принялся раздумывать, как бы сообщить поскорее об этом майору. Бросить в окно записку можно будет только поздно вечером, а то и ночью, так как Аскар Джандербеков сегодня дома (Дмитрий видел его недавно в окне). Неужели же ждать до вечера?..

Юноша ломал голову над этим до тех пор, пока не пришло время обеда. Тогда он закрыл окно и вышел на улицу, решив, что, может быть, встретит Ершова в столовой, хотя это было маловероятно, так как они

условились обедать в разное время, чтобы не привлекать внимания.

После обеда Малиновкин долго ходил по городу. А вечером, когда Ершов вышел из дому, осторожно пошел следом за ним. У небольшого кафе на соседней улице, где обычно майор ужинал, Малиновкин прибавил шагу и, нарочно столкнувшись с Ершовым у самых дверей, незаметно передал записку с предложением нового способа связи.

В кафе Ершов прочел ее и снова мысленно похвалил Дмитрия. «Почему бы действительно не воспользоваться нашими рациями? Разговор с «Призраком» у меня сегодня в двенадцать, а Дмитрий будет на приеме с половины первого до часа. Ну что ж, очень хорошо. Попробую связаться с ним сегодня же...»

Несколько повеселев, Ершов выпил стакан кофе с булочкой и не спеша возвратился домой. Аскар безмятежно храпел уже, — завтра рано утром ему нужно идти на работу. Темирбек, которого целый день не было дома, тоже укладывался спать в своей комнате.

Из дома Ершов вышел только после того, как убедился, что все заснули. Переложив рацию из чемодана в вещевой мешок, майор направился с нею в огород. Осмотревшись по сторонам, он медленно пошел между грядок к кустам боярышника. Кусты были колючие, цепкие. Майор поцарапал себе руки и даже лицо, прежде чем устроился как следует. Ровно в двенадцать рация его была на приеме.

Вокруг стояла тишина, только кузнечики трещали в степи, начинавшейся сразу же за огородом. Прилетели откуда-то мошки с длинными лапками и судорожно заметались по светящейся шкале рации. Нежный теплый ветерок приносил смешанные запахи цветов, овощей, каких-то остро пахнувших трав.

...Легкая пружинная пластинка, скреплявшая телефоны, теперь стальным обручем стискивала голову, в ушах гудело что-то назойливо, и все время казалось, что далеко-далеко чуть слышно попискивает морзянка. Майор увеличивал громкость приема, смещая визир по шкале настройки то вправо, то влево, напрягая слух, но морзянка от этого лишь бесследно исчезала...

Ершов охотился за неуловимой морзянкой до тех пор, пока не понял, что она ему только мерещится от

перенапряжения и усталости. Тогда он выключил рацию. Сегодня его сеанс с «Призраком» не состоялся. Состоится ли он вообще? Что если Жанбаев разгадал его и скрылся? То, что он назначил ему ночные радиосеансы и дал позывные, могло ведь быть только для отвода глаз, чтобы выиграть время и удрать подальше от преследования.

Погруженный в эти невеселые мысли, Ершов чуть не забыл, что собирался связаться с Малиновкиным. Торопливо взглянув на часы, он снова включил рацию и тотчас же поймал позывные Малиновкина. Прежде чем отозваться ему, майор осторожно вышел из кустов и обошел их вокруг. Лишь после этого послал в эфир свои позывные. Сообщение свое и задание лейтенанту он зашифровал заранее и, как только Малиновкин отозвался, тотчас же отстучал ему все ключом радиотелеграфа.

Коротко сообщив Дмитрию о своей встрече с Жанбаевым, Андрей Николаевич приказал лейтенанту навести возможно более точные справки о ходе строительства железной дороги и грузах, идущих в адрес управления дороги. Необходима ли поездка на участок строительных работ, Малиновкин должен был решить самостоятельно. В этом случае ему предписывалось обратить внимание на местность: проходима ли она для мотоцикла.

ПОЕЗДКА НА СТРОЙУЧАСТОК

На следующий день Ершов проснулся в шесть утра, как только Аскар начал громыхать на кухне посудой. Значит, скоро уйдет на работу. Вместе с ним собирался куда-то и Темирбек.

Дождавшись их ухода, майор встал с дивана и выглянул на улицу. Окно Малиновкина было уже открыто. Сквозь слегка раздвинутые занавески Андрей Николаевич, присмотревшись, увидел Дмитрия. Он сидел за маленьким столиком и пил что-то похожее на кефир прямо из горлышка бутылки.

Позавтракав, лейтенант набросил на плечи пиджак, висевший на спинке его стула, и не торопясь вышел на улицу. Согласно плану, выработанному еще ночью, он

решил сразу же направиться на станцию. Она находилась недалеко от улицы Пржевальского, и Малиновкин быстро добрался до пассажирской платформы.

Лейтенант не раз бывал здесь и прежде, но теперь, ранним солнечным утром, станция представлялась ему в каком-то ином свете. Показалось даже, что и зелени тут больше, чем было раньше, и что не такая уж она пыльная, какой была на самом деле. Рельсы же так сверкали в солнечных лучах, будто были отлиты из драгоценного металла. Даже водонапорная башня, кто знает когда побеленная обыкновенной известью, поражала теперь своей белизной. А паровоз, только что поданный под тяжеловесный состав, попыхивал таким густо клубившимся паром, с такими живописными переливами белых, синеватых и сизоватых тонов, какие бывают только на полотнах художников.

«Вот что значит хорошее солнечное утро и хорошее настроение, — невольно подумал Малиновкин. — Совсем другими глазами все вокруг видишь».

И ему захотелось поскорее поехать на главный участок строительства дороги, в район предгорья, где предстояли самые трудные работы. Тут, на станции, нечего и расспрашивать об этом, нужно непременно посмотреть все своими глазами.

Приняв такое решение, лейтенант торопливо пошел вдоль состава, к которому только что прицепили паровоз. По грузам на открытых платформах видно было, что он направляется на стройучасток. Там стояли, в основном, скреперы, бульдозеры и другие землеройные машины. А крытые четырехосные вагоны, судя по светло-серой пыли, покрывавшей их двери, люки и даже колеса, были загружены строительными материалами: известью и цементом.

Лейтенант подошел уже к самому паровозу, когда услышал вдруг знакомый голос:

— Смотри-ка, Костя, кто к нам шагает!

Малиновкин присмотрелся к широкоплечему парню в выгоревшей на солнце спецовке, стоявшему возле паровоза, и сразу же узнал в нем помощника машиниста Федора Рябова. Пока Малиновкин подходил к нему поближе, из окна паровозной будки высунулся и машинист Константин Шатров.

— Так ведь это же наш попутчик! — весело крикнул

он, приветливо кивнув Дмитрию. — Ну, как дела, товарищ Малиновкин? Устроились уже на работу?

Спустившись по лесенке на пропитанную нефтью и маслом землю, Шатров крепко пожал руку Малиновкину.

А Малиновкин вдвойне был рад этой встрече. Во-первых, приятно было вновь увидеть понравившихся ему людей, во-вторых, можно было не только расспросить их кое о чем, но, видимо, и проехать с ними на стройучасток, в район основных работ.

— Да нет, не устроился пока, товарищ Шатров, — угрюмо проговорил Дмитрий, отвечая на вопрос машиниста. — Обещают всё, а пока болтаюсь без дела.

— А ты где устроиться хотел? — спросил Малиновкина Рябов, принимаясь крепить какую-то гайку к головке ведущего дышла. — Небось, тут, в Перевальске?

— Тут... — смущенно признался Малиновкин.

— Вот и зря. На какую-нибудь новую станцию следовало проситься, — посоветовал Рябов и, хитро подмигнув Шатрову, добавил: — Или испугался от цивилизации оторваться? Тут как-никак городишко, а там два-три домика возле станции, и вокруг пустыня. Учти это...

— Да что ему учитывать! — горячо перебил своего помощника Шатров. — Уж если человек сознательно сюда приехал, так ему никакая пустыня не должна быть страшной. Ты брось, Федор, его запугивать. Поедемте-ка с нами, Малиновкин... Забыл, как звать вас.

— Дмитрием.

— Так вот, поедемте-ка с нами, Митя. Поглядите своими глазами, как люди живут и работают. Где больше понравится — там и устроитесь.

— А что там ему понравиться может? — удивился Рябов, кончив крепить гайку и вытирая руки паклей. — Это тебе все нравится, да и то потому, что тут Оля.

Заметив, что Шатров нахмурился при упоминании имени Ольги, Рябов торопливо добавил:

— Не злись — шучу я. Кто же не знает, что ты у нас чистокровный романтик?

— Ну да что с ним говорить!.. — сердито махнул рукой Шатров. — Дурачится парень. А вот посмотрели бы вы, как он паровоз топит!

— Да, что и говорить, топить я мастер, — не без самодовольства подтвердил Рябов. — И ты не думай, Дмитрий, что это только физической силой достигается. Одним горбом не очень-то возьмешь; тут, милый мой, наука требуется...

— Ну ладно, хватит тебе хвастаться-то! — прервал Федора Шатров. — Вон главный кондуктор идет. Скоро поедем, наверно. А вы что же, Митя, поедете с нами, или как?

— Отчего же не поехать? — ответил Малиновкин. — Охотно поеду.

— Тогда я главного кондуктора попрошу устроить вас где-нибудь. А на паровоз не могу пригласить, не положено.

Минут через десять поезд тронулся. Малиновкин устроился на тормозной площадке рядом с главным кондуктором — высоким смуглым мужчиной средних лет. Голова у него была сильно вытянутая, стриженая, с острой макушкой, руки длинные, костистые. Фамилия его была Бейсамбаев. Сначала показался он Дмитрию неразговорчивым, но после того, как Малиновкин сообщил ему, что собирается работать в этих краях, стал и он кое-что о себе рассказывать, особенно же Шатрова с Рябовым расхваливать.

— Очень хорошие люди, понимаешь, — восхищенно говорил о них главный кондуктор. — От самой Волги в наше пекло приехали. Это же понимать надо! Я человек привычный, и то мне жарко, а с них сколько потов сходит? И потом — как работают! Не видел я, чтобы тут у нас кто-нибудь еще так работал. Нравится мне, понимаешь, такой народ — настоящие люди! Побольше бы таких приезжало. Очень нам такой народ нужен.

Прислушиваясь к голосу Бейсамбаева, Дмитрий посматривал по сторонам, изучая местность. Нужно было выполнить задание Ершова: определить, пройдет ли тут мотоцикл? Будто невзначай спросил об этом Бейсамбаева.

— Местность вполне проходимая, — ответил на это главный кондуктор. — У брата моего мотоцикл, так он все тут изъездил. Если есть у тебя машина — привози, большое удовольствие получишь. Хорошая тут природа у нас, красивая.

А Дмитрий смотрел на эту природу и думал невольно, что каждый, наверное, по-особому свою землю видит и замечает в ней такое, что чужой глаз не сразу подметит. Ему, например, степь вокруг показалась слишком уж обожженной солнцем, лишенной ярких красок, малопривлекательной. Из растительности бросались в глаза лишь белые султаны ковыля да невзрачный типец с узкими, наподобие щетины, листьями и жидкими, будто обтрепанными, метелками.

— Сейчас тут нет полной красоты, — заметив, что Малиновкин всматривается в степь, проговорил Бейсамбаев. — А ты посмотри, что тут весной будет делаться! Ранней особенно. Что такое палитра у художника, знаешь? Так можно смело сказать — вся степь наша как огромная палитра бывает. Всех цветов на ней краски, всех оттенков. Маслом я немного рисую, понимаю толк в красках. Это уж можешь мне поверить. Весной здесь у нас красуются синие и желтые ирисы, пестрые тюльпаны, пионы, золотистые лютики, белые ветреницы. А сейчас всю красоту солнце выжгло. Только одному ковылю всё нипочем.

Бейсамбаев, действительно любивший природу, вздохнул даже. Поезд между тем миновал две небольшие станции, останавливаясь на каждой лишь на несколько минут. Шел он довольно быстро для тяжелого состава, но ровные участки пути стали сменяться вскоре то подъемами, то уклонами. По сторонам дороги возвышались теперь пологие холмы, поросшие рыжевато-желтой травой, похожей на ворс старого, выгоревшего на солнце ковра.

В соответствии с местностью заметно менялось и дыхание паровоза. На подъемах оно становилось тяжелым, натужным, с каким-то бронхиальным присвистом. Темнел и дым, все с бóльшим шумом вырывавшийся из трубы. Мрачнело лицо главного кондуктора.

— Достается ребятам, — сочувственно говорил он, кивая на паровоз. — Очень рискованный вес взяли сегодня, надорваться могут...

На одном из подъемов поезд и в самом деле так сбавил ход, что и Малиновкин стал волноваться за своих новых знакомых. А когда поезд прибыл наконец на последнюю станцию стройучастка, с паровоза спустился черный, как негр, и совершенно мокрый от пота Рябов.

— Ну что, Малиновкин, — весело крикнул он лейтенанту, — плохо разве мы поработали?

А Костя Шатров, такой же уставший как и все, но еще более счастливый, чем помощник его, никого не замечая, направился к платформе вокзала, на которой улыбаясь махала ему рукой высокая, стройная девушка в белом платье.

— Поздравляю вас, Костя! — приветливо проговорила она, протягивая Шатрову загорелую руку. — Такой составчик привели!

Она кивнула на поезд и продолжала:

— А я, знаете, специально пришла на станцию повидаться с вами. Что же это вы — из отпуска вернулись и не зашли даже, когда были тут у нас?

— Как вы могли подумать обо мне такое?! — удивленно воскликнул Шатров. — Повсюду искал вас, Ольга Васильевна! Но теперь не то, что прежде, — разве найдешь вас так скоро?.. Говорят, вы главной помощницей стали у инженера Вронского? Работой, значит, перегружены...

— Да, работы хватает, — вздохнула Ольга. — Но ведь я люблю эту работу. Скоро мы около миллиона кубических метров породы поднимем на воздух. Целую гору! Ну, а вы что же не рассказываете, как время провели? На Волге, значит, снова побывали. Завидую я вам!

— Ольга Васильевна! — крикнул вдруг кто-то, и девушка поспешно подала руку Шатрову:

— Ну, ладно, Костя, увидимся еще попозже.

Снова встретились они только через полтора часа, когда паровоз Шатрова был уже приготовлен к обратному рейсу. Ольга, казалось, все так же была рада Константину, но теперь она была озабочена чем-то и на вопросы Шатрова отвечала рассеянно. А Костя хотел спросить ее о чем-то и все никак не мог решиться на это.

Они прошлись раза два вдоль состава с землеройными машинами, и, когда раздался короткий, но хорошо знакомый Константину свисток его локомотива (это Рябов подавал сигнал Косте, чтобы он поторопился), Шатров порывисто протянул руку девушке и воскликнул:

— Ну, прощайте, Оля! Не знаю даже, когда уви-

димся снова... И вот еще что хотелось спросить: говорят, этот инженер Вронский ухаживает тут за вами. Правда это?

Девушка смущенно улыбнулась, но не отвела взгляда от его печальных глаз.

— Не надо, не отвечайте, — заторопился Шатров, первым отводя свои глаза. — Так оно и есть, наверно... Пусть ухаживает... Пусть хоть все тут за вами ухаживают. Вы ведь... — голос его сорвался вдруг, и он перешел почти на шепот: — Только бы вы не вышли замуж за него. Не спешите... А я вас всегда буду любить, как бы вы ни относились к этому. И всюду пойду за вами... Куда бы вы ни проложили новую железную дорогу — я первым поведу по ней мой паровоз.

— Ну, а если возьму вдруг и выйду замуж? — засмеялась Ольга, озорно блеснув глазами.

Константин опустил голову и проговорил тихо:

— Все равно буду там, где вы, если только ваш муж разрешит вам новые дороги строить.

Снова раздался паровозный свисток, на этот раз уже громче, настойчивее. Ольга протянула руку Константину и проговорила растроганно:

— Лучших друзей, чем вы, Костя, и не бывает на свете...

МАЙОР ЕРШОВ ТЕРЯЕТСЯ В ДОГАДКАХ

Когда лейтенант Малиновкин вернулся в Перевальск, было совсем темно. Старушка его уже спала, но в доме напротив, в комнате Ершова, еще горел свет и окно было открыто. Проходя мимо, Дмитрий заглянул поверх занавески и, увидев майора, сидевшего за книгой, незаметно бросил ему на стол заранее заготовленную записку. Сделал он это без опаски, так как знал — раз окно открыто, значит, в комнате никого, кроме майора, нет. Так они договорились заранее.

Ершов давно уже начал беспокоиться о Малиновкине. Еле сдерживая нетерпение, развернул он скомканную бумажку. В кратких выражениях лейтенант сообщал ему о стройучастке: что видел там и с кем разговаривал. К записке прилагалась официальная справка о грузах, шедших в адрес строительства.

Дважды перечитав донесение Малиновкина, Ершов

задумался. Что же получалось? Хотя о применении атомной энергии лейтенант и не задавал никому вопроса — и без того ясно было, что ее здесь не применяли. Горные породы и земляные массивы взрывали на строительстве железнодорожной магистрали главным образом аммонитом. Так было безопаснее и легче поддавалось управлению. Недаром взрывы назывались направленными. Это были разумные взрывы, послушные воле строителей.

«Атомная взрывчатка» была гораздо сильнее, но и опаснее не только своей страшной силой, а и последствиями. Она сделала бы радиоактивными воздух, землю, обломки породы. Могли пострадать люди.

Майор Ершов знал, конечно, что атомную энергию используют и другим способом — превращая ее в тепло, а тепло в электрическую энергию, но, по сообщениям Малиновкина, на строительстве были пока лишь обычные электрические станции.

Мог ли знать об этом Жанбаев? Мог, конечно. По словам Малиновкина, он имел возможность проникнуть на строительство с группами многочисленных рабочих или даже на своем мотоцикле. Местность позволяла это. Что же тогда интересует его здесь? Грузы? Да нет, судя по справке, выданной Малиновкину заместителем начальника строительства, они самые обыкновенные. Но тогда непонятно, зачем Жанбаев дал задание Ершову сообщать ему об этих грузах? Нет, положительно тут ничего нельзя понять. Чертовски все замысловато. Оставалась одна надежда — может быть, сегодня Жанбаев свяжется все-таки с ним по радио, даст новое задание, и это внесет какую-то ясность...

Ершов посмотрел на часы, — пора было готовиться к ночному радиосеансу. Он закрыл окно, потушил свет и вышел во двор. Готовя рацию к приему, майор вспомнил, что и у Малиновкина сегодня радиосеанс с Москвой. Может быть, Саблин сообщит ему что-нибудь такое, что поможет разгадать замыслы Жанбаева?

Так же, как и в прошлую ночь, Ершов и сегодня просидел более часа в колючих кустах боярышника и не принял от Жанбаева ни единого звука. Что же это могло значить? Рация была исправна, она принимала все, что передавалось на других волнах. В телефоны ее наушников врывались то музыка, то голоса людей,

то писк морзянок, как только майор смещал визир по шкале, сходя с волны, на которой должен был вести передачу Жанбаев.

Теряясь в догадках, Ершов решил уже было выключить радиостанцию, как вдруг снова вспомнил: «А ведь как раз сейчас Малиновкин разговаривает с Москвой. Подключусь-ка я к их разговору...»

Он быстро настроился на волну, на которой лейтенант держал связь с Саблиным, и вскоре уловил четкий стук радиотелеграфного ключа. Сначала ему трудно было догадаться, кто передавал — Саблин или Малиновкин, так как он пропустил начало их разговора и не принял ключевой группы радиотелеграфных знаков. Судя по слышимости, однако, похоже было, что это передавал что-то Малиновкин.

Но вот последовала небольшая пауза — и снова запела морзянка, теперь уже глуше, с частыми периодами замирания звука. Значит, передача велась издалека и радиоволны, преломляясь где-то очень высоко над землей, в зоне ионосферы, ослабевали на несколько мгновений. Теперь Ершову удалось принять и ключевую группу знаков. Код этот был ему знаком. Приняв всю радиограмму, он расшифровал ее у себя в комнате.

Вот что передавал генерал Саблин:

«Атомная энергия на стройучастке Перевальск—Кызылтау не применяется. Жанбаева интересует, видимо, что-то другое. Удалось перехватить шифровку его резидента. В ней не все ясно, но, может быть, она пригодится вам. Передам ее текст: «Чтобы мы смогли исправить допущенную вами ошибку, используйте сюрприз номер три».

Майор Ершов всю ночь думал над тем, что могла означать эта таинственная шифровка, адресованная Жанбаеву. В ней многое было неясно. Во-первых, что за ошибку он допустил? Может быть, им известно уже, что к Жанбаеву приехал не Мухтаров, а Ершов, и они обвиняют теперь Жанбаева в том, что он не сразу догадался об этом? Да, это было возможно. Тогда становится понятным, почему он скрылся куда-то и не связывается с Ершовым по радио.

Во-вторых, что означает «сюрприз номер три»? Как этим сюрпризом можно исправить допущенную Жанбае-

вым ошибку? Может быть, и это имеет прямое отношение к нему, Ершову?

Майор поднялся с дивана и закурил. В комнате было душно. Он подошел к окну и открыл форточку. Дом напротив выступал из мрака мутным силуэтом. Где-то, захлебываясь от ярости, залаяла собака. Протяжно прогудел паровоз на станции. И снова все стихло...

Постояв немного у окна, Ершов неслышно стал прохаживаться по комнате.

Что же они могли иметь в виду под «сюрпризом»? А может быть, тут все очень просто? Может быть, под «сюрпризом» имеется в виду обычный их прием ликвидации опасного человека? То есть его, Ершова... Это тоже вполне правдоподобно. Майор Ершов и без того ведь каждый час ожидал, что его попытаются «убрать с пути», и к этому был готов постоянно. Пугало майора другое. Если враги собирались «убрать» его, значит, он выдал себя чем-то и не сможет теперь выполнить задания.

А не имеется ли в виду под «сюрпризом» что-нибудь более значительное, чем покушение на контрразведчика Ершова? Непонятно ведь, почему в шифровке сказано: «...чтобы мы могли исправить допущенную вами ошибку»? Значит, Жанбаев, используя «сюрприз», не сам исправит ошибку, а даст этим возможность «им» ее исправить? Это уж что-то совсем непонятное...

Нужно было направить свои мысли по другому пути, отрешившись от прежней догадки. Ошибка Жанбаева была, видимо, в чем-то другом. Может быть, он послал неверную информацию своему резиденту? Мог ведь он принять взрывы аммонита за взрыв атомной бомбы? Когда взрывают тысячи тонн обычной взрывчаткой, нетрудно принять ее и за атомную. Он и поторопился донести об этом своим хозяевам, а потом, когда уже сам побывал на строительстве и его счетчик Гейгера не зарегистрировал там радиоактивных частиц, — понял свою ошибку.

Все, конечно, могло быть и так, но каким же «сюрпризом» Жанбаев должен был теперь дать возможность исправить его ошибку? И почему вообще эта ошибка могла иметь какое-то значение и нуждалась в исправлении?

ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЕМОДАН

Пробираясь сквозь кусты боярышника на третью ночь после встречи с Жанбаевым, Ершов решил, что если он и на этот раз не свяжется с ним по радио, значит, Жанбаев определенно не доверяет ему.

Томительно тянулось время. До начала сеанса оставалось еще десять минут, но Ершов уже включил рацию. Настраиваясь на нужную ему волну, он послушал кусочек какой-то музыкальной передачи, отрывок из доклада о международном положении, заграничный джаз и без трех минут двенадцать поставил визир на прием Жанбаева. Часы у него были выверены по радиосигналам и шли безукоризненно точно. Сегодня он меньше чем когда-либо рассчитывал на разговор с «Призраком», напротив — почти не сомневался, что такой разговор не состоится, и вдруг в наушниках его четко застучал радиотелеграфный ключ: «ту... ту-ту... ту...»; это был позывной Жанбаева.

Ершов даже вздрогнул от неожиданности и, затаив дыхание, торопливо стал записывать. Отстучав весь текст, Жанбаев повторил его, но Ершов и в первый раз успел записать все без ошибок. Теперь нужно было срочно расшифровать радиограмму. Майор за это время так освоил код, что даже при тусклом свечении шкалы рации смог заменить цифры буквами.

«Сегодня же выезжайте в Аксакальск, — приказывал Жанбаев. — Первый поезд идет туда в три тридцать. Зайдите там в камеру хранения ручного багажа, получите мой чемодан. Квитанцию и удостоверение, по которому она выписана, найдете в справочнике по археологии на столе в вашей комнате. Получив чемодан, немедленно возвращайтесь назад, ждите дальнейших указаний...»

После небольшой паузы, Жанбаев продолжал передачу:

«За нами, кажется, следит какой-то парень. Он наводил справки обо мне в археологической базе. Будьте осторожны».

На этом радиосеанс был окончен.

«Выследил кто-то Малиновкина или Жанбаев заподозрил его со слов старика-заведующего археологиче-

ской базой? — тревожно подумал Ершов. — А может быть, это Темирбек находится на службе у Жанбаева и следит за Малиновкиным? Очень возможно. Нужно, значит, быть еще осторожнее...»

Затем мысли майора вернулись к заданию Жанбаева: «Не ловушка ли это? Да, может быть, и ловушка, — отвечал он сам себе, — но за чемоданом придется все-таки поехать...»

В двенадцать сорок пять Андрей Николаевич связался с Малиновкиным. Сообщив Дмитрию, что радиограмма Саблина ему уже известна, он приказал лейтенанту донести генералу о новом задании Жанбаева. А в конце разговора велел Малиновкину срочно перебираться на другую квартиру и сообщить о новом адресе письмом до востребования.

Выключив рацию и все еще продолжая думать о приказании Жанбаева, Ершов вернулся в дом. Аскар давно уже спал или делал вид, что спит, — из комнаты его раздавался громкий храп. Темирбек еще с утра уехал на стройучасток.

Майор прошел к себе в комнату и сразу же сел писать записку Аскару, в которой сообщал, что ему срочно нужно выехать по делам музея. Записку он оставил на столе в комнате хозяина.

В Аксакальск Ершов прибыл ранним утром и без особых происшествий получил вскоре в камере хранения ручного багажа чемодан по квитанции, выписанной на имя какого-то железнодорожного кондуктора Рахимова. Видимо, помог Жанбаеву получить это удостоверение Аскар Джандербеков.

Чемодан был среднего размера, кожаный, по внешнему виду ничем не примечательный. Два внутренних замка его были закрыты, ключа к ним не было. Ершов подумал сначала — не зайти ли ему в районное отделение госбезопасности и не попытаться ли там открыть чемодан? Но он тут же отказался от этой мысли. За ним могли следить, и это погубило бы все дело.

Сев в поезд, Ершов все время думал о таинственном чемодане, осматривая его со всех сторон. Выбрав момент, когда в купе никого не было, он попытался даже открыть его замки стальной проволочкой. Майор допускал при этом и такую возможность — чемодан мог от-

крыться и взлететь на воздух! Это как раз и могло быть тем сюрпризом, о котором говорилось в перехваченной шифровке, адресованной Жанбаеву. Чемодан, однако, не открывался, несмотря на все усилия Ершова, имевшего некоторый опыт в слесарном деле. Он, впрочем, решил, что вдвоем с Малиновкиным они попытаются все же открыть его в Перевальске.

Родилась и еще одна смутная мысль: «А что если вся эта история с чемоданом всего лишь проверка его, Ершова?»

В Перевальск Ершов прибыл в три часа дня. Едва он вышел из вагона, как к нему тотчас подошел Аскар Джандербеков.

— Очень удачно приехали, — обрадованно сказал он. — Тут как раз записку от товарища Жанбаева привез для вас один его знакомый. Приказано немедленно вам ее передать. Вот, пожалуйста.

Ершов торопливо развернул вчетверо сложенный листок бумаги и прочел:

«Дорогой Таир Александрович!

Простите, что так долго заставил Вас ждать меня. Зато привезу Вам такую историческую вещицу, что Вы только ахнете! Да еще и документики кое-какие, относящиеся к древнейшим временам, удалось раздобыть. Наберитесь терпения еще денька на два. Посмотрите тем временем в местной библиотеке дореволюционные архивы, особенно том тринадцатый, на страницах 6, 11, 20, 30 и 34 обратите внимание на пометки царского чиновника Аксенова.

А теперь к Вам просьба. Чемоданчик, который я просил Вас привезти из Аксакальска, передайте Аскару, а он переправит его мне. Извините, что пришлось затруднить Вас таким поручением, но у меня не было другого выхода.

До скорой встречи!

Каныш Жанбаев».

Цифры текста были, конечно, шифром пароля. Нужно было, однако, проверить это.

— Подождите минутку, — сказал Ершов Аскару, отходя в сторону. — Я напишу несколько слов Жанбаеву.

— Пожалуйста, — равнодушно отозвался Аскар. — Только побыстрее. Поезд, с которым я должен буду отправить чемодан, отходит скоро.

Ершов достал блокнот и, прислонясь к стене вокзального здания, стал расшифровывать тайнопись Жанбаева, а Аскар Джандербеков, чтобы не мешать ему, направился к киоску с газированной водой.

Да, это действительно был пароль «Призрака». Он имел обыкновение передавать его каждый раз новыми цифрами шифра.

Что же делать теперь? Не отдавать чемодан? Но это значит открыть себя и дать Жанбаеву возможность улизнуть. Арестовать немедленно Аскара? Но ведь он может оказаться и не сообщником и даже, оказавшись сообщником, может не знать, где сейчас Жанбаев. Недаром у Жанбаева кличка «Призрак», он, конечно, никому не доверяет ничего серьезного, и Аскар едва ли знает о нем что-нибудь определенное.

А время шло, и нужно было что-то предпринимать. Джандербеков уже напился воды и, посматривая на часы, косится в его сторону. Ничего не поделаешь — придется идти на риск!..

Ершов торопливо написал записку с ничего не значащими словами и несколькими цифрами, зашифровав в ней свой позывной.

— Пожалуйста, Аскар Габдуллович, — обратился он к Джандербекову, — вот вам чемодан и записка для Жанбаева.

А потом, по дороге к дому Аскара, Ершов мучился сомнениями: правильно ли он поступил? Не помог ли осуществлению какого-то замысла Жанбаева? Нельзя ли было поступить как-нибудь иначе?..

По пути он зашел на почту и получил письмо от Малиновкина. Лейтенант сообщал ему новый адрес. В соответствии с распоряжением Ершова, он ни на станции, ни даже в городе сегодня не был. Будет и теперь сидеть дома до темноты, а вечером включит рацию и станет ждать новых приказаний майора.

В половине первого Андрей Николаевич связался с ним по радио и, рассказав о происшествии с чемоданом Жанбаева, приказал сообщить об этом генералу Саблину.

ВОЗМОЖНА ДИВЕРСИЯ...

Ольга Белова заканчивала составление проекта дополнительных земляных работ в километровой выемке, когда в палатку к ней вошел инженер Вронский.

— А вас комендант разыскивает, Анатолий Алексеевич, — сказала она Вронскому, не отрываясь от бумаг. — Вы разве не встретились с ним? Он только что заходил сюда.

— Зачем я ему понадобился? — устало проговорил Вронский, опускаясь на складной стул.

— Пришло какое-то секретное указание от местного отделения госбезопасности.

— А он не сказал вам, какое именно? — насторожился Вронский.

— Что-то связанное с усилением бдительности.

— Да? — Вронский удивленно поднял брови и положил на место книгу, которую взял было со стола. — Это любопытно. Нужно будет разыскать его. Я зайду к вам минут через пять, если вы разрешите, Ольга Васильевна?

— Вы же знаете, Анатолий Алексеевич, — я вам всегда рада.

Благодарно улыбнувшись Беловой, Вронский торопливо вышел из палатки. Спускаясь под откос косогора, он ловко прыгал с уступа на уступ. Ольга невольно залюбовалась его стройной фигурой спортсмена и долго еще смотрела в ту сторону, где давно уж скрылся из виду ее начальник, и думала о нем.

Вронский вернулся минут через десять. Он был очень расстроен чем-то и не сразу заговорил с Ольгой, когда вошел в ее палатку. Усевшись на складной стул, он закурил папиросу, не спросив разрешения Ольги, все еще продолжая озабоченно думать о чем-то.

— Да, неприятно все это, черт побери!.. — проговорил он наконец.

— А что такое, Анатолий Алексеевич? — забеспокоилась Ольга.

— Есть, оказывается, опасение, что к нам на стройку попытаются проникнуть подозрительные лица.

— Что за лица такие?

— Точно ничего пока не известно. Предполагают, что агенты иностранной разведки, а может быть, и

диверсанты. Я лично склонен думать, что диверсанты. Условия для диверсии тут подходящие — сотни, а то и тысячи тонн взрывчатых веществ могут взлететь на воздух от одной только короткой вспышки капсюля-детонатора, от малейшей искры электрического разряда.

Ольге показалось, что Вронский как-то уж слишком взволнован всем этим. Конечно, он не мог оставаться равнодушным к такому известию, но Ольга знала его, вернее, он казался ей очень смелым, мужественным человеком, всегда находившимся, как он сам любил говорить, рядом со смертью. Мог бы он и поспокойнее отнестись к этим сведениям работников госбезопасности...

— Конечно, враги не хотят оставить нас в покое, — не глядя на Вронского, произнесла Ольга. — Но ведь и мы все время начеку. Выследили же кого-то наши контрразведчики. Да и у нас тут надежная охрана. Не понимаю, чем вы так обеспокоены, Анатолий Алексеевич?

Вронский, казалось, взял себя в руки и ответил уже спокойно:

— Я потому так близко к сердцу принимаю все это, Ольга Васильевна, что на мне, как на начальнике взрывных работ, лежит ответственность не только за удачный или неудачный в техническом отношении взрыв, но и за безопасность людей и материальных средств. В конце концов, и ваша жизнь и моя собственная чего-нибудь да стоят.

Ольга хотела заметить ему, что пусть он меньше всего заботится о ее жизни, она не драгоценнее других, но сдержалась. Ей сегодня явно не нравилось что-то во Вронском... Она ничего не ответила на его слова и молча продолжала заниматься своим делом.

— Очень хотелось мне, Ольга Васильевна, посидеть тут с вами, посмотреть на вас, — помолчав немного, проговорил Вронский, вглядываясь в ее большие спокойные глаза, — но я, к сожалению, должен немедленно пойти и отдать кое-какие распоряжения.

Когда Вронский ушел, Ольга стала припоминать, что он всегда бывал очень возбужден в дни взрывных работ и даже накануне. Суетился, кричал на сменных инженеров, придирался к маркшейдерам, подозревая, что они неточно нанесли на местность границы опасной

зоны. Сам проверял чуть ли не каждый сросток электровзрывной сети.

Раньше Ольге казалось, что это всего лишь высокая требовательность к людям и самому себе, тщательное уточнение всех мельчайших деталей сложной системы взрывной техники. Но теперь она подумала: «А что если это трусость?..»

ТРЕВОЖНАЯ ОБСТАНОВКА

На следующий день после того, как Ершов вернулся из Аксакальска, ему снова удалось связаться с Жанбаевым, который, коротко сообщив о получении чемодана, сделал Ершову новое распоряжение:

«Если завтра Аскар не будет ночевать дома и не вернется к утру, немедленно забирайте рацию, садитесь на поезд и уезжайте в Аксакальск. К Габдулле Джандербекову не заходите. Остановитесь на Джамбульской двадцать один, у Арбузова. Передайте ему привет от меня и в двадцать четыре ноль-ноль обязательно будьте на приеме».

«Что́ бы это могло значить?» — удивленно подумал Ершов, выключая рацию. Похоже было, что Жанбаев собирается «смотать удочки». Но какое отношение имеет к этому Аскар? С ним случится что-нибудь или ему поручается какое-то рискованное дело? И почему следует избегать квартиры Габдуллы Джандербекова?

Ясно было пока только одно: Жанбаев намеревается предпринять что-то. Нужны, значит, какие-то срочные меры, которые помешали бы осуществить его замысел...

Не заходя домой, огородами Ершов вышел на улицу. Дом, в котором поселился теперь Малиновкин, был ему известен. Он специально проходил мимо него днем, чтобы на всякий случай знать, как попасть туда в ночное время. Без труда нашел он его теперь и, осмотревшись по сторонам, негромко постучал в угловое окно.

Лейтенант или не спал, или был очень чуток, — голова его тотчас появилась в окне. Узнав майора, он осторожно отворил окно.

— Что случилось, Андрей Николаевич?

— Можете вы незаметно выйти ко мне на улицу? — спросил Ершов.

— Лучше, пожалуй, если я через окно вылезу, чтобы хозяев не тревожить, — ответил Малиновкин.

Торопливо одевшись, он перекинул ноги через подоконник и спрыгнул на землю.

Было темно, и Ершов не боялся, что их может узнать кто-нибудь. Он взял Малиновкина под руку и, медленно направившись с ним вдоль глухой, темной улицы, сообщил о новой шифрограмме Жанбаева.

— Определенно этот негодяй задумал какую-то пакость! — возбужденно воскликнул Малиновкин, стискивая кулаки.

— Спокойнее, Дмитрий! — строго остановил его Ершов. — Постарайтесь в подобных обстоятельствах обходиться без восклицаний. Отправляйтесь немедленно к начальнику отделения госбезопасности и сообщите ему о возможной диверсии в ближайшие сутки. Попросите установить наблюдение за Аскаром Джандербековым. Предупредите об опасности и железнодорожников. Без их помощи вряд ли удастся нам что-нибудь сделать. А мне нужно возвратиться в дом Джандербекова, чтобы не вызвать подозрений Аскара. Встретимся утром в десять утра в молочной на углу Первомайской.

Майор Ершов почти не спал остаток этой ночи, а как только рассвело, напряженно стал прислушиваться к звукам в доме Джандербекова. Темирбек не ночевал сегодня дома, но Аскар еще вчера вечером будто невзначай сообщил Ершову, что он ушел в гости к какому-то родственнику и, наверно, там заночует.

Сам Аскар проснулся, как обычно, в семь часов. Не спеша умылся он на кухне, позавтракал и направился на работу. Ершов понаблюдал за ним через окно. Он шел своей развалистой, неторопливой походкой, слегка сутулясь и неуклюже размахивая руками. Конечно, нелепо было судить по всему этому, что́ на душе у человека, но Ершову показалось все же, что не похоже было, чтобы человек этот замышлял что-то или имел какое-то необычное поручение. Видимо, он сам еще не знал пока ничего и только должен был получить задание от Жанбаева.

Без четверти девять майор вышел из дому и, хотя с трудом сдерживал нетерпение, не спеша направился к Первомайской улице. Молочная только что открылась,

когда он вошел в нее, но Малиновкин уже ухитрился заказать себе простоквашу и стакан кофе.

Ершов сел за соседний столик и вежливо попросил у Малиновкина меню. Лейтенант протянул ему продолговатую твердую папку, в которой, кроме листочка с указанием стоимости молочных и кондитерских изделий, как и предполагал майор, оказалась записочка Дмитрия.

«Сообщил все кому следует, — писал лейтенант. — Обсудили все варианты действий Жанбаева. Есть опасение, что он замышляет что-то в связи с отправлением на стройучасток эшелона со взрывчатыми веществами».

«Ну да, конечно, он постарается использовать это обстоятельство, — сразу же решил Ершов, чувствуя, как на лбу его выступает испарина. — А я, значит, привез ему чемодан с подрывными средствами!..»

Первой же реакцией на эти мысли было желание немедленно действовать. Лично пойти на станцию и арестовать Аскара Джандербекова; потом видно будет, сообщник он Жанбаева или нет. Но тут же другой, более трезвый, внутренний голос удержал его: что даст это? Срыв диверсии? Но ведь Жанбаев насторожится и, если не осуществит своего замысла сейчас, то сделает это в другой раз, и тогда труднее будет предупредить диверсию, — он поймет, что Ершову—Мухтарову нельзя больше доверять.

ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ

В тот же день и примерно в то же самое время в кабинет генерала Саблина пришел с докладом полковник Осипов. В руках его была довольно пухлая папка с вырезками из иностранных газет. Он положил ее на стол перед генералом и молча сел в кресло, ожидая, когда Саблин закончит просмотр документов, представленных ему на подпись.

Подписав последнюю бумагу и отложив ее в сторону, генерал раскрыл наконец папку, принесенную Осиповым. Прочитав несколько газетных вырезок, он стал бегло перелистывать остальные, читая в них только заголовки статей и подчеркнутые Осиповым строки. По мере знакомства с этими материалами, лицо его прини-

мало выражение недоумения и он все чаще бросал вопросительные взгляды на полковника. Осипов же сидел неподвижно, задумавшись над чем-то и рассеянно перелистывая иллюстрированный журнал, который взял со стола Саблина.

Ознакомившись с газетными вырезками, генерал обратил внимание на то, что буржуазные журналисты, шумевшие в последнее время о могуществе атомного и термоядерного оружия, стали вдруг обсуждать проблемы мирного использования атомной энергии. Тон этих статей был унылый, пессимистический. Лишь говоря о работах по созданию судовых и авиационных атомных двигателей, журналисты заметно оживлялись и в бодрых тонах сообщали о новых контрактах на исследовательские работы в этой области, заключенных военными ведомствами.

Все остальные виды использования атомной энергии, не имевшие отношения к военной технике, изображались ими как недостаточно эффективные. Мало того, некоторые иностранные общественные деятели и даже ученые выступали с предостережениями против применения атомной энергии в мирных целях. Описывались даже случаи страшных взрывов атомных установок.

— То, что буржуазные газеты заговорили сейчас о проблемах использования ядерной энергии в мирных целях, меня ничуть не удивляет, — задумчиво проговорил генерал Саблин, слегка отодвигая в сторону папку с вырезками. — Протесты против продолжения испытаний водородных и атомных бомб вынудили их к этому разговору. Зачем, однако, принес ты мне все это — не пойму что-то.

— А ты не обратил разве внимания на то, что некоторые газеты ссылаются и на наш, будто бы плачевный, опыт использования атомной энергии в мирных целях? — спросил Осипов, придвигая к себе папку с вырезками.

— Подобные газетные «утки» не впервые ведь появляются в их печати, — пожал плечами Саблин.

— Ну, а вот это, например, — Осипов вынул из папки и протянул генералу небольшую вырезку. — Они пишут тут об «ужасном взрыве с огромными жертвами», происшедшем будто бы на строительстве одной из наших среднеазиатских железнодорожных магистралей.

Что ты об этом скажешь? Не кажется ли тебе, что статейка эта имеет какое-то отношение к миссии Жанбаева?

— Но тут не указывается ведь точного адреса «происшествия»? — спросил Саблин, пробегая глазами небольшую газетную заметку, на которую он не обратил внимания при беглом просмотре вырезок.

— Точного адреса нет, конечно, — ответил на это Осипов, нервно постукивая пальцами по краю стола, — да и быть не может, но боюсь, как бы они не попытались подкрепить эту газетную «утку» подлинными фактами.

— Какими фактами? — спросил Илья Ильич, хотя сразу же понял мысль Осипова.

— Взрывом с большим количеством жертв, — ответил полковник и настороженно посмотрел в глаза Саблину. — Не об этом ли «сюрпризе» говорилось в шифрограмме, адресованной Жанбаеву?

Теперь ход мыслей генерала Саблина совпал с мыслями полковника Осипова. Илья Ильич тоже думал сейчас об этом «сюрпризе» и о майоре Ершове. Проник ли он уже в замыслы Жанбаева или все еще теряется в догадках? Нужно будет предупредить его, пусть он имеет в виду возможность подобного «сюрприза».

— Когда у нас сегодня сеанс с Малиновкиным? — спросил генерал Саблин.

— В час ночи.

— Предупредите его, — коротко распорядился Илья Ильич.

— Слушаюсь.

В час ночи полковник Осипов сидел возле радиостанции и спокойно следил за уверенными движениями рук дежурного радиста. Однако, когда большая стрелка часов стала отсчитывать шестую минуту второго часа, на лице полковника можно было заметить первые признаки нетерпения. А из динамика радиостанции по-прежнему слышался лишь громкий шорох атмосферного электричества.

Радист, подождав немного, снова застучал ключом, посылая в эфир свои позывные, но и на этот раз никто не отозвался. А спустя полчаса полковник Осипов докладывал генералу Саблину:

— Малиновкин сегодня впервые не ответил на наш вызов. Что бы это могло значить?

...Илья Ильич думал об этом всю ночь. Он не страдал бессонницей, подобно полковнику Осипову, и, несмотря на все волнения своего обычно нелегкого трудового дня, хорошо спал ночами, если только срочные дела не были помехой этому. Сегодня, однако, он долго не мог заснуть и все думал о майоре Ершове.

Генерал Саблин прошел большую, суровую школу жизни. Были и победы, были и поражения на его пути. Врывался он в конспиративные квартиры белогвардейских офицеров в годы гражданской войны, выслеживал тайных агентов иностранных разведок в годы первых пятилеток, служил в армейской контрразведке в годы Великой Отечественной войны. В него стреляли открытые враги, строили козни против него враги скрытые, пробравшиеся в органы государственной безопасности. Но он любил борьбу во всех ее формах и видах и не страшился опасности.

Чем дальше шло время, чем ответственнее занимал он должности, тем сложнее становилась эта борьба, тем бóльших знаний требовала она от Саблина. Если в молодости полагался он, главным образом, на свою физическую силу, на верность глаза и на искусство владения оружием, то очень скоро потребовалось и острое политическое чутье, и знание международной обстановки. А теперь ко всему этому прибавилась необходимость в таких познаниях, о которых в годы молодости своей он не имел даже элементарного представления. Многих современных знаний тогда и не существовало вовсе. Возникла, например, надобность в изучении фототехники, микросъемки, радиотехники и даже телевидения. Не требовалось, конечно, быть специалистом, но знать принципы и возможности использования всей этой техники для целей разведки и контрразведки было совершенно необходимо.

Мало того, со временем потребовалось Саблину и глубокое знание не только экономики своей страны, но и экономики других стран, не говоря уже о военной технике и военной промышленности.

А как только человечество подошло к преддверию атомного века, Саблину пришлось взяться за литературу и по этому вопросу, слушать лекции, советоваться и консультироваться со специалистами в области атомной и термоядерной энергии, чтобы строже и успешнее

охранять военную и государственную тайну производства этой энергии. Без этого нельзя было успешно работать и руководить борьбой против тайных врагов родины.

Генерал Саблин лежал теперь с открытыми глазами, выверял и взвешивал все, пытаясь предвидеть путь дальнейшего развития событий, возможные поступки врагов и действия своих подчиненных. Положение майора Ершова казалось генералу особенно сложным, помочь ему требовалось больше, чем кому-либо другому. Но он и сам еще не знал, как это сделать, ибо не вполне ясен был для него очередной ход противника Ершова, а не разгадав этого хода, нельзя было дать майору верного совета.

Зато генералу Саблину все яснее становилась сама цель готовящейся диверсии. Кое-кто на Западе нуждался еще в том, чтобы внушить народам мысль о рискованности использования атомной энергии в мирных целях. Хорошо зная, что Советский Союз использует уже эту энергию для мирного строительства, они решили, видимо, одним диверсионным актом достичь сразу двух целей: во-первых, принести нам значительный ущерб, во-вторых, искусственной катастрофой подтвердить в какой-то мере заявления о будто бы неизбежном риске, связанном с использованием атомной энергии для мирных целей. Они и сейчас уже пишут о якобы происшедшем взрыве на одном из наших дорожных строительств, а произойди такой взрыв на самом деле — раструбят о нем на весь мир.

Что и говорить — обстановка становилась очень серьезной.

НОЧНОЙ РЕЙС

Ночь была на редкость темной. В двух шагах ничего не было видно.

— Нужно же затянуть отправку такого эшелона дотемна! — ворчал Шатров, поглядывая в окно паровозной будки на мрачное, беззвездное небо.

— Дежурный говорит, будто перегон занят, — заметил на это Рябов, подкачивавший инжектором воду в котел. — С Абдулаевым там что-то случилось. За-

стрял он на перегоне Голубой арык—Сосновый бор. Только с помощью толкача еле втащили его на подъем.

В окно Шатров видел разноцветные огоньки станционных сигналов и желтые пятна фонарей в руках осмотрщиков вагонов, проверявших только что прибывший на станцию товарный состав. Блеснул вдалеке луч прожектора поездного локомотива, отходившего от пассажирской станции в сторону Аксакальска.

Шатров знал уже об угрозе, нависшей над его поездом, и — хотя внешне ничем не выражал своей тревоги — неспокойно было у него на душе. Придирчивей, чем обычно, наблюдал он сегодня за работой помощников, требуя от них безукоризненной точности выполнения всех своих распоряжений.

— Держи по всей колосниковой решетке огонь ровным слоем, Федор, — приказывал он Рябову, заглядывая в топку.

— Тимченко! — кричал он кочегару, сортировавшему уголь на тендере. — Покрупней подавай сегодня уголь. Мелочь искрить будет, а это опасно для нашего груза.

Когда наконец паровоз подали к составу, главный кондуктор Бейсамбаев подошел к Шатрову и сказал почти шепотом, озираясь по сторонам:

— Сегодня, Константин Ефремович, особенно бдительным нужно быть, — очень ответственная поездка!

Так как поезд отправляли ночью, принимались особые меры предосторожности. Шатров заметил даже двух работников госбезопасности, несколько раз проходивших мимо состава. А когда поезд должен был тронуться в путь, к Шатрову подошел коренастый военный и, приложив руку к козырьку фуражки, представился:

— Капитан Бегельдинов. Надеюсь, вас не нужно предупреждать, товарищ Шатров, о необходимости быть бдительным? У нас сегодня есть основания беспокоиться за ваш поезд.

— Что эти военные панику поднимают, — недовольно заметил Рябов, когда капитан отошел от их паровоза. — Настроение только портят.

— Они важное задание выполняют, Федор, — строго заметил ему Шатров, — и ты оставь, пожалуйста, эти разговоры.

По техническим причинам поезд задержался на станции еще на полчаса. Вокруг по-прежнему было темно и безлюдно. Дул ветер, уныло завывая в щелях паровозной будки. Рябов начал уже терять терпение, ожидая, когда же наконец отправят их в путь. Тревога постепенно передавалась и ему, и он все чаще посматривал теперь в окно будки на растворившийся где-то во тьме ночи хвост состава и призрачные огоньки сигнальных фонарей, мерцавших в разных местах станции.

Но вот Бейсамбаев дал свисток — и поезд тронулся. Замелькали по сторонам привычные силуэты станционных строений, пестрые огоньки ночной сигнализации, тускло освещенный пригород; и поезд, набирая скорость, вышел наконец в открытое поле. Казалось, в непроглядной мгле ничего уже нельзя было разглядеть по сторонам, но Константин по выхваченным из темноты лучом прожектора кустикам, пикетным столбикам, уклоноуказателям, похожим на мрачные кресты, и по другим предупредительным знакам и знакомым предметам свободно читал местность и уверенно вел свой локомотив.

С поездом Шатрова на тормозных площадках вагонов, переодетые стрелками военизированной охраны, ехали в эту ночь Ершов и Малиновкин: майор — вместе с главным кондуктором в голове поезда, лейтенант — с хвостовым кондуктором на последнем вагоне. Еще три стрелка размещались на остальных тормозных площадках.

Лейтенант Малиновкин был в приподнятом настроении — наконец-то он участвует в настоящем деле!

«Чертовски нужная наша профессия контрразведчиков, — с гордостью думал он, всматриваясь в темноту. — Вот где-то в ночи неслышно ползут сейчас гады — шпионы и диверсанты. Они могут отравить колодцы, выкрасть важные военные документы, убить большого государственного деятеля, взорвать поезд со взрывчатыми веществами... Кто-то должен упорно идти, ползти по их следам, чтобы помешать им в этом. Долгие, томительные дни терпеливо нужно выжидать и выслеживать, рассчитывая каждый свой шаг, угадывая каждый шаг противника и не имея права ошибиться. А когда настигнешь наконец врага, когда схватишь его за горло и прижмешь к стене, — тебе скажут за это спасибо от

имени твоего народа. Дадут, пожалуй, и орден за это, но ты никому не сможешь рассказать — за что тебе дали его, хотя, наверно, очень будет хотеться рассказать, потому что ты совершил настоящий подвиг, которым могли бы гордиться твои друзья и твоя невеста, если только она есть у тебя...

У Малиновкина не было пока невесты, и он тяжело вздохнул. У него была девушка, которая ему только нравилась, но для того, чтобы назвать ее невестой, нужно было полюбить ее так, как Шатров полюбил свою Ольгу. Мысли Малиновкина отклонились немного в сторону, когда он вспомнил о Беловой, которую видел недавно на станции Большой Курган. Она понравилась ему, хотя он и не назвал бы ее красивой. Но, тряхнув головой и отогнав от себя эти воспоминания, Дмитрий под размеренный стук колес снова стал думать о контрразведчиках.

«Да, чекисту нельзя болтать о своей работе, иначе он может погубить и себя, и дело, которое ему поручено. Если же он не умеет владеть собой и тщеславие окажется сильнее воли его — он уже не контрразведчик, не чекист. Случайно, значит, совершил подвиг, и зря его наградили. В другой раз может и провалить все дело, сам погибнуть и погубить других. А слава?.. Слава и без того пойдет за ним следом, если только он заслужит ее честно...»

Малиновкин вспомнил, как он в первый раз смотрел кинокартину «Подвиг разведчика», каким уважением проникся к майору Федотову, как сам по-другому стал смотреть на себя после этого, хотя тогда только учился еще в военном училище. «Надо быть таким, как майор Федотов, — говорил он себе. — И я буду таким. Другим просто нельзя быть, незачем идти тогда в разведчики...»

Так думал всю дорогу молодой лейтенант, хотя и не представлял себе отчетливо, как он схватит тут ночью на мчащемся поезде врага, которого даже не видел ни разу, не знал, где он сейчас и что делает. Зато он безгранично верил майору Ершову; образ его теперь как бы слился с образом Федотова. Ершов-то знает, конечно, где Жанбаев, и схватит его, когда будет нужно, а он, Малиновкин, поможет ему в этом, не щадя своей жизни...

А Ершов тоже смотрел в это время в непроглядно

темную степь за тормозной площадкой вагона и тоже ничего не знал о Жанбаеве. Только он не предавался таким романтическим мечтаниям, как его молодой помощник. Голова майора была занята другими мыслями. «Пробрались ли уже враги на поезд или проникнут на него где-то в пути? — напряженно думал он. — И кто они эти враги: сам ли это Жанбаев, Темирбек или Аскар Джандербеков?..»

Мог бы, конечно, и Аскар по приказанию Жанбаева подложить что-нибудь в один из вагонов, но за ним теперь тщательно следили, и Ершову было известно, что до отхода поезда он не выходил из помещения кондукторского резерва.

Того, что «Призраком» подкуплен кто-нибудь из кондукторской бригады, Ершов не опасался. Ему еще днем сообщили, кто будет сопровождать поезд. Люди все были надежные. Подойти незаметно к поезду в Перевальске тоже было невозможно, так как охранялся он усиленным нарядом. У Жанбаева остается, значит, лишь такой ход: подобраться к поезду на одной из промежуточных станций. А если это так, то беспокоиться пока нет оснований, — поезд вот уже третий перегон идет без остановок.

Когда эшелон пришел на станцию Курганча, небо на востоке начало светлеть. Оно было теперь почти безоблачно. Ветер, всю ночь усердно разгонявший тучи, тоже понемногу успокаивался. Контуры большегрузных крытых вагонов поезда постепенно становились все отчетливее. Можно было разглядеть уже и составы, стоявшие на соседних путях, и станционные строения чуть в стороне.

Несколько местных железнодорожников, вышедших встречать поезд Шатрова, медленно шли вдоль состава. Мерно покачивались в их руках фонари, бросая тусклые пятна света на серый песок балласта. Бейсамбаев поздоровался с одним из них, очевидно с дежурным по станции, и пошел с ним рядом.

Майор тоже соскочил со ступенек тормозной площадки и прошелся немного вдоль вагонов, посматривая по сторонам. С паровоза спрыгнул кто-то из бригады Шатрова, — кажется, Рябов. Прошли мимо осмотрщики вагонов, приподнимая длинными крючками крышки вагонных букс.

Стрелки́ военизированной охраны тоже ходили теперь вдоль состава, держа винтовки наперевес. К майору подошел вскоре сержант железнодорожной милиции, дежуривший на станции. Видимо, это Бейсамбаев сообщил ему, что Ершов тут самый старший. Приложив руку к козырьку фуражки, он доложил:

— У нас тут все в порядке, товарищ начальник. А у вас как дела?

— Да тоже как будто все благополучно, — ответил Ершов. — Вы покараульте здесь за меня, а я пройдусь немного.

— Слушаюсь, — отозвался сержант.

Поинтересовавшись у Рябова, как идут дела на паровозе, Ершов повернулся назад и медленно пошел к хвосту поезда, останавливаясь у тормозных площадок и разговаривая со стрелками охраны. Когда он подходил уже к концу поезда, с хвостового вагона спрыгнул Малиновкин и торопливо пошел к нему навстречу.

— Ну, как тут у вас дела, Митя?

— Все в порядке, Андрей Николаевич, — ответил лейтенант и добавил, понижая голос: — но вы знаете, кто едет со мной хвостовым кондуктором? Темирбек! Я его теперь только узнал, когда рассветать стало. Оказывается, прежний хвостовой кондуктор заболел внезапно, перед самым отходом поезда, и его заменили Темирбеком. Так, по крайней мере, объяснил мне сам Темирбек.

— Это очень важное обстоятельство, — взволнованно проговорил Ершов. — А как он ведет себя?

— Флегматично, как всегда. За всю дорогу ни слова не вымолвил.

— Мне нельзя показываться ему на глаза, но вы ни на минуту не упускайте его из виду! — торопливо распорядился Ершов. — Кто его знает, может быть именно ему поручил Жанбаев диверсию, хотя и не верится мне, чтобы он доверил этому человеку такое дело.

Когда Ершов вернулся к своей тормозной площадке, Бейсамбаев сообщил ему:

— Ну, скоро двинемся дальше. Поездной диспетчер обещает «зеленую улицу» до самого Большого Кургана.

— Снова, значит, без остановок на промежуточных станциях?

— Снова. Люблю такую езду!

— А то, что у нас на хвостовом вагоне вместо Дослаева едет Темирбек, вам известно?

— Известно, конечно, Дослаев заболел ведь. Но замену ему надежную дали. Темирбек — опытный кондуктор. Много раз с ним ездил, и потом он родственник начальника нашего, Аскара Джандербекова.

«Случайно так все получилось или Темирбек тут по заданию Жанбаева? Аскар мог ведь специально так все подстроить, чтобы он попал на этот поезд...» — торопливо думал Ершов.

— А Темирбек знал, где и какие будут у нас остановки? — спросил он Бейсамбаева.

— Откуда ему знать? — удивился главный кондуктор. — Я и сам узнал об этом только перед самым отходом из Перевальска.

— Ну, а что теперь поедем без остановок до Большого Кургана, Темирбек знает?

— Теперь знает. Я всю свою поездную бригаду успел оповестить.

«Если Темирбек действительно имеет какое-то задание от Жанбаева, то он, видимо, предпримет что-нибудь тут, в Курганче...» — тревожно подумал майор Ершов, но мысли его прервал свисток Бейсамбаева. Ему тотчас же отозвался паровоз Шатрова.

— Поехали, — сказал главный кондуктор, осторожно подталкивая Ершова к тормозной площадке.

Поезд медленно тронулся с места. Колеса вагонов, мягко спружинив на первом стыке рельсов, с каждой секундой ускоряли свой бег и все чаще и громче постукивали на стрелках и крестовинах станционных путей.

...А в это время лейтенант Малиновкин, с тревогой вглядываясь в темноту, искал хвостового кондуктора Темирбека. Он сошел с тормозной площадки всего какую-нибудь минуту назад. И вот поезд тронулся, а его все не было. Что делать? Дать уйти этому мерзавцу? Малиновкин почти не сомневался теперь, что Темирбек, заподозрив, что за ним наблюдают, сбежал. Но нет, этого он, лейтенант Малиновкин, не мог допустить. Майор Ершов приказал ведь ему не спускать глаз с этого типа.

А поезд между тем все увеличивал скорость, и по сторонам все чаще мелькали стоящие на соседних путях вагоны. Темирбека, однако, нужно было схватить

немедленно! Замешан он в замысле Жанбаева или нет — это выяснится позже, а сейчас его нужно поймать во что бы то ни стало. Здесь, на станции, нетрудно будет сделать это. На ней стоят лишь два состава-порожняка, а сама станция, насколько было известно Малиновкину, состояла всего из трех служебных построек, вокруг которых простиралась голая степь. Темирбек не уйдет тут никуда.

Поезд теперь почти миновал станцию и развил такую скорость, что прыгать с него было рискованно, но Малиновкин был хорошим спортсменом и спрыгнул благополучно.

ВРОНСКИЙ НЕРВНИЧАЕТ

О том, что в Большой Курган отправляется эшелон со взрывчатыми веществами, Вронскому стало известно еще вечером. Он тотчас же вызвал к себе инженера Ивашкина, отвечавшего за безопасность взрывных работ, и спросил, в каком состоянии находится у него аммонит, привезенный на прошлой неделе.

— Все как полагается, — не очень уверенно ответил Ивашкин, так как по тону Вронского чувствовал, что тот уже заметил какой-то беспорядок. — У меня, сами знаете, Анатолий Алексеевич, — всегда всё точно по инструкции.

Ивашкин был полным, рыхлым мужчиной, с трудом переносившим местную жару. Пухлое лицо его постоянно лоснилось от пота, соломенная шляпа, надвинутая на глаза, была обезображена какими-то грязно-желтыми пятнами, а огромный носовой платок, которым он беспрерывно вытирал лицо и шею, никогда не был сухим. Вронский, не любивший Ивашкина за эту удивительную потливость, разговаривал с ним с еле сдерживаемой брезгливостью и, здороваясь, никогда не подавал руки. Не имея оснований упрекнуть Ивашкина в плохом исполнении служебных обязанностей, он все же придирался к нему по всяким пустякам.

Вот и сейчас Вронский смотрел на него строгим начальническим взглядом, не предвещавшим ничего доброго.

— А почему у вас, Евсей Фомич, часть взрывчатки

до сих пор еще находится на станции? — сухо спросил Вронский, слегка наморщив нос при виде платка, которым Ивашкин торопливо вытер потную шею.

— Но, помилуйте, Анатолий Алексеевич! — взмолился Ивашкин. — С вашего же разрешения временно ее там держим. Но завтра же...

— Как завтра? — закричал Вронский, прерывая Ивашкина. — Сегодня же чтобы все было убрано! Ночью к нам целый эшелон аммонита пришлют, а тут еще этот не убран. Вы что, в сплошной пороховой погреб хотите превратить станцию? Немедленно убирайте взрывчатку куда хотите!

— Но позвольте, куда я ее ночью дену?.. — всплеснул пухлыми руками Ивашкин. — Ничего с нею не случится до завтра. Она у нас в специальных вагонах-складах, оборудованных в соответствии с «Едиными правилами безопасности» — раздел пятый, глава одиннадцатая. Все вагоны без тормозов и тормозных площадок. Прежние двери забиты. Новые сделаны точно по «Правилам»: один, восемь на ноль, девять. Открываются внутрь. Я ведь все это назубок знаю. Параграфы: двести двадцать семь — двести двадцать восемь...

— Да что вы мне тут инструкции цитируете! — разозлился Вронский. — Сам знаю, что разрешается временно держать взрывчатку в вагонах-складах, но нельзя же скапливать столько взрывчатых веществ на одной станции, — сюда ведь целый эшелон аммонита придет сегодня ночью или к утру.

— Так его на других путях поставят, — не сдавался Ивашкин, потея от волнения больше обыкновенного. — А у нас приняты все меры предосторожности. Вагоны-склады имеют опознавательные знаки в соответствии с параграфами пятьдесят три, пятьдесят четыре — красные диски днем, ночью — красные фонари. На дверях белые плакаты с черными буквами — «опасно». Все как полагается...

Но Вронский уже не слушал его. Он поднялся из-за стола и ушел на станцию, тревожно думая дорогой, что очень некстати везут ему сейчас эту взрывчатку. Заметив на станционных путях несколько цистерн с бензином, начальник взрывных работ забеспокоился еще более.

«Этого еще не хватало, — раздраженно подумал он,

переводя взгляд с цистерн на составы с лесом. — Как нарочно, забили всю станцию горючим материалом...»

Дежурный по станции Большой Курган инженер-лейтенант Грачев, выслушав его, только руками развел:

— Что поделаешь, товарищ Вронский! Станционные пути у нас недостаточно развиты, а грузы всё прибывают.

— Так ведь взрывчатку же ночью пришлют, — возбужденно проговорил Вронский.

— Ну так что же? — невозмутимо отозвался дежурный. — Обычное явление. Не впервые такие грузы принимаем. Непонятно даже, чего вы нервничаете?

Вронский, более всего боявшийся обвинения в нервозности, так и вспыхнул весь:

— Кто нервничает? Что вы, в самом деле!.. Не знаете разве, какова обстановка? В любой момент возможна диверсия, особенно в такой благоприятный, когда к нам прибывает чуть ли не две тысячи тонн взрывчатых веществ, а станция вся забита цистернами с бензином и строительными материалами...

— Знаем, всё знаем, — спокойно прервал его дежурный. — Не нужно только сгущать краски и преувеличивать опасность.

Дежурный по станции был уже не молодым человеком. На транспорте работал он не первый год и дело свое знал в совершенстве. Спокойно, без суеты привык он принимать решения. Даже тогда, когда требовалось действовать быстро, Грачев тратил на это ровно столько времени, сколько было необходимо. Он понимал, конечно, что возможность диверсии, о которой все работники станции были предупреждены, делала обстановку серьезной, даже напряженной, но нервничать так и горячиться, как этот молодой инженер, он положительно не видел оснований.

Вронского же, напротив, возмущало спокойствие этого человека, лицо которого показалось ему почему-то чрезвычайно глупым. «Удивительно тупой народ эти эксплуатационники...» — с раздражением подумал он и спросил:

— Что же вы, однако, думаете предпринять?

— Ничего не думаю предпринимать, — равнодушно проговорил дежурный.

— Ну так вы просто флегматик какой-то! — возму-

тился Вронский и направился к выходу. — Я начальнику станции буду жаловаться.

— Хоть самому министру путей сообщения, — все тем же невозмутимым тоном ответил дежурный.

После этого обмена любезностями Вронский сердито хлопнул дверью и вышел из конторы дежурного по станции. Однако он не пошел к начальнику жаловаться на Грачева, решив, что «все они, эксплуатационники, на один лад, и ничем их не прошибешь...»

ПОЕЗД ПРИХОДИТ В БОЛЬШОЙ КУРГАН

Рассветало, когда Анатолий Вронский со своей помощницей Ольгой Беловой пришли встретить поезд Шатрова. Инженер Ивашкин, раньше их явившийся на станцию, давно уже нетерпеливо прохаживался по перрону. Было свежо, и Ольга зябко куталась в свой широкий, выгоревший на солнце плащ.

Вронский всегда имел обыкновение лично встречать такие поезда, и в присутствии Ольги не было тут никакой необходимости. Сколько, однако, ни уговаривал ее Вронский не ходить сегодня на станцию, она и слушать ничего не хотела. А когда Анатолий Алексеевич проговорился случайно, что сегодня просто опасно быть на станции, она уже самым категорическим образом заявила:

— Тем более я хочу быть тут. Долгом своим считаю! И потом — Шатров мой друг, и мне будет приятно встретить его и поздравить с благополучной доставкой такого опасного груза. А уж он доставит его благополучно, можете не сомневаться.

Вронский не нашелся, что ответить ей на это, только еще пристальнее стал вглядываться в рельсовый путь, уходящий на запад и сливающийся вдали в одну линию. Ему не нравилось, что в последнее время Ольга так часто стала вспоминать Шатрова, и он хотел уже было поиронизировать над этим, но тут его позвал кто-то из железнодорожников и попросил срочно зайти к дежурному по станции.

Грачев, все еще продолжавший нести дежурство по станции, удивил его бледным цветом лица и беспокойным блеском глаз. Вронский сразу же подумал, что

случилось что-то необычное, если так изменился вдруг этот хладнокровный человек.

— Что слышно о поезде Шатрова, товарищ Грачев? — торопливо спросил его Вронский, уже не думая больше о вчерашней размолвке.

— Поезд Шатрова близко уже, — ответил дежурный по станции, и голос его дрогнул при этом, хотя он изо всех сил старался скрыть свое волнение. — Прибудет с минуты на минуту, но...

Грачев замялся, будто не решаясь произнести какое-то страшное слово, но, сделав над собой усилие и осмотревшись по сторонам, проговорил, понижая голос почти до шепота:

— Он заминирован.

— Как! — испуганно воскликнул Вронский, сразу же почувствовав, что ладони его рук стали мокрыми.

— Диверсанты поставили на нем мину замедленного действия. Она может взорваться каждое мгновение, — пояснил дежурный, взяв наконец себя в руки. — Надо действовать немедленно! Я прошу вас помочь мне. Необходимо предупредить всех об опасности. Я закрою семафор и не пущу поезд на станцию. Но если он взорвется даже там — все равно беда будет немалая.

— А что делать мне? — еле сдерживая охватившую его нервную дрожь, спросил Вронский.

— Поднимите рабочих в бараках и уведите их за холмы. Бараки ведь в конце станции, как раз за входным семафором.

— Значит, если поезд взорвется там...

— Да, да, — нетерпеливо прервал его дежурный. — Именно поэтому их нужно выводить из бараков как можно скорее!

— Хорошо, я сделаю это, — глухо проговорил Вронский, чувствуя, как у него все пересохло во рту. Во время войны он лежал однажды между рельсами, когда рвался на станции эшелон с боеприпасами, в который попала фашистская авиационная бомба. Долгое время не мог он без содрогания вспоминать об этом. Однако постепенно острота потрясения сгладилась, и он даже начал рассказывать о происшествии этом в юмористическом тоне. Теперь же Вронский снова с необычайной отчетливостью представил себе беспрерывные глухие взрывы рвущихся снарядов, свист осколков,

вспышки пламени, судорожное сотрясение земли и стоны раненых. Он ничем не мог уже подавить овладевшее им чувство страха и с ужасом думал, как в таком виде появится он перед Ольгой.

— Я сейчас же побегу к баракам, — повторил Вронский, — отправлю только со станции Белову...

Но тут вдруг услышал он ее спокойный голос:

— Не нужно меня никуда отправлять, Анатолий Алексеевич. Я тоже пойду к баракам и помогу вам.

— Но, Ольга Васильевна... — начал было совсем растерявшийся Вронский.

— Нам дорога каждая секунда. Идемте!

И, уже направляясь к выходу, Ольга спросила дежурного:

— А Шатров знает, что его поезд заминирован?

— Нет, не знает, — ответил дежурный, делая какие-то знаки молодому железнодорожнику, заглянувшему в помещение.

Ольга первой вышла на перрон и торопливо, почти бегом, направилась к баракам. Вронский едва поспевал за нею, со страхом думая, заметила она или не заметила, как дрожал его голос? Только бы теперь она не спрашивала его ни о чем, а он постепенно возьмет себя в руки...

Они пробежали уже значительную часть расстояния и приближались к семафору, крыло которого как раз в это время тяжело опустилось в горизонтальное положение. Ольге показалось даже, что оно рухнуло вдруг, будто подстреленное кем-то, и судорожно подрагивало теперь в предсмертных конвульсиях, как живое крыло смертельно раненной птицы. И как раз в это время из-за холмов вынырнул поезд Шатрова с еще не потушенным прожектором и каким-то лихорадочным блеском буферных сигнальных огней. Постепенно он начал сбавлять скорость и вскоре совсем остановился у закрытого семафора..

— Нужно предупредить Константина, — торопливо проговорила Ольга, нервно хватая Вронского за руку.

— Что вы, Оля! — почти закричал Вронский. — Поезд взорваться может каждую секунду... Нам людей нужно спасать!

— А с бригадой Шатрова как же? Разве они не люди?

Вронский едва мог стоять на одном месте. Ноги, казалось, так и несли его в сторону, подальше от поезда с его страшным грузом.

— Но, Оля, не будьте безрассудны... Там ведь сотни людей в бараках...

— Хорошо, — почти спокойно проговорила Ольга, — идите спасать сотни людей, а я спасу этих трех.

— Это безумие, Ольга Васильевна! — уже начиная злиться, воскликнул Анатолий Алексеевич.

— Не теряйте же время, Вронский! Выполняйте свой долг!

Вронский в эту минуту глубоко презирал себя за чувство страха, всецело овладевшее им, но ничего не мог с этим поделать. Тяжело вздохнув, поспешно побежал он к баракам.

Ольга между тем изо всех сил бежала к локомотиву, увязая в сыпучем песке. Но ее уже заметили с паровоза, и Константин торопливо спускался из будки машиниста ей навстречу. А когда она подбежала совсем близко к паровозу, то чуть не столкнулась с железнодорожником, посланным дежурным по станции предупредить Шатрова.

— Константин, Костя! — задыхаясь прокричала она. — Ваш поезд заминирован!..

— Верно, товарищ Шатров! На вашем поезде диверсанты мину поставили, — торопливо подтвердил железнодорожник, смахивая ладонью пот с разгоряченного от быстрого бега лица. — Она должна скоро взорваться! Уходите немедленно с паровоза!..

— Как уходить?! — закричал Константин, снова поднимаясь на паровоз: — Бараки же вокруг... Как же можно? Ты слышишь, Федор?

Побледневший Рябов высунулся из окна паровозной будки.

— Кто такое приказание дал — бросить паровоз! — сверкнул он глазами и зло посмотрел на железнодорожника. — Ты, видно, что-то перепутал со страху...

— Ну, тогда вот что, — перебивая Рябова, решительно проговорил Шатров, осененный какой-то мыслью. — Пока перегон считается занятым нами, мы задним ходом уведем наш поезд подальше от станции. Бегите быстрее и доложите об этом дежурному. А вы, Ольга Васильевна, что же стоите тут! Уходите и вы поскорее!..

Но у Ольги уже не было сил двинуться с места. Она со страхом чувствовала, что у нее подгибаются ноги и она вот-вот упадет на землю.

— Эй, послушайте! — каким-то чужим голосом закричал Шатров железнодорожнику, бросившемуся уже было к станции. — Помогите женщине!

Железнодорожник вернулся и подхватил Ольгу под руку.

— Тимченко! — крикнул Шатров кочегару. — Живо беги предупредить охрану и поездную бригаду! Пусть они поскорее соскакивают с поезда. Ты тоже оставайся там с ними!

Перепуганный кочегар почти скатился с паровоза. Видя, с какой поспешностью убегает Тимченко, Шатров повернулся к Рябову:

— Иди и ты, Федор...

— Да ты что!.. — не находя нужных слов от возмущения, Рябов зло выругался. И Константин понял, что он ни за что не уйдет с паровоза.

В это время к ним подошли майор Ершов и главный кондуктор Бейсамбаев.

— Что случилось, товарищ Шатров? — спросил майор.

— Поезд заминирован, — спокойно ответил ему Шатров и добавил очень строго: — Уходите отсюда поскорее!.. И вы, Бейсамбаев, тоже.

— Ну, а вы... вы что собираетесь делать?

— Попробуем хотя бы оттащить поезд подальше от станции — бараки ведь тут вокруг. А вы уходите поскорее — нечего нам всем рисковать!

И, поспешно схватившись за рукоятку переводного механизма, Шатров установил ее для пуска паровоза задним ходом. Отпустив затем тормоза, Константин приоткрыл слегка регулятор, впустил пар в цилиндры и медленно сдвинул состав с места. Бледный, дрожащий от волнения, Рябов судорожно вцепился потными руками в подоконник паровозной будки, будто опасаясь, что кто-то может силой стащить его с локомотива. Он механически следил за быстрыми, уверенными действиями Шатрова, но, казалось, не понимал, что́ тот делает. Заметил он также, что майор Ершов побежал не на станцию, как советовал ему Шатров, а к хвосту состава.

Поезд между тем стал набирать скорость и все

дальше уходил от станции. Местность по сторонам железнодорожного пути становилась пустыннее. Лишь жесткий, пыльный кустарник, росший по склонам пологих холмов, слегка оживлял унылый пейзаж, да первые лучи показавшегося из-за горизонта солнца прибавили несколько ярких бликов к тусклым в эту пору года краскам местной природы.

Все еще находясь в состоянии смятения, Рябов высунулся в окно и почти с ужасом посмотрел на бежавшие впереди паровоза вагоны. В красноватых лучах восходящего солнца они казались ему залитыми кровью.

— Так, значит, и погибнем мы тут, Костя?.. — проговорил он дрогнувшим голосом, торопливо обернувшись к Шатрову.

Константин, не ответив, отстранил его от окна и, высунувшись из будки, проговорил удовлетворенно:

— Ну, хватит, кажется... Теперь уже не опасно.

Тотчас же прикрыв регулятор, он осторожно стал притормаживать. Федор, все еще ничего не понимая, удивленно посмотрел на него. А когда состав уже почти остановился, Шатров резко крикнул:

— Чего стоишь? Быстро отцепляй паровоз!

Тут только понял Федор замысел Шатрова и стремительно бросился вниз по лесенке. Достигнув земли, он едва устоял на ногах и побежал по обочине железнодорожного полотна вдоль тендера. Песок под ногами казался необычайно зыбким, ноги тонули в нем, бежать было трудно. Пот заливал разгоряченное лицо Федора, а сердце билось так, словно он без передышки преодолел огромное расстояние.

Добежав наконец до конца тендера, Рябов ухватился за буферный брус. Торопливо поймав затем торчащий сбоку рычаг расцепного привода, с силой приподнял его вверх, вывел из паза кронштейна, повернул на себя и опустил в прежнее положение. Звякнула цепь, скрипнул валик подъемника, и с грохотом разомкнулись стальные челюсти автосцепки.

Федор хотел было уже броситься назад, к паровозу, но вспомнил, что не разъединил еще воздушную магистраль автоматических тормозов. Нагнувшись, он поспешно перекрыл концевые краны магистральной трубы и, схватившись за резиновые рукава, легко расчленил их половинки.

— Что ты там копаешься, Федор? — сердито крикнул Шатров, высовываясь из паровозной будки.

Рябов проворно вылез из-под вагонных соединений и опрометью бросился к паровозу. А когда он схватился наконец за поручни лесенки, локомотив стал медленно отделяться от состава. Федор уже почти взобрался на паровоз, как вдруг услышал чей-то громкий крик:

— Рябов! Шатров!..

Рябов поспешно обернулся и увидел, что вдоль состава, энергично размахивая руками, бежит человек в военной форме.

— Товарищ Ершов?! — удивился Рябов. — Влезайте поскорее на паровоз!..

— Ладно, ладно! Не кричите так громко, товарищ Рябов, — весело отозвался майор Ершов. — Отбой! Уже не взорвемся больше. Можете снова прицепить свой паровоз к этому составу.

НА ТОРМОЗНОЙ ПЛОЩАДКЕ ХВОСТОВОГО ВАГОНА

Как только майор Ершов узнал от Шатрова, что поезд заминирован, он тотчас же подумал о Темирбеке и, не теряя времени, побежал к хвостовому вагону. Тревожила его и судьба Малиновкина. Темирбеку ведь не стоило большого труда перехитрить молодого, неопытного лейтенанта, и, кто знает, жив ли он теперь?..

Поезд уже тронулся в обратный путь, когда Ершов добежал лишь до середины состава. У одной из тормозных площадок почти столкнулся он с недоумевающим стрелком охраны. Спросив у него, не видел ли Малиновкина, майор приказал ему и другим стрелкам покинуть поезд.

Но вот и хвостовой вагон, катившийся теперь в голове поезда. Схватившись за поручни его, уже из последних сил вспрыгнул Ершов на тормозную площадку. Как он и предполагал — ни Малиновкина, ни Темирбека здесь не было. Не обнаружил он и никаких следов борьбы или поспешного бегства. Площадка была совершенно пустой и неповрежденной. Лишь под маленькой скамеечкой ее стоял небольшой, окованный желе-

зом сундучок, какие обычно берут с собой в дорогу поездные бригады.

Но что же случилось с Малиновкиным? Куда исчез Темирбек? Спрыгнули они с поезда в пути или остались в Курганче? Связано их исчезновение с угрозой, нависшей над поездом, или вызвано иными причинами? Все это было неясно пока, но какая-то связь между всеми этими событиями казалась ему несомненной. Темирбек не случайно ведь оказался на этом поезде. Разве не мог он, выполняя задание Жанбаева, заминировать какой-нибудь из вагонов? Малиновкин, видимо, мешал ему осуществить этот план, и Темирбек постарался, конечно, избавиться от него...

Но как и чем заминирован поезд? Скорее всего, установлена где-то мина замедленного действия. Ее можно ведь незаметно подсунуть под любой из вагонов и установить момент взрыва на любое время.

Какой же момент могли избрать для этого диверсанты? Едва ли их устраивал взрыв в пути. Скорее всего они рассчитывали на взрыв эшелона в Большом Кургане. Ершову было известно, что станция эта забита составами с лесом, бензином, а может быть, даже и с взрывчатыми веществами, широко применявшимися на строительстве дороги. А главное — люди. Бараки рабочих размещены там у самой станции и при взрыве должны были неминуемо пострадать. Конечно же, взрыв поезда на самой станции Большой Курган был главной целью Жанбаева.

Но как же он мог рассчитать время? Ни ему, ни Темирбеку не было ведь известно, когда прибудет поезд в Большой Курган, и они, значит, ориентировались на какое-то среднее время. Сделать такой расчет помог Жанбаеву Аскар Джандербеков, которому, как начальнику кондукторских бригад, хорошо было известно движение служебных поездов.

Шатров привел сегодня свой поезд в Большой Курган почти без остановок, но такие рейсы были исключением, и Жанбаев, следовательно, не мог на это ориентироваться. Значит, и взрыватель установил он на время несколько большее, чем то, которое фактически затратил Шатров. Вот, очевидно, почему поезд все еще не взорвался, но может взорваться с минуты на минуту!..

— Где же эта проклятая мина? Куда они могли запрятать ее?

Ершов еще раз осмотрел тормозную площадку, и тут снова внимание его привлек сундучок Темирбека. Осторожно выдвинув его из-под скамеечки, майор заметил очень сложный замок в петлях крышки.

«А что если мина замедленного действия в этом сундучке?» — подумал он, невольно вздрогнув всем телом.

Прижав ухо к крышке сундучка, Ершов прислушался, но ничего не услышал, так как шум колес поезда заглушал все прочие звуки.

Нужно было немедленно открыть замок. Но чем? Ершов ощупал карманы, — в них не было ничего подходящего, кроме перочинного ножа. Открыв нож, Ершов просунул лезвие в дужку одной из петель. Упругая сталь ножа прогнулась слегка от усилия его рук, но и дужка начала медленно сворачиваться в сторону. Нужно было бы посильнее нажать на нее, однако Ершов боялся шевелить сундучок.

Наконец перекрученная несколько раз железная петля отскочила от сундучка. Майор, затаив дыхание, осторожно открыл крышку и тотчас же увидел коричневый грибообразный предмет, торчащий из деревянной коробки, вложенной в сундучок.

Не могло быть никаких сомнений, что это взрыватель мины замедленного действия.

Ершов торопливым движением вытер выступивший на лбу холодный пот и опустился перед сундучком на корточки. За время работы в разведке и контрразведке он изучил множество систем различных мин замедленного действия — и своих, отечественных, и иностранных. Коричневый гриб показался ему похожим на немецкий часовой взрыватель «Feder-504» с заводом на двадцать одни сутки. Но он и отличался чем-то от него, — во всяком случае, Ершову с таким механизмом никогда еще не приходилось иметь дело.

Присмотревшись повнимательнее, майор обнаружил в верхней уширенной части корпуса мины несколько подвижных ободков с рубчиками накатки. Нижняя же цилиндрическая часть, имевшая меньший диаметр, была, видимо, ввинчена в запальную шашку с взрывчаткой, лежавшей внутри деревянного ящика.

Первой мыслью Ершова было схватить сундучок с миной и сбросить с поезда. Но тут же сообразил, что вряд ли удастся отбросить его так далеко, чтобы не опасаться детонации. Мину вообще опасно было трогать, так как она могла взорваться даже в руках от самого легкого сотрясения.

Поезд между тем развил довольно значительную скорость, и телеграфные столбы по бокам тормозной площадки мелькали все чаще и чаще. Но Ершов уже ни на что не обращал внимания, все мысли его и чувства были сосредоточены теперь только на мине. Продолжая изучать ее, он заметил вскоре на верхней части корпуса смотровое окошко. Через застекленное отверстие были видны колесико балансового маятника и установочный диск с красными делениями и цифрами. Нетрудно было сообразить, что цифры на дуге диска означали часы, а деления между ними — минуты.

Пока Ершов изучал взрыватель, он заметил, что установочный диск слегка сместился вправо, на два мелких деления.

Не дотрагиваясь до мины, майор торопливо принялся осматривать взрыватель со всех сторон. В самой верхней части его, в центре широкого ободка с рубчиками накатки, он заметил вскоре головку с красными черточками делений и цифрами — от единицы до двадцати четырех. Как и в смотровом окошке, находился здесь красный треугольник. Угол его совмещался с цифрой «четыре». Видимо, это и было заданное время замедления механизма взрывателя. До взрыва, следовательно, оставалось теперь всего четверть часа. Ершов все же вздохнул с некоторым облегчением. Вынув платок из кармана, он вытер им лицо, мокрое от пота, и впервые осмотрелся по сторонам.

С тормозной площадки хвостового вагона ему была видна холмистая местность с низкорослым кустарником, подступавшим почти к самому полотну железной дороги.

Выжженный солнцем и припудренный пылью балластного песка, кустарник казался окаменевшим. Зато многочисленные холмы, тесно примыкавшие друг к другу, в легком мареве утреннего тумана представлялись ему свернувшимися в клубок гигантскими животными,

А вверху, над холмами и над крышами вагонов, уже розовело небо раннего утра.

Нужно было торопиться, так как с каждой минутой механизм взрывателя становился все более чувствительным к сотрясению. Боевая пружина его вот-вот готова была послать ударник в чувствительную сердцевину капсюля-детонатора.

Но где же тут предохранитель взрывателя? Ершов знал, что при обезвреживании мин замедленного действия необходимо прежде всего остановить часовой механизм. В немецком взрывателе «Feder-504» делалось это просто: нижнее подвижное кольцо на уширенной части его корпуса нужно было только переместить несколько вправо.

Есть ли тут такое кольцо?

Ершов еще раз осмотрел корпус взрывателя. Вот чуть пониже верхнего заводного ободка видны рубчики второго, поменьше размером. Может быть, поворот именно этого кольца остановит часовой механизм?

Ершов осторожно дотронулся до корпуса взрывателя, но тотчас же отдернул руку. А что если это не то кольцо и поворот его только ускорит взрыв?..

Поглощенный тревожными мыслями, майор не чувствовал, что поезд стал постепенно уменьшать скорость. Он заметил это лишь тогда, когда эшелон совсем остановился. Рисковать теперь было не к чему. Майор мгновенно выпрямился. От неудобного сидения на корточках ноги закололо тысячью иголок.

Сундучок Темирбека у него в руках, теперь нужно спуститься поскорее с тормозной площадки на железнодорожное полотно, а ноги словно чужие. Он шел, как на протезах. Но вот он ступил наконец на зыбкий песок дорожного балласта... А еще несколько секунд спустя сундучок Темирбека находился уже за кюветом, и взрыв не мог угрожать даже полотну железной дороги.

Вот тут-то и увидел майор Ершов, как, отцепив паровоз от состава, устремился к паровозной будке помощник Шатрова Федор Рябов. И майор легко, почти как в детстве, побежал к нему по обочине дорожного полотна, оглашая воздух радостным криком:

— Рябов! Шатров!..

СПАСИБО ВАМ, ТОВАРИЩИ!

Когда силы оставили Ольгу и она чуть не упала на землю, ее осторожно поддержал молодой железнодорожник, в котором она узнала оператора Ерохина. Однако слабость Ольги была минутной. Она тотчас же взяла себя в руки и довольно твердо произнесла:

— Большое вам спасибо, товарищ Ерохин. Я теперь и сама доберусь. А вы не задерживайтесь, пожалуйста, из-за меня.

— Да что вы, Ольга Васильевна! — горячо воскликнул железнодорожник, все еще продолжая поддерживать Белову. — Как же я могу оставить вас здесь одну?..

— Нет, уж вы не беспокойтесь, пожалуйста, — осторожно отстранила его руку Ольга, и в голосе ее послышалось легкое раздражение. — Теперь ведь мне ничто не угрожает.

Поезд с опасным грузом действительно был уже довольно далеко, и Ерохин, несколько растерявшийся в напряженной обстановке, успокоился и тоже понял, что непосредственная опасность миновала.

— Ну, как хотите, товарищ Белова, — смущенно проговорил он, оставляя Ольгу. — Я пойду тогда.

Когда железнодорожник ушел, Ольга снова почувствовала неприятную, томящую слабость во всем теле и, отойдя немного в сторону, медленно опустилась на обочину полотна железной дороги.

Вглядываясь в даль, она видела, как, огибая холмы, исчезали за ними рельсы, сверкавшие ослепительным блеском в лучах все ярче разгоравшегося солнца.

А где-то там, за этими холмами, похожими на верблюжьи горбы, человек, ставший ей теперь самым дорогим на свете, угонял прочь от стройки, от людей, проживавших здесь, от нее, Ольги, смертоносный груз взрывчатки, каждое мгновение готовой взлететь на воздух, превратив в пепел поезд, людей, полотно железной дороги и все живое вокруг на десятки метров.

Ольга сидела несколько минут с плотно закрытыми глазами, а когда открыла их, все расплылось вокруг от слез. Никогда еще не было ей так тяжело и страшно... Лишь на мгновение возник перед ней образ Вронского таким, каким он представлялся ей когда-то, но тотчас

же потускнел, померк. Слетела с него сразу вся романтическая оболочка, и он предстал перед нею жалким трусом, с трясущимися руками, побледневшим лицом и дрожащим голосом...

Солнце теперь совсем выбралось из-за холмов. Лучи его падали уже не так откосо, как в первые минуты, и местность от этого изменила свою тональность. Краски ее стали спокойнее.

Тихо было вокруг. Шум и суета на станции и в бараках утихли, как только Шатров увел заминированный поезд. Постепенно все входило в нормальную колею. Поднялась с насыпи и Ольга, решив вернуться на станцию... Но вдруг за холмом, на который она так упорно смотрела, раздался сначала чуть слышный, а затем все более крепнущий, почти торжествующий звук паровозного свистка.

Ольга даже вздрогнула от неожиданности: «Неужели это поезд Кости?..»

Приложив руку к глазам, Ольга попыталась разглядеть вдалеке очертания паровоза Шатрова. Она не задумывалась в это мгновение, каким образом возвращался назад заминированный поезд, почему не взорвался до сих пор. Ей было ясно лишь одно — это поезд Константина, никакой другой поезд не мог быть сейчас на этом перегоне. Константин жив, значит!..

А когда поезд в самом деле показался из-за холмов, Ольга бросилась ему навстречу, хотя он был еще очень далеко, и тут только подумала: «А почему же он не взорвался все-таки? Что же это такое?.. Почему они снова везут свой страшный груз на станцию?..»

Девушка остановилась в замешательстве, не понимая, в чем дело.

«Может быть, нас неверно информировали? Может быть, поезд и не заминирован вовсе? — проносились тревожные мысли. — Или паровозная бригада совсем потеряла голову от страха и обреченный поезд панически мечется по перегону?..»

Но нет, этому она не могла поверить. Это могло случиться с кем угодно, но только не с Константином. Никогда еще, кажется, она так не верила в него, как теперь. Этот человек не мог растеряться, не мог потерять голову от страха.

Ольга совершенно отчетливо представила себе его

побледневшее от напряжения лицо с круто сведенными бровями, крепко стиснутые зубы, руку, сжавшую кран машиниста, напружинившееся мускулистое тело, готовое к любому стремительному движению, и ей нестерпимо захотелось вдруг быть с ним рядом, вместе встретить опасность, вместе одержать победу. Она не заметила, как снова быстро пошла навстречу поезду, который прошел уже значительное расстояние и сбавлял скорость, приближаясь к закрытому семафору.

Константин, высунувшись из окна, первым заметил Ольгу. Он протер глаза, не решаясь этому поверить. Но тут и Федор увидел ее.

— Смотри-ка, Костя!.. — удивленно крикнул он. — Снова наша Ольга!

Константин еще больше сбавил ход поезда. Теперь он шел совсем медленно, вот-вот готовый остановиться. Но еще прежде чем он остановился, Ольга крепко схватилась за поручни лесенки будки машиниста и стала быстро взбираться на паровоз. Федор поспешно протянул ей руку, чтобы помочь, но она, не замечая его, шагнула к Константину и, не удерживая неожиданно хлынувших вдруг слез, бросилась к нему, порывисто обняла и поцеловала, ощутив на губах солоноватый вкус пота, покрывавшего его лицо.

Константин не успел еще прийти в себя и понять происшедшее, как Ольга повернулась уже к Федору и протянула ему руку:

— Спасибо, спасибо вам всем, товарищи!..

Может быть, нужно было сказать что-нибудь другое, назвать их победителями, героями, но она почувствовала в них в эту минуту настоящих товарищей, с которыми ничто не страшно, с которыми можно пойти на любой подвиг, и она назвала их товарищами, ибо не знала другого слова выше этого.

— Еще одного человека нужно поблагодарить! — взволнованно проговорил Федор, повернувшись к смущенно улыбавшемуся майору Ершову. — Это он обезвредил мину и спас поезд.

Федор знал уже, что Ершов не работник какого-то там Алма-атинского исторического музея, за которого выдавал себя при первом их знакомстве. Догадывался даже, кем мог он быть на самом деле.

Ольга крепко пожала руку Ершову и снова повернu-

лась к Шатрову. А Константин все смотрел на ее сияющее лицо, на растрепавшиеся волосы, на большие ясные глаза, лучившиеся веселыми искорками счастья, и думал: «Если она даже не любит меня, то все равно она самый лучший, самый замечательный человек на свете!..»

Выглянув в окно, он увидел все еще опущенное крыло семафора и крикнул Рябову:

— Придется сообщить им, Федор, что беда миновала, а то они, пожалуй, не решатся впустить нас на станцию.

— Да, они, видать, изрядно вструхнули там... — засмеялся Федор, радуясь, что все наконец кончилось так благополучно.

— Кажется, спешат к нам со станции, — заметил Ершов, смотревший в окно с другой стороны паровозной будки.

Теперь Шатров и сам увидел, что кто-то торопливо шел, почти бежал к поезду по шпалам. Следом за ним спешили еще два человека в железнодорожной форме.

— Это сам начальник станции, — сказала Ольга, тоже вглядываясь через окно паровозной будки из-за плеча Константина.

Спустя несколько минут начальник станции и сопровождавшие его железнодорожники были уже на паровозе и с удивлением слушали краткий рассказ Шатрова, перебиваемый репликами Федора. Начальник станции был совсем еще молодым человеком и не умел сдерживать своих чувств. Он порывисто обнял всех по очереди и воскликнул простодушно:

— Ну и молодцы! Настоящие молодцы, честное слово!..

Соскочив с паровоза, он по-мальчишески быстро побежал к станции, и вскоре красное крыло семафора взвилось вверх, открывая дорогу поезду, возвратившемуся чуть ли не с того света.

Константин потянул за тягу, и долгий, могучий и торжественный голос выбрирующей меди паровозного свистка до боли в ушах потряс воздух.

— Я сойду здесь. У меня ведь нет разрешения на право проезда на паровозе, — сказала Ольга, собираясь спуститься по лестнице из будки машиниста.

— Останьтесь, Оля, — удержал ее Константин. — Вы вполне заслужили это право.

И Ольга осталась. Она стала позади Константина так, чтобы не мешать ему, но видеть неторопливые, уверенные движения его рук, управляющих механизмами огромного, полного затаенной мощи локомотива. И Константин, не оборачиваясь, всем своим существом ощущал ее позади себя и готов был теперь вести свой поезд с любым грузом, на любые подъемы, через любые испытания. Он всегда знал, что выполнит свой долг в любой обстановке, но никогда еще не чувствовал себя таким сильным, таким бесстрашным и таким нужным своему народу, своим товарищам и своей Ольге.

А майор Ершов стоял в это время в дверях паровозной будки, крепко схватившись за поручни, и тоже взволнованно думал. Нет, он не умилялся своим подвигом, он даже не считал свой поступок подвигом. Это было его долгом, не совершив которого он перестал бы уважать себя.

Думал Андрей Ершов совсем о другом: о просчете врагов, о их наивной надежде на легкую удачу. Рассчитывали, видно, что народ можно исключить из этой борьбы и если удастся перехитрить контрразведчиков, значит, можно уже торжествовать победу.

Но не таким легким оказалось все это дело. Даже если бы спасовал офицер контрразведки майор Ершов, если бы обманули его, ввели в заблуждение враги, все равно не дали бы им осуществить своих замыслов советские люди, рядовые железнодорожники — Шатров и Рябов. Они, может быть, не спасли бы всего эшелона взрывчатки, но зато уж непременно спасли бы станцию, людей, работающих на строительстве железной дороги, свой паровоз и самих себя. Они ведь и ему, Ершову, помогли справиться с миной, облегчили его задачу и, может быть, даже спасли жизнь...

Сознание близости своей с этими людьми и со всем своим народом наполнило теплотой сердце Андрея Ершова, и он почувствовал себя сильнее, чем когда-либо. Теперь ему казалось, что у него стало гораздо больше сил для борьбы с «Призраком».

НА АВТОДРЕЗИНЕ

Спрыгнув с поезда, лейтенант Малиновкин осмотрелся по сторонам. Неподалеку от него виднелся последний вагон стоящего на станции состава. Людей поблизости не было видно. Решив никому пока не выдавать своего присутствия, лейтенант поспешно взобрался в вагон, дверь которого была слегка отодвинута.

Вагон был пустой. Вторая его дверь тоже оказалась приоткрытой. Через ее просвет Малиновкин стал осматривать станцию. На асфальтированной платформе, примыкавшей к станционным строениям — трем небольшим стандартным домикам, увидел он сержанта железнодорожной милиции. Чуть подальше шагал по шпалам какой-то железнодорожник с зажженным фонарем в руках.

За станцией сразу же начиналась степь, голая, пустынная, просматривающаяся на большом пространстве. С другой стороны вагона, в котором сидел Малиновкин, на третьем станционном пути стоял еще один состав с порожними вагонами и платформами, за ним простиралась такая же степь, поросшая низкорослыми травами да видневшимися кое-где белыми пятнами ковыля.

«В степь этот мерзавец не пойдет, конечно, — твердо решил Малиновкин. — Но что же он предпримет тогда?»

Лейтенант попробовал представить себе, что́ бы стал делать он сам на месте Темирбека. Уйти в степь — опасно, попробовать добраться до той станции, где, может быть, приготовлен для него Жанбаевым мотоцикл, тоже рискованно. Оставалось, значит, только одно — притаиться в каком-нибудь из вагонов и ждать, когда отправят его в Перевальск. Но неизвестно, когда еще это могло произойти, а бегство Темирбека с поезда Шатрова не могло ведь долго оставаться незамеченным. Должен же был Темирбек сделать такое допущение?

Размышляя об этом, Малиновкин снова стал осматривать станцию и заметил вдруг, что двое путевых рабочих устанавливают на рельсах легкую автодрезину. Тотчас же у него возникла мысль: а почему бы Темирбеку не попытаться воспользоваться этой дрезиной? В его положении такое решение было бы, пожалуй, единственным шансом на спасение...

Быстро выбравшись из вагона, Малиновкин расстегнул кобуру пистолета и, переложив оружие в карман брюк, осторожно двинулся к железнодорожникам, держась в тени вагонов. Установив дрезину на рельсы, они заводили мотор. Со станционной платформы кто-то, дежурный или сам начальник станции, подал им сигнал,— очевидно, разрешение на выезд.

Малиновкин подошел теперь к дрезине так близко, что мог слышать разговор железнодорожников.

— Ну что — двинемся, пожалуй? — проговорил один из них.

— Двинемся, — ответил другой, голос которого показался Малиновкину знакомым.

Лейтенант вылез из-под вагона, решив подойти еще поближе, но в это мгновение громко и торопливо загрохотал мотор. Через мгновение дрезина дрогнула и покатилась в сторону Большого Кургана. Тут один из железнодорожников, лица которого Малиновкин не видел до сих пор, обернулся, чтобы поправить свисавший плащ, и лейтенант тотчас же узнал в нем Темирбека.

— Стой, стой! — срывающимся голосом закричал Малиновкин и, выхватив пистолет, побежал за дрезиной.

Теперь обернулся и второй железнодорожник. Увидев оружие в руках лейтенанта, он с удивленным видом остановил дрезину. На шум, поднятый Малиновкиным, из станционного здания выглянул сержант железнодорожной милиции. Придерживая рукой шапку, он поспешил к месту происшествия.

Лейтенант подбежал тем временем к дрезине и схватил Темирбека за шиворот.

— Ага, мерзавец, попался! — торжествующе воскликнул он, хотя спокойствие Темирбека его несколько обескуражило.

Хвостовой кондуктор смотрел на Малиновкина недоумевающими глазами и не делал ни малейшей попытки вырваться.

— Ты зачем меня хватаешь? — изумился он. — От поезда я отстал — это верно. Живот, понимаешь, схватило вдруг... А поезд ушел. Догонять теперь надо.

— Ладно, хватит сказки сочинять! — все еще не выпуская Темирбека из рук, проговорил Малиновкин, хотя в голосе его уже не было прежней уверенности.

— Верно говорит человек, — вступился за Темирбека второй железнодорожник. — Я — помощник дорожного мастера Рахманов. Темирбека хорошо знаю. Он действительно поездным кондуктором работает. А то что от поезда отстал — так за это ему и без вас всыпят. Попросился он в Большой Курган подвезти, я и взял его, потому как человек знакомый.

Сержант, подошедший теперь к дрезине, строго спросил Малиновкина:

— А вы сами кто же такой будете?

Малиновкин молча протянул свое удостоверение. Сержант, прочитав документ, козырнул лейтенанту.

— Да, это действительно помощник дорожного мастера — товарищ Рахманов, — кивнул он на железнодорожника, стоявшего рядом с Темирбеком.

Подошел к дрезине и начальник станции.

— В чем тут дело? — спросил он, хмурясь и строго посматривая на сержанта.

— Видите ли, — повернулся к нему Малиновкин, выпустив наконец Темирбека из рук, — этот человек сбежал с поезда при очень подозрительных обстоятельствах.

— Как сбежал?! — закричал Темирбек, возмущенно выпучив глаза. — Что он сочиняет такое, товарищ начальник? Говорю же я — отстал. Пусть меня к главному кондуктору отправят, к товарищу Бейсамбаеву, все ему объясню.

— Ну, хорошо, — решил вдруг Малиновкин. — Садитесь — поедем! Разберемся там во всем. Можем мы поехать сейчас в Большой Курган, товарищ начальник станции?

— Доедете сначала до Абайской, а потом, когда поезд Шатрова прибудет в Большой Курган, вас тоже туда пропустят.

— Включайте мотор, товарищ Рахманов, — кивнул Малиновкин помощнику дорожного мастера и уселся на скамеечку дрезины рядом с Темирбеком.

«Черт его знает, этого Темирбека, — думал он дорогой, когда дрезина выкатилась уже за пределы станции, — может быть, этот остолоп и в самом деле по нерасторопности своей отстал от поезда?..»

Темирбек между тем совершенно успокоился и даже, кажется, начал подремывать.

А дрезина развила уже такую скорость, что не уступила бы, пожалуй, и пассажирскому поезду. Она шла теперь по крутой насыпи, у подножья которой рос густой, сизоватый кустарник.

Малиновкин, то и дело скашивая глаза в сторону Темирбека, заметил вскоре, что он не только блаженно закрыл глаза, но и начал, похрапывая, ритмично подергивать носом, — шум моторчика автодрезины, видимо, действовал на него усыпляюще.

И вдруг легкая, малоустойчивая дрезина неожиданно подпрыгнула на неровности пути в месте стыка рельсов и заснувший Темирбек свалился с нее сначала на обочину, а затем кубарем покатился вниз по крутому откосу насыпи. Не раздумывая ни секунды, Малиновкин прыгнул за ним следом.

Рахманов тотчас же выключил мотор, но разогнавшаяся дрезина по инерции прокатилась еще некоторое время, прежде чем удалось ее остановить. Темирбек и Малиновкин тем временем скатились уже к основанию откоса, и их теперь не видно было среди густо росшего здесь кустарника.

Осторожно спускаясь с крутой насыпи, Рахманов увидел вскоре длинные ноги Малиновкина, неуклюже торчащие из ближайших кустов. Встревоженный неподвижностью этих ног, он не стал искать Темирбека, а поспешил к Малиновкину. Раздвинув пыльный, цепкий кустарник, он увидел навзничь лежащего лейтенанта. Лицо его было бледно, левый висок в крови, глаза закрыты.

— Ах ты беда какая! — растерянно проговорил Рахманов, торопливо доставая из кармана платок.

Приложив его к виску Малиновкина, он осторожно стал вытирать кровь, выступавшую теперь и на содранной щеке.

Лейтенант негромко застонал и с усилием открыл глаза.

— Рахманов... — чуть слышно произнес он и сделал попытку приподняться, но снова со стоном опустился на землю.

— Что с вами?.. Обо что вы так ударились? — спросил Рахманов, не зная, чем помочь Малиновкину.

— Об камень какой-то. Страшная боль в голове... — снова закрыв глаза и прижав руку ко лбу, ответил лейте-

нант. — Но вы оставьте меня пока тут. Я полежу немного... Может быть, пройдет. А Темирбека вы не видели? Поищите его хорошенько...

Рахманов торопливо стал обшаривать кусты, но Темирбека нигде не было видно.

— Прямо как сквозь землю провалился! — растерянно проговорил помощник дорожного мастера.

— Ладно, не ищите больше, — остановил его Малиновкин. — Сбежал, значит, мерзавец!.. Дрезина у вас в порядке? Ну, тогда поспешите на станцию. Этот Темирбек натворил что-то... Мину, наверно, подложил. Скажите начальнику станции, чтобы он в Большой Курган сообщил, что к ним идет заминированный поезд.

— А вы как же?

— Со мной некогда сейчас возиться... После приедете. Каждая минута дорога.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

На станцию Абайскую майор Ершов прибыл с резервным паровозом, возвращавшимся с Большого Кургана в Перевальск. Лейтенант Малиновкин, несколько оправившийся к тому времени, встретил Ершова на станционной платформе. Голова его была так обстоятельно забинтована, что фуражку приходилось держать в руках — она не налезала на голову. На бледном лице лейтенанта проступил легкий румянец, когда он поздоровался с Ершовым.

— Ловко меня обставил этот мерзавец! — смущенно проговорил Малиновкин, пожимая протянутую руку майора.

— Ничего, ничего, Митя, — дружески похлопал его по плечу Ершов. — Всякое бывает. Расскажите лучше поподробнее, как все это приключилось с вами.

— Давайте только зайдем к начальнику станции — там нам удобнее будет, — предложил Малиновкин.

Показывая дорогу, лейтенант пошел вперед, слегка прихрамывая на левую ногу.

— Ну, а что же вы предприняли для поимки Темирбека? — спросил Малиновкина Ершов, как только тот рассказал ему о своих злоключениях.

— Да, собственно говоря, почти ничего... — смутил-

ся Малиновкин. — Добрых полчаса пришлось ведь пролежать под откосом железной дороги, пока вернулась способность двигаться. Железнодорожники тем временем обшарили все окрестности вокруг Абайска. В кустарнике они слышали стрекот какого-то мотоцикла, кричали, чтобы водитель остановился, но он лишь увеличил скорость. Тогда стрелок военизированной охраны из винтовки, а начальник станции из своего охотничьего ружья выстрелили несколько раз по кустам, но, видимо, промахнулись.

— А не заметили они, сколько на мотоцикле было человек? — спросил Ершов.

— Тут за станцией такой кустарник, Андрей Николаевич, — лес настоящий. Положительно ничего разглядеть нельзя. Так и осталось неизвестным — один ли там был Темирбек или и Жанбаев тоже.

Майор помолчал, обдумывая создавшееся положение. Картина была малоутешительная.

— Похоже, что все придется начинать сначала, — задумчиво проговорил он.

— Почему же, Андрей Николаевич? — удивился Малиновкин. — Жанбаев дал ведь вам новую явку. Он туда и явится. Больше некуда — Аскар Джандербеков арестован уже, папаша его Габдулла — тоже. Один ход ему остается — к Арбузову в Аксакальск.

— Интересную вы картину нарисовали, — рассмеялся Ершов. — Вроде шахматной задачи: ходят белые и на втором ходу объявляют мат. Не дурно было бы, конечно... Только вы опять, дорогой мой, забыли, что противник наш не такой уж простачок. Сам в капкан не полезет.

— А что же еще остается ему делать? — пожал плечами Малиновкин. — Куда податься? Где переждать тревожное время?

— Пока у него есть мотоцикл и рация, он еще может маневрировать, — ответил Ершов.

— Вы, значит, думаете, что это именно он со своим мотоциклом поджидал Темирбека в Абайской.

— Вне всяких сомнений. Они, видимо, заранее условились, что именно там, на предпоследней станции, сбежит Темирбек с заминированного поезда. А Темирбеку пришлось бежать раньше, так как он узнал в Большом Кургане, что поезд пойдет дальше без остановок.

— Но на кой черт ему вообще теперь этот Темирбек?

— А от кого же он узнает, поставлена ли мина на поезд? До Большого Кургана ему ведь на своем мотоцикле не пробраться. От Абайской туда пока лишь один путь — вдоль железной дороги.

— Да, пожалуй, — задумчиво проговорил Малиновкин, поправляя бинт на голове. — Однако одной уверенности, что поезд заминирован, ему ведь мало. Нужно знать еще — взорвался он или нет.

— Ну, об этом-то он и без специального донесения узнал бы. Взрыв целого состава аммонита — это, дорогой мой, явление, подобное настоящему землетрясению. Оно само бы дало о себе знать.

— Выходит, что Жанбаеву известно теперь, что такого землетрясения не произошло! — оживился Малиновкин. — Тогда не нам, следовательно, а знаменитому «Призраку» нужно все начинать сначала. И уж хочет он или не хочет, а связь со своим «помощником» Таиром Мухтаровым придется, значит, ему поддерживать.

«НЕТ, НИКУДА ВЫ НЕ УЙДЕТЕ, ГОСПОДИН „ПРИЗРАК"!»

До Аксакальска Ершов добрался только к четырем часам дня. Разыскав Джамбульскую улицу, он постучался в двери дома номер двадцать один и спросил Арбузова.

— Я буду Арбузовым, — ответил ему рыжеволосый мужчина средних лет в гимнастерке военного образца.

— Очень приятно! — любезно улыбнулся ему Ершов. — А я — Мухтаров Таир Александрович. Привет вам привез от Жанбаева.

Ничто не изменилось на сухощавом, невыразительном лице Арбузова. Слегка припухшие, будто заспанные глаза его смотрели по-прежнему равнодушно. Ершов даже подумал было, что, может быть, он не туда попал, но хозяин, так и не изменив выражения лица, проговорил вдруг:

— Прошу вас, Таир Александрович, заходите, пожалуйста!

Распахнув перед Ершовым двери, он провел его в небольшую комнату с единственным окном, выходя-

щим во двор. В комнате у окна стоял маленький столик, у стены — диван и два стула. Никакой другой мебели не было.

— Устраивайтесь тут, — все тем же равнодушным голосом проговорил Арбузов. — Я выходной сегодня, весь день буду дома. Если что понадобится, позовите.

Ершов поставил на стол чемодан с рацией и посмотрел на часы. Была половина пятого, а в пять у него разговор с Малиновкиным. Лейтенанта он оставил в Перевальске, условившись связываться с ним по рации через каждый час.

Без пяти минут пять Ершов закрыл дверь своей комнаты на крючок и развернул рацию. Арбузова все это время не было слышно, будто он ушел из дому.

Ровно в пять Малиновкин подал свои позывные, Ершов отозвался ему и вскоре принял следующее шифрованное донесение:

«Шофер грузовой колхозной машины Шарипов сообщил начальнику Абайского отделения госбезопасности, что в восемь часов утра машину его остановил на дороге подозрительный мужчина со следами крови на одежде и стал просить бензин. Шарипов отказал ему. Тогда неизвестный выхватил пистолет и выстрелил в шофера. Раненому Шарипову удалось, однако, включить скорость и удрать. Начальник Абайского отделения госбезопасности тотчас же выслал на место происшествия трех мотоциклистов. Они прочесали весь район, но ничего подозрительного не обнаружили. На всякий случай в районе происшествия дежурят теперь два мотоциклиста. Случай этот произошел в двадцати пяти километрах от станции Абайской. Полагаю, что нападение на Шарипова совершил либо Темирбек, либо Жанбаев».

«Да, может быть, это и в самом деле кто-нибудь из них... — размышлял майор Ершов, задумчиво прохаживаясь по комнате. — Но зачем им бензин понадобился? Не могло же случиться, чтобы бак их машины случайно оказался незаправленным. Разве мог допустить подобную небрежность такой осторожный и опытный человек, как Жанбаев? В чем же дело тогда?..»

В шесть Малиновкин снова связался с Ершовым, но ничего нового майору не сообщил.

Новые известия поступили только в восемь вечера.

Малиновкин докладывал, что радистам Перевальского отделения госбезопасности удалось перехватить радиопередачу, зашифрованную текстом стихотворения Эдгара По. Из-за сильных атмосферных помех удалось, однако, принять и расшифровать лишь часть ее.

«В Абайске обстреляли... Легко ранили руку. Поврежден бак с горючим... Достать бензин не удалось. Мотоцикл бесполезен. Придется бросить из-за этого рацию... Оставаться участке железной дороги Перевальск—Большой Курган рискованно...»

Что ответил Жанбаеву резидент, принять не удалось: помешали раскаты начавшейся грозы. Однако начальник Перевальского отделения госбезопасности тотчас же отдал распоряжение — тщательно прочесать лесистую местность в районе Абайской. В результате удалось обнаружить поврежденный мотоцикл и, видимо, умышленно выведенную из строя рацию.

Вот и все, что было известно о «Призраке» в восемь часов вечера. По-прежнему оставалось неизвестным — совсем он скрылся или свяжется еще с Ершовым—Мухтаровым? Один он теперь или все еще с Темирбеком?..

Все эти вопросы очень тревожили Ершова. Он понимал, что нужно было немедленно что-то предпринять. Но что? От верного решения, находчивости и решительных действий зависело сейчас многое. Жанбаев может ведь исчезнуть теперь бесследно...

Вот уже четверть часа ходил Ершов по комнате, не зная, что предпринять. Встреча с начальником Аксакальского отделения госбезопасности подполковником Ибрагимовым могла привлечь внимание Арбузова, а Ершов не хотел до поры до времени настораживать его. О том, что сам Арбузов сможет предпринять что-нибудь, он не беспокоился: подполковник Ибрагимов поручил своим сотрудникам тщательно следить за его домом. Достаточно Ершову подать условный сигнал, и Арбузов будет арестован при малейшей попытке к бегству.

В десять часов вечера Малиновкин сообщил новые сведения. Оказалось, что перевальский радиолюбитель коротковолновик Касымов принял своим радиоаппаратом весь секретный разговор Жанбаева с его резидентом. Он долгие годы работал над усовершенствованием коротковолновых радиостанций и добился такой кон-

струкции, которая могла вести прием и передачу в любую погоду. Придя к выводу, что принятая им передача носит секретный характер, Касымов тотчас же сообщил все записанные им радиотелеграфные сигналы органам госбезопасности.

Эти сведения, во-первых, подтвердили и дополнили текст, расшифрованный Малиновкиным, во-вторых, содержали ответ резидента Жанбаеву. Ответ этот был таков: «Плохо слышу вас. Повторите донесение».

Но и Жанбаев, видимо, ничего не мог разобрать из ответа резидента. «Гроза мешает передаче...» — радировал он.

Разговор этот шел уже открытым текстом на английском языке. Кончился он тем, что резидент приказал Жанбаеву быть на приеме в час ночи, как обычно. Понял это распоряжение Жанбаев или нет — осталось неизвестным. Однако на этом радиосеанс тайных агентов окончился. Последние же слова резидента — «как обычно» — свидетельствовали о том, что радиосеанс в час ночи был у них ежедневно. Жанбаев, следовательно, знает об этом и постарается, конечно, во что бы то ни стало связаться ночью со своим резидентом. А поскольку он вынужден был бросить рацию, значит, явится сюда, к Арбузову, чтобы воспользоваться радиостанцией Мухтарова—Ершова.

Придя к такому заключению, майор Ершов приказал Малиновкину срочно прибыть в Аксакальск и, связавшись с местными органами госбезопасности, усилить засаду вокруг дома Арбузова.

Прибытия Малиновкина следовало ожидать теперь не раньше как через час. За это время нужно было избавиться от Арбузова.

На улице было уже совсем темно, но Ершов все еще не зажигал света в своей комнате. Впотьмах он нащупал рацию и, включив ее, связался с подполковником Ибрагимовым, радист которого по просьбе Ершова находился теперь на пятиминутном приеме каждые четверть часа.

«Как только Арбузов выйдет из дому — возьмите его», — радировал Ершов Ибрагимову.

Выключив рацию, майор вышел из своей комнаты и позвал Арбузова.

— Я только что связался по радио с Жанбаевым, —

сказал ему Ершов. — Вам нужно будет встретить его на вокзале. Знаете вы его в лицо?

— Никак нет, не знаю, — равнодушно отозвался Арбузов.

— Это, впрочем, не имеет значения. Вы возьмете такси и ровно в одиннадцать будете ждать его на углу Железнодорожной и Советской. Он подойдет к машине и спросит: «Вы случайно не из промартели «Заря Востока»? Ответьте на это: «А вы случайно не товарищ Каныш?» И если все произойдет именно так, везите его сюда.

— Слушаюсь, — коротко ответил Арбузов и не спеша стал одеваться.

Когда он вышел, Ершов зажег свет в своей комнате. Это было сигналом местным оперативным работникам госбезопасности. Они должны были дать Арбузову возможность отойти подальше от дома и там арестовать, не привлекая ничьего внимания.

Томительно тянулось время. Наверно, Малиновкин прибыл уже в Аксакальск и таился теперь где-нибудь возле дома Арбузова (лейтенанта должны были доставить в Аксакальск самолетом). Входить ему в дом Арбузова Ершов не разрешил, — Жанбаев тоже ведь мог бродить где-нибудь поблизости, выжидая подходящего момента, чтобы войти в дом своего сообщника.

Ровно в полночь Ершов включил рацию и настроился на волну, на которой обычно поддерживал связь с Жанбаевым. Хотя было очевидно, что Жанбаев сегодня не свяжется с ним, он все же пробыл на приеме около пятнадцати минут. А стрелка часов все двигалась вперед, и до условленного часа оставались теперь считанные минуты.

Когда часы показали без десяти минут час, Ершов подумал было, что либо Жанбаев не решился сегодня войти в дом Арбузова, либо ему не удалось добраться до Аксакальска. И вдруг кто-то негромко, но довольно решительно постучался в окно.

Ершов подошел к двери и, не открывая ее, спросил:

— Кто там?

— Товарищ Арбузов тут живет? — услышал он приглушенный голос.

— Тут, — ответил Ершов, инстинктивным движением нащупывая пистолет в заднем кармане брюк.

— Я от Жанбаева, — продолжал тот же голос. — Поручено мне передать вам письмо и привет от него.

— Входите, пожалуйста, — проговорил тогда Ершов и торопливо открыл дверь.

На улице и в коридоре было так темно, что майор не мог разглядеть, кто стоял перед ним. А посланец от Жанбаева (или, может быть, сам Жанбаев) поспешно вошел в коридор и спросил:

— Вы — Мухтаров?

— Так точно, — ответил Ершов, чувствуя, как учащенно стало биться его сердце.

— Погасите свет во всем доме и проводите меня к радиостанции.

Ершов вошел в дом первым и потушил свет. Затем он провел ночного гостя в комнату, в которой стояла рация, и прикрыл за ним дверь. Спустя некоторое время за дверью послышался глухой торопливый стук ключа радиотелеграфа.

Ершов тотчас же поспешил к входным дверям, которые он оставил открытыми. Осветив карманным фонарем коридор, майор увидел Малиновкина.

— Весь дом надежно окружен, Андрей Николаевич... — срывающимся от волнения шепотом доложил лейтенант.

— Поставьте людей у всех окон, — приказал Ершов. — Сами идите во двор и станьте у среднего окна. Два человека пусть осторожно войдут со мной в дом.

Когда Ершов вернулся в комнату, за закрытой дверью все еще раздавался стук радиотелеграфного ключа. Лишь спустя десять минут стало слышно, как выключили рацию.

— Мухтаров! — раздался повелительный голос.

Майор торопливо вошел в комнату и стал возле выключателя.

— Я сейчас должен уйти, Мухтаров... — продолжал все тот же голос.

Но Ершов, не дав ему договорить, быстро повернул выключатель.

— Нет, никуда вы не уйдете, господин «Призрак»! — проговорил он громко.

В ярком свете электричества Ершов увидел перед собой средних лет мужчину, одетого в казахский национальный костюм, и тотчас же узнал в нем Темирбека,

хотя внешне это был уже совсем другой человек: исчезло прежнее угрюмое выражение лица, выпрямилась сутулая спина, расправились плечи. Неузнаваемо изменился и голос, но для Ершова не осталось теперь никаких сомнений, что Темирбек и Жанбаев — одно и то же лицо. Да он и не очень удивился этому. С тех пор, как стало известно, что Темирбек поставил мину на тормозной площадке поезда с аммонитом, он допускал такую возможность.

Жанбаев же, казалось, растерялся на какое-то мгновение, услышав такие слова от своего «помощника», а еще больше оттого, что увидел стоявших рядом с ним автоматчиков. Но в следующее мгновение неуловимо быстрым движением он вскочил на подоконник и, прикрыв лицо полой широкого халата, высадил плечом оконную раму. Со звоном посыпались во двор осколки стекла, и тотчас же раздался звонкий голос Малиновкина:

— Стой, мерзавец! Теперь-то ты никуда не ускользнешь от нас, хоть ты и «Призрак»!

Е. РЫСС, Л. РАХМАНОВ

Домик на болоте

ПОВЕСТЬ

ОТ АВТОРОВ

История, рассказанная в этой повести, может показаться невероятной. Могли ли советские люди, боровшиеся в фашистском тылу, окруженные повседневными опасностями, ежеминутно рискуя жизнью, тратить силы, энергию, время на то, чтобы не только спасти советского ученого, но и предоставить ему возможность продолжать научную работу? Но вот что сообщил в своем докладе тов. П. К Пономаренко, который во время войны был секретарем ЦК партии большевиков Белоруссии («Известия» от 2 июля 1944 г.):

«Выполняя указания центра, минские подпольные организации спасали советских людей. Сколько семей было доставлено на «Большую землю» с помощью белорусских партизан! Ярким примером братской помощи партизан может служить история спасения академика Никольского. Этот старый человек, ученый, имя которого известно далеко за пределами Советского Союза, не успел выехать из Минска в тяжкие дни 1941 года, но он не хотел оставаться у немцев, не хотел работать при них. Тогда минские товарищи, имена которых, быть может, даже неизвестны спасенному ими академику, приняли на себя охрану ученого и его труда. Никольский не только был избавлен от гитлеровских допросов и регистраций, но смог продолжать и закончить свой труд, начатый еще до войны по плану Академии наук БССР. Центральный комитет партии большевиков Белоруссии внимательно следил за работой, и, когда его труд был закончен, автора, все еще находившегося в минском подполье, поздравили с высокой наградой — орденом Ленина. Получать награду академик Никольский благополучно прибыл в Москву».

Значительно и волнующе то, что в условиях оккупации, страшного полицейского режима, в условиях кровавого гитлеровского террора ни на один день не переставала действовать советская государственная система. Работали подпольные партийные организации, советская и партийная дисциплина определяла поступки людей, и советское правосудие неуклонно карало преступников.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(Рассказанная Валей Костровой)

НАЙДЕНО И ПОТЕРЯНО

Глава первая

ПРОФЕССОР КОСТРОВ И ЕГО СЕМЬЯ. ЗНАКОМСТВО С ВОЛОДЕЙ СТАРИЧКОВЫМ

I

Матери своей я совсем не помню. Она умерла, когда мне исполнилось полтора года. Воспитывала меня бабушка, следившая только за тем, чтобы я была сытно накормлена и тепло одета.

Отец мой, Андрей Николаевич Костров, в тридцать четыре года был уже профессором. Докторская его диссертация обратила на себя внимание широких кругов биологов в Советском Союзе и за границей.

Он очень меня любил, но был слишком занят и увлечен своей работой, чтобы уделять мне много времени. В субботние вечера я всегда приходила к нему

в кабинет. Он пытался рассказывать мне сказки, но скоро убеждался, что плохо их помнит, и переходил к темам более ему знакомым. Когда мне было пять лет, он подробно рассказывал о туберкулезных палочках, стрептококках, бактериях чумы и азиатской холеры. Неясно себе представляя настоящий размер этих вредных существ, я стала очень бояться темных комнат. Мне казалось, что за дверью притаился стрептококк, который непременно треснет меня по голове здоровенной туберкулезной палкой.

После смерти бабушки мне пришлось заняться хозяйством. Отец в практической жизни был беспомощным. Домработница наша готовила еду и убирала комнаты, но все серьезные хозяйственные и бюджетные вопросы решала я, хотя мне еще не исполнилось тринадцати лет.

Я рано привыкла к самостоятельности, чувствуя себя ответственной за многое такое, о чем девочки моих лет обычно не думают. Конечно, это наложило отпечаток на мой характер, но я думаю, что, скорее всего, благодетельный отпечаток.

Отец относился ко мне с доверием, которое обыкновенно оказывают только взрослым. Это заставило меня так бояться потерять это доверие, что никакое самое строгое воспитание не могло бы меня больше дисциплинировать. Не следует думать, что я была лишена удовольствий, свойственных моему возрасту. Я успевала бывать и на катке и в театре, я приглашала к себе подруг и ходила в гости сама. Только на праздные размышления — что́ бы такое от скуки сделать и чем бы заняться — у меня совершенно не оставалось времени.

Год шел за годом. Я окончила школу и, после долгих совещаний с отцом, подругами и приятелями, решила идти на биологический факультет. Отец не мог себе представить, что я стану заниматься чем-нибудь другим. Мысль о том, что я буду историком, инженером или юристом, казалась ему такой же нелепой, как мысль о том, что я наймусь кочегаром на океанский пароход. Может быть, я и не была прирожденным биологом, но, проведя все детство в кругу биологических интересов, постоянно слушая разговоры о микробах и вирусах, я как-то привыкла к микробиологии и сжилась с мыслью, что изберу эту специальность. Кроме того —

что скрывать! — был у меня еще один довод в пользу биологического факультета. К этому времени имя отца значило уже так много, что не было в нашей стране, да, пожалуй, и за границей, биолога, который не знал его трудов. И меня невольно тянуло в ту область науки, где для дочери профессора Кострова всегда была открыта дорога.

II

Меня просили рассказать о необыкновенной истории работы над вакциной, а я начала рассказывать о своем детстве. В дальнейшем я буду держаться ближе к теме, однако я должна рассказать о первом своем увлечении, потому что Володе Старичкову, которым я увлеклась, пришлось сыграть в судьбе вакцины очень большую роль.

Мы встретились, будучи уже второкурсниками, на одной загородной прогулке. Его привела с собой моя приятельница Лида Земцова. Володя был белобрысый юноша невысокого роста. Поначалу он мне не понравился. Он вежливо пожал мою руку, когда нас представили друг другу, и отошел в сторону. Всю первую половину прогулки он очень оживленно беседовал с Мишей Юркиным и не обращал на остальных ровно никакого внимания. Миша Юркин был знаменит еще в школе тем, что решил стать капитаном дальнего плавания и даже написал куда-то заявление по этому поводу. В конце концов он провалился на экзаменах, не попал на штурманские курсы и сейчас работает плановиком, если не ошибаюсь, где-то в Бугуруслане. Но тогда его дерзкая мысль волновала наше воображение. И вот будущий капитан дальнего плавания, высокий, красивый юноша со стальными глазами и «волевым», как говорила Лида Земцова, лицом, шагал рядом с низеньким, белобрысым Володей и объяснял ему прелести дальних плаваний. Краем уха я слышала их разговор.

— Что же вас, собственно, привлекает в морской профессии? — спросил Старичков.

— Это, может быть, единственное занятие, — сказал Юркин, — в котором даже в наше время еще сохранилась романтика. Только на палубе корабля, в далеком море может быть по-настоящему счастлив мужчина.

Володя немного подумал и кивнул головой.

— Я понимаю вас, Юркин, — сказал он. — Но я думаю, что из вас не только капитана, а, пожалуй, даже и третьего штурмана никогда не получится. Я вам сейчас объясню, почему.

Он говорил так спокойно, так дружелюбно и так искренне старался разъяснить свою мысль, что Юркин, растерявшись, сначала даже не обиделся.

— В каждом деле, — продолжал Володя, — есть обыкновенное и романтическое, есть хорошее и плохое, и, когда выбираешь профессию, мне думается, ее нужно любить даже за ее плохое. Вас же привлекают в морской профессии только те прекрасные минуты, которых в ней, вероятно, так же немного, как и во всякой другой. Все равно как если бы вы решили быть актером потому только, что очень любите, когда вам аплодируют. По-моему, так. А по-вашему?

Юркин покраснел и отошел, а Володя посмотрел на него с удивлением и, кажется, действительно не понял, почему тот рассердился. Уже тогда я решила, что мы с Володей будем приятелями. На следующий день мы встретились в институте и с тех пор встречались уже постоянно.

Ссорились мы с ним ужасно. У него была противная манера говорить все, что он о тебе думает, прямо в глаза, да еще спокойным, рассудительным тоном, как будто речь идет о совсем постороннем человеке.

Мне запомнился такой случай. У нас был студент (я не назову его фамилию, потому что сейчас он известный биолог и его очень многие знают); студент этот поступил в университет, приехав из отдаленной, глухой деревни. В городе все его поражало. Обыкновенный кинотеатр казался ему роскошным храмом искусства, а поездка на трамвае — чуть ли не событием. Когда мы пошли всем курсом в оперетту, его приводил в удивление и восторг каждый фрак и цилиндр. На потеху всему залу, он шумно восторгался усыпанным блестками платьем премьерши. Я считала его глупым, тем более, что на первом курсе учился он очень плохо. Я не понимала, как ему трудно в новых, для него необычных, условиях, в новой среде.

Однажды, когда я, по обыкновению, подшучивала

над незадачливым студентом, Володя вдруг прервал меня и заговорил так же спокойно, как он говорил всегда.

— Знаешь, Валя, — сказал он, — ты напрасно смеешься над ним. Он до поступления в университет не видел микроскопа, пробирки, не встречался ни с одним ученым биологом, а ты росла в семье профессора и с самого детства могла привыкнуть к своему делу. Тебе бы следовало уже напечатать несколько специальных работ, но ты этого не сделала. А он уже учится гораздо лучше, чем учился на первом курсе. Так что, в сущности говоря, он имеет больше оснований смеяться над тобой, чем ты над ним.

Мне показалось это невыносимо обидным. Я ответила резко и глупо. Через день я подошла к Володе и сказала, что он был совершенно прав.

Однажды я стала просить Володю, чтобы он меня повел на гастроли МХАТа. Он купил билеты. Мы сидели в пятом ряду и в антракте ели пирожные. Он пришел в какой-то старой, очень потертой куртке. Это было в марте. Он объяснил, что его пальто в чистке. Через два дня мне сказал его товарищ по общежитию, что Володя в тот день продал пальто. Я даже расплакалась, так меня мучила совесть. Главное, я ничего не могла ему сказать. Я знала, что он бы обиделся.

Глава вторая

ПРОГУЛКА ЗА ГОРОД. МЫ СМОТРИМ НА АЛЕХОВСКИЕ БОЛОТА

I

Зато какие чудесные бывали у нас разговоры, когда мы не ссорились! Мы гуляли по улицам, увлеченно обсуждая вопросы, которые в этом возрасте кажутся самыми важными, готовились вместе к зачетам, ходили в кино и считали — я, по крайней мере, — что мы большие друзья.

И вот наконец настал день, один из лучших дней в моей жизни, после которого мы так неожиданно и так надолго расстались.

Апрель в наших местах всегда бывает дождливым,

и до начала мая редко устанавливается ясная погода. И вдруг выдался необыкновенно теплый, солнечный день.

В одиннадцать часов утра Володя сдавал моему отцу основы микробиологии. Мы условились встретиться после зачета. Отец продержал его очень долго. Я уже начала волноваться, когда Володя наконец появился. Вид у него был такой встрепанный, что я даже испугалась.

— Провалил? — спросила я.

Я знала, что от моего отца всего можно ждать.

Володя покачал головой:

— Пятерка.

Мы вышли из подъезда университета. Солнце светило вовсю. Впервые в этом году я увидела сухой асфальт.

— Какая ранняя весна! — сказала я и повернулась к Володе.

Он стоял, щурясь от солнца, и лицо у него было растерянное.

— Пойдем, — сказала я решительно. — Тебе надо проветриться.

Володя улыбнулся, и мы пошли по весенним, шумным улицам города. Все вокруг было удивительно нарядным. Фасады домов казались яркими, машины сверкали, как будто их заново отлакировали, и даже трамвай был до того ослепительно красен, что на него больно было смотреть.

Володя постепенно приходил в себя. Когда мы дошли до окраины города, он совсем развеселился. Нам все нравилось в этот день.

— Смотри, какой щенок! — восторгался Володя. — А лужа какая чудная! Видишь, в ней облака плывут!

Веселые вышли мы из города, миновали пустыри и пошли по шоссе. Далеко впереди синела полоска леса.

Сзади загудел автобус.

— Я вас домчу туда, в лес, за полчаса, — сказал Володя галантно и, встав посреди дороги, поднял руку.

Автобус послушно остановился.

Свободные места были только на самой задней скамейке. Нас подбрасывало так высоко, что головами мы стукались о потолок машины. Было больно, но мы громко смеялись, а пассажиры оглядывались на нас

и улыбались. Какой-то человек, сидевший впереди, обернувшись, привстал и вежливо мне поклонился. Я с трудом узнала его: в то время мы были почти незнакомы с Якимовым, будущим ассистентом отца. День был такой хороший, что даже его всегда немного угрюмое лицо казалось оживленным и почти приветливым.

II

Я не верю в предчувствия. Если бы они существовали, разве осталась бы я спокойной при этой встрече Якимова и Старичкова — двух людей, сыгравших такую роль в моей дальнейшей жизни! Володя совсем не обратил на него внимания.

Мы сошли на высоком гребне холма. Я махнула шоферу рукой, и автобус покатил с холма вниз, трясясь и подпрыгивая на неровностях шоссе.

Как шумно было сегодня в лесу! Пожалуй, больше всего шумели грачи. У них хлопоты были уже в полном разгаре. Они деловито ходили по земле, там, где уже сошел снег, клевали червей, носились вокруг своих неуклюжих черных гнезд и, видимо, волновались, что вот прилетели на летние квартиры, а многое не устроено. Сколько еще предстоит беспокойства и возни, пока удастся наладить мало-мальски приличную жизнь! Вороны и галки ходили по снегу и хмуро переговаривались. А под снегом шумели ручьи; они вырывались из-под сугробов и радуясь бежали с холма. Маленькие журчали тонко и неуверенно, а большие бурлили так громко, будто они и впрямь настоящие реки.

Перепрыгнув через ручей и отойдя на несколько шагов от дороги, я нагнулась. На небольшой проталинке, у самого края снежного наста, рос подснежник. Белый, на прямом стебельке, он стоял такой удивленный, как будто никак не мог понять, откуда появился этот прекрасный, огромный мир.

Отовсюду видно было далеко-далеко. До самого горизонта тянулся лес. Белой полосой извивалась река, еще покрытая льдом, и лес подходил вплотную к обоим ее берегам. Далеко за рекой виднелись пестрые пятна: мелколесье, низкорослый кустарник, маленькие озера, заросшие камышом. Я показала на них Володе:

— Это знаменитые наши Алеховские болота. При

крепостном праве там годами прятались беглые, и полиция не могла до них добраться. Позже, когда здесь прошел тракт, на болотах скрывалась шайка атамана Алехи.

Болота лежали перед нами пустынные и зловещие. Легкий пар поднимался над ними, а на снегу кое-где виднелись коричневые пятна, будто его проела ржавчина. Это вода проступала сквозь снег.

Пока мы смотрели на болота, их заволокло туманом.

Нет, не бывает предчувствий! Второй раз в этот день я заглядывала в свое будущее, не зная об этом. Мы стояли с Володей на холме и не подозревали, что смотрим на то самое место, где обоим нам придется пережить столько таинственного и страшного. Самый вид болота наводил тоску, и мы отвернулись от него.

Пора было возвращаться. Когда мы подошли к дороге, солнце внезапно скрылось. Сразу же повалил мокрый снег.

— Эта проклятая туча с болота нагнала нас, — сказал Володя.

Стало холодно и пронизывающе сыро. Я посмотрела на тонкую Володину куртку. В пальто, которое он продал, чтобы повести меня в театр, ему было бы гораздо теплее... Я решительно расстегнула свое пальто и сказала:

— Стань ближе. Мы накроемся оба.

— Сейчас же застегнись! — сказал он сердито. — Почему ты думаешь, что мне холодно?

— Потому что у тебя нос синий, — сказала я. — Скорее, пока пальто теплое!

— Нет!

Даже мне становилось холодно, а у него зуб на зуб не попадал, и он отворачивался, чтобы я этого не заметила. Мне его стало так жалко, что неожиданно для самой себя я обняла его и поцеловала.

Он резким движением обнял меня за плечи и вдруг оттолкнул. Я растерялась. Он отвернулся и стоял не двигаясь. Мокрый снег падал ему на шею и на плечи. Мы стояли, не зная, как прервать молчание, и вдруг услышали с облегчением, что автобус, ворча, взбирается на холм. Мы молча вышли на дорогу, молча влезли в автобус и молчали до самого города. Я подняла

воротник и смотрела в окно, за которым плясали снежинки, скрывая лес, небо и землю.

Всю дорогу я думала о том, какой Володя хороший. Один раз я искоса на него посмотрела. Вид у него был очень несчастный, но я знала, чувствовала, что он с нежностью думает обо мне.

III

Он довел меня до самого дома. У крыльца мы остановились. По-прежнему падал мокрый снег, и ничего кругом не было видно; даже рядом горевший фонарь казался неясным облачком света.

Я протянула Володе руку на прощанье. Теперь мне было неловко, что я его в лесу поцеловала. «К счастью, он хороший друг, — думала я, — и никогда ничем не напомнит об этом». И мне было очень обидно, что не напомнит...

Должно быть, я непроизвольно притянула его к себе, когда мы прощались. Он нежно обнял меня и поцеловал. Я прижалась к нему, и мы недолго постояли обнявшись. Потом он ласково, но решительно отстранил меня от себя. Открыв глаза, я увидела его за белой сеткой снега.

Он крикнул мне:

— До свиданья! — и быстро пошел по улице.

Придя домой, я легла в постель и потушила свет, но долго не могла заснуть. Приятно было представлять то радостное, что еще впереди. Наступает лето. Можно кататься на лодке, загорать на пляже, плавать, есть мороженое в саду и гулять, не боясь мокрого снега. Все это еще предстоит нам с Володей. Я знала, я чувствовала, что он меня любит. Какое мне было дело, почему он ушел и не поцеловал меня второй раз!

Весь следующий день я ждала его в библиотеке. Его не было. Ночь показалась мне очень длинной, и наутро я пошла к нему в общежитие. На его кровати сидел незнакомый мне студент.

— Вы не знаете, — спросила я, — где Володя Старичков?

— Старичков уехал, — сказал студент.

— Как — уехал? Куда? — Я растерялась. — Вы, наверно, не о нем говорите?

— Почему не о нем? — студент удивился. — Вот, меня на его койку перевели.

В деканате подтвердили, что студент Старичков отчислен из университета по собственному желанию. Я пошла к отцу и попросила выяснить, что случилось.

— Уехал? — сказал отец. — Ну что ж, значит, я недаром с ним беседовал.

— О чем ты с ним беседовал, — спросила я, — и почему я об этом не знаю?

— Видишь ли, — объяснил отец, — когда студент переходит на третий курс, я всегда ему заявляю, что биологии, как и всякой науке, нужно отдать всю жизнь. Если студент не способен на это, пусть лучше уходит. Случайные люди науке не нужны.

Впервые в жизни я всерьез рассердилась на отца.

— Ты сварливый старик, — сказала я. — Тебя следовало бы снять с преподавательской работы. Ты говоришь, что государству нужны биологи, и распугиваешь самых талантливых!

Только через полтора месяца я получила письмо от Володи.

«Дорогая Валя! — писал он. — Извини, что я не простился с тобой. Андрей Николаевич с мудрой резкостью поставил передо мной вопрос о моем призвании. Я люблю биологию, но все-таки это для меня не то дело, которому можно отдать себя на всю жизнь. Мне было очень трудно расстаться с тобой, особенно после того дня, когда мы ехали в автобусе. Я боялся, что, если увижу тебя, не решусь уехать. И я не простился. Не сердись на меня.

Старичков».

Вспомнив нашу прогулку, я поняла причину странного его поведения и не рассердилась на него, а только погоревала.

С тех пор я ничего не слышала о Володе, пока мы не встретились через несколько лет и не пережили вместе незабываемые и страшные дни. Сначала я тосковала о нем, но постепенно забывались наши прогулки и разговоры, образ Старичкова расплывался, бледнел, становился неясным и туманным, как все воспоминания нашей юности.

Глава третья

АССИСТЕНТЫ. ПРОФЕССОР КОСТРОВ НАЧИНАЕТ БОЛЬШУЮ РАБОТУ. ВОЙНА

I

Я не помню, когда у нас стал бывать Якимов. Кажется, году в тридцать седьмом или в начале тридцать восьмого. Неуклюжий и широкоплечий, он сидел всегда на самом незаметном месте, добродушно улыбался, когда все кругом разговаривали, и багровел, когда к нему обращались. Рукава всех его пиджаков были ему коротки, а плечи узки. Пиджаки натягивались и слегка трещали, когда он наклонялся. Не знаю, где он доставал себе подходящую обувь, — наверно, покупал те огромные туфли, которые делаются для реклам.

По-видимому, он не был очень талантлив, — отец сам всегда говорил, что пороху Якимову не выдумать. Но работоспособен он был исключительно. Он мог не спать, не обедать и работать, не разгибая спины. Он мог сутками сидеть за столом, склонившись над микроскопом или покрывая листы бумаги строчками крупных, неуклюжих букв.

В 1939 году он защитил кандидатскую диссертацию. По словам отца, это была хорошая, обстоятельная работа, не открывшая никаких новых истин, но очень добросовестно излагавшая ранее высказанные предположения. Отец часто приглашал его к нам, и скоро мы к нему привыкли. Очень он был хозяйственный человек. То приколотит полку, то подравняет ножку стола или, прозанимавшись часа четыре, наколет и наносит дров. Он был способен ко всякому ручному труду и однажды отлично отполировал буфет.

Это, пожалуй, все, что я могу о нем вспомнить. Я к нему относилась дружелюбно. Командовала им, ругала за всякое упущение, но привыкла к тому, что в доме есть молчаливое существо, непонятное, но, видимо, доброжелательное. К сожалению, курил он ужасно много. Когда я говорила, что в квартире трудно дышать, он курил в форточку; я кричала, что он напускает холоду, — Якимов курил в печную вьюшку; я злилась, что выстуживается печка, — Якимов уходил курить на кухню.

Вертоградский появился у нас осенью 1939 года, и о нем сразу заговорили все. Он окончил Московский университет и поступил к нам в аспирантуру. Почему он не остался в Москве, было не совсем ясно. Говорили разное, но все сходились на том, что случилось что-то интересное и романтическое. На самом деле, как случайно узнал отец, он просто провалился на экзаменах. Впрочем, причина его провала действительно была романтична. Он влюбился в какую-то девушку, два месяца, вместо того чтобы заниматься, ухаживал за ней, пошел на экзамен, даже не заглянув в книжку, и провалился. Девушка вышла замуж за того профессора, который его провалил, а он уехал в наш город, месяц посидел в библиотеке и отлично сдал все экзамены. Начало своей аспирантской деятельности он ознаменовал тем, что, получив комнату в общежитии, позвал соседей в гости, усадил их играть в очко и проиграл деньги, рубашки, галстуки, новый костюм, фетровую шляпу и даже чемодан. Больше всего были расстроены выигравшие. Они никак не хотели раздевать товарища и умоляли его считать игру шуткой. Но он обиделся, заставил их взять все выигранное и до очередной получки ходил в старом костюме, рваной кепке и истрепанном галстуке.

История эта стала широко известной. Его осуждали и студенты и профессора, но осуждали не очень строго. Были во всей этой глупой истории широта и нерасчетливость, которые невольно привлекали.

Месяца через три Вертоградский блеснул докладом. В поразительно короткий срок он сумел освоить довольно большой материал. Понять, когда Вертоградский работает, было совершенно невозможно: он бывал на всех вечеринках, театральных премьерах, концертах и балах, хорошо танцевал и знал все новые танцы. Количество анекдотов, которые он помнил, было непостижимо. Рассказывал он их отлично, весело и легко. Он любил выпить и за столом был неистощим на смешные выдумки. Кстати, я долго считала, что Вертоградский замечательно оправдывает свою фамилию. Я полагала, что слово «вертоград» означает что-то необыкновенно легкомысленное, вертящееся, пока, заглянув в словарь, не узнала, что на языке старинных книг это просто виноградник...

Мой отец не любил людей типа Вертоградского. Он называл их почему-то папильонами и утверждал, что толку от них никогда не бывает. Но к Вертоградскому он постепенно стал относиться лучше и лучше. Действительно, в нем было что-то удивительно обаятельное. Он никогда не скрывал своих пороков и проступков, но вы всегда чувствовали, что он искренне кается и очень хотел бы быть хорошим. Кроме того, нельзя отрицать, что он был талантливый человек. То, что Якимов делал месяц, Вертоградский успевал сделать за неделю. Отец ворчал, ворчал, а после махнул рукой, простил Вертоградскому его легкомыслие и привлек в качестве помощника к главной своей работе.

II

Когда я впервые услышала о вакцине, тоже не помню. Кажется, в конце 1939 года. В том году, весной, я окончила университет, осенью Германия напала на Польшу, началась мировая война.

Именно в это время отец стал посещать хирургические палаты больниц и подолгу беседовать с хирургами. Его «Основы микробиологии» только что вышли в свет, печать отозвалась о них очень хорошо, и я настаивала, чтобы отец месяца на три поехал на юг отдохнуть. Уже выбран был санаторий. Уже были куплены белые брюки, парусиновые туфли и соломенная шляпа, которую можно было носить только на курорте. И вдруг отец заявил, что никуда не поедет.

В декабре Якимов и Вертоградский были зачислены в лабораторию отца. Они каждый день сидели допоздна у отца в кабинете. В университете отец сократил до минимума количество своих лекций. Теперь целые дни он проводил в лаборатории. Он перестал приходить ко второму завтраку, и я утром совала ему в карман бутерброды. В конце зимы он поехал в Москву и вернулся недели через три, оживленный, веселый и довольный.

В первый же вечер после его приезда я вошла к нему в кабинет.

— Вот что, папа, — сказала я. — Мне думается, твоя дочь стала биологом не для того, чтобы ровно

ничего не знать о твоих делах. Будь любезен, объясни, над чем ты собираешься работать.

Отец хмыкнул и посмотрел на меня.

— Ладно, — сказал он. — Садись и слушай.

Он тогда рассказал мне о своей работе, сущность которой известна сейчас слишком широко, чтобы о ней говорить. Разумеется, я и раньше слышала о послераневых осложнениях. Я знала о шоке, о газовой гангрене, обо всех этих таинственных и страшных болезнях, которые губят так много людей. Но многое из того, что говорил отец, было мне совершенно незнакомо, многое было неизвестно тогда еще никому. Отец увлекся и говорил долго. Кажется, главное — новизну и смелость мысли отца — я уловила.

С тех пор отец делился со мной всем, что касалось работы над вакциной. Тема была утверждена в Москве, и деньги, которые он просил, ему отпустили. К лаборатории присоединили две комнаты, и там разместилась целая армия крыс, белых мышей и морских свинок. Отец побывал у одного из ответственных сотрудников обкома партии, Плотникова, просидел у него три часа и, как говорил Вертоградский, выжал из него все, что можно, и еще столько же. К весне 1941 года работы уже полностью развернулись.

Отец работал с увлечением, не жалея ни времени, ни сил. Главными его помощниками были Якимов и Вертоградский. Легко объяснить, почему он выбрал именно их. Был у отца один недостаток: он не выносил возражений и споров. Коллектив нужен был ему такой, который бы точно и беспрекословно выполнял все его указания. Поэтому оба помощника очень ему подходили. Старательный, работоспособный и исполнительный Якимов нес на себе тяжелый груз черновой работы. Отец мог быть уверенным, что все впрыскивания будут произведены в положенное время, минута в минуту, что все будет точно записано и ничто не будет забыто. Вертоградский ведал «внешней политикой». Благодаря его напористости и умению оборудование прибывало день в день, рабочие в срок кончали заказы и никакие организационные трудности не мешали отцу.

Историю поисков вакцины отец рассказал в предисловии к своей книге. Все читавшие эту книгу знают,

что поиски шли долгое время по неправильному пути, что пришлось проделать около шести тысяч опытов, чтобы путем исключения найти единственно правильное решение. Но немногие знают, как тяжело давалось это отцу. Он установил для себя жесточайший режим и не допускал никаких отступлений. Гости совсем перестали у нас бывать, и отец отказывался от всех приглашений. Очень часто он вставал среди ночи и уходил в лабораторию, где постоянно находился Якимов, поставивший свою кровать рядом с лабораторным столом.

Теперь отец был не похож на того сдержанного, всегда спокойного профессора, каким знали его ученики и ассистенты. Он часто выходил из себя, кричал и нервничал.

Помню, как он обозлился на Вертоградского, когда тот вечером на два часа удрал в кино.

— История торопится, — кричал он на него, — а вы по киношкам бегаете!

С тех пор Вертоградский каждый раз, когда мы садились обедать, замечал строго и нравоучительно:

— История торопится, товарищ Якимов, а вы обедать садитесь!

Очень хорошо помню я первую выздоровевшую крысу. Между нами говоря, она была такая же противная, как и все остальные крысы на свете, но отец, Якимов и Вертоградский находили ее красавицей. Наш старый, заслуженный кот, который верой и правдой служил нам двенадцать лет и считался членом семьи, умер, не дождавшись от отца таких горячих и бурных ласк, какие достались на долю этой мерзкой крысы.

— Смотрите, — кричал Вертоградский, — какая она веселая! Она себя чудно чувствует. Вы замечаете?

Якимов потирал руки и улыбался. Отец чесал крысе спину, что, по-моему, ей вовсе не нравилось.

В тот день мы провели в лаборатории весь вечер и ушли в начале первого часа ночи. Отец привел домой Якимова и Вертоградского и, несмотря на поздний час, приказал накрыть стол и подать все, что есть лучшего в доме.

Налив рюмку, он произнес тост за вакцину:

— Я решил назвать ее «К. В. Я.» — Костров, Вертоградский, Якимов. Пусть каждый из нас чувствует, что

и его доля труда была в этом деле. За успех, товарищи!

Ассистенты были очень довольны. Вертоградский только сказал, что так как и моя доля работы есть в этой вакцине, то следовало бы и меня включить в название. Поэтому его нужно читать так: «Костровы, Якимов, Вертоградский». Все с этим согласились, и отец даже неожиданно обнял меня и поцеловал — просто так, от хорошего настроения.

Я забыла сказать, что я тоже работала в лаборатории. Кажется, отец взял меня главным образом потому, что на меня, свою дочь, он мог кричать сколько ему угодно. Я мыла посуду, ассистировала Якимову, говорила по телефону, что профессор занят и подойти не может, вела записи и подметала пол, когда уборщица была выходная.

На следующий день после нашего пира к нам приехал Плотников, тот самый работник обкома, к которому обращался отец в затруднительных случаях. Плотников был невысокий, худощавый человек с немного прищуренными глазами. От этого казалось, что он про себя улыбается. Плотникова водили по лаборатории, показали ему знаменитую крысу и насказали такое количество специальных терминов и формул, что у него в глазах появилась растерянность. Плотников сказал, что все нужное будет предоставлено немедленно. Он просил звонить ему по всякому, даже мелкому, поводу и дал, кроме служебного, еще и домашний свой телефон.

Когда Плотников уехал, отец сказал:

— Стыдно! Государственные люди думают, как бы нам помочь, а мы лоботрясничаем.

Теперь каждый раз, когда Якимов закуривал папиросу, Вертоградский говорил ему печально и осуждающе:

— Стыдно, товарищ Якимов! Государственные люди думают, как бы вам помочь, а вы изволите папироски раскуривать.

III

Наверно, каждый помнит двенадцать часов дня воскресенья 22 июня. Каждый пережил эту минуту по-своему, и каждый запомнил ее на всю жизнь. Нас

застала она за работой. Выходные дни в нашей лаборатории были отменены. Когда радио, принесшее весть о войне, умолкло, отец сказал:

— Пора делать впрыскивание. Юрий Павлович, начинайте! Валя, распорядись, чтобы из дому прислали постели. Мы теперь будем жить в лаборатории. Слишком мало осталось времени, чтобы ходить домой.

С тех пор действительно мы почти не выходили из лаборатории.

Все помнят тягостное напряжение первых месяцев войны. Может быть, единственный человек, который никогда не обсуждал происходящего, а, выслушав очередную сводку, немедленно возвращался к работе, был мой отец. Беспристрастно должна сказать: надо уметь так работать, как работал он в это время. Внешне совершенно спокойный, он делал все возможное, чтобы ускорить работу. Все мы тогда мало спали, и еду нам подавали прямо на лабораторный стол. Использовалась каждая минута. Вертоградский не острил, Якимов не успевал выкурить папиросу. Небритые, с воспаленными глазами, они сидели над микроскопами и работали так же напряженно, как работал отец.

Но как ни экономили они секунды, как ни подгоняли опыты и исследования, события развивались быстрей. За окнами проходили воинские части. Маршировали отряды штатских людей в пиджаках, с учебными винтовками за плечами. Проходили толпы с лопатами и кирками. Гудели самолеты, иногда выли сирены, и люди разбегались по улицам, скрываясь в подвалах и подворотнях. А мы без отдыха впрыскивали вакцину, исписывали десятки страниц, до боли в глазах смотрели в микроскопы, перемывали пробирки и колбы и вновь наполняли их новыми и новыми пробами.

Якимова и Вертоградского не взяли в армию. Об этом попросил отец, и просьбу его беспрекословно уважили. Никого из нас не привлекали к оборонным работам. Делалось все, чтобы нам не мешать. От этого еще острее чувствовали мы невыносимую медленность хода исследований.

В начале июля позвонил по телефону Плотников. Отец взял трубку, долго слушал, потом сказал:

— Слушаю. Буду готовиться. Неделю вы мне даете? Хорошо. Спасибо. Всего лучшего. — И повесил трубку.

Он подошел к столу, за которым до разговора записывал результат очередного впрыскивания, и вновь взялся за свои записи, не обращая внимания на любопытные взгляды ассистентов. Кончив записывать, он аккуратно приложил промокательную бумагу, прогладил ее рукой, закрыл тетрадь и сказал:

— Нашу лабораторию эвакуируют. Надо собираться.

Он замолчал и обвел всех глазами, как будто спрашивая, нет ли возражений. Ассистенты молчали. Молчала и я. Страх и мрачные предчувствия томили меня.

Наш эшелон отправлялся через шесть дней, во вторник. В понедельник мы должны были грузиться. Четыре дня до понедельника нам оставались на то, чтобы упаковать самое необходимое, без чего мы не могли бы продолжать работу в Москве.

Мы разделились. Якимов и Вертоградский укладывали в ящики бумаги, пробирки с пробами, стеклышки с мазками. Ясно было, что увезти всех подопытных крыс невозможно. Решено было взять только нескольких, уже находившихся под наблюдением.

Мы с отцом продолжали работу. Отец не хотел терять ни одного дня. До вечера воскресенья мы с ним делали впрыскивания, брали пробы, заканчивали анализы. Якимов и Вертоградский, пыльные и замученные, отбирали нужные записи, набивали ящики, стучали молотками. Было условлено, что машины за нами придут в понедельник утром.

Очень трудно упаковать все нужное, ничего не забыть, ничего не упустить. Ассистентам предстояло работать целую ночь. Мы с отцом тоже собирались не спать до утра. Был важен каждый лишний анализ. А часов в девять вечера прибежала наша уборщица Нюша, перепуганная до смерти. Она рассказала, что очередной эшелон с эвакуированными вернулся, потому что железная дорога перерезана. Толпа двинулась по шоссе и тоже вернулась. Шоссе уже обстреливала немецкая артиллерия. Где-то близко, в лесу, громыхали фашистские танки.

Отец сразу позвонил Плотникову. Долго телефон был занят. Наконец соединили.

— Товарищ Плотников, — сказал отец, — до меня дошли нехорошие слухи. Они верны?.. — Он помолчал,

пока Плотников говорил, потом сказал: — Хорошо, спасибо, — и повесил трубку.

Якимов, Вертоградский и я смотрели на отца и ждали, что он скажет. Но он молча подошел к столу, сел и закурил папиросу.

Я не выдержала.

— Ну? — спросила я.

— Нюша сказала правду, — ответил отец. — Железная дорога и шоссе перерезаны. Мы окружены.

Глава четвертая

ЛАБОРАТОРИЯ УНИЧТОЖЕНА. ПРО НАС НЕ ЗАБЫЛИ. ЧЕРЕЗ ПЫЛАЮЩИЙ ГОРОД

I

Сразу остановилась жизнь в лаборатории. Отец подошел к крану, вымыл руки, тщательно вытер их полотенцем и сел у окна. Он ничего не сказал, но всем нам и без слов было ясно, что дальше работать не к чему. Якимов лег на кровать, да так и лежал, куря папиросу за папиросой. Вертоградский побрился — он за последние дни изрядно оброс, — вымыл бритву, аккуратно уложил ее в коробочку и стал ходить по комнате, насвистывая без конца все один и тот же бравурный марш. Я по привычке разогрела обед, расставила тарелки и позвала всех к столу. Никто даже не отозвался. Суп в тарелках остыл, а второе чуть не сгорело, пока я догадалась снять его с огня.

Вечером прилетели фашистские самолеты. Казалось бы, много я навидалась бомбежек за последние недели, но ничего подобного мне еще видеть не приходилось. Земля тряслась, и дом наш качался, как дерево в ветреную погоду. Свистели бомбы. На столах звенела посуда; в клетках метались и пищали крысы. Занялись пожары. Багровое небо низко опустилось над городом; от горящих домов черными клубами поднимался дым. По улицам пробегали люди; громко плакали дети; надрывались дежурные, пытаясь установить порядок. В комнате было светло от пожаров.

Почему мы не спустились в бомбоубежище, я и сама не могу понять. Вероятно, так сильно было у нас у всех чувство непоправимой беды, после которой не

стоило что бы то ни было предпринимать. Мы ясно чувствовали, что главное, ради чего мы жили, погибло. Бессмысленным казалось о чем-то заботиться и стараться спастись.

Не помню, о чем я думала, что́ я чувствовала в этот вечер. Помню Якимова, который лежит на кровати и прикуривает папиросу от папиросы; Вертоградского, насвистывающего марш, шагающего взад и вперед, как маятник; помню неподвижный силуэт отца, сгорбленного, с опущенной головой, с острой бородкой клинышком, на фоне красного колеблющегося света в окне.

Сердито ворчали самолеты в небе. Били зенитки. Завывали бомбы. Из окон домов высовывались длинные языки пламени. Потом самолеты ушли. Стало тихо. Только трещали балки в горевших домах, иногда переговаривались люди на улице и где-то, кажется в соседнем переулке, надрываясь плакал ребенок.

Вертоградский подошел к окну.

— Да, — сказал он, — картинка! Что будем делать, Андрей Николаевич?

Отец даже не пошевелился. Вертоградский пожал плечами:

— Конечно, ничего не придумаешь.

В это время Якимов поднялся с постели и аккуратно погасил в пепельнице окурок.

— Надо идти воевать, — сказал он.

— Куда? — спросил Вертоградский.

Якимов удивленно на него посмотрел:

— Как — куда? В ближайшую воинскую часть. Не все ли равно в какую?

— Может быть, вы объясните мне, дорогой товарищ, — сказал раздраженно Вертоградский, — где находится эта ближайшая часть? Как пройти к этой ближайшей части? Может, вы рассчитываете справиться на углу у милиционера?

— К черту! — сказал Якимов и с силой ударил кулаком по столу. — К черту! — повторил он. — Тогда нужно достать гранаты и прямо идти на немецкие танки. Не будем же мы тут сидеть, пока не придут за нами фашисты!

— Вздор, — уныло ответил Вертоградский. — Бессмысленный вздор, Якимов. Где вы достанете гранаты?.. Кстати, для танков, кажется, нужны какие-то особен-

ные. Потом, я слыхал, что надо уметь подрывать танки. Хоть недолго, но надо обучаться. Да и где эти танки? Разве мы знаем, откуда они войдут? Мы оторваны ото всех, Якимов. Мы остались одни, а одни мы, к сожалению, ничего сделать не можем. Надо было готовиться раньше. Надо было учитывать эту возможность, а не думать только об анализах и впрыскиваниях...

Он с некоторым раздражением посмотрел на отца, но отец как будто не слышал и сидел по-прежнему сгорбившись, опустив голову.

Вертоградский замолчал и сел на кровать. Теперь, когда самолеты уже не гудели в небе и бомбы не рвались, стало особенно отчетливо слышно, как беспокойно пищат некормленые, возбужденные крысы. Они метались по клеткам, вставали на задние лапы и пищали противным, скрипучим писком.

Вертоградский усмехнулся.

— Насколько их положение лучше нашего! — сказал он, кивнув головой на клетки. — Они, не стесняясь, пищат и мечутся, потому что им страшно. А нам нельзя. Нам не полагается пищать. Мы люди.

Отец поднял голову, посмотрел на Вертоградского и медленно поднялся со стула.

II

— Надо все уничтожить, — сказал отец.

Мы повернулись к нему.

— Что уничтожить? — спросил, не поняв, Вертоградский.

— Всё. Все следы. Все дневники. Все записи. — Отец был вне себя. — Перебить посуду, чтоб никаких следов не осталось!

— Успокойтесь, Андрей Николаевич, — мягко сказал Вертоградский. — Не надо так волноваться.

Отец махнул рукой:

— Я не сошел с ума. Неужели вы можете примириться с тем, что вся наша работа достанется им?

— Что ж, — сказал Вертоградский, — пожалуй, об этом стоит поговорить. Какой же способ вы предлагаете? Поджечь дом?

Отец покачал головой.

— И без того довольно пожаров. Просто сожжем записи и уничтожим пробы.

Все было невероятно в эту ночь, но слова отца были невероятнее всего. Я выросла и была воспитана в сознании, что нет ничего важнее на свете, чем результат работы ученого. И вот ученый хочет уничтожить работу...

— Ладно, — сказал Якимов. — С чего мы начнем?

— Тише! — сказал Вертоградский. — Слышите?

Мы прислушались. Где-то совсем близко застрочили пулеметы: сначала один, потом несколько.

— Это на Пушкинской или на Садовой, — сказал, вслушиваясь, Якимов.

— Все равно, на Пушкинской или на Садовой, — пожал плечами Вертоградский. — Важно то, что это совсем близко. Если жечь, так жечь сразу.

Не так просто было уничтожить бумаги, заполнявшие ящики. Печки не было: в доме было центральное отопление. Якимов предложил отнести бумаги на улицу и бросить в ближайший горящий дом, но мы отвергли этот проект. За один раз бумаги не унесешь, а бегать взад и вперед слишком долго. Да, пожалуй, и рискованно.

Как ни странно, но сейчас, когда появилась цель, мы стали спокойнее и рассудительнее. Разные проекты, как быстрее уничтожить плоды многолетней работы, обсуждались серьезно и деловито. Со стороны, вероятно, показалось бы, что идет обыкновенное совещание по какому-нибудь не очень важному поводу. Вертоградский даже несколько раз сострил — правда, не очень удачно. Никто не засмеялся. У меня было ощущение, что все это мне только снится. Не может быть, чтобы это было на самом деле, чтобы горели дома, чтобы фашисты входили в город. Не может быть, чтобы мой отец думал о том, как уничтожить свою вакцину...

Наконец решили жечь документацию в умывальнике. Стена около него была облицована кафелем и не могла загореться.

Мы стали таскать из шкафа папки с бумагами. Якимов поднес спичку, и бумаги загорелись. Папки, чтобы не терять времени, мы отбрасывали и жгли только самые записи. Горели они быстро, но умывальник сразу же наполнился черной сожженной бумагой, и горящие листы вываливались на пол. Мы решили выгрести горелую бумагу, но она еще тлела. Надо было ее пога-

сить. Оказалось, что водопровод уже не работает. Пришлось заливать дистиллированной водой, которой был у нас порядочный запас.

Никогда я не думала, что так трудно сжечь много бумаги. Загоревшись, пачки увеличивались в объеме и, как живые, выползали из умывальника. Отец кочергой мешал огонь. Весь в копоти, черный, взлохмаченный, он глядел страшно. Он не слушал, когда к нему обращались, он весь был поглощен одной мыслью. Впрочем, все мы говорили и действовали как в дурмане.

— Валя, — говорил Вертоградский, — уберите к дьяволу этих крыс, я не могу слышать, как они пищат!

Он поправил галстук, и я заметила, что у него дрожат руки. Якимов носил бумаги из ящиков. Он был весь покрыт пылью. Он приносил пачку за пачкой и сваливал их у самого умывальника. Черные лоскутья сгоревшей бумаги носились в воздухе и оседали на лица, на платья, на пол.

— Так, — командовал отец. — Ничего, хорошо горит... Юрий Павлович, подбросьте еще сюда: здесь, сбоку, быстрее займется.

Пламя опалило ему ресницы и бороду, но он не замечал этого.

— Папа, — сказала я, — посиди отдохни.

Он не слышал меня.

— Давайте, давайте! — повторял он. — Посмотрите, не осталось ли чего. Надо, чтобы все сгорело, до последней бумажки.

Последняя пачка занялась ярким огнем.

— Эх, — сказал Вертоградский, — погром так погром!

Он подошел к ящику, в котором были аккуратно уложены перенумерованные пробирки, заткнутые пробками, распахнул дверцу и рукой сгреб с полки штук двадцать пробирок.

— Правильно, — сказал отец. — Вы, Юрий Павлович, их на пол бросайте, а я стану топтать.

Вертоградский с отчаянным лицом выбрасывал на пол пробирки и колбочки, а отец тщательно, одну за другой, давил их каблуками. Он кружился и притопывал, и со стороны казалось, что он танцует какой-то неторопливый танец.

Боюсь сказать, сколько времени продолжалось уничтожение. Я, да и все мы, наверно, были как во сне. Долго еще потом виделись мне в кошмарах озаренные пламенем стены лаборатории, Вертоградский, швыряющий на пол посуду, отец, давящий ее каблуками...

— Больше ничего не осталось? — хриплым голосом спросил отец.

— Всё, — сказал Якимов.

— Хорошо. — Отец кивнул головой. — Теперь, по крайней мере, мы можем быть спокойны.

— Ну, — сказал Вертоградский, — для спокойствия особых оснований нет...

Отец не слышал его. Он обвел всех нас глазами.

— Я не могу решать ни за кого из вас, — сказал он, — но лично я думаю кончить жизнь самоубийством... — Он помолчал, потом повернулся ко мне:

— Ты как, Валя?

Голос его дрогнул, и я почувствовала, что он может сейчас заплакать. Я пожала плечами:

— Выбирать не из чего.

Вероятно, если бы я реально представила себе, что я должна сейчас перестать жить, должна умереть, мне было бы очень страшно. Но в том состоянии, в каком мы были тогда, ничего страшного не было и не могло быть. Все проходило мимо сознания.

— Это будет, пожалуй, труднее, чем жечь бумаги,— сказал Вертоградский. — Оружия у нас нет... Веревки? Во-первых, я не знаю, есть ли тут веревки, а во-вторых, это противный способ.

Якимов молча вынул из кармана наган и положил его на стол.

— Я на всякий случай достал, — сказал он, по обыкновению, коротко и спокойно.

— Вы умеете стрелять? — спросил отец.

Якимов кивнул головой.

— Вы нас научите. Я не умею, и Валя, наверно, тоже.

III

— Подождите, товарищи, принимать такие крайние меры, — сказал кто-то.

Мы обернулись. В дверях стоял человек.

Я не сразу узнала Плотникова. Но, узнав, ничуть не удивилась его появлению. Этой ночью все было необыкновенно.

Плотников стоял в дверях, невысокий, внешне спокойный, с прищуренными, как всегда, глазами. Только на этот раз мне не показалось, что он улыбается. Мы смотрели на него и молчали. Слишком неожиданно было его появление.

— Я уже думал, что лаборатория брошена, — сказал он. — Дверь на лестницу открыта, постучал в комнату — никто не отвечает.

— Шум на улице, — сказал отец таким тоном, как будто жаловался на то, что ему мешают трамваи и автомобили.

Плотников и тут не улыбнулся.

— Судя по всему, — он обвел глазами пол, засыпанный горелой бумагой и осколками стекла, — вы не собираетесь предлагать им свои услуги.

Он помолчал, но никто ему не ответил.

— Надо переходить в подполье, товарищи, — продолжал Плотников. — Ваша вакцина, профессор, нужна гитлеровцам. Вас в покое не оставят...

Он вынул из кармана четыре паспорта и, заглянув в каждый, роздал их нам.

— Вы будете жить в другом районе, — сказал Плотников. — Квартира уже готова. Мы постараемся спасти вас и ваше открытие.

— У меня нет вакцины, — буркнул отец. — Я все сжег, все уничтожил.

— Это все равно пришлось бы сделать. — Плотников посмотрел на часы. — Взять с собой мы ничего не можем. Я вас очень прошу поскорей собираться.

Укладка заняла не больше десяти минут. Плотников поглядывал на часы и, кажется, нервничал, но ничего не говорил. Мы уложили самое необходимое в два рюкзака и два маленьких чемоданчика. Мы были готовы. К этому времени отец пришел в себя. Безумие кончилось. Начиналась новая, необычная, опасная, но все-таки жизнь. Профессор Костров стал снова профессором Костровым. Он откашлялся и сказал:

— Простите, Александр Афанасьевич, но я вам должен задать вопрос. В этой квартире, в которую вы нас ведете, я буду иметь хоть какую-нибудь возможность

работать? Я понимаю, что условия очень сложные, но ведь, кроме научного значения, вакцина сыграет немалую роль и на войне...

Прежде чем Плотников ответил, я отвела отца в сторону.

— Папа, — сказала я ему, — подумай, что́ ты говоришь! Люди рискуют жизнью, чтобы спасти тебя, а ты начинаешь им предъявлять какие-то требования.

Отец подумал, смутился, подошел к Плотникову и сказал:

— Александр Афанасьевич, я, конечно, сказал нелепость. — И добавил своим обычным, резковатым голосом: — Я очень благодарен вам и вашим товарищам... Ну, пойдемте.

В последний раз мы окинули взглядом лабораторию. В ней остались жженая бумага и битое стекло. Только в клетках по-прежнему метались и пищали крысы.

Отец подошел и быстро одну за другой открыл дверцы всех клеток. Писк прекратился. Крысы прыгали на пол и разбегались, ища нор и щелей. Мы вышли из комнаты.

IV

Все вокруг было багровым. Вдоль багровых тротуаров стояли багровые дома, и низко нависало над ними страшное, багровое небо. Вдали били пулеметы. Ударила артиллерия, но выстрелы орудий были не громче треска и грохота пожара. Когда мы проходили мимо недавно достроенного дома ИТР, в нем обвалились междуэтажные перекрытия, и огромные балки падали и ломались, разбрасывая тысячи искр. Жар обжигал, мы задыхались, и лица наши блестели от пота. Но Плотников шел не останавливаясь и все время торопил нас. На отце от уголька стало тлеть пальто, и я погасила его на ходу.

— Скорей, скорей! — кричал Плотников.

Желая сократить путь, мы свернули в узенький переулок. Стена дома, к которому мы подходили, медленно наклонилась, разламываясь на несколько частей, с грохотом рухнула на мостовую и рассыпалась на множество обломков. У меня подогнулись колени, задрожали

руки, и я ухватилась за отца. Он посмотрел на меня. У него были белые губы, но дрожащей рукой он все-таки погладил меня по голове.

— Ничего, ничего, Валя, — сказал он. — Через все это надо пройти.

Я скорее прочла по губам, чем услышала его слова.

— Скорей назад! — кричал Плотников. — Придется обойти кругом.

Мы снова бежали за ним, увертываясь от бревен и камней, падавших из горящих домов, помогая друг другу стряхивать с себя искры, сворачивая в переулки, возвращаясь назад, когда видели, что путь впереди завален рухнувшим домом, задыхаясь и торопясь.

— Скорей, скорей! — кричал Плотников. — Скорей, скорей!

Постепенно горящие дома стали попадаться реже. Немцы сильнее всего бомбили центр города. Мы приближались к окраине. Здесь было тише, дома стояли словно мертвые, с наглухо запертыми ставнями. Жители спрятались в подвалах или сидели во внутренних комнатах.

Мохнатый щенок увязался за нами. Размахивая куцым хвостиком, он хватал меня за платье и весело тявкал, а потом отстал, побоявшись, видимо, далеко уходить от дома.

Ясно слышалась пулеметная стрельба, и все чаще щелкали винтовочные выстрелы. Потом мы услышали нарастающий грохот. Отец остановился, прислушиваясь.

— Скорей, скорей! — кричал Плотников.

— Что это? — спросил отец.

— Не задерживайтесь, — повторил Плотников. — Идут немецкие танки.

Мы свернули в подворотню и пересекли большой пустынный двор нового дома. Стрельба и грохот танков доносились сюда издалека. Во дворе росли молодые, недавно посаженные деревца, в квадратной загородке был насыпан песок для детей. Мы перелезли через невысокий забор и оказались в другом, меньшем дворе. Здесь было темней и грязней. Тощая кошка рылась в помойной яме. Она испуганно посмотрела на нас.

Грязноватая лестница вела прямо со двора вниз, в

подвал. Маленький человек в толстовке и белой фуражке шагнул нам навстречу.

— Я уж думал, с вами случилось что-нибудь, — сказал он Плотникову.

— Задержались, — задыхаясь ответил Плотников. — Ключ у тебя?

Человек передал Плотникову ключ.

— Иди к Семену, — кинул ему на ходу Плотников. — Я приду туда.

Все вместе мы спустились по лестнице вниз. Плотников отпер дверь. Мы вошли в темные, тесноватые сени.

— Ну, — сказал Плотников, — на эти дни вот ваша квартира.

Глава пятая

ЖИЗНЬ НЕВИДИМЫХ

I

О следующих месяцах нашей жизни надо совсем не писать или писать подробно. Но сейчас я рассказываю историю вакцины, а эти месяцы мы над ней не работали. Повесть об этом времени — это повесть о дружбе, о верности, о самопожертвовании. Когда-нибудь я расскажу о людях, которым угрожала смерть, которые голодали, которым нельзя было выйти на улицу, и люди эти думали о том, что есть среди них старик, знающий что-то очень важное для страны, стало быть, этого старика надо спасти.

Каждый человек в городе был на учете. Каждую квартиру обыскивали, на улице у каждого проверяли документы, спрятаться было негде. И ни разу не проверили документы у четырех людей: у отца, у Вертоградского, у Якимова и у меня. И это несмотря на то, что, может быть, никого в городе гитлеровцы так не искали, как моего отца. Им, очевидно, многое было известно о его работе.

В лабораторию они пришли через полтора часа после того, как город был занят. Они обыскали все, простукали стены и подняли полы, допросили нашу уборщицу Нюшу. Она сделала глупое лицо и наговори-

ла такой ерунды, что на нее махнули рукой. Тем не менее было установлено, что, когда город окружили, мы еще оставались в нем. Значит, мы не могли уйти. Значит, мы еще здесь. Нас искали.

Нам рассказали об этом много позже. В эти дни нас прятали, нас снабжали документами, нам объясняли, как вести себя. Почти каждую ночь мы проводили в другом месте. Пароли, отзывы, явки, неизвестность...

Однажды у отца сдали нервы, и он сказал Плотникову:

— Я так не могу! Черт с ним, пусть меня повесят! Поверьте, что секрет вакцины выдан не будет.

Плотников ответил спокойно и холодно:

— Мы вас спасаем не потому, что вы человек исключительный, а потому, что стране нужна ваша работа. Ведите себя спокойно и выполняйте то, что вам говорят.

Мы ночевали тогда в помещении, где раньше была кустарная мастерская. Стояли станки, какие-то обрезки клеенки лежали на полу. Пусть прочтет Плотников эти строки и узнает, что после его ухода отец целую ночь не спал, ходил из угла в угол и говорил о том, что он обязан выучиться быть спокойным и выдержанным, поменьше думать о собственных переживаниях.

Четырех человек вместе было трудно спрятать, поэтому почти всегда Якимов и Вертоградский жили где-то отдельно. Тысячам людей было гораздо труднее, чем нам, но и нам было нелегко.

Особенно запомнилась мне одна ночь. Это было в начале зимы 1941 года. Мы с отцом ночевали в подвале. Подвал был темен и мрачен. Штукатурка осыпалась со сводов; свет проникал через крохотное пыльное оконце. Здесь когда-то был склад, и в углу лежала большая куча пакли. На этой пакле мы и провели ночь.

Я знала о бешеном и успешном наступлении Гитлера. Отец метался и бормотал во сне, а я лежала и думала: «Неужели действительно кончилось все? Неужели действительно не будет того мира, в котором я выросла, в котором я своя, который я люблю?» В первый раз меня охватило отчаяние. Я чувствовала тяжесть

старых сводов, мучительную тишину подземелья. Неужели не будет воздуха, воли, неба?..

В ту ночь мне казалось, что все уже кончено и что надеяться больше не на что.

А наутро к нам в подвал пришел Плотников. Он сказал, что нас переведут в партизанский отряд, потому что там будет спокойней и безопасней. База отряда помещается в труднопроходимых лесах, и можно надеяться, что немцы туда не проберутся.

Мы засыпали его вопросами. Но он, как всегда, посмотрел на часы, извинился и объяснил, что очень торопится, что завтра придет товарищ, который будет руководить нашим переездом.

Он ушел, а мы без конца строили планы и предположения.

— Может быть, со временем, — неуверенно сказал отец, — когда мы там обживемся, удастся нам хоть немного и поработать.

Я посмотрела на него удивленно. Мне показались нелепыми грандиозность и необоснованность его надежд.

Сутки никто к нам не приходил. Чего только мы не передумали! На следующий день, около двенадцати, когда мы уже потеряли всякую надежду, в подвал вошла женщина.

II

— Андрей Николаевич, это вы? — спросила отца женщина, как будто бы Андреем Николаевичем могла вдруг оказаться я. — Вот вам костюм, наденьте.

Отец ушел за кучу пакли переодеваться, а минут через пятнадцать оттуда вышел старичок, совсем такой, какие плетут лапти и живут на пасеках. Удивительно, как преобразила отца крестьянская одежда. Он был доволен своим видом и смотрел на меня с некоторой гордостью.

Снова открылась дверь подвала, и вошел Плотников. Он долго поучал отца, как тот должен себя вести. Он заставлял отца ходить, садиться, разговаривать, вдалбливал ему названия мест и фамилий.

— Помните, как называется деревня? — в десятый раз спрашивал его Плотников.

— Божедомовка, — ответил отец.

— Как фамилия старосты?

— Крюков.

— Зачем он вам разрешил идти в город?

— Продать на рынке соленые грибы.

— Правильно, — сказал Плотников. — А деньги где?

Отец вытащил из кармана пачку денег, завернутую в платок.

— А в чем вы несли грибы? — спросил Плотников.

Отец растерянно на него посмотрел. Плотников взял принесенное женщиной ведро и вручил его отцу:

— Вы несли грибы в этом ведре. Вот в нем два груздя, прилипшие к стенкам. И вообще ведро грязное — придете домой, вам его невестка вымоет. Поняли?

— Понял, — отвечал отец.

— Ну, прощайтесь с дочерью. Часов на шесть расстанетесь.

Мы обнялись и поцеловались.

— Счастливо, Валюша... — сказал отец.

Они вышли, за ними закрылась дверь, и я осталась одна. Проходила минута за минутой, я все ждала: вот раздастся крик, выстрелы. Вот узнали отца, его схватили, его ведут... Но все было спокойно.

Целый день просидела я в давящей мучительной тишине. Заскреблась мышь, скрипнула половица. Тишина. Безмолвие. Тишина.

Стало совсем темно. Я посмотрела на часы. Было уже половина седьмого. Мне чудились подозрительные шумы и шорохи. «Случилось несчастье», — невольно повторяла я. Я старалась не думать об этом, убеждала себя: «Вздор, глупости, чепуха!» И все-таки повторяла: «Случилось несчастье, случилось несчастье».

В дверь постучали.

Передо мной стоял большеглазый худой юноша. Глаза его казались непомерно большими на истощенном лице. Мрачный был у него вид. В том настроении, в каком я была тогда, мне показалось, что он непременно должен принести мне весть о несчастье.

— Ну? — сказала я.

Он вошел и притворил дверь. Я повторила:

— Ну?

— Вы готовы? — спросил он. — Пора идти.

— А что с ним?.. С отцом и его ассистентами?

Он посмотрел на меня удивленно.

— Я не знаю, — сказал он. — Я даже не знаю, кто они. Мне поручено только вывести из города Валентину Андреевну. Это вы?

Я нахмурилась. Неужели трудно было послать мне весточку!

— Сейчас я надену пальто, — сказала я.

III

Мы вышли во двор. Низкие тучи нависли над домами. В сумерках все казалось одинаково серым. От свежего воздуха у меня закружилась голова.

— Нам надо торопиться, — сказал юноша. — Когда мы выйдем из подворотни, он сразу возьмет вас под руку. Ваше дело — просто прятать лицо в воротник и слушать, что он будет нашептывать вам на ухо. Он как будто за вами ухаживает. Понятно?

Мне ничего не было понятно. Кто это «он», куда он меня поведет, почему он будет за мной ухаживать? Юноша закашлялся. Он кашлял и кашлял и, когда я его попросила объяснить мне подробнее, что́ я должна делать, только махнул рукой. Кашляя, он нагибался и прижимал руки к груди.

Мы уже вышли из подворотни, а он все еще не мог сказать ни слова. Сразу же меня подхватил кто-то под руку. Я оглянулась. Рядом со мной, повернувшись ко мне лицом и улыбаясь, шел немецкий офицер. Я попыталась вырвать руку, но он держал ее крепко. В отчаянии я посмотрела назад. Юноша стоял, держась рукой за стенку дома, и продолжал кашлять. Офицер потащил меня вперед. Я упиралась.

— Вы обращаете на себя внимание, — тихо сказал офицер. — Неужели вас не предупредили?

У меня отлегло от сердца. Я спрятала лицо в воротник и чуть-чуть отвернула голову, стараясь принять кокетливый вид. Офицер круто свернул в переулок.

Темные и молчаливые стояли дома. Нигде не пробивалось ни одной полоски света. Изредка попадались

запоздалые прохожие. Они торопливо шли, не глядя по сторонам.

Мы проходили через центр и долго шли вдоль пустых кирпичных коробок с большими прямоугольниками оконных проемов. Внутри был навален кирпич и щебень. Причудливо извивались железные балки. Черная копоть покрывала стены. Мой спутник заговорил:

— Вы, кажется, дочь Кострова?

— Да, — сказала я.

— Я немножко знаю вашего отца. Он консультировал у нас в клинике.

— Вы врач?

— Да. Может быть, мы даже с вами встречались. Теперь трудно узнать знакомого.

— Что вы делаете сейчас?

— Врачую. Не стоит вам знать, в каких условиях и как. У вас и своих забот довольно.

Тощий, лохматый пес выпрыгнул из окна сгоревшего дома. Поджав хвост, он прижался к стене и испуганно следил за нами, пока мы прошли. Два солдата не торопясь шагали по тротуару. Немного в стороне шел их командир — младший офицер или унтер. Наклонившись ко мне, мой спутник смеялся и говорил мне что-то по-немецки, наверно, любезное, потому что вид у него при этом был удивительно залихватский.

Мы прошли мимо кондитерской. Вывеска еще сохранилась.

— Я здесь раньше печенье брала, — сказала я.

Спутник мой рассмеялся.

— Вы хотите сказать, что город здóрово изменился? — спросил он.

Я промолчала.

Еще один патруль попался нам навстречу. Унтер окликнул нас. Спутник мой повернулся к нему с таким надменным видом, что тот козырнул и забормотал что-то в свое оправдание.

— Вот преимущество формы СС, — сказал мой провожатый, когда мы прошли дальше.

— Как она вам досталась? — спросила я.

— Очень просто, — усмехнулся он. — Меня допустили работать в госпитале, — разумеется, не врачом, а так, чем-то вроде фельдшера, у них не хватает персо-

нала. Ну, а я украл в цейхгаузе обмундировку. В сочетании со знанием немецкого языка она бывает, как видите, очень полезна.

Мы подходили к окраине. Здесь много домов сохранилось. Кое-где сквозь ставни пробивался свет. Возле большого дома стояло много машин. Дверь непрерывно отворялась и затворялась. Офицеры группами и по одиночке шли к дому и от дома. Спутник мой непрерывно козырял. Он здóрово поднаторел в этом деле, — так лихо щелкал каблуками и подносил руку к козырьку, что сразу чувствовался хороший служака. Ему отвечали, а некоторые ему козыряли первые.

— Так и живем, — сказал он. — До тех пор, пока старшему офицеру не придет в голову окликнуть меня и проверить документы. — Он усмехнулся. — Впрочем, пока, как видите, обходится благополучно. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю». Правду сказать, я этого упоения не испытываю...

Мы свернули в темные переулки. Маленькие деревянные домики спрятались за заборами. На улицах не было ни одного человека. Как будто вымерли все. Наверно, в давние времена так бывало после чумы. Мы спустились к речке. Когда-то я здесь каталась на лодке. Володя Старичков умел хорошо грести. Сейчас речка замерзла. Дорога вела через небольшой деревянный мост.

— Будьте осторожны, — шепнул мне спутник, и мы спустились к мосту.

Сразу из темноты ударили нам в лицо лучи карманных фонариков. Несколько солдат стояли вокруг нас, и офицер говорил резким голосом. Спутник повернулся к нему и сказал, наверно, что-то смешное, потому что офицер усмехнулся и странно на меня посмотрел. Солдаты расступились. Мы пошли по мосту. Офицер что-то крикнул нам вслед, спутник мой ответил, и оба они рассмеялись. Фонари погасли.

Мы сошли с мостика и оказались за городом. К этому берегу реки лес подступал почти вплотную. Дорога уходила мимо пустых, заколоченных дач под высокие березы и ели.

— Я объяснил моему «коллеге по армии», — сказал мой спутник, — что мы идем в одну из этих дач, где нам

будет очень уютно, и пригласил его в гости, только непременно со своим коньяком.

Я ничего не ответила. Мы шли дальше. Город уже не был виден.

— Как же вы вернетесь обратно? — спросила я. — Патруль ведь заметит, что вы вернулись один.

— Я вернусь через другую заставу. Да если и через эту, никто не обратит внимания, что вас нет. Мало ли что случается с людьми, которых сопровождают офицеры этой армии...

Теперь, когда нас никто не видел, мы пошли быстро. Незачем было притворяться, что мы прогуливаемся. Дорога была темна и пустынна. Молчаливый, темный лес стоял вокруг. С каким наслаждением дышала я лесным воздухом после заключения!

— Как мы странно встречаемся... — говорил мне мой спутник. — Мы даже не знаем друг друга в лицо, мы виделись только в темноте. После войны мы не узна́ем друг друга. Правда, я знаю ваше имя. Готовьтесь, после войны я приду к вам в гости. Вы откроете дверь и увидите незнакомого человека.

— Я догадаюсь, что это вы, — сказала я, — вы увидите, что догадаюсь. Я возьму вас за руку и проведу в комнату, и посажу в самое лучшее кресло, и налью чаю. Мы с вами будем сидеть и рассказывать друг другу все, что с нами случилось, потому что мы ведь будем уже старыми друзьями.

— Хорошо бы! — невесело усмехнулся он.

Мы снова замолчали. Высокая береза простирала над дорогой длинные ветки. Около нее мы остановились.

— Мне надо торопиться, — сказал мой спутник, — у меня скоро дежурство. Видите, вот тропинка. Идите по ней. Вас встретят.

Мы пожали друг другу руки, потом я обняла его и поцеловала.

— До свиданья, — сказал он. — Кланяйтесь вашему батюшке.

Он помахал на прощанье рукой, ушел и почти сразу исчез в темноте. Минуту я постояла, глядя ему вслед.

Много позже узнала я, что этот человек через две недели после нашей встречи был повешен на Базарной площади и что умер он просто и мужественно.

Глава шестая

НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ

I

Когда я шла по узенькой тропинке, огибая огромные березы, наклоняя голову под еловыми ветками, чувствуя, как упруго оседает под ногами снег, счастье переполняло меня. За все эти месяцы я ни разу не чувствовала себя такой сильной и бодрой. Вот задрожала ветка, нечаянно задетая мной, и снег пушистыми хлопьями упал на лицо. Я растерла его рукой, мне было жарко и весело. И снова луч фонарика неожиданно осветил меня. Невысокий человек в куртке солдатского сукна и в ушанке стоял передо мной.

— Скорей, — сказал он. — Вас уже ждут. Правее берите.

Я побежала, спотыкаясь, иногда застревая в снегу. Деревья расступились. Пробиваясь сквозь тучи, луна освещала небольшую полянку.

Вертоградский бросился ко мне, обхватил меня руками и закружил так быстро, что ноги мои летели по воздуху, не касаясь снега.

— Юра, пустите! — сказала я смеясь.

— Не пущу, — сказал Вертоградский. — Умели грустить, умейте и радоваться.

Он наконец поставил меня на снег. У меня кружилась голова. Комок снега ударил в плечо. Якимов стоял передо мной, и даже в полутьме видны были его зубы, так он широко улыбался. Я подбежала обнять отца, такого смешного в своей крестьянской одежде, возбужденного и веселого. Потом, не удержавшись, запустила снежком в Вертоградского, Якимов запустил в меня, и даже отец, что отнюдь не соответствовало его возрасту и ученому званию, запустил снежком в Якимова, но попал не в него, а в какого-то незнакомого человека, торопливо подходившего к нам.

— Здравствуйте, здравствуйте! — говорил этот человек, немного задыхаясь от быстрой ходьбы. — Приехали? Ну и хорошо, давайте знакомиться. — И он стал пожимать нам руки, повторяя при каждом пожатии: — Петр Сергеевич... Петр Сергеевич.

Еще какие-то люди окружили нас. Кто-то говорил, что пора уже ехать; кто-то беспокоился, принесли ли шубы, а то можно замерзнуть в санях; кого-то спрашивали, задан ли лошади овес и положили ли в розвальни сена.

Нас повели к краю полянки. Там стояли широкие розвальни. Всех четверых усадили на них и укрыли ноги овчинными тулупами. Петр Сергеевич присел с одного боку, кто-то еще — с другого. Петр Сергеевич сказал:

— Ну, трогай!

И мы поехали.

Чудесная это была поездка. Лошадь быстро бежала по снежной лесной дороге. С веток сыпался на нас снег. Комья снега летели нам в лицо из-под лошадиных копыт. Тучи разошлись, выглянула луна. Перебивая друг друга, рассказывали мы о своих приключениях. Отец, например, встретил лабораторного сторожа, тот его окликнул, но отец не ответил, и сторож отстал. Якимов и Вертоградский надели комбинезоны грузчиков, нагрузили консервами машину и на ней выехали. А здесь, в лесу, их ждали настоящие грузчики. Машина уехала, они остались одни. Все это было интересно, но уже неважно. Важно было то, что мы здесь все вместе.

Час проходил за часом. Рысцой бежала лошадь. Холод стал забираться под шубы. Зашла луна.

Стало светать. Хотя ночь была на исходе, никому не хотелось спать. Только Петр Сергеевич спокойно дремал, просыпаясь на ухабах и сразу же засыпая снова.

Лес стал мельче. По сторонам дороги мелькал кустарник, тоненькие березы и осины.

— Начинаются наши Алеховские болота, — сказал Петр Сергеевич, проснувшись. — Скоро въедем на гать.

Мы поняли, что это уже район отряда. Дорога стала тряской. Под снегом лежали бревна.

Петр Сергеевич стал объяснять, показывая вокруг:

— Вот это и есть наши болота. Какие бы морозы ни были, они все равно не замерзают. Отойди в сторонку на два шага, и сразу под снегом вода выступит. До войны эти места считались дурными. Тут скот и то выпускать опасно. Попадет животное в топь — и пропало. Уже был составлен план осушения. Канавы должны были начинать рыть. А сейчас, если бы не болото, разве могли бы мы здесь так привольно жить? Сюда ведь

немцы и соваться не пробуют. Чуть что, мы эту гать раскидаем, подорвем, и попробуй пройди!

Нам очень хотелось спросить о другом: что мы будем делать в отряде? Но как-то неловко было. Петр Сергеевич рассказывал, как они строятся, как на сухих местах роют землянки, а теперь решили и срубы ставить.

Незаметно я задремала. Когда открыла глаза, стало уже совсем светло. Лошадь стояла на круглой полянке возле бревенчатого дома с мезонином. Какие-то люди окружили сани.

— Махов, начальник отряда, — сказал, протягивая руку отцу, высокий человек с широким лицом. — А вот, познакомьтесь, мой комиссар.

Комиссар был рябой, широкоплечий человек с ясными голубыми глазами. Он добродушно улыбнулся и помог нам выбраться из саней.

Процедура знакомства закончилась. Широким жестом Махов показал на дверь:

— Заходите, товарищи! Здесь будет ваше жилище.

II

Мы вошли в обыкновенную деревенскую кухню с огромной свежевыбеленной русской печью. Чугуны разных размеров стояли на полке. В углу, в стеклянном шкафу, переделанном из киота, я заметила тарелки, ложки, стаканы. Махов распахнул следующую дверь. Посреди просторной комнаты стоял грубо сколоченный стол, покрытый холщовой скатертью. Стулья, видимо сделанные здесь же в отряде каким-нибудь неумелым столяром, показались мне громоздкими и неуклюжими. На чисто вымытом полу лежали пестрые половики. Направо я заметила еще одну дверь. Прямо против кухни узкая деревянная лестница вела наверх.

— Наверху ваш кабинет, Андрей Николаевич, — сказал Махов.

Теснясь и толкая друг друга, поднялись мы по лестнице.

«Кабинет» представлял собой небольшую квадратную комнату, где стояли две койки, застланные лоскутными одеялами, большой деревянный стол с одним ящиком и три или четыре стула. Одну из стен заняли деревянные полки, заставленные книгами. Я узнала зна-

комые корешки и посмотрела на отца. Он так растерялся, что стоял неподвижно и только щипал бородку.

— Перевезли... — бормотал он. — Каким образом?

Потом он бросился к полкам и стал выхватывать книги, торопливо перелистывать их и даже гладить обложки.

— Ай-ай-ай, — говорил он, — второго тома нет! Как раз самый нужный том... Обложка попорчена... Ну, это ничего.

С трудом я оттащила его от полок. Махов, комиссар и Петр Сергеевич делали вид, что не замечают его волнения.

— Папа, — шепнула я, — нас ждут.

— Да, — сказал Махов, — пойдемте, товарищи, мы еще вам не всё показали. Мы поставили здесь две кровати, рассчитывая, что дочери вашей придется спать тоже в кабинете. А вашим ассистентам мы поставили кровати в лаборатории...

Отец резко повернулся к Махову:

— В какой лаборатории?

Махов усмехнулся:

— А вот пойдемте посмотрим.

Теперь отец несся впереди всех с такой быстротой, что мы еле за ним поспевали. Вбежав в нижнюю комнату, которую отныне я буду называть столовой, он остановился, растерянно оглядываясь и не зная, куда идти дальше. Махов распахнул дверь, и мы вошли в последнюю, третью комнату нашего дома. Все удивляло нас сегодня, но удивительнее этой комнаты мы еще ничего не видели. Это была действительно лаборатория. Небольшая, очень несовершенная, но лаборатория. На столе сверкала химическая посуда. Поблескивали желтой медью два микроскопа. Возле окна стояли один на другом три небольших ящика с решетчатыми передними стенками. В них копошились морские свинки и, тыкаясь в решетки тупыми мордочками, высматривали, кто пришел и зачем.

Отец, Якимов и Вертоградский бросились к столу. Дрожащими руками перебирали они посуду, вертели в руках микроскопы, пробовали весы.

— Пробирок маловато, — сказал Вертоградский.

— Ничего, ничего, — перебил отец, — хватит. Жалко, ступка только одна.

— Вот еще две, — возгласил Якимов.

Отец был уже у другого конца стола.

— Фильтры ничего... правда, не первый сорт, но годятся. С этим как-нибудь справимся. Глюкозы не вижу.

— Загляните еще в шкаф, — сказал Махов.

Шесть рук, мешая друг другу, открыли дверцы стоявшего в углу самодельного шкафа. На полках теснились коробочки с ампулами, пузырьки и банки.

— Глюкозы надолго хватит! — ликовал отец.

— Шприцы, — широко улыбаясь, говорил Вертоградский, раскрывая одну за другой коробки, — и запасные иглы. Смотрите, Андрей Николаевич, запасные иглы!

Все трое начали показывать друг другу свои находки, радоваться, смеяться, переговариваться. Махов уже поглядывал на часы и улыбался по-прежнему вежливо, но немного напряженно.

Я оттащила отца от шкафа, но он вырвался и подбежал к столу. Ему хотелось скорей испробовать микроскопы, и я с трудом его от них оторвала. Потом я взялась за Якимова и дотащила его почти до самой двери, но в это время отец снова оказался у шкафа. Тогда я вытолкнула Якимова за дверь, попросила Петра Сергеевича постеречь, чтобы он не вернулся, и решительно повела отца в столовую. Держа в руке какой-то пузырек и силясь разобрать надпись на этикетке, он послушно шагал за мной. Вертоградского проконвоировал Петр Сергеевич, и таким образом мы все наконец вышли из лаборатории.

За это время кто-то накрыл обеденный стол. На тарелке лежал нарезанный хлеб, на огромной сковороде дымилась картошка с консервированной колбасой. Махов пригласил нас садиться. Не могу назвать этот первый завтрак в лесу веселым. У отца и Якимова были отсутствующие глаза, и они все время обменивались репликами насчет шприцев, игл, свинок, глюкозы и чего-то еще. По-видимому, они ничего не слышали, когда к ним обращались. Во всяком случае, их приходилось окликать несколько раз, и все-таки они отвечали невпопад.

Вертоградский пытался еще поддерживать общий разговор, но тоже время от времени отвлекался рассуждениями насчет фильтров, мензурок и термостата. Я

изо всех сил старалась развлечь наших хозяев, но что я могла сделать одна!

Как только чай был допит, Махов, Петр Сергеевич и комиссар поднялись. Они поблагодарили нас, как будто мы их угощали. По лицу отца было совершенно ясно видно, что он с нетерпением ждет, когда наконец все уйдут и позволят ему вернуться в лабораторию. К счастью, наши хозяева были люди неглупые, видимо, вполне понимали отца и не обижались.

Мы условились, что Петр Сергеевич будет к нам наведываться и, если что-нибудь понадобится, мы ему сообщим.

Нас пригласили заходить в штаб и вообще чувствовать себя как дома. После этого, торопливо пожав нам руки, наши гости или хозяева, не знаю, как их назвать, ушли. Еще не успела за ними закрыться дверь, как отец сказал:

— Ну, пойдемте, пойдемте! Разберемся, что там есть, чего не хватает.

— Мне кажется, папа, — сказала я, — что следовало бы людям хоть спасибо сказать. Вероятно, не очень легко было устроить на болоте лабораторию.

Отец посмотрел на меня растерянно и вдруг, ничего не говоря, выбежал из комнаты. В окно мы видели: он бежал по снегу и кричал. Махов, комиссар и Петр Сергеевич остановились, отец начал говорить, но вдруг махнул рукой, обнял Махова, расцеловал его, потом расцеловал комиссара и Петра Сергеевича. Затем они смеялись и кричали что-то отцу, а он уже бежал обратно по снежной лесной поляне, маленький, худенький старичок в холщовой рубашке.

Он ворвался в комнату. От него пахло морозом.

— Они ж понимают, — говорил он на ходу, — они ж не обидятся! Ну, идемте, идемте. Время дорого.

До самого вечера все трое возились в лаборатории. Было учтено все до последней мелочи. Всему было найдено свое место. Был утвержден распорядок дня и распределены обязанности.

Мне так и не удалось уговорить мужчин пообедать. Часов в девять вечера, когда уже было совсем темно, я снова накрыла на стол. Надо было все-таки поесть. Мои воззвания оставались без ответа. На меня просто не обращали внимания. Тогда я взяла керосиновую

лампу и вынесла ее из лаборатории. Оставшись в темноте, они долго ругались и требовали света, но я была непреклонна, и мне удалось усадить их за стол. Тогда оказалось, что все ужасно голодны, и обед и ужин были съедены в один присест.

Отец хотел снова идти в лабораторию, но я запротестовала. Он и сам, кажется, почувствовал наконец, что устал. Взяв лампу, он направился к себе в мезонин. Поднявшись на несколько ступенек, он остановился. Стоя на возвышении, держа в руке горящую лампу, он выглядел очень торжественно.

— Вот что, — сказал отец, — я хочу, чтобы вы, дорогие товарищи, запомнили следующее: эта лаборатория — не простая лаборатория. Тут каждая вещь — это, знаете что такое? Ей цены нет. Вы сами понимаете. Так вот, я хочу сказать: если здесь, в этой лаборатории, мы будем бездельничать, работать плохо, с нас за это голову снять мало. Ясно, товарищи?

— Ясно, — сказал Вертоградский, вскакивая и козыряя.

— Понятно, — сказал Якимов.

— Ясно, — сказала я.

— Ну то-то же! — Отец погрозил нам пальцем и медленно стал подниматься по лестнице.

Глава седьмая

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ВОЛОДИ ЗАРЕЧНОГО

I

Время, прожитое на Алеховских болотах, кажется мне целиком заполненным не прекращающейся ни на один день, напряженной, изматывающей работой. В шесть часов утра вставал отец и прежде всего шел в лабораторию.

— Работать, доценты, работать! — кричал он.

Якимов вскакивал сразу и, быстро одевшись, мчался на кухню умываться. Вертоградский еще лежал, стараясь оттянуть хоть минуту, объясняя жалобным голосом, что все равно ему придется ждать, пока Якимов умоется, и поэтому лучше он еще полежит. Наконец возвращался Якимов, уже совершенно бодрый, раскрас-

невшийся от холодной воды, и Вертоградского с позором извлекали из постели. Унылый и жалкий, тащился он на кухню с полотенцем на плече, жалуясь, что газ опять не горит и нельзя даже принять ванну, что центральное отопление снова испортилось и в доме собачий холод. В это время я уже затапливала плиту и ставила чайник. Вымывшись, Вертоградский становился веселее и после некоторой внутренней борьбы соглашался сходить за водой. Это входило в его обязанности. Якимов колол дрова, а отец подметал комнаты. Он настоял, чтобы в домашней работе ему тоже выделили долю. Пользы от этого было мало, мне все равно приходилось подметать еще раз, так как отец оставлял мусор во всех углах.

В шесть сорок пять садились завтракать. Зимой в это время было еще совсем темно. Завтракали торопливо. Отец смотрел на часы и ворчал, что время уходит даром, что Эдисон спал два часа в сутки и поэтому сделал кое-что в жизни. В семь часов, минута в минуту, он командовал: «За работу!» Ассистенты, дожевывая куски, уныло плелись в лабораторию. Мне давался двухчасовой отпуск на уборку и другие домашние дела.

После обеда час отдыхали. Вертоградский спал как убитый, а Якимов курил, слонялся по комнате или чертил на замерзшем окне круглолицых веселых чертиков. Отец показывался на лестнице с часами в руках: пора! Работа продолжалась до одиннадцати часов вечера.

Помню, как мы услышали по радио сообщение о разгроме немцев под Москвой. В виде исключения в отряде был устроен настоящий пир. Петр Сергеевич, не жалея, отпускал спирт. Под радостные крики одна за другой осушались кружки. Подвыпив, Якимов вдруг загрустил и, плача крупными слезами, стал говорить, что вот, мол, война идет, а его воевать не пускают; потом ему и вспомнить нечего будет, и дети будут его презирать...

Еле-еле мы его довели домой, и дома произошел разговор, который я много раз потом вспоминала. Было это так.

Вертоградский уже уложил Якимова и лег сам. Мы с отцом поднялись наверх и только собрались гасить лампу, как на лестнице раздались неровные шаги. Дверь отворилась, и, слегка покачиваясь, Якимов вошел в

комнату. Хмель еще бродил в нем и не давал ему успокоиться. Мы смотрели на него выжидающе и немного испуганно.

— Я скажу, — начал он и ухватился рукой за стол, чтобы не упасть. — Все равно, я скажу. Не любят Якимова, не знают Якимова. Думаете, я не понимаю, кто из меня человека сделал? Я понимаю. Что я без вас? Нуль. — Пальцем он аккуратно вывел в воздухе нуль. — А с вами? С вами я ученый. Причастен к великому открытию. Я знаю, что вы меня своим не считаете: Якимов — сухарь, молчальник, Якимов — рабочая лошадь. А Якимов не так прост. Когда-нибудь вы узнаете, что такое Якимов. Вы всё поймете, — он всхлипнул, — да поздно уже будет...

Он совсем по-детски вытер кулаком слезы.

Отец редко видел пьяных. Поэтому бессвязные слова Якимова произвели на него впечатление. Он неожиданно встал, подошел к Якимову и обнял его.

— Не огорчайтесь, — сказал он. — Не горюйте. Ложитесь спать, а утром мы с вами поговорим.

Якимов совсем растрогался.

— Вы Вертоградского любите, — сказал Якимов, — а я для вас просто так, ничего. Ну что ж, и не надо. И будет Якимов, непонятый, нести свой тяжелый крест...

У Якимова был такой смешной вид, что я невольно засмеялась. Отец посмотрел на меня строго и недовольно.

— Я Юру тоже люблю, — сказал Якимов растроганно. — Он мне как брат родной.

— Вы это ему сейчас же скажите, — посоветовала я.

— Скажу, — согласился Якимов и, пошатываясь, вышел из комнаты.

Мы с отцом посмеялись и легли спать. Я совсем уже засыпала, когда отец вдруг окликнул меня.

— Ты не спишь, Валя?

— Нет, — сонно ответила я.

Отец приподнялся на постели.

— Якимов во многом прав, — сказал он задумчиво. — Подумай сама: сколько лет работает у меня человек, а что я о нем знаю? В сущности говоря, ничего. Работает и работает. А что он думает, что у него на

душе, ничего я об этом не знаю. Неправильно, неправильно это!

Отец повздыхал еще в темноте, собирался еще что-то сказать, но я уже спала крепким сном.

На следующий день Якимов поглядывал на всех нас с опаской. Он, кажется, нетвердо помнил, что произошло накануне, но мы сделали вид, что ничего не было. Он повеселел, окатился холодной водой и сел за работу.

II

Жизнь наша была очень нелегкая. Как ни защищали нас топи, угроза нападения висела над нами все время. Вскоре гитлеровцы окончательно выяснили, что отряд базируется на Алеховских болотах. То ли выследили кого-нибудь, то ли кто-то не выдержал на допросе и рассказал. Над нами стали появляться немецкие самолеты. Чувствовать постоянно наблюдающий внимательный взгляд врага было удивительно неприятно. Махов приказал маскироваться. К счастью, наш дом был сверху совсем закрыт кронами высоких деревьев. Штабные землянки тщательно засыпали снегом. Тем не менее два дня бомбардировщики сбрасывали над болотом бомбы. Бросали они наудачу, и все бомбы падали на незаселенные места. Но для всех нас это были довольно неприятные дни.

Карательные отряды с трех сторон стали стягиваться к болотам, и наши патрули завязали бой. Немцы не знали, что Алеховские болота зимой не замерзают. Орудия их застряли, но пехота подбиралась все ближе к сердцу отряда. Первый день боев не дал немцам успеха. Всю ночь партизаны тревожили их автоматной и пулеметной стрельбой. На второй день с утра немцы снова начали наступать и в середине дня подошли к гати. Хорошо, что Махов вовремя приказал ее раскидать. Это было нелегкое дело. Люди стояли по колено в воде, а мороз в то время был градусов пятнадцать. Гать раскидали, но тут нам не повезло: ночью мороз усилился до двадцати градусов, дорога замерзла и стала проходимой.

Я очень ясно помню утро третьего дня. Мы все были в землянке, в которой размещался лазарет. Тогда в

отряде еще не было своего врача, и мы четверо работали за врачей, за сестер и фельдшеров. Бой шел километрах в пяти.

Часов в восемь в землянку вошел комиссар. Раненые лежали вдоль стен прямо на сене.

— Ну, товарищи, — сказал комиссар, — кто себя не так плохо чувствует, давайте собирайтесь. Нуждаемся в помощи.

Ушли несколько легкораненых, Якимов и Вертоградский.

Бой шел весь день и всю следующую ночь. От раненых мы узнавали о ходе событий. К середине четвертого дня немцы продвинулись на пятьсот метров, но к вечеру были отбиты.

Настала черная, безлунная ночь. Этой ночью решалась судьба отряда. Комиссар собрал группу добровольцев. Обвешанные гранатами, они пошли заветной тропкой врагам в обход. Я видела, как, в белых халатах, бесшумно скользя на лыжах, один за другим скрывались они в темноте.

Удар был нанесен в четыре часа утра. Через сорок минут, когда значительная часть немцев была деморализована, наши партизаны перешли в наступление. Если не считать нескольких убежавших гитлеровских солдат, карательный отряд был уничтожен полностью.

Некоторых из наших лыжников принесли на носилках к нам в лазарет, другие вернулись невредимыми, очень многих похоронили на склоне холма, на котором помещался штаб.

Якимов и Вертоградский пришли возбужденные и гордые своим участием в операции. Вместе со всеми выступали и они и даже, рассказывают, шли в первых рядах. Оба были невредимы. Только Якимова пуля царапнула по ноге, но он не обратил на это внимания.

В этом бою убили комиссара. Его принесли на носилках и опустили в братскую могилу.

Все это очень сблизило нас с отрядом. Якимов и Вертоградский заслужили всеобщее одобрение, да и нас с отцом хвалили за то, что мы недели две не вылезали из лазарета и поставили на ноги всех, кроме двух совсем безнадежных.

Впрочем, скоро в отряде появился свой врач, известный в нашем городе хирург, предупрежденный Плотни-

ковым о предстоящем аресте и сбежавший на Алеховские болота. Это был доктор Гущин, хороший старик, ставший впоследствии нашим большим другом.

В марте была налажена радиосвязь с советским командованием, и советские самолеты стали сбрасывать над Алеховскими болотами ящики с боеприпасами, снаряжением и продуктами. Если учесть, какое огромное расстояние было в то время от нас до линии фронта, нельзя не удивляться смелости и умению летчиков. Постепенно в отряде появилось много нужных и важных вещей. У нас была теперь походная типография, и мы выпускали листовки, которые потом разносили по всем городам и деревням. У нас была настоящая радиостанция. Лазарет наш был довольно хорошо оборудован. По просьбе отца прислали кое-что из нужных ему материалов.

III

Весной 1942 года возник вопрос о нашей отправке на «Большую землю». К тому времени километрах в тридцати от нас был построен партизанский аэродром. Махов предложил доставить нас туда. Отец задал Махову три вопроса.

— Мы вам мешаем здесь? — спросил он.

— Нет, — отвечал Махов.

— Есть непосредственная опасность, что немцы проникнут на Алеховские болота?

— Думаю, что нет.

— А мы сможем вывезти лабораторию?

Махов усмехнулся:

— Конечно, нет. Но в Москве вам создадут другую.

— И все надо будет опять налаживать заново. И во второй раз пропадут начатые уже опыты... — Отец ходил из угла в угол и мрачно пощипывал бороду. — Нет, — твердо сказал он, остановившись перед Маховым. — Я не могу на это пойти. Уж лучше мы будем пользоваться вашим гостеприимством. А когда вакцина будет готова, тогда поедем в Москву.

— Как хотите, — сказал Махов. — Конечно, частенько бывает за вас страшновато, но все-таки я и сам колебался. Пожалуй, действительно лучше кончить работу здесь.

С тех пор к этому вопросу не возвращались. Несколько раз запрашивала Москва о возможности нашей эвакуации, и Махов каждый раз отвечал, что профессор выражает желание закончить работу в лесной лаборатории.

И снова потекли размеренные и одинаковые дни. День за днем брали мы пробы, день за днем входили иглы шприцев под кожу перепуганных насмерть мышей, день за днем заносил Якимов результат каждого опыта в лабораторный дневник.

Условия нашей работы были очень тяжелыми. Больше всего мешал нам недостаток подопытных животных. Морские свинки служили нам верой и правдой, но опыты требовали жертв, и одна за другой они погибли для пользы науки. Надо было ловить полевых мышей. Так как ни я, ни ассистенты не были мастерами по этой части, отец постарался завязать дружбу с одним молодым пареньком, и тот ему в знак уважения каждый день доставал несколько штук мышей. Однажды Махову понадобилось послать паренька с поручением, но того нигде не могли найти, и Махову объяснили, что, наверно, он ловит мышей. Нам Махов ничего не сказал, но, как нам передали, часа полтора ворчал и сердился.

— В конце концов, — говорил он, — у меня партизаны, а не кошки! Я не понимаю, зачем тогда было отряд создавать? Тогда давайте не будем бить гитлеровцев, и я пошлю отряд ловить мышей.

Паренька вовремя разыскали, но мы перепугались и притихли. Зная о нашей нужде, нам понемногу доставляли мышей, но их было мало и они не очень годились для опытов. Мы страдали от отсутствия самых простых вещей. Материалы, которые в городе можно купить в любой аптеке, здесь просто невозможно было достать.

Отец выдумывал, комбинировал, производил замены. Это требовало энергии, изобретательности, отнимало много времени и затягивало работу.

В сущности говоря, теперь наш отряд был настоящей воинской частью. Каждое отбитое у немцев орудие, пулеметы, снаряды, патроны свозили на болото. Отряд продолжал действовать мелкими группами, совершая внезапные налеты, подрывая составы и склады, нарушая связь, терроризируя гарнизоны. А на болотах, незаметная, невидимая, накапливалась техника. Всю ее

мощь испытали немцы при второй попытке напасть на Алеховские болота. На этот раз Махов оказался хозяином положения. Он заранее проложил гати в новых, неизвестных врагу местах, и ночью на немцев обрушилась лавина огня крупнокалиберных пулеметов и минометов; орудия ударили прямой наводкой. Мало кто из карателей унес тогда ноги.

IV

Много приобрели мы за это время друзей и много друзей потеряли. Скольких старых и молодых, веселых или печальных проводили мы в опасный путь! Сколько дней и ночей волновались мы: удастся ли им вернуться, увидим ли мы их снова? Помню, как мы встречали возвращавшихся с операции. Издали еще пересчитываешь: семь человек, а уходило десять. Кто же погиб? Сколько за это время хороших людей не вернулось...

Похудел и постарел отец, осунулся Вертоградский, даже у Якимова, силача и здоровяка, круги усталости легли под глазами. Какой нелепостью звучало у нас слово «отдых»! Разве можно здесь говорить об отдыхе? «Работать, доценты, работать!» День, утро, вечер, короткий сон — и снова пожалуйте в лабораторию, к столу.

Но вот у отца стали веселее блестеть глаза, и порою он с удовольствием потирал руки. Появилась надежда, что мы приближаемся к концу нашей работы. Две маленькие мышки с аппетитом ели крупу и увлеченно грызли дощатые стенки своих клеток. Обе они были поражены неизлечимой болезнью — обеих их вылечила вакцина.

Я вспоминаю воскресный вечер после выздоровления этих мышей. К нам пришло в гости несколько человек. Никогда я еще не видела таким веселым отца. Он много рассказывал, смеялся и даже спел какую-то старую песню, в которой забыл всю середину и половину конца.

Он еще не хотел в тот вечер рассказывать гостям о наших лабораторных успехах, но, может быть, у него был слишком счастливый вид, а может быть, Вертоградский сболтнул лишнее, — во всяком случае, гости догадались, что у нас хорошие новости, пристали с расспросами, и пришлось отцу рассказать об удачных опытах.

Героические мыши были принесены в клетке и поставлены на стол для всеобщего обозрения, а отец поведал о плане дальнейших испытаний вакцины. Около двухсот проверок должна была она пройти, прежде чем быть испытанной на людях. Но события развернулись не так, как мы ожидали, и вакцина была испытана гораздо скорее.

V

Группа в пятнадцать человек ушла на операцию. Готовился взрыв железнодорожного моста. Командовал группой Володя Заречный, тот самый, который ловил нам в лесу мышей. Теперь Махов доверял ему серьезные задания. На следующую ночь связанные с нашим отрядом крестьяне видели, как мост взлетел в воздух. С часу на час мы ждали наших обратно. На всех тропинках выставлены были заслоны, чтобы встретить их и помочь, если понадобится. Но они не пришли ни в эту ночь, ни в следующую. Только на четвертые сутки девять человек из пятнадцати, измученные, покрытые пылью и кровью, вернулись на Алеховские болота. Идти могли только восемь. Девятого, Володю Заречного, посменно несли на самодельных носилках. Он был ранен в ногу, в живот и в плечо.

Восемь человек пошли отсыпаться, а Володя поступил в распоряжение доктора Гущина. Отец ассистировал ему при операции. На следующий день Володя пришел в сознание, еще через день повеселел и стал просить есть, а еще через день у него подскочила температура. Началась газовая гангрена.

Доктор Гущин постучался к нам в двенадцатом часу. Мы уже легли. Я услышала стук и, накинув платье, побежала открывать.

— Мне нужно Андрея Николаевича, — сказал Гущин.

— Он спит, — ответила я.

— Разбудите его.

Я побежала в мезонин. Отец уже проснулся, услышав голоса и шаги. Я сказала, что его просит Гущин, и он торопливо спустился по лестнице. Ассистенты тоже вышли из лаборатории, так что все мы собрались в столовой.

— Добрый вечер, Василий Васильевич, — сказал отец. — Присаживайтесь, Валя сейчас чаю согреет.

— Андрей Николаевич, — сказал Гущин, — плохо Заречному. Типичнейшая газовая гангрена.

Отец отвел глаза в сторону.

— Бедняга, — сказал он.

Мы все молчали, отлично понимая, о чем хочет говорить Гущин.

— Андрей Николаевич! — сказал врач. Отец молчал. — Андрей Николаевич!..

— Я не могу, — сказал отец. — Вы как врач поймете меня. Это не мышь. Я не имею права.

Гущин подошел к отцу.

— Я не сомневаюсь, что вы согласитесь, — тихо сказал он.

Отец провел рукой по голове и зашагал по комнате. В дверь опять постучали. Якимов пошел открывать. Он вернулся с Маховым. У Махова было очень усталое лицо.

— Согласен? — спросил он у Гущина, ни с кем не здороваясь.

— Не сомневаюсь, что согласится, — ответил Гущин.

Махов подошел к отцу и обнял его за плечи.

— Решайтесь скорее, Андрей Николаевич, — сказал он, — ведь погибает же человек! Подумайте сами, Володька Заречный погибает... Помните, как он вам мышей ловил, а я еще его изругал тогда?

Махов засопел носом, отошел и стал у окна спиной к нам.

Отец развел руками. Он очень волновался. Он старался застегнуть пиджак, но пальцы так прыгали, что он все не попадал петлей на пуговицу.

— Как вы можете так говорить! — сказал он. — Ведь это же нельзя, ведь это же не проверено, ведь я же могу убить его...

— Вы можете его спасти, — сказал Гущин, — а без вас он умрет обязательно. Я не понимаю, о чем вы думаете.

— Не знаю, не знаю... — забормотал отец. — Это легкомыслие. Это то, против чего я всегда боролся. Это ненаучно.

Махов резко повернулся к отцу. Он заговорил хриплым, немного задыхающимся голосом:

— А по-моему, лучше пусть Володя ненаучно выживет, чем умрет по всем правилам вашей науки! Думаете, он стал бы колебаться, если бы вас нужно было спасать?

— Товарищи, товарищи, что вы... — повторял отец. Он очень побледнел, руки у него так и прыгали. — Хорошо. Вероятно, вы правы. Конечно, обстоятельства таковы... Ну что ж, нельзя бояться ответственности.

— Никакой ответственности нет, — сказал Гущин. — Мы все понимаем, что работа не проверена. Но лучше один шанс на спасение, чем ни одного.

— Да, да, — говорил отец, — конечно, вы правы. Я понимаю. Юрий Павлович, приготовьте вакцину и шприцы. Валя, согрей пока чаю. Я немного разнервничался. Мне надо чаю выпить, и я пойду.

Я бросилась разводить огонь. Якимов и Вертоградский уже возились в лаборатории. Гущин сел и закурил папиросу. Махов стоял, глядя в окно, а отец поднялся в мезонин, и мы слышали над головой его шаги. Он ходил, не останавливаясь, из угла в угол.

В эту же ночь Заречному ввели первые двадцать кубиков вакцины. Я присутствовала при этом. Теперь отец действовал уверенно и спокойно, его движения были твердыми и точными, он даже шутил с больным, как будто лечил его давно известным безобидным средством. Володя заснул, а отец сидел возле него до утра, и никакими силами нельзя было уговорить его пойти отдохнуть.

Впрочем, следующие дни все мы почти не спали. Следует помнить, что в то время совершенно еще была неизвестна дозировка. Отец ввел, по сравнению с принятой сейчас, половинную дозу. Естественно, это ослабило действие вакцины и отдалило результат.

Прошли сутки. Состояние Володи не ухудшалось, но и не улучшалось. Отец не отходил от его постели. С ним вместе попеременно дежурили Якимов и Вертоградский. Я засыпáла на часок где-нибудь в соседней землянке, чтобы быть всегда под руками.

Прошел еще день. Володе не становилось лучше.

Поспав час или полтора, я решила пойти узнать новости. Я подошла к лазарету около часу ночи. Ярко светила полная луна, и я сразу заметила фигуру, прижавшуюся к стволу березы. Подойдя ближе, я по спине узнала отца. Он стоял, обхватив ствол дерева. У него вздрагивали плечи, он всхлипывал и шмыгал носом. Я долго не двигалась, ожидая, пока он успокоится. Мне не хотелось, чтоб он видел меня. Отойдя от березы, отец всхлипнул еще раз, потом тщательно вытер платком лицо и спустился в землянку. Я вошла туда минут через пять. Он спокойно сидел и шутил с Володей Заречным.

На третий день улучшения все еще не было. Отец решил ввести двойную дозу. В сущности говоря, это было очень рискованно. Действие вакцины ведь еще не изучено. Все мы понимали отлично, на что идем, но об этом не было сказано ни единого слова. Думаю, что понимали это и Василий Васильевич и Махов. Но теперь отец держал себя совершенно диктаторски. Он не просил, а распоряжался и категорически запретил задавать какие бы то ни было вопросы. Отец сам ввел двойную дозу. Заречный скоро заснул, а отец опять сидел целую ночь, не отходя от его постели.

Утром было уже ясно, что состояние больного улучшилось. Опухоль спа́ла. Больной оживился, попросил есть. Заснул, проснулся и снова попросил есть. Смерили температуру; она была нормальной. Гущин ходил кругами вокруг больного. Он то насвистывал, то напевал, то щелкал пальцами. Отец держался так, как будто ничего особенного не произошло и он все наверняка знал заранее.

— Теперь, Василий Васильевич, — сказал он небрежным тоном, — только питание и покой. Природа сама сделает свое дело.

Он пошутил с Заречным, вежливо простился с Василием Васильевичем и отправился домой. Мы шли за ним, и он всю дорогу читал нам академическую лекцию о действии вакцины, разбирая равнодушно-лекторским тоном историю выздоровления Заречного.

Придя домой, отец попросил меня согреть чаю. Поставив чайник, я поднялась наверх и увидела, что он лежит на постели одетый, в ботинках и спит. Проснулся он только на следующее утро.

Глава восьмая

ЯКИМОВ НЕ ПРИХОДИТ К ЗАВТРАКУ

I

Махов передал по радио в Москву о том, что работа над вакциной закончена и испытана на раненом партизане. Из Москвы последовали горячие поздравления. Еще через неделю Махов пришел к нам.

— Москва приказывает вас вывезти, — сказал он. — Госпитали ждут вашу вакцину.

— Что ж, — сказал отец, — теперь можно. Теперь мне, конечно, самое место в Москве. Знаю я этих производственников, за ними глаз да глаз. Сделают что не так, а я потом отвечай, что вакцина плохая.

С Москвой условились, что самолет вылетит за нами через неделю. За это время хотели проверить аэродром и летчик должен был как следует изучить местность.

Через два дня после нашего разговора к нам зашел Махов и сказал:

— А расстаться нам с вами, Андрей Николаевич, придется завтра.

Насколько во время работы над вакциной отец не хотел никаких перемен, настолько сейчас стремился в Москву. Он очень обрадовался.

— Что, разрешили раньше лететь? — спросил он.

Махов покачал головой:

— Нет, Андрей Николаевич. Простите, что раньше вам не сообщал, но сами понимаете — военная тайна.

Оказалось, что отряд получил приказ о крупной операции. Насколько я поняла из объяснений Махова, речь шла о большом рейде с участием танков и орудий, с большими боями, с временным захватом целых районов. Преследовалась цель деморализовать тыл противника. Кроме того, рассчитывали, что в результате рейда гитлеровцы должны будут оттянуть с фронта значительные воинские части. Теперь эта задача была отряду по плечу.

Вопрос с нашей отправкой был решен. На базе отряда оставались тридцать человек под командой Петра Сергеевича. На аэродроме тоже было достаточное количество людей. Переправить нас на аэродром должен был Петр Сергеевич.

Отряд уходил завтра в ночь. У Махова совсем не было времени. Он только успел расцеловать нас всех, сказать несколько комплиментов по поводу нашего поведения и, не дав нам выговорить и десятой доли того, что хотелось, торопливо ушел.

Весь следующий день был посвящен проводам отряда. Снова осматривали и проверяли орудия, пулеметы. Мы все ходили из землянки в землянку, прощались и помогали сборам. Якимов и Вертоградский чистили оружие. Я пришивала знакомым бойцам пуговицы, штопала дырки на гимнастерках, помогала укладывать вещевые мешки. На этот раз уходившие были совсем по-особенному настроены. Это была первая крупная операция. Торопились закончить сборы, чтобы успеть еще сыграть на баяне, спеть песню или просто поговорить. Володя Заречный принес нам огромный букет цветов и подарил каждому по трофейной зажигалке, а Якимову, как страстному курильщику, еще и портсигар. Якимов был очень доволен и только жаловался, что портсигар маловат — входит в него шестнадцать папирос, а ему, Якимову, такого количества и на полдня не хватит.

— Друг ты мой сердечный, дорогой Заречный, — сказал Вертоградский, — иди сюда, я тебя поцелую! — Они поцеловались и долго трясли друг другу руки.

Вечером мы прощались со всеми. Отряд собирался под высокими березками на холме. Горели факелы. Уже ушли вперед наши трофейные танки и, подпрыгивая на ухабах, укатились орудия. То там, то здесь вспыхивал смех. Казалось, что весь отряд подвыпил перед дорогой, хотя на самом деле на спиртные напитки был наложен строгий запрет. Нам без конца жали руки. Вертоградский, неизменная душа общества, рассказывал на прощанье какие-то смешные истории, видимо не совсем приличного содержания. Там, где он появлялся, смех звучал особенно громко. Якимов, широко улыбаясь, тряс огромной своей рукой руки товарищей и знакомых. Человек пятнадцать окружили отца, обещали после войны приносить ежедневно по сто мышей и убить всех кошек в области, чтобы мыши спокойно размножались на радость профессору.

Партизаны строились поротно. Три баяниста играли марш. Принаряженные, веселые, щеголеватые становились бойцы в ряды. Когда я торопливо пробежала вдоль

еще нестройных рядов, неся только что зачиненную мной для одного бойца шапку, командиры объявили равнение на меня и рота за ротой такими громоподобными голосами пожелали мне доброго здоровья, что я смутилась и чуть не уронила шапку.

Но вот раздались команды, Махов стал во главе отряда и отчаянно громким голосом выкрикнул: «Смирно!» Отряд замер. Факелы освещали высокие стволы деревьев и ровные ряды людей. Командир взмахнул рукой, баянисты заиграли походный марш, и отряд двинулся.

Мы долго шли рядом со строем, но постепенно дорога становилась все у́же, и мы отстали. Едва были слышны издалека звуки баянов, а мимо нас, твердо ставя ноги, кивая нам на прощанье, все шли и шли люди, с которыми мы прожили вместе эти необычные и тяжелые месяцы. Прошли последние ряды. Мы одни стояли на дороге. Где-то в последних рядах высокий тенор затянул песню, ее подхватили, и, медленно затихая, она понеслась над лесом. Потом и песни не стало слышно. Наверно, отряд уже шел по гати.

— Ну, пойдемте домой, — сказал отец.

II

Каким-то небывало тихим вспоминается мне следующий день. Мы проснулись поздно, часов в восемь. Торопиться было некуда. Вертоградский долго валялся в постели, потом мужчины брились, чистились, я неторопливо готовила завтрак. Мне все время казалось, что в доме удивительно тихо. После завтрака отец сел на лавочку перед домом. Якимов отправился гулять. Я вымыла посуду, убрала комнаты и тоже вышла из дому.

С особенным чувством шла я сегодня по знакомым местам. Мне казалось, что я прощаюсь с каждым деревом, с каждым кустиком; скоро жизнь пойдет по-иному, и я, может быть, никогда больше не увижу этих мест...

День был жаркий, солнце пекло. Необыкновенно тихо было вокруг. Я зашла в штаб отряда. И здесь было тоже тихо. Часовые не стояли у входов в землянки, не было привычной суеты. Не бегали люди, не звучали голоса, в отрядной кухне не дымили печи. Иван Матвеевич Волков, старый охотник, грелся на солнышке и

острым ножом строгал кусок дерева. Он, прищурившись, посмотрел на меня.

— Гуляешь? — спросил он. — Тихо-то как стало, чувствуешь?

— Что это вы строгаете? — спросила я.

— Лодку, — ответил Волков. — Внук у меня в деревне... Не знаю, жив или нет. Может, жив, так вот гостинец готовлю. Все-таки дед не с пустыми руками домой вернется.

Около вещевого склада я встретила Петра Сергеевича. Он был, как всегда, занят.

— Гуляете? — спросил он. — Это правильно. А у меня, понимаете, дела по горло. Говорил Махову: оставь мне хоть человек пятьдесят. Нет, оставил тридцать, да из них половина инвалиды. Вот поди-ка разберись: посты выставлять надо, обед приготовить надо, воды наносить, лошадей накормить. Взялся вещевой склад проверять — мыши, черти, пробрались, две пары сапог попортили. Тоже кто-нибудь должен ответить. А с кого спросится? С Петра Сергеевича.

— Вы теперь главное начальство? — спросила я.

— Да ну! — он махнул рукой. — Начальствовать-то не над кем. Одно огорчение.

Я спустилась с холма и пошла узенькой тропинкой, которая вела по мелколесью к так называемому Кувшинкину озеру. Оно было невелико, почти правильной круглой формы, окружено густыми, непроходимыми зарослями ивняка. Но я знала лаз и, наклонив голову, цепляясь за ветки, пробралась к берегу. Над водой носились нарядные стрекозы, длинноногие пауки бегали по воде. Я села на поваленный ствол. Кузнечик прыгнул ко мне на колени, посидел секунду и ускакал. Я долго сидела, не думая ни о чем, вся отдавшись покою, тишине и блаженной лени. Ветка хрустнула за моей спиной. Я обернулась. Из зарослей ивняка вышел Вертоградский.

— Как жарко и хорошо! — сказал он, сел рядом со мной на ствол и стал смотреть на неподвижную водную поверхность.

Я знала, о чем он будет говорить, и ждала разговора без радости, но и без раздражения. Здесь сейчас, в тишине и покое ясного августовского дня, мне не хотелось ни о чем думать и ничего решать. Мне хотелось

сидеть без конца, смотреть на стрекоз, на суетливых паучков, на белые и желтые головки неподвижных водяных лилий.

— Вы знаете, о чем я хочу с вами говорить? — спросил Вертоградский.

Я кивнула головой. Непреодолимая лень напала на меня. «Ничего, — думала я, — все обойдется. Может быть, я выйду замуж за Вертоградского, и это будет хорошо, а может быть, не выйду, тогда будет что-нибудь другое хорошее».

— Редко бывает, — сказал Вертоградский, — что мужчина и женщина живут вместе почти три года, вместе работают, вместе проводят целые дни до того, как они поженились. Очень редко бывает, что мужчина и женщина, не будучи близки, так узнают друг друга, как знаем мы с вами...

Солнце отражалось в воде. Не отрываясь смотрела я на яркие, ослепительные пятна желтого света, и оцепенение охватывало меня. Только сейчас я почувствовала, как я устала за эти годы. Кажется, труднее всего было бы мне сейчас пошевелиться. И мысли текли ленивые, равнодушные. Так легко было согласиться на то, что предложит мне сейчас Вертоградский... Выйду за него замуж, будем по-прежнему вместе жить — отец, он и я, ничего не надо менять, ничего не надо решать. Все будет так, как прежде.

Желтое пламя лежало на неподвижной воде, яркий свет слепил мне глаза, расплывались разноцветные круги, и я никак не могла сбросить охватившее меня оцепенение.

— Мы не можем с вами ошибиться друг в друге, — говорил Вертоградский. — Я знаю все о вас и вы — все обо мне, поэтому я знаю абсолютно точно, что жизнь без вас станет для меня утомительной казенщиной, бесконечной цепью однообразных дней... Решайте, Валя.

Далеко-далеко звучал его голос — так далеко, будто он сидел не рядом со мной, а где-то в другой земле, в другом мире.

«Ну, вот и все, — думала я, — вот и кончилась первая полоса жизни. Начинается другая. Будем работать в одной лаборатории, после работы вместе ходить домой. Это очень удобно. Вероятно, и отец будет доволен. Просто два сотрудника переехали в одну квартиру».

И тут меня как обожгло всю. «Что я делаю? — подумала я. — Откуда у меня такие ленивые, равнодушные мысли? Почему я должна выходить за него замуж? Ведь это я сейчас только такая усталая. Ведь, наверно, мне предстоит еще полюбить!»

Желтое пламя сверкало на воде, усыпляющее, неподвижное. С трудом я оторвала от него глаза и сбросила с себя оцепенение. Я повернулась и посмотрела на Вертоградского. Он сидел, наклонившись вперед, глядя на меня боязливо и вопросительно.

— Бросьте, Юра, — сказала я, — просто мы с вами одичали здесь на болотах. Три года вы, кроме меня, ни одной девушки не видали, вот вам и показалось, что вы в меня влюблены. Война кончится, станете вы на вечеринках плясать и увидите, что есть девушки гораздо лучше меня.

Он покачал головой:

— Нет, не увижу.

— Ерунда, — сказала я. — Зачем нам с вами жениться? Мы и так не поссоримся. И пойдемте домой. Мне пора готовить обед.

И следа не осталось от недавней моей лени. Мне стало весело и легко. Я шла по лесной тропинке, а сзади тащился Вертоградский, вздыхая и глядя на меня тоскующими глазами.

— Знаете, Юра, — сказала я, — если вы будете на меня так смотреть, то я, во-первых, не дам вам обеда, а во-вторых, папе пожалуюсь. Что это вы, в самом деле, вздыхаете, как Ленский перед дуэлью! Нельзя же настроение портить людям...

Вертоградский вздохнул еще два или три раза, но, очевидно согласившись с серьезностью моих доводов, успокоился и повеселел.

III

Вечер в нашей лаборатории прошел так же спокойно, как и день. Все мы были какие-то расслабленные и сонные. Я сидела в качалке, закутавшись в платок, и слушала ленивый разговор мужчин. Отец зевал, молчал, барабанил пальцами по столу и часов в десять пошел наверх спать. Вертоградский и Якимов сыграли две партии в самодельные шашки, потом тоже стали

зевать, и Вертоградский заявил, что, пожалуй, пора ложиться. Желая мне спокойной ночи, он сделал на минуту тоскующие глаза. Я рассмеялась.

— Вспомните, Юра, — сказала я, — что все Ромео на свете страдали бессонницей!

Он посмотрел на меня с молчаливым упреком и поплелся в лабораторию, причем даже по его спине было видно, что он заснет сразу же, как только ляжет в постель.

Я тоже решила лечь.

— Ложитесь и вы, — сказала я Якимову.

— Благодарю, — он покачал головой, — мне что-то не хочется. Пойду еще прогуляюсь, покурю.

Это был уже почти ритуал: перед сном Якимов выходил погулять и выкурить папиросу на свежем воздухе.

— Покойной ночи, — сказала я зевая.

Когда я поднялась наверх, отец спал. Я заснула сразу же, как только легла. Мне ничего не снилось целую ночь — как будто я закрыла глаза и сразу же их открыла. Яркое солнце било в окно. Начался новый день, один из последних дней лаборатории на болоте. Я посмотрела на часы. Было уже девять. Отец еще спал. Это немного меня успокоило. Может быть, Вертоградский и Якимов тоже проспали сегодня? Торопливо одевшись, я побежала вниз готовить завтрак.

В столовой никого не было. Я прислушалась. В лаборатории было тихо. Очевидно, ассистенты еще спали. Я разожгла печь, поставила воду, начистила картошки и, решив, что довольно мужчинам спать, постучала в дверь лаборатории.

— Неужели пора вставать? — раздался сонный голос Вертоградского.

— Половина десятого, Юра!

Из-за двери донесся стон. Я побежала на кухню. Минуты через три раздались шаги. Сонный и недовольный, вошел Вертоградский.

— Все-таки Якимов свинья, — сказал он. — Неужели нельзя сделать товарищу любезность и принести вместо него воды? Я мог бы поспать еще двадцать минут.

— А почему, собственно, Якимов должен вставать? — пожала я плечами.

— Вставать! Он давно уже встал, даже постель убрал.

Вертоградский, вздыхая, стал умываться. Спустился отец. Пока я накрывала на стол, мужчины привели себя в порядок. Вертоградский, уже веселый и бодрый, ходил по столовой и все порывался схватить кусок хлеба с тарелки. Я не давала ему Я очень не люблю эту манеру хватать куски до того, как сели за стол. Как будто нельзя подождать несколько минут!

— Ждать, ждать! — жаловался Вертоградский. — Давайте тогда завтракать без Якимова. Кто виноват, что он шатается неизвестно где?

До десяти часов мы все-таки ждали Якимова. В десять мы рассердились и сели завтракать. В это время к нам забежал Петр Сергеевич.

— Вы не видели Якимова? — спросили мы.

— Нет, не видел.

— Странно, — сказал отец. — Я думал, что он в штаб пошел.

Вертоградский внимательно оглядел комнату.

— Слушайте, — сказал он, — вы заметили, что нет его пальто?

Пальто Якимова всегда висело на гвоздике у двери. Мы все посмотрели на гвоздик. Пальто действительно не было.

— Двадцать три градуса в тени, — сказал Петр Сергеевич. — Зачем ему понадобилось пальто?

Вертоградский встал, резко отодвинул стул и вышел в лабораторию. Но сразу же появился снова.

— Знаете, — сказал он изменившимся голосом, — Якимов забрал с собой и рюкзак. Как хотите, а глупо, идя перед завтраком прогуляться, брать с собой все свои вещи...

Еще никто из нас ни о чем не догадывался, но предчувствие несчастья охватило нас всех. Мы вошли в лабораторию. Рюкзак Якимова всегда лежал в углу рядом с кроватью, сейчас его там не было. Вертоградский заглянул под кровати и под столы, обвел глазами стены. Рюкзака в комнате не было. Петр Сергеевич нахмурился.

— Все его вещи были в рюкзаке? — спросил он.

— Да. — Вертоградский задумался. — Вы знаете, — сказал он, — Якимов взял не только рюкзак со своими

вещами, он взял и двести штук папирос, которые ему вчера подарил Заречный. Я помню точно, они лежали здесь, на подоконнике.

Мы посмотрели друг на друга. Бледные, испуганные были у всех у нас лица.

— Он зачем-то снял туфли, — продолжал расследование Вертоградский, — и надел болотные сапоги. Я не понимаю: отряд он, что ли, пошел догонять?

Я посмотрела на отца и испугалась. Широко открыв рот, он жадно глотал воздух. Ему было нехорошо.

— Папа, — сказала я, — успокойся, что ты!

Он оттолкнул меня.

— Ключ... — сказал он. — Где ключ от шкафа?

— Как всегда, у Якимова, — растерянно ответил Вертоградский. — Он не передал его вам, Валя?

Большими шагами отец подошел к шкафу, взялся за ручку. Дверца легко подалась. Отец посмотрел на нас; у него перекосилось лицо.

— Отперто! — сказал он почти шепотом и, наконец решившись, распахнул дверцы.

Каждый из нас знал совершенно точно: на второй полке сверху лежит черная клеенчатая тетрадь, и на тетради стоит черная же коробочка. Тетрадь — это лабораторный дневник, в коробочке — ампулы, все наличное количество вакцины, результат работы всех этих лет.

Полка была пуста.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(*Рассказанная Владимиром Старичковым*)

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Глава первая

ВЫЗЫВАЮТ К НАЧАЛЬНИКУ. РАССКАЗ ГЕНЕРАЛА ШАТОВА

1

Я получил бессистемное образование. Кончив школу в Иркутске, где мой отец много лет преподавал математику, я, по категорическому его настоянию, поступил

в Планово-финансовый институт. Очень скоро убедился я, что вопросы финансирования интересуют меня очень мало. Проучившись год, я поговорил с отцом серьезно, и он согласился, чтобы я переменил учебное заведение. Меня привлекла биология. Любимым учителем у нас в школе был Федор Максимович Удалов, страстный и убежденный естественник. С ним мы препарировали рыб, лягушек, ужей и всякую другую живность, какая попадала к нам в руки. Летом он ходил с нами за город и рассказывал интереснейшие истории о каждом комаре, каждой гусенице, каждом головастике. Мне казалось, что биология — это и есть настоящее мое призвание.

Я был тогда в том возрасте, когда человеку хочется путешествовать. Я решил покинуть Иркутск. Отец огорчился этим моим решением, но спорить не стал.

— Хорошо, — сказал он, — уезжай. Когда постранствуешь и утвердишься где-нибудь, будем снова с тобой жить вместе.

Обстоятельства сложились так, что в Москву мне не удалось попасть. Я поступил на биологический факультет в большом городе на западе нашей страны.

Сначала я занимался с большим увлечением, однако к концу второго курса меня стали одолевать сомнения. Биология по-прежнему интересовала меня, но не стала самым главным в жизни; очень многое другое интересовало меня не меньше. Но я еще не решался порвать с биологией. «Нет ничего хуже, — писал мне отец, — чем разбрасываться. В каждой профессии много скучного. Надо уметь пройти через это». Я был с ним вполне согласен.

Но, когда я переходил на третий курс, у меня произошел разговор с одним из виднейших наших профессоров, Костровым. Андрей Николаевич спросил меня, заполняет ли биология целиком мою жизнь. Я откровенно ответил ему, что нет, и тогда он прямо и даже довольно резко посоветовал мне уйти с факультета. Я подал заявление с просьбой отчислить меня и уехал в Москву, даже не простившись с Валей, дочкой Кострова, в которую был влюблен. Очень сильно было во мне желание найти свое настоящее место в жизни. Меня томили тревога, неудовлетворенность, жажда перемен.

Я переехал в Москву и поступил на химический факультет МГУ. Я очень много занимался и старался заглушить неустанной работой вновь и вновь возникавшие во мне сомнения. Химия интересовала меня, но мерещилась мне и другая работа, требующая разнообразных знаний, постоянного напряжения мысли, встреч с людьми. В общем, я сам не знал, что мне мерещилось. Чтобы приработать немного денег, я поступил лаборантом в лабораторию угрозыска. Им нужен был человек, знакомый с основами химии. Я пришелся ко двору. Оказалось полезным и знакомство мое с биологией и даже знание бухгалтерии. Меня увлекла работа в лаборатории. Постепенно я все реже и реже ходил в университет и был наконец оттуда отчислен. Отец написал мне очень сухое письмо. «Боюсь, — писал он, — что из тебя растет лоботрясс». Но тут я с ним не был согласен. Мне казалось, что я наконец-то нашел, что́ меня по-настоящему интересует. По вечерам я ходил на курсы иностранных языков и кончил их. Я хорошо изучил английский и немецкий.

Года два я проработал в лаборатории, пока начальство не обратило на меня внимание и не выдвинуло на следственную работу. Мне пришлось заняться некоторыми специальными дисциплинами, но и все ранее мной изученное пришлось очень к месту на новой моей работе. Я почувствовал, что нашел то дело, о котором мечтал.

Я проработал на новом месте недолго, и началась война. Я не подлежал мобилизации. Даже в ополчение меня отказались взять. Я очень рвался в армию и чуть ли не ежемесячно подавал рапорты по начальству. Мой начальник, генерал Шатов, аккуратно писал на каждом рапорте: «Отказать». Я понял, что меня все равно не отпустят, и рапорты подавать перестал — примирился с тем, что так и останусь тыловиком, так и не побываю на фронте. Работать приходилось много. Я довольно успешно провел несколько интересных дел и мог, пожалуй, сказать, что время свое не потратил даром.

И вот однажды, в августе 1942 года, меня вызвали к генералу. Был уже вечер. Шатов ходил по большому своему кабинету.

— Садитесь, Старичков, — сказал он, кивая на кресло. — Курите, если желаете.

Я сел. Что-то в тоне генерала заставило меня сразу почувствовать, что разговор будет не совсем обыкновенный.

II

Все же я очень удивился, когда Шатов, опустившись в рядом стоящее кресло, спросил:

— Слушайте, Старичков, как звали того профессора, который заставил вас уйти с биологического факультета?

Когда-то, когда меня принимали на работу, я подробно рассказывал Шатову свою биографию и упоминал об этом случае, но никак не думал, что он это помнит.

— Костров, — сказал я.

— Андрей Николаевич?

— Да.

— Значит, у вас были с ним скверные отношения?

Я удивился:

— Нет, почему? Обыкновенные, как у студента с профессором. Зачет я ему сдал хорошо, и он даже меня похвалил.

— Но он помнит вас или нет, как вы думаете?

— Не знаю. *Он,* может быть, и забыл.

Я вспомнил о Вале и невольно подчеркнул, что забыть меня мог только он, то есть сам Костров. Шатов почувствовал это и сразу насторожился:

— Почему вы подчеркиваете, что *он* забыл?

— Да нет, Иван Гаврилович, — сказал я, смутившись, — просто так. Я немного ухаживал за его дочерью и думаю, что, может быть, она меня помнит.

Шатов посмотрел на меня, наклонив голову:

— Об этом вы мне не рассказывали.

— Я не думал, что это может вас интересовать.

— Конечно, — согласился Шатов. — Это и не могло интересовать меня.

Он задумался. Я положительно недоумевал, почему вдруг возник этот разговор.

— А с тех пор вы не виделись с Валентиной Андреевной и не переписывались с ней? — спросил Шатов.

— Нет.

Меня поразило, что он знает даже ее имя.

Шатов, помолчав, сказал:

— Я только потому задаю вопрос, что он важен для дела: ваше внутреннее отношение к ней сейчас такое же, как и прежде?

Я еще больше смутился. Кабинет начальника не место для таких разговоров, и, кроме того, все это было очень неожиданно.

— Дело давнее, Иван Гаврилович, — сказал я. — Я в то время был очень молод. Да и она девчонкой была. Что ж, ей тогда двадцати лет не было.

— Ну хорошо, оставим это. Значит, вы с тех пор, как бросили биологию, совсем потеряли Костровых из виду?

— Совсем потерял. Только перед войной прочел в газете, что он делал доклад на коллегии Наркомздрава о какой-то своей вакцине.

— А вы знаете, что это за вакцина?

— Нет, в газете ничего не говорилось.

— Я сегодня поинтересовался этим делом, — сказал Шатов. — Я не биолог. Вы лучше поймете. Речь идет о послераневых осложнениях.

— Газовая гангрена, шок и так далее? — спросил я.

— Вот-вот. Вы, значит, знакомы с этим вопросом?

— Очень немного.

— По-видимому, это очень важно. Кроме того, сама история открытия — одна из самых странных историй нашего времени. Но об этом после. Какие вы ведете сейчас дела?

Я перечислил.

— Придется их передать другому.

— А мне вы поручите новое дело?

Шатов рассеянно посмотрел на меня и слегка кивнул головой.

— Совершено очень странное преступление, Старичков, — сказал он, задумавшись, и повторил: — очень странное. Обстоятельства складываются так, что его необходимо раскрыть молниеносно. В один... ну, в два дня. Условия работы будут не совсем обычные. Вы когда-нибудь прыгали с парашютом?

— Нет, не приходилось.

— А боитесь?

— Думаю, что испугаюсь.

— Жалко. Придется прыгнуть. Но я расскажу по

порядку. Слушайте внимательно. Вам нужно знать все подробности.

Я и так уже слушал, боясь пропустить хоть слово.

III

Долго рассказывал Шатов историю работы Кострова. В то время мы очень мало знали о том, что происходит на оккупированной территории. Еще не были опубликованы очерки и воспоминания участников этой беспримерной борьбы, которая велась, не прекращаясь ни на минуту, на земле, захваченной гитлеровцами. Мы плохо еще тогда представляли гигантские масштабы этой борьбы. Удивительно для меня звучал этот рассказ о долгих месяцах, прожитых под самым носом у бдительной немецкой полиции, о великой армии друзей, невидимых для немцев, — друзей, которые были везде, в каждом доме, на каждой улице. Шатов сам увлекся рассказом. С восхищением говорил он о Плотникове и о неведомых людях, которые приносили Костровым пищу, доставали одежду, спасали от регистрации и вывели их наконец из города.

Удивительно было мне, сидя в этом кабинете, слушать о бурной судьбе так хорошо знакомых мне людей. Никак не мог я себе представить старика Кострова, собирающегося идти воевать вместе с отрядом, да и Валя, всегда хорошо одетая, до щеголеватости аккуратная Валя, от которой так и веяло устойчивым покоем хорошо обставленной профессорской квартиры, не казалась мне способной к поступкам, требующим решительности, физической выносливости и силы. Я сказал об этом Шатову. Он усмехнулся.

— Вы еще много занятного услышите о ваших знакомых, — сказал он и продолжал рассказ.

Место действия изменилось. Теперь это были глухие Алеховские болота, непроходимые тропинки и заросли. Теперь это был дом, притаившийся под деревьями в дикой глуши, лесной дом, в котором сверкали микроскопы, позвякивали пробирки и колбы, горели спиртовки.

Не удержавшись, я перебил Шатова:

— Простите, Иван Гаврилович: откуда вам так хорошо известны подробности?

— Я сегодня полдня занимаюсь этим делом, —

ответил Шатов. — Кое-кто из людей, помогавших Костровым, сейчас находится здесь в Москве. Помощник Плотникова, которого после ранения эвакуировали, рассказывал мне сегодня, как все это происходило. Двое партизан лежат сейчас в госпитале в Москве, и я ездил к ним.

Шатов рассказал о попытках гитлеровцев проникнуть на болота, о боях, которые шли в нескольких километрах от лаборатории, и о том, как вакцина была наконец готова и переезд Костровых стал вопросом дней.

Шатов достал папиросу, закурил и несколько раз быстро и глубоко затянулся. Тихо было в кабинете. Тихо было, кажется, и во всем здании. Разошлись сотрудники и посетители; только кое-где сидели запоздавшие следователи, которые вели дела слишком сложные или слишком спешные, чтобы можно было уложиться в рабочее время. Спокойно тикали в углу высокие старинные часы, и маятник ходил взад и вперед монотонно и ровно. И совсем не похож был сегодняшний разговор на обычный разговор у начальника.

Шатов был человек суховатый и деловой. Подчеркнуто прозаично звучали всегда его указания и советы. Когда молодой, неопытный следователь, пораженный кажущейся таинственностью преступления, начинал фантазировать и договаривался до совершенно нелепых предположений, Шатов, махнув рукой, говорил «романтика», и это звучало так же пренебрежительно, как у других «ерунда». Но сегодня непривычные интонации слышались в его голосе. Кажется, его самого взволновала и увлекла история профессора Кострова.

— Можно себе представить, — говорил Шатов, — какое настроение было в лесной лаборатории. Казалось, что все тяжелое позади. Работа кончена, создано новое лечебное средство, впереди Москва, безопасность, нормальная жизнь. Приближалась к концу замечательная эпопея. Но этой ночью произошло событие, перевернувшее все: исчез Якимов, захватив с собой все наличное количество вакцины и лабораторные дневники. Все, в чем вещественно выражалось открытие Кострова, похищено.

У меня появилось необычайное чувство. Казалось мне, что я вновь стал мальчишкой. Вечер. Все кругом

уснули, я читаю роман про удивительные приключения, и жутко мне, и подозрительными кажутся шорохи и шумы в тишине спящей квартиры.

Тикали часы, спокойно было в кабинете. Шатов затянулся в последний раз и погасил папиросу.

— Утром мне передали радиограмму об этом, — сказал он, — и я связался по радио со штабом отряда. Со мной разговаривал некто Петр Сергеевич. Это у них что-то вроде главного интенданта. Насколько можно понять, он чаще всех общался с Костровыми. Он довольно толково изложил обстоятельства дела.

Шатов коротко рассказал мне об исчезновении Якимова. Мы помолчали оба, потом Шатов меня спросил:

— Что же вы думаете, Старичков?

— Надо посмотреть на месте, — ответил я.

Шатов кивнул головой:

— Вы правы. Но некоторые соображения я хотел бы все-таки высказать сейчас. Прежде всего встает вопрос: Якимов вор или жертва? По-видимому, он преступник. Трудно допустить, что, убив Якимова, кто-то вошел в дом, взял все его вещи, пальто и даже папиросы. Надо предположить, что он старательно подготовил похищение и побег. И вот тут-то есть одно непонятное обстоятельство... — Шатов наклонился ко мне и положил руку на мое колено. — Давайте разберемся. Якимов работает у Кострова несколько лет. Он свой человек в доме у профессора и в лаборатории. Неужели не мог он скопировать лабораторный дневник и спокойно, днем, на глазах у всех выйти из дому, дойти, прогуливаясь, до постов, поболтать с постовыми и, не вызвав никаких подозрений, добраться до дороги, до немецких постов, до города? Ведь он же свой человек в отряде, можно сказать, заслуженный партизан. Разве придет в голову часовому задержать его? Дневники на месте, Якимов исчез. Бедный, неосторожный Якимов... Наверно, он попался немецкому патрулю. Да ведь пока догадаются, что он предатель и вор, он уже будет в безопасности! Так подсказывает простой и точный расчет. Но он действует иначе. Он выбирает самый опасный путь. Он похищает ночью вакцину и дневник. Из-за этого он вынужден ночью же пробираться мимо постов, рискуя быть застреленным.

Шатов подался вперед. Головы наши сблизились.

Мне казалось естественным, что он говорит полушепотом.

— Непонятно то, Старичков, — тихо сказал Шатов, — что преступник забыл даже о собственной безопасности.

Шатов откинулся на спинку кресла и вопросительно смотрел на меня. Я молчал. Я представил себе тридцать человек — стариков, женщин, и раненых, и Валю, и Кострова — на глухом болоте, окруженных со всех сторон врагами. Я представил себе, что где-то там, на болоте, совсем рядом с ними, прячется хитрый, злобный, до бешенства ненавидящий их всех человек, и мне стало нехорошо на душе.

— Я боюсь за них, Старичков, — сказал Шатов. — Когда карательный отряд подходил к болотам, это, наверно, было страшно, но, быть может, еще страшней один человек, который прячется в самом сердце отряда, который может оказаться за каждым деревом, за каждым кустом. Вспомните, он знает всё: все дороги и тропинки, все входы и выходы. Он знает обычаи, внутренний распорядок, даже характеры всех людей. А его, хотя он жил с ними годы, никто не видел без маски. Подумайте, что́ может наделать такой человек.

— Как я буду туда добираться, — спросил я, — и когда я смогу там быть?

Шатов посмотрел на часы:

— Через двадцать минут вы сядете в машину. На полчаса можете заехать домой, но с тем, чтобы в десять быть на аэродроме. Самолет вылетит в одиннадцать. В три часа ночи вы будете над Алеховскими болотами. Вам придется прыгнуть с парашютом. Револьвер у вас есть?

— Есть.

— Какой?

— Наган.

— Так. Непременно возьмите с собой фонарь. На земле вас будут ждать. Трудно точно сказать, где вы приземлитесь. Встречающие могут оказаться далеко. Тогда сигнализируйте фонарем. Три коротких, длинный и снова короткий. Вы запомните?

— Да.

— Когда к вам подойдут, спросите: «Где тут живет интендант?» Вам ответят вопросом: «Вы про Петра Сер-

геевича говорите?» Тогда подпускайте спокойно. Запомните?

— Да.

— Хорошо. — Шатов внимательно посмотрел на меня. — Это трудное и важное дело, Старичков. В госпиталях ждут вакцину. От вас зависит многое. Вы должны поймать Якимова, но, если он успеет уничтожить лабораторный дневник, дело будет наполовину проиграно.

Мы простились. Когда я выходил, Шатов окликнул меня:

— Подождите, Старичков...

Я остановился.

— Мы с вами развили одно предположение. Может быть, оно убедительно, но мы располагаем очень неполными данными. Люди бывают неточны в рассказах, поэтому проверяйте все сами. Я хотел только, чтобы вы уяснили, какое это серьезное и трудное дело. Все, кроме этой мысли, выкиньте из головы. Изучайте тщательно материал и больше всего бойтесь предвзятости.

— Хорошо, — сказал я и вышел из комнаты.

IV

Пока я торопливо передавал неоконченные дела своему товарищу, звонил по телефону, возился с ключами — словом, занимался обычной предотъездной суетой, мне некогда было подумать о предстоящей работе. Но вот наконец все сделано, и, кажется, ничто не забыто. Я сажусь в машину и еду домой по темным московским улицам.

Стыдно сказать, но первое, о чем я вспомнил, немного отдышавшись и придя в себя, это о том, что мне придется сегодня ночью прыгать с парашютом. Не радовала меня эта мысль... Я боюсь высоты. Даже на балкон выше третьего этажа я не могу выйти без неприятного стеснения в груди. А тут не этаж какой-нибудь, а черт знает какая высота, и с этой высоты вдруг взять да и прыгнуть! Я решил пока что не думать об этом, чтобы не портить себе настроение. Думать-то я не думал, но червячок все время сверлил внутри. Смешно! Летит человек в немецкий тыл выполнять ответственное и трудное поручение, а волнует его ерунда какая-то — прыжок с парашютом, то, что и до войны

любители спорта проделывали без всякой нужды, ради одного удовольствия.

Я вбежал в комнату и стал торопливо собираться. Конечно, исчезла зубная щетка, конечно, мыла не оказалось на месте, а расческа завалилась за кровать.

Перед тем как уйти, я окинул взглядом свою неуютную комнату. Узкая кровать, которой скорее подходит название «койка», закрытая жестким шерстяным одеялом, стол с чернильным прибором из пластмассы, книжные полки да два стула, вот и вся обстановка. Даже занавески на окне не было, даже шкафа. Белье лежало в чемодане под кроватью, а два костюма, завешенные простыней, висели прямо на стене. На книжных полках стояли книги, которые не представляли большой ценности, но мне были интересны: отчеты о знаменитых процессах, речи адвокатов и обвинителей, несколько работ по криминалистике, — у меня подобралась неплохая библиотека. В углу лежали гантели, и на гвоздике висели боксерские перчатки. Даже шахматы, старые, поломанные, исцарапанные, с катушкой от ниток вместо ладьи и оловянным солдатиком вместо слона, вызвали во мне теплое чувство. Я их таскал с собой от самого Иркутска.

У меня не было времени предаваться лирическим размышлениям, пора было ехать. Я надел теплую куртку, подумал, что в ней будет мягче падать, усмехнулся и вскочил в машину.

Темные улицы поплыли назад. Мигали пестрые огоньки семафоров, зажигались и гасли полузакрытые щитками фары. Москва была военная, затемненная, и все же привычная, живущая установившейся жизнью. У кинотеатров толпился народ; милиционеры взмахивали палочками; пары стояли у калиток и, кажется, целовались; за затемненными окнами люди пили чай, занимались, читали газеты. И подумать только, что через несколько часов я окажусь совсем в другом мире, где каждый шаг опасен, где приключения — повседневность, где люди ведут днем и ночью отчаянную борьбу, где ошибка, неосторожность означают смерть...

Теперь я понимаю, что представлял себе жизнь отряда, по существу, верно, но слишком романтично. Надо учесть, что я ни разу не был на войне. И снова мне пришлось взять себя в руки.

«Ты едешь не за приключениями, — сказал я себе, — а в служебную командировку. Вот и подумай, как ты будешь работать».

Я стал вспоминать рассказ Шатова. Шаг за шагом припоминал я историю профессора Кострова, старался представить во всех подробностях, как жили Андрей Николаевич и Валя, Якимов и Вертоградский, как они скрывались в городе, как перебрались в лес, как работали в лесу. Но ничего, кроме вредной предвзятости, нельзя ждать от размышлений следователя, осведомленного о деле в общих чертах. Поэтому я отогнал от себя мысли о предстоящем следствии. Больше мне не о чем было думать, я стал думать о Вале и не заметил, как приехал на аэродром.

Глава вторая

ПРЫЖОК В БОЛОТО. «ГДЕ ТУТ ЖИВЕТ ИНТЕНДАНТ!»

I

На аэродроме меня уже ждали. Летчик, здоровый молодой парень, посмотрел на меня с любопытством и, пока оформляли документы, успел выяснить, что я никогда с парашютом не прыгал. Это почему-то очень его рассмешило. Он позвал своих товарищей, таких же здоровых, широкоплечих парней, и все они качали головами, смеялись и удивлялись.

Мне прикрепили парашют, долго объясняли, как прыгать, давали советы и сочувствовали, что без подготовки приходится совершать такой сложный прыжок.

Потом мы вышли на темное поле аэродрома. Начальник аэропорта шел впереди с фонарем в руке, и светлое пятно плыло по ровной, поросшей травой поверхности. Темный самолет неожиданно вынырнул из темноты. Летчики стали наперебой жать мне руки, и я вспомнил еще раз, какое сложное и опасное путешествие мне предстоит.

Я влез в машину. Загудели винты. Группа людей, освещенная неясным светом фонаря, умчалась назад,

и машина пошла ровно, без толчков. Мы отделились от взлетной дорожки.

Москва была уже далеко позади. Мы летели на запад. Темная и пустынная лежала подо мной земля, как будто это одна из холодных планет, летящих в мертвом звездном пространстве. С трудом я представил себе, что в этой сплошной темноте скрывается напряженная жизнь многих тысяч людей, деревень, сел, городов. Я подумал, как, в сущности, противоестественно то, что людям приходится прятаться на своей собственной планете.

Мы поднимались все выше и выше. В лунном свете сверкали озера и реки; порой я видел отдельные светящиеся точки: незатемненные фары или окна, костры, разложенные в лесу. Призрачными казались города. Они лежали внизу, как развалины, озаренные луной. Мне вновь показалось, что уже остыла земля, вымерло все живое и мертвые здания напоминают о людях, когда-то населявших планету. А мы поднимались выше и выше, как будто отправились в межпланетное путешествие.

Скоро я увидел фронт. На земле фронт — это пространство. Отсюда он казался линией. Пылали пожары; яркие зарницы вспыхивали и гасли. С огромной высоты, на которую мы поднялись, не было видно подробностей — только неширокая полоса вспышек, пожаров, ярко освещенных пятен. Далеко под нами рвались снаряды зениток, мелькали трассирующие пули. Вдали неожиданно загорелся неизвестный самолет и, пылая, помчался вниз.

Полоса фронта проплыла назад. Теперь под нами были враги. Как-то сразу самолет показался мне удивительно неверным и нестойким сооружением.

Здесь тоже было темно. Чем-то это мертвое пространство напоминало фотографию луны. Такие же резкие тени от возвышенностей, освещенных холодным, мертвенным светом.

Мы пошли на снижение. Под нами был лес. Мелькнуло лесное озеро, за ним другое. Летчик обернулся, улыбаясь кивнул мне головой и прокричал что-то неразборчивое. Желая показать, что настроение у меня хорошее, я улыбнулся тоже, но боюсь, что улыбка вышла довольно жалкая. Летчик упорно смотрел вниз. Я понял, что он ищет посадочные сигналы. Стараясь вну-

шить себе ощущение зрителя, созерцающего интересный пейзаж, я тоже стал вглядываться в неясные контуры озер, дорог и речек.

Я знал, что мы должны искать три костра, расположенные треугольником. Все время я их искал и все-таки, когда увидел, они были уже под самым самолетом. Три костра, три светлые точки в пустынном, темном лесу. Самолет сделал круг. Летчик опять обернулся и подал мне сигнал — пора вылезать на крыло. Вид у него было удивительно веселый и бодрый. Понимая, что нельзя задумываться ни на одну секунду, я быстро вылез на крыло. Страшный ветер нажал на меня — именно нажал, иначе не назовешь. Почувствовав, что если на секунду задумаюсь, то уже ни за что не решусь прыгнуть, я закрыл глаза и начал падать.

II

По-видимому, я дернул кольцо, хотя совершенно не помню этого. Парашют раскрылся, и сразу же бесследно исчез страх. Мне стало весело — наверно оттого, что самое страшное было уже позади.

Я смотрел на землю, быстро приближавшуюся ко мне. Как я ни оглядывался, костров нигде не было видно. Я уже различал внизу под собой редкий молодой лесок. Самолет проревел совсем близко: летчик проверял, раскрылся ли парашют и все ли со мной в порядке. Хотя я знал, что он не может меня услышать, я закричал все-таки: «До свиданья, спасибо за доставку!»

Самолет взмыл и сразу исчез куда-то. Посмотрев вниз, я удивился, как близко уже подо мной земля. Навстречу летел молодой кустарник. Меня ударило о маленькую березку и поволокло по земле. Припомнив все указания, я подтянул стропы, задержался и освободился от ремней. Я был на земле, на маленьком острове, затерянном среди враждебного моря.

Вокруг было пустынно и тихо. Сонно заверещали птицы, потревоженные моим падением, и снова заснули. Ухнул филин. Ветерок прошелестел в листве. Только сейчас я заметил, что в сапоги мои набралась вода и одежда промокла насквозь. Вода хлюпала под ногами, при каждом шаге проступала сквозь траву. Я сделал шаг и провалился по колена. «Э, тут надо быть осторожным! Обидно будет потонуть в грязи».

Я был так возбужден и необычностью места, где находился, и предвкушением предстоящей работы, что не чувствовал никакой усталости. Мне совсем не хотелось спать. Достав фонарь, я попробовал его. Батарея действовала прекрасно: яркий луч света лег на мелкий болотный кустарник. Я решил влезть на дерево и оттуда сигнализировать. Осмотревшись и приметив высокую березу, росшую, как мне показалось, недалеко, решил добраться до нее. Осторожно ставя ноги, стараясь ступать на кочки, я зашагал по болоту. Необыкновенно тихо было в лесу. Шум моих шагов раздавался так резко, так отчетливо, что я вздрагивал каждый раз. Глупая мысль пришла мне в голову: здесь надо ходить тихо и разговаривать шепотом, а то немцы услышат. Я рассмеялся нарочно громко и, споткнувшись, чертыхнулся. И вдруг я услышал шорох. Недалеко под чьими-то ногами хлюпала вода. По правде сказать, мне стало неприятно. В конце концов, летчик мог ошибиться на несколько километров, ветром могло меня отнести в сторону. Откуда я знал, где нахожусь?

Шорох приближался. В полутьме я увидел — какая-то тень отделилась от дерева. Кажется, человек всматривался в темноту. Я стоял тихо, не решаясь пошевелиться. Человек негромко свистнул. Я понял, что он меня видит. Вынув наган и сжимая его в руке, я решительно шагнул вперед.

— Кто это? — окликнули меня.

— Где тут живет интендант? — спросил я условленной фразой.

И услышал в ответ:

— Вы про Петра Сергеевича говорите?

Тогда я зажег фонарь и направил свет на своего собеседника. Он стоял, сжимая в руках автомат, подавшись вперед. Это был невысокий человек в охотничьих сапогах выше колен и в потрепанной гимнастерке.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, товарищ Старичков. Вас отнесло немного в сторону, и мы не видели, как вы приземлились. Петр Сергеевич ищет вас там, за ручьем.

Приложив руку ко рту, он засвистел протяжным переливчатым свистом. Мы прислушались. Издалека ему ответил такой же протяжный свист.

— Пойдемте навстречу, — сказал он.

Мы зашагали по болоту.

— Как летели? — спрашивал он меня. — Стервятники не встречались? Мы думали, вы будете раньше.

— Сыро у вас, — сказал я. — Я уж по колена провалился.

— Да, — усмехнулся он, — не зная дороги, у нас далеко не пойдешь. — Он помолчал и вдруг спросил: — Что в Москве? Как там живут?

— Ничего, — сказал я, не зная, что говорить.

— Трамваи ходят?

— Ходят.

— И метро, и автобусы?

— Метро работает, и автобусы начали ходить.

— Так, так. — Он опять помолчал, не зная, как выразить свое желание убедиться, что в Москве все в порядке и жизнь продолжается.

Я, кажется, правильно понял его.

— Конечно, темновато на улицах, — сказал я, — хотя понемногу горят фонари. В театры, в кино народ ходит. Правда, устали люди, работают много, а так ничего — жизнь продолжается.

— Так, так. — Он удовлетворенно кивнул головой. — Я сам не москвич, но ездил туда два раза. Интересный город!

Он вгляделся в темноту. Зрение у него было лучше, чем у меня.

— Вон Петр Сергеевич торопится, — сказал он.

Только минутой позже я различил в темноте приближающиеся фигуры.

— Евстигнеев! — негромко окликнули из темноты моего спутника.

— Есть такой, — ответил Евстигнеев.

— Нашел? Благополучно?

— Тут он, Петр Сергеевич.

Навстречу нам, задыхаясь и торопясь, шагал коренастый, полный человек.

— Ну хорошо, хорошо, — говорил он. — Здравствуйте, здравствуйте! Позвольте приветствовать. Устали? Замерзли? Голодны? Сейчас чайку заварим, свининка есть. А может, с устатку спиртику?

Он засыпал меня вопросами, не давая мне сказать ни слова, и энергично тряс мою руку.

— Вот ведь какие у нас неприятности, — говорил

он, — а? Ведь никогда ничего такого не было. Пары портянок ни у кого не украли, а тут вдруг... Интеллигентный человек — и такое дело! Вы только подумайте, ай-яй-яй!

III

Через десять минут мы вышли на небольшую полянку. Слабый свет пробивался из-под земли, и я не сразу понял, что это дверь. Рядом с нами шло несколько человек, и Петр Сергеевич время от времени, отрываясь от разговора, то одного, то другого посылал с поручениями.

— Михайлов, — говорил он, — сходи, голубчик, взгляни, затопили ли баню. Я сказал, да, боюсь, забыли... Алексеенко, вели Марфуше самовар поставить... Сенюхин, добеги до склада, выбери комплект обмундирования получше. Надо товарищу следователю переодеться. Небось болотная водица насквозь его проняла.

— Петр Сергеевич, — сказал я, как только мне удалось вставить слово, — напрасно вы беспокоитесь: ни в бане я мыться не буду, ни переодеваться. Единственно, может быть, гимнастерку посушу немного у печки и чайку, если позволите, с удовольствием выпью.

— Что вы, что вы, — заволновался Петр Сергеевич, — разве можно так! После такого-то путешествия! Вымоетесь, поспите, а там и за дело.

Я категорически отказался, и Петр Сергеевич, кажется, несколько огорчился. Он проговорил еще что-то насчет того, что тогда и работать лучше будет, но, убедившись, что я непоколебим, перестал спорить. Со скрипом открылась дверь, и по дощатым ступеням мы спустились в землянку. Она оказалась довольно высокой и просторной. И стены, и потолок, и пол были обшиты досками. От большой печи несло жаром, хотя стояло лето, и в землянке было очень душно. На столе, покрытом скатертью, стояли чашки, блюдца и тарелки. На стенах висели картинки и фотографии. В большом застекленном шкафу стояла посуда, и на полу лежали пестрые половики. Прочным бытом, устойчивостью веяло от обстановки.

Полная женщина внесла большую миску с тушеной свининой; за ней молодой парень втащил шумящий самовар.

— Закусывайте, — сказал Петр Сергеевич.

Я снял гимнастерку и повесил ее просушить у печки. В одной рубашке я сел к столу. Съел тарелку свинины, в стаканы уже был налит крепкий, горячий чай.

Сидя друг против друга, мы с Петром Сергеевичем стали чаевничать, как люди, понимающие настоящий вкус в этом деле. Я снова услышал подробный рассказ о профессоре Кострове, о Вале, о двух ассистентах, о том, как была устроена в партизанском отряде лаборатория.

— Хорошо, — сказал я. — Что же вы сделали после того, как кража была обнаружена?

Петр Сергеевич потянул с блюдца чай, отставил блюдце и вытер со лба пот.

— Что ж тут сделаешь! — сказал он. — Конечно, послали искать по болоту, да ведь черт его знает... Разве болото обыщешь!

— Но вы же говорите, что здесь как на острове. Почему же нельзя обыскать?

— Обыскать-то можно, но только вы представьте себе: отряд весь ушел, у меня осталось человек тридцать, всех одновременно бросить на поиски я не могу. Постовые должны стоять на постах, радист дежурит, кухня работает, конюх лошадей стережет. Территория наша, надо считать, километров шестьдесят квадратных. Ну, бросил я на поиски двенадцать человек — одного на пять квадратных километров. Конечно, по-настоящему лес не прочешешь.

Почему-то этот простой расчет раньше не приходил мне в голову.

— А собаки нет у вас? — спросил я.

— Обыкновенная шавка, — ответил Петр Сергеевич. — Куда же ее? Разве она по следу сможет пойти? Если, как я надеюсь, через недельку отряд вернется, тогда, конечно, другое дело: прочешем по-настоящему, кочки ни одной не оставим, а сейчас так, одна формальность.

— Через недельку! — сказал я. — Хорошее дело! За это время Якимов знаете где будет?

— Все может быть, все может быть, — печально согласился Петр Сергеевич.

Мы помолчали. Я допил чай и отставил стакан.

— Хватит, — сказал я. — Теперь, Петр Сергеевич,

если можно, дайте мне часика два поспать. Сейчас четыре. Можно, чтобы в шесть меня разбудили? И тогда пойдем с вами к Костровым. Далеко это?

— Километра два, и того не будет. А постель вам готова.

За печкой на топчане постлана была постель. Я лег. Петр Сергеевич прикрутил керосиновую лампу, пожелал мне спокойного сна, почему-то на цыпочках вышел из землянки и тихо притворил за собой дверь. Тикали ходики на стене. Женщина бесшумно вошла и убрала посуду.

Я лежал, и неприятное чувство неуверенности овладело мной. В самом деле, что я мог сделать? Открыть преступника? Но преступник известен. Поймать его? Как? Прочесать лес невозможно. Найти следы? Прошли уже сутки, много людей ходило по всем тропинкам. Рота красноармейцев, которая сумела бы тщательно прочесать лес, была во сто раз нужнее и полезнее меня, следователя-специалиста. С этими печальными мыслями я заснул.

Глава третья

ЕСЛИ ЕСТЬ ЗАГАДКА — МОЖНО ЕЕ РАЗГАДАТЬ

I

Петр Сергеевич зашел за мной ровно в шесть утра, и мы отправились к полянке, на которой стояла лаборатория.

Нездоровое это было место — Алеховские болота. Ночью и днем носился над ними неуловимый запах тления. Жужжали комары. Стайки маленьких мошек вились над землей, и мне физически неприятно было их прикосновение, как будто они переносили на кожу ту гниль, в которой зародились. Тишина была какая-то неспокойная — настороженная, тревожная тишина. Неприятное было это место — Алеховские болота. Оступившись, я прислонился к невысокой засохшей березе, и она вся рассыпалась от прикосновения. Под корой была труха, и в этой трухе копошились насекомые.

Как всегда бывает в таких местах рано утром, над низинами поднимался туман, и, мне казалось, желтоватые его пары насыщены заразой.

Да, это не было похоже на загородную дачу! Я подумал о том, что только большая беда могла заставить людей жить здесь.

Петр Сергеевич подтвердил мне, что они все мучаются малярией, а особенно мучились первое время, когда доставка медикаментов не была еще налажена.

Впрочем, штаб отряда и жилые землянки помещались на более высоком месте. Пройдя по зыбкой, хлюпающей под ногами тропинке, мы стали подниматься и вышли на твердую землю. Здесь было почти сухо, росли высокие, большие березы, слабее чувствовалось ядовитое дыхание болота.

Хотя, подходя к лаборатории, мы поднимались на холм, здесь почва тоже была сыровата. Папоротник густо рос между деревьями. Я всегда чувствую особую, диковинную природу папоротника. Очень уж отличается он от растений нашей эпохи. Он как бы выходец из тех времен, когда земля была покрыта невиданными, пугающими наше воображение гигантскими травами.

Но тропинка поднималась еще выше. Кончился папоротник. Мы пошли по веселой зеленой траве и вышли на освещенную солнцем полянку. Здесь ничто не напоминало о болоте. Здесь росли кашки, одуванчики, ромашки, и со всех сторон окружали полянку большие березы с веселыми белыми стволами. На краю полянки стоял дом. Ветви берез нависали над его крышей, и казалось, что дом прячется от солнца в их прохладной, свежей тени. Это был маленький дом: три окошечка по фасаду, мезонин в одно окошко, с маленьким балкончиком. Крыльцо было сбоку. В нескольких шагах от крыльца — колодец. Перед домом — врытая в землю скамейка и круглый стол. Из трубы поднимался дым. Окна были раскрыты настежь, но ни в окнах, ни около дома не было видно ни одного человека.

Мы с Петром Сергеевичем остановились.

— Вот наша лаборатория, — сказал он. — Конечно, не очень богато, но уж как смогли, так и сделали.

— Мне нравится, — сказал я. — Превосходный дом. А Костровы ждут меня?

— Еще бы! Ждут, волнуются, спрашивают все время.

— Они знают мою фамилию?

— Фамилию? Нет, по-моему, не знают. Мы сами узнали ее только поздно ночью. Москва передала по радио.

Я стоял и смотрел на дом. Сейчас я войду в него и увижу людей, с которыми случилось большое несчастье, которые ждут меня с нетерпением и верят, что я их спасу. Что я могу для них сделать? Я видел болото и знаю, что если человек захочет спрятаться, его в неделю там не отыщешь. Что им сказать? Сказать прямо, что надо ждать, пока вернется отряд, и потом попытаться прочесать болото? А может быть, лучше успокаивать? Начать следствие: произвести обыск, допрашивать, многозначительно молчать?..

«Подождем, — подумал я. — Поглядим, послушаем, подумаем. Отказаться от надежды всегда можно будет».

— Ну что ж, — сказал я, — пойдемте, Петр Сергеевич...

II

В кухне не было никого. Топилась плита, в кастрюле кипела вода. Кухня как кухня: одно окно, лавки по стенам, стол. Я открыл дверь. Просторная комната. Бревенчатые, голые стены. Очень чисто. Половики на полу. Стол покрыт полотняной скатертью, с мережками и узорами. В глиняном большом горшке — водяные лилии. Тяжелые стулья, сработанные топором, пилой и рубанком, с высокими неуклюжими спинками. Такая же примитивная качалка из толстых, плохо отделанных досок. Лестница в мезонин, под лестницей чуланчик. Направо дверь, налево два окна. В углу чисто выбеленная печь.

Я только успел окинуть комнату взглядом, как распахнулась та дверь, что направо, и в комнату вошел высокий человек лет тридцати пяти, с открытым, довольно красивым лицом, с темными волосами. Он был одет в старый, но тщательно зачиненный и выглаженный серый костюм. Под пиджаком была белая апашка. На ногах парусиновые серые туфли.

— Следователь? — спросил он. — Наконец-то. Мы уж думали, что вы не приедете. Валя пошла в штаб узнавать. Давайте знакомиться: Вертоградский.

— Старичков, — сказал я, протягивая ему руку.

Вертоградский поднял голову и закричал:

— Андрей Николаевич!

Заскрипела лестница. Старик Костров, удивительно мало изменившийся, торопливо спускался вниз.

— Наконец-то! — сказал он. — Вы Валю не встретили? Она в штаб побежала. Мы уж думали, с вами случилось что-нибудь. Почему вы так поздно?

— Я спал у Петра Сергеевича, — ответил я. — Не мог же я вас ночью будить!

— Скажите просто, что вам самому спать хотелось... — сердито буркнул старик. — Уж нас-то вы по такому делу могли потревожить!

Он сразу насупился. Ох, как я его хорошо знал! Я нарочно сказал, что спал у Петра Сергеевича, чтобы посмотреть, изменился ли Костров. Нет, старик ни капли не изменился. Такой же сердитый, колючий. Но постарел, конечно, — теперь я это видел. Эти годы не даром дались. Бородка совсем седая, брови лохматые, и весь он уменьшился, как старики уменьшаются. На нем был белый костюм (к такому костюму пошла бы южная шляпа канотье), но только сшит он был из домотканого деревенского холста. Это выглядело довольно забавно.

— Давайте все-таки познакомимся, — сказал я. — Вы, конечно, Андрей Николаевич Костров? А я Старичков Владимир Семенович.

Он протянул мне старческую, сухую руку и сдержанно, но вежливо поздоровался.

— Ну, — сказал он, — надеюсь, вы хорошо отдохнули и сейчас начнете работать.

Я усмехнулся:

— Во всяком случае, Андрей Николаевич, постараюсь сделать все, что могу.

— Прошу, — сказал старик, указывая на стул.

В окно я увидел бегущую по полянке Валю. Мне кажется, я бы ее узнал, даже если бы не ожидал встретить. Она тоже очень мало изменилась, разве что пополнела немного и повзрослела. В главном она была та

же, это я сразу почувствовал. Она стояла, глядя на меня с удивлением, и я видел, что она меня узнаёт.

— Здравствуйте, Валентина Андреевна, — сказал я.

— Володя! — вскрикнула Валя. Она подбежала ко мне и энергично затрясла мою руку. — Что такое? Откуда вы взялись?

— Прибыл из Москвы в ваше распоряжение.

— Так вы и есть следователь? — догадалась наконец Валя.

— А что, разве не похож?

Она пожала плечами:

— Мы ждали пожилого, военного, в очках. Папа даже думал, что это будет профессор-криминалист.

— Очки у меня есть, — сказал я и, вынув из кармана, показал их Вале. — Я их надеваю не часто — когда читаю мелкий шрифт, — но всегда таскаю с собой.

— Вы хоть знали, к кому едете? — спросила Валя.

— Знал, — сказал я. — Я только не думал, что вы такая взрослая.

По недружелюбному молчанью профессора я понял, как его раздражает наш непонятный и легкомысленный разговор. Я повернулся к нему.

— Вы меня не узнали, Андрей Николаевич? — спросил я.

— Как будто мне ваше лицо знакомо, — сухо сказал Костров. — Вы не тот Старичков, который у меня с третьего курса ушел?

— Тот самый.

— Так, так...

Я не заметил в его глазах никакой радости.

— Изменились, — сказал он, неодобрительно глядя на меня, — повзрослели. — Мне показалось, что я очень нехорошо сделал, повзрослев. — Значит, микробиология не понравилась?

— Да вот, — сказал я извиняющимся тоном, — бросил, Андрей Николаевич...

— Для чего ж тогда в вуз поступали? — строго спросил Костров. — Государство на вас деньги тратило...

Ух, какой это был сердитый старик! Смешно сказать, но я по старой памяти ощутил легкое замирание сердца. Я его все еще немного боялся. Мне самому стало смешно от этого.

— Надеюсь рассчитаться, — сказал я, сдерживая улыбку.

— Несерьезно, — обрезал меня профессор и, помолчав, перевел разговор: — Следователем давно работаете?

— Всего года два, — сказал я.

Старик хмыкнул совсем недовольно:

— Значит, опытные следователи в Москве все заняты?

Колючий язык был у человека! Я ответил, пожав плечами:

— Начальство меня выбрало.

— Так... — сказал Костров. — Ну-с, так с чего вы собираетесь начать?

Я думаю, что врач, которого позвали к умирающему, чувствует себя примерно так же, как я чувствовал себя тогда. Врач не может сказать умирающему: «Извините, мне у вас делать нечего, умирайте спокойненько». Я сказал:

— Прежде всего я хотел бы осмотреть помещение.

III

Много раз приходилось мне осматривать помещения, в которых произошли убийства и кражи, но никогда, кажется, не производил я осмотра с таким ясным ощущением его бесцельности. Что я мог найти? Представить себе, что Якимов в последний момент решил оставить вакцину и бежать без нее, было абсолютно невозможно, следов борьбы тоже не могло быть. И все-таки я производил осмотр тщательно и аккуратно.

Прежде всего я поднялся в мезонин. Я осмотрел книжные полки, на три четверти заполненные книгами и на остальную четверть — связками бумаг. Перелистывать книги было бессмысленно, я заглянул за полку и убедился, что там ничего нет. На столе стояла школьная чернильница-непроливайка, стаканчик с карандашами и ручками, лежала пачка бумаг и несколько книг.

Бедностью обстановки кабинет Кострова мог конкурировать с моей московской комнатой. Кроме шкафа и полок, стояли еще два топчана, на одном из которых спал Андрей Николаевич, а на другом Валя, и два стула.

С серьезным видом я осмотрел топчаны и заглянул под них.

За моей спиной, сдерживая дыхание, стояли взволнованные Андрей Николаевич и Валя, Петр Сергеевич и Вертоградский. Ужасно мне хотелось сказать им: «Знаете что, товарищи, перестанем валять дурака. Оставьте меня одного, и дайте мне спокойно подумать». Но, конечно, сказать это было невозможно. Поэтому я осмотрел все до конца и спустился в столовую.

В столовой повторилась та же сцена. Я заглянул под стол, чувствуя себя на редкость глупо, и долго возился у печки, пытаясь разглядеть, не спрятано ли в ней что-нибудь. Единственным местом, в котором было что осматривать, оказался чуланчик под лестницей. Там стояли запыленные банки с клеем и чернилами, валялись связки бумаг, лежала пачка черных клеенчатых тетрадей и стопка картонных коробочек.

Сумасшедшая мысль мелькнула у меня в голове. Стараясь принять равнодушный вид, как будто я делаю это просто по привычке осматривать все до конца, я быстро перелистал все тетради. Конечно, все они были чисты. Это была нелепая мысль, что среди них может оказаться лабораторный дневник.

Я вошел в лабораторию. Здесь стояли столы, сверкала медь микроскопов и стекло лабораторной посуды. Все это очень не гармонировало с бревенчатыми голыми стенами, с деревянным дощатым потолком. Может быть, так выглядела бы хорошо оборудованная колхозная хата-лаборатория. Две узенькие койки стояли у стен. В углу — шкаф. Я обошел комнату, открыл дверцу шкафа. На полках лежали связки бумаг; несколько ящиков с предметными стеклышками для микроскопа стояли в глубине у задней стенки.

— Шкаф был заперт? — спросил я.

— Да, — ответил Вертоградский.

— А ключ?

— Ключ был у Якимова.

— А утром?

— Утром шкаф оказался отпертым, но дверца была прикрыта. Ключ исчез вместе с Якимовым.

Больше не о чем было спрашивать. Я высунулся в окно. Окно выходило прямо в лес. Деревья стояли здесь густо, кроны переплелись, толстые корни, изги-

баясь, ползли по земле, земля поросла кустиками черники. Наверно, здесь бывает много грибов.

Наблюдения невольно увлекли меня. Я вдруг ощутил ту радостную напряженность, которую испытываешь всегда, начиная восстанавливать в подробностях происшествие, только частично тебе известное.

— Где он гулял? — спросил я.

— Здесь, под окном, — сказал мне стоявший за моей спиной Вертоградский.

— Всегда здесь?

— Да, это было его любимое место. После ужина накинет пальто, папиросу закурит и ходит под окнами.

— Далеко от дома он никогда не отходил?

— Я ни разу не замечал.

— Был случай, — вмешался Петр Сергеевич. — Однажды мои молодцы километрах в пяти его встретили. Говорил, что заблудился. Правда, это не мудрено в наших местах.

— Дверь из лаборатории запирается?

— Нет.

— А наружная дверь?

— Запирается на крючок.

— Значит, пока Якимов гуляет, она открыта.

— Да.

— А утром кто первый проснулся?

— Я, — сказала Валя. — Папа и ассистенты очень устали за это время и встали позже, чем обычно.

— И вы, Валя, не обратили внимания на то, что дверь отперта?

Валя пожала плечами:

— Нет. Мы не очень тщательно запираемся. Немцев замком не задержишь, а воров тут нет. Кстати, Якимов по утрам иногда уходил, пока все еще спали.

Я смотрел в окно на березы, на корни, на кустики черники.

Вот здесь ходил этот человек, которого мне надо найти, ходил позавчера вечером, курил, молчал, думал... Вот померк свет в окне, — значит, Вертоградский погасил лампу, надо подождать, пока он уснет. Наверно, он заглянул в окно и прислушался к дыханию Вертоградского: дышит ровно — уснул, пора... Если б я мог знать, почувствовать, угадать, что́ он думал в эту

минуту! Ну хорошо, допустим, он думал только о технике дела: как войти, чтобы не услышали, как взять, чтобы не увидели. Он мог даже не входить в дверь.

Я высунулся в окно: на метр ниже подоконника кончалась завалинка. Он встал на нее, перекинул ногу через подоконник, отпер шкаф, бесшумно выпрыгнул в окно и исчез между стволами. Или, может быть, он вошел в дверь? Подошел на цыпочках к шкафу? Все это никак не меняет дела. Меня убивала именно эта полная ясность, не оставлявшая надежды на то, что неожиданная мысль вдруг заново осветит события и откроет все: преступление и преступника.

Но за моей спиной, глядя на меня напряженными, ожидающими глазами, стояли люди, для которых я был последней и единственной надеждой, и я должен был продолжать делать вид, что интересуюсь подробностями.

IV

— Вы рано встали? — спросил я Вертоградского.

— Часов в девять. Валя меня разбудила. Смотрим, Якимова нет и постель убрана. Думали, он вышел с утра погулять. Он и к завтраку не пришел. Ждали, ждали, потом Андрей Николаевич открыл шкаф, а там ни коробочки с ампулами, ни черной тетрадки...

— Как они выглядели, эти ампулы и тетрадка? — спросил я.

— В чулане вы видели точно такие же тетради и коробочки. В коробочках в вате уложены ампулы.

Я достал папиросу и закурил. Нужно было протянуть хоть несколько секунд. Я напряженно думал, напряженно искал ниточки, кончика, за который можно было бы уцепиться. Но Костров не был расположен давать мне передышку. Он подошел и стал прямо против меня.

— Владимир Семенович, — сказал он, — скажите мне откровенно: есть какая-нибудь надежда вернуть вакцину?

Он смотрел на меня серьезным, прямым взглядом. Он, старый человек, требовал правды. Я ответил ему так же серьезно:

— Конечно, Андрей Николаевич, есть.

Петр Сергеевич тяжело вздохнул и заговорил голо-

сом, немного похожим на тот, каким причитают по покойнику бабы:

— Сколько трудов, сколько хлопот! Для боя людей не хватало, а на тропинке к лаборатории каждую ночь караул ставили...

— И в эту ночь он стоял? — спросил я.

Петр Сергеевич безнадежно махнул рукой:

— То-то и дело, что нет! Отряд-то ушел, людей раз, два — и обчелся. Да и думалось: столько времени ничего такого не было, неужели в последние дни случится?

— А почему ключ от шкафа был не у вас, Андрей Николаевич? — спросил я.

Костров нахмурился.

— Ключ всегда был у Якимова, — сдержанно сказал он.

Петр Сергеевич махнул рукой:

— Как назло, все у него было в руках!

Я разговаривал, задавал вопросы и мучительно, напряженно искал зацепки. Только ниточку, только хвостик... Да, все было совершенно ясно, все было необыкновенно просто, но в самой простоте этой была какая-то странность.

— Если можно, товарищи, побудьте здесь, — сказал я. — Я посмотрю под окном. Может быть, остались какие-нибудь следы.

Я выскочил в окно и, наклонив голову, осматривая каждую травинку, прежде чем на нее ступить, стал медленно продвигаться между стволами берез.

Я смотрел очень внимательно, но, по совести говоря, не рассчитывал найти ничего важного. Мне нужно было подумать хоть несколько минут — подумать, чтобы мне не мешали.

Все было не так просто.

В самом деле, как назло, все было у Якимова: у него ключи, у него знание всей техники и существа открытия. Ему полностью и до конца доверяли. Зачем ему кража? Зачем ему эта ночная прогулка, это ожидание, пока заснет Вертоградский? Зачем красть изобретение, когда можно просто снять копию? Он хотел, чтобы у Кострова ничего не осталось? Что ж, он мог подложить такую же тетрадь, такие же с виду ампулы и днем спокойно пройти мимо постов...

Щепотка пепла лежала на черничной ветке. Ну что ж, это только доказывало, что здесь кто-то курил. Очевидно, Якимов. Уж так все ясно, так ясно! Ну хорошо, а если отбросить эту естественную версию, что может быть кроме этого? Украл Костров? Вздор. Валя? Конечно, нет. Вертоградский? А куда в таком случае делся Якимов? И к тому же украсть и остаться здесь — уж совсем бессмысленно. Просто хотел подложить профессору свинью? Необыкновенно сложный и рискованный способ. Хотел отомстить Вале? Допустим, он ее любит, а она его нет. Но Валя от кражи меньше всего страдает. Кто-то посторонний вошел и украл вакцину? Опять-таки — где Якимов?

У меня начала кружиться голова. Ни малейшего просвета не виделось мне. И тем не менее у меня улучшилось настроение. Я чувствовал, что в деле заключена сложная, трудная загадка, а если так, значит, можно ее разгадать.

Глава четвертая

УЛИК НЕДОСТАТОЧНО. ЗАПИСКА ЯКИМОВА

I

Я обошел вокруг дома и через кухню вошел в столовую. Костров, Вертоградский и Петр Сергеевич вышли навстречу мне из лаборатории. Все они смотрели на меня вопросительным, ожидающим взглядом. В обыкновенных условиях родственники и близкие, все люди, лично заинтересованные, удаляются из помещения и следователь работает один. Но здесь я не мог их никуда удалить. С другой стороны, меня невыносимо нервировало это чувство надежды и ожидания, которое я читал на их лицах.

— Андрей Николаевич, — сказал я, — у меня к вам просьба: вы бы не составили с товарищем Вертоградским... кстати, как ваше имя и отчество?

— Юрий Павлович.

— С Юрием Павловичем докладную записку, страничек пять-шесть, не больше: что у вас осталось, что нужно восстановить и сколько это займет времени.

— У меня ничего не осталось, — сказал Костров.

— Так и напишите.

— Пойдемте, Юрий Павлович, — сказал Костров.

Он стал медленно подниматься по крутой лестнице, ведущей в мезонин. Вертоградский пошел за ним. К счастью, никто из них не заметил нелепости моей просьбы. В самом деле, на кой дьявол могла понадобиться эта записка, когда и без нее все было совершенно ясно.

— Старичков, — спросила Валя, — вы поймаете Якимова?

Попробуйте ответить ей на такой вопрос!

— Если украл Якимов, — сказал я, — постараюсь его поймать.

Костров, дошедший уже до верхней ступеньки, остановился как вкопанный. Сверху он, нахмурясь, уставился на меня.

— Вы еще не уверены, что украл Якимов? — спросил Петр Сергеевич.

— Прямых улик нет, — неохотно сказал я.

На самом деле против Якимова было так много улик, что это как раз меня и раздражало и путало: точно нарочно, все обстоятельства указывали на Якимова. Но такой улики, которая бы меня окончательно и с несомненностью убедила, пока не было.

— Меня убедила бы и четверть этих улик, — сказал Петр Сергеевич.

— Но ведь все это может быть стечением обстоятельств, — сказал я, пожав плечами.

Валя смотрела на меня широко открытыми глазами:

— Я сама сначала не верила. Но кто же украл?

— Посторонних в лесу не было, — сказал Петр Сергеевич.

Я снова пожал плечами:

— Откуда мы можем знать?

Костров круто повернулся и прошел в кабинет. За ним ушел Вертоградский. Когда я сказал «если украл Якимов», старик, наверно, подумал, что сейчас я вытяну за рукав из-за двери настоящего преступника, а так как этого не произошло, решил, видимо, окончательно, что я хвастунишка, напускающий на себя важность. Мне кажется, и Петра Сергеевича разочаровала неопределенность моих слов. Видимо, он тоже потерял надежду увидеть торжественную поимку преступника. Он молча надел фуражку и вышел.

Мы остались с Валей вдвоем.

Мы помолчали, как и следует бывшим влюбленным, оставшимся наедине, потом Валя спросила:

— Как вы жили, Володя?

— Обыкновенно, — ответил я. — Ничего интересного со мной не случилось.

Я не знал, как начать разговор, и она, по-видимому, не знала. Я посмотрел на цветы, стоящие на столе, и спросил:

— Это, наверно, Якимов собирал?

— Нет, партизан один, — ответила Валя.

Еще минута, и я бы сказал, что стоит хорошая погода, и, может, она бы ответила, что, кажется, дождь собирается. Но в это время в кухне раздались тяжелые шаги и какой-то шум, точно передвигали мебель. В комнату вошел здоровенный дядя, таща три перевязанных веревкой ящика.

— Здравствуйте, — улыбаясь сказал он.

— Здравствуйте, Грибков, — сказала Валя. — Ящики принесли? Это наш плотник, — пояснила она мне.

— Принес. — Грибков скосил глаз на потолок и хитро подмигнул. — Старик на антресолях?

— На антресолях, — улыбнулась Валя.

Грибков нахмурился, лицо у него стало торжественным и официальным.

— Ну как? — спросил он, вежливо кашлянув. — Ничего?

— Ничего... Спасибо.

Грибков понимающе кивнул головой и направился к лестнице, но остановился и сказал Вале деловым тоном:

— Ящики я еловые сколотил, они полегче будут.

— Хорошо, Грибков, — сказала Валя.

Грибков стал медленно подниматься, стараясь не задевать ящиками о стены. Но посредине лестницы еще раз остановился и спросил грубым басом:

— Качаетесь?

— Что, что? — удивилась Валя.

— На качалке, говорю, качаетесь?

— Качаюсь, — сказала Валя.

Грибков удовлетворенно кивнул головой и ушел в мезонин.

Дождавшись, когда дверь за ним закрылась, я спросил у Вали небрежным и даже рассеянным тоном:

— Валя, ассистенты ссорились из-за вас?

Валя резко повернулась ко мне:

— С чего вы взяли?

— Я только спрашиваю, — мягко сказал я. — Что за человек был Якимов?

— Скучный человек.

— Что значит «скучный»?

— Рабочая лошадь, — резко сказала Валя.

Я пожал плечами:

— Это скорее похвала.

Вале стало неловко за свою резкость.

— Я не хочу его ругать, — поправилась она, — в общежитии он был полезен: ни от какой работы не отказывался и даже варил суп, когда я стирала.

— К Вертоградскому вы лучше относитесь? — спросил я.

Мне было неприятно задавать Вале эти вопросы. С моей стороны они были по меньшей мере неуместны. Но мне очень нужно было знать, не было ли тут романической истории.

Валя заговорила очень просто и очень дружески.

— Мне здесь все надоело, — сказала она. — И Якимов и Вертоградский. Я хочу домой, Володя. Конечно, это нехорошо, но что я могу сделать! Хочу домой...

Слезы одна за другой стекали по ее лицу. Не стыдясь, она вытерла их платком и улыбнулась жалкой, извиняющейся улыбкой.

— Я бы не жаловалась, Володя, — сказала она, — но уж очень обидно! Казалось, приедем в Москву с вакциной, такие дни для нас будут... Может, думали, и похвалят нас хоть немного. И вот все зря... Папу жаль, Вертоградского жаль, да и себя жаль. А то бы я продержалась...

Я подошел к ней и сказал очень мягко:

— Я знаю, Валя, что вы продержались бы.

Она совсем расстроилась и даже всхлипывать стала:

— Еще знаете что поддерживало? Что уж мы-то, те, кто здесь, друг на друга, как на каменную гору... И вдруг — Якимов...

Я не удержался и погладил ее по руке.

— Вы сегодня очень устали, Валечка, — сказал я. — Вам бы отдохнуть, выспаться...

Она усмехнулась, вытерла слезы и сказала:

— Пойду попудрюсь. У меня и пудры осталось дня на два, не больше.

И ушла на кухню.

II

Меня взволновал разговор с Валей. Очень уж хорошо я помнил, какой она была жизнерадостной дёвчонкой. Я сел в качалку — должен сказать, на редкость громоздкое это было сооружение, — откинул голову и, покачиваясь, стал думать обо всем, что узнал и увидел сегодня. Но мне не суждено было остаться одному. Сначала спустился Грибков, на этот раз уже без ящиков, — он оставил их наверху, — посмотрел на меня гордо и деловито спросил:

— Качаетесь?

— Качаюсь, — ответил я.

Он опять кивнул головой, пошел к двери, но в дверях остановился, кашлянул и сказал:

— Это я сделал профессору в уважение.

— Хорошая качалка, — ответил я.

«Ну хорошо, — опять размышлял я, — допустим, это не Якимов. Вертоградский? Тогда почему он остался здесь? И куда он девал Якимова? Костров? Ерунда. Валя? Тоже не может быть. Кто-то из отряда? Кто? Раненый из госпиталя? Женщина или старик из хозкоманды? Кто-нибудь из немногих оставшихся бойцов, которые все время стоят на постах или отдыхают в штабе? Нет, пожалуй, всё же Якимов. Будем думать о нем».

Снова и снова представлял я себе позапрошлую ночь. Вот он ходит под окнами, ему надо украсть вакцину. Это он может сделать спокойно и незаметно и утром открыто пройти мимо постов. Допустим, он боится разоблачения. Скажем, он встретил человека, который знал его не как Якимова. Но кого он мог встретить? За эти дни в отряд никого нового не прибыло. Всех старых бойцов он знает давно, и они его знают. Допустим, кто-нибудь застал его за каким-нибудь компрометирующим занятием. Он, скажем, имел скрытый радиоаппарат. Но почему тогда человек, заставший его, не сообщил об этом? Случайных людей здесь нет, и никто не исчезал.

«Нет, — решил я, — украл не Якимов. Надо искать

другие варианты, какие угодно, даже самые невероятные».

В это время наверху, где Андрей Николаевич и Вертоградский писали докладную записку, раздались возбужденные голоса. Дверь хлопнула. Я повернул голову. Костров стоял на площадке; он держал в руках листок бумаги, и по лицу его я видел, что старик очень взволнован.

— Вы сомневались, Владимир Семенович, — сказал он, — так вот, смотрите: вот письмо от Якимова.

Я вскочил с качалки и помчался по скрипучим ступенькам вверх. Мы чуть не столкнулись с Костровым на середине лестницы; за его спиной виднелось растерянное лицо Вертоградского. Привлеченные шумом и голосами, из кухни выбежали Валя и Петр Сергеевич.

Я схватил бумагу; это был листок, вырванный из блокнота, размером примерно в ладонь. Бумага была клетчатая, оторвана неаккуратно, не по пунктиру. Записка написана карандашом, листок не измят, не согнут, следы карандаша черные — значит, записку не таскали в карманах, очевидно, он лежала на столе или в книге.

Сбежав с лестницы, я подошел к окну. Меня сразу поразили непривычные очертания букв: записка была написана по-немецки, остроугольной, готической прописью. Я примерно переведу ее содержание:

«Андрей Николаевич, я не мог поступить иначе, они хотели, чтоб я Вас устранил. У меня не поднялась рука. Думаю, что за это я поплачусь. Но Вы и сейчас для меня мой любимый учитель. Помните, что бывают трагические случайности, прощайте и простите. Пишу по-немецки, потому что не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме Вас, читал это письмо. Якимов».

Я стоял у окна, держа записку в руках, боясь повернуться лицом к Кострову. Сначала надо было решить, что делать.

III

Две мысли мелькнули у меня сразу. Первая: лишь тогда имело смысл писать по-немецки, если ни Валя, ни Вертоградский не знают этого языка. Вторая: значит, Якимов не один, значит, есть «они», которые заставили

его украсть вакцину. Первое надо выяснить сейчас же. Насчет второго мы поговорим с Петром Сергеевичем.

Я повернулся и резко спросил Вертоградского:

— Разве вы не понимаете по-немецки?

— Нет, — сказал Вертоградский. — Впрочем, со словарем...

Я повернулся к Вале:

— А вы?

— Нет.

Я повернулся к Кострову:

— Где было письмо?

— В книге, — ответил Костров, — вместо закладки. Оно торчало между страницами, но я не обратил на него внимания. Я часто закладываю нужные мне места первыми попавшимися бумажками.

— А где была книга?

— У меня наверху.

— Все время? Последние дни вы ее не сносили вниз?

— Я не помню... Ты не помнишь, Валя? Это «Основы микробиологии», — растерянно сказал Костров.

— По-моему, она все время была наверху, — сказала Валя, — но Якимов позавчера поднимался к тебе. Помнишь, он еще забыл наверху спички?

— А в последние дни вы читали книгу? — спросил я.

— Куда там! — махнул рукой Андрей Николаевич. — Разве мне эти дни до чтения было?

— Хорошо, — сказал я, — в конце концов, это ничего нового не вносит. Мы и раньше знали, что украл Якимов. — Я зевнул. — Валечка, вы бы не приготовили мне чего-нибудь поесть? А вас, Андрей Николаевич, я все-таки попрошу закончить вашу докладную. Она может очень мне пригодиться... Пойдемте, Петр Сергеевич, я провожу вас.

Конечно, все они поняли, что я хочу поговорить с Петром Сергеевичем наедине, но были достаточно вежливы, чтобы не дать мне это почувствовать. Валя даже спросила заботливо, люблю ли я жареную колбасу с картошкой, и я ответил, что с детства страшно люблю.

Мы вышли с Петром Сергеевичем из дома и молча прошли через полянку. Когда дом скрылся за деревьями, Петр Сергеевич не выдержал.

— Теперь вы убедились, что это Якимов? — спросил он.

Я пожал плечами:

— Дело очень серьезное, Петр Сергеевич. Может быть, и Якимов, может быть, нет. Но если даже Якимов, то, судя по записке, он был не один. Какие-то люди руководили им, угрожали ему. Кто это может быть, Петр Сергеевич?

Партизанский интендант остановился и растерянно на меня посмотрел:

— Вы думаете, кто-нибудь из отряда?

— Может быть, из отряда. Если нет, значит, на ваших Алеховских болотах спокойно разгуливают посторонние люди.

Петр Сергеевич огорчился ужасно.

— Нет, — сказал он, — как же так! У меня посты на всех проходах, мы тут знаем каждый кустик, пройти нигде невозможно.

— Значит, в отряде есть чужие люди.

Петр Сергеевич замолчал. Мы молча пошли по тропинке; он отвернулся от меня, и видно было, как он огорчен и обижен.

— Что же вы думаете делать? — спросил он наконец.

— Когда ушел отряд? — ответил я вопросом.

— Позавчера днем.

— У вас есть сведения о каждом из оставшихся?

— Да, конечно.

— Пойдемте в штаб. Вы познакомите меня со всеми.

— Хорошо.

Конечно, я прекрасно понимал, что эта работа может оказаться бесполезной. Если отряд ушел только позавчера днем, то возможно, что человек, которого боялся Якимов, который заставил его пойти на преступление, ушел с отрядом. Легко представить себе, что позавчера утром у них был решающий разговор, что неизвестный потребовал, чтобы дело было сделано ближайшей ночью. Но проверять тех, кто ушел, я не мог — надо было проверить оставшихся.

Тропинка сворачивала. Здесь кончались большие деревья и видно было болото на много километров. Тишина и покой царили над ним. Жаркое солнце палило над стоячими озерками, медленно-медленно текущими ручейками, над однообразной болотной зеленью, лозняком, зарослями камыша. Звенели комары в тишине. Ветерок чуть-чуть шевелил листву. Самая тишина и покой болота

опять показались мне тревожными, настороженными, враждебными. Большая лиловая туча медленно выползала из-за горизонта. Парило так, что, наверно, вода в озерах была почти горячей.

— Гроза будет к вечеру, — сказал Петр Сергеевич. — Вот после дождя посмотрите наше болото: ни пройти, ни проехать.

Глава пятая

НОВЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ

I

Мы вошли с Петром Сергеевичем в ту самую землянку, где я был утром, и он мне стал поименно перечислять членов отряда, которые остались в его распоряжении. Трое раненых, из них один лежал, а двое только недавно стали ходить, опираясь на палочку. Две женщины, много лет жившие в соседней деревне и известные всем в районе. Старик конюх, тоже местный, бывший инспектор по качеству в одном из колхозов. Другой старик, охотник, получивший в 1939 году премию за рекордное количество убитых волков. И еще старик, учитель-пенсионер, проработавший в этих местах лет сорок. Не считая Петра Сергеевича, всего двадцать девять человек. Почти все это были местные люди, здесь родившиеся и выросшие, вся жизнь которых была на виду. Только трое были не местные: два красноармейца, прикрывавшие отход своей части, отставшие от нее и присоединившиеся к отряду, и Грибков, присланный с донесением и некоторыми материалами из отряда, действовавшего в соседнем районе. Относительно красноармейцев Петр Сергеевич имел подробные сведения. В полку, в котором они служили, стало известно, что они находятся в партизанском отряде, и комиссар полка прислал комиссару отряда письмо, рекомендуя их с самой хорошей стороны. Относительно Грибкова комиссар связался по радио с отрядом, в котором Грибков был раньше. Сведения о нем были самые лучшие. Он местный колхозник, плотник, человек тоже известный.

Я попросил Петра Сергеевича вспомнить, нет ли сре-

ди тех, кто ушел на операцию, человека, недавно попавшего в отряд, человека не из здешних мест — словом, не так хорошо известного, как остальные. Петр Сергеевич думал, думал и никого не мог вспомнить. Отряд формировался тут же, в этих местах, людей отбирали с большим разбором, и человек незнакомый, мало известный попасть в отряд не мог.

— Хорошо, Петр Сергеевич, — сказал я, — давайте подробнее поговорим о Грибкове. Значит, вы говорите, что о нем хорошие сведения?

— Знаете что? — сказал Петр Сергеевич. — Чем нам говорить попусту, схожу я к радисту и возьму у него запись разговора с грибковским отрядом. У нас ведь все разговоры записываются, должна быть у радиста и эта запись.

Он ушел, а я, оставшись один, стал продумывать все, что теперь знаю, и пришел к выводу, что положение мое далеко не так скверно, как казалось утром.

Прежде всего, история с письмом Якимова. Вдумаемся: против Якимова масса улик — столько, что, кажется, не приходится сомневаться в его вине, тем не менее я сомневаюсь. Я говорю об этом. При этом присутствуют Костров, Валя, Петр Сергеевич и Вертоградский. Костров и Вертоградский уходят наверх и вскоре приносят мне прямую, неопровержимую улику — признание самого Якимова. Может быть, конечно, это случайность, но если случайность, то на редкость своевременная. Разберемся в самом письме. Это письмо человека слабого, нерешительного, письмо труса. Он любит Кострова и наносит ему самый страшный удар, какой только возможен. Это нытик, размазня. Такие люди пишут много о психологии, о сложных движениях человеческой души и очень мало — о деле. Было какое-то противоречие между содержанием и стилем письма. Подумав, я отверг это соображение: можно себе представить, что Якимов писал торопясь, что у него не было времени, что он боялся, как бы его не застали. Вообще письмо было гадкое — письмо ханжи и фарисея, который лжет даже самому себе. Но, с другой стороны, хороший человек не станет красть вакцину...

Однако что-то другое казалось мне в этом письме неестественным и подозрительным.

Немецкий язык... Почему он писал по-немецки? Он не

хотел, чтобы Валя и Вертоградский прочли письмо? Ерунда. Достаточно было запечатать письмо в конверт и написать на нем «Кострову» или, если нет конверта, просто сложить и заклеить его. Достаточно было положить его в такое место, где оно неизбежно попадет в руки профессору, например, в книгу, которую профессор читает, — где оно, кстати говоря, и лежало. Совершенно ясно, что если Костров захочет довести его содержание до всеобщего сведения, то он его переведет, а если не захочет, так никому не расскажет, будь оно написано на самом что ни на есть русском языке. Удивительно нелепая идея — писать письмо по-немецки. Это само по себе уже подозрительно.

Но, с другой стороны, если Якимов действительно человек раздвоенный, нытик, то от него и следует ждать поступков нелепых и нецелесообразных. Он волнуется, ему кажется, что за ним наблюдают, что сейчас его разоблачат. Под руками нет ни конверта, ни клея; ему приходит в голову идиотская мысль писать письмо по-немецки, чтобы скрыть его содержание от посторонних. В этот момент логика у него действует слабо, ему кажется, что это на редкость удачная мысль. Простейшие возражения, которые в обыкновенное время сразу же пришли бы ему в голову, сейчас им забыты.

Это рассуждение психологически ничуть не менее убедительно, чем предыдущее. Значит, дело и не в том, что письмо написано по-немецки.

Оставалось в письме что-то странное, что мне не давало покоя. Мне пришлось напрячь мысль, чтобы уяснить, в чем дело. Странно то, что письмо написано готическими, угловатыми буквами. В самом деле, готический шрифт давно уже вышел из широкого употребления. Давно уже в немецких книгах употребляется латинский шрифт, письма пишутся латинскими прописями — зачем в торопливо набросанной записке воскрешать забытые начертания букв? Они не могли невольно возникнуть в памяти у Якимова, потому что ему только тридцать пять лет и, когда бы он ни учил немецкий язык, хотя бы в самом раннем детстве, он неизбежно учил не готические, а латинские буквы.

Значит, это было сделано сознательно, это не могло быть случайностью. В этом была какая-то мысль, которую мне следовало разгадать.

II

Я вынул блокнот и написал фразу по-русски. Под ней ту же фразу я написал по-немецки, обыкновенными латинскими буквами. Еще ниже ту же фразу я написал готическими, остроконечными буквами. Я даже засмеялся от удовольствия: достаточно было одного взгляда, чтобы все стало абсолютно ясным. В первой и во второй фразах одни и те же буквы были написаны совершенно одинаково. Не надо было быть графологом, чтобы установить, что это писал один человек. Фраза, написанная готическим шрифтом, выглядела иначе. Значит, все дело было в почерке. Тут могли быть два варианта. Первый: Якимов не хотел, чтобы узнали его почерк. Это бессмыслица, раз он все равно подписался. Следовательно, остается второй вариант: кто-то написал письмо готическим шрифтом для того, чтобы не узнали, что это почерк не Якимова.

Теперь подозрение, вызванное такой удивительно своевременной находкой, превратилось в уверенность.

«Нет, — подумал я, — тут для меня работа найдется. Тут я кое-что смогу сделать!»

Какое это чудесное чувство, когда неясное становится ясным, когда враждебной воле ты противопоставляешь свою, сильнейшую волю и логику!

Я вскочил и стал ходить по землянке. Значит, Якимов не преступник, а жертва. Пожалуй, можно считать это установленным. Будем искать преступника. Думается, найти его не так трудно: записка безусловно была написана и подложена после того, как я сказал, что для обвинения Якимова улик недостаточно. Написать и подложить записку могли Костров или Вертоградский. Неужели Костров? Я никак не мог себе представить этого. Значит, Вертоградский. Приходилось остановиться на этом. Я стал думать о Вертоградском.

Что могло заставить его похитить открытие Кострова? Все сомнения, которые возникали по поводу Якимова, естественно оставались и в отношении Вертоградского. Точно так же похищение вакцины и дневников из соображений карьеры или корысти было бессмыслицей. Точно так же он мог спокойно переписать дневник, подменить вакцины глюкозой и без всякого риска уйти с болот днем, не вызвав никаких подозрений. Но существо-

вали и некоторые дополнительные обстоятельства. В отношении Якимова можно было предположить, что это просто морально неустойчивый человек, решивший прославиться, украв чужое открытие, или совершивший это из мести за какую-нибудь неведомую мне обиду, — словом, что Якимов действительно был Якимовым, обыкновенным доцентом, в силу неизвестных нам обстоятельств ставшим преступником. Но если записку написал Вертоградский, это меняло дело. Человек, который говорит по-немецки и всю жизнь скрывает это, не может быть случайным преступником. Это человек, давно замысливший преступление, человек, который, еще только начав работать с Костровым, уже с самого начала маскировался, лгал, казался не тем, чем был. Якимов мог быть Якимовым, но Вертоградский, если он похитил вакцину, не мог быть Вертоградским.

Кстати говоря, если украл Вертоградский, легче объясняется многое. Ключи были у Якимова; значит, для того чтобы украсть дневник, нужно было сначала украсть ключи (или взломать шкаф, что сделано не было). Больше того: Якимов мог переписать дневник, а Вертоградский не мог, потому что ключи у Якимова. Якимов мог подменить вакцину, а Вертоградский не мог, потому что ключи у Якимова. Все непонятные обстоятельства становились понятными.

Я заново представил себе картину преступления. Прежде всего, Вертоградский, очевидно, профессиональный шпион. Кстати сказать, он человек не местный. Он приехал из Москвы, и в городе, где жил и работал Костров, его не знали — значит, это еще более подкрепляло мою версию.

Теперь о самом преступлении: Вертоградский выжидает, пока будет все готово, он хочет получить испытанную вакцину, годную для употребления. Он тщательно выбирает день, вернее, ночь. Выбор действительно очень удачен. Во-первых, вакцина готова. Во-вторых, отряд ушел и на болотах мало людей. В-третьих, ждать больше нельзя, потому что Костровы, вместе с вакциной, улетят в Москву и все будет потеряно. Якимов, как всегда, вышел перед сном погулять. Вертоградский знал, где у него ключи: они могли быть в кармане пальто, которое не надел Якимов; они могли быть где-нибудь в ящике. Словом, где бы они ни были, но, когда Якимов уходит, Верто-

градский достает ключи и открывает шкаф. В этот момент он встречается взглядом с Якимовым. Якимов смотрит в окно...

Нет, так это не могло быть. Якимов, конечно, успел бы поднять тревогу, закричать, выстрелить, даже если бы Вертоградский сразу бросился на него. Значит, было иначе...

Ключи были в кармане у Якимова; когда Якимов вышел погулять, за ним тенью выскользнул Вертоградский. Я представил себе все поразительно ясно. Вот он ходит, курит, думает, этот молчаливый, медлительный человек. Темно в лесу, виден только его силуэт да огонек папиросы, то исчезающий за деревом, то появляющийся снова. Совсем вблизи от него, не дыша, стоит Вертоградский. Что дальше? Удар по голове. Может быть, хлороформ. Здесь ведь есть госпиталь, и Вертоградский в госпитале бывал. Беззвучно падает Якимов. Может быть, короткая борьба, но неожиданность нападения, растерянность — всё против Якимова. Он связан... Нет, вернее всего, хлороформ, иначе на траве остались бы следы борьбы. Ключи теперь у Вертоградского. Дальше все совершенно понятно: клеенчатую тетрадь и коробочку с ампулами он достает из шкафа и кладет в карман. Потом он взваливает на плечи бесчувственное тело Якимова. Высокий, плечистый человек, Вертоградский любит спорт; вероятно, он силен. Он относит Якимова. Куда? В любое топкое место, к любому озеру, затянутому зеленой ряской. Всплеск, и усыпленный человек погружается в гниющую воду, чтобы захлебнуться, не приходя в сознание. Вероятно, к шее привязан камень. К утру ряска снова затянет поверхность озера, все следы исчезнут...

Я весь дрожал от возбуждения. Эта гипотеза объясняла все факты. Все то, что было неясно, что казалось нелогичным и удивительным, стало, наоборот, естественным и неизбежным.

III

Когда вернулся Петр Сергеевич, пришлось постараться, чтобы у меня не было идиотски радостного вида. Петр Сергеевич показал мне запись переговоров с комиссаром отряда, действующего в соседнем районе. Комиссар подтверждал, что Грибков действительно послан им, и со-

общал, что человек он вполне проверенный и на него положиться можно. Но мне уже было не до Грибкова — я слушал, как Петр Сергеевич монотонно читает запись переговоров, а сам продумывал план дальнейших действий. Сейчас же арестовать Вертоградского? Это было бы очень просто, но я должен вернуть коленкоровую тетрадь и коробку с ампулами. Арест будет только вреден. Улик у меня пока нет никаких. Как ни убедительны мои предположения, все-таки это только предположения. Вероятнее всего, он будет отрицать. Больше того, арест даст ему козырь в руки: он будет знать, что раскрыт, и приготовится к защите. Где, под каким пнем, в каком дупле спрятаны дневник и вакцина? Если можно надеяться, что после возвращения отряда, когда тщательно прочешут болото, будет найден спрятавшийся человек или мертвое тело, то совсем безнадежно пытаться найти на болоте клеенчатую тетрадку и маленькую коробочку. Значит, арест отпадает. Нужно поставить Вертоградского в такие условия, чтобы он растерялся и выдал себя. Больше того, надо придумать что-то, чтобы он выдал место, где спрятал вакцину.

Нет, предпринимать что-нибудь было рано. Надо продолжать охотиться за Якимозым, как бы веря в то, что записка подлинная и что вся трудность только в том, что нет людей, чтобы прочесать болото. Единственное, что я мог сейчас сделать, это радировать в Москву и попросить срочно проверить подлинность биографии Вертоградского и, пожалуй, Якимова.

Петр Сергеевич повел меня на радиостанцию. Этим громким именем называлась маленькая землянка, в которой жил радист, мальчишка лет шестнадцати. Тем не менее он, видимо, неплохо знал свое дело, быстро зашифровал радиограмму и сразу же стал передавать. Дождавшись, пока Москва сообщила, что радиограмма принята и будет немедленно вручена адресату, мы вышли с радиостанции.

— Ну, — спросил Петр Сергеевич, — куда теперь?

Мы стояли с ним под большой березой. Подняв голову, я увидел, что тучи уже затянули полнеба, огромные лиловые тучи, которые надвигались на солнце с запада; было по-прежнему тихо и жарко, но далеко-далеко, там, где тучи сходились с землей, бесшумно сверкнула молния.

— Пойдемте к Костровым, — сказал я и вдруг остановился, задумавшись.

Я представил себе Андрея Николаевича, и Валю, и Вертоградского, страшного, затаившегося Вертоградского. Ведь Костровы беззащитны перед ним. Что если почему-нибудь он догадается, что разоблачен, и захочет на прощание всадить пулю в своего профессора? Днем, пожалуй, он безопасен. Кругом ходят люди, днем ему не убежать и не скрыться. А ночью придется стеречь старика, причем стеречь так, чтобы его ассистент не почувствовал этого. Что делать сейчас? Наметить план действий, решил я, выждать и постараться, чтобы Вертоградский как можно дольше не знал о моих подозрениях... Я зевнул, потянулся и сказал Петру Сергеевичу:

— Ужасно хочется спать. Я думаю, дело не пострадает, если я часов до семи посплю?

— Правильно, — согласился Петр Сергеевич. — Пойдемте, я вас устрою. Поспите, отдохнете, и все будет хорошо.

— У меня к вам только одна просьба, — сказал я. — Хорошо ли заперты все проходы?

— Насчет этого будьте спокойны, — сказал Петр Сергеевич.

— Все-таки, если можно, усильте посты. И потом еще одна просьба: хорошо, если б кто-нибудь пока посидел у Костровых. Ходит тут где-то Якимов, мало ли что...

— А я вас устрою, посты проверю и сам посижу у Костровых, — сказал Петр Сергеевич.

Он уложил меня на ту же постель, на которой я уже спал этой ночью, и ушел. Разумеется, я не собирался спать. Я снова и снова продумывал свое объяснение кражи. И чем больше, чем строже я проверял его, тем стройнее и убедительнее становилась моя гипотеза. Она объясняла всё. Мне даже было удивительно, как я сразу не понял. Самодовольство разбирало меня: я представлял себе, как будет доволен Андрей Николаевич, как одобрительно скажет Шатов, что я работал «быстро и точно», — это была его любимая формула. Я думал и о том, что, наверно, после моей удачи Валя будет не очень скверного мнения обо мне.

Выждав минут пятнадцать, чтобы дать возможность Петру Сергеевичу отойти достаточно далеко, я встал и вышел из землянки.

Пока Петр Сергеевич будет сидеть и сторожить Костровых, мне хотелось самому посмотреть, что за люди остались в отряде. Я поговорил с каким-то стариком, который оказался охотником по профессии, зашел к радисту, страшному болтуну. Найдя неожиданного и внимательного слушателя, мальчишка обрадовался и часа полтора, не переводя дыхания, рассказывал мне обо всех бойцах и командирах отряда.

Если бы я посидел еще несколько часов, я бы знал биографию каждого, но того, что он мне рассказал, было совершенно достаточно. Сведения Петра Сергеевича были точны. Я не подозревал его в том, что он сознательно будет мне лгать, но следователи отлично знают, как может быть неточен самый добросовестный человек.

Я зашел в госпиталь, где лежали трое раненых, и побеседовал с ними. По-видимому, отношение к Якимову и Вертоградскому у всех в отряде было одинаковое. Их обоих хвалили; они держали себя всегда хорошо и в бою показали, что на них положиться можно.

В кухне я поболтал с поварихой, женщиной серьезной на первый взгляд, но оказавшейся невозможной сплетницей.

Постепенно из всех рассказов у меня возникла живая и подробная картина жизни и работы партизанской лаборатории. То, что мне рассказывал Шатов в точных, но общих словах, теперь обросло десятками подробностей, стало видимым и ощутимым бытом. Я как бы вдохнул атмосферу, которой дышали эти годы жители домика на болоте. Я представил себе реально поведение каждого, и надо сказать, что не было ни одной черточки, ни одного даже маленького эпизода, который бы позволял хоть с тенью подозрения отнестись к кому-нибудь из жителей Алеховских болот.

Когда я расстался с поварихой, были уже сумерки. Тучи заволокли все небо. Как всегда перед грозой, лес притих. Петра Сергеевича со мной не было, но я помнил дорогу к Костровым и решил, что дойду и сам.

Тропинка шла вниз, и скоро земля стала хлюпать под моими ногами. Я шел осторожно, глядя под ноги, чтоб случайно не наступить на гадюку. Вероятно, поэтому я пошел неверно. Тропинка подвела меня к огромной луже, через которую было переброшено большое бревно. Я ясно помнил, что ни по какому бревну мы с Петром Сергееви-

чем не шли, остановился и посмотрел вокруг. Заросли осинника обступали меня со всех сторон. Попробуй тут определить свое местоположение! Я вернулся обратно, уже начиная сердиться на непредвиденную задержку.

Тропинка опять пошла вверх. Я решил, что неизбежно приду либо на тот холм, где помещается штаб, либо на тот, где помещается лаборатория. Но я пришел на третий холм, на котором помещались конюшни. Это, собственно, были просто навесы, окруженные земляным валом. В стороне, прямо под открытым небом, поднимая кверху оглобли, стояло штук пятнадцать обыкновенных крестьянских телег. Я остановился, растерянно оглядываясь, и сразу же из конюшни выбежал сердитый старик. На вид ему казалось лет сто, не меньше. При этом за плечами у него болталось ружье, которому было, наверно, лет полтораста. Оно придавало ему очень воинственный вид, и он чувствовал себя с ним вполне уверенно.

— Кто такой? Откуда? — закричал старик. — Зачем ходишь?

При этом он снял ружье с плеча и держал его с таким видом, как будто действительно думал, что оно выстрелит, если спустить курок.

— Спокойно, спокойно, дедушка,— сказал я.— И осторожней с ружьем, а то ведь оно разорвется и покалечит тебя.

— Ну-ну, — сказал старик, — ты меня не пугай! Ты скажи, откуда, каков человек?

— Я из Москвы, — ответил я. — Спрыгнул к вам вчера с неба, по делу к профессору Кострову. Слыхал, может?

— А-а, так это вы насчет кражи прилетели?

Старик сразу подобрел, закинул ружье за спину, подошел и поздоровался со мной за руку. Я объяснил ему, что заблудился, он подтвердил, что действительно у них трудно не заблудиться новому человеку, и предложил меня проводить.

На горизонте одна за другой сверкали молнии. Издалека доносился гром.

— Здоровая гроза будет, — сказал старик. — Зальет нас дождичек этой ночью.

Он рассказал мне дорóгой, что ему отнюдь не сто, а всего восемьдесят семь лет, что он тот старик, который инспектор по качеству, а другой старик, который охот-

ник, — тот постарше будет, хотя тоже еще крепкий мужчина.

Быстро темнело. Старик размышлял вслух:

— Успеть бы мне в конюшню вернуться, а то в темноте тут беда ходить: оступишься — и в грязь...

Теперь я уже узнавал дорогу. Заросли папоротника, по которым вилась тропинка, мне были знакомы.

— Ладно, — сказал я, — отсюда я сам дойду.

Старик обрадовался, простился со мной и бодро зашагал обратно в конюшню.

Я вышел на полянку. Грозно выглядело сейчас небо. Какой-то желтый, мертвенный свет излучали облака. Гром прогремел и стих. Издали, нарастая, приближался шум. Это ветер шел по вершинам деревьев. Он пронесся над моей головой, пригибая и раскачивая длинные ветки, и ушел дальше, а потревоженные деревья стихли снова, напряженно ожидая грозы.

Когда я подходил к крыльцу, на меня упали первые капли дождя.

Глава шестая

ГРОЗА. КОСТРОВ СООБЩАЕТ ВАЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ

I

Встретили меня сдержанно. Андрей Николаевич был, кажется, обижен до глубины души тем, что я до сих пор ничего не открыл. Сердился и Вертоградский — может быть, искренне, а может быть, притворяясь и подражая профессору. Даже Валя была, по-видимому, недовольна.

— У вас, конечно, ничего нового? — ехидно сказал Костров.

Я простодушно объяснил:

— Нет, конечно. Единственно, что я сделал, это послал радиограмму в Москву, просил навести кое-какие справки.

Я внимательно смотрел на Вертоградского. Внешне не было заметно, чтобы его взволновало это сообщение. Костров хмыкнул, а Валя сказала:

— Ваша колбаса уже совсем пересохла, но все-таки придется вам ее съесть.

Она принесла сковороду и тарелку, и я съел без особого аппетита жареную колбасу, которая, наверно, часа четыре назад была вкусной.

Все чаще и чаще ударяли по крыше крупные капли дождя. Необыкновенно быстро темнело. Глядя в окно, я уже с трудом различал силуэты деревьев.

Оттого, что гроза должна была разразиться с минуты на минуту и все никак не разражалась, нервы у всех нас были напряжены, как у человека, который стоит с завязанными глазами, ждет удара и не знает, в какую именно секунду его ударят.

Валя подошла к окну и высунулась наружу.

— Ух, и ливень же будет! — сказала она. — Уж чего-чего, а воды здесь хватает. Если когда-нибудь отсюда вырвусь, поеду жить в Среднюю Азию. Хорошо: песок, сушь, безводье...

— Почему же вы так воду не любите? — спросил я.

— Я люблю газированную с сиропом, — сухо ответила Валя и, забрав пустую сковородку, ушла на кухню.

И тут началось. Взвились занавески. С шумом захлопнулось одно из окон. В лаборатории зазвенело стекло. Сквозняк промчался по комнате. На полянку, на деревья, на маленький домик ринулись потоки воды. На полу под окнами сразу образовались лужи. Косой дождь хлестал в комнату. Мы подбежали к окнам и, борясь с ветром, стали их закрывать. Нас ослепила молния. Казалось, что она ударила где-то совсем рядом, не то в соседнее дерево, не то в пенек под нашим окном. Деревья изгибались под напором ветра. Забурлили ручьи.

— Лаборатория! — закричал Костров. — Там сметет всю посуду!

Вертоградский кинулся в лабораторию. С трудом я закрыл в столовой окна. По стеклам сразу же потекла вода, и в комнате стало еще темнее.

Валя вошла в комнату с керосиновой лампой в руке.

— Какая темень! — сказала она. — Петр Сергеевич, у вас есть спички?

Мы зажгли лампу, и, когда огонек ее разгорелся, за окнами стало темно, как ночью. Вертоградский вышел из лаборатории. Волосы у него были мокрые, и капли воды стекали по лицу.

— Две пробирки разбились, — сказал он. — Ну ничего, скоро у нас много посуды будет.

Валя сняла шерстяной платок, висевший на спинке стула, накинула его на плечи.

— Холодно, — сказала она, поеживаясь, — и неуютно. У нас всегда неуютно в такую погоду.

Петр Сергеевич встал и надвинул на лоб фуражку.

— Придется идти, — сказал он. — Хорошо, что я плащ захватил.

Он снял висевший на гвозде брезентовый плащ и стал надевать его.

— Куда вы? — удивилась Валя. — Вас же зальет.

— Надо, — сказал Петр Сергеевич. — Мало ли что может в такую погоду случиться! Тем более теперь.

Он вышел. Страшно было подумать, как он будет ходить по болотам в темноте. Там и в солнечный день не всюду можно пройти. Вертоградский стоял у окна и барабанил пальцами по стеклу.

— Будем пить чай? — спросила Валя.

— Нет, — сказал Костров. — Не хочется.

Валя беспокойно посмотрела на отца:

— Пойди ляг, папа.

Костров пожал плечами:

— Рано еще. Наверху лампа заправлена?

— Да.

— Пойду почитаю.

— А я, — сказал Вертоградский, — пожалуй, лягу. В такую погоду ничего нет лучше, как лечь и укрыться. Раздеваться не стану, а подремлю одетый.

Он ушел в лабораторию. Медленно поднялся Костров к себе в мезонин, и мы остались с Валей вдвоем.

— Может, все-таки выпьете чаю, Володя? — спросила она.

— Нет, спасибо.

Я сел в качалку и стал раскачиваться. Валя достала с полки коробку с работой и выложила на стол мотки ниток, иголки, куски материи.

— Вышивать будете? — спросил я.

— Нет, чулки штопать.

Иголка неторопливо двигалась в ее руках. Очень уютно и домовито выглядела Валя сейчас, в пуховом платке, склоненная над шитьем, при желтом свете керосиновой лампы.

Снова, прогремев, раскатился по небу гром.

II

Мы долго молчали. За окнами монотонно лил дождь. Даже в комнате было слышно, как шумят и бурлят ручьи между деревьями.

— Может, печку затопить? — спросила Валя. — Хоть сейчас и лето, но в такую погоду приятно.

— Не стоит возиться, — ответил я, и мы опять замолчали.

На кухне заверещал сверчок. Под его песенку я задумался. Мысли мои были не очень веселыми. Никак я не мог найти того верного и точного хода, который должен был разоблачить Вертоградского и заставить его вернуть вакцину. Вот он лежит в постели совсем близко, здесь, за тонкой перегородкой, и, наверно, обдумывает, как ему скрыться, как бы не выдать себя, вспоминает каждую мою фразу, стремясь угадать, догадываюсь я о чем-нибудь или нет. Так же и я сейчас вспоминаю каждую его фразу и каждое его движение.

Валя перебила мои мысли вопросом:

— Как вы стали следователем, Володя?

Я усмехнулся:

— Как обыкновенно становятся кем-нибудь. Частью по влечению, частью случайно.

— А где на следователя учатся?

— Я вот учился на биологическом.

— И только?

— Нет, еще кое-где... Андрей Николаевич все еще на меня сердится, что я с биологического ушел?

Валя усмехнулась:

— А вы все еще его боитесь?

— Я лишних полгода учился на биофаке, чтобы не рассердить его.

Валя откусила нитку и сняла чулок с гриба.

— Только для этого? — спросила она.

— Нет, — сказал я улыбнувшись, — еще, чтобы с вами не расставаться. Я был очень влюблен в вас, Валя.

Снова иголка ходила в крепких и подвижных ее пальцах. Верещал сверчок, за окном монотонно шумел дождь.

— Я помню, — сказала Валя. — Я, правда, была девчонкой, но тоже была в вас влюблена. Мне только было очень обидно, что вы такой белобрысый.

Я не нашелся что ответить и снова стал раскачиваться

в качалке, прислушиваясь к свисту ветра и шуму дождя за окнами. Я посмотрел на часы: было начало одиннадцатого, уже мог прийти ответ из Москвы. Принесут мне радиограмму из штаба или решат подождать до утра? Жалко, я не предупредил, что мне она нужна срочно.

— Что вы на часы смотрите? — спросила Валя.

— Мне должны кое-что принести из штаба, — сказал я и, помолчав, добавил: — Ух, какой дождина!

— Когда вспоминаешь детство, — сказала Валя, — лето представляется одним солнечным днем. Раньше как будто и ненастных дней не было. А теперь вот... — Она помолчала. — Говорят, дожди потому, что война. Вы всему учились, Володя, скажите: может это быть?

— Валя, — спросил я, — Якимов хорошо знал немецкий язык?

— Якимов? — Валя подняла глаза и внимательно на меня посмотрела. — Он переводил что-то папе. Журналы, я видела, читал.

— А вы не видели, чтобы он писал по-немецки?

— Не помню. — Нахмурившись, она минутку подумала. — Нет, не помню.

— Жалко... А насчет дождей очень возможно. Хотя наука этого не подтверждает.

Валя снова склонилась над работой, но через минуту снова подняла на меня глаза:

— Скажите прямо, Володя: может, вам нужно спокойно подумать? Я ведь могу сидеть тихо и не мешать. Мне только не хочется уходить в кухню — там неуютно, огромная печь, горшки, ведра и дождь бьет прямо в окно.

— Сидите, Валя, — сказал я. — Мне приятно, когда вы разговариваете со мной.

— Мне тоже приятно, — сказала Валя. — Мне очень надоело, что не с кем разговаривать.

Когда я смотрел на нее, закутанную в пуховый платок, склонившуюся над шитьем, мне трудно было поверить, что это она скрывалась от немецкой разведки, шла мимо полицейских постов. Очень знакомая девушка сидела передо мной. Та самая, с которой я ходил в театр и подолгу потом разговаривал у крыльца. Та самая, с которой я ехал тогда, весной, в автобусе и которая поцеловала меня так неожиданно. Удивительно мало она изменилась! И можно подумать, что ничего особенного за это время с ней не произошло.

— Не понимаю, — сказал я, — почему вам не с кем было разговаривать? Ну, Якимов был молчальник, но Вертоградский ведь человек веселый, живой...

Валя чуть заметно передернула плечами. Мне даже смешно стало, как люди мало меняются. У нее и прежде была эта привычка передергивать плечами, я отлично помнил.

— С ним вот так, попросту, не поговоришь, — сказала она. И добавила неожиданно: — Я поэтому за него и замуж не пошла.

— Ах, вот как? — сказал я. — Об этом был у вас разговор?

— Был однажды... — неохотно сказала Валя.

— Давно? — спросил я.

— Собственно говоря, два раза: один раз — давно, когда мы только что сюда переехали...

— Ну, а вы тогда что?

— Я отшутилась.

— А второй раз?

— Второй раз — совсем недавно. Позавчера.

— Ну, а вы что?

— Я опять отшутилась.

Наверху скрипнула дверь. По лестнице неторопливо спускался Костров.

III

— Поспал немного? — спросила Валя.

— Я не спал, — хмуро ответил Костров.

— Чаю согреть?

— Согрей.

Валя ушла на кухню. Костров прошелся по комнате, потом взял стул и сел против меня. Я привстал и предложил ему сесть в качалку, но он отрицательно покачал головой. Он был хмур и сосредоточен. Он очень горбился — заметно постарел за эти годы. А может быть, его последние дни согнули? Очень утомленное было у него лицо. Я сидел и ждал, что́ он скажет, но он молчал.

Чтобы начать разговор, я сказал:

— Мы с Валей вспоминали давние времена.

Он пропустил мои слова мимо ушей и заговорил о своем:

— Я не собираюсь вас учить, Владимир Семенович,

но время идет. Быть может, Якимов как раз сейчас пробирается в город. Вы не собираетесь его преследовать?

Я отлично понимал, как его должен был раздражать мой спокойный вид и монотонное покачивание качалки. Как я мог ему объяснить, что именно здесь, в этом доме, я был сейчас нужнее всего! Не мог же я рассказывать ему о своих подозрениях...

Я нагнулся вперед и положил руку старику на колено.

— Андрей Николаевич, — мягко сказал я, — если я сижу здесь, в качалке, то потому только, что ничего другого сейчас нельзя или не следует делать.

Костров утомленно качнул головой. Вряд ли он верил мне, но, наверно, понимал, что спорить со мной не может, и примирился. Он по-стариковски пожевал губами и заговорил негромким, усталым голосом:

— Это не важно, что я работал над вакциной много лет и вся работа моя пошла прахом, но, Владимир Семенович, ведь вакцина уже была создана, ведь где-то в госпиталях лежат люди, которые завтра умрут, а могли бы не умереть! На восстановление вакцины, если не вернуть дневников и ампул, уйдет много времени...

Мучительно было слушать жалобы старика и не иметь возможности хоть чем-нибудь утешить его, хоть как-нибудь намекнуть, что не так безнадежно все, как ему кажется. Очевидно, мне предстояло долго еще слушать его причитания.

— Я все понимаю, Андрей Николаевич, — сказал я, просто чтобы что-нибудь сказать.

Костров кивнул головой. Меня раздражала бесцельность его жалоб, но я приготовился терпеливо их слушать. Должен же был старик кому-нибудь жаловаться! Скоро предстояло мне убедиться, что этот разговор не был так бесцелен, как мне казалось сначала.

Костров сидел, жевал губами, кивал головой. Потом заговорил все так же неторопливо и тихо.

— За мной есть одна вина, — сказал он. — Не могу простить себе...

Я быстро поднял глаза. Нет, конечно же, старик пришел не просто жаловаться и причитать. Тут что-то другое, более важное. Мне пришлось сделать усилие над собой, чтобы не показать, как я заинтересован.

— Какая же вина? — спросил я равнодушным тоном.

— Когда гитлеровцы подходили совсем близко к шта-

бу, — сказал Костров, — и мы в любую минуту могли оказаться в их власти, я решил на всякий случай зашифровать лабораторный дневник. Вероятно, это была ошибка, но я захотел застраховаться от всяких неожиданностей...

Костров молчал. Я достал портсигар и предложил ему папиросу, но он отказался. Я закурил и неторопливо спрятал портсигар. Мне не хотелось, чтобы старик заметил, как я взволнован.

— Ну что ж, — сказал я, — почему вы считаете, что это ошибка? Очень хорошо, что вы зашифровали.

Старик покачал головой:

— Ошибка была в другом. Мне было трудно шифровать одному. Я много работал в это время. Я попросил его мне помочь.

— Кого? — равнодушно спросил я.

— Как «кого»? — Костров с удивлением на меня посмотрел. — Якимова, разумеется!

Полузакрыв глаза, я раскачивался в качалке. Дневник был зашифрован! Это меняло многое. Это, прежде всего, подтверждало одно: дневник мог пригодиться только тому, кто знал шифр. Еще подтверждение того, что не мог похитить дневник человек посторонний. Правда, похититель мог не знать, что дневник зашифрован...

Как будто издали доносились до меня слова Кострова. Он все еще продолжал говорить печально и неторопливо:

— Я сам дал ему в руки все карты. Быть может, я сам навел его на мысль о похищении...

Ох, если бы знал профессор, как мало меня сейчас интересовал вопрос, совершил он ошибку или не совершил!

— Возможно, — рассеянно сказал я.

Но старика, видимо, очень мучила его вина.

— Вы считаете, что я виноват? — спросил он.

Мне некогда было его успокаивать.

— Кроме вас и Якимова, никто не знал шифра?

— Никто.

— Ни один человек? Это совершенно точно?

— Да, ни один человек. Я считал, что шифр должен знать только тот, кто шифрует.

— Поймите меня правильно, — сказал я — Мой вопрос не имеет отношения ни к каким моим подозрениям,

но я должен знать все совершенно точно. Когда вы говорите, что никто не знал, вы разумеете и Валю и Юрия Павловича? Буквально ни один человек?

— Буквально никто, кроме меня и Якимова.

— А кто знал, что дневник зашифрован?

— Это мы ни от кого не скрывали. — Он опять помолчал немного и продолжал: — И вот видите, к чему это привело! Уж, кажется, старался от всех оградить...

— Давайте условимся, — прервал я его: — пока что никто из нас не знает, что к чему привело.

Боюсь, что в голосе моем звучало некоторое раздражение, но старик этого не заметил.

— Думать, что ко мне подделывался человек, — говорил он, — с которым я вместе работал, прожил самое тяжелое время, делился всеми мыслями...

Я заставил себя не слушать Кострова. Значит, Вертоградский не знал шифра, рассуждал я. Его знал один Якимов. Но Вертоградский знал, что дневник зашифрован. Значит, убить Якимова он не мог. А представить себе, что он один набросился на Якимова здесь, у самого дома, в котором сидят Андрей Николаевич и Валя, и, не боясь шума и криков, ухитрился связать его, заткнуть ему рот, унести куда-то и спрятать, абсолютно невозможно.

Нет, по-видимому, я совершил ошибку, которую часто совершают следователи. Я отказался от самой вероятной возможности, которая была ясна всем. Я отказался от простой и ясной мысли, что вакцину похитил Якимов. Как будто из духа противоречия, я создал сложное и неубедительное построение и упорно держался за него, вопреки фактам и логике.

Как это часто бывает, истина заключалась не в сложном, а в простом: именно Якимов похитил дневник и вакцину.

Когда позже, уже в Москве, я возвращался мысленно к истории розыска вакцины Кострова, когда я перебирал в памяти этапы следствия, оно представлялось мне цепью сомнений, длинным рядом различных, подчас противоречивых, предположений, блужданием в темноте, и яснее всего я вспоминал чувство неуверенности, владевшее мною в течение всей первой половины следствия.

Итак, Якимов — единственный, для кого преступление могло иметь смысл. Какого же дьявола я все это время

продумывал всякие варианты и упустил самый простой, самый естественный — тот, который был ясен и Кострову, и Вале, и Петру Сергеевичу! Что заставило меня так решительно от него отказаться? Только история с запиской? Конечно, случайность маловероятная. Но ведь бывают же всякие случайности. Легче допустить удивительное сцепление обстоятельств, чем полную бессмысленность преступления...

— ...Я кажусь себе бесконечно неосмотрительным, — продолжал говорить Костров, по-видимому предполагая, что я его слушаю. — Самое важное, что я в своей жизни сделал, украдено. Что делать? Что делать, Старичков?..

Но готический шрифт? Зачем Якимов писал записку готическим шрифтом? Как бы я ни старался обойти это обстоятельство, оно снова напоминало о себе. Одна эта маленькая нелепость разрушала все стройное и ясное объяснение.

— Андрей Николаевич, — сказал я, — вы и раньше переписывались с Якимовым по-немецки?

Костров посмотрел на меня с удивлением:

— Нет. Зачем?

— Так что вы никогда не видели какого-нибудь его письма, записи — словом, написанного им немецкого текста?

— Нет, конечно, видел: он делал для меня когда-то выписки из немецких журналов, приводил цитаты.

— И он всегда писал готической прописью?

— Готической? — Костров посмотрел на меня растерянно: по-видимому, он впервые обратил внимание на это обстоятельство.

— Нет, — сказал он. — Дайте вспомнить... Конечно, нет. Я обратил бы на это внимание. Он писал обыкновенными латинскими буквами...

Я встал с качалки и подошел к окну. Дождь не стихал. Потоки воды стекали по стеклам. Но молния сверкала реже. Глухая, беспросветная темнота была вокруг дома. В темноте этой было слышно, как воет ветер, шумят деревья, бурлят ручьи и бьет дождь по крыше и в стекла.

Прошли уже почти сутки с тех пор, как я здесь. Неужели действительно я еще ни на один шаг не приблизился к разрешению задачи? На секунду уныние охвати-

ло меня. Время идет, я не успеваю за временем. Еще день, еще ночь — и преступник скроется, обманув посты. И придется мне возвращаться в Москву, ничего не добившись...

Валя вошла в комнату с чайником.

— Дождь все сильнее, — сказала она. — На кухне так завывает в трубе...

— Да, — сказал я. — Не завидую тому, кто в лесу.

Вертоградский, зевая и потягиваясь, вышел из лаборатории.

— Чай! — сказал он. — Какая благодать! Я спал, и мне снилось, что я подставляю стакан под носик чайника. Чай все льется и льется, как этот дождь, а пить нельзя, потому что стакан без дна... Простите меня, я налью себе сам.

Он налил себе в стакан чаю и с наслаждением отпил.

— Выспались, Юрий Павлович? — спросил Костров; он тоже подсел к столу.

— Отлично отдохнул! — тряхнув головой, сказал Вертоградский. — И всё такие веселые сны снились. Будто вернулся Якимов, извинился, объяснил, что произошло недоразумение, и все возвратил.

Валя разлила чай по стаканам.

— Всегда вы, Юра, несете вздор! — сказала она раздраженно. Пододвинула стакан отцу и позвала меня: — Садитесь пить чай, Володя.

— Мне и вы снились, Владимир Семенович, — добродушно улыбаясь, сказал Вертоградский.

— Что же я делал во сне? — спросил я.

— Охота вам его слушать! — сказала Валя сердито.

Она подошла к окну и стояла, вглядываясь в темноту, поеживаясь под пуховым платком.

Вертоградский с наслаждением пил чай и болтал.

— Вы мрачный человек, Валя, — говорил он. — Берите пример с меня.

— Когда я подумаю, — сказала Валя, — что, может быть, вокруг дома ходит Якимов, такой привычный и такой невероятно чужой... Как будто сидела за столом с близким человеком, а он...

Она вскрикнула и отбежала от окна. Кто-то отчетливо и громко постучал в стекло.

Мы все вскочили. Я распахнул окно и высунулся наружу. Дождь и ветер ворвались в комнату. Огонь в лампе заколебался. Меня окатило водой, как будто кто-то

из ведра плеснул на меня. Под окном стоял Петр Сергеевич в брезентовом плаще с поднятым капюшоном, и капли дождя текли по его лицу.

— Мне тебя, Старичков, — сказал он.

— Сейчас открою.

Я закрыл окно и, выйдя на кухню, отпер дверь. Петр Сергеевич вошел. Сразу же с плаща его натекла на пол большая лужа.

— Что случилось? — спросил я.

— Понимаешь, Старичков, — заговорил Петр Сергеевич, — нехорошее дело... Обоз я сегодня решил не посылать, дать лошадям отдохнуть. Часиков в десять пошел проверить, укрыты ли лошади от дождя. Оказалось, одной лошади не хватает.

Сзади скрипнула дверь. Мы обернулись. Костров, Вертоградский и Валя стояли в дверях. Петр Сергеевич замялся, но сразу махнул рукой.

— А, что тут секретничать! — сказал он. — Пересчитали телеги — и телеги одной нет. Тогда я велел обзвонить посты. Стали звонить, а связь нарушена. Я послал проверить линии. На всех линиях провода перерезаны.

— Оборваны или перерезаны? — спросил я.

— Перерезаны. И больших кусков не хватает.

— У тебя же конюх лошадей стережет, — сказал я. — Он что ж, не видел, как у него коня и телегу украли?

— Да ну его! — Петр Сергеевич нахмурился. — Что с него возьмешь! Дряхлый старик. Залез в землянку, печку топил, кости грел...

— Колея должна остаться.

— Поди проследи! Все дороги водой залиты.

— Посты проверил?

— Проверил. Сразу послал связистов линии восстановить. Посты сообщают — никто не проезжал. И, знаешь, Старичков, — Петр Сергеевич понизил голос, — это меня больше всего беспокоит. Если бы что-нибудь уже случилось... Все тихо, а что-то готовится.

Это же чувство со все большей силой овладевало мной. Что-то готовилось! Неужели я совершил грубую ошибку и вместо того, чтобы сидеть здесь, карауля Вертоградского, мне нужно было все эти сутки неутомимо обшаривать болото?

— Люди все налицо? — спросил я.

— До утра не проверишь, всех не обойдешь.

— Зайдите в комнату, — сказала Валя, — хоть чаю выпейте.

— Какой там чай! — Петр Сергеевич достал платок, вытер мокрое от дождя лицо и все-таки прошел в комнату.

Валя налила ему чаю, и он стал пить, дуя и обжигаясь. О чем-то спрашивал его Костров, что-то говорил Вертоградский, кажется, Валя советовала обмотать шею шарфом, — я плохо слышал, о чем они говорят. Я шагал по комнате и рассеянно улыбался, делая вид, что прислушиваюсь к разговору. Я думал лишь об одном: что происходит сейчас на болоте?

Глава седьмая

ЛИЦО В ОКНЕ

I

— Что я мог сказать себе в оправдание? Решив, что преступником может быть только Якимов или Вертоградский, я упустил из виду, что преступление мог совершить кто-то третий. То, что похищены предметы, ценность которых может быть ясна только для специалиста или, во всяком случае, для человека, находящегося в курсе работ Кострова, заставило меня искать преступника непременно в узком кругу ближайшего окружения профессора. Пропажа телеги многое объяснила. Уже раньше я понял, что Якимов жив, но теперь я знал точно: он жертва, а не преступник. Телега могла понадобиться только для того, чтобы увезти с Алеховских болот плененного, связанного Якимова — единственного человека, знавшего шифр.

Вертоградский сидит здесь, — значит, кто-то другой пытается сейчас пробраться мимо постов. Кто? И вдруг меня осенило. Я знаю кто: Грибков!..

Еще не успев привести самому себе никаких доказательств его виновности, я уже ясно понял, что это он гонит сейчас по размытым дорогам лошадь, везущую телегу со связанным Якимовым. Грибков! Тот, кто был наверху, в мезонине, когда появилась записка Якимова. Я вспомнил дюжего плотника с ящиками на плечах. Конечно, странно представить, что он знает немецкий язык настолько хорошо, чтобы уметь писать старым готическим

шрифтом. Что ж, это только значит, что он не случайный преступник, а специально присланный человек.

Много еще мыслей приходило мне в голову, но некогда было продумать их до конца. Сквозь вой ветра и шум дождя до нас донесся отчетливый выстрел.

II

В комнате сразу стало тихо.

— Одиночный, — сказал Петр Сергеевич. — Из автомата.

— Где-то близко, — сказал Вертоградский.

Петр Сергеевич уже натягивал капюшон на голову:

— Пошли.

Он направился к двери.

В это время раздался отчаянный крик Вали:

— Стойте!

Она стояла бледная, с широко открытыми, испуганными глазами и пальцем показывала на окно. Я повернулся. Снаружи прижалось к стеклу лицо. Нос был расплюснут стеклом, и от этого лицо казалось лишенным всякого выражения, точно в окно заглядывала белая маска.

Вероятно, секунду мы все стояли не двигаясь. Потом я услышал высокий, захлебывающийся голос Кострова:

— Якимов!

Я бросился к окну. Раздалась короткая автоматная очередь. Лицо исчезло.

— Гасите свет! — крикнул я и, распахнув окно, выпрыгнул наружу.

Очень неприятно почувствовать под ногами человеческое, может быть еще живое, тело. Я отскочил в сторону. Свет в окне погас, Валя задула лампу. Я зажег фонарь, и белый его луч скользнул по человеку, распростертому на земле. Я наклонился. Человек дышал. Он смотрел на меня мутными, невидящими глазами и старался что-то сказать, но дыхание прерывалось и губы шевелились беззвучно.

— Жив? — спросили меня.

Я обернулся. Рядом со мной стоял Вертоградский. Не дожидаясь ответа, он наклонился над телом.

— Якимов! — сказал он. — Якимов, голубчик, ты жив?

Глаза Якимова оживились. Тело вытянулось, и рот открылся, он пытался что-то сказать. Он дышал хрипло; судорога сотрясала его тело.

— Ну что ты, что ты... — растерянно повторял Вертоградский. Он обхватил Якимова за плечи, стараясь его приподнять. — Ну что ты, чудак человек?

Дождь хлестал, заливая живого или мертвого Якимова. Ветер выл и слепил глаза. Деревья шумно раскачивались.

— Перенесем его в дом. Беритесь за ноги, — сказал я Вертоградскому.

Только сейчас я заметил, что вокруг меня стоят и Петр Сергеевич, и Костров, и Валя. Черная стена темноты была совсем близко. За каким деревом прятался человек, уже пустивший одну смертельную пулю?

— Зачем вы вышли из дому? — резко сказал я. — Сейчас же обратно!.. Валя, ведите Андрея Николаевича.

Теснясь и шаркая ногами, мешая друг другу, мы внесли Якимова в дом.

— Сейчас зажгу лампу, — сказала Валя.

— Подождите, прежде занавесим окна.

Одно окно было еще распахнуто настежь. Когда мы плотно закрыли раму, в комнате сразу стало тише. Только сейчас я понял, как шумел ветер и дождь.

Валя притащила два одеяла, и окна были кое-как занавешены. Костров наклонился над Якимовым. Он лежал неподвижный, страшный. Когда Валя зажгла лампу, стали видны неживые, закатившиеся глаза.

— Ну? — спросил я.

Мы все стояли теперь вокруг и ждали, что скажет Костров.

Костров медленно поднялся:

— Мертв.

Он отошел в сторону.

— Он узнал меня, — сказал Вертоградский.

— Да, — мягко сказал Костров, — он хотел протянуть к вам руку. Я видел, у него не хватило сил.

Вертоградский всхлипнул и отвернулся.

— Я побегу, — сказал Петр Сергеевич. — Может быть, мы его нагоним. Он не мог далеко убежать... Вы пойдете с нами?

Я на секунду задумался. Оставить Костровых? Я сразу решился:

— Нет, я буду здесь.

— Вы могли бы помочь... — неуверенно протянул Петр Сергеевич.

— Чтобы у меня тут пока Кострова убили? Никуда я отсюда не выйду.

— Владимир Семенович, — сказал Вертоградский, — нас трое, и мы вооружены.

— Будь вас хоть десять — за Кострова отвечаю я.

Петр Сергеевич, кажется, был не очень доволен моим решением. Вероятно, он даже думал, что я побаиваюсь выходить из-под защиты бревенчатых стен в лес, где из-за каждого куста может вылететь пуля. Но он только пожал плечами, вложил наган в кобуру, вытер платком мокрое от дождя лицо и пошел к двери. В дверях он остановился.

— Чуть не забыл! — сказал он. — Вам радиограмма из Москвы.

Он протянул мне листок бумаги и вышел.

Отойдя к лампе, я быстро проглядел обстоятельное и дружеское послание Шатова. Шатов сообщал, что Якимов действительно учился у Кострова, а до этого — в том же городе, в 9-й трудовой школе первой и второй ступени. Это подтверждают свидетели, которых удалось найти в Москве. Вертоградский учился в Московском университете и, по справке деканата биологического факультета, закончил его в 1935 году. Поступил он в университет в 1930 году, предъявил аттестат об окончании 13-й Калининской средней школы. Проверить подлинность аттестата в Калинине не удалось, так как архивы сожжены перед занятием города немцами. В заключение Шатов желал успеха и обещал любую необходимую помощь.

Но я полагал, что помощь мне не понадобится. Я надеялся, что справлюсь как-нибудь сам.

III

Мы с Вертоградским вынесли труп Якимова в лабораторию и положили его на стол, убрав сначала химическую посуду. Я попросил Валю зажечь лампу. Я ждал. Я не хотел начинать осмотра, пока не останусь один. Костров подошел ко мне.

— Вероятно, это жестоко, Владимир Семенович, — сказал он, — человек только что умер... Но мы не имеем права пренебрегать ничем. Вы осмотрели его карманы? Может быть, там дневник и вакцина?

Боюсь, что я ответил несколько резко. Я попросил

старика не мешать мне и обещал, что после осмотра сам сообщу ему то, что может его интересовать.

После этого я выставил всех из комнаты и наконец остался один.

Якимов лежал передо мной на столе, когда-то высокий, большой человек, с широкими плечами и большими, грубыми руками. Таким я себе и представлял его по рассказам; такой он и должен был быть, этот молчаливый, немного угрюмый ученый, добросовестный и аккуратный в работе. Вероятно, он был из крестьян. Я осмотрел одежду; она была выпачкана в грязи и промокла насквозь. Брюки и гимнастерка порвались во многих местах. Грязь просачивалась сквозь верхнюю одежду, грязь была на белье и на теле — Якимов долго лежал в грязи. В кармане был портсигар с пятнадцатью папиросами марки «Беломорканал». Всего могло в нем поместиться шестнадцать. На столике у кровати Якимова лежала открытая пачка «Беломорканала». Я пересчитал в ней папиросы: их было восемь. Естественно было предположить, что перед тем, как выйти погулять, он шестнадцать папирос положил в портсигар, а семнадцатую сунул в рот. Значит, за время прогулки он выкурил две папиросы. И, значит, после этого он не курил двое суток. Немыслимая вещь для курильщика, имеющего папиросы в кармане. Почти наверное у него были связаны руки. Если не считать зажигалки, больше в карманах ничего не было. На Алеховских болотах ни деньги, ни документы понадобиться не могли.

Я осмотрел руки и ноги. Следы веревок были ясно видны. Руки были натерты до крови. На ногах образовались кровоподтеки. Да, уж конечно, он никак не мог достать папиросу. Он долго лежал связанный и, видимо, все время пытался освободиться. Лицо, руки, все тело были покрыты царапинами. Царапины могли появиться, когда он ворочался на земле, пытаясь порвать веревки, или когда, сбежав, пробирался через лес и кустарник. А может быть, это следы борьбы? На него набросились, его связали, он сопротивлялся. Если бы его оглушили внезапным ударом, остались бы следы. Я осмотрел голову очень тщательно: только царапины и синяки. Я извлек пулю. Она вошла со спины и, пробив тело почти навылет, застряла под кожей груди. Пуля была от обыкновенного русского автомата. В дальнейшем в лабора-

тории определят дуло, из которого ее выпустили. Я спрятал ее. В сущности говоря, осмотр был закончен. Но мне хотелось еще раз проверить свои выводы.

Значит, Якимов был не преступник, а жертва, — это не требовало больше доказательств. Он вышел погулять, выкурил одну папиросу и закурил вторую. Он ходил под открытым настежь окном лаборатории. За окном только что заснул Вертоградский. В это время на Якимова набросились. Он был сильный, здоровый человек. Конечно, он жестоко сопротивлялся. Трудно представить себе силача, который один мог бы осилить и связать Якимова, не дав ему даже крикнуть. Значит, нападавших было по меньшей мере двое. Один, предположим, Грибков — он высокий, здоровый человек. Кто же второй? Я старался рассуждать так точно и убедительно, как если бы я говорил перед судьями, требующими бесспорных доказательств.

Людям, пришедшим со стороны, подкравшимся, прячась за стволами деревьев, не могло быть известно, заснул Вертоградский или еще не заснул. Они должны были допустить возможность если не крика, то, во всяком случае, шума борьбы, случайных звуков, треска ветвей. Но люди, напавшие на Якимова, знали, что Вертоградского бояться нечего. Участвовал или не участвовал в нападении Вертоградский, нападение было совершено с его ведома и согласия. А может быть, одним из двух преступников был Вертоградский.

Итак, на Якимова напали, ему завязали рот, скрутили руки и ноги и унесли его в убежище на болоте. Все очень логично. Вакцина и дневники не представляют ценности без Якимова, потому что дневники зашифрованы и шифр знает только он один. Но вот борьба окончена, связанный Якимов лежит на траве. Вертоградский входит в лабораторию с ключом, вынутым у Якимова из кармана. Он достает маленькую коробочку и черную коленкоровую тетрадь и передает их своему соучастнику прямо через окно. Теперь осталось унести и спрятать Якимова. Соучастник сделает это один. Если это был Грибков, ему нетрудно — я видел, как он тащил на спине три больших ящика. Взвалив на себя связанного Якимова, он исчез в темноте между деревьями. Вертоградский внимательно осмотрел себя, счистил приставшую грязь, снял запутав-

шуюся в волосах веточку, поглядел в зеркало. Теперь он ляжет в постель и заснет или притворится спящим...

Остается вторая часть задачи: надо вывезти Якимова с болот. Может быть, преступники думали, что теперь, когда Махова и боевой части отряда нет на болотах, дисциплина ослабеет, посты будут менее бдительны и пройти мимо них окажется нетрудно. Грибков — допустим, что это Грибков, — попробовал пройти в ту же ночь, но вызвал окрик: на постах не дремали. Может быть, были совершены еще попытки, о которых мы ничего не знаем. Так или иначе, первая ночь была упущена. На следующую ночь прилетел я. Стало ясно, что не сегодня-завтра, как только станет немного больше людей, болото будет прочесано. Наступает третья ночь. Гроза, дождь, темень — самая удобная погода для бегства. По залитым водой, размытым, скользким дорогам невозможно пройти, неся на спине человека. Поэтому понадобилась телега и лошадь. Тут, в решающую минуту, Якимов бежал.

Все до конца было ясно, кроме одной подробности, самой существенной: где находятся дневник и вакцина?

Теперь менялся характер моей задачи: не раскрытие преступления, а поиски вакцины и дневника — вот что становилось главным и самым важным.

Я прислушался. Из-за двери доносились голоса: Костровы и Вертоградский взволнованно обсуждали события. Можно было, конечно, открыть дверь и, подойдя к Вертоградскому, сказать: «Юрий Павлович, вы арестованы».

Я уже положил руку на кобуру. Это было так соблазнительно просто и эффектно: войти, вынуть наган... Я представил себе, что будет делать этот высокий, красивый, самоуверенный человек. Наверно, начнет возмущаться, а может быть, пожмет плечами и скажет: «С ума вы сошли! Впрочем, я понимаю, такая уж ваша профессия...»

В общем, все равно, как он стал бы себя вести. Он может спокойно болтать с профессором на любую интересующую его тему, он не будет сейчас арестован. Хорош буду я, если, погнавшись за легкими лаврами, упущу открытие Андрея Николаевича! Вертоградский упрется: «Знать ничего не знаю, ведать не ведаю». Если на этих болотах человека и то найти трудно, так попробуй найди коробочку и тетрадь. Все дупла не пересмотришь, все

кочки не перероешь. Пусть сидит пока, пусть разговаривает с профессором...

На цыпочках я подкрался к двери. Мне хотелось послушать, о чем они говорят.

Говорила Валя:

— Как страшно было думать о нем час назад! Казалось, что он ходит вокруг... А теперь он лежит там, и все равно страшно. Все равно, кто-то ходит вокруг, прячется за деревьями или забился в нору.

— Он писал, что не может меня убить, — устало сказал Костров. — Зачем же он приходил?

Я слышал шаги Вертоградского. Юрий Павлович ходил по комнате взад и вперед, потом заговорил растроганным голосом. Мне его интонации казались деланными и фальшивыми. Но, вероятно, для других слова его звучали трогательно.

— Мне не хочется думать о том скверном, что он сделал, — говорил Вертоградский. — Я все только вспоминаю, как он протянул руку и позвал меня...

— Не за этим же он приходил! — хмуро сказала Валя.

Как видно, слова Вертоградского ее не растрогали.

— Пусть он был виноват, — продолжал Вертоградский, — но раз он пришел, значит, раскаялся. Хорошо, он был слабый человек. Он попался в фашистскую ловушку и не сумел найти выхода. Но он мучился и все-таки на самое страшное не пошел.

— Я не понимаю, — сказала Валя. — Вы говорите все время о Якимове. Якимов убит. Кто его убил? Кого сейчас ищут?

Вертоградский усмехнулся:

— Вы еще не догадываетесь, Валя?

— Лично я не понимаю ничего, — сказал Костров.

— Попробую вам объяснить, — сказал Вертоградский. — Представьте себе, что каким-то образом, совершенно не знаю каким, Якимов оказался в руках немецкой разведки. Может быть, он совершил какую-нибудь глупость, которой его шантажировали. Шаг за шагом, пугаясь ответственности, увязая все глубже, он наконец чувствует, что выпутаться не может. Я не оправдываю его, я просто пытаюсь себе представить, как было дело. Во всем остальном он человек как человек. Он любит и уважает вас, Андрей Николаевич, любит Валю, друже-

ски относится ко мне. Но он бессилен что-либо изменить. Вы заметили, как мрачен он был последнее время? Наверно, ему нелегко было. От него требовали вакцину. Откуда-то приходил человек, назвавший себя Ивановым или Петровым, хотя фамилия его была Шульц или Шварке. Они встречались в лесу, и Шульц или Шварке говорил ему: «Если вы сегодня ночью не сделаете этого, вы погибнете. Через неделю будет поздно, вакцину увезут. Действуйте этой ночью»...

Вертоградский помолчал. В столовой было тихо, его слушали внимательно.

— И вот, в отчаянии, в растерянности, — продолжал Вертоградский, — он крадет вакцину и пишет вам прощальное письмо. Что происходит дальше?

Я не выдержал, открыл дверь и вошел в комнату. Вертоградский повернулся ко мне:

— Я рассказываю, Владимир Семенович, свою версию происшедшего.

Я кивнул головой:

— Очень интересно. Продолжайте, пожалуйста.

Вертоградский поднял глаза кверху и задумался. Несомненно, он сам увлекся своим рассказом.

— Наступает день, — сказал он. — Якимов прячется где-то в лесу. Он пришел в себя. Он плачет, когда вспоминает вас, Андрей Николаевич. Стыд мучит его, ужас перед встречей с вами, невозможность посмотреть вам в глаза. Ночью Шульц или Шварке перерезает провода, чтобы Петр Сергеевич не успел предупредить посты, и похищает телегу с лошадью. Вдвоем с Якимовым они ночью проберутся мимо постов. Утром они будут в городе, и Якимов на всю жизнь свяжет себя с людьми, которых он ненавидит и боится. И тут, в последнюю минуту, в Якимове просыпается все, что в нем есть еще хорошего.

Очень ясно я вижу эту сцену. Двое под ливнем, в темном лесу. Приглушенные голоса, угрозы, спор, ссора... Но сейчас он уже ничего не боится, он решает прийти и во всем признаться. Он бежит от Шульца. Как страшна эта погоня! Оба двигаются медленно. Грязь доходит до колен, оба натыкаются на деревья, дождь заливает глаза... Впрочем, тьма была такая, что все равно ничего не видно. И только одна мысль: «Добежать!» Он слышит за своей спиной хлюпающие шаги преследователя...

И вот наконец окно в лесу, такое бесконечно знако-

мое. Окно, за которым друзья. Сзади свистит пуля. Но он уже у окна, он видит всех нас. Он так задыхается, что не может крикнуть нам: «Помогите!» Но он добежал. Сейчас он будет среди друзей... И тут вторая пуля. Минута страшной тоски оттого, что он умирает предателем, непрощенным. Он видит меня. Он протягивает мне руку, чтобы проститься, но рука падает, не дотянувшись. Смерть...

Вертоградский знал, когда надо кончить. Он замолчал; у него даже выступил пот на лбу.

На Кострова и Валю рассказ, кажется, произвел впечатление. Они сидели, не двигаясь. Костров закрыл рукой лицо. Действительно, картина нарисована была мастерски. Мне захотелось испортить эффект.

— Вздор, — сказал я негромко. — Совершенный вздор! Вы были бы прекрасным адвокатом, но следователь вы никудышный.

Все трое повернулись ко мне. У Вертоградского было огорченное и заинтересованное лицо.

— Почему? — спросил он. — Ведь, кажется, совпадают все факты.

— Я сейчас вымою руки, — сказал я, — и потом объясню вам, почему это вздор.

Глава восьмая

ПОДВИГ ВЕРТОГРАДСКОГО

I

Я тщательно вымыл в кухне руки, повесил полотенце на гвоздик и вернулся в комнату. Костровы и Вертоградский ждали меня с нетерпением. Я еще раз окинул Вертоградского взглядом. Я отлично чувствовал внутреннее его напряжение. Внешне он был спокоен и хладнокровен.

Где-то в лесу сейчас шла погоня за одним из преступников, там надо было выследить, окружить, нагнать. Такая же погоня должна была начаться здесь, в комнате. Только здесь шло состязание не в быстроте, не в зоркости глаза, не в физической силе, а в нервах, выдержке, логике.

— Ну? — спросил Костров.

— Все было не так, как говорил Юрий Павлович, — начал я. — То есть кое-что было так: была погоня, было окно в лесу, была надежда спастись, а все остальное происходило совершенно иначе.

— Как же могло быть иначе? — спросил Вертоградский. — Ведь Якимов украл? Ведь Якимов скрывался?

— Вздор, — повторил я, — совершенный вздор! — Я подошел к Вертоградскому вплотную и сказал, глядя прямо ему в глаза: — Не Якимов украл, а Якимова похитили. Не Якимов скрывался, а Якимова скрывали. Он бежал сюда, чтобы спастись.

Я говорил тихо и очень многозначительно. Мне кажется, Вертоградский ждал, что сейчас я добавлю: «И похитили Якимова вы, Юрий Павлович». Он держался великолепно, но тень промелькнула в его глазах — легкая тень испуга. Я не собирался открывать свои карты, пока вакцина еще не в моих руках. Я отвел глаза от Вертоградского.

— Он боролся за вашу вакцину, Андрей Николаевич.

Костров встал со стула. Он был очень взволнован.

— Если это так, Владимир Семенович...

— Это так, — перебил я его, — тогда что?

— Если это так, — Костров развел руками, — значит, мы очень виноваты перед ним.

— Счастье, если бы это было так, — задумчиво проговорил Вертоградский. — Но какие у вас основания?

Не сумею объяснить, каким образом, но я совершенно точно чувствовал, что́ он переживает. Я знал, что он внутренне себя успокаивает. Он говорит себе: «Нет, мне только показалось, что Старичков знает всё, — Старичков ни о чем не догадывается».

Меня это совершенно устраивало. Я хотел, чтобы он то впадал в отчаяние, то вновь обретал уверенность. Я должен был измотать его. Измотать так, чтобы он сам признался, чтобы он выдал мне себя, чтобы он сам указал, где вакцина.

— Руки! — сказал я. — Его руки. Они были связаны не час и не два — сутки или больше, так они затекли. На ногах у него раны от веревок.

Конечно, Вертоградскому очень хотелось узнать во всех подробностях мои выводы. Он обязательно должен был знать, до какой степени далек я от правды или до какой степени близок к ней. Но он промолчал, понимая,

что все равно Андрей Николаевич или Валя расспросят меня обо всех подробностях.

— Но кто же его держал связанным? — спросил Костров.

— Тот, о ком говорил Вертоградский, — ответил я. — Шульц, или Шварке, или как там его зовут. Не верьте в эту святую легенду о запутавшихся и слабых. Есть шпионы, и есть честные люди.

Теперь Вертоградский решил сам задать вопрос. Он понимал, что не расспрашивать тоже неестественно с его стороны.

— Но где же этот Шульц? — спросил он. — Надо его искать.

Я не ответил. Повернувшись к Кострову, я сказал:

— Андрей Николаевич, я прошу вас и Валю подняться наверх, плотно занавесить окно и лечь отдохнуть.

— Я не смогу отдыхать, Владимир Семенович, — сказал Костров.

— Надо, Андрей Николаевич!

Я говорил резко и категорически. Я хотел, чтобы Вертоградский понял, что я нарочно усылаю Костровых, что я хочу остаться наедине с ним. Пусть он опять насторожится, пусть ждет новой атаки. Я не хотел давать ему передышки. Пусть он будет все время в напряжении.

— Валя, — командовал я, — ведите отца наверх. Я не могу вам позволить сидеть внизу, когда здесь каждый угол простреливается из окон.

Пожав плечами, Костров побрел по лестнице вверх. Валя шла за ним. Я молча провожал их взглядом, пока они не поднялись в мезонин и не закрыли дверь. Я хотел, чтобы Вертоградский чувствовал, что предстоит серьезный разговор наедине.

Когда дверь в мезонин закрылась, я круто повернулся к Вертоградскому. Он зевнул чуть более спокойно, чем это было бы естественно.

— Вы не выспались, Юрий Павлович? — спросил я лениво. — Давайте, может, чаю попьем?

— С удовольствием! — радостно сказал Вертоградский; у него опять отлегло от сердца. — Чайник остыл. Подогреем?

— Ничего, если крепкий, выпьем и так. — Я попробовал чайник. — Он еще теплый.

Я разлил чай, и мы сели друг против друга, оба спо-

койные и немного ленивые, словно два приятеля собрались поскучать вечерком.

— Мы, сибиряки, любим чай, — сказал я. — Вы не из наших краев, случайно?

— Тверяк, — сказал Вертоградский.

— Никогда в Калинине не был. Хороший город?

Вертоградский отхлебнул чаю.

— Мне нравится. — Он откинулся на спинку стула и вытянул ноги. Всем своим видом он показывал полное благодушие и довольство. Если он и переигрывал, то разве самую чуточку. — Не знаю, конечно, — добавил он, — что с ним немцы сделали.

— Там и учились? — спросил я.

Вертоградский зевнул:

— Среднюю школу там кончал.

Должно быть, он в уме повторял свои биографические данные, чтобы не сбиться при быстром опросе. Я тоже зевнул.

— А я в Иркутске учился, — сказал я. — Старинный купеческий город. Отец у меня в гимназии преподавал. Математику.

На всякий случай Вертоградский предупредил мои вопросы:

— Я уж стал забывать Калинин. Не был там с тех самых пор, как школу кончил.

— У меня приятель есть из Калинина, — вспомнил я. — Вы в какой школе учились?

— В тринадцатой полной средней.

Я усмехнулся:

— Положим, я не знаю, в какой он школе учился. Сеня Сапожников, не слыхали?

— Нет. Он тоже следователь?

— Инженер.

Теперь я хотел, чтобы Вертоградский успокоился. Пусть он решит снова, что ему только показалось, будто я его собираюсь допрашивать. Пусть он поругает себя за излишнюю мнительность.

— Это я только сдуру таким невеселым делом занялся, — продолжал я. — Ни поспать, ни поесть. — Я встал и потянулся. — Спать хочется смертельно, а работы еще до самого утра! Надо писать протокол осмотра. Придется вам одному поскучать.

Я пошел к лаборатории, но в дверях задержался.

— Вы знаете, Юрий Павлович, — сказал я дружески, — придется вас попросить не спать. Мало ли что может случиться. Сами понимаете, какая сейчас обстановка. Надо беречь старика.

— Конечно, конечно, — охотно согласился Вертоградский. — Можете быть спокойны, с места не сойду.

Я кивнул ему головой и закрыл за собою дверь.

II

Вероятно, я сделал ошибку, оставив Вертоградского одного, но в ту минуту я рассуждал так: пусть Вертоградский побудет один. Пусть он без помех вспоминает разговор со мной, объясняет и истолковывает мои слова, мои интонации, выражение моего лица. То ему будет казаться, что я знаю все, что в любую минуту могу его разоблачить, то, наоборот, что я ничего не знаю, что все это только его мнительность, его излишне возбужденные нервы. Пусть думает Вертоградский и передумывает. От таких мыслей люди становятся еще мнительней, еще неуверенней.

Закрыв за собой дверь, я сел и закурил. Меня поразила тишина. Как-то вдруг я ее услышал и сначала даже не понял, в чем дело. Дождь перестал, и стих ветер. Я открыл окно. С листьев и с крыши одна за другой ритмично падали капли. С водостока они с громким плеском падали в лужу. Падая с деревьев, они ударялись о мокрую травянистую землю, и звук у них был совершенно другой. Раз за разом они повторяли одну и ту же мелодию. Лес спокойно отдыхал от потоков дождя, от свиста ветра. Мелодия, которую выстукивали капли, была такая простая и радостная, как будто лес и земля сложили ее в честь тишины и покоя.

Начинало светать. Наступал тот неуловимый момент, когда ночь переходит в утро, когда ничто, кажется, не меняется, но, незаметно для глаза, отчетливее становятся контуры предметов, черный цвет неуловимо переходит в серый, и постепенно выступают из темноты не только линии, но и краски предметов. Тучи ушли, звезды выступили на небе, но и небо уже серело, и звезды меркли.

Я залюбовался недвижным, отдыхающим лесом. Свежий, чудесный воздух я вдыхал с неизъяснимым наслаждением. На минуту я забыл, что за моей спиной на столе

лежит труп, а за тонкой дверью ходит не пойманный еще убийца. Очень скоро мне пришлось вспомнить об этом.

Раздался звон стекла и почти сразу за этим выстрел. В два прыжка я оказался у двери и ударом ноги распахнул ее. Посреди комнаты стоял Вертоградский, взволнованный и дрожащий, сжимая в руке наган. У окна, на полу, посреди осколков стекла, лежал вымазанный в грязи, мокрый человек. Тонкая струйка крови вытекала из маленькой дырочки на виске.

— Кажется, я убил его! — задыхаясь сказал Вертоградский.

Я наклонился над трупом. Нетрудно было узнать Грибкова. Я торопливо провел руками по его одежде. Карманы были пусты, вакцины и дневника не было. Я повернулся к Вертоградскому. Костров и Валя торопливо спускались по лестнице. Мне было не до них. Я подошел к Вертоградскому и быстро провел руками вдоль его тела. При нем тоже не было дневника и вакцины. Он смотрел на меня растерянными, полубезумными глазами. Он, кажется, действительно был очень взволнован.

— Как это было? — спросил я резко.

— Разбилось стекло, — сказал Вертоградский. — Я обернулся и увидел — он лезет в окно... Я выстрелил раньше, чем он...

У него сильно дрожали руки — так дрожали, что дуло нагана ходило вниз и вверх.

— Спрячьте оружие, — сказал я и добавил: — Лучше бы вы промахнулись...

За окном раздались голоса.

— Старичков, Старичков! — еще издали кричал Петр Сергеевич.

Я высунулся в окно. Петр Сергеевич, задыхаясь, бежал к дому. В сером предутреннем свете я увидел еще нескольких человек, бегущих за ним.

— Все благополучно? — спрашивал Петр Сергеевич на ходу.

— Благополучно, — ответил я. — Входите.

Он вбежал в комнату, задыхающийся, потный, взволнованный.

— Кто ж его знал, что он сюда побежит! — говорил он. — Ребята мои чуть на него не напоролись... Он все думал — пройдут, не заметят. Ну и угодил в луч фо-

наря и, сукин сын, так припустил! Ухитрился, черт, обвести их вокруг озера... Кто же мог думать, что он сюда прибежит!.. Это кто — ты его так, Старичков?

Я указал на Вертоградского:

— Юрий Павлович.

— Герой, герой! — заговорил опять Петр Сергеевич.— Прямо герой! Смотри, какие доценты бывают!..

Один за другим входили в комнату запыхавшиеся преследователи. С наганами в руках, возбужденные, грязные, тяжело дыша, они толпились вокруг лежащего на полу Грибкова.

— Ну, ну, товарищи, — сказал я сердито, — что это вы, в самом деле! Как-никак, следствие идет. Прошу прощения, но придется всем лишним оставить комнату.

По совести говоря, не очень довольные у них были лица. Действительно, жалко было выгонять их на улицу. Но, делать нечего, беспрекословно, один за другим, они вышли из комнаты. Остались Костровы, Вертоградский и Петр Сергеевич.

III

— Ну-с, Петр Сергеевич, — спросил я, — так значит, товарищ Грибков на хорошем счету в отряде?

Интендант развел руками:

— Артист, ничего не скажешь...

— Ведь ты говорил, что его из другого отряда прислали и вы в том отряде проверили?

— Проверили, — подтвердил Петр Сергеевич.

— Так как же?

— Голова кругом идет. Единственное, что на ум приходит — да, наверно, так и есть, — что вышел из того отряда настоящий Грибков, а пришел к нам ненастоящий.

— Не понимаю, — сказала Валя.

— Да очень просто: по дороге убили и забрали документы. Иначе не может быть. Я сам разговаривал с его прежним начальством, спросил, действительно ли к нам партизан Грибков послан. «Действительно, — говорит, — послан». — «А что он, — спрашиваю, — за человек?» — «Хороший, — говорит, — человек». Конечно, надо бы поточней проверить. Ну, что ж делать, не предусмотрели...

Костров с сердцем стукнул ладонью по перилам лестницы:

— Эх, Петр Сергеевич, что мы из-за него потеряли!

— Может, еще и найдется, — успокаивающе сказал интендант.

— Куда там! — Костров махнул рукой. — Я не маленький, я отлично все понимаю, нечего меня утешать. Конечно, Юрий Павлович не виноват, на его месте каждый бы выстрелил, но, думается мне, этот выстрел нам дорого обошелся.

— Почему же? — спросил Петр Сергеевич.

Хороший он был человек и неглупый, но соображал довольно медленно. Костров был слишком возбужден, чтобы быть вежливым.

— Что же вы, не понимаете, что ли? — резко сказал он. — Да ведь это же яснее ясного. Единственный человек, который мог указать, где вакцина, это Грибков — тот, кто ее украл и спрятал. Подите спросите у него! Где вы искать будете? На болоте? В дуплах? Под кочками? — Костров решительно подошел ко мне, в возбуждении пощипывая бородку. — Я не вмешиваюсь в ваши дела, Владимир Семенович, — сказал он, — вы следователь, а я биолог, и, надо думать, вы лучше меня знаете, как ловить преступников, но только, я вам скажу, есть вещи, которые ясны и неспециалисту. Если бы вместо того, чтобы качаться в качалке и вспоминать с Валей старину, вы сразу занялись делом, так, наверно, вакцина уже лежала бы у меня в кармане.

— Папа, — сказала Валя, — успокойся и перестань. Ты не имеешь права так говорить.

— Нет, имею! — Старик окончательно вышел из себя. — Я годы потратил на эту работу! Я не спал неделями! И я буду жаловаться. Я буду жаловаться на то, что сюда прислали неквалифицированного специалиста — на серьезное дело направили начинающего работника. К тому же еще, извините меня, Владимир Семенович, до крайности легкомысленного...

Он весь кипел. У него, наверно, много еще было в запасе злых и сердитых слов, но он сдержался, махнул рукой, повернувшись быстро поднялся по лестнице и с шумом захлопнул за собою дверь.

Сердитый был старик, но хороший. Мне он всегда нравился, даже сейчас.

Все молчали. Потом Валя сказала:

— Вы извините папу, Володя, он очень нервничает. Ему очень дорога эта вакцина.

Я усмехнулся.

— Это естественно, — сказал я. — Вероятно, я на его месте и не так бы еще ругался. Но простите, товарищи, мне придется продолжать работу. Вас, Валя, я попрошу пойти к Андрею Николаевичу, успокоить его и посидеть с ним. Я буду осматривать труп и заниматься разными вещами, при которых совсем не обязательно присутствовать... Петр Сергеевич, хорошо, если бы вы организовали поиски телеги и лошади. Теперь светает, можно уже этим заняться. Я вас только попрошу поставить вокруг дома охрану.

— Охрану? — удивился Петр Сергеевич. — От кого ж теперь охранять? Ведь Грибков убит.

— Так-то оно так, а все же лучше застраховаться: вдруг у него был сообщник?

— Пожалуйста, — сказал Петр Сергеевич. — Как хотите.

Он кивнул головой и вышел. Я думаю, что в душе он был совершенно согласен с Костровым в оценке моей работы, но он был дисциплинированный человек и считал себя обязанным выполнять мои требования.

— А вам, Юрий Павлович, — сказал я, — советую пойти на кухню — там есть топчан, — лечь и поспать.

— Я не засну, — сказал Вертоградский.

— Ну все равно, посидите, помечтаете, скоро солнце взойдет. Я вас попрошу только из кухни не уходить. Может быть, мне придется попросить вас помочь мне.

— Хорошо, — сказал Вертоградский, — я буду там.

Он вышел на кухню. Валя немного замешкалась. Ей, наверно, хотелось утешить меня в моих неудачах, но она не нашла слов или просто не решилась сказать их и молча поднялась наверх к отцу.

Наконец я остался один.

Я наклонился над трупом. Пуля вошла в висок. Аккуратно, в самую середину виска. Края раны были слегка обожжены. Вероятно, Вертоградский стрелял с очень близкого расстояния, почти в упор. Я еще раз, более тщательно, обыскал одежду. Карманы были пусты. Ни документов, ни даже табака. Тело лежало лицом вниз у самого окна. Ноги упирались в стену несколько выше

пола. Очевидно, Грибков уже мертвый вывалился в окно. Это соответствовало словам Вертоградского. Грибков выбил стекло и влезал в комнату, когда его настигла пуля. Он упал, не успев ступить на пол. Подоконник был весь мокрый и грязный. Удивительно много натекло воды и грязи за две-три секунды.

Стекло было выбито целиком. Окно приотворено, правда, совсем немного, сантиметра на два-три. После появления Якимова окно мы тщательно закрыли. Оно, конечно, могло открыться, когда Грибков снаружи нажимал на стекло или раму. Могло быть и так: Грибков выдавил стекло, потом полез в окно. Грузный, большой человек, он с трудом пролезал сквозь раму. В это время рама открылась. А если она была закрыта на шпингалет? Я тщательно осмотрел окно: шпингалет входил в выдолбленное в подоконнике углубление; углубление засорилось, края его стерлись. Если сильно нажать шпингалет, он поднимался сам. Я попробовал это проделать. В лаборатории Кострова не очень-то обращали внимание на крепость запоров. Валя правильно говорила: немцев запорами не удержишь, а воров здесь нет.

С этой точки зрения все было объяснимо. Грибков высадил стекло, пытался пролезть сквозь раму и в этот момент был убит и рухнул на пол у самого окна. Теперь подумаем, зачем ему нужно было лезть в дом.

Застрелив Якимова, он побежал. За ним погнались. Он был растерян, подавлен преследовавшими его неудачами. Якимов бежал, все открылось; надежд на спасение, в сущности говоря, оставалось мало. В этих условиях человек теряется и делает много бессмысленных и нелогичных поступков. Он пытался притаиться, рассчитывая, что погоня пройдет мимо него. Опять неудача: его заметили и окружили. Теперь оставалась надежда только на неожиданный, отчаянный ход. Пожалуй, действительно лаборатория была единственным местом, где его не стали бы искать. Конечно, спастись тут один шанс из тысячи, но в других местах и этого шанса нет. Он бросается к дому.

Тут могут быть две возможности. Заглянув в окно, он увидел, что в комнате никого нет, кроме его сообщника Вертоградского. Может быть, он тихо постучал, знаками умоляя Вертоградского впустить его. Но Вертоградский понимал, что дело проиграно и надо спасать

себя. Он отказался. Тогда в ярости, в отчаянии, понимая, что уходит последний шанс, Грибков выдавил стекло и попытался влезть в комнату, и в это время Вертоградский его пристрелил. Поведение Вертоградского логично: убивая Грибкова, он прятал в воду концы и становился даже активным участником поимки преступника. Поведение Грибкова не столь убедительно: Грибков должен был понять, что звон стекла привлечет внимание всех, кто находится в доме. Стекло выпало с громким звоном, а Грибков все-таки лез в комнату. Нелогично, но возможно. Отчаяние, растерянность. Бросается же на человека преследуемая крыса, понимая, что ей с человеком не справиться. Наконец, может быть, Грибков не думал уже о спасении и хотел только отомстить Вертоградскому.

Теперь рассмотрим вторую возможность: не думая, не рассуждая, Грибков лезет в окно с одной целью — отомстить Кострову, мне, Вертоградскому, всем тем, кто его преследует. В этом случае Вертоградский не преступник, а герой, спасший нам всем жизнь.

Первый вариант казался мне более вероятным. Я был убежден в виновности Вертоградского. К сожалению, мое убеждение было построено на доводах таких шатких, таких неубедительных, что они никак не могли послужить материалом для официального обвинения.

Два обстоятельства привлекли мое внимание, и я чувствовал, что их следует хорошенько продумать. Во-первых, выстрел раздался сразу же вслед за звоном стекла. Точно Вертоградский ожидал появления Грибкова в окне! Грибков выдавил стекло и сразу же за тем был убит. Но за эту секунду он успел пролезть сквозь узкую раму настолько, что после выстрела свалился не наружу, а внутрь дома. Во-вторых, подоконник был весь в грязи, но оконный переплет был запачкан очень мало. Я еще раз осмотрел одежду Грибкова. Грязь была и на плечах, и на спине, и на животе; он был в грязи буквально весь, с ног до головы. А боковые части рамы остались чистыми. Не мог же он, протискиваясь сквозь раму, не оставить на ней следов! Кроме того, одежда оказалась совершенно цела: ни пиджак, ни брюки не были разрезаны или разорваны осколками стекол, торчавшими кое-где из оконной замазки. Значит, он лез в отворенное окно? Два эти обстоятельства сразу повернули мои мысли в другую сторону.

Глава девятая

ТЕТРАДЬ И КОРОБКА

I

У Грибкова не было ни вакцины, ни дневника. Где они могли остаться? Украв гелегу, он пришел за Якимовым. Он пришел, чтобы увезти его с Алеховских болот. В это время вакцина, конечно, была у Грибкова. Якимов бежал, Грибков бросился его преследовать. Не мог он успеть спрятать вакцину, не до этого ему было. Нельзя терять ни секунды. Якимов убит, за Грибковым устремляется погоня. Он бежит. Прятать вакцину снова некогда. Конечно, он может бросить ее в кусты, мимо которых пробегает, или торопливо засунуть в дупло. Во всяком случае, искать ее придется уже не по всему болоту, а только по пути бегства Грибкова. Это значительно легче. Как только рассветет, надо будет заняться поисками. Петр Сергеевич укажет путь, по которому преследовали Грибкова, и мы обыщем каждый кустик.

Когда рассветет... Я посмотрел в окно и увидел, что уже совсем светло. Наступало тихое, ясное утро. Лес, до блеска вымытый дождем, стоял не двигаясь, не дыша. Небо было ясное, чистое, безоблачное. Далеко, за болотами, за лесом, всходило солнце. Тысячи капель на траве и на листьях сверкали одна другой ярче. Длинные тени деревьев легли на поляну. Первый красный луч солнца осветил комнату. Я погасил лампу. День начался.

Такой он был хороший, такой радостный, этот день, что вдруг показалась мне неестественной, неправдоподобной та сеть обманов, интриг, преступлений, которой мы все были окружены. Нелепыми казались на фоне этого дня ненависть, хитрость, лживость. Я постоял у окна, с удовольствием вдыхая запах свежей зелени и влажной земли, потом провел рукой по лицу. Пора было возвращаться к работе.

Больше всего меня угнетало, что Вертоградский выскальзывал из моих рук. Якимов, единственный свидетель его преступления, был убит. Соучастник, который мог его выдать, был убит тоже. Мое убеждение ничего не значило. Судье нет дела до предположений следователя, — нужна улика, бесспорная, ясная, неопровержимая. Улики этой не было, и трудно было надеяться на

ее появление. Моей версии Вертоградский мог противопоставить свою, ничуть не менее убедительную, и когда я стал продумывать ее, она даже мне показалась заслуживающей внимания. Очень все хорошо объяснялось и без участия Вертоградского. Предвзятость — это бич следователя. Я знаю, как опасно, как губительно, увлекшись своим предположением, начать подгонять под него факты. Сколько ложных теорий, сколько проваленных следствий бывает в результате излишнего уважения к собственной гипотезе! Может быть, действительно Вертоградский ни при чем? Может быть, следует удовлетвориться тем, что преступник Грибков лежит убитый, отыскать в кустарнике или в дупле спрятанную вакцину и счесть следствие конченным? Но сначала нужно было понять, почему не запачкана рама, через которую протискивался Грибков, и почему так быстро последовал выстрел, после того как разбилось стекло.

Может быть, Грибков открыл окно, полез в него и случайно выдавил стекло. Тогда Вертоградский, который раньше не слышал, как лезет Грибков, вскочил и выстрелил. Собственно говоря, это объясняло и вторую странность. В этом случае вполне естественно, что выстрел последовал сразу за звоном стекла. У меня даже возникло чувство некоторого разочарования: так легко и просто объяснились все неясности. Да, видимо, надо идти искать вакцину. Разумеется, Грибков мог бросить ее в какой-нибудь ручеек или в топкое место или успел засыпать землей. Попробуй тогда найди. Во всяком случае, обыскать лес — это единственное, что теперь можно сделать. На этом мои обязанности кончаются. Преступник изобличен и убит, для поисков похищенного приняты все меры. Конечно, я в этом принимал довольно мало участия, но что же делать, так сложились обстоятельства. Это одно из тех дел, которые не приносят следователю ни позора, ни славы. Поначалу оно казалось трудным, но потом разрешилось само собой.

Я уже подошел к двери. Я решил позвать Вертоградского, перетащить Грибкова в лабораторию и идти за Петром Сергеевичем, чтобы начинать поиски вакцины. Но у самой двери я остановился. Невозможно было так кончить дело. Пусть это будет предвзятость, пусть это бу-

дет что угодно, но я всем нутром был убежден, что Вертоградский виновен.

А нет ли еще другой версии, которая бы так же убедительно объясняла все факты?

II

Я закурил. Представим себе, что Вертоградский соучастник. Отказаться от этого никогда не будет поздно. Грибков бежит к дому, надеясь, что Вертоградский его спасет. Преследователи отстали, у него есть несколько минут. В комнате свет. Заглянув в щелку, Грибков видит, что Вертоградский один. Он стучит, даже не стучит — только царапает стекло. Тихо, на цыпочках, чтобы никто не услышал, Вертоградский подходит и открывает окно. Шепотом они разговаривают. Грибков просит Вертоградского спрятать его, Вертоградский соглашается. Соглашаясь, он уже знает, что сейчас убьет своего сотоварища по преступлению. Он говорит Грибкову: «Лезь». Грибков лезет в открытое окно (поэтому нет грязи на раме). В ту минуту, когда он готов уже спрыгнуть на пол, Вертоградский локтем ударяет в стекло и сразу же отскакивает на шаг назад. Вероятно, Грибков еще не понимает, в чем дело. Он с удивлением смотрит на Вертоградского, и в этот момент Вертоградский стреляет.

Ну что ж, этот вариант звучит почти так же убедительно, как и другое предположение: Грибков лез в окно без согласия Вертоградского, и Вертоградский его убил, защищая себя, Кострова, меня.

Тут я натыкался на непреодолимое препятствие: оба варианта были одинаково возможны. Я буду доказывать одно, Вертоградский — другое, и Вертоградский будет оправдан за недоказанностью вины. Я сжал руками виски. Что-то надо было еще найти. Не рассуждение, не предположение, а факт.

Я ходил взад и вперед, думал и передумывал и не мог найти никакого решающего довода в пользу той или другой гипотезы.

«Черт с ним, — решил я. — Так ничего не придумаешь. В конце концов, главное сейчас — найти вакцину».

Вдруг меня осенило. Если я прав и Вертоградский был соучастником Грибкова, если Грибков бежал к Вертоградскому, рассчитывая, что тот его спрячет и спасет, то

зачем ему нужно было выбрасывать вакцину в лесу? Наоборот, он должен был передать ее Вертоградскому. После того как раздался выстрел, я был в комнате через секунду или две. Я сразу, хотя и поверхностно, обыскал Вертоградского. При нем вакцины не было. У Грибкова ее тоже нет. Значит, Вертоградский успел ее спрятать. Одно цеплялось за другое. Если удастся доказать, что Вертоградский спрятал вакцину, этим будет доказано его участие в похищении. Теперь я знал, что́ мне искать. Я снова стал восстанавливать события. Значит, Вертоградский спрятал вакцину до выстрела. У него было очень мало времени. Не мог же он вести с Грибковым длинные разговоры, искать подходящий тайник, зная, что в любую секунду я, Костров или Валя можем войти в комнату...

Грибков постучал. Вертоградский открыл окно.

«Спрячь меня! За мной гонятся. Здесь меня не будут искать».

«Вакцина и дневник при тебе?»

«Да, вот они».

«Давай, я их спрячу».

Вертоградский торопливо прячет их. Дорога́ каждая секунда. Он спрятал.

«Теперь лезь».

И тогда удар по стеклу и выстрел...

Все решалось чрезвычайно просто. Если вакцина в комнате, я прав, если ее здесь нет — Вертоградский невинен, как новорожденный младенец.

Метр за метром я стал осматривать комнату. Все половицы были крепко сколочены, ни одна из них даже не шаталась. В бревенчатых стенах спрятать ничего невозможно. Печка? Я осмотрел ее и перетрогал все кирпичи. В печке ничего не было. Я вытащил из глиняного горшка цветы и заглянул внутрь. Я снял со стола скатерть. Я заглянул в чуланчик под лестницей. На полу у стенки стояли запыленные, треснутые, с отбитыми краями стеклянные колбы; очевидно, их ставили сюда за ненадобностью. На полке лежали связки бумаг, стояла банка из-под консервов с засохшим клеем и бутылка с чернилами. На второй полке лежали коленкоровые тетради и коробки с глюкозой. Я раскрыл верхнюю тетрадь, надеясь, что она окажется дневником. Но в ней были только чистые листы. Я закрыл чуланчик и снова оглядел комнату. Больше искать было негде.

Я стал думать за Вертоградского. Вот я взял у Грибкова дневник и вакцину. Времени нет, надо сейчас же спрятать. Куда? За дверью Старичков, он сию минуту может войти. Беспомощно я оглядывал комнату. Когда треснула половица, я даже вздрогнул, как будто действительно мне угрожала смертельная опасность.

«Куда, куда спрятать? — мысленно повторял я. — В печке сразу найдут, в чуланчике тоже». И вдруг я нашел единственный верный и простой выход. Я бросился к чулану и распахнул дверь. Я вытащил пачку тетрадей и стал перелистывать их. Белые листы мелькали перед моими глазами. Одну за другой я откладывал тетради в сторону. Это действительно были чистые тетради. И все-таки я был убежден, что дневник здесь, — настолько убежден, что даже не удивился, когда, раскрыв самую последнюю лежавшую внизу тетрадь, увидел, что она исписана бесконечными рядами цифр. Я осмотрел обложку. Она была смята в середине, и тетрадь, когда я положил ее на стол, слегка согнулась. Ее носили в кармане, сложенную пополам.

Дневник был в моих руках. Теперь дело за вакциной. Конечно, она в одной из этих одинаковых картонных коробок. Но как узнать, в какой? Глюкоза тоже бесцветна, и ампулы так же запаяны. Я внимательно оглядел стопку коробок. Коробка с вакциной, как и тетрадь, лежала в самом низу. Я узнал ее потому, что она была влажная, — может быть, вода проникла в карман Грибкова, может быть, он просто держал ее мокрой рукой. Она не могла бы быть влажной, если бы все время находилась в чулане.

Я так заволновался, что чуть было не позвал Кострова, но, к счастью, сдержался вовремя. Дневник и вакцина были в моих руках, но Вертоградский не был изобличен.

III

Я взял чистую тетрадь и согнул ее пополам так, чтобы на ее переплете образовались морщины. Смочил водой одну из коробочек с глюкозой. Тетрадь я положил под стопку с тетрадями и мокрую коробку — под стопку коробок. Дневник и вакцину я спрятал к себе в карман. После этого я закрыл дверцу чулана и позвал Вертоградского.

Он вошел сразу же. Как он ни был хладнокровен, а

все же, наверно, здóрово волновался, сидя на кухне. Небось, десять раз проверял и продумывал, не допустил ли ошибки, не забыл ли чего-нибудь. Войдя, он кинул на меня быстрый взгляд. Думаю, что у меня был достаточно спокойный и усталый вид. Он, по-видимому, успокоился.

— Давайте, Юрий Павлович, перенесем Грибкова в лабораторию.

Мы положили Грибкова в лаборатории на полу и прикрыли его одеялом. Теперь убийца и убитый лежали в одной комнате.

— Ну как, Владимир Семенович? — спросил Вертоградский. — Обнаружили что-нибудь важное?

— Нет, — сказал я. — Но некоторые надежды найти вакцину у меня появились.

Он живо заинтересовался.

— Да? — спросил он. — Каким же образом?

Я стал увлеченно объяснять ему, что Грибков мог спрятать вакцину только около дома, потому что рассчитывал бежать с болот и, конечно, носил ее при себе.

Вертоградский оживился.

— Правильно, — сказал он. — Это вы здóрово рассудили. Вы знаете, это огромное счастье: вакцина — действительно замечательное открытие. И потом, Андрея Николаевича жалко, он ведь буквально только этим и жил.

Мы с ним еще немного побеседовали на эту тему. Отношения у нас установились чрезвычайно дружественные.

— Самое интересное в вашем деле, — говорил Вертоградский, — это, конечно, не допросы, не обыски, не сбор показаний, а именно работа мысли, когда вы, основываясь на незаметных неопытному глазу данных, делаете точные и ясные выводы, которые потом оправдываются. Это действительно увлекательно.

Ехидный он был человек и, наверно, издевался надо мной в глубине души. Но я на него не сердился за это. Мое слово было еще впереди.

Мы с ним вымыли подоконник и пол возле окна, убрали осколки стекла и вообще уничтожили все следы происшедших событий. Мы работали, как добрые товарищи, помогая друг другу.

Солнце поднялось над деревьями. Был седьмой час утра.

— Когда же вы будете лес обыскивать? — спросил Вертоградский.

— Вот Петр Сергеевич придет, — сказал я, — сразу и отправимся.

Петр Сергеевич легок был на помине. Он вошел веселый и энергичный, как будто всю ночь крепко проспал у себя в постели.

— Доброе утро, — сказал он.

— Нашли телегу?

— Как же, как же! Шагах в пятнадцати от дороги. Я ее там и оставил. Потом пойдем с вами посмотрим.

Петр Сергеевич посмотрел на меня и на Вертоградского. Что-то ему нужно было сказать, и он не решался.

— Выкладывайте, Петр Сергеевич, — помог я ему. — Что у вас там еще?

— Так ведь сегодня ночью... — Он опять замялся.

— Ну, ну? — поддержал я его.

— Сегодня ночью, — решился наконец Петр Сергеевич, — самолет прилетит. Я связался с Москвой, мне говорят: «Как Старичков решит. Если он не возражает, отправляйте Костровых во что бы то ни стало».

— Ну, до ночи еще далеко, — сказал я.

— Да ведь как далеко! Пока до аэродрома доберутся, то да сё... Часа через два надо выезжать.

— Ну что ж, — сказал я, — дело хорошее. Конечно, надо старика отправлять.

Петр Сергеевич спять замялся:

— А старик не упрется? Он ведь ой какой характерный!

— Из-за того, что вакцины нет?

— Да.

Я посмотрел на Вертоградского.

— Мы с Юрием Павловичем думаем, — сказал я, — что найдется вакцина.

Вертоградский потер руки с довольным и немного заговорщицким видом.

— Да, думаю, что найдется, — сказал он.

Удивительно, как быстро входил этот человек в новую роль соучастника следствия! Мы с ним весело подмигнули друг другу. Услыша наши голоса, Валя вышла на лестницу.

— Что случилось? — спросила она.

— Спускайтесь, Валентина Андреевна. Есть новости.

— Какие новости? — Взволнованный Костров уже спускался из своего мезонина.

Петр Сергеевич заложил руки за спину и торжественно произнес:

— Приказ из Москвы, Андрей Николаевич, вам, вашей дочери и Юрию Павловичу сегодня же вылететь в Москву.

— То есть как? — Костров заволновался ужасно. — Без вакцины? Об этом и речи не может быть!

— Простите, Андрей Николаевич, — вмешался я, — время, знаете ли, военное. Приказ говорит точно: отправить вас троих сегодня ночью. Отвечает Петр Сергеевич. Вам ничего не сделают, а его могут судить по законам военного времени.

Петр Сергеевич посмотрел на меня с удивлением, но не только не стал возражать, а даже печально вздохнул: да, мол, вы капризничаете, а мне за вас под суд.

Костров нахмурился и молчал.

— Вы можете, — сказал я, — в Москве добиться, чтобы розыскам вакцины был придан более широкий размах.

Костров насторожился и посмотрел на меня.

Я продолжал, стараясь, чтобы слова мои звучали как можно простодушней и искренней:

— Разумеется, я останусь здесь, но что я могу сделать один, без достаточного опыта? А вы можете потребовать, чтобы послали более квалифицированного следователя.

Он посмотрел на меня из-под сердито нахмуренных бровей. Минута колебаний, и профессор решился.

— Хорошо, — сказал он. — Я полечу, но имейте в виду, что я буду жаловаться не только на тех, кто послал именно вас на это ответственнейшее дело, но и на вас самих. Вы проявили не только неопытность и неумение, но и недопустимую лень, и прямую халатность.

Я молча поклонился.

Петр Сергеевич облегченно вздохнул. У него и так было хлопот по горло. При всей привязанности к семье Костровых, он очень хотел, чтобы они уже были в Москве.

— Завтракайте и собирайтесь, — сказал он. — Часа через два надо ехать на аэродром.

— Часа через два? — Валя засуетилась. — Ой-ой! Надо же поесть что-нибудь. Я тогда печь не буду топить. Чайник на лучинках согрею и поедим холодного. Ладно,

товарищи? Юра, идите за водой сейчас же. Скорей, скорей!

— Есть идти за водой! — весело рявкнул Вертоградский и, смешно выворачивая ноги, размахивая руками, выбежал из комнаты.

Петр Сергеевич подошел к Кострову и спросил:

— То, что вы берете с собой, у вас уложено?

— Главное украдено, — ответил Костров, — а остальное — вздор.

— Вы бы лишние бумаги сожгли. Все-таки тыл противника...

— Что ж, это правильно. А где жечь?

— Да хоть в печке, — сказал я.

— У меня все ненужное свалено в угол. Сейчас я начну сносить.

Он ушел наверх за бумагами. На меня он так и не посмотрел. Он просто не замечал моего присутствия. Меня так и подмывало сказать ему, что вакцина уже у меня в кармане и сердиться на меня не за что, но я сдерживался. Мне хотелось закончить дело так, чтобы в Москве не пришлось спорить, виноват Вертоградский или не виноват.

— Когда же вы вакцину найдете? — спросил Петр Сергеевич.

— Успеем, — сказал я. — Вы можете позавтракать с нами?

— Откровенно говоря... — покачал головой Петр Сергеевич, — с временем туго.

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Позавтракайте.

Он прищурился, размышляя. Он понял, что даром я бы не стал настаивать.

— Хорошо, — сказал он.

Костров спустился сверху со связкой бумаг, положил их в печь и отодвинул заслонку. Я протянул ему спички, но он вынул из кармана свои. Он не хотел от меня никаких одолжений. Бумага весело запылала. Костров сходил еще раз наверх и принес огромную кипу. Вбежала Валя со стопкой тарелок и заставила меня расставить их на столе. Петр Сергеевич пристроился с кочергой к печке и стал ворошить горящие бумаги. Кажется, у всех, кроме Кострова, было приподнятое настроение, несмотря на события прошлой ночи. Вертоградский шум-

но влетел с ведром, полным воды, и стал требовать, чтобы мы посмотрели, какой он ловкий. Валя прикрикнула на него, отняла ведро и послала за ножами и вилками. Меня она заставила резать хлеб, Петру Сергеевичу велела нести стаканы. Она успокоилась только тогда, когда мы все были заняты делом.

Андрей Николаевич по-прежнему был молчалив и хмур. Он поднимался наверх, спускался, таща кипы бумаг, и как будто не замечал охватившего всех возбуждения.

Общими усилиями накрыли на стол. Принесли колбасу, соленые грибы и большой горшок кислого молока. Костров свалил у камина последнюю пачку бумаг и коротко сказал:

— Всё.

Валя внесла чайник.

— Прошу вас, товарищи, — сказала она, — на последний торжественный завтрак в лесной лаборатории профессора Андрея Николаевича Кострова.

Глава десятая

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВТРАК

I

Мы сели вокруг стола. Вертоградский посмотрел на Кострова умоляюще.

— Андрей Николаевич, — сказал он, — вы знаете сами, что я страстный противник всякого пьянства. Вы знаете, что от рюмки водки меня пробирает дрожь отвращения. Но тем не менее кажется мне, что сегодня, ввиду чрезвычайных обстоятельств, а также того, что мы все провели тяжелую и бессонную ночь, и еще потому, что нам предстоит пробыть несколько часов на сыром, зараженном болоте, следовало бы выпить спирту, или, как иногда говорят, хлопнуть по стопочке.

— К сожалению, у меня нет спирта, — хмуро ответил Костров.

— Андрей Николаевич, — сказал Вертоградский, — я понимаю, что бывает святая ложь, но она все-таки ложь. Должен сказать, что, мучительно ненавидя этот вредный напиток, я всегда очень точно слежу за его расходо-

ванием и готов сейчас прозакладывать голову, что одна бутылка этой гадости лежит у вас в том ящике, где книги.

— Конечно, — сказал Петр Сергеевич, — по такому случаю выпить не грех.

— Может, позволишь, папа? — спросила Валя.

Костров хмыкнул очень неопределенно.

Это можно было принять и за согласие и за отказ. Вертоградский предпочел принять за согласие.

— Я сейчас принесу, — сказал он и с такой быстротой взлетел по лестнице, что Костров не успел и слова сказать.

Впрочем, он, видимо, не собирался спорить. Он даже слегка улыбнулся торопливости Вертоградского.

Вертоградский сразу же сбежал вниз и, торжествуя, поставил на стол бутылку. Разлили по кружкам, и Валя предложила тост за Красную Армию. Вертоградский сразу же налил снова.

— Времени мало, товарищи, — сказал он. — За Андрея Николаевича! За то, чтобы украденное нашлось, чтобы и про нас потом могли сказать: «Они помогли победе!»

Костров нахмурился.

— Рано за это пить. — Он встал и поднял кружку. — Выпьем, друзья, за Якимова!.. — Он помолчал. — Мы перед ним виноваты. Всю жизнь он работал как настоящий ученый и умер как настоящий ученый.

Мы все поднялись и в молчании выпили этот торжественный и печальный тост. Потом Вертоградский подбросил еще бумаги в печь, Петр Сергеевич заговорил о военных событиях, и постепенно за столом стало опять оживленно. Я посмотрел на часы. Оставалось часа полтора до отъезда. Пора было начинать последнее действие. Пока я продумывал, как перевести разговор на нужную тему, Костров неожиданно мне помог.

— Да, Владимир Семенович, — сказал он, — выпили бы и за вас, но, к сожалению, пока что не вижу повода.

Нельзя сказать, чтобы это была особенно любезная фраза, но по сравнению с полным игнорированием моего существования она являлась некоторым шагом вперед.

— Что делать, Андрей Николаевич! — сказал я с виноватым видом. — И на старуху бывает проруха.

— Папа, — вмешалась Валя, — ты напрасно обижаешь Володю. Мы подозревали Якимова, а Владимир Семенович с самого начала его защищал.

— Но с Грибковым, — упрямо сказал Костров, — расправился все-таки Юрий Павлович.

— Тут моей заслуги немного, — скромно сказал Вертоградский. — Положение было безвыходное: или он меня, или я его. Просто выпалил с перепугу, и всё.

Я постарался, чтобы у меня был как можно более простодушный вид. Я хотел, чтобы все сидящие за столом поняли, что я огорчен своей неудачей, но, как парень добродушный и веселый, не обижаюсь на шутки и даже готов подшутить над собою вместе со всеми.

— Конечно, — сказал я, — лучше бы вы его только ранили, тогда его можно было бы допросить... Ну, ну, не сердитесь. Это просто досада следователя-неудачника. Подумайте только, как мне не повезло! За все следствие — ни одного допроса. Я вчера сгоряча даже Юрия Павловича обыскал.

Я сам засмеялся, и все засмеялись тоже. Действительно, это было смешно: простак-следователь, который, не умея поймать преступника, обыскивает всех без разбору, лишь бы что-нибудь делать.

— Представьте себе, — сквозь смех говорил Вертоградский, — подошел и быстро — раз, раз!

Он вскочил из-за стола и очень живо изобразил всю сцену обыска. Сцена была исполнена не без юмора и, пожалуй, не без наблюдательности. Я смеялся так же, как все.

— Надо же было мне себя проявить, — объяснил я смеясь. — Следователь я, черт возьми, или нет?

Перестав смеяться, Вертоградский сел к столу и сказал серьезно и дружелюбно:

— Я не обижаюсь, Владимир Семенович. Я понимаю обязанности следователя. Очень было интересно следить за вашей работой. Удача, в конце концов, дело случая, но проницательность вы проявили большую. Когда вы говорили, что Якимов не виноват, казалось, что факты все против вас. Честно говоря, я и сейчас не понимаю, как вы почувствовали это.

Он сам вызывал меня на разговор. Ну что ж, я охотно шел ему навстречу. Из всех присутствующих только я один знал, чем этот разговор кончится.

II

— Видите ли, Юрий Павлович, — сказал я, — против Якимова было слишком много улик.

Вертоградский удивленно на меня посмотрел:

— Это следовательский парадокс?

— Нет, житейское правило.

Вертоградский пожал плечами:

— Вчера вы говорили наоборот: улик недостаточно.

Я усмехнулся.

— В сущности, это одно и то же. Улик было так много, что они вызывали сомнение.

Я говорил спокойно, неторопливо, как будто припоминая ход своих мыслей. Петр Сергеевич, Валя и Вертоградский слушали меня с интересом, как обычно слушают специалиста, рассказывающего о своей работе. Костров, отвернувшись, смотрел в окно и беззвучно барабанил пальцами по столу, желая этим показать, что мой рассказ совершенно его не интересует.

— Мне показалось, — продолжал я, — что меня настойчиво убеждают в виновности Якимова. Это заставило меня насторожиться. А тут случилась еще история с запиской. Я говорил уже, что не верю в кающихся шпионов. Да еще пишущих по-немецки. Да еще готическим, а не латинским шрифтом.

— А какую роль играет шрифт? — спросил Вертоградский. — Этого я не понимаю.

Он, конечно, понимал это не хуже меня, но я объяснил терпеливо:

— Попробуйте напишите что-нибудь готическим шрифтом; вы увидите, что остроконечные, готические буквы делают почерк неузнаваемым.

Я немного больше задержал на нем свой взгляд, чем это было бы естественно. Ровно настолько больше, чтобы у него мелькнула мысль, не знаю ли я, не догадываюсь ли. Потом я отвел глаза. Вертоградский усмехнулся, но мне его усмешка показалась не очень искренней.

— Очень остроумно, — сказал он. — Мне это совершенно не приходило в голову.

— Тогда пришлось предположить, что Якимов похищен.

— Почему похищен, а не убит? — спросил Костров.

Он наконец заинтересовался моим рассказом, уже не смотрел в окно и не барабанил пальцами по столу.

— Это мне подсказали вы, — сказал я.

— Я?

— Конечно. Дневник шифровал Якимов, у него был ключ шифра. Как же можно было убить Якимова?

— Верно! — воскликнула Валя; она была очень увлечена моим рассказом.

— А тут еще телега, — сказал я. — Я ждал чего-нибудь в этом роде — телеги, автомобиля, просто лошади. Живого человека на руках не унесешь. Когда исчезла телега, я понял, что был прав.

Петр Сергеевич хлопнул ладонью по столу.

— Здóрово! — сказал он. — Это здóрово. Надо выпить за следователя.

— Спирту у нас меньше, чем тостов, — сухо сказал Костров и, повернувшись к Петру Сергеевичу, продолжал совсем другим, дружеским тоном: — Через час, через другой мы расстанемся с вами, Петр Сергеевич. Хочу вам на прощанье сказать, что я все помню. Может, вам иногда казалось, что я не понимаю, как много вы для нас сделали... — Он кашлянул немного смущенно: — Я не особенно разговорчив... — Он поднял кружку:

— Ваше здоровье, дорогой друг!

Петр Сергеевич встал и вытер губы. Поднялся и Костров. Они поцеловались троекратно, как полагается в этих случаях. Потом подбежала Валя к Петру Сергеевичу, потом подошел Вертоградский. Интенданта обнимали, целовали и растрогали вконец. Он даже всхлипнул от глубины чувств и чуть было не прослезился.

— Спасибо, друзья, — сказал он. — По совести говоря, сколько раз я мечтал сплавить вас подальше куда-нибудь, в Москву или на Урал.

— Помилуйте, — закричала Валя, — что ж мы вам — надоели тут?

— Ну, знаете, — Петр Сергеевич развел руками, — конечно, приятно иметь в партизанском отряде научно-исследовательскую лабораторию, но хлопотно, не буду скрывать, очень хлопотно. Как-то Алеховские болота мало приспособлены для научной работы.

— Позор! — сказал Вертоградский. — Мы к нему с открытой душой, с дружбой, а он, оказывается, нас выгнать хотел.

— Хотел, хотел, — признался Петр Сергеевич, — а сейчас жалко будет расстаться. Вернемся домой, станем жить-поживать, а ведь этого никто из нас не забудет. Тысячу раз будем вспоминать и страшное, и смешное, и грустное. Детям нашим будем рассказывать. Как, Валентина Андреевна?

— Будем, — уверенно сказала Валя.

Петр Сергеевич повернулся к Кострову:

— Андрей Николаевич, вернетесь в наш город после войны?

— Как только лаборатория будет восстановлена, так и вернусь, — сказал Костров.

— За этим дело не станет. Если в лесу наладили, так в городе уж как-нибудь. — Петр Сергеевич поднял кружку: — Ну, по последней — за встречу!

Все выпили. Выпил и я, хотя и чувствовал себя в этом тосте лишним. Действительно, про эту дружбу между профессором и интендантом можно было сказать, что она прошла и огонь и воду. Разные судьбы были у этих людей, в обыкновенное время — разные интересы, разная жизнь, а, пожалуй, теперь, прожив это время так, как они прожили, до конца жизни станут профессор и партизанский начхоз близкими друзьями.

Застучали вилки и ножи. Вертоградский хвалил грибы, Петр Сергеевич с аппетитом уплетал колбасу, мы с Костровым налегали на кислое молоко.

Следовало вернуться к разговору, который еще далеко не был кончен. Я сразу взял быка за рога.

— Да, — сказал я, — как бы мы весело завтракали сегодня, если бы вакцина и дневник были найдены и возвращены Андрею Николаевичу!

III

Костров вздрогнул от неожиданности, сердито на меня посмотрел и отвернулся.

Наступила пауза. Все только отвлеклись от этой проклятой темы, только развеселились немного, а я, как нарочно, снова к ней возвращался.

Вертоградский нахмурился. Петр Сергеевич посмотрел на меня удивленно и недовольно, а Валя, добрая душа, только спросила очень дружески:

— А почему не удалось найти, Володя?

Она хотела дать мне возможность объяснить всё и оправдаться. И Вертоградский хотел мне помочь.

— Это я виноват, — сказал он. — Все концы Грибков в могилу унес.

— Трудное было следствие? — спросила Валя.

Я пожал плечами и улыбнулся.

— Не следовало бы мне говорить, так как я ничего не добился, но все же скажу: нет, не особенно трудное.

— Какие же тогда бывают трудные дела? — удивился Петр Сергеевич.

— Ну, — сказал я, — в разное время разные...

— Что же было бы, — спросил Костров (ядовитый он был старик!), — если бы вам пришлось столкнуться с трудным делом?

Я промолчал. Петр Сергеевич встал и подошел к окну.

— Солнце высоко, — сказал он. — Надо вам собираться. И мне давно пора.

Жестом я остановил его:

— Десять минут не расчет, Петр Сергеевич, подождите.

IV

Я допил чай и поставил стакан на стол. Еще раз прикинул в голове все то, что мне предстоит сказать Вертоградскому. Я чувствовал, что он насторожился. То, что я без всякой видимой причины задержал Петра Сергеевича, не прошло для него незамеченным. Кажется, Андрей Николаевич и Валя тоже почувствовали, что я не случайно попросил остаться партизанского интенданта. Оба они посмотрели на меня внимательно и выжидающе.

Я заговорил подчеркнуто спокойно, даже немного небрежно:

— Вы знаете, Юрий Павлович, даже вот в этом нашем деле, хотя, казалось бы, преступник изобличен и убит, многое кажется неясным.

— Ах, так? — заинтересованно сказал Вертоградский. — На мой дилетантский взгляд, все решено и ясно.

Я не смотрел на Вертоградского и сказал, не обращаясь ни к кому в особенности, как бы просто размышляя вслух:

— Мне думается, что у Грибкова должен быть сообщник.

— Неужели это еще не кончилось? — тоскливо сказала Валя.

— Конечно, не кончилось, — буркнул Костров. — Вакцины-то ведь нет? Мы не знаем, где она.

Вертоградский пожал плечами:

— Под любым деревом, в любой куче валежника. Лес велик.

Но я, не сбиваясь, продолжал раздумывать вслух:

— Найдем мы вакцину или не найдем, а сообщника найти мы должны.

— Откуда сообщник? — удивился Вертоградский.

— Давайте рассуждать. Убить Якимова Грибков мог и один. Но связать, заткнуть рот и спрятать... подумайте сами. Якимов был здоровый, сильный человек.

— Грибков мог его оглушить, — сказал Вертоградский.

— На голове у Якимова нет повреждений.

— Может быть, наркоз?

— Допустим. — Я закурил папиросу и некоторое время ходил по комнате, как бы раздумывая, могли ли Якимова усыпить наркозом. — Допустим также, — сказал я, — что Грибков выследил, где хранится вакцина. Но не кажется ли вам странным, Юрий Павлович, что он уверенно заходит в лабораторию, не зная, спите вы или нет? Ведь, согласитесь, это очень рискованно.

— Да, конечно, — сказал Вертоградский, но, подумав, добавил: — Правда, я сплю очень крепко.

Мы говорили спокойно, неторопливо, будто рассуждали на интересную, но лично нас не касающуюся тему.

— Мы-то знаем, что вы спите крепко, — засмеялся я, — но откуда мог это знать Грибков?

Вертоградский усмехнулся тоже:

— Должен сказать, что эта моя несчастная особенность известна довольно широко. Об этом могли говорить при Грибкове. Я знаю, что надо мной немало шутили в отряде.

— Хорошо, — согласился я. — Это, конечно, возможно. Но откуда Грибков знал, что дневник зашифрован? Это ведь было известно только своим. Об этом не могли говорить в отряде. А если он не знал, что дневник зашифрован, почему он просто не убил Якимова? Это было бы гораздо легче.

— Вообще говоря, вы правы, — нахмурился Верто-

градский, — рассуждение интересное. С другой стороны, последнее время Грибков довольно часто к нам заходил. Он сделал вот эту качалку. Он сколачивал ящики. Я не помню точно, но, по-моему, он чуть ли не каждый день бывал. Он мог подслушать какой-нибудь наш разговор о шифре.

— Тоже возможно, — коротко согласился я. — А появление записки вам не кажется странным?

Вертоградский откинул голову на спинку качалки и положил руки на подлокотники. Он был безмятежно спокоен. Слишком спокоен, чтобы это могло быть естественным. Я стоял перед ним, засунув руки в карманы, и смотрел на него в упор. Теперь уже, кажется, все в этой комнате почувствовали скрытое напряжение нашего разговора. Костров, который подсел к печке и ворошил кочергой пылающие бумаги, так и застыл с кочергой в руке и, повернув голову, недоуменно смотрел то на меня, то на Вертоградского. Валя держала в одной руке полотенце и, кажется, совершенно забыла, что собиралась вытирать тарелки. Петр Сергеевич, как человек боевой, уже сунул руку в карман, очевидно решив, что скоро понадобится револьвер, хотя и совершенно не понимая, на кого придется его направить.

— Несчастный вы народ, следователи! — вздохнул Вертоградский, все еще спокойно раскачиваясь. — Все вам кажется подозрительным. Трудно вам жить, Владимир Семенович...

— Думаю, — сказал я, — что дальше вы, Юрий Павлович, сами со мной согласитесь.

— Послушаем, — сказал Вертоградский.

— Вчера днем я сказал, — продолжал я неторопливо, — что улик против Якимова недостаточно. И вот через пятнадцать минут Андрей Николаевич приносит якимовскую записку. Не правда ли, неожиданное совпадение?

— Позвольте... — Костров отложил кочергу, встал и подошел ко мне. — Позвольте, Владимир Семенович, ведь как раз в это время Грибков принес мне ящики!

— Да? — спросил я. — А вы видели, что Грибков писал записку?

— Нет, конечно, не видел. — Костров был страшно возбужден. — Но я также не видел, чтобы Юрий Павлович ее писал.

Имя было названо. Пожалуй, только Костров не понял, что сказанная им фраза резко изменила характер разговора. До сих пор — внешне, по крайней мере, — это был обыкновенный дружеский разговор. Одна фраза Кострова превратила его в допрос. Все остальные почувствовали это сразу.

— Папа, — воскликнула Валя, — почему Юрий Павлович?

Костров растерянно оглядел нас всех.

— Я не знаю... — сказал он. — Я думал, мы просто так говорим, к примеру... Это же не допрос.

Это был именно допрос, и его нельзя было прекратить. Раз имя подозреваемого было названо, разговор должен был продолжаться до конца.

Теперь Вертоградский решил обнажить существо разговора. Он усмехнулся и встал с качалки. Мы с ним стояли друг против друга, и мне приходилось смотреть на него снизу вверх, потому что он был выше меня на целую голову.

Глава одиннадцатая

УЛИК ДОСТАТОЧНО

I

— Нет, это именно допрос, — подтвердил Вертоградский. — Но вы не смущайтесь, Андрей Николаевич. Я понимаю Владимира Семеновича, он обязан всех допросить.

Я был по-прежнему дружелюбен.

— Конечно, — согласился я. — Мы все заинтересованы в том, чтобы установить истину, и Юрий Павлович — не меньше других. Не надо только называть это допросом. Просто беседа, имеющая целью помочь следствию.

Костров переводил испуганный взгляд с Вертоградского на меня и с меня на Вертоградского. Очень несчастный вид был у старика. Я чувствовал, что он сам пугается мыслей, которые невольно приходили ему в голову.

— Итак, давайте продолжать наши рассуждения, — сказал я. — Вернемся к записке...

Я говорил по-прежнему спокойно, ни на кого не глядя, просто размышляя вслух. На секунду у меня мелькнула было мысль, что, быть может, опасно выпускать из виду Вертоградского, но, взглянув на Петра Сергеевича, я успокоился: он сидел на окне с видом чрезвычайно решительным. Не зная еще, как развернутся события и кто окажется виноват, он, видимо, твердо решил, что его долг не дать виноватому бежать.

— Видите ли, Андрей Николаевич, — продолжал я, — свой человек, находясь в комнате, всегда сможет написать записку так, что никто не обратит на это внимания. Но когда чужой приходит в дом по делу на десять минут, он на виду все время. Как же мог написать Грибков записку, находясь с вами и с Юрием Павловичем в одной комнате? Ведь для этого надо достать карандаш, бумагу, сесть. Как хотите, а мне это кажется невероятным. Потом, какая случайность: он оказывается под окном как раз тогда, когда я говорю, что улик против Якимова недостаточно.

— А может быть, находясь под окном, — перебил меня Вертоградский, — и услыша ваши слова, он там же и написал записку? Так ведь тоже могло быть. Тогда наверху ему оставалось только сунуть записку в книгу. Ну, а это он, конечно, мог незаметно сделать.

— Может быть, — согласился я. — Удивительно только, как все время везло Грибкову... до самой его встречи с вами.

— Зато при встрече со мной, — насмешливо подхватил Вертоградский, — ему решительно не повезло.

Костров вдруг обрадовался.

— Вот-вот, — закивал он головой, — правильно, правильно!

Старику ужасно не хотелось разочаровываться в своем ассистенте. Как всякий хороший и честный человек, он надеялся, что и все вокруг окажутся честными и хорошими. Тем более, что его еще мучила совесть, что он так поспешно обвинил Якимова! Он повернулся ко мне с вопросительным и просящим видом:

— Владимир Семенович, это ведь действительно снимает все подозрения с Юрия Павловича!

— Вы только не подумайте, — мягко сказал я, — что я обвиняю Юрия Павловича. У нас разговор предполо-

жительный. Но допустите на одну минуту, что Юрий Павлович — засланный агент.

Костров возмущенно пожал плечами.

— Ну, знаете... — начал он.

Но Вертоградский его перебил:

— Ничего, продолжайте, Владимир Семенович.

Я улыбнулся:

— Хорошо, будем продолжать. Значит, Юрий Павлович, вы, с вашего разрешения, засланный агент. Причем самый квалифицированный, самый ценный.

Вертоградский вежливо поклонился:

— Спасибо за комплимент.

— Ваша задача, — дружелюбно продолжал я, — стоять в стороне и не попадаться. Ваша работа далеко впереди. Вам нужно сохранить себя для нее. Грибков вас знает. Вы были с ним и раньше связаны. Может быть, даже именно он передал вам указание уйти в глубокое подполье и ждать. Важнее всего для вас — не выдать себя. Поэтому вы вовсе не хотите помогать Грибкову в его работе. Но события поворачиваются так, что Грибков оказывается в опасности. Что вы будете делать?

Вертоградский подумал, нахмурился и пожал плечами.

— Ей-богу, — сказал он, — ничего не приходит в голову.

— Но это же совершенно ясно, — удивился я, — как вы сами не догадываетесь? Помогать Грибкову рискованно, но, если он попадется, риск еще больше. Вы совершенно не гарантированы от того, что он вас не назовет на допросе. Конечно же, вы будете пытаться спасти Грибкова. Правда ведь?

Вертоградский улыбнулся широкой, добродушной улыбкой.

— Вы совершенно правы, Владимир Семенович, — согласился он. — Разумеется, если бы я был немецким агентом, я бы попытался Грибкова спасти. Но ведь вы хорошо знаете, что я его не спасал.

— Конечно, конечно, — улыбнулся я. — Но представим себе на минуту, что вы фашистский агент, а спасти Грибкова не можете. Что вы должны делать в этом случае? Не догадываетесь? Вы ведь умный человек. Конечно, вы должны любой ценой заставить его замолчать.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил Вертоградский, — убить его?

— Да, — согласился я, — убить. Кстати, мы уже говорили, что вам нужно выдвинуться. А убийство немецкого шпиона — это акт героический.

Молчал я, молчал Вертоградский. В комнате было очень тихо. Так тихо, что слышно было взволнованное, неровное дыхание Вали. Вертоградский рассмеялся и сказал громко и весело:

— Достоевский говорил, что психология — палка о двух концах. Вы бьете больно, Владимир Семенович, но не забудьте, что палку можно и повернуть!

Я наклонил голову:

— Поверните.

II

— Разрешите теперь, — сказал Вертоградский, — немного порассуждать и мне. Представим себе на минуту, что я действительно нахожусь под следствием. Что́ я мог бы в этом случае ответить вам? Я бы ответил следующее: у каждой профессии, дорогой Владимир Семенович, есть свои профессиональные болезни: у наборщика — свинцовое отравление, у часовщика — близорукость. Ваша профессия страдает своей болезнью. Эта болезнь — подозрительность и избыток воображения. Стечение обстоятельств кажется вам достаточным для обвинения человека. Между тем, если посмотреть на дело спокойно и не предвзято, то ведь все это будет выглядеть совсем не так убедительно. Все, что вы говорите, Владимир Семенович, это психология, рассуждения, более или менее убедительные, но вовсе не доказательные. Ведь конкретного-то ничего нет... — Он наклонился ко мне и сказал тихо и внятно: — Улику, Владимир Семенович, хотя бы одну улику!

Он был совершенно прав. К сожалению, все это были одни рассуждения. Но я все-таки думал, что улику мне получить удастся. Несмотря на внешнее спокойствие Вертоградского, я чувствовал его растущую растерянность. Вряд ли он ждал, что я буду говорить с ним так прямо. Естественно с его стороны было предположить, что, если я затеял этот разговор и открыл свои карты, значит, у меня есть неизвестные ему доказательства.

Мысль эта наверняка его беспокоила и лишала выдержки и стойкости. Я решил еще раз испытать его нервы.

— Только не забывайте, Юрий Павлович, — сказал я ласково, — что мы говорим предположительно. Это дружеский разговор, не более. — Я помолчал и рассмеялся. — Но, каюсь, Юрий Павлович, после истории с запиской я послал радиограмму в Москву — проверить, учились ли вы в Московском университете.

Я замолчал. Хотя Вертоградский действительно учился в Московском университете и ему нечего было опасаться ответа на мою радиограмму, но он с таким напряжением ждал подвоха с моей стороны, так боялся совершить ошибку, сказать не то, что следует, что молчал, видимо, соображая, не могло ли из университета прийти разоблачение. Все почувствовали странность его молчания.

— И вам ответили, что он не учился? — волнуясь спросил Костров.

— Что вы, Андрей Николаевич! — удивился я. — Я бы тогда просто арестовал Юрия Павловича.

Вертоградский засмеялся коротким и резким смехом.

— Какое счастье, — сказал он, — что не напутали в архиве!

— К счастью, путаницы не произошло, — успокоил я его.

Вертоградский вздохнул, шутливо изображая чувство величайшего облегчения.

— Значит, я могу себя считать реабилитированным? — спросил он. — Валя, налейте оправданному чаю, у него от волнения пересохло в горле.

Нехороший был у него при этом вид. Вероятно, действительно у него пересохло в горле. Он был бледен, и шутка его прозвучала неестественно. Настолько у него был странный вид, что Валя растерянно на него посмотрела и немного отодвинулась, когда он к ней подошел. Он не обратил на это внимания, сам налил себе чаю и сел.

Но наш разговор далеко еще не был кончен. Я подошел и снова стал против него. И снова, не отрывая глаз, на нас смотрели Костров, Валя и Петр Сергеевич.

— У меня ведь, как вы сказали, профессиональная болезнь, — снова заговорил я. — На всякий случай я

спросил у вас, в какой вы школе учились, и послал радиограмму в Калинин.

Он поднял на меня глаза. Они были насмешливо прищурены. Я думаю, Вертоградский прищурил их для того, чтобы я не увидел их выражения.

— Предусмотрительно, — сказал Вертоградский.—Но могла произойти путаница в калининском архиве.

— Могла, — согласился я, — но не произошла. В Калинине уничтожены архивы перед занятием города немцами.

Вертоградский рассмеялся раскатисто и громко. Немного слишком громко, немного слишком раскатисто... Мы ждали все, когда он кончит смеяться, и я видел ужас в глазах и Кострова и Вали. Не мог так смеяться человек, уверенный, что никакое разоблачение для него не опасно. Он наконец замолчал и отхлебнул чаю.

— Тогда пошлите радиограмму в родильный дом, — сказал он. — Может быть, я и не родился.

Я оперся на стол и приблизил лицо к его лицу.

— Этого не нужно, — сказал я. — В какой вы, говорите, школе учились?

Он посмотрел на меня и спросил:

— А что?

— Помните, вы ночью рассказывали мне, что в тринадцатой? Это несчастливое для вас число: в Калинине всего десять средних школ.

Опять наступила пауза. Я смотрел на него внимательно. Он растерялся. Моя уверенность подействовала на него. Он попался даже легче, чем я ожидал. Он несколько раз пошевелил губами, прежде чем начать говорить.

— Так... — сказал он. И опять замолчал. Потом отпил еще чаю. — Отвечу вам тоже психологическим рассуждением. Я чувствовал, что вы меня подозреваете, разумеется нервничал и напутал. Я и сам тогда заметил и сразу поправился бы. Но боялся, что вам покажется это подозрительным, и промолчал. Я учился в школе номер восемь, в доме номер тринадцать по улице Энгельса.

Вертоградский помолчал. Постепенно он снова обрел хладнокровие. Я смотрел на него улыбаясь, и его, видимо, очень тревожила моя улыбка. Он быстро соображал, не сделал ли он еще какую-нибудь ошибку. Это был уже

не тот хладнокровный, непроницаемый человек, с которым мы несколько часов назад беседовали, попивали чай, — теперь он был не в силах сдерживаться, и чувства его ясно отражались на лице. Я даже ощутил момент, когда у него вдруг мелькнула догадка. Он быстро посмотрел на меня.

— Но когда вы успели получить ответ на радиограмму? — спросил он.

Я рассмеялся.

— Юрий Павлович, Юрий Павлович, — сказал я, — как легко вы отказываетесь от своих школьных товарищей и учителей! Я не только не успел получить ответ, но я даже и не запрашивал, сколько в Калинине школ. Думаю, что больше тринадцати. Я хотел только узнать, точно ли вы осведомлены о своей прошлой жизни.

III

Снова наступило молчание. Вертоградскому нелегко дался этот удар. Он ясно почувствовал, что хозяином в разговоре был я. Он понимал, что наделал глупостей. Это лишало его уверенности в себе. Он был в том состоянии, когда люди, чувствуя, что надо исправить сделанные ошибки, совершают новые, еще более тяжелые. Он перевел дыхание.

— Допрос вы ведете мастерски, — сказал он. — Должен признаться, что вы меня сбили с толку. Еще немного, и я сам поверил бы в то, что я виноват.

Я пристально на него взглянул. Действительно, он был сбит с толку. Он был готов выдать себя. Теперь я должен был предоставить ему эту возможность. Я пожал плечами.

— К сожалению, вы правы, Юрий Павлович, — сказал я, — это все психология. Улик у меня все-таки нет ни одной. Вот если бы в доме была вакцина, это была бы улика.

— Почему? — спросил Вертоградский.

— Не мог же ее Грибков спрятать при вас, если вы не были его соучастником!

— То есть когда «при мне»?

— Вчера, когда вы его застрелили. Перед этим мы достаточно тщательно обыскивали комнату, чтобы знать, что вакцины здесь нет.

Вертоградский поднял на меня глаза. Вероятно, прежде всего он подумал, что я знаю, где вакцина, потом вспомнил, что слишком взвинчен и не может рассуждать хладнокровно. Он сделал скидку на свою возбужденную мнительность. Невольно в том состоянии, в котором он был, масштабы явлений смещались. Серьезное казалось пустяком, а пустяк вырастал в страшную угрозу. Он заставил себя поверить в то, что я ничего не знаю.

— Я думаю, — медленно сказал он, — что в доме вакцины нет.

Я пожал плечами.

— Посмотрим, Юрий Павлович, — сказал я.

— Владимир Семенович, — возбужденно вмешался в разговор Костров, — если вы думаете... если вы подозреваете, так давайте искать!

За окном задребезжала телега.

— Лошадь подана, — сказал Петр Сергеевич.

Костровы смотрели на меня выжидающе. Я отрицательно покачал головой.

— Нет, Андрей Николаевич, — сказал я, — вы сейчас собирайтесь и поезжайте. Я здесь останусь один, спокойно, не торопясь обыщу дом и к обеду буду у вас... Правильно, Петр Сергеевич?

— Конечно, правильно, — согласился Петр Сергеевич. — Вас одного мы как-нибудь всегда доставим.

— Не хочется мне уходить... — колебался Костров.

— Придется, — решительно сказал я. — Когда вы уедете, я пересмотрю каждый вершок. Так будет гораздо лучше.

Петр Сергеевич встал, выглянул в окно, окликнул возчика, распорядился, чтобы телегу подали к крыльцу, вознегодовал, что на лошади не тот хомут, — словом, стал проявлять энергичную деятельность.

— Пойдем, папа, — сказала Валя. — Нельзя же людей задерживать. Твой рюкзак еще не уложен.

Недовольно нахмурившись, Костров пошел наверх, в мезонин. Вертоградский спросил неуверенно:

— Владимир Семенович, я тоже могу ехать?

— Конечно, Юрий Павлович. Пока ведь улики нет.

— Ну что ж, и на том спасибо, — криво улыбнулся мне Вертоградский.

— Пожалуйста, — ответил я, тоже улыбаясь.

Голос Петра Сергеевича раздавался уже за окном. Он кого-то распекал, кем-то возмущался.

— Боком, боком! — говорил он. — Неужели не понимаешь? Осторожней!

Костровы ушли в мезонин. Я выбежал на кухню и в кухонное окно крикнул что-то Петру Сергеевичу. Когда за мною закрылась дверь, Вертоградский остался в комнате один.

IV

Полминуты я беседовал с Петром Сергеевичем, потом хлопнул наружной дверью. Казалось, что я вышел из дома. Конечно, Вертоградский мог на всякий случай отворить дверь и проверить, но у него были считанные секунды, он не мог их тратить щедро. Бесшумно, на цыпочках, я пробежал через кухню и, прислушиваясь, застыл у двери. В комнате было тихо. Я ждал. Шагов его я мог не услышать — наверно, он тоже ходил на цыпочках, — но шелест бумаги, звон стекла, стук кочерги — что-нибудь должно было мне указать момент, когда следовало открыть дверь. Я ждал. Петр Сергеевич вошел в кухню и уже открыл рот, чтобы спросить меня о чем-то, но я так замахал рукой, что он застыл с открытым ртом и широко открытыми, испуганными глазами.

Секунда шла за секундой. В комнате была по-прежнему мертвая тишина. Может быть, Вертоградский действовал так осторожно, что я напрасно ждал звука, который бы выдал его, или же я прослушал? Я уже решил открыть дверь наудачу и в это время услышал тихое, чуть различимое звяканье стекла. Я распахнул дверь и вошел в комнату. Я не ошибся: Вертоградский сидел у печки и мешал кочергой горящую бумагу. Он не обернулся, когда я вошел. Поза его была неестественна и неудобна. Видимо, так застал его стук открывшейся двери. Я осмотрелся. Ведро с водой стояло на полу. Я подошел к печке. Черная коленкоровая тетрадь корчилась на огне; рядом поблескивали осколки разбитых ампул. Как я и рассчитывал, он попытался уничтожить главную улику против себя.

— Что же вы не собираетесь, Юрий Павлович? — спросил я спокойно. — Бумаги жжете?

Он не успел мне ответить. Схватив ведро, я выплеснул всю воду в печь. Туча пара окутала Вертоградского, он вскочил. Я наклонился и вытащил из огня полусгоревшую тетрадь.

— А куда вы ампулы дели? — деловито спросил я его, вынимая из кобуры наган.

Секунду Вертоградский смотрел на меня безумными глазами. Он глотал воздух, как рыба. Он был явно в смятении и не знал, что ему говорить и что делать. Впрочем, этой одной секунды было достаточно для него, чтобы понять, что он выдал себя окончательно и бесповоротно. Он рванулся было к окну, но сразу остановился. В дверях кухни стоял Петр Сергеевич, держа в руке трофейный немецкий маузер. Еще секунда молчания. Истерическая улыбка появилась на лице Вертоградского, он взглянул на дверь мезонина.

Я не заметил, когда вышел из мезонина Костров. Во всяком случае, достаточно давно, чтобы услышать и понять главное. Он сбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и подскочил к Вертоградскому.

— Сожгли! — закричал он надтреснутым голосом. — Разбили!

Маленький, он стоял перед высоким Вертоградским и, кажется, собирался вцепиться ему в горло. Вертоградский немного овладел собой. Он провел дрожащей рукой по волосам и повернулся к Кострову.

— Вот и всё, — сказал он с усмешкой. — Дневник сгорел, вакцины не существует.

Он сказал это спокойно, но губы его дрожали, и столько откровенной ненависти было в его взгляде, что трудно было сейчас понять, как мог этот человек годами притворяться любящим и преданным другом семьи Костровых.

Дальше мне не следовало молчать. Кострова мог хватить удар от горя и ярости.

— Не надо, Юрий Павлович, считать других дураками, — сказал я мягко. — Неужели вы думаете, я оставил бы вас одного, чтобы вы могли тут спокойно хозяйничать? Мне ведь нужна была только улика, вот я ее и получил.

Я вынул из кармана настоящий дневник и настоящие ампулы и протянул их Кострову.

* * *

Вертоградского увели. Его отправят следующим самолетом. Не надо, чтобы он летел вместе с Костровыми.

Андрей Николаевич долго бормотал что-то совершенно невразумительное. По некоторым признакам я догадался, что он благодарил меня и просил извинения за свою недоверчивость.

А Валя просто взяла мою руку и сказала, глядя мне прямо в глаза:

— Вы тоже полетите в Москву, Володя? Мне так спокойно, когда вы с нами.

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

Невидимая схватка

РАССКАЗ

I

Всю ночь густыми белыми хлопьями шел снег. Непроницаемой стеной он закрывал местность от внимательных глаз пограничников. В трех шагах уже ничего нельзя было рассмотреть, и это создавало для нарушителей границы благоприятную обстановку.

Наряды были усилены. Кроме обычных, ежедневно включенных фотоэлементов, работали резервные и аварийные. Тонкие невидимые лучи пронизывали толщу падающего снега, а на контрольном посту следили за приборами не один, а двое дежурных.

Сделано все возможное, но начальник заставы — старший лейтенант Васильев — не был спокоен. Слишком плотно падал снег. Он знал, что хитрый и опытный враг всегда ищет лазейки, чтобы перейти границу, а особенно — в такую погоду.

В эту тревожную ночь жизнь заставы внешне шла как всегда. Свободные от нарядов бойцы получили приказание ложиться спать, но многие лежали с открытыми глазами, готовые вскочить в любую минуту по первому сигналу тревоги.

Тишина, царящая на заставе, нарушалась только

шагами Васильева, проходившего из своего кабинета на контрольный пост и обратно. Начальник заставы не мог заснуть.

Так прошла ночь.

В восемь часов утра снегопад внезапно прекратился. Сразу посветлело. Под лучами только что поднявшегося солнца заискрилась и засверкала белоснежная даль. Тучи уходили на запад, а с востока надвигалась и ширилась чистая голубая полоса безоблачного неба.

Помощник начальника заставы — лейтенант Ильин — вошел в дежурную. Всю ночь он, по приказанию Васильева, «спал», но бессонная ночь не отразилась на нем. Как всегда, румянец играл на молодом здоровом лице, а глаза весело блестели.

— Замечательный будет день, — сказал Ильин, подходя к окну, у которого сидел Васильев. — Идите отдыхать, товарищ старший лейтенант.

— Жалко в такую погоду.

— Нельзя же без отдыха. — Ильин избегал взгляда начальника заставы. — Мы теперь сами управимся. Выспались.

Васильев улыбнулся. Он хорошо знал, что лейтенант, как и он сам, не спал всю ночь. Но, не желая показать, что допускает даже мысль о возможности невыполнения своего приказания, устало сказал:

— Пойду. Пришлите разбудить меня ровно в половине...

И не договорил.

Раздалась тревожная дробь звонка. Мигнули и вспыхнули красные сигнальные лампочки на пульте.

Дежурный сержант обернулся к начальнику заставы:

— Товарищ старший лейтенант! Линию границы перешел человек!

Васильев встал и подошел к пульту:

— На каком расстоянии от заставы?

— Шестьсот пятьдесят метров, на север. Человек прошел во весь рост.

— Вижу, — коротко ответил Васильев.

Три лампочки от трех фотоэлементов, расположенных на разной высоте, указывали, что три невидимых луча одновременно пересекло какое-то тело не менее полутора метров высотой. Это мог быть только человек. Крупные животные в районе заставы не водились.

— Включите квадрат номер семь, — приказал Васильев.

Засветился матовый экран. На нем появилась снежная полоса, окаймленная с двух сторон темной линией леса. Она была пустынна.

— Опустите шторы!

Приказание было исполнено, и в дежурной комнате стало темно. Только экран освещал ее слабым светом. Васильев и Ильин не спускали с него глаз.

Несколько минут на экране ничего не появлялось. Потом они увидели, как из леса вышел человек на лыжах. Он шел медленно, не скрываясь, и, по-видимому, совсем спокойно. Равномерно поднимались и опускались палки. Было похоже, что человек совершает обыкновенную лыжную прогулку, а не опасный переход чужой государственной границы.

— Нахальный тип! — сказал Ильин.

Васильев повернул одну из ручек на аппарате. Изображение нарушителя приблизилось и заняло весь экран.

— Приготовьтесь!

Сержант уже был рядом и держал в руках большую съемочную камеру с раструбом на объективе.

Васильев еще больше повернул ручку. Теперь, во весь экран, они видели голову человека. Это был пожилой мужчина с худощавым лицом и тонкими губами. Его необычайно глубоко запавшие глаза настороженно и внимательно смотрели по сторонам.

— Снимайте!

Сержант приставил раструб камеры к экрану. Послышалось шуршание ленты.

— Готово, товарищ старший лейтенант!

— Отдайте проявить.

Сержант вышел. Васильев отодвинул изображение на первоначальное расстояние.

— Он идет прямо на пост номер семь, — заметил Ильин.

Васильев пожал плечами.

— Это или сумасшедший, или человек, сознательно идущий к нам в руки, — сказал он. — Его задержат через несколько минут.

Они следили за нарушителем до тех пор, пока он не скрылся в лесу.

— Сейчас получим донесение от сержанта Федотенко, — сказал Васильев, выключая экран.

— Странный нарушитель. Почему он подождал конца снегопада? Полчаса назад переход границы был безопаснее.

Васильев нахмурился и ничего не ответил. Он не любил загадок, а поведение нарушителя было загадочно и непонятно.

Раздался телефонный звонок.

— Пост номер семь, — сказал дежурный, передавая трубку начальнику заставы.

— Я слушаю.

Ильин видел, как брови старшего лейтенанта сдвинулись, а на лице мгновенно исчезли все следы усталости. Несколько минут он внимательно слушал.

— Буду у вас через пять минут.

Положив трубку, Васильев стал быстро одеваться.

— Очень странно, — сказал он. — Сержант Федотенко сообщает, что Баян чувствует нарушителя, а вместе с тем никого нет.

Баян был лучшей собакой на заставе.

— Как никого нет? — удивился Ильин. — Но ведь мы...

— Я проеду на пост номер семь, — перебил Васильев. — Займитесь очисткой заставы от снега.

— Слушаюсь!

Через минуту Васильев в сопровождении старшины Грачева и двух пограничников мчался на аэросанях к месту, где произошло странное событие.

Баян почуял нарушителя. Он, Васильев, видел его собственными глазами, человек шел прямо на пост номер семь, а старший наряда, сержант Федотенко — опытный пограничник — сообщает, что никого нет. Было от чего прийти к недоумение.

Аэросани быстро достигли места, которое Васильев недавно видел на экране. Он приказал замедлить ход, внимательно осматривая местность.

— Стой!

Сани остановились.

Четкий лыжный след пересекал путь. Он шел двумя ровными линиями, направляясь к лесу, до которого отсюда было метров сто пятьдесят.

Васильев вышел и рассмотрел след. Никаких сомнений, он был совсем свежий. Человек прошел не более де-

сяти минут тому назад. И это не опытный лыжник. Он шел медленно и неумело.

— Слишком странно, — прошептал Васильев.

Он сел на свое место и скомандовал:

— К лесу!

Аэросани в несколько секунд достигли деревьев. Дальше ехать было нельзя. Васильев и старшина вышли из саней. Как из-под земли перед ними выросла фигура пограничника.

— Товарищ старший лейтенант! — доложил он. — Пост номер семь. Происшествий никаких не случилось. Все спокойно. Старший наряда сержант Федотенко.

— Происшествий никаких не случилось, — повторил Васильев. — А это что?

Сержант посмотрел по тому направлению, куда указывала рука командира, и его молодое лицо, еще хранившее следы летнего загара, побледнело.

— Ничего не понимаю, товарищ старший лейтенант, — растерянно сказал он. — Никого не было. Этого следа мы не видели.

Васильев нахмурился.

— След идет рядом с вами. Лыжи! — приказал он. — Быстрее!

Лесная полоса была неширока. Через пятнадцать минут быстрого хода пограничники вышли на опушку. Перед ними открылась широкая равнина, и все трое сразу увидели нарушителя.

В этом месте был крутой спуск к руслу небольшой речки, скрытой сейчас под снежным покровом, а за ней, не дальше чем в полукилометре, возле длинной гряды кустарника, виднелась фигура человека на лыжах.

— Мы догоним его через несколько минут, — сказал Васильев. — Вперед!

Трое лыжников одновременно рванулись вниз.

Несмотря на скорость их спуска, старший лейтенант успел заметить, что нарушитель проходил это место очень медленно, спускаясь шаг за шагом и упираясь палками перед собой.

«Он совсем не умеет ходить на лыжах, — подумал Васильев. — Очень странный нарушитель. Но как могло случиться, что он прошел мимо седьмого поста и никто его не заметил? Баян почуял врага, а три человека, находившиеся тут же, его не видели. Что за чертовщина!»

Расстояние быстро сокращалось. Старший лейтенант хорошо видел нарушителя, медленно идущего вперед и ни разу не обернувшегося.

Кто он такой? Какова цель его нелепого перехода границы? Все должно было выясниться через несколько минут.

Когда пограничники приблизились к гряде кустов, которые заслонили от них нарушителя, Васильев остановился.

— Грачев направо, Иванов налево, — тихо скомандовал он. — На десять метров от меня. Приготовить оружие...

Оба пограничника быстро заняли указанные места.

— Вперед...

Васильев вынул пистолет, держа его в руке, миновал кусты и... остановился как вкопанный.

Нарушителя нигде не было видно.

Гладкая снежная равнина была пустынна. Никакого движения, ни одного живого существа. Девственная белизна снега сверкала на солнце мириадами ярких точек.

Васильев протер глаза и встряхнул головой. Нет, нарушителя все-таки не было. Он посмотрел вниз. Вот следы лыж. Они по-прежнему идут двумя ровными полосами.

Старший лейтенант медленно пошел вперед. Пройдя метров десять, он остановился и знаком подозвал к себе обоих спутников.

Лыжный след на этом месте обрывался. Дальше белела гладкая поверхность нетронутого снега.

Васильев невольно поднял голову, словно надеясь там, наверху, увидеть поднявшегося в воздух нарушителя. Оба пограничника также посмотрели вверх. Потом они взглянули на своего командира, а он на них.

Величайшее удивление отразилось на всех трех лицах.

Что же это значит?

Куда делся человек, которого они только что видели?

2

Дежурный радист окончил передачу шифрованного рапорта Васильева. Но рация молчала. Далеко, в штабе отряда, начальник штаба полковник Артемьев не отвечал.

Прошли две томительные минуты, которые показались старшему лейтенанту часами.

Наконец пришел короткий ответ: «Буду через полтора часа».

Васильев облегченно вздохнул. Больше всего он боялся, что начальник штаба прикажет ему самому выяснить обстоятельства дела. С момента непонятного исчезновения нарушителя Васильев чувствовал себя выбитым из колеи. Ничего похожего на эту таинственную историю не случалось в его, сравнительно короткой, пограничной жизни, и он впервые сознавал свою беспомощность и отсутствие настоящего опыта.

Полковник будет здесь через полтора часа. Значит, он решил бросить все дела и немедленно лично прибыть на заставу.

Как и все люди отряда, старший лейтенант чувствовал безграничное доверие к начальнику штаба. Артемьев был старым, опытным пограничником, с огромным авторитетом. Как он поступит в таком из ряда вон выходящем случае? Что предпримет? Как найдет нарушителя?..

Кто же он такой, этот загадочный нарушитель? Как ему удалось пройти мимо трех бдительных людей и остаться незамеченным? И куда он исчез? Словно растаял в воздухе...

Старший лейтенант ходил по кабинету, тщетно ломая голову над этим вопросом.

Куда девался нарушитель?..

Сделался вдруг невидимым? Вместе с одеждой, лыжами, а заодно и со следами лыж на снегу?.. Явная нелепость!

Зарылся в снег, не оставив ни малейших следов на поверхности? Невозможно!

Спрятался? Негде!

Перед глазами Васильева в сотый раз встала картина снежного поля с отчетливыми следами лыж, так резко обрывающимися на совершенно ровном месте. И дальше ничего. Нетронутая целина снега.

Но человек прошел...

Он, Васильев, видел его своими глазами. Этот таинственный человек находится на территории Советского Союза, проникнув на нее через его участок. Зачем? С какой целью?

Васильев поминутно смотрел на часы. Как медленно тя-

нется время! Скорей бы пришла машина! Скорей бы был здесь старший и опытный командир!..

Может быть, он, Васильев, допустил какую-нибудь ошибку? Полковник укажет на нее, поможет исправить. Пусть он даже будет недоволен, пусть жестоко раскритикует, как умеет это делать Артемьев, но только бы снять с плеч гнетущую тяжесть сознания своей вины. Родина доверила ему свою охрану на этом участке, а он пропустил врага. Не оправдал доверия. Подвел отряд, подвел всю пограничную службу...

Васильев мысленно представил себе необъятную протяженность границы, где его товарищи, пограничники, бдительно охраняют мирную жизнь своего народа. И вот эта неприступная железная стена дала трещину... прошел враг...

Полтора часа тянулись бесконечно долго.

Но, наконец, знакомый автомобиль показался на дороге. Старший лейтенант выбежал на двор заставы, тщательно очищенный от снега. Через минуту, отдав рапорт, он ввел полковника в свой кабинет.

Артемьев, не раздеваясь, сел на стул, жестом разрешив старшему лейтенанту сделать то же.

Начальник штаба был человек лет сорока — сорока пяти, невысокий, плотный, одетый с той неуловимой щеголеватостью, которая отличает кадровых офицеров, долго прослуживших в армии и свыкшихся с военной формой.

— У нас мало времени, — сказал он. — Расскажите мне кратко, но возможно подробнее все, что случилось у вас.

Выслушав, не прерывая ни одним словом, рассказ Васильева, полковник на минуту задумался.

— Какие ваши предположения? — спросил он.

— Никаких нет, товарищ полковник.

Артемьев слегка приподнял левую бровь. Васильев хорошо знал, что это означало — полковник не удовлетворен ответом.

— Прикажите приготовить лыжи, — тем же ровным и спокойным голосом сказал Артемьев. — Сами пойдете со мной. Старшине Грачеву и сержанту Федотенко ожидать на заставе нашего возвращения.

— Слушаюсь!

— Поскорее, товарищ старший лейтенант!

Когда начальник заставы вышел из кабинета, лицо Артемьева изменилось. Нахмурив брови, он посмотрел на часы.

«Нарушитель, перешел границу три часа тому назад,— подумал он. — Плохо!»

— Готово! — доложил Васильев.

Они вышли во двор.

— Ведите меня прямо к месту, где следы нарушителя исчезли, — сказал Артемьев. — Кратчайшим путем.

Он пошел вперед легко и свободно, тренированным шагом опытного лыжника. Васильев шел рядом и на полшага сзади. Полковник велел ему вести себя, а сам шел впереди, не спрашивая дороги, быстро и уверенно.

Через полчаса они дошли до длинной гряды кустарника, идущей по берегу невидимой сейчас речки, и повернули вдоль нее. Вскоре Артемьев остановился на том месте, где два часа тому назад проходили Васильев и его люди, и внимательно осмотрел следы лыж.

— Вот это, очевидно, следы нарушителя, — сказал он и, не ожидая ответа, повернул на восток.

Васильев молча следовал за ним. Он видел, что Артемьев не нуждается в его указаниях, и решил молчать, пока тот сам не обратится к нему.

Они приближались к месту, где так внезапно и таинственно исчез след. Теперь Артемьев шел медленно, внимательно вглядываясь в местность.

Кругом все было спокойно. На широкой белой равнине не было видно ни одного живого существа.

Васильев неожиданно почувствовал сильное волнение. Ему вдруг показалось, что он забыл что-то очень важное, имеющее огромное значение, но что именно?.. Он напряг память, но внезапная и сильная головная боль заставила его на мгновение остановиться. Что-то странное творилось с ним. В его мыслях, до этого ясных, возник какой-то сумбур. На мгновение ему показалось, что рядом с полковником появился еще один человек. Галлюцинация сразу исчезла, но головная боль резко усилилась. Он хотел сказать полковнику о своем состоянии, но тот сам обратился к нему.

— Зачем вы останавливались на этом месте? — спросил Артемьев, но, взглянув на лицо старшего лейтенанта, воскликнул: — Что с вами? Почему вы так побледнели?

Васильев рассказал о своем неожиданном недомогании.

— Закройте глаза, — сказал полковник. — На вас подействовал блеск снежной равнины.

— Нет, это не то, — Васильев послушно закрыл глаза рукой. — Я сам с севера и хорошо знаю признаки «северной слепоты». Это другое. И потом я никак не могу вспомнить...

— И не надо, — перебил Артемьев. — Не вспоминайте. Забудьте об этом. Потрите лоб снегом!

Васильев опустился на снег. Полковник стоял над ним. Его брови сдвинулись, но на лице появилось выражение какого-то удовлетворения.

«Да, это так, — думал он. — Теперь уже нельзя сомневаться. И нельзя терять времени. Но как, какими средствами бороться с этим страшным врагом? Где искать его? — Он посмотрел вперед, куда уходил одинокий лыжный след, теряясь вдали в блеске снега. — Вот здесь Васильев и его люди перестали видеть этот след и того, кто оставил его. Отсюда они повернули обратно на заставу. А тот ушел дальше».

Он наклонился и положил руку на плечо старшего лейтенанта:

— Ну как? Легче?

— Как будто лучше,— ответил Васильев. — Головная боль проходит.

— Посидите еще немного и старайтесь думать о чем-либо не имеющем отношения к нашему делу.

— Нам уже недалеко идти, товарищ полковник. След исчезает где-то здесь.

— Там увидим, — ответил Артемьев. — Но вы лучше молчите. Так будет вернее. И не открывайте глаз без моего разрешения.

Минут через пять Васильев поднялся:

— Прошло, товарищ полковник.

— Совсем прошло?

— Совсем. Разрешите открыть глаза.

— Нет, погодите немного. Я не хочу подвергать вас неожиданному удару. Вы уверены, что след нарушителя не шел дальше?

— Вполне уверен, товарищ полковник. Вы сами увидите.

— Не думайте, что я вам не верю, — Артемьев гово-

рил мягким спокойным голосом. — Я верю каждому вашему слову, но все же след идет дальше. Постарайтесь не волноваться и относиться к фактам спокойно, какими бы странными и непонятными они ни были. След идет дальше. Он у меня перед глазами. Мы имеем дело с врагом, какого до сих пор не встречали. А теперь откройте глаза.

Хотя слова Артемьева и подготовили Васильева, он не смог удержаться от восклицания, когда, открыв глаза, увидел теряющийся вдали след нарушителя. Вот здесь, на этом месте, они видели этот след точно обрезанный ножом, а теперь он тянется вдаль ровной линией как ни в чем не бывало. Вот следы их троих. Тут они стояли. Вот обратный след, когда они повернули к заставе. Сомнений нет — это то самое место. Что же случилось с ними? Где был нарушитель, когда они, тщетно оглядываясь вокруг, искали его?

И почему он не заметил пять минут тому назад, что они уже дошли до места?..

— Где он был?

Артемьев не ответил.

— Товарищ полковник! Кажется, я допустил ошибку, уйдя так скоро с этого места и не оставив здесь никого из своих людей.

— Это было бы ошибкой, — ответил Артемьев, — при других обстоятельствах. Но в данном случае это не ошибка. Иначе вы не могли поступить. Вернемся на заставу. Идти дальше бесполезно.

Эти слова очень удивили Васильева. По-видимому, полковник отчетливо представляет себе все, что произошло здесь. Что он увидел, что понял во всей этой путанице?

Они быстро шли обратно. Полковник впереди, Васильев за ним, теряясь в догадках, но не смея задавать вопросов своему командиру. Так, не обменявшись ни одним словом, дошли до заставы.

Войдя в кабинет, Артемьев сразу направился к телефону. Против ожиданий Васильева, он позвонил не в штаб отряда и не в город, а на железнодорожную станцию, которая находилась в восьми километрах, и вызвал дежурного.

— У телефона Артемьев... Когда через станцию прошел последний пассажирский поезд?.. Этот поезд на ва-

шей станции не останавливался? Почему остановился?.. Кто закрыл семафор? Сейчас я приеду к вам...

Полковник положил трубку и, взглянув на Васильева, первый раз за это утро улыбнулся. Разговор, очевидно, вполне удовлетворил его.

— Ничего не понимаете? — спросил он. — Завтра объясню. Сейчас некогда. Надо действовать. Снимки проявлены?

— Проявлены и отпечатаны.

— Дайте мне их.

3

Высокий худой человек на лыжах медленно вошел на улицу станционного поселка. Он тяжело дышал. Длинный и, видимо, непривычный путь утомил его. Когда вблизи показалось здание небольшой станции, он остановился и огляделся вокруг. В этот час улица была пустынна. Убедившись, что его никто не видит, человек отстегнул лыжи, бросил их в придорожную канаву и засыпал снегом.

Облегченно вздохнув, он бодро пошел к станции. На перроне был только дежурный, совсем еще молодой человек в форменной фуражке с красным верхом. Увидев незнакомого человека, он внимательно посмотрел на него, но тотчас же равнодушно отвернулся.

Незнакомец подошел ближе.

— Когда пойдет поезд на Москву? — спросил он на русском языке с едва уловимым иностранным акцентом.

— Пройдет через пятнадцать минут, — ответил дежурный, не глядя на говорившего, — но он здесь не останавливается. Это экспресс.

— Я пойду вперед, навстречу поезду, — незнакомец говорил медленно и тихо. — Когда экспресс будет подходить к станции, закройте семафор и после полной остановки опять откройте его.

Не ожидая ответа, он быстро пошел по путям на север.

Дежурный по станции, казалось, не слышал его слов. Он повернулся и ушел с перрона, забыв о встрече.

Через пятнадцать минут московский экспресс неожиданно остановился перед закрытым семафором. Впоследствии машинист говорил, что видел высокую фигуру на

насыпи. Когда семафор открылся, поезд, набирая скорость, помчался вперед.

Никто не обратил внимания на нового пассажира. Проводник, открывший ему двери вагона, не помнил об этом. Высокий человек стоял у окна и молча смотрел на проносящийся мимо зимний пейзаж.

Экспресс мчался в столицу.

4

Худощавый брюнет, с гладко причесанными волосами, высоким лбом и блестящими черными глазами вошел в кабинет начальника управления пограничной охраны генерал-полковника Свиридова.

Генерал и раньше слышал о своем сегодняшнем посетителе, но ему не приходилось встречаться с ним. Имя профессора Леонидова, крупного ученого, было широко известно не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

— Нам очень жаль, — здороваясь сказал генерал, — что мы были вынуждены побеспокоить вас. Но на это есть серьезные причины. Садитесь, пожалуйста.

Профессор опустился в кресло.

— Я к вашим услугам, — сказал он.

— Я не отниму у вас много времени.

— Я к вашим услугам на любое время.

Свиридов открыл ящик стола и вынул лист бумаги, фотографию и пестро раскрашенный журнал.

— С сегодняшнего утра, — сказал он, — нас очень интересует один человек. — Он протянул профессору бумагу. — Здесь расшифрованное донесение из штаба одного из пограничных отрядов. Прочтите его. Оно подробно освещает все события. Автор радиограммы — один из лучших наших командиров.

— Полковник Артемьев, — прочитал Леонидов.

— Это человек, который, на моей памяти, ни разу не ошибся. Его сообщение выглядит необычайным, но раз он так пишет, то значит, так и есть на самом деле.

— Разрешите я прочитаю.

Свиридов, наблюдавший за профессором, заметил, что его губы дрогнули при чтении какого-то места радиограммы.

Леонидов положил лист на стол.

— Тут не может быть двух мнений, — сказал он.

Свиридов протянул ему раскрытый журнал:

— Он?

— Не обязательно, но наиболее вероятно, — ответил Леонидов, взглянув на портрет, помещенный в журнале.

— Вы знаете этого человека?

— Знаю хорошо. Это Генри Джеффрис.

— Именно он перешел границу, — сказал Свиридов. — Вот фотография нарушителя, сделанная на границе и переданная нам по бильдаппарату.

Профессор внимательно рассмотрел снимок.

— Да, это Джеффрис, — сказал он. — Нет никаких сомнений.

— Мы тоже пришли к такому заключению, — сказал Свиридов. — Я очень рад, что вы подтверждаете наш вывод. Установить личность нарушителя границы — это половина дела. Но остается другая половина. Надо знать то оружие, которым пользуется противник. Вот почему я позволил себе побеспокоить вас.

— Готов сделать все, что могу.

— У меня к вам один вопрос. Каким образом Джеффрис заставляет людей не видеть его, выполнять свои приказания и забывать о нем?

Профессор взял журнал и несколько секунд пристально смотрел на портрет. Во всю страницу был изображен человек в белом халате. Худой, с тонкими губами, он чуть насмешливо улыбался. Необычайно глубоко запавшие глаза производили неприятное впечатление.

— Генри Джеффрис, — задумчиво сказал Леонидов. — Никогда не думал, что он может пасть так низко. Я хорошо его знаю, но лично не встречался с ним. Было время, когда он состоял со мной в регулярной переписке. Это было лет шесть тому назад. С тех пор мы не переписывались. Но месяц тому назад я получил от него письмо. Мне кажется, что именно это письмо и мой ответ на него и послужили причиной визита к нам Джеффриса.

— Вот как! — удивился Свиридов. — Это приятно слышать.

— Думаю, что не ошибаюсь, — продолжал Леонидов. — Целью его появления являюсь я, и не столько я лично, сколько мой аппарат.

— Расскажите подробно, — попросил Свиридов.

— Вам придется запастись терпением, — улыбнулся Леонидов. — Об этом не скажешь в двух словах.

— Я готов слушать сколько угодно.

— Из донесения полковника Артемьева я вижу, что он правильно понял, в чем сила Джеффриса, — начал профессор. — Но он неправильно определяет методы его действий. Мгновенное внушение такой силы невозможно для человеческого мозга... — Свиридов кивнул головой. — На помощь Джеффрису пришла техника. Чтобы вы лучше поняли, в чем дело, я должен коснуться вопроса о сущности гипноза. Я не буду утомлять вас научной лекцией. Скажу только то, что поможет вам ясно понять силу и слабость Джеффриса. Мысль человека с очень грубым приближением можно сравнить с радиоволнами. Я подчеркиваю, что говорю крайне упрощенно. На самом деле тут мало общего. Но такое сравнение удобно, как бывает удобно объяснять явления в электрической цепи путем аналогии с течением воды в трубах. Для экономии времени примем такой способ. Итак, каждый человек имеет в мозгу небольшую радиостанцию и приемник, очень малочувствительный при этом. Благодаря слабости передающих станций и низкой чувствительности приемников мы не слышим мыслей друг друга. Но из радиотехники известно, что и на малочувствительных приемниках можно с успехом принимать передачу особо мощных станций. То же происходит и здесь. Мысль, переданная мощным источником, воспринимается мозговым приемником и, что особенно важно, воспринимается как мысль собственная. Хорошо ли вы меня понимаете? — прибавил профессор.

— Думаю, что понимаю, — ответил Свиридов.

— Отдельные люди, — продолжал Леонидов, — иногда обладают от природы очень сильной передающей станцией, но все же недостаточной, чтобы передать мысль с такой силой, которая заставила бы другого человека подчиниться. В этом отношении наш мозг никогда не изменится. Но внушение, гипноз — мощное средство в борьбе с психическими расстройствами, и, естественно, мысль ученых пошла по пути поисков средств, которые могли бы усилить естественную передающую станцию, сделать ее более мощной. Вам ясно?

— Вполне. Пожалуйста, продолжайте!

— Мне осталось сказать немного. Генри Джеффрис по специальности врач-психиатр. Он широко известен не

только на своей родине — Австралии, но и во всем научном мире. Он достигает выдающихся успехов в лечении психических болезней главным образом потому, что от природы обладает исключительно сильной «радиостанцией». Джеффрис — редкое явление в медицине. Но, как я уже говорил, его сила недостаточна, чтобы обеспечить успех во всех случаях. А успех ему необходим. Джеффрис стремится к славе «чудотворца» потому, что в мире капитализма слава — это деньги. Ему первому удалось напасть на верную идею «усилителя мысли». Но когда он построил аппарат, то убедился, что он не дает нужных результатов. И причина этого заключается в том, что Джеффрис исходит из неверной точки зрения на внушение.

— А именно?

— Джеффрис не понимает, что нельзя навязывать объекту внушения свою мысль. Внушаемая мысль должна восприниматься как мысль собственная. Это очень важно. Если бы это было не так, то теоретически было бы возможно методом внушения изменять, например, политические убеждения, что в действительности совершенно невозможно. Но Джеффрис считает это возможным. Мне известно, что он пытался это делать, но, как и следовало ожидать, у него ничего не получилось. Он винит в неудаче свой аппарат, но причина не в нем.

— Не совсем ясно, — сказал Свиридов.

— Это трудный вопрос, — согласился Леонидов. — Возьмем такой пример. Человек пьет запоем, он хочет избавиться от этого порока с помощью гипноза. Это часто бывает. В чем задача гипнотизера? Джеффрис и другие подобные ему ученые считают, что надо заставить человека забыть о своей болезни. Мы же, советские врачи, стоим на другой точке зрения. Человек хочет вылечиться. У него есть мысль об этом, желание. Нужно не навязывать свою волю, а усилить волю объекта, усилить его собственную мысль.

— Теперь понимаю, — сказал Свиридов.

— Тут коренное различие. Но вернемся к интересующему нас вопросу. Мысль Джеффриса об «усилителе» была подхвачена во многих странах, в том числе и у нас. Советским ученым, и в частности мне, удалось найти удачное разрешение этой задачи. «Усилитель внушения» у нас сейчас есть и успешно применяется в лечебных це-

лях. Благодаря тому, что мы стоим на правильной исходной позиции, наш аппарат действует безотказно. Но Джеффрис этого не понимает. Ему трудно отказаться от идеи «насилия». Он думает, что мне удалось построить более мощный аппарат, и только. Ему самому это не удается. И вот он обратился ко мне с письмом, в котором предлагал продать «секрет» аппарата и даже самому приехать в Австралию или Америку. Он сулил мне горы золота. Я ответил ему так, как следовало ответить на подобное предложение советскому человеку.

— И он решил украсть у вас аппарат?

— Не сам аппарат, его нельзя унести, а его схему. Он убежден, что я скрываю «настоящую» схему, и не верит опубликованной в свое время в наших медицинских журналах.

— Почему аппарат нельзя унести?

— Потому, что он не переносный и очень громоздкий.

— Хорошо! — сказал Свиридов. — Это все ясно. Цель прихода Джеффриса нам теперь понятна. Ответьте, как он действовал на границе?

— Безусловно с помощью маленького переносного «усилителя». Такие существуют. Заставить не видеть себя, забыть о себе, открыть семафор и тому подобное может не каждый, но Джеффрис, повторяю, исключительное явление. Вооруженный аппаратом, он страшно силен. Но его внушение не вечно. Легко вернуть память его жертвам.

— Вы можете это сделать?

— Конечно. И не я один.

Генерал-полковник задумался.

— Не совсем понятно одно, — сказал он. — Почему Джеффрис предпочел проникнуть к нам таким сложным и опасным способом. Любой ученый может легко получить разрешение на въезд в СССР. Зачем тайно переходить границу?

— И это могу объяснить, — ответил Леонидов. — Получив мой отказ, Джеффрис, видимо в гневе, написал мне письмо, состоявшее из одной фразы: «Все равно ваша тайна будет моей». Посудите сами — мог ли он официально приехать к нам? Ведь я буду знать, что он здесь, и приму меры, — он должен думать так. Застать меня врасплох, заставить открыть «тайну» — вот план его действий.

— Это вполне правдоподобно, и события подтверж-

дают ваше мнение. Я согласен с вами. Но не исключено, что Джеффрис имеет поручение шпионского характера. Так сказать, заодно.

— Возможно. Лучшего шпиона, чем он, отыскать трудно.

— В этом вы ошибаетесь. Труднее всего обнаружить самого обычного, среднего шпиона. Вы видите, что стоило только Джеффрису перейти границу, как его личность тут же была выяснена. В сущности, он уже не опасен, но меры против него принять надо, и они уже приняты.

— Какие?

— Ну, это уж «тайны ремесла», — засмеялся Свиридов. — Одна из этих мер — наш разговор. Мне хочется спросить вас вот о чем. Что вы можете посоветовать, чтобы схватить Джеффриса живым? Уничтожить его будет не трудно, но он крупный ученый. Мы не хотим прибегать к крайним средствам, а обычные методы задержания против него бессильны. Он заставит задержавшего отпустить себя и забыть о себе

— Только одно, — ответил Леонидов: — отнять у него усилитель. Без него он не опасен.

— А, например, вы? Могли бы вы справиться с Джеффрисом даже тогда, когда он вооружен своим аппаратом?

Леонидов посмотрел в глаза генералу и улыбнулся.

— Я понимаю вас, — сказал он. — Вы опасаетесь, что Джеффриса не удастся обезоружить и он явится ко мне?

— Да.

— Утверждать трудно. Если мне удастся опередить его на одну секунду, то я справлюсь с ним, несмотря на его «усилитель». Наука достигла больших успехов в вопросе искусственного сна. Опытный гипнотизер может заставить человека заснуть почти мгновенно.

— Хорошо! Картина ясна. Постараемся не подвергать вас риску. Последний вопрос: владеет ли Джеффрис русским языком?

— Владеет свободно. Все его письма ко мне написаны по-русски.

5

Неутомимо отстукивали колеса километр за километром. Станция за станцией проносились мимо. Московский экспресс останавливался редко.

Три пограничника ехали в трех разных вагонах. В одном из первых находился Васильев, в середине поезда — полковник Артемьев, в последнем вагоне — Грачев.

Высокий худощавый человек с глубоко запавшими глазами не появлялся.

Проходил час за часом.

Сидя у окна купе, полковник Артемьев делал вид, что читает. На самом деле, его мысли были далеко, и он не смог бы ответить на вопрос, что́ именно он читает. Время от времени переворачивая непрочитанные страницы книги, он продолжал обдумывать все тот же вопрос: как поступил нарушитель?

Приказ, полученный из Главного управления пограничной охраны, был краток и ясен — найти человека, перешедшего границу, и проследить за ним. В приказе указывалось, что выполнение возлагается на него, старшего лейтенанта Васильева и старшину Грачева.

Обычно выбор помощников предоставляли ему самому. Точное указание исполнителей приказа можно было понять так, что в Главном управлении ими недовольны и дают возможность исправить допущенную ошибку. Артемьев именно так и понял. Он ничего не знал о разговоре Свиридова с профессором Леонидовым.

Обдумав положение, полковник вызвал в штаб своих будущих помощников и ознакомил их с приказом.

— Добиться успеха необходимо, — сказал он им. — Приказ должен быть выполнен. Противник обладает силой мгновенного гипноза. Отсюда вывод — мы должны быть крайне осторожны. В Главном управлении считают, что нарушитель направляется в Москву. Вчера он сел на московский экспресс, но сегодня его там уже нет. Вы удивлены? Слушайте! Вот мой план. Нарушитель знает, что переход границы не останется незамеченным. Следы лыж будут обнаружены. Факт остановки экспресса также нельзя скрыть. Сопоставить оба факта и сделать вывод, что нарушитель находится в поезде, нетрудно. Он это тоже знает, но делает все так, что оставляет за собой ясно различимый след. Для чего? Для того, чтобы направить погоню по ложному пути. Он не сомневается, что мы будем искать его в том поезде, на который он сел так явно. Не забудьте, что телевизионную технику на границе стали применять совсем недавно. Нарушитель не знает, что нам известна его внешность. Он думает, что нам прихо-

дится искать человека, о внешности которого мы не имеем представления. Он должен был покинуть поезд и сядет на следующий уже с билетом, как обычный пассажир. Я предлагаю...

И вот переодетые в гражданскую одежду три пограничника сели в экспресс, проходивший ровно через сутки после того, который был остановлен Джеффрисом.

Артемьев был уверен, что нарушитель не будет терять лишний день и сядет именно в этот поезд. Но время шло, а противник не появлялся.

И постепенно стали закрадываться сомнения.

Враг мог быть хитрее, чем он думал. Может быть, он остался во вчерашнем поезде, разгадав план преследователей? Но тогда он был бы замечен опытным агентом, который, по телеграмме Артемьева, сел ночью в поезд и после тщательного осмотра всех вагонов сообщил, что человека с указанными приметами в нем нет. Но если этот агент был недостаточно осторожен и нарушитель разгадал в нем врага? Тогда сообщение могло не соответствовать действительности. Грозную силу противника Артемьев уже хорошо знал.

Что будет, если враг ускользнет?

Артемьев представил себе, сколько зла может причинить этот человек, обладающий непонятной и страшной силой. Он вспомнил при этом о молодом дежурном по станции, который заболел от потрясения и отчаяния, не будучи в состоянии объяснить, зачем он остановил московский экспресс. Сколько может быть таких жертв, не подозревающих об опасности, нависшей над ними, если враг не будет как можно скорее обнаружен и изолирован!

Артемьеву иногда казалось, что поезд не движется.

А экспресс мчался вперед, с бешеной быстротой проносясь мимо покрытых снегом полустанков, почти не снижая скорости, оставлял позади станцию за станцией, с застывшими на запасных путях товарными, пассажирскими и скорыми поездами, уступавшими ему главный путь. Вперед, вперед! К сердцу страны!

Артемьев бросил книгу на столик и вышел в коридор. Он был уже почти уверен, что ошибся. Нарушитель остался позади, он сядет на завтрашний поезд.

Сойти? Переждать еще сутки? Сесть в экспресс, который пойдет завтра?..

Да, да! Именно так надо поступить.

Но какое-то глубокое чувство, которое вырабатывается в пограничнике долголетней службой, говорило: «Нет!»

«Сойди с поезда, — убеждал уставший мозг. — Ты ошибся. Не упусти врага!»

«Все правильно, — успокаивало чувство. — Ты не ошибся. Враг впереди. Подожди еще. Вернуться ты всегда успеешь».

Экспресс замедлил ход. Остановка.

Зеркальные стекла окон были чисты и прозрачны, несмотря на сильный мороз снаружи. Артемьев внимательно рассматривал ярко освещенный перрон вокзала. Он знал, что его товарищи делают то же. Враг не мог остаться незамеченным тремя парами зорких глаз.

Пять минут... Незаметно и плавно трогаются вагоны. Следующая остановка через два с половиной часа.

6

Старшина Грачев, сидя в последнем вагоне, с привычной аккуратностью выполнял все указания полковника. На каждой станции он внимательно высматривал высокого человека, фотография которого лежала у него в кармане. Мысль, что этот человек может сесть именно в его вагон, почему-то не приходила в голову. Его роль в этой экспедиции казалась молодому пограничнику самой незначительной.

Поэтому, когда ожидаемый человек вошел в его вагон, старшина на мгновение растерялся. Все пассажиры давно спали, и одинокое пребывание в пустом коридоре могло показаться подозрительным. Стóит нарушителю подумать, что бодрствующий пассажир находится здесь ради него, и он мгновенно заставит Грачева забыть о нем. Старшина хорошо понимал, что именно этот человек стоял на границе в двух шагах от него, а он, Грачев, подчиняясь непонятной силе, не видел его.

Глубоко запавшие глаза скользнули по Грачеву без всякого выражения. Очевидно, Джеффрису даже в голову не приходило, что преследователь может находиться в поезде, на который он только что сел, и притом в том же вагоне. Грачев понял это, — врач ничего не подозревает.

Пока проводник приготовлял постель, Джеффрис

вышел в коридор и встал у окна, в двух шагах от своего противника. Он был в костюме явно советского производства и в мягкой шапочке, какие часто носят ученые.

Старшина заметил тонкий шнур, идущий из-под воротничка и пропадающий в волосах над ухом.

«Вероятно, слуховой аппарат, — подумал он. — Этот человек плохо слышит».

Он ничего не знал об «усилителе» и даже не подозревал о существовании подобного прибора.

— Не спится? — услышал он голос нарушителя.

Грачев не удивился, что вопрос задан на русском языке. Артемьев предупредил, что, судя по всему, нарушитель хорошо говорит по-русски.

Старшина обернулся и встретил взгляд, устремленный прямо на него. В глубоких провалах глазниц он увидел два темных, без блеска, почти невидимых под тенью бровей, внимательных глаза. На мгновение ему показалось, что у противника вообще нет глаз, а только черные провалы, как у черепа.

— Спал весь день. Я еду из... — Грачев назвал станцию, бывшую конечным пунктом этой линии.

— Путешествие в поезде — скучная вещь, — сказал Джеффрис. — Я предпочитаю самолет.

— Завтра будем на месте. Я еду в Москву. А вы?

— Я тоже в Москву.

«Спросить его, откуда он едет? Нет, нельзя задавать скользких вопросов».

— Постель готова, — сказал проводник, выходя из купе.

Джеффрис кивнул головой.

— Спокойной ночи! — сказал Грачев.

Ему хотелось продолжать разговор, но он чувствовал, что это будет неосторожно.

— Спокойной ночи.

«Ну вот и знакомство завязалось, — думал Грачев, закрывая за собой дверь купе. — Кажется, он не узнал меня».

Грачев напряженно прислушивался, чтобы не пропустить момент, когда нарушитель уйдет в купе и освободит ему дорогу к полковнику Артемьеву. Выйти при нем было опасно. Риск возбудить подозрение и сразу потерять все плоды счастливого случая был слишком велик.

Но противник не уходил. Тонкий слух старшины улав-

ливал звук его движений. Так прошел длинный, показавшийся Грачеву бесконечным, час. Враг упорно не уходил из коридора.

7

Полковник Артемьев хорошо понимал, с каким сильным противником свела его судьба. Стараясь учесть все возможные варианты, он учел и то затруднение, которое возникло перед старшиной Грачевым. Московский экспресс «Белая молния» на всем протяжении своего пути останавливался считанное количество раз, на самых крупных станциях. На каждой из них специально назначенные люди следили за всеми пассажирами. Через несколько минут после отхода от очередной станции Артемьев получал по радиотелеграфу приметы всех, кто сел в экспресс или сошел с него.

У Джеффриса была не совсем обычная внешность. Узнать его было легко. Все агенты имели на руках фотографию нарушителя границы. Австралиец не подозревал, что его ставка на то, что никому не известна его внешность, бита. Если бы он знал об этом, то не действовал бы так уверенно.

Через десять минут после того как Джеффрис вошел в вагон, полковник уже знал: враг в поезде и едет в последнем вагоне. Тот факт, что Грачев не явился доложить о появлении противника, показывал — нарушитель настороже и, очевидно, не ложится спать. Старшина не хочет выйти при нем, боясь возбудить подозрения.

Прочитав радиограмму, Артемьев прилег на диван. Впереди больше двух часов спокойного пути. За это время нарушитель никуда не мог исчезнуть. За Грачева полковник не беспокоился. Несмотря на молодость, старшина неоднократно проявлял отличные качества пограничника — выдержку, находчивость, хладнокровие. Нарушитель находится под неусыпным надзором.

Только сейчас, когда напряжение последних часов спало, Артемьев почувствовал, как сильно он устал. Мерное покачивание вагона действовало усыпляюще. Он с удовольствием подумал, что может позволить себе непродолжительный сон.

Прошло полтора часа. Экспресс мчался среди густого леса.

Вдруг режущий звук ворвался в равномерный перестук поезда. Вагон резко вздрогнул. Шипение сжатого воздуха, визг тормозов. Несколько секунд — и экспресс остановился.

Мгновенно проснувшись, Артемьев выскочил в коридор. Мимо с фонарем в руках пробежал проводник вагона.

— Что случилось? — крикнул полковник.

— Кто-то остановил тормозом поезд, — на ходу ответил проводник.

Артемьев накинул пальто и вышел на площадку.

Чернота ночи казалась еще темнее из-за плотной стены леса, подступившего близко к полотну дороги. Кто-то пробежал мимо к хвосту поезда.

— Гражданин, — сказал проводник, — пройдите в вагон. Поезд сейчас пойдет.

— Несчастье?

— Сейчас узнаем. Это в последнем вагоне.

Человек, только что пробежавший мимо, вернулся назад. Это был старший кондуктор экспресса.

— Что там? — спросил проводник.

— Хулиганство. Все пассажиры вагона спят.

Он пошел дальше, и Артемьев слышал, как он громко ругался по адресу неизвестного злоумышленника.

— Редкий случай, — сказал проводник.

Артемьеву стало ясно — экспресс остановлен нарушителем границы. Очевидно, он решил бежать. Что же могло побудить его на этот шаг? Что заставило его сойти с поезда, которого он ждал целые сутки, да еще среди леса? Поступок противника показывал — он внезапно потерял спокойствие. Это было хорошо, но что делать дальше? Преследовать врага? Это ни к чему, кроме поражения, не могло привести. Среди леса, покрытого толстым слоем снега, идти можно только по полотну дороги, и противник легко заметит погоню.

«Нет, — решил Артемьев. — Преследовать его сейчас нельзя. Надо дождаться станции и только тогда начать действовать. До остановки сорок пять минут. За это время нарушитель не уйдет далеко».

Положение усложнилось самым непредвиденным образом.

Полковник прошел по вагонам к концу поезда. Надо было узнать, не случилось ли что-нибудь с Грачевым.

В коридоре вагона, в котором ехал старшина, Артемьев увидел начальника поезда, разговаривавшего с проводником.

Подойдя к нему, полковник назвал себя и предъявил свое служебное удостоверение.

— Прошу рассказать, при каких обстоятельствах произошла остановка, — сказал он.

— Непонятные обстоятельства, — ответил начальник поезда. — Неизвестный злоумышленник воспользовался ручкой экстренного торможения, которая расположена в конце вагона напротив двери служебного отделения.

— Я сразу вышел, — сказал проводник. — Но в коридоре вагона никого не было. На площадке тамбура тоже. Немыслимо успеть повернуть ручку и скрыться даже в ближайшее купе с такой быстротой.

— Все ли пассажиры находятся в вагоне? — спросил Артемьев.

— Я не видел, чтобы кто-нибудь вышел.

— Надо проверить.

В купе номер пять не оказалось одного пассажира.

— Это тот, который сел на последней станции, — сказал проводник. — Он был без багажа.

— Может быть, он прошел в другой вагон? — заметил начальник поезда.

— Нет, — ответил Артемьев. — Он остановил поезд и сошел с него.

— Невозможно, — сказал проводник. — Двери заперты. Без меня никто не может выйти.

— И все-таки это именно так.

Проводник пожал плечами и недоуменно посмотрел на начальника поезда. Внушение Джеффриса действовало безотказно. Проводник ничего не помнил.

В следующем, шестом купе ехал Грачев. Когда дверь открыли, Артемьев увидел, что старшина лежит в неестественной позе. Было похоже, что он заснул стоя и упал на диван. Артемьев с беспокойством нагнулся над ним. Ровное дыхание успокоило его.

— Нет ли врача в поезде? — спросил полковник, стараясь говорить тише, чтобы не разбудить остальных пассажиров.

— Не знаю, — так же тихо ответил начальник поезда. — Кто этот человек?

— Мой помощник, — ответил Артемьев.

Он осторожно потряс старшину за плечо. Грачев не просыпался. Полковник не стал повторять попытку. Он понимал, что этот сон вызван внушением, и не знал, как надо поступать в подобном случае. Он только положил спящего удобнее.

— Пусть остается так. На остановке надо вызвать врача.

— А что с ним?

Артемьев не ответил и вышел из купе.

Экспресс с огромной скоростью мчался уже не по лесу. За окном расстилалась освещенная лунным светом равнина.

— Мне необходимо немедленно говорить с Москвой,— обратился Артемьев к начальнику поезда.

— Пройдемте в первый вагон.

— Прошу вас молчать обо всем, что вы видели.

— Будет исполнено, — ответил начальник поезда. Он понял серьезность дела. — Никому не рассказывайте, товарищ Федоров.

— Не маленький, — ответил проводник вагона.

В управлении пограничной охраны всегда дежурил кто-нибудь из ответственных работников. Полковник Медведев, выслушав донесение Артемьева, немедленно связался по телефону с квартирой Свиридова, а генерал тут же позвонил Леонидову.

Артемьев получил короткий приказ — продолжать путь в Москву, а к старшине Грачеву ни в коем случае не вызывать врача.

8

— Итак, вы вышли из купе и увидели Джеффриса, — сказал Артемьев. — Что было дальше?

— Я вышел потому, — ответил старшина, — что он не уходил, и я считал, что больше оставлять вас в неведении нельзя. Я ведь не знал, что вам все уже известно. Он стоял у окна. Повернулся и пристально осмотрел меня с головы до ног. Потом спросил: «Куда вы идете?» Я ответил. «Зачем?» — спросил Джеффрис. Я сказал и это. Понимал, что говорить нельзя, и все-таки отвечал. «Сколько человек в поезде следят за мной?» Я сказал, что трое. Тогда он приказал мне вернуться в купе. Я вернулся и почувствовал, что падаю. Больше ничего не помню.

— Вы вышли одетым?

— Да, я не раздевался.

— Вот тут-то вы и совершили ошибку. Джеффрису безусловно бросилось в глаза, что человек, полтора часа тому назад ушедший спать, полностью одет и явно не ложился. Остальное понятно.

Артемьев, Васильев и Грачев находились в рабочем кабинете профессора Леонидова. Они были направлены сюда генерал-полковником Свиридовым сразу после приезда в Москву.

— Прежде всего надо вернуть вам память, — сказал генерал.

Хотя Артемьев, по-видимому, ни разу не встречался с Джеффрисом, но и ему пришлось подвергнуться «очищению». «На всякий случай, — сказал Свиридов. — Может быть, вы видели его, но забыли об этом».

И вот, пройдя через руки профессора, Васильев, Грачев и... Артемьев вспомнили все, что случилось с ними.

Старший лейтенант мысленно увидел картину прошлого — снежную равнину, гряду кустарника и фигуру Джеффриса на лыжах, стоявшего рядом с ними.

Грачев вспомнил то же.

А Артемьев...

Это было самое неожиданное и удивительное.

С отчетливой ясностью полковник вспомнил свой разговор с проводником и начальником поезда. А тут же, в коридоре вагона... стоял Джеффрис.

Австралиец не сошел с поезда. Остановка экспресса была тактическим маневром, рассчитанным на отвлечение внимания. Он остался и доехал на этом же поезде до Москвы.

Ошеломленный полковник немедленно позвонил Свиридову.

— Я это знаю, — ответил генерал. — Такой трюк с его стороны мы предугадывали. На московском вокзале Джеффриса встретили, и сейчас он находится под надзором. Надо выяснить, нет ли у него сообщников.

— Чудовищная сила! — заметил Артемьев.

Леонидов улыбнулся.

— На всякую силу можно найти управу, — сказал он.

Они долго оставались в кабинете профессора, слушая его увлекательный рассказ о гипнозе и «усилителе вну-

шения». А когда собрались уходить, зазвонил телефон.

Леонидов снял трубку.

Пограничники видели, что его брови сдвинулись, а на лице появилось выражение озабоченности.

— Нет, — сказал он. — Достаточно одного.

Еще минуты две он внимательно слушал.

— Хорошо! Я думаю, что не придется. Передаю трубку.

Артемьев услышал голос Свиридова.

— Останьтесь с профессором Леонидовым, — сказал генерал. — Он вам все объяснит. В случае неудачи я приказываю вам ликвидировать Джеффриса. Васильева и Грачева направьте в управление.

— Слушаюсь.

— Как только все кончится, позвоните мне. Будьте осторожны. Желаю удачи!

Генерал повесил трубку.

Артемьев передал своим спутникам приказание Свиридова.

— Вам не следует выходить через главный подъезд, — сказал Леонидов. — Я вас провожу.

Он вернулся минут через пять.

— У нашего института есть выход в переулок. Я думаю, что их не заметили.

— Что случилось?

— Джеффрис находится где-то здесь. По-видимому, он хочет, не теряя времени, взяться за меня. В наш институт нельзя пройти без пропуска, но он пройдет легко.

— Что вы будете делать?

— Ждать. Джеффрис появится очень скоро. Ему нет расчета терять время.

— Но он может войти в любую минуту, — сказал Артемьев, невольно оглядываясь на дверь.

— Мы узнаем об этом своевременно. Как только он войдет в институт, мне сообщат об этом люди, которые специально поставлены мною так, что он их не увидит.

— Но ведь Джеффрис вооружен своим аппаратом. Не лучше ли вам так же вооружиться?

— Этого никак нельзя сделать. Наш аппарат находится в клинике. Переносных у нас нет. Они нам совершенно не нужны.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Леонидов.

В его голосе не чувствовалось ни малейшего волнения.

В кабинет вошел пожилой полный мужчина.

— Познакомьтесь, — сказал профессор. — Мой ассистент и ближайший помощник — доцент Пушкарев Семен Игнатьевич. Полковник Артемьев.

Пушкарев вопросительно посмотрел на Леонидова.

— Противник приближается, — сказал профессор. — Будем действовать. Видите ли, — повернулся он к Артемьеву, — я допускаю, что Джеффрис выйдет победителем в нашем поединке. Тогда он может внушить мне все, что ему вздумается. На этот случай я и принял некоторые меры. Семен Игнатьевич будет находиться в соседней комнате, откуда все хорошо слышно. Если понадобится, он вернет меня в нормальное состояние.

— Мы с вами останемся здесь?

— Да, конечно. Вам надо спрятаться так, чтобы он вас не заметил. Я встану за дверью. Нападение должно быть неожиданно для него. В случае его победы вы знаете, как надо действовать.

— Я хорошо стреляю, — просто ответил полковник.

— Но, допустим, что вы промахнетесь? — спросил Пушкарев.

— Тогда, — ответил Леонидов, — вам придется лечить нас обоих. Не предпринимайте ничего, пока Джеффрис не получит от меня все, что ему надо, и не выйдет из кабинета. Из института он все равно не уйдет. Генерал-полковник сказал мне, что здание окружено «невидимой стеной».

— Подождем! — сказал Артемьев.

Ассистент профессора ушел в комнату, расположенную рядом с кабинетом, и запер за собой дверь на ключ.

Леонидов мерными шагами ходил от двери к столу и обратно. Он молчал, и Артемьев, понимая, что ему необходимо сосредоточиться, не беспокоил его вопросами.

Профессор был чуть бледнее обычного, но спокоен.

Артемьев не сомневался, что наступила решительная минута. Раз генерал предупреждает, значит Джеффрис именно сейчас намерен осуществить свой замысел. Поспешность его понятна. Он знает, что обнаружен и что его ищут. Вероятно, он хочет как можно скорее убраться из Москвы и Советского Союза.

Джеффрис может появиться в любую минуту. Пройти

через контрольный пост, узнать, где помещается кабинет профессора Леонидова, ему нетрудно.

Но неужели этот человек не знает, с кем ему придется иметь дело? Неужели он уверен, что справится с всемирно известным профессором так же легко, как со всеми остальными? Очевидно, да. И у него есть основание для такой уверенности, раз сам Леонидов допускает возможность своего поражения в этой схватке. Джеффрис рассчитывает на свой аппарат и неожиданность нападения. Ему придется столкнуться с контрнеожиданностью...

А если «радиостанция» профессора окажется бессильной справиться с ним, то пуля сделает это наверное. С пяти шагов трудно промахнуться, но если это даже и случится, на смену Артемьеву придут другие товарищи.

Полковник мысленно представил себе ту «невидимую стену», которой окружен институт. Нет, Джеффрису не вырваться!

Мысли Артемьева прервал телефонный звонок.

Леонидов снял трубку и сразу положил ее обратно.

— Джеффрис, — сказал он.

Артемьев вынул пистолет и отвел предохранитель. Потом он подошел к окну и скрылся за портьерой. Сквозь узкую щель он видел, что профессор стал у стены с таким расчетом, чтобы открывшаяся дверь заслонила его.

Как всегда, в решительный момент встречи с противником лицом к лицу, Артемьев почувствовал, что все следы какого бы то ни было волнения исчезли. Он пристально вглядывался в еще закрытую дверь, привычным глазом оценивая освещенность комнаты и расстояние. Только бы Джеффрис не оказался между ним и Леонидовым. Если это случится, выстрел будет невозможен. Придется перейти на другое место, но удастся ли это? Сумеет ли он опередить врага, действующего, как он хорошо знал, с молниеносной быстротой?

Артемьев совершенно не представлял себе, в какую форму выльется предстоящая борьба между Леонидовым и австралийцем. По каким признакам определить, за кем осталась победа? Но раз профессор не сказал ему этого, то, очевидно, эти признаки будут достаточно ясны.

В коридоре послышались приближающиеся шаги.

Может быть, это не Джеффрис?..

Ручка повернулась — и дверь открылась.

Благодаря Леонидову Артемьев так хорошо помнил

лицо Джеффриса, что ему показалось — вошел знакомый человек.

Стоя на пороге, Джеффрис оглядел комнату. На мгновение его глаза встретились с глазами Артемьева, и полковнику показалось, что противник не может не видеть его. Но длинная мягкая портьера хорошо скрывала фигуру пограничника, и Джеффрис ничего не заметил.

Он сделал шаг вперед и закрыл за собой дверь.

При этом он повернулся и оказался лицом к лицу с Леонидовым.

Почти бессознательно Артемьев откинул портьеру и неслышно шагнул вперед, не спуская глаз с двух людей, которые, казалось, спокойно смотрели в глаза друг другу. Но в этом кажущемся спокойствии таилось чудовищное напряжение двух борющихся сил.

Артемьеву показалось, что прошло не менее минуты, но в действительности все продолжалось несколько секунд. Его чувства обострились до предела, и он ясно видел, как побелели суставы на руке Джеффриса, со страшной силой сжавшей ручку двери.

Несколько секунд — и невидимая схватка окончилась.

Артемьев услышал звук повернутого ключа, и Пушкарев, стоя на пороге, сказал:

— Ну, вот и всё!

Артемьев почувствовал себя ошеломленным во второй раз. Как всё? Но ведь ничего и не было!

— Помогите мне, — сказал Леонидов.

Профессор поддерживал бессильно висевшее тело Джеффриса. Голова австралийца закинулась назад, а глаза были закрыты.

Он заснул. Заснул сразу, сраженный неожиданным ударом, обрушившимся на него с быстротой и силой сокрушительной молнии.

Пушкарев бросился вперед и подхватил Джеффриса с другой стороны.

Артемьев очнулся от своей растерянности и помог им положить на диван поверженного противника.

Всё! Как быстро это произошло! Что это за сила, которая с такой быстротой превратила опасного врага в беспомощно распростертое тело?..

Ассистент профессора осторожно снял с головы Джеффриса две прозрачные пластинки, сделанные как будто из синего стекла. Они были соединены металличе-

ской дужкой, от которой шел тонкий шнур, исчезавший за воротником рубашки. На груди оказался небольшой плоский ящичек. Внутри слышалось мерное гудение.

Аппарат находился в действии.

Пушкарев повернул крохотную ручку на крышке — и гудение смолкло.

«Усилитель мысли» больше не работал. Он не оправдал надежд, которые Джеффрис возлагал на него. Совершеннейший механизм оказался неповоротливым, встретившись с тренированной мыслью человека. На долю секунды Леонидов опередил Джеффриса, и скованный чужой волей мозг австралийца уже не смог сосредоточить мысль.

— Позвоните генерал-полковнику, — устало сказал Леонидов

И. ЕФРЕМОВ

Атолл Факаофо

РАССКАЗ

Небольшой светлый зал был переполнен. Среди разнообразия штатских костюмов выделялись синие кители моряков. Неторопливо осмотрев зал, капитан-лейтенант Ганешин заметил чьи-то энергичные жесты из дальнего ряда — знакомые приглашали на свободное место. Ганешин стал пробираться к ним между рядами стульев.

— Даже вы прибыли! — сказал капитан второго ранга Исаченко, пожимая ему руку. — Весь флот, что ли, собирается?

— А что? — удивился Ганешин.

— Ткачев выступает с докладом.

— Это какой Ткачев? Тот, что по непотопляемости?

— Наоборот, по потопляемости, — сострил Исаченко. — Командир сторожевого корабля Северного флота.

— Вот как, — равнодушно отозвался Ганешин. — А что за доклад?

— Так он ни шута не знает! — воскликнул Исаченко.

Окружавшие собеседников моряки рассмеялись.

— Ну-ну, просветите, — добродушно улыбнулся Ганешин.

— Сегодня ведь заключительное заседание сессии Академии наук, посвященной морским делам. Ну а Ткачев выловил необыкновенного гада; командующий приказал ему обязательно довести об этом до сведения ученых. Ткачев — командир смелый, но насчет докладов не любитель... Впрочем, начинается, — оборвал разговор Исаченко, — следственно, сами узнаете.

Раздался звонок председательствующего. На кафедру решительно поднялся среднего роста светловолосый офицер с острым лицом. Орден Нахимова украшал его тщательно отглаженный китель. Моряк обвел глазами притихший зал и заговорил, в волнении часто и осторожно притрагиваясь к верхнему крючку воротника. Но вскоре докладчик овладел собой.

Ганешин не раз плавал в тех местах и поэтому слушал Ткачева с особенным интересом. Едва только Ткачев произнес: «Мой корабль пять суток патрулировал далеко в открытом море, около тридцать второго меридиана, по-нашему — в четвертом районе», — как перед внутренним взором Ганешина встало хмурое, свинцовое море...

...Водный простор не чувствовался в холодном, мутном от влажности воздухе. Горизонт был близок и потому таил в себе опасные неожиданности... Появление германской подводной лодки, шедшей полным ходом в надводном положении, было совершенно внезапным. Очевидно, немцы не предполагали встретить советский сторожевой корабль так далеко от берегов, и пока лодка погружалась, Ткачеву удалось сблизиться с неприятелем.

Над морем пронеслись подобные ударам в гигантский бубен выстрелы, и немного впереди того места, где только что скрылась рубка подводной лодки, встали столбы воды с проблесками красных молний и облачками черного дыма. Это рвались глубинные бомбы, поставленные на небольшое углубление. Опытный истребитель лодок, Ткачев мгновенно определил вероятный сектор нахождения врага и начал забрасывать его бомбами.

Тем временем корабль достиг места, где скрылась подводная лодка. Ткачев приказал прекратить сбрасывание бомб и застопорил машину. Лейтенант Малютин подал Ткачеву наушники гидрофонов, одной рукой про-

должая поворачивать рычажок усилителя. Неопределенный шум моря, отдававшийся в гидрофонах, не выдавал присутствия подводного врага. Ткачев понял, что подводная лодка услышала прекращение работы винтов над собой и тоже застопорила моторы.

Кивнув лейтенанту, Ткачев рванул ручку машинного телеграфа, машина заработала полным ходом, винты зашумели в гидрофонах, как водопады. Снова раздался звонок телеграфа. Машина мгновенно остановилась, и в отзвуках движения корабля Ткачев уловил ускользающий, казалось очень далекий, шум винтов подводной лодки.

— Лево на борт!

По-прежнему из глубины неслись равномерные глухие шумы. Ткачев представил себе подводную лодку там, внизу, украдкой пытающуюся ускользнуть, виляя на ходу и стопоря свои электромоторы. Через несколько секунд подводная лодка опять остановила моторы. Шум винтов смолк. Но Ткачев уже знал пеленг, примерную глубину и направление бегства противника. Быстрые руки минеров установили гидростатические взрыватели на глубину девяноста метров: взрыв тяжелых глубинных бомб эффективнее по направлению вверх, чем в глубину. Ткачев поставил ручку телеграфа на «полный вперед», судно рванулось с места, мощные машины взбили за кормой огромный пенистый вал. Когда скорость корабля достигла пятнадцати узлов, Ткачев стал поочередно нажимать спусковые рычаги правого и левого лотков. Каждая глубинная бомба, похожая на бензиновую бочку, мягко шлепалась своей многопудовой тяжестью в пенящуюся за кормой воду, а на ее место важно и медленно подкатывалась другая. По лотку непрерывной цепью сверху катились всё новые черные гладкие бочки, такие безобидные с виду.

Сторожевой корабль прошелся по широкой дуге, оставляя за кормой зеленые водяные столбы, уже без огненных проблесков и более низкие. Ткачев следил за распределением взрывов, не переставая рассчитывать размеры завесы и площадь накрытия. «Еще одну, последнюю, для верности, — подумал он, нажимая правый рычаг бомбосбрасывателя. — Все равно никуда не денется. На дно ей не лечь, глубина здесь почти в километр. Попалась!»

Лейтенант, следивший по секундомеру, удивленно пожал плечами. Уже прошло необходимое для погружения бомбы время, а разрыва не было. Ткачев приказал повернуть корабль обратно, чтобы прослушать лодку в покрытой бомбами зоне.

— Гавриленко! — окликнул лейтенант минного старшину. — Вы как поставили взрыватель у последней?

— Точно как у всех: девяносто метров, товарищ лейтенант!

— Должно быть, взрыватель отказал. Странно, это у меня первый случай... — произнес удивленно Ткачев.

В этот момент в полукабельтове справа по носу встал низкий водяной бугор. Из глубины донесся едва слышный удар, сейчас же заглушенный громким всплеском накатившейся на нос волны. Корабль качнуло. Ткачев ухватился за поручень, отрывисто бросив:

— Время, лейтенант?

— Две минуты сорок пять секунд, — ответил Малютин.

— Ого! Значит, утонула чуть ли не на полкилометра, оттого и взрыв такой слабый. Ясно, во взрывателе дефект... Ага, попались! — вдруг вскричал Ткачев, впиваясь глазами туда, где по скатам невысоких волн расплывалось огромное масляное пятно.

Машина затихла, и снова чуткие подводные уши гидрофонов насторожились, следя за борьбой уже подбитой вражеской лодки. Послышался шум винтов, уже не ровный, а прерывистый, смолк, опять возник. «Ну! и нырнули! Наверно, заклепки текут», — подумал Ткачев и послал по новому пеленгу еще две бомбы, продолжая следить в бинокль за вспененной поверхностью воды.

— Слева за кормой предмет! — раздался позади голос краснофлотца.

Изумленный несоответствием только что взятого пеленга и местом всплытия, Ткачев резко повернулся, направил бинокль на смутное красное пятно близ места падения последней бомбы и чуть не отшатнулся от неожиданности. Хрустальный круг бинокля в опаловой дымке приблизил к его глазам очертания гигантского красно-бурого тела среди равномерного колыхания волн. Это было какое-то животное невиданных размеров и цвета. Ткачеву показалось, что у него широкое тело,

огромные плавники и могучая круглая шея; голову и хвост скрывали волны. Всего удивительнее была гладкая кожа, местами изборожденная морщинами и складками густо-красного цвета, переходившего в темно-бурый.

— Справа по носу пузыри!

Голос сигнальщика вернул командира к действительности, и Ткачев снова сосредоточился на борьбе с подводным врагом. Тысячи воздушных пузырьков усеяли поверхность волн. Минуту спустя корабль стоял уже над местом выхода воздуха, вслушиваясь в глубину.

Вдруг вода заклокотала от большого количества воздуха, сразу пришедшего снизу. Одновременно в гидрофонах возник короткий, тупой и невнятный гул. Люди молча смотрели. Корабль уже потерял ход и становился лагом к волне. Прошло несколько минут. Последние пузырьки воздуха исчезли. Ни одного звука не доносилось из глубины в гидрофон. Только масляное пятно расплывалось все шире, выравнивая заостренные гребни валов.

Где-то далеко внизу, под поверхностью моря, разбитая лодка, не смогшая всплыть, проваливалась все глубже в пучину, и беспощадное давление воды выжимало из нее воздух и масло. Ткачев дал ход кораблю и подошел к снимавшему наушники Малютину.

— Запишем еще одну, лейтенант, но, чтобы окончательно убедиться, подождем немного, послушаем...Да, а как же чудовище? — вспомнил он. — Скорее к нему!

На месте всплытия неведомого животного моряков ожидало разочарование: никакого следа красного чудовища не было уже видно. Холодные волны были пустынны, насколько хватал глаз.

Ткачев досадливо потер заслезившиеся от напряжения глаза: «Неужели почудилось? Ну нет...»

— Товарищи, кто еще видел этого... как его... ну всплывшего зверя? — обратился он к команде корабля.

Откликнулись сразу несколько краснофлотцев и старшина Гавриленко, который клялся, что это не что иное, как морской змей, оглушенный нашей бомбой.

— Нет, не змей, — перебил сигнальщик Епифанов, — я видел: туловище у него толстое, широкое и ласты есть — какой же змей?

— Ну все равно не рыба и не зверь морской, а гад подводный, — стоял на своем Гавриленко.

Гавриленко предупредил собственную догадку Ткачева, что животное было оглушено или убито бомбой и всплыло на поверхность. «Эх, досадно, что потонул! Поймать бы такое чудо, — подумал Ткачев. — А теперь кто поверит?..»

Словно угадывая невысказанный вопрос командира, лейтенант Малютин отозвался:

— Этот гад из глубины — глубоководное животное, и хлопнула его наша последняя бомба, та, что с испорченным взрывателем. Она ушла на глубину метров в пятьсот, да и всплыл-то зверь около этого места. Может быть, он потонул, а может, и очнулся... Впрочем, я все-таки успел... — И Малютин вытащил из кармана «лейку». — За качество не ручаюсь, а пять раз щелкнул: уж очень занятная зверюга! Удачно, что телеобъектив был ввинчен.

Ткачев восхитился находчивостью лейтенанта, не подозревая, что из-за этих снимков ему придется выступать с докладом в Москве...

Снимки лейтенанта Малютина были проявлены со всей возможной тщательностью, но все же они не получились достаточно отчетливыми: серый день, малая выдержка и красный цвет гада были неблагоприятными совпадениями. Ткачев был вызван к командующему, изложил все обстоятельства дела, показал снимки и получил распоряжение ехать в Москву, на морскую сессию Академии наук.

— Это неважно, — возразил командующий на уверения Ткачева, что никто ему не поверит. — Мы должны изучать море, мы обязаны оповестить ученых о таком необыкновенном происшествии. Если же ученые не поверят тому, что целая группа моряков видела, нечего тогда на их авторитет полагаться.

Этими шутливыми словами адмирала, под одобрительный гул зала, закончил офицер свой короткий доклад и приступил к демонстрации снимков. Свет потух, и на высоком экране появилось неясное изображение.

Медленно прошли один за другим все пять снимков, но Ганешин так и не смог представить себе зверя: впечатление было ускользающим, неопределенным. Вспых-

нул свет. Десятки людей, старавшихся определить животное в зыбких очертаниях снимков, шепотом делились впечатлениями. Исчезло живое, общее всем людям очарование неизвестного, но осталось что-то. Это что-то, как определил Ганешин, было сознание реальности происшедшего — схваченной, но ускользнувшей тайны моря. Ганешин с удовольствием отметил, как молодо заблестели глаза у сидевших в его ряду почтенных ученых и суровых командиров. Словно в зале пронеслась мечта, приподнявшая и соединившая самых различных людей.

В президиуме собрания произошло движение. На кафедру поднялся огромного роста старик с широкой седой бородой. Зал стих: многие узнали знаменитого океанографа, прославившего русскую науку о море.

Ученый нагнул голову, показав два глубоких зализа над массивным лбом, обрамленным серебром густых волос, и исподлобья оглядел зал. Затем положил здоровенный кулак на край кафедры, и мощный бас раскатился, достигнув самых отдаленных уголков зала.

— Вот он, наш Георгий Максимович! — шепнул Ганешину Исаченко. — С таким голосом линкором в шторм командовать, а не лекции читать.

— Так ведь он и командовал, — бросил Ганешин.

— Товарищи, — говорил тем временем океанограф, — я очень рад, что мне удалось услышать изумительное сообщение капитана Ткачева. Как нельзя более кстати его доклад пришелся на заключительное заседание нашей сессии. Мы слишком привыкли к существованию неразгаданных тайн моря, многие вопросы океанографии считаются пока неразрешимыми. Но, я думаю, всем присутствующим знакомо сообщение отважного американца профессора Биба, спускавшегося в стальном шаре — батисфере — на глубину километра. Биб наблюдал огромных животных, проплывавших в невообразимой тьме перед окнами его батисферы, слишком больших для ничтожного освещения, которое давал его прожектор, и для маленького поля зрения кварцевых иллюминаторов. Известно ли вам, что незадолго до войны у восточных берегов Африки была выловлена огромная рыба — латимерия — из породы, давно исчезнувшей с лица земли и считавшейся вымершей уже в

древнюю геологическую эпоху, чуть ли не сто миллионов лет тому назад? И вот теперь неведомый гад, обнаруженный в Баренцовом море капитаном Ткачевым, дает нам еще одно подтверждение таинственной жизни морских глубин. Это еще тень, только мелькнувшая перед нами, но тень реального, действительно существующего.

Несмотря на войну, флот и наши ученые продолжают расширять знания о море. Но победа уже близка, товарищи, и я надеюсь вскоре увидеть вас на послевоенной морской сессии, когда наши возможности неизмеримо возрастут.

Я обращаюсь к вам, товарищи моряки, от имени науки. Нашему флоту предстоит большое будущее. Вы, вооруженные техническими познаниями и огромной производственной мощью нашей страны, после войны, в спокойных условиях работы, можете оказать огромную по своему значению помощь науке... — Ученый остановился, шумно вздохнул и загремел сильнее прежнего: — Многие думают, что мы знаем море. О да, конечно, мы хорошо изучили его поверхность. Всем нам известно, например, что в Индийском океане встречаются наиболее крутые волны. Южный Ледовитый океан отличается гигантскими волнами с необычайно длинными фронтами, а Атлантический дает самую высокую волну. Мне незачем перечислять вам успехи океанографии, — вы знаете их не хуже меня. Но как только от поверхности океана мы обращаемся к его глубинам, сразу же чувствуется наша слабость.

Конечно, мы знаем общее распределение осадков на дне океана. Изобретение эхолота резко двинуло вперед изучение рельефа морского дна, и недалеко то время, когда мы будем знать этот рельеф не хуже рельефа суши. Но все дело в том, что самое дно океана, строение и состав его коренных пород нам совершенно неизвестны. Я не преувеличу, если скажу, что поверхность Луны мы изучили гораздо лучше. Представьте себе океан в виде каменной чаши, налитой водой. Так вот, чашу мы совершенно не знаем и не в силах пока осуществить ее изучение.

Моря и океаны занимают семьдесят один процент поверхности нашей планеты. Поэтому геология в своем изучении земной коры вынуждена пока ограничиться

только двадцатью девятью процентами этой поверхности. Неудивительно, что первейшие, основные вопросы геологии, познание которых даст нам подлинную власть над богатствами земных недр, не могут быть решены без исследования геологии морского дна. Нам нужны глаза и руки в самых страшных глубинах морей. Вы, молодые командиры и инженеры, подумайте над этим!

Я позволю себе задержать еще на пять минут ваше внимание. В центре Тихого океана, к северу от островов Самоа, есть группа коралловых островов Токелау, часть которых представлена низкими атоллами — кольцеобразными коралловыми островами, часто с лагуной в центре. Среди вас много молодежи, и я не думаю, чтобы ей приходилось видеть настоящие атоллы. А низкий атолл, то есть остров, очень мало выступающий над поверхностью моря, — это незабываемое зрелище. Как метко выразился один из старых капитанов, низкий атолл — это кольцо беспрерывного грохота, тумана и пены от волн, неистово бьющихся вокруг. Белое кольцо пены, накрытое радужной блистающей шапкой преломленных в водяной пыли солнечных лучей, удивительно красиво издали на сияющей голубой глади моря. Но поблизости такой атолл выглядит сурово, а в часы прилива, пожалуй, и страшно. Ровные волны, колеблющие вокруг поверхность океана, у самого атолла вдруг вырастают, с гулом мчатся и с потрясающим грохотом обрушиваются на атолл. Если же вам придется побывать на низких атоллах в ураган, запаситесь мужеством. Густые облака погасят солнечный свет, и море сразу станет темным и грозным, изборожденным, словно гневными морщинами, черными провалами огромных валов. Волны, поднимаясь все выше и выше, ринутся на атолл, затопляя и сокрушая все на своем пути. Лишь один-два небольших участка кораллового кольца останутся незатопленными, и на них, полузадушенный ветром, оглушенный грохотом, ослепленный брызгами, человек будет искать спасения. Ужас наполняет и неробкие души при виде острова, словно тонущего в страшном одиночестве посреди беснующегося вокруг океана.

Так вот, среди низких атоллов Токелау есть атолл Факаофо — небольшой остров, около трехсот метров в

диаметре; однако населения на нем шестьсот человек. В прилив от Факаофо над поверхностью моря виден только плотный серо-зеленый купол густой рощи кокосовых пальм. Атолл Факаофо лежит в девяти градусах к югу от экватора, на пути постоянных ураганов. В то время как ураганы затопляют соседние островки, обитатели Факаофо чувствуют себя в безопасности. Бронзовокожие, прирожденные моряки, полинезийцы обнесли остров стеной из крупных кусков кораллового рифа и сделали насыпь в середине, подняв поверхность своего острова почти на пять метров над уровнем прилива. Таким образом, туземцы, лишенные всяких механизмов, создали себе безопасный приют. Какое бесстрашие и глубокое вековое знание океана нужно иметь, чтобы противопоставить грозной мощи стихии слабые силы простых человеческих рук!

Атолл Факаофо всегда служит для меня примером могущества человека и его власти над морем. И я рассказал об этом атолле, чтобы показать, чего можно добиться самыми простыми средствами. Неужели же мы, вооруженные всей мощью современной науки и техники, не добьемся окончательной победы над океаном — власти над его глубинами!

Вот все, что я хотел вам сказать. Позвольте мне остаться с надеждой, что некоторые из вас унесут хотя бы мечту о покорении глубин океана. А мечта умного и сильного человека — это ведь уже очень много...

* * *

Мелкий дождь, разгоняемый ветром, порывами налетал на корабль. Горизонт быстро приближался. Свет мерк, словно в воздух сразу вытряхнули огромное количество пепла. Наступала ночь.

Корабль плавно покачивался, равномерно вздрагивая от работы машины. Один из вахтенных задраивал иллюминаторы штурманской рубки. Ярко вспыхнул топовой огонь. Ганешин медленно расхаживал по мостику. Головная боль стихала, как бы растворяясь в сыром и холодном океанском ветре. Эти боли, последствия ранения в Великую Отечественную войну, повторялись еще и теперь, спустя несколько лет. Ганешин прислонился к поручням, вглядываясь в тьму. В неясном смешении

мрака и судовых огней выступали белые надстройки корабля.

Стукнула дверь. Настил мостика рассекла широкая полоса света и исчезла. Вышедший из рубки, очевидно, приглядывался к темноте. Он нашел Ганешина и обратился к нему:

— Товарищ капитан первого ранга, опять острая зазубрина. Хотите посмотреть?..

— Слушайте, капитан второго ранга, то есть Федор Григорьевич, — перебил Ганешин, — хватит тебе меня величать, говорил уже не раз!..

— Верно, Леонид Степанович, верно, — рассмеялся Щитов, командир гидрографического судна. — Всё еще живы привычки военного времени...

Офицеры вошли в ярко освещенную рубку, блестевшую полированным деревом, приборами, зеркальными стеклами окон. Переход от холодной темноты и безграничности моря к теплому уюту помещения был приятен. Ощущение усиливалось тихими звуками скрипичной мелодии, доносившейся из репродуктора в углу рубки. Мичман, стоявший перед большим циферблатом эхолота, оглянулся на входивших и при виде Ганешина вытянулся. Ганешин опять усмехнулся: он никак не мог привыкнуть к почтительному вниманию к себе со стороны товарищей по работе. Теперь, в мирной обстановке, это казалось ему излишним.

— Продолжайте ваше дело, мичман! — Ганешин сбросил дождевик, зюйдвестку и вынул трубку.

Мичман смутился, тихо ответил:

— Я... я, собственно, просто любовался на него...

— Ага, так вам нравится наш новый эхолот, — одобрительно посмотрел на юношу Ганешин. — А чем, по-вашему, он лучше хьюзовского, последней модели?

— Да как же можно сравнивать! — воскликнул мичман. — Во-первых, диапазон глубин — наш берет любую без всяких угловых смещений; огромная чувствительность; очень точная автоматическая выборка поправок, а главное, главное... сухая запись эхографа и тут же на ленте курсовые отметки...

— Очень хорошо! Я вижу, что вы уже вполне ознакомились с нашим прибором.

— Товарищ Соколов — энтузиаст глубоководных из-

мерений, — вмешался Щитов. — Однако «зубчик» нужно посмотреть, а то лента уйдет.

Ганешин вынул трубку изо рта и шагнул к большому диску, где в центре горел оранжевый глазок и дрожала тонкая стрелка, окруженная тройным кольцом делений и цифр. Это был указатель глубин эхолота, а под ним, в черной прямоугольной рамке, за блестящим стеклом, медленно, почти незаметно ползла голубоватая лента эхографа — прибора, вычерчивающего непрерывный профиль дна на пути следования корабля.

Звуковые колебания высокой частоты, излучаемые из днища судна, летели вниз, в недоступные глубины океана, и, возвращаясь через сложную систему усилителей, заставляли стрелку колебаться, вычерчивая профильную линию. Мичман поспешил указать соответствующее место ленты. Здесь, между толстой чертой дна судна и косыми жирными отметками пройденного расстояния и изменений курса, шла плавная линия пологого дна, вдруг прерывавшаяся резким изломом: заостренная подводная вершина поднималась почти на два километра из четырехкилометровой плоскодонной впадины океана.

Ганешин удовлетворенно улыбался:

— За рейс четырнадцать «зубчиков» уже нашли! Не зря я пошел с вами...

— Леонид Степанович, признайся мне по чистой совести, — начал командир судна: — эти подводные «зубчики» тебе для нового прибора нужны?

— Угадал, угадал, Федор Григорьевич! — обернулся к Щитову Ганешин. — Сядем-ка, а то я по мостику километров двадцать отшагал. Мой новый прибор уже прошел все испытания, и мы с тобой будем его пробовать на работе, сразу как вернемся. Могу сейчас рассказать, пусть и мичман послушает — из принципа устройства прибора мы тайны не делаем. Мой прибор приспособлен для того, чтобы видеть под водой на самых больших глубинах, по принципу телевизора. Главная трудность задачи заключается в освещении достаточно больших пространств, чтобы из-за огромного поглощения световых лучей в богатой кислородом глубинной воде телевизор не был подобен глазу очень близорукого человека. Я добился хороших результатов тем, что создал «ночной глаз» — прибор, который настолько чув-

ствителен к световым лучам, что ничтожных количеств света ему достаточно для получения изображения. Далее я применил двойной прожектор с двумя совпадающими пучками лучей: одним — богатым красными и инфракрасными лучами, другим — синими и ультрафиолетовыми. Вы знаете, что вода скорее всего поглощает красные длинноволновые лучи; лучи коротковолновые идут значительно глубже (ультрафиолетовые доходят до тысячи метров от поверхности океана). Но зато вода с мутью рассеивает свет, и коротковолновые лучи в этом случае легко поглощаются, в то время как длинноволновые лучше пробивают толщу такой воды. Соответственные комбинации самых коротких и самых длинноволновых лучей в пучке света моего прожектора пригодны для разных условий, могущих встретиться на глубине. Такой аппарат, опущенный в глубину, передает по кабелю наверх электрическими волнами изображение, которое превращается в видимое на специальном экране. Угол освещения и угол зрения моего аппарата очень широки; двойные объективы, раздвигаемые, как в дальномере, дают глубокое стереоскопическое изображение. Прибор видит шире и резче человеческих глаз... Что-то у тебя вид разочарованный, Федор Григорьевич, — улыбнулся Ганешин. — Ты думал, мое изобретение в другом роде?

— Нет, нет! — с виноватым видом стал оправдываться Щитов. — Я только не совсем понимаю, что́ им можно сделать на больших глубинах. Для всяких спасательных работ такой «глаз», разумеется, важен, но в этих случаях глубины невелики и такая сложность ни к чему... Ну, опустили, посмотрели скалу какую-нибудь или рыбищу, и всё.

— Для начала и этого много, Федор Григорьевич.

— Так-то так, а дальше?

— А дальше — руки.

— Что такое? — не понял капитан.

— Сперва глаза, а потом и руки, говорю, — повторил Ганешин.

— Но рук-то еще нет?

— Нет, есть, но пока в чертежах еще...

— Эге, — обрадовался Щитов, — хорошо иметь такой клотик, как твой! И я бы не отказался.

— Не знаю, Федор Григорьевич, иногда тяжело,

когда бьешься годами над выполнением, — задумчиво ответил Ганешин, вставая и потягиваясь. — Задумать — одно, а выполнить... Подчас пустяковина с ума сводит. Ну, я пошел. — Ганешин набросил высохший плащ.

— Минутку, Леонид Степанович! — остановил его Щитов. — Скоро Ближние острова, а ты хотел захватить западный край алеутской пучины. Остров Агатту уже близко. Где же поворачивать?

— Сейчас не помню, — подумав, ответил Ганешин, — где у них береговой огонь. На мысе Дог, кажется? Видимость его...

— ...восемь миль, — подсказал Щитов.

— Ну, это близко. Тогда по счислению, не доходя двадцати пяти миль.

Дверь за Ганешиным захлопнулась. Щитов и мичман остались вдвоем. Прошло около часа. Лента эхолота неторопливо ползла. Дно постепенно понижалось: уже пять километров глубины было под килем судна. Механики с точностью часов держали ход, от равномерности которого зависела точность получаемого профиля дна.

Щитов долго курил, размышляя о личной судьбе группы людей, когда-то спаянных великой войной. То ли был слишком крепок табак, то ли он курил очень жестоко, но скоро Щитов ощутил знакомую боль в груди и вышел на мостик. Дождь все еще не кончался, порывы ветра по-прежнему срывали и вспенивали гребни волн. Вдруг Щитову показалось, что далеко впереди, прямо перед носом корабля, что-то блеснуло, мгновенно исчезнув. Почти одновременно послышался хриплый голос вахтенного: «Огонь прямо по носу!»

Понадобилось добрых пять минут, чтобы слабое мерцание превратилось в белую звездочку — встречное судно. Минуты шли, но — никакого признака бортовых огней. Не больше двух миль разделяло сближающиеся корабли, когда Щитов скомандовал:

— Внимание, впереди гакабортный огонь!

— Будем обгонять, товарищ капитан второго ранга? — спросил вахтенный помощник.

— Обязательно. Оно едва плетется.

— А как же курс на промере?

— Не беда, немного отклонимся.

Корабли сближались, продолжая находиться в створе кильватера. Помощник взялся за цепочку гудка — два коротких, низких и сильных звука пронеслись над темным морем, рулевой привод застучал, и нос корабля покатился влево.

В просторной каюте Ганешина горела слабая ночная лампочка. Ганешин сбросил китель, сапоги и улегся на диван. Раздеваться и забираться на койку не хотелось, да и вставать скоро. Ганешин думал о своем новом аппарате. Глубинный телевизор готов, за результаты окончательных испытаний изобретатель не беспокоился. Этим выполнена первая часть когда-то поставленной им себе задачи. Несколько лет назад старый ученый, которого сейчас уже нет в живых, говорил о победе над океаном, об атолле Факаофо. Он говорил не только о «глазах», но и о «руках»; значит, теперь дело за «руками». Возник образ сложного механизма, всверливающегося, как буровой станок, в океанское дно под наблюдением телевизора и управляемого телемеханически. Основной принцип — работа без всяких герметических закупорок; уже давно изобретены низковольтные, высокоамперные электромоторы, прекрасно работающие в воде. Вода должна быть для этих механизмов такой же естественной средой, как воздух для наших земных машин; тогда не страшно огромное давление, — вот в чем весь секрет успеха!

Отрывистые гудки заставили задрожать переборку. Ганешин машинально прислушался: два коротких — поворот влево. «Кого-то обгоняем...» Встреча судов в открытом море всегда волнует душу моряка. Ганешин вскочил и стал натягивать сапоги.

На мостике Щитов и помощник увидели красный бортовой огонь и выше топового огня — еще более сильный красный свет.

— Тралящее судно, — негромко сказал помощник. — Это не гакабортный был огонь, а круговой топовой, и выше — трехцветный фонарь.

— Вижу, вижу, — отозвался Щитов. — А это видите?.. Вахтенный сигнальщик, ко мне!

На неразличимом еще борту неизвестного судна замелькал огонек. Короткие вспышки чередовались с острыми долгими лучами, вызывавшими ощущение протяжного крика «а-а-а-а».

— Вызывают нас, — буркнул Щитов. — Эге, вот оно в чем дело!

Три короткие вспышки сменились одной долгой: в темноту ночи летели одна за другой латинские буквы — просьба о помощи.

На мостике появился запыхавшийся сигнальщик с ратьеровским фонарем. Одновременно поднялся на мостик Ганешин.

— Скажите Соколову, чтобы остановил эхолот! — распорядился капитан.

Два корабля в океанской ночи некоторое время перемигивались световыми вспышками: «„Риковери", Сан-Франциско» — «„Аметист", Владивосток».

— У меня есть километр троса кабельной свивки, — пробурчал Ганешину Щитов, — могу им одолжить...

— Очень хорошо! Давайте подходить, может быть еще чем-нибудь полезны будем.

— Прожектор! — скомандовал Щитов.

По палубе затопали проворные ноги. Мощный прожектор «Аметиста» пробил в темноте широкий светящийся канал. В конце его возникло черное низкое судно с далеко отнесенной назад палубой. «Пусть стоит на месте, подходить буду я, — подумал капитан. — Не знаю, как они ловки...» Прожектор потух, сигнальщик быстро выполнил распоряжение, затем «Аметист» снова зажег свет и начал сближаться с неуклюжим на вид «американцем».

— Любопытно! Тоже океанографы, как и мы, — оживленно заговорил Ганешин («американец» передал световым сигналом, что на нем океанографическая экспедиция). — Что у них стряслось?

«Аметист» подошел к кораблю, насколько позволяло волнение, развернулся лагом, и хорошо говоривший по-английски Ганешин взялся за рупор. Из отрывистых слов, заглушаемых плеском волн в борта и подсвистом ветра, советские моряки быстро уяснили себе трагическую суть происшедшего. Батисфера — стальной шар, недавно построенный для изучения больших глубин, — с успехом сделала несколько спусков. При последнем спуске оборвался подъемный канат вместе с электрическим кабелем, и стальной шар остался на глубине около трех тысяч метров — наибольшей, на какую он был рассчитан. Батисфера снабжена парафиновым поплавком

и должна всплыть самостоятельно при обрыве кабеля, как только прекратится ток, питающий электромагниты. Магниты перестают притягивать тяжелый железный груз, и батисфера всплывает. Но на этот раз не всплыла. В ней два человека: инженер, построивший батисферу, Джон Миллс, и ученый-зоолог Норман Нурс. Запас воздуха — на шестьдесят часов. Уже сорок восемь часов идут безуспешные попытки нащупать батисферу и зацепить гаками за специально сделанные на ней скобы. Если шар цел и исследователи в нем живы, им осталось воздуха только на двенадцать — пятнадцать часов.

Советские моряки молча стояли на мостике. Большая грузовая стрела американского судна, вынесенная за борт, кивала своим носом, как будто показывая на волны, поглотившие стальной шар.

— Похоже, их дело труба, Леонид Степанович, — тихо сказал Щитов. — Разве нащупаешь на трех километрах в открытом море! Без берегов пеленговаться не на что... Да, не хотел бы я быть там.

Ганешин, не отвечая, хмурился, поглядывая на «Риковери».

— Федор Григорьевич, дайте мне шлюпку, — неожиданно сказал он.

Щитов увидел его тяжелый, настойчивый взгляд.

Американцы заметили танцующую на волнах шлюпку и быстро спустили трап. На мостике Ганешина окружили. Его спокойные и решительные глаза, смотревшие из-под козырька военной фуражки, прикрытой желтым капюшоном, притягивали к себе измученных борьбой людей.

— Кто начальник? — негромко спросил Ганешин.

— Я помощник начальника, капитан судна Пенланд, — ответил стоявший против Ганешина американец. — Начальник там. — Пенланд указал на море.

— Разрешите задать несколько вопросов, — продолжал Ганешин. — Извините за краткость, нужно спешить, если мы хотим...

— Вы хотите помочь нам? — звонким голосом спросил кто-то.

— Да. Но не перебивайте меня, — сухо добавил Ганешин, — я говорю с командиром.

— Слушаю вас, — быстро ответил американский капитан.

— Сколько у вас тралящих тросов?

— Два.

— Какой длины трос остался на батисфере?

— В том-то и несчастье, сэр, что канат оборвался около самого места своего прикрепления на шаре. Захватить за него нечего рассчитывать, только за скобы.

— На батисфере есть радио?

— Есть, но не работает, питание было только от кабеля.

— По вашим расчетам, у них воздуха еще на двенадцать часов?

— На двенадцать — пятнадцать. Это всё, сколько они могут протянуть при самой жесткой экономии.

— Да, положение очень серьезное. А что вы думаете делать дальше?

— Продолжать теми же средствами, — пока ничего не поделаешь. В бухту Макдональд, на Агатту, прилетят два самолета. Утром они будут здесь и привезут усовершенствованные захватные приспособления. В день катастрофы по радио вызвано военное судно, оборудованное тралом-индикатором для отыскания батисферы электромагнитным способом. Оно идет со всей возможной скоростью и может быть здесь завтра. Это, собственно, наша последняя надежда, — заключил капитан Пенланд, зачем-то понижая голос и приближаясь к Ганешину. — Вместе с нами тралили еще два военных судна, сейчас они ушли в бухту Макдональд.

— Благодарю вас, капитан. Надеюсь, нам удастся помочь вам. Будьте любезны показать ваши лебедки и подъемные приспособления.

Ганешин с Пенландом спустились на обширную палубу, загроможденную бухтами тросов, с огромной лебедкой в центре. Качающаяся вместе с мачтой электрическая лампа освещала нагромождение самых разнообразных предметов.

— Мне кажется, положение безнадежно, сэр, — быстро сказал капитан Пенланд, едва они удалились от мостика. — Посудите сами: чудовищная глубина, открытое море, никакой возможности ни пеленговать, ни бросить буек... Я делаю что могу, двое суток не уходил с палубы. Там, на мостике, жена Миллса, гидрохимик

нашей экспедиции. Я не хотел при ней высказывать свое мнение.

Ганешин вспомнил стремительный вопрос, почти вскрик на мостике.

— Это она спрашивала меня? — И, получив утвердительный ответ, пожалел о резкости, с которой оборвал говорившую. — Наметим с мостика примерный район нахождения батисферы, и я буду благодарен вам за полную информацию... Еще вопрос, капитан, — помолчав, сказал Ганешин, в то время как они осторожно пробирались по заваленной палубе: — Зачем вашим исследователям понадобилось опускаться здесь, в открытом море?

— Видите ли, здесь одно из редких мест, оно изобилует крутыми скалами, и коренные породы совершенно обнажены от наносов. Одной из задач наших исследований является изучение коренных пород в глубинах океана. Только пока что-то не получается.

Ганешин ничего не ответил. Он легко взбежал по ступенькам на мостик.

— Сейчас мы примемся искать, поставим буек...

— Как — буек? — сразу послышалось несколько голосов.

— Увидите! — Ганешин скупо улыбнулся и поднял руку, но был остановлен маленькой рукой, притронувшейся к его рукаву.

Моряк обернулся и увидел огромные, сильно блестевшие глаза, смотревшие с мучительным напряжением.

— Сэр капитан, скажите мне прямо: есть надежда спасти их? Вы сможете это сделать?

Ганешин серьезно ответил:

— Если батисфера цела, надежда есть.

— Боже мой! — воскликнула американка.

Но Ганешин мягко перебил:

— Простите меня, время не ждет, — и обратился ко всем стоявшим на мостике: — Советское гидрографическое судно «Аметист» немедленно примет меры для спасения. Это, разумеется, не исключает вашей работы, но сейчас, если вы согласны довериться нам, я прошу на время отойти от места погружения батисферы. Я располагаю приборами, крайне важными для настоящего случая, однако основной прибор находится во Владивостоке. Я вызову скоростной самолет. Раньше чем через

пять-шесть часов он не сможет прибыть — слишком велико расстояние. За это время попытаемся найти батисферу и отметить ее место буйком, что сильно облегчит спасательную работу по прибытии самолета, когда времени у нас будет всего семь часов. Поднимать батисферу придется вам, у нас нет таких мощных лебедок и тросов. Всё. Дайте сигнал нашему судну, чтобы погасили прожектор, и зажгите свой. Я возвращаюсь на «Аметист».

В прожекторе «Риковери», невидимый раньше за ослепительным сиянием, «Аметист» вдруг показался во всем своем белоснежном великолепии. Острый очерк корпуса, легкость надстроек сочетались с мощью отогнутых назад труб — признаком силы машины.

— Это гидрографическое судно? — вскричал капитан Пенланд. — Да это лебедь!

Действительно, белый, блестевший огнями корабль походил на громадного лебедя, распростершегося на воде перед взлетом.

— Это военное гидрографическое судно, — подчеркнул Ганешин, поднес руку к козырьку и пошел с мостика.

Его шлюпка быстро понеслась по широкому световому коридору. Американские моряки молча смотрели ей вслед, слегка озадаченные как появлением Ганешина, так и его уверенными распоряжениями.

— Это, должно быть, важное лицо у русских, сэр, — проговорил наконец помощник капитана. — И если он сумеет спасти батисферу...

— Не знаю, спасет ли, — ответил Пенланд. — Но вы посмотрите на их корабль!

Прежнее молчание воцарилось на «Риковери», только настроение было уже другим. Безотчетно верилось, что белый прекрасный корабль, так неожиданно выплывший из океанской ночи, и этот человек с умными, упрямыми глазами, дружески протянувший руку помощи, действительно сумеют помочь.

Между тем Ганешин, не теряя времени, вместе с Щитовым направился в радиорубку. Взвыл умформер, замелькали огоньки неоновых ламп, над тысячами километров океана понеслись условные позывные. Долго-долго стучал ключ, пока радист не повернул к офицерам вспотевшее лицо:

— Владивосток отвечает.

— Ну, сейчас решится судьба тех двух бедняг, — обернулся к Щитову Ганешин. — Если удастся вызвать командующего... А вдруг он в отъезде?

Ключ стучал, умолкал, в ответ слышался характерный треск морзе, снова радист работал ключом, и снова Ганешин напряженно прислушивался к скачущему сухому языку аппарата. Ждал и покачивающийся рядом корабль, и те двое, запертые в стальном гробу на дне океана, и уже загоревшийся желанием спасти американцев экипаж «Аметиста».

В штабе сообщили, что адмирал в море, на своем корабле. В безмерную даль полетели позывные мощного нового линкора. Где-то в пространстве они нашли антенны грозного корабля.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Ганешин.

Ключ коротко, точно и ясно простучал просьбу и замолк. Несколько минут напряженного ожидания — и в треске тире и точек моряки услышали: «Даю распоряжение, желаю успеха».

Теперь все было просто.

Щитов повел свой корабль на противоположный край района предполагаемого нахождения батисферы.

— Приготовить глубоководный буй, две тысячи семьсот метров! — скомандовал помощник.

Мгновенно зацепили гак и вывалили за борт тускло блестевший снаряд, похожий на авиационную бомбу. Матрос дернул линь, гак выложился, и снаряд почти без всплеска исчез в зеленоватой черноте моря. Через четверть часа и пятьдесят секунд, по секундомеру помощника, над волнами в свете прожектора «Аметиста» выскочил слегка дымящийся предмет, раскрылся, подобно зонту, и маленький белый купол лег на воду. Советский корабль просигналил «американцу» просьбу держаться на плавучем якоре и застопорить машину.

— Я хочу избежать малейшего резонанса их винтов, — пояснил Ганешин мичману, становясь сам у эхолота и неторопливо поворачивая различные верньеры регулировки.

— Разрешите спросить... — робко начал мичман. — Неужели вы думаете эхолотом нащупать батисферу?

— Конечно. Разве вы не знаете, что еще довоенные чувствительные эхолоты обнаруживали потонувшие корабли? Например, хьюзовский эхолот так прямо и вычертил эхографом контур «Лузитании», даже вышло расположение надстроек. И это на глубине в пятьдесят фатомов... Размеры батисферы, сообщенные мне американцами, конечно несравнимы с «Лузитанией»; шар — три метра, сверху грибовидный поплавок двухметровой высоты. Но ведь наш эхолот гораздо чувствительнее и излучает поляризованно.

— А... глубина? — осторожно возразил мичман.

— А точность регулировки? — в тон ему ответил шутливо Ганешин и снова склонился над шкалой, заглядывая в таблицы океанографических разрезов.

Американцы, непрерывно следившие за советским кораблем, видели, как он то появлялся в полосе света, то снова исчезал, показывая красный или зеленый огонь.

— Смотрите, они ставят буйки! — оживленно заговорил помощник, когда на втором повороте «Аметиста» перед носом «Риковери» закачался белый грибок.

— Очевидно, изобрели буй для глубин. Такие штуки давно употреблялись в подводной войне, и тут все дело в прочности линя. Они добились этой прочности, вот и всё. Очень просто.

— Все вещи просты, когда знаешь, как их сделать, — буркнул помощник в ответ своему капитану.

Час за часом белый корабль бороздил небольшую площадь моря между четырьмя накрест поставленными буйками. Ветер стих, поверхность воды стала маслянистой, гладкой. У запертых в батисфере осталось воздуха на десять часов. Снова тяжелая безнадежность нависла над американским кораблем. Но все собравшиеся на мостике и на палубе не отрывали глаз от «Аметиста», как будто самое их горячее желание могло помочь ему в поисках. Вот «Аметист», показав зеленый огонь, опять повернулся к «Риковери» и пошел у самого левого края обозначенной буйками площади. Советский корабль все приближался, острый нос его вырастал, еще сотня метров — и опять безнадежный поворот к северу. Вдруг едва внятный шум машины на «Аметисте» прекратился. В безмолвии ночи было слышно даже, как прозвенел телеграф, донесся громкий голос капитана,

отдавшего какую-то команду. В незнакомой плавности русской речи было понятно одно слово: «буй».

— Нашли... они нашли! — вскрикнула, вся затрепетав, жена инженера Миллса.

На американском судне заспорили, и это как нельзя лучше показывало оживление смертельно уставших людей. Но тут, поднимая, как на крыльях, и обещая так много, уже знакомый им голос с «Аметиста» спокойно сообщил в мегафон:

— Батисфера найдена.

Полсотни человек на палубе «Риковери» ответили радостным криком.

В штурманской рубке Ганешин набивал трубку, полузакрыв перенапряженные глаза. За четыре часа поисков лента эхографа покрылась серией кривых, сменявших одна другую, но ни один выступ не нарушал гладкой линии скального профиля. Корабль двигался очень медленно, однообразие получаемых результатов усыпляло внимание, и нужно было все время поддерживать бдительность волей. Недалеко от очередного поворота перо эхографа, до сих пор шедшее плавно, подскочило, и крошечная дужка едва приподнялась над ровной линией.

— Есть! — радостно вскрикнул Ганешин.

Помощник стрелой метнулся к мостику. Звякнул два раза телеграф — «стоп» и «назад». Щитов прокричал:

— Буй, две тысячи восемьсот метров!

И тяжелая бомба рухнула с левого борта.

— Ура, повезло! — поздравил изобретателя Щитов, зайдя несколько минут спустя в рубку.

— Ну, не очень, — устало отозвался Ганешин, — четыре часа крутились. Времени осталось мало, но нужно ждать. Я тут на диване поваляюсь, пока самолет...

В дверях появился помощник:

— Американцы спрашивают: может быть, им начать попытки зацепить батисферу сейчас же?

Щитов посмотрел на Ганешина. Тот, не открывая глаз, ответил:

— Конечно. В таком положении нельзя пренебрегать ни одним шансом.

«Аметист» уступил свое место у буя американскому судну. Отойдя на несколько кабельтовых, он плавно покачивался, будто отдыхая. И в самом деле, уставшие

моряки разошлись по каютам, оба командира устроились в рубке. Только вахтенные смотрели в сторону американского судна. Там слышался лязг лебедок, свист пара и скрежет тросов: американцы снова действовали, зараженные удачей советских моряков.

Ганешин и Щитов проснулись одновременно от шума самолетов.

— Нет, не наш, — определил Щитов.

Светало. Сырость и холод забирались под одежду, подбодряя невыспавшегося капитана. С мостика море казалось необычайно оживленным: у бортов «Риковери» ныряли, качаясь, два самолета, а немного поодаль стояли два военных судна — длинный серый высоконосый крейсер и приземистый сторожевой корабль.

— Население увеличивается, — усмехнулся Ганешин. — Сейчас должны быть и наши. Проедусь-ка я к американцам, посмотрю, что и как...

На этот раз еще при подходе шлюпки с борта «Риковери» раздались приветственные крики. Однако лица встретивших Ганешина людей были серы и невеселы. В течение трех часов работы захватить батисферу так и не удалось, не удалось даже ни разу зацепить ее тросом. Для спасения находившихся в глубине океана осталось семь часов.

— Судно с тралом-индикатором еще не пришло, — говорил капитан Пенланд Ганешину, — но оно сейчас уже менее нужно после вашего замечательного вмешательства. Как захватить батисферу на этой проклятой, немыслимой глубине? Тросы, должно быть, отклоняются... возможно, какое-нибудь течение в глубоких слоях воды. Буек ведь тоже не дает точного места...

— Может отклоняться, — поддержал Ганешин, покосившись на приближавшуюся к нему жену Миллса.

Он повернулся к молодой женщине, приложив руку к фуражке. Глаза американки под страдальчески сдвинутыми бровями встретили его взгляд с такой надеждой, что Ганешин нахмурился.

— Мы работали все это время... — слезы и боль звучали в словах молодой женщины. — Но ужасная глубина сильнее нас. Теперь я надеюсь только на ваше вмешательство... — Она тяжело перевела дыхание. — Когда же вы ждете ваш самолет?

Ганешин поднял руку, чтобы взглянуть на часы, и вдруг громко и весело сказал:

— Самолет? Он здесь!

Все подняли вверх головы. Самолет, вначале неслышный за грохотом работающей лебедки, снижался, потрясая небо и море ревом моторов. «Пикирует для скорости», — сообразил Ганешин.

Узкая машина, несшая высокие крылья, взбила водяную пыль, повернулась и вскоре, смирная и безмолвная, покачивалась возле «Аметиста». Утренний туман, словно испуганный самолетом, расходился. Высоко вознесся голубой небосвод. Солнце заиграло на тяжелых, маслянистых волнах, осветило белоснежный корпус «Аметиста», засверкало сотнями огоньков на медных, ослепительно надраенных частях. Ганешин перевел взгляд с самолета на «Аметист» и, улыбаясь, сказал американцам:

— Сейчас мы увидим батисферу.

Женщина, подавив восклицание, сделала шаг к Ганешину. Тот угадывая ее мысли, добавил:

— Если хотите, я с большим удовольствием... Сейчас поедем.

Ганешин попросил капитана Пенланда подождать установки телевизора, а после нахождения батисферы немедленно сближаться с советским кораблем и действовать по его сигналам.

В это время на «Аметисте» механик, размахивая ключом, держал речь к машинистам и монтерам.

— От скорости установки привезенной машины, — говорил он, — зависит спасение людей, у которых на шесть часов воздуха. И еще: если мы их спасем — это будет чудо, сделанное руками советских моряков.

— Еще бы не чудо! Я водолазом работал, понимаю, что значит с трех километров такую козявку достать, — ответил один из машинистов. — Справимся, я так думаю...

Капитан Щитов не удивился появлению гостьи. Ее пригласили в рубку, и Щитов немедленно прикомандировал к ней мичмана, владевшего английским языком. Жена инженера Миллса рассеянно слушала его объяснения и часто поглядывала в окно рубки, откуда можно было видеть кипевшую на палубе работу: там свинчи-

вали какие-то станины, тащили провода, выгружали из самолета ящики.

На минуту в рубку заглянул Ганешин. Молодая женщина сейчас же бросилась ему навстречу:

— О, простите меня, но ваш прибор, кажется, очень сложен. Его могут не успеть собрать, ведь... — И она молча показала на большие часы, ввинченные в переборку.

— Еще шесть с половиной часов в нашем распоряжении, — ответил Ганешин. — Прибор действительно сложен, но наши моряки, если захотят, сделают эту — не скрою — невероятно трудную работу. А они хотят... Верьте нашим морякам, миссис Милльс, вы можете им довериться.

Для молодой женщины снова потянулось мучительное ожидание. Если бы она могла помочь в приготовлении этого таинственного аппарата... Страшный рев оглушил ее. Для натянутых нервов молодой женщины это было слишком.

— Боже мой, что это такое? — в изнеможении она прислонилась к переборке.

— Гудок. Он у нас в самом деле очень силен, — деловито пояснил мичман. — Это «Аметист» дает сигнал, что аппарат готов и поиски начинаются.

Мичман не ошибся. Сейчас же явился Щитов и пригласил жену Милльса вниз. Телевизор был временно установлен в темной лаборатории. Глубоководная часть аппарата раскачивалась на вынесенной за борт стреле, огромная катушка троса и кабеля была вставлена в лебедку. Корабль медленно шел к буйку, обозначавшему место батисферы.

— Опускать? — обратился Щитов к показавшемуся на палубе Ганешину.

— Пожалуй, пора.

— А ты не боишься?

— Чего?

— Ну мало ли чего... Аппарат только что собран, наскоро установлен — вдруг откажет! Я и то волнуюсь...

— Нет, много раз испробован, испытан. Спускай смело, побыстрее...

Телевизор быстро скрылся в волнах, а кабель сбегáл еще долго через счетчик катушки, пока чудесный

«глаз» не достиг наконец нужной глубины. Трос присоединили к амортизатору, смягчавшему качку судна, и в тот же момент в темноте лаборатории Ганешин включил ток. Жена Милльса, вне себя от волнения, смотрела на овальную пластинку экрана, которая вдруг из черной превратилась в прозрачную, пронизанную голубоватым сиянием. Ганешин бросал непонятные американке отрывистые слова Щитову, от него команда передавалась на палубу, к лебедке.

Как только телевизор был установлен на высоте пятнадцати метров над дном, Ганешин стал нажимать две белые кнопки справа от экрана. Там, внизу, маленькие винты заработали, поворачивая аппарат. В голубом свете экрана показалась черная тень, и сразу стало понятным, что эта светящаяся голубизна — прозрачная глубинная вода, в которой тончайшая муть осадка носилась роем крошечных серебристых точек, отражая и рассеивая свет. Вид океанского дна в экране телевизора был необычаен. Человек, попавший на другую планету, наверно был бы так же поражен и не способен понимать видимое. Один Ганешин, освоившийся с видом океанских глубин при прежних испытаниях своего «глаза», осторожно направлял аппарат. Черный, слегка клубящийся от мути горб слева был плоским выступом скалистого дна. Дальше к северу дно чуть-чуть понижалось, потому что красноватый отсвет дна впереди исчезал, отрезанный тем же серебристым голубым сиянием.

Манипулируя разными рычажками, Ганешин менял границу резкого изображения, одновременно медленно поворачивая прибор, и соответственно менялось изображение на экране. Сначала вдали возникла черная стена, которая приобретала красный оттенок под усиленным светом прожектора, затем в ней начали выделяться подробности: косая огромная трещина, выпуклый выступ... Но тут телевизор повернулся, и мрачные скалы утонули в сияющей голубизне прежнего освещения. В глубине экрана показались туманные острые зубцы, они стали резче, но, приближаясь и становясь отчетливее, терялись своим основанием в сине-черной темноте заднего плана.

— Предел освещения, — пояснил Ганешин, — около километра.

Высокие зубцы подводной каменистой гряды смотрели грозно и мрачно, едва выделяясь среди вечной тьмы и холода подводного мира. Телевизор обошел полный круг — везде простиралось бугристое скальное дно, прикрытое слоем ила, блестевшего в лучах осветителя, как алюминиевая пудра. Вид океанских глубин вызывал ощущение чего-то враждебного, таившегося в глубочайшем мраке, окружавшем поле зрения телевизора. Это был чуждый земной поверхности грозный мир безмолвия, тьмы и холода, неподвижный, неизменный, лишенный надежды и красоты.

Батисферы нигде не было видно. «Неужели промахнулись буем так сильно? — мелькнуло в голове Ганешина. — На полкилометра! Ясно же, она должна лежать в этой впадине!» Ганешин стал наклонять объективы аппарата вниз. Смутное темное пятно появилось с края рамки. Ганешин быстро повернул рычажок. Пятно передвинулось в середину, приблизилось и вытянулось. Неясные края его стали резкими. Черный цвет опять стал казаться красным... Молодая женщина за спиной Ганешина слабо вскрикнула, сейчас же зажав рот рукой. Яйцеобразный аппарат, наклонившись, стоял в центре рамки, казавшейся теперь прозрачным стеклом. Четкость изображения была настолько велика, что ясно виден был свисавший сверху кусок оборванного троса, толстые петли спасательных скоб и отсвет на круглом иллюминаторе, который смотрел на моряков, как блестящий гранатово-красный загадочный глаз.

— Иллюминаторы у батисферы со всех четырех сторон; значит, они уже видят нас, — объяснил Ганешин жене Милльса. — Сейчас самое главное — посмотрим, живы ли... — Ганешин поспешно поправился: — попробуем поговорить с ними.

Он щелкнул чем-то и положил длинные пальцы на кнопку. Соответственно движениям пальцев экран гас и вспыхивал снова. Присутствующие сообразили, что, гася и вновь зажигая осветитель, Ганешин посылал в окно батисферы световые сигналы морзе. Много раз повторив один и тот же вопрос, Ганешин выключил свет и замер в ожидании ответа перед погасшим экраном. Все собравшиеся в тесной каюте затаили дыхание, сдерживая волнение решающей минуты. Она прошла — экран

оставался черным. Медлительно и зловеще потянулась вторая минута, и тут в темноте экрана возник яркий бирюзовый огонек, исчез, вспыхнул ярче и разлился широким синим кругом — безмолвный ответ, принесенный светом со дна океана.

— Живы! Передайте на «Риковери», пусть подходят зацеплять батисферу! — радостно кричал Ганешин. В это время синий свет замигал подобно сигнальному фонарю. — Они говорят... — обернулся Ганешин к жене Миллса, но услышал вздох и мягкое падение тела.

— Отнесите в рубку, врача к ней! — обратился Щитов к подбежавшим людям. — Не выдержала, бедняжка. Почти трое суток... Ну, что там? — обратился он к Ганешину.

— Передают, что оба живы, экономят кислород как могут, но больше двух часов не протянут. Батисфера в порядке, не отделился груз... — читал мелькавшие на экране вспышки Ганешин. — «Не можем понять, как...» Не поймете, подождите, — вслух отозвался моряк и услышал гудок американского судна.

Спуск тросов с захватами уже начался. Синий круг на экране погас, и сейчас же замигал прожектор телевизора. Ганешин передал запертым в батисфере людям о принимаемых к спасению мерах.

Еще час прошел в беспрерывном наблюдении в окно телевизора. Свистки, крики в мегафон, шум машины американского судна, шипенье пара и грохот лебедок разносились над морем. А людям в батисфере оставался еще час жизни — шестьдесят минут, — когда уже почти шестьдесят часов усилия сотни людей оставались безрезультатными.

Незаметно и внезапно подошла победа. Огромные храпцы, опускавшиеся с «Риковери» по указаниям Ганешина, ухватили за боковую скобу, громко рявкнул гудок «Аметиста», и в тот же миг машинист на лебедке «Риковери» переставил муфту на обратный ход. Медленно вышла слабина громадного, в руку толщиной, троса, барабан заскрипел от напряжения: гибкий стальной канат, сплетенный из двухсот двадцати двух проволок, вместе с батисферой весил шестьдесят тонн — в три раза больше допустимой рабочей нагрузки.

Трос выдержал. В голубом сиянии экрана телевизора батисфера качнулась, выпрямилась, дернулась вверх и медленно начала подниматься. Ганешин, вращая объективы, некоторое время следил за ней, пока она не скрылась, выключил ток, зажег свет в лаборатории и, постояв немного, чтобы привыкли глаза, вышел на палубу. Телевизор был более не нужен. Все внимание сосредоточилось теперь на лебедке «Риковери», медленно извлекавшей из глубины непомерную тяжесть. Капитан Пенланд неотрывно смотрел на аккуратно ложившиеся на барабан витки, вычисляя в уме скорость подъема — сорок минут оставалось до рокового срока. «Не успеем, задохнутся...»

Взяв на свои плечи смертельный риск, Пенланд приказал ускорить подъем. В напряженном молчании лебедка застучала чаще, барабан стал вращаться быстрее. Прошло еще несколько минут. Острый свист пара рассек вдруг однообразный шум лебедки. Лебедка сделала несколько быстрых оборотов; мгновенно побледневший машинист перебросил рычаг на «стоп». «Трос!..» — испуганно выкрикнул кто-то. Ужас приковал людей на обоих судах к месту и заставил одним движением вытянуть шеи, вглядываясь за борт. Пенланд мгновенно вспотел, во рту пересохло, мысли разбежались. Он не мог командовать, да и не знал, что́ скомандовать. Но тут из медленного колыхания волн быстро выскочил огромный голубой яйцеобразный предмет, исчез в столбе брызг и через секунду плавно закачался в белом кольце пены.

Это внезапно отделился груз батисферы, она рванулась кверху, и храпцы автоматически раскрылись, освободив аппарат от тяжести троса. Люди разразились победными кликами, сейчас же покрытыми могучим ревом четырех гудков. Суда бросали в простор океана весть о новой победе человеческого разума и воли.

Ганешин стоял, расставив ноги, и пристально смотрел на спасенную им батисферу.

Щитов положил свою тяжелую руку на его плечо:

— Леонид Степанович, адмирал запрашивает о результатах.

— Сейчас иду. Ты распорядись поднимать телевизор... А как наша гостья?

— Я отправил ее назад, там она нужнее, — улыбнулся Щитов. — Она так и смотрела во все стороны, видимо искала тебя — поблагодарить.

Ганешин слабо махнул рукой и направился в радиорубку. Батисферу уже буксировали к «Риковери».

Выходя из радиорубки, Ганешин снова увидел Щитова.

— Я тебе вот что хочу сказать, — строго и серьезно произнес Щитов, — насчет твоего телевизора. Я его напрасно ругал... — Дальнейшие слова его были заглушены ревом моторов нашего самолета, взмывшего в высоту.

Ганешин крепко пожал протянутую ему руку приятеля.

— Что дальше будем делать? — спросил Щитов.

— Как — что? — удивился Ганешин. — Закончим подъем телевизора и пойдем своей дорогой.

— А разве ты к ним не поедешь? — с недоумением воскликнул капитан. — Я и шлюпку приказал не поднимать.

— Нет, не поеду.

— Вот диво! Разве не интересно посмотреть на спасенных, расспросить? Они ведь тоже изучают дно...

— Конечно, интересно, но, понимаешь... — Ганешин шутливо поморщился: — Ведь будут благодарить. Жена инженера смотрела такими глазами... А мы сейчас дадим ход и удерем.

На судне американской экспедиции были заняты подъемом и открыванием батисферы и не заметили, как советский корабль быстро поднял шлюпку и телевизор. «Аметист» запросил о здоровье спасенных, получил ответ, что «слабы, но вне опасности», развернулся и начал набирать ход. Американцы с недоумением смотрели на действия «Аметиста» и только тогда, когда на фалах нашего судна взвился сигнал традиционного прощания, поняли, в чем дело. Сигнальщик с «Риковери» отчаянно замахал флажками, но «Аметист» увеличил ход, и только мощный гудок и махавшие бескозырками матросы посылали дружеский прощальный привет. Спасенные исследователи, офицеры и матросы, как один человек, смотрели вслед белому кораблю, становившемуся все меньше и меньше в солнечной дали. Внезапно гулкий

грохот орудий раскатился над зелеными волнами: крейсер дал салют удалявшемуся «Аметисту». Опять и опять гремели орудия. В ответ на «Аметисте» взвились звезды и полосы Америки.

Советское судно как ни в чем не бывало шумело винтами, рассекая тихоокеанские волны. Ганешин наблюдал за уборкой телевизора, мечтая о мягкой койке: спасение американской батисферы далось ему недаром. С мостика послышался голос Щитова:

— Леонид Степанович, иди-ка, вызывают американцы. — В словах капитана звучала дружеская насмешка. — Техника тебя все равно достанет, даже из глубин океана.

Американцы вызывали «Аметист» по имени, без позывных, и название драгоценного камня настойчиво звучало в эфире. Радиоаппарат выстукивал любезные слова благодарности, просьбу сообщить фамилию командира, руководившего спасением, восхищение беспримерной работой русских моряков, чудесным изобретением. В сухое потрескивание радио с «Риковери» вдруг вмешалось резкое щелканье позывных «Аметиста», характерное для мощной радиостанции нового линкора. Радист простучал ответ, и Ганешин выслушал четкие сигналы, славшие привет американской экспедиции и поздравления личному составу «Аметиста». Особенное удовольствие адмирал выражал Ганешину. Ответив командующему, Ганешин приказал радисту:

— Передайте на «Риковери» начальнику американской океанографической экспедиции Миллсу: «Командующий советским Тихоокеанским флотом только что передал вам поздравление со спасением и пожелания дальнейших успехов в вашей отважной работе».

Через пять минут Ганешин крепко спал у себя в каюте.

* * *

Осенний владивостокский дождь лил нескончаемыми потоками, хлестал в высокое окно кабинета Ганешина. Моряк перечитывал, собираясь отвечать, письмо от обоих спасенных им полтора месяца назад американских ученых. Догадливые люди направили письмо на имя командующего с просьбой передать его Ганешину,

разыскать которого не составило для адмирала затруднения.

«Только тот, кто провел в безнадежности и отчаянии шестьдесят часов на недоступном дне океана, может понять, что сделали вы, — писали ученые. — Несколько часов изо всех сил мы пытались отделить с помощью винтового пресса присосавшийся груз, задыхаясь и обливаясь по́том в леденящем холоде батисферы. Нельзя передать, что пережили мы, уже впадая в тупое безразличие перед лицом неотвратимой судьбы, когда увидели свет в иллюминаторах и поняли ваши сигналы. С этой незабываемой минуты мы живем с твердой верой в безграничную силу человека, в его светлое будущее, в то, что нет одиночества даже в самых смелых, еще не понятых миром исканиях...»

Перечитав письмо, Ганешин начал писать ответ:

«На вопрос, как я достиг таких результатов в завоевании океанских глубин, мне трудно ответить. Пожалуй, главное здесь было в точной направленности поставленных задач и, конечно, в огромных материальных возможностях. Первое дал мне наш старый ученый, который несколько лет назад призывал нас, моряков, помочь науке найти «глаза» и «руки», которые могли бы достать океанское дно. Он же показал нам, на что способен человек в борьбе с морем, рассказав о замечательном атолле Факаофо. Второе дала мне родная страна.

Я только развил идею, отказавшись пока от необходимости опускать человека в пучины океана и заменив его прибором, не нуждающимся в воздухе и не боящимся страшного давления. Так возник мой телевизор — «глаз» человека, опущенный на дно, таковы будут мои бурильные приборы для взятия коренных пород со дна океана — эти протянутые на дно «руки». Вспомните глубоководных животных. Некоторые из них обладают глазами на длинных стебельках; вот что натолкнуло меня на мысль использовать телевизор...»

Ганешин писал еще некоторое время, задумался, потом быстро закончил:

«Поэтому я считаю, что ваша благодарность должна быть направлена не мне лично, а моей стране, моему

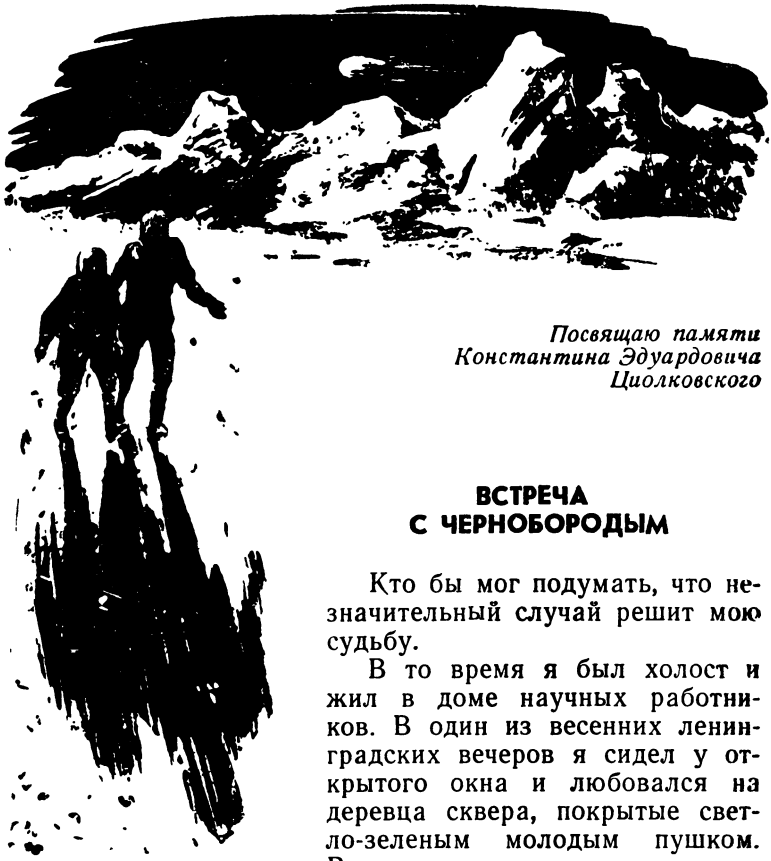
народу. Ибо что́ такое я и вообще любой человек без родины, без поддержки большого числа людей, — самый умный и выдающийся останется лишь мечтателем и фантазером. А поддержка, помощь правительства, огромного коллектива флота, разных людей, от ученого до слесаря, — всего, одним словом, что является для меня моей родиной, — привели к тем достижениям, которые показались вам почти сверхъестественным могуществом. И это только начало, мы будем продолжать...»

Ганешин кончил письмо, встал и подошел к окну. По стеклам струилась вода, сквозь которую, будто очень далекий, виднелся поросший дубами скалистый мыс.

А. БЕЛЯЕВ

Звезда КЭЦ

ПОВЕСТЬ



Посвящаю памяти
Константина Эдуардовича
Циолковского

ВСТРЕЧА С ЧЕРНОБОРОДЫМ

Кто бы мог подумать, что незначительный случай решит мою судьбу.

В то время я был холост и жил в доме научных работников. В один из весенних ленинградских вечеров я сидел у открытого окна и любовался на деревца сквера, покрытые светло-зеленым молодым пушком. Верхние этажи домов пылали палевыми лучами заката, нижние погружались в синие сумерки. Вдали виднелись зеркало Невы и шпиль Адмиралтейства. Было удивительно хорошо, не хватало только музыки. Мой ламповый радиоприемник испортился. Нежная мелодия, заглушенная стенами, чуть доносилась из соседней квартиры. Я завидовал соседям и в конце концов пришел к мысли, что Антонина Ивановна, моя соседка, без труда могла бы помочь мне наладить радиоприемник. Я не был знаком с этой девушкой, но знал, что она работает ассистентом физико-технического института. При встрече на лестнице мы всегда приветливо расклa-

нивались. Это показалось мне вполне достаточным для того, чтобы обратиться к ней за помощью.

Через минуту я звонил у дверей соседей.

Дверь мне открыла Антонина Ивановна. Это была симпатичная девушка лет двадцати пяти. Ее большие серые глаза, веселые и бодрые, глядели чуть-чуть насмешливо и самоуверенно, а вздернутый нос придавал лицу задорное выражение. На ней было черное суконное платье, очень простое и хорошо облегавшее фигуру.

Я почему-то неожиданно смутился и очень торопливо и сбивчиво стал объяснять причину своего прихода.

— В наше время стыдно не знать радиотехники, — шутливо перебила она меня.

— Я биолог, — пробовал оправдаться я.

— Но у нас даже школьники знают радиотехнику. — Этот укор она смягчила улыбкой, показав свои ровные зубы, и неловкость растаяла.

— Пойдемте в столовую, я допью чай и пойду лечить ваш приемник.

Я охотно последовал за ней.

В просторной столовой, за круглым столом сидела мать Антонины Ивановны, полная, седая, розоволицая старушка. Она с суховатой любезностью поздоровалась со мной и пригласила выпить чашку чаю.

Я отказался. Антонина Ивановна допила чай, и мы направились ко мне.

С необычайной быстротой она разобрала мой приемник. Я любовался ее ловкими руками с длинными, подвижными пальцами. Говорили мы немного. Она очень скоро исправила аппарат и ушла к себе.

Несколько дней я думал только о ней, хотел зайти снова, но без повода не решался. И вот, стыдно признаться, но я нарочно испортил свой приемник... И пошел к ней.

Осмотрев повреждение, она насмешливо взглянула на меня и сказала:

— Я не буду чинить ваш приемник.

Я покраснел как вареный рак.

Но на другой день снова пошел — доложить, что приемник мой работает великолепно. И скоро для меня стало жизненной необходимостью видеть Тоню, как я мысленно называл ее.

Она дружески относилась ко мне, хотя, по ее мне-

нию, я, видите ли, был только кабинетный ученый, узкий специалист, радиотехники не знал, характер имел нерешительный, привычки стариковские — сиднем сидеть в своей лаборатории или в кабинете. При каждой встрече она говорила мне много неприятного и советовала переделать характер.

Мое самолюбие было оскорблено. Я даже решил не ходить к ней, но, конечно, не выдержал. Больше того, незаметно для себя я начал переделывать свой характер: стал чаще гулять, пытался заняться спортом, купил лыжи, велосипед и даже пособия по радиотехнике.

Однажды, совершая добровольно-принудительную прогулку по Ленинграду, я на углу проспекта Двадцать Пятого Октября и улицы Третьего Июля заметил молодого человека с иссиня-черной бородой.

Он пристально посмотрел на меня и решительно двинулся в мою сторону:

— Простите, вы не Артемьев?

— Да, — ответил я.

— Вы знакомы с Ниной... Антониной Герасимовой? Я видел вас однажды с ней. Я хотел передать ей кое-что о Евгении Палее.

В это время к незнакомцу подъехал автомобиль. Шофер крикнул:

— Скорей, скорей! Опаздываем!

Чернобородый вскочил в машину и, уже отъезжая, крикнул мне:

— Передайте — Памир, Кэц...

Автомобиль быстро скрылся за углом.

Я вернулся домой в смущении. Кто этот человек? Он знает мою фамилию? Где он видел меня с Тоней, или Ниной, как он называл ее? Я перебирал в памяти все встречи, всех знакомых... Этот характерный орлиный нос и острая черная борода должны были запомниться. Но нет, я никогда не видал его раньше... А этот Палей, о котором он говорил? Кто это?

Я пошел к Тоне и рассказал о странной встрече. И вдруг эта уравновешенная девушка страшно разволновалась. Она даже вскрикнула, услыхав имя Палей. Она заставила меня повторить всю сцену встречи, а потом гневно набросилась на меня за то, что я не догадался сесть с этим человеком в автомобиль и не расспросил у него обо всем подробно.

— Увы, у вас характер тюленя! — заключила она.

— Да, — зло ответил я. — Я совсем не похож на героев американских приключенческих фильмов и горжусь этим. Прыгать в машину незнакомого человека... Слуга покорный.

Она задумалась и, не слушая меня, повторяла, как в бреду:

— Памир... Кэц... Памир... Кэц.

Потом кинулась к книжным полкам, достала карту Памира и начала искать Кэц.

Но, конечно, никакого Кэца на карте не было.

— Кэц... Кэц... Если не город, так что же это: маленький кишлак, аул, учреждение?.. Надо узнать, что такое Кэц! — воскликнула она. — Во что бы то ни стало сегодня же или не позже завтрашнего утра...

Я не узнавал Тоню. Сколько неукротимой энергии было скрыто в этой девушке, которая умела так спокойно, методически работать! И все это превращение произвело одно магическое слово — Палей. Я не осмелился спросить у нее, кто он, и постарался поскорее уйти к себе.

Не стану скрывать — я не спал эту ночь, мне было очень тоскливо, а на другой день не пошел к Тоне.

Но поздно вечером она сама явилась ко мне, приветливая и спокойная, как всегда. Сев на стул, она сказала:

— Я узнала, что такое Кэц: это новый город на Памире, еще не нанесенный на карту. Я еду туда завтра, и вы должны ехать со мной. Я этого чернобородого не знаю, вы поможете отыскать его. Ведь это ваша вина, Леонид Васильевич, что вы не узнали фамилию человека, который имеет сведения о Палее.

Я в изумлении вытаращил глаза. Этого еще недоставало. Бросить свою лабораторию, научную работу и ехать на Памир, чтобы искать какого-то Палея!

— Антонина Ивановна, — начал я сухо, — вы, конечно, знаете, что не одно учреждение ждет окончания моих научных опытов. Сейчас я, например, заканчиваю работу по задержке дозревания фруктов. Опыты эти давно велись в Америке и ведутся у нас. Но практические результаты пока невелики. Вы, вероятно, слыхали, что консервные фабрики на юге, перерабатывающие местные фрукты: абрикосы, мандарины, перси-

ки, апельсины, айву, — работают с чрезмерной нагрузкой месяц-полтора, а десять-одиннадцать месяцев в году простаивают. И это потому, что фрукты созревают почти одновременно и переработать их сразу невозможно. Поэтому каждый год гибнет чуть ли не девять десятых урожая...

Увеличить число фабрик, которые десять месяцев в году находятся на простое, тоже невыгодно. Вот мне и поручили текущим летом отправиться в Армению, чтобы на месте поставить чрезвычайно важные опыты искусственной задержки созревания фруктов. Понимаете? Фрукты снимаются немного недозревшими и затем дозревают постепенно, партия за партией, по мере того как заводы справляются со своей работой. Таким образом, заводы будут работать круглый год, а...

Я посмотрел на Тоню и запнулся. Она не перебивала меня, она умела слушать, но лицо ее все больше мрачнело. На лбу, меж бровей, легла складка, длинные ресницы были опущены. Когда она подняла на меня глаза, я увидел в них презрение.

— Какой ученый-общественник! — сказала она ледяным тоном. — Я тоже еду на Памир по делу, а не как искательница приключений. Мне во что бы то ни стало надо разыскать Палея. Путешествие не продлится долго. И вы еще успеете попасть в Армению к сбору урожая...

Гром и молния! Не мог же я сказать ей, в какое нелепое положение она меня ставит! Ехать с любимой девушкой на поиски неведомого Палея, быть может, моего соперника! Правда, она сказала, что она не искательница приключений и едет по делу. Какое же дело связывает ее с Палеем? Спросить не позволяло самолюбие. Нет, довольно с меня. Любовь мешает работе. Да, да! Раньше я засиживался в лаборатории до позднего вечера, а теперь ухожу, как только пробьет четыре. Я уже хотел еще раз отказаться, но Тоня предупредила меня.

— Вижу, мне придется ехать одной, — сказала она поднимаясь. — Это осложняет дело, но, может быть, мне удастся найти чернобородого и без вашей помощи. Прощайте, Артемьев. Желаю вам успешного дозревания.

— Послушайте, Антонина Ивановна!.. Тоня!..

Но она уже вышла из комнаты.

Идти за ней? Вернуть? Сказать, что я согласен?.. Нет, нет! Надо выдержать характер. Теперь или никогда.

И я выдерживал характер весь вечер, всю бессонную ночь, все хмурое утро следующего дня. В лаборатории я не мог смотреть на сливы — предмет моих опытов.

Тоня, конечно, поедет одна. Она не остановится ни перед какими трудностями. Что произойдет на Памире, когда она найдет чернобородого и через него Палея? Если бы я сам присутствовал при встрече, мне многое стало бы ясным. Я не поеду с Тоней — это значит разрыв. Недаром, уходя, она сказала «прощайте». Но все же я должен выдержать характер. Теперь или никогда.

Конечно, я не поеду. Но нельзя же быть невежливым — простая любезность требует помочь Тоне собраться в дорогу.

И вот еще не пробило четырех часов, а я уже прыгал через пять ступенек, сбегая с четвертого этажа. Не хуже старого американского киногероя, я вскочил на ходу в троллейбус и помчался домой. Кажется, я даже без стука ворвался в комнату Тони и крикнул:

— Я еду с вами, Антонина Ивановна!

Не знаю, для кого большей неожиданностью было это восклицание — для нее или для меня самого. Кажется, для меня.

Так я был вовлечен в цепь самых невероятных приключений.

ДЕМОН НЕУКРОТИМОСТИ

Я смутно помню наше путешествие от Ленинграда до таинственного Кэца. Я был слишком взволнован своей неожиданной поездкой, смущен собственным поведением, подавлен Тониной энергией.

Тоня не хотела терять ни одного лишнего дня и составила маршрут путешествия, использовав все быстрые средства сообщения.

От Ленинграда до Москвы мы летели на аэроплане. Над Валдайской возвышенностью нас здóрово потрепало, а так как я не выношу ни морской, ни воздушной

качки, мне стало плохо. Тоня заботливо ухаживала за мной. В пути она стала ко мне относиться тепло и ровно — словом, переменилась к лучшему. Я все больше изумлялся: сколько сил, женской ласки, заботливости у этой девушки! Перед путешествием она работала больше меня, но на ней это совершенно не отразилось. Она была весела и часто напевала какие-то песенки.

В Москве мы пересели на полуреактивный стратоплан Циолковского, совершающий прямые рейсы Москва—Ташкент.

Эта машина летела с бешеной скоростью. Три металлические сигары соединены боками, снабжены хвостовым оперением и покрыты одним крылом — таков внешний вид стратоплана. Тоня немедленно ознакомилась с его устройством и объяснила мне, что пассажиры и пилоты помещаются в левом боковом корпусе, в правом — горючее, а в среднем — воздушный винт, сжиматель воздуха, двигатель и холодильник, что самолет движется силой воздушного винта и отдачею продуктов горения. Она говорила еще о каких-то интересных подробностях, но я слушал рассеянно, — новизна впечатлений подавляла меня. Помню, мы зашли в герметически закрывающуюся кабину и уселись на очень мягкие кресла. Самолет побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся на воздух. Мы летели на огромной высоте, — быть может, за пределами тропосферы, — со скоростью тысячи километров в час. И говорят — эта скорость не предельная.

Не успел я как следует усесться, а мы уже оставили позади пределы РСФСР. За облачным покровом земли не было видно. Когда облака начали редеть, я увидел глубоко под нами сероватую поверхность. Она казалась углубленною в центре и приподнятою к горизонту, словно опрокинутый серый купол.

— Киргизские степи, — сказала Тоня.

— Уже? Вот это скорость!

Такой полет мог удовлетворить даже нетерпение Тони.

Впереди блеснуло Аральское море. И в кабине говорили уже не о Москве, которую только что покинули, а о Ташкенте, Андижане, Коканде.

Ташкента я не успел рассмотреть. Мы молниеносно снизились на аэродроме и уже через минуту мчались

на автомобиле к вокзалу сверхскорого реактивного поезда — того же Циолковского. Этот первый реактивный поезд Ташкент—Андижан по скорости не уступал стратоплану.

Я увидел длинный, обтекаемой формы вагон без колес. Дно вагона лежало на бетонном полотне, возвышающемся над почвой. С обеих сторон вагона имелись закраины, заходящие за бока полотна. Они придавали устойчивость на закруглениях пути.

Я узнал, что в этом поезде воздух накачивается под днище вагона и по особым щелям прогоняется назад. Таким образом, вагон летит на тончайшем слое воздуха. Трение сведено до минимума. Движение достигается отбрасыванием назад воздушной струи, и вагон развивает такую скорость, что с разгона без мостов перепрыгивает небольшие реки.

Я опасливо поежился, сел в вагон, и мы двинулись в путь.

Скорость «езды-полета» была действительно грандиозна. За окнами ландшафт сливался в желтовато-сероватые полосы. Только голубое небо казалось обычным, но белые облака бежали назад с необыкновенной резвостью. Признаюсь, несмотря на все удобства этого нового способа передвижения, я не мог дождаться конца нашего короткого путешествия. Но вот под нами сверкнула река, и мы мигом перескочили ее без моста. Я вскрикнул и невольно поднялся. Видя такую отсталость и провинциальность, все пассажиры громко рассмеялись. А Тоня восторженно захлопала в ладоши.

— Вот это мне нравится! Это настоящая езда! — говорила она.

Я тоскливо заглядывал в окно: когда же кончится это мутное мелькание?

В Андижане я запросил пощады. Надо же немного передохнуть после всех этих сверхскоростных передряг. Но Тоня и слушать не хотела. Ее обуял демон неукротимости.

— Вы испортите мне весь график. У меня согласовано все до одной минуты.

И мы вновь как одержимые помчались на аэродром.

Путь от Андижана до Оша мы пролетели на обыкновенном аэроплане. Его совсем немалую скорость —

четыреста пятьдесят километров в час — Тоня считала черепашьей. На беду, мотор закапризничал, и мы сделали вынужденную посадку. Пока бортмеханик возился с мотором, я вышел из кабины и растянулся на песке. Но песок был невыносимо горячий. Солнце палило немилосердно, и мне пришлось убраться в душную кабину.

Обливаясь по́том, я проклинал в душе наше путешествие и мечтал о ленинградском мелком дождике.

Тоня нервничала, боясь опоздать в Ошу к отлету дирижабля. На мое несчастье, мы не опоздали и прилетели на аэродром за полчаса до отлета дирижабля. Этот металлический гигант из гофрированной стали должен был нас доставить в город Кэц. Мы добежали до причальной мачты, быстро поднялись на лифте и вошли в гондолу.

Путешествие на дирижабле оставило самое приятное воспоминание. Каюты гондолы охлаждались и хорошо вентилировались. Скорость — всего двести двадцать километров в час. Ни качки, ни тряски и полное отсутствие пыли. Мы хорошо пообедали в уютной каюткомпании. За столом слышались новые слова: Алай, Кара-куль, Хорог...

Памир с высоты произвел на меня довольно мрачное впечатление. Недаром эту «крышу мира» называют «подножием смерти». Ледяные реки, горы, ущелья, морены, снежные стены, увенчанные черными каменными зубцами, — траурный наряд гор. И лишь глубоко внизу — зеленые пастбища.

Какой-то пассажир-альпинист, указывая на покрытые зеленоватым льдом горы, объяснял Тоне:

— Вот это гладкий ледник, это игольчатый, вон там бугристый, дальше волнообразный, ступенчатый...

Внезапно сверкнула гладь озера...

— Кара-куль. Высота три тысячи девятьсот девяносто метров над уровнем моря, — сказал альпинист.

— Посмотрите, посмотрите! — окликает меня Тоня.

Смотрю. Озеро как озеро. Блестит. А Тоня восхищается:

— Какая красота!

— Да, блестящее озеро, — говорю я, чтоб не обидеть Тоню.

Но вот мы идем на посадку. Я обозреваю с дирижабля общий вид города. Он расположен в очень длинной, узкой высокогорной долине меж снеговых вершин. Долина имеет почти прямое направление с запада на восток. Возле самого города она расширяется. У южного края ее находится большое горное озеро. Альпинист говорит, что оно очень глубокое.

Сотни две домов сверкают плоскими металлическими крышами. Большинство крыш белые, как алюминий, но есть и темные. На северном склоне горы стоит большое здание с куполом — вероятно, обсерватория. За жилыми домами фабричные корпуса.

Наш аэродром расположен в западной стороне города, в восточной лежит какой-то удивительный железнодорожный путь — с очень широкой колеей. Он идет до самого края долины и там, по-видимому, обрывается.

Наконец-то земля.

Мы едем в гостиницу. Я отказываюсь осматривать город: устал с дороги, — и Тоня милостиво отпускает меня на отдых. Сняв ботинки, я ложусь отдохнуть на широкий диван. Какое блаженство! В голове еще шумят моторы всяческих быстроходов, глаза слипаются. Ну, уж теперь-то я отдохну на славу!

Как будто в дверь стучат. Или это еще гремят в голове моторы... Стучат в самом деле. Как некстати.

— Войдите! — сердито кричу я и вскакиваю с дивана.

Появляется Тоня. Она, кажется, задалась целью извести меня.

— Ну, как отдохнули? Идемте, — говорит она.

— Куда идемте? Почему идемте? — громко спрашиваю я.

— Как куда? Зачем же мы приехали сюда?

Ну да. Искать человека с черной бородой. Понятно... Но уже вечер, и лучше заняться поисками с утра. Впрочем, протестовать бесполезно. Я молча натягиваю на плечи легкое ленинградское пальто, но Тоня заботливо предупреждает меня:

— Наденьте шубу. Не забывайте, что мы на высоте нескольких тысяч метров, а солнце уже зашло.

Надеваю шубу, и мы выходим на улицу.

Я вдыхаю морозный воздух и чувствую, что мне дышать трудно. Тоня замечает, как я «зеваю», и говорит:

— Вы не привыкли к разреженному горному воздуху. Ничего, это скоро пройдет.

— Странно, что я в гостинице не чувствовал этого, — удивляюсь я.

— А в гостинице воздух искусственно сгущен компрессором, — говорит Тоня, — не все переносят горный воздух. Некоторые совсем не выходят на улицу, и с ними консультируются на дому.

— Как жаль, что эта льгота не распространяется на специалистов по разыскиванию черных бород! — невесело сострил я.

Мы шли по улицам чистенького, хорошо освещенного города. Здесь была самая гладкая и самая прочная в мире мостовая — из природного выровненного и отшлифованного гранита. Мостовая-монолит.

Нам часто встречались чернобородые: видимо, среди населения было много южан.

Тоня ежеминутно дергала меня за рукав и спрашивала:

— Это не он?

Я сумрачно качал головой. Незаметно мы дошли до берега озера.

Вдруг раздался вой сирены. Эхо отдалось в горах, и разбуженные горы откликнулись унылыми завываниями. Получился леденящий душу концерт.

Берега озера осветились яркими фонарями, и озеро вспыхнуло, как зеркало в алмазной оправе. Вслед за фонарями зажглись десятки мощных прожекторов, устремив свои голубые лучи в синеву безоблачного вечернего неба. Сирена умолкла. Затихло и эхо в горах. Но город встрепенулся.

По озеру вдоль берега забегали быстроходные катера и глиссеры. Толпы народа стекались к озеру.

— Куда же вы смотрите? — услышал я голос Тони.

Этот голос напомнил мне о моей печальной обязанности. Я решительно повернулся спиной к озеру, к огням и начал выискивать в толпе бородатых людей.

Однажды мне показалось, что я увидел чернобородого незнакомца. Только я хотел сказать об этом Тоне, как вдруг она воскликнула:

— Смотрите, смотрите! — и показала на небо,

Мы увидели золотую звездочку, приближавшуюся к земле. Толпа стихла. В наступившей тишине послышался отдаленный гром. Гром с безоблачного неба! Горы подхватили этот рокот и ответили глухой канонадой. Гром нарастал с каждой секундой, и звездочка все увеличивалась. Позади нее ясно обозначалась темная дымка, и скоро звездочка превратилась в сигарообразное тело с плавниками. Это мог быть только межпланетный корабль. В толпе слышались восклицания:

— Кэц-семь!

— Нет, Кэц-пять!

Ракета вдруг описала небольшой круг и перевернулась кормой вниз. Пламя вырвалось из дюз, и она все медленнее стала снижаться к озеру. Длина ее намного превышала длину самого большого паровоза. И весила она, наверное, не меньше.

И вот эта тяжелая громадина, не долетая до поверхности воды нескольких десятков метров, как бы повисла в воздухе: сила взрывающихся газов поддерживала ее в висячем положении. Отбросы газов рябили и волновали поверхность воды. Клубы дыма расстилались по озеру.

Затем стальная сигара стала едва заметно опускаться и скоро кормой коснулась воды. Вода забурлила, заклокотала, зашипела. Пар окутал ракету. Взрывы прекратились. Среди пара и дыма показался верхний острый конец ракеты и опустился вниз. Тяжелый всплеск воды. Большая волна, качая на своем гребне катера и глиссеры, пошла по озеру. Ракеты не было видно. Но вот она блеснула в лучах прожектора и закачалась на поверхности воды.

Толпа дружными криками приветствовала благополучный спуск. Флотилия катеров набросилась на плавающую ракету, как касатки на кита. Маленький черный катер взял ее на буксир и отвел в гавань. Два мощных трактора вытащили ее по специальному мосту на берег. Наконец открылся люк, и из ракеты вышли межпланетные путешественники.

Первый из них, как только вышел, начал громко чихать. Из толпы послышался смех и восклицания: «Будьте здоровы!»

— Каждый раз такая история, — сказал прилетевший с неба. — Как только попаду на землю — насморк, кашель.

Я с любопытством и уважением смотрел на человека, который побывал в бесконечных просторах неба. Есть же такие смельчаки! Я ни за что не решился бы полететь на ракете.

Прибывших встречали радостно, без конца расспрашивали, пожимали руки. Но вот они сели в автомобиль и уехали. Толпа быстро поредела. Огни погасли. Я вдруг почувствовал, как окоченели мои ноги. Меня знобило и поташнивало.

— Вы совсем посинели, — сжалилась, наконец, Тоня. — Идемте домой.

В вестибюле гостиницы меня встретил толстенький лысый человек. Покачав головой, он сказал:

— А вы плохо переносите, молодой человек, горы.

— Замерз, — ответил я.

В уютной столовой мы разговорились с толстеньким человеком, который оказался врачом. Прихлебывая горячий чай, я расспрашивал его, почему их город и прилетевшая ракета называются Кэц.

— И Звезда также, — отвечал доктор. — Звезда Кэц. Слыхали? В ней, собственно, все дело. Она создала этот город. А почему Кэц? Неужто не догадываетесь? Чьей системы был стратоплан, на котором вы сюда летели?

— Кажется, Циолковского, — ответил я.

— Кажется... — неодобрительно сказал доктор. — Не кажется, а так оно и есть. Ракета, которую вы видели, тоже по его плану сделана, и Звезда тоже. Вот почему и Кэц: Константин Эдуардович Циолковский. Понятно?

— Понятно, — ответил я. — А что это за Звезда Кэц?

— Искусственный спутник Земли. Надземная станция-лаборатория и ракетодром для ракет дальнего межпланетного сообщения.

НЕУДАВШАЯСЯ ПОГОНЯ

Уже давно я не спал так крепко, как в эту ночь. И проспал бы до двенадцати дня, если бы Тоня не разбудила меня в шесть утра.

— Скорее на улицу, — сказала она. — Сейчас рабочие и служащие пойдут на работу.

И снова я с утра пораньше взялся за свою роль сыщика.

— А не лучше ли нам через справочное бюро узнать, проживает ли здесь Палей?

— Наивный вопрос, — ответила Тоня. — Я еще из Ленинграда справлялась об этом...

Мы шли по монолитной мостовой. Солнце уже поднималось над горами, но меня знобило, и дышать по-прежнему было трудно. Ледники нестерпимо блестели.

Показался небольшой садик — плод работы местных садоводов над акклиматизацией растений. До постройки города Кэц здесь, на высоте нескольких тысяч метров, не произрастало никакой зелени, никаких растений, никаких злаков.

Ходьба утомляла меня. Я предложил посидеть. Тоня согласилась.

Мимо нас двигался людской поток. Люди громко разговаривали, смеялись — словом, чувствовали себя вполне нормально.

— Это он! — крикнул я.

Тоня вскочила, схватила меня за руку, и мы со всех ног пустились догонять машину. Машина мчалась по прямому как стрела проспекту, который вел на ракетодром.

Бежать было трудно. Я задыхался. Меня мучила тошнота. Кружилась голова, ноги и руки дрожали. На этот раз и Тоня чувствовала себя плохо, но упорно продолжала бежать.

Так мы бежали минут десять. Автомобиль с чернобородым еще виднелся впереди. Вдруг Тоня перебежала дорогу и, расставив руки, загородила путь встречному автомобилю. Машина круто остановилась. Тоня быстро вскочила в кабинку и втащила меня.

Шофер посмотрел на нас с недоумением.

— Летите стрелой вон за той машиной! — приказала Тоня таким властным тоном, что шофер, ни слова не говоря, повернул назад и дал полный газ.

Дорога была прекрасная. Мы быстро оставили за собой последние дома. И перед нами как на ладони предстал ракетодром. На широком «железнодорожном» пути лежала ракета, похожая на гигантского сома. Возле ракеты копошились люди. Вдруг завыла сирена.

Люди поспешно отбежали в сторону. Ракета двинулась по рельсам, набирая скорость, и, наконец, заскользила с невероятной быстротой. Пока она еще не пускала в ход взрывателей и двигалась при помощи электрического тока, как трамвай. Путь поднимался в гору градусов на тридцать. Когда до конца пути осталось не более километра, из хвоста ракеты вырвался огромный сноп пламени. Клубы дыма окутали ее. Вслед за тем долетел звук оглушительного взрыва. Еще через несколько секунд нас обдало сильной волной воздуха, — мы пошатнулись. Ракета, оставляя за собой цепочку дымовых клубов, взвилась к небу, быстро укоротилась до черной точки и исчезла.

Мы подъехали к ракетодрому. Но, увы, чернобородого среди оставшихся не было...

КАНДИДАТ В НЕБОЖИТЕЛИ

Тоня бросилась в толпу и начала расспрашивать всех: не видали ли они человека с черной бородой?

Люди переглядывались, вспоминали, и наконец человек в белом шлеме и белом кожаном костюме сказал:

— Это, наверное, Евгеньев.

— Конечно, Евгеньев. Другого чернобородого у нас сегодня не было, — подтвердил другой.

— Где же он? — с волнением спросила Тоня.

Человек поднял руку вверх.

— Там. Пересекает стратосферу. На пути к Звезде Кэц.

Тоня побледнела. Я подхватил ее под руку и отвел в такси.

— Мы едем в гостиницу, — сказал я.

Тоня молчала всю дорогу. Покорно опираясь на мою руку, она поднялась по лестнице. Я отвел ее в номер и усадил в кресло. Откинув голову на спинку, она сидела с закрытыми глазами. Бедная Тоня! Как остро она переживала свою неудачу. Но, по крайней мере, теперь все кончено. Не будем же мы сидеть в городе Кэц до возвращения чернобородого из межпланетного путешествия.

Постепенно лицо Тони начало оживать. Еще не открывая глаз, она вдруг улыбнулась.

— Чернобородый улетел на Звезду Кэц. Ну что ж, мы полетим за ним!

От этих слов я едва не свалился с кресла.

— Лететь на ракете! В черные бездны неба!..

Я сказал это таким трагическим тоном и с таким испугом, что Тоня рассмеялась.

— Я думала, вы более храбры и решительны, — сказала она уже серьезно и даже несколько печально. — Впрочем, если не хотите сопровождать меня, можете отправляться в Ленинград или Армению — куда вам вздумается. Теперь я знаю фамилию чернобородого и могу обойтись без вас. А сейчас идите в свой номер и ложитесь в кровать. Вы очень плохо выглядите. Горные высоты и звездные миры не для вас.

Да, я действительно чувствовал себя скверно и охотно исполнил бы приказание Тони. Но мое самолюбие было задето. В тот момент я больше всего на свете хотел остаться на Земле и больше всего боялся потерять Тоню. Что окажется сильнее? Пока я колебался, за меня решил мой язык.

— Антонина Ивановна! Тоня! — сказал я. — Я особенно счастлив, что вы приглашаете меня сопровождать вас теперь, когда я вам больше не нужен для розысков чернобородого. Я лечу!

Она чуть заметно усмехнулась и протянула мне руку:

— Спасибо, Леонид Васильевич. Теперь я вам должна рассказать все. Ведь я видела, как вас мучил Палей, которого я ищу с таким упорством. Признайтесь, вам не раз приходила в голову и такая мысль, что Палей сбежал от меня, а я, упрямая влюбленная девушка, гоняюсь за ним по миру в надежде вернуть любовь.

Я невольно покраснел.

— Но вы были настолько тактичны, что не задавали мне никаких вопросов. Ну, так знайте: Палей — мой друг и товарищ по университету. Это очень талантливый молодой ученый, изобретатель. Натура увлекающаяся, непостоянная. Мы с ним, еще на последнем курсе университета, начали одну научную работу, которая обещала произвести переворот в электромеханике. Работу мы поделили пополам и шли к одной цели, как рабочие, прорывающие тоннель с двух сторон, чтобы встретиться в одной точке. Мы были уже у цели. Все записи вел Па-

лей в своей записной книжке. Неожиданно его командировали в Свердловск. Он уехал так поспешно, что не оставил мне книжку. Он всегда был рассеянным. Я писала ему в Свердловск, но не получила ответа. С тех пор он как в воду канул. В Свердловске я узнала, что он переведен во Владивосток, но там следы теряются. Я пробовала самостоятельно продолжать работу. Увы, мне не хватало целого ряда формул и расчетов, сделанных Палеем. Когда-нибудь я подробно расскажу вам об этой работе. Она стала моею навязчивой мыслью, моим кошмаром. Она мешала мне заниматься другими работами. Бросить на полпути такую многообещающую проблему — я и сейчас не понимаю этого легкомыслия Палея. Теперь вы поймете, почему весть о нем так взволновала меня. Вот и всё... Вы в самом деле отвратительно выглядите. Идите и ложитесь.

— А вы?

— Я тоже отдохну немного.

Но Тоня не стала отдыхать. Она отправилась в отдел кадров Главного управления Кэц и там узнала, что на Звезду Кэц можно попасть только законтрактовавшись на работу. Физики и биологи были нужны. И Тоня, недолго думая, законтрактовала себя и меня на год.

Она радостно вбежала ко мне в комнату и оживленно начала рассказывать о своих приключениях. Затем вынула из лилового кожаного портфеля бланки, самопишущее перо и протянула мне:

— Вот ваше заявление. Подпишитесь.

— Да, но... годовой срок...

— Не беспокойтесь. Я выяснила, что управление не слишком строго придерживается этого контракта. Необычайность обстановки, условий существования, климата принята во внимание. И кто будет переносить плохо...

— Климат? Какой же там климат?

— Я имею в виду жилые помещения Кэц. Там можно устроить любой климат, с какой угодно температурой и влажностью воздуха.

— Значит, там такая же разреженная атмосфера, как здесь, на высоте Памира?

— Да, примерно такая, — неуверенно ответила Тоня и прибавила скороговоркой: — Или немножечко меньше. В этом, пожалуй, главное препятствие для вас.

Кандидаты на Звезду проходят строгий физический отбор. Те, кто легко подвергается горной болезни, бракуются.

Я, правда, очень обрадовался, узнав, что у меня еще есть путь к почетному отступлению. Однако Тоня тотчас утешила меня:

— Но мы как-нибудь это устроим! Я слышала, там есть комната с обычным давлением атмосферы. Давление уменьшается постепенно, и приезжие быстро привыкают. Я поговорю о вас с доктором.

Мне стало не по себе, и я с отчаянием ухватился за последний довод:

— Как же с работой на Земле?

У Тони был готовый ответ:

— Нет ничего проще! Кэц — очень авторитетное учреждение, и довольно сообщить по месту работы, что вы законтрактовались, вас сейчас же отпустят. Только бы ваше здоровье позволило. Как вы себя чувствуете? — И она взяла мою руку, чтобы проверить пульс.

— Ну, когда такой доктор прикасается к руке, то невольно ответишь: «Прекрасно!»

— Тем лучше. Подписывайте скорее бумаги, и я пойду к доктору.

Так, не успев оглянуться, я был завербован в небожители...

— Слабость? Посинение кожи? Головокружение? Тошнота? — допрашивал меня доктор.— Рвоты не было?

— Нет, только сильно тошнило, когда мы бежали за автомобилем.

Доктор с минуту подумал и глубокомысленно сказал:

— У вас легкая степень болезни.

— Значит, можно лететь, доктор?

— Да. Думаю, можно. В ракете, правда, только десятая часть нормального атмосферного давления, но зато вы будете дышать чистым кислородом, не разбавленным на четыре пятых азотом, как в атмосфере. Этого вполне достаточно для дыхания. А на Звезде Кэц имеются внутренние камеры с нормальным давлением. Значит, вам придется только немного потерпеть во время перелета. Звезда находится на высоте всего в тысячу километров.

— Сколько же дней продлится перелет? — спросил я.

Доктор насмешливо скосил глаза в мою сторону:

— Я вижу, вы мало понимаете в межпланетных путешествиях. Так вот, дорогой мой, ракета летит до Звезды восемь-десять минут. Но так как приходится перевозить непривычных людей, то полет немного затягивается. Чтобы воспользоваться центробежной силой, снаряд летит под углом в двадцать пять градусов к горизонту по направлению вращения Земли. В первые десять секунд скорость возрастает до пятисот метров в секунду и лишь во время полета через атмосферу несколько замедляется, а затем, когда атмосфера начнет редеть, вновь повышается.

— Почему скорость замедляется при полете через атмосферу? Торможение?

— Торможение преодолимо, но при чрезмерной быстроте полета через атмосферу от трения сильно накаляется оболочка ракеты, и тяжесть со скоростью увеличивается. А почувствовать свое тело тяжелее в десять раз не очень-то приятно.

— А мы не сгорим от трения оболочки об атмосферу? — опасливо спросил я.

— Нет. Может быть, немного вспотеете — не больше. Ведь оболочка ракеты состоит из трех слоев. Внутренний — прочный металлический, с окнами из кварца, прикрытыми слоем обыкновенного стекла, и с дверями, герметически закрывающимися. Второй — тугоплавкий, из материала, почти не проводящего тепла. Третий — наружный — хотя и относительно тонкий, но из чрезвычайно тугоплавкого металла. Если верхний слой накалится добела, то средний задержит тепло, и оно не попадет внутрь ракеты, да и холодильники отличные. Холодильный глаз непрерывно циркулирует между оболочками, проникая через рыхлую среднюю малотеплопроводную прокладку.

— Вы, доктор, настоящий инженер, — сказал я.

— Ничего не поделаешь. Ракету легче приспособить к человеческому организму, чем организм к необычным условиям. Поэтому техникам приходится работать в контакте со мною. Посмотрели бы вы первые опыты. Сколько неудач, жертв!

— И человеческие были?

— Да, и человеческие.

У меня по спине забегали мурашки. Но отступать было поздно.

Когда я вернулся в гостиницу, Тоня радостно сообщила мне:

— Я уже знаю — все прекрасно устроилось. Мы вылетаем завтра, ровно в полдень. С собою ничего не берите. Утром, перед полетом, мы примем ванну и пройдем дезинфекционную камеру. Вы получите стерилизованное белье и костюм. Доктор сказал, что вы совершенно здоровый человек.

Я слушал Тоню как во сне. Страх поверг меня в оцепенение. Думаю, не стоит говорить о том, как я провел последнюю ночь на Земле и что передумал...

«ЧИСТИЛИЩЕ»

Настало утро. Последнее утро на Земле. Я тоскливо посмотрел в окно — светило яркое солнце. Есть не хотелось, но я заставил себя позавтракать и отправился «очищаться» от земных микробов. Эта процедура заняла больше часа. Врач-бактериолог говорил мне о каких-то головокружительных цифрах — миллиардах микробов, гнездившихся на моей земной одежде. Оказывается, я носил на себе тиф, паратиф, дизентерию, грипп, коклюш и чуть ли не холеру. На моих руках были обнаружены синегнойные палочки и туберкулез. На ботинках — сибирская язва. В карманах проживали анаэробы столбняка. В складках пальто — возвратная лихорадка, ящур. На шляпе — бешенство, оспа, рожа... От этих новостей я впал в лихорадку. Сколько невидимых врагов ожидало случая, чтобы наброситься на меня и свалить с ног! Что ни говори, а Земля имеет свои опасности. Это немного примирило меня с звездным путешествием.

Мне пришлось перенести промывание желудка, кишок и подвергнуться новым для меня процедурам облучения неизвестными аппаратами. Эти аппараты должны были убить вредные микробы, гнездившиеся внутри моего организма. Я был порядком измучен.

— Доктор, — сказал я. — Эти предосторожности не

достигают цели. Как только я выйду из вашей камеры, микробы вновь набросятся на меня.

— Это верно, но вы, по крайней мере, избавились от тех микробов, которые привезли из большого города. В кубическом метре воздуха в центре Ленинграда находятся тысячи бактерий, в парках только сотни, а уже на высоте Исаакия лишь десятки. У нас на Памире — единицы. Холод и палящее солнце, отсутствие пыли, сухость — прекрасные дезинфекторы. На Кэце вы снова попадете в чистилище. Здесь мы очищаем только начерно. А там вас подвергнут основательной чистке. Неприятно? Ничего не поделаешь. Зато вы будете совершенно спокойны за то, что не заболеете никакими инфекционными болезнями. По крайней мере, там риск сведен до минимума. А здесь вы рискуете ежеминутно.

— Это очень утешительно, — сказал я, облачаясь в продезинфицированное платье, — если только я не сгорю, не задохнусь, не...

— Сгореть и задохнуться можно и на Земле, — перебил меня доктор.

Когда я вышел на улицу, наш автомобиль уже стоял у тротуара. Скоро и Тоня вышла из женского отделения дезинфекционной камеры. Она улыбнулась мне и села рядом. Автомобиль тронулся в путь.

— Хорошо помылись?

— Да, баня была прекрасная. Смыл триста квадриллионов двести триллионов сто биллионов микробов.

Я посмотрел на Тоню. Она посвежела, загорела, на щеках появился румянец. Она была совершенно спокойна, словно мы собрались в парк культуры. Нет, хорошо, что я согласился лететь с нею...

Полдень. Солнце стоит почти над головой. Небо синее, прозрачное, как горный хрусталь. Блестит на горах снег, синеют застывшие ледяные реки ледников, внизу весело шумят горные ручьи и водопады, еще ниже зеленеют поля, и на них, словно снежные комья, видны стада пасущихся овец. Несмотря на жгучее солнце, ветер приносит ледяное дыхание гор. Как красива наша земля! А через несколько минут я оставлю ее и полечу в черную бездну неба. Право, об этом лучше читать в романах...

— Вот наша ракета! — радостно крикнула Тоня. —

Она похожа на рыбий пузырь. Смотрите, толстенький доктор уже ждет нас.

Мы сошли с автомобиля, и я по привычке протянул руку доктору, но он быстро спрятал руки за спину:

— Не забывайте, что вы уже продезинфицированы. Не прикасайтесь больше ни к чему земному.

Увы, я отрешен от земли... Хорошо, что Тоня тоже «неземная». Я взял ее под руку, и мы направились к ракете.

— Вот наше детище, — сказал доктор, указывая на ракету. — Видите — у нее нет колес. Вместо рельсов она скользит по стальным желобам. В корпусе ракеты есть небольшие углубления для шаров, и она скользит на этих шарах. Ток для разгона дает земная электростанция. Проводом служит металлический лоток-желоб... А у вас уже нормальный цвет лица. Привыкаете? Отлично, отлично. Передайте мой привет небожителям. Попросите врача Анну Игнатьевну Меллер прислать с ракетой «Кэц-пять» месячный отчет. Это очень симпатичная женщина. Доктор, имеющая самую малую в мире практику. Но дела у нее все же хватает.

Волчье завывание сирены заглушило слова доктора. Люк ракеты открылся. На землю спустился трап.

— Ну, вам пора! Всего хорошего! — сказал доктор, вновь предусмотрительно пряча руки за спину. — Пишите.

Трап имел всего десять ступеней, но пока я поднимался, у меня сильно билось сердце. Вслед за мною вошла Тоня, за нею механик. Пилот уже давно сидел на месте. Мы с трудом разместились в узкой камере, освещенной электрической лампой. Камера была похожа на кабину маленького лифта.

Дверь мягко захлопнулась. «Как крышка гроба», — подумал я.

Связь с Землей была прервана.

КОРОТКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ставни в окнах нашей каюты были закрыты, я не видел, что делается снаружи, и напряженно ждал первого толчка. Стрелки часов сошлись на двенадцати, но мы оставались совершенно неподвижными. Странно. По-видимому, что-то задержало наш отлет.

— Мы, кажется. двигаемся! — сказала Тоня.

— Я ничего не чувствую.

— Это, вероятно, потому, что ракета медленно и плавно идет на своих шарах-колесах.

Вдруг меня легко откинуло на спинку кресла.

— Конечно, движемся! — воскликнула Тоня. — Чувствуете? Спина все больше придавливается к спинке кресла.

— Да, чувствую.

Но вот раздался грохот взрыва, он перешел в вой. Ракета задрожала мелкой дрожью. Теперь уже не было никаких сомнений: мы летели. С каждой секундой становилось все теплее. Центр тяжести начал перемещаться на спину. Наконец стало казаться, будто я не сижу в кресле, а лежу на спине в кровати, приподняв над собой согнутые в коленях ноги. Очевидно, ракета принимала вертикальное направление.

— Мы похожи на жуков, перевернутых на спину, — говорила Тоня.

— Да еще придавленных сверху хорошим кирпичом, — добавил я. — Довольно сильно давит на грудь.

— Да. И руки стали свинцовыми — не поднять.

Когда взрывы прекращались, становилось легче. Несмотря на изоляционные прослойки и холодильники, было очень жарко: мы пролетали через атмосферу — ракета нагревалась от трения.

Опять передышка. Взрывов нет. Я вздохнул свободнее. Вдруг короткий взрыв, и я почувствовал, что валюсь на правый бок. Конечно, крушение. Сейчас мы грохнемся о Памир. Я судорожно хватаюсь за плечо Тони.

— Наверное, столкновение с болидом... — бормочу я.

Лицо Тони бледно, в глазах испуг, но она говорит спокойно:

— Держитесь, как я, за спинку кресла.

Но вот положение ракеты выравнивается. Взрывы прекращаются. В ракете становится прохладнее. По телу распространяется ощущение легкости. Я поднимаю руки, болтаю ногами. Как приятно, легко! Пытаюсь встать на ноги и, незаметно отделившись от кресла, повисаю в воздухе, затем медленно опускаюсь в кресло.

Тоня размахивает руками, как птица крыльями, и поет. Мы смеемся! Изумительно приятное ощущение.

Внезапно ставня иллюминатора открывается. Перед нами небо. Оно сплошь усеяно немигающими звездами и чуть-чуть окрашено в карминный цвет. Млечный Путь весь испещрен разноцветными звездами, он вовсе не молочного цвета, как мы видим его с Земли.

Тоня указывает мне на крупную звезду возле альфы Большой Медведицы — новая звезда в знакомом созвездии.

— Кэц... Звезда Кэц, — говорит Тоня.

Среди бесконечного количества немигающих звезд она одна трепещет лучами, то красными, то зелеными, то оранжевыми. То вдруг разгорается ярче, то угасает, то вспыхивает снова... Звезда растет на глазах и медленно приближается к правой стороне окна. Значит, ракета направляется к ней по кривой линии. Звезда выбрасывает длинные голубые лучи и заходит за край окна. Теперь на темном фоне неба видны только звезды да беловатые туманности. Они кажутся совсем близкими, эти далекие звездные миры...

Ставня закрывается. Снова работают взрывные аппараты. Ракета маневрирует. Интересно бы посмотреть, как она причалит к небесному ракетодрому...

Небольшой толчок, остановка. Неужто конец путешествию? Мы ощущаем странную невесомость.

Дверь в капитанскую рубку открывается. Капитан ползет по полу, спускается вниз, придерживаясь за небольшие скобы. За капитаном, также ползком, следует молодой человек, которого мы до этого не видели.

— Простите за неприятные секунды, причиненные вам во время путешествия. Виноват мой молодой практикант: это он слишком резко повернул руль направления, и вы, вероятно, слетели со своих кресел.

Капитан прикасается указательным пальцем к молодому человеку, и тот легко, как пушинка, отлетает в сторону.

— Ну-с, все кончилось хорошо. Надевайте теплые костюмы и кислородные маски. Филипченко, — это был молодой пилот, — помогите им.

Из рубки выполз бортмеханик в межпланетном костюме. Он походил на водолаза, только скафандр мень-

ше водолазного да на плечи был накинут плащ, сделанный из блестящей, как алюминий, материи.

— Эти плащи, — объяснил капитан, — если будет холодно, сдвиньте в сторону. Пусть солнечные лучи вас обогревают. А если станет очень жарко, то прикройтесь плащом. Он отражает солнечные лучи.

С помощью бортмеханика и капитана мы быстро нарядились в межпланетные костюмы и с волнением ждали выхода из ракеты.

НЕБЕСНЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Нас перевели в воздушную камеру и стали постепенно выкачивать воздух. Скоро образовалась «межпланетная пустота», и дверь открылась.

Я переступил порог. Трапа не было, — ракета лежала на боку. В первое мгновение я был ослеплен и ошеломлен. Подо мною ярко блестела поверхность огромного шара диаметром в несколько километров.

Не успел я сделать шаг, как возле меня появился «звездный житель» в межпланетном костюме. Он с необычайной ловкостью и быстротой надел мне на руку аркан на шелковом шнуре. Недурное начало. Я рассердился, дернул руку, гневно топнул ногой... и в тот же момент взвился вверх на десяток метров. «Звездный житель» поспешно притянул меня за шелковый шнурок к поверхности блестящего шара. Я понял: если бы меня не привязали, то при первом неосторожном движении я улетел бы в мировое пространство и поймать меня было бы нелегко. Но как же я не потянул за собой человека, который держал меня на аркане? Я посмотрел на «землю» и увидел, что на блестящей поверхности имеются многочисленные скобы, за которые цепляется ногами мой провожатый.

Рядом я увидел Тоню, у нее тоже был спутник, который держал ее на аркане. Я хотел приблизиться к ней, но путь преградил мой провожатый.

Через стекло скафандра я видел его улыбающееся молодое лицо. Он прислонил свой скафандр к моему, чтобы я мог слышать, и сказал:

— Держитесь крепко за мою руку!

Я повиновался. Мой спутник выдернул ногу из скобы

и ловко подпрыгнул. За его спиной блеснуло пламя, я почувствовал толчок, и мы понеслись вперед над шарообразной «лунной» поверхностью. У моего провожатого была портативная ракета-ранец для недалеких полетов в межпланетных пространствах. Ловко стреляя то задними, то боковыми, то верхними, то нижними «револьверами» ранца, он увлекал меня все дальше и дальше по дуге над поверхностью шара. Несмотря на ловкость моего спутника, мы кувыркались, как клоуны на цирковом манеже, — то вверх, то вниз головой, — но это почти не сопровождалось приливами крови.

Скоро наша ракета скрылась за горизонтом. Мы перелетели пустое пространство, отделявшее ракетодром от Звезды Кэц. Впрочем, если говорить о моих ощущениях, то мне казалось, что мы стоим на месте, а на нас летит блестящая труба, все увеличивающаяся в размерах. Вот она повернулась на поперечной оси, и показался ее конец, замкнутый блестящей полусферой. С этой стороны труба казалась небольшим шаром по сравнению с «луной-ракетодромом». И этот шар, как бомба, направлялся прямо на нас. Ощущение было не совсем приятное: вот-вот блестящая бомба разобьет нас вдребезги. Но вдруг бомба с необычайной быстротой описала в небе полукруг и оказалась за нашей спиной. Это мой водитель повернул нас спиной к Звезде, чтобы затормозить полет. Несколько коротких взрывов, несколько толчков невидимой широкой ладони в спину, и мой спутник ухватился за скобу на поверхности полушария.

Нас, вероятно, ждали. Как только мы «причалили», в стене полушария открылась дверь. Спутник втолкнул меня внутрь, влез сам, и дверь захлопнулась.

Вновь воздушная камера, освещенная электрической лампой. На стене манометр, барометр, термометр. Мой провожатый подошел к аппаратам и занялся наблюдением. Когда давление и температура оказались достаточными, он начал раздеваться и жестом предложил мне последовать его примеру.

— Ну что, накувыркались? — спросил он, смеясь. — Это я нарочно так летел.

— Хотели позабавиться?

— Нет. Я боялся, что вы можете натерпеться от жары и холода, не умея обращаться с плащом регу-

лировки температуры. Поэтому я вертел вас, как кусок баранины на вертеле, чтобы вы равномерно «поджаривались» на солнце, — сказал он, окончательно освобождаясь от межпланетного костюма. — Ну, позвольте представиться. Крамер, лаборант-биолог Звезды Кэц. А вы? Работать к нам?

— Да, тоже биолог. Артемьев, Леонид Васильевич.

— Замечательно! Будем работать вместе.

Я начал раздеваться. И вдруг почувствовал, что физический закон — «сила действия равна силе противодействия» — обнаруживается здесь в чистом виде, не затемненный земным притяжением. Здесь все вещи и сам человек превращаются в «реактивные приборы». Я отбросил костюм, говоря по-земному, «вниз», а сам, оттолкнувшись от него, подпрыгнул вверх. Получилось: не то я сбросил костюм, не то он меня подбросил.

— Теперь мне и вам надо почиститься — пройти дезинфекционную камеру, — сказал Крамер.

— А вам зачем? — удивленно спросил я.

— Но ведь я прикасался к вам.

«Вот как! Словно я прибыл из зачумленной местности», — подумал я.

И вот я опять в чистилище. Снова камера с гудящими аппаратами, которые пронизывают тело невидимыми лучами. Снова чистая, стерилизованная одежда, снова медицинский — последний — осмотр в маленькой белой амбулатории «звездного врача».

В этой небольшой амбулатории не было ни стульев, ни столов. Только одни ящики с медицинскими инструментами, прикрепленные к стенам легкими закрепками.

Нас встретила маленькая живая женщина-врач — Анна Игнатьевна Меллер. В легком платье серебристого цвета, несмотря на свои сорок лет, она походила на подростка. Я передал ей привет и просьбу «земного врача» города Кэц.

После дезинфекции она сообщила мне, что в моей земной одежде нашлось еще немало микробов.

— Я непременно напишу в здравотдел города Кэц, что у них плохо следят за ногтями. Под вашими ногтями была целая колония бактерий. Надо обрезать и чистить ногти перед отправкой на Звезду. Ну, а вообще вы здоровы и теперь относительно чисты. Сейчас вас отнесут в вашу комнату, а потом накормят.

— Отнесут? Накормят? — удивленно спросил я. — Ведь я же не лежачий больной и не ребенок. Надеюсь, я сам пойду и поем.

— Не хвалитесь! Для неба вы еще новорожденный.

И она хлопнула меня по спине. Я стремглав отлетел в другой конец камеры, оттолкнулся от стены, отлетел на середину и «повис», беспомощно болтая ногами.

— Ну как, убедились? — смеясь, сказала Мелер. — А ведь у нас тут все же тяжесть существует. Ползунок вы еще. Ну-ка, пройдитесь!

Какое там! Только через минуту мои ноги коснулись пола. Я попробовал шагнуть и снова взвился в воздух. Ударившись головой о «потолок» и почти не почувствовав удара, я беспомощно заболтал руками.

Дверь отворилась, и вошел мой знакомый Крамер, биолог. Увидав меня, он расхохотался.

— Вот, возьмите на буксир этого младенца и проводите его в комнату шесть, — обратилась к Крамеру Анна Игнатьевна. — Он плохо переносит разреженный воздух. Дайте ему половинный воздушный паек.

— Нельзя ли для начала нормальное давление? — попросил я.

— Хватит половины. Надо привыкать.

— Давайте вашу руку, — сказал Крамер.

Цепляясь ногами за ременные скобы на полу, он довольно быстро и легко подошел ко мне, взял меня рукой за пояс и вышел в широкий коридор. Повертев меня, словно легкий резиновый мяч, он бросил меня вдоль коридора. Я вскрикнул и полетел. Толчок был так рассчитан, что, пролетев метров десять по косой линии, я приблизился к стене.

— Хватайтесь за ремешок! — крикнул Крамер.

Эти ремешки, вроде ручек портпледа, были всюду: на стенах, на полу, на потолке. Я ухватился за ручку изо всей силы, ожидая, что меня рванет при остановке, но в тот же миг с удивлением почувствовал, что в руке не ощущается напряжения. Крамер был уже возле меня. Он открыл дверь и, подхватив меня под мышку, вошел в комнату цилиндрической формы. Ни кровати, ни стола, ни стульев здесь не было. Только ремешки на стенках да одно широкое окно, завешенное прозрачной зеленоватой материей. И поэтому свет в комнате был зеленоватый.

— Ну, садитесь и будьте как дома, — пошутил Крамер. — Сейчас я прибавлю кислорода.

— Скажите, Крамер, почему у вас ракетодром отдельно от Звезды?

— Это у нас недавнее изобретение. Раньше ракеты причаливали прямо к Звезде Кэц. Но не все пилоты одинаково ловки. Совершенно без толчка трудно причалить. И вот однажды капитан звездолета «Кэц-семь» сильно ударил Звезду Кэц. Пострадала Большая оранжерея: в ней разбились стекла, и часть растений погибла. Работы по ремонту идут до сегодняшнего дня. После этого несчастного случая наши инженеры решили устроить ракетодром отдельно от Звезды. Вначале это был огромный плоский диск. Но практика показала, что для причала удобнее полусфера. Когда ремонт оранжереи закончится, мы заставим Звезду Кэц вращаться вместе с оранжереей на поперечной оси. Получится центробежная сила, появится тяжесть.

— А что это за разноцветные лучи, которые мы видели во время полета? — спросил я.

— Это световые сигналы. Такую крохотную звездочку нелегко найти в просторах неба. Вот мы и устроили «бенгальское освещение». Как вы себя чувствуете? Легче дышится? Больше не дам, иначе вы опьянеете от чистого кислорода. Вам не жарко?

— Немного холодновато, — ответил я.

Крамер одним прыжком очутился возле окна и отдернул занавеску. Ослепительные лучи солнца наполнили комнату. Температура начала быстро повышаться. Крамер прыгнул к противоположной стене и открыл ставню:

— А вот полюбуйтесь на эту красавицу.

Я повернулся к окну и замер от восхищения. Земля занимала половину небосклона. Я смотрел на нее с высоты тысячи километров. Она казалась не выпуклым шаром, как я ожидал, а вогнутой. Края ее, очень неровные, с выступающими зубцами горных вершин, были словно подернуты дымкой тумана. Неясные, «размытые» очертания. Дальше от края Земли шли продолговатые серые пятна — облака, затемненные толстым слоем атмосферы. Ближе к центру — тоже пятна, но светлые. Я узнал Ледовитый океан, очертания берегов

Сибири и Северной Европы. Ослепительно ярким пятном выделялся Северный полюс. Маленькой искоркой отражалось Солнце в Баренцовом море.

Пока я рассматривал Землю, она приняла вид огромной Луны в ущербе. Я не мог оторвать глаз от гигантского полумесяца, ярко освещенного светом Солнца.

— Наша Звезда Кэц, — объяснил мне Крамер, — летит на восток и совершает полный оборот вокруг Земли в сто минут. Солнечный день у нас продолжается всего шестьдесят семь минут, а ночь — тридцать три. Через сорок-пятьдесят минут мы вступаем в тень Земли....

Темная часть Земли, слабо освещенная отраженным светом Луны, была едва видна. Граница между темной и светлой полосами резко выделялась огромными, почти черными зубцами — тенями гор. Но вот я увидел и Луну, настоящую Луну. Она казалась совсем близкой, но очень маленькой по сравнению с тем, какою кажется с Земли.

Наконец Солнце совершенно скрылось за Землею. Теперь я видел Землю в виде темного диска, окруженного довольно ярким кольцом света зари. Это лучи невидимого Солнца освещали земную атмосферу. Розовый отсвет проникал в нашу комнату.

— Как видите, у нас здесь темноты не бывает, — сказал Крамер. — Заря Земли вполне заменяет нам лунный свет, когда Луна заходит за Землю.

— Мне кажется, в ракете похолодало, — заметил я.

— Да. Ночная прохлада, — ответил Крамер. — Но это понижение температуры совсем незначительно. Средний слой оболочки нашей станции надежно защищает ее от теплового лучеиспускания, к тому же Земля излучает большое количество тепла, ночь на Звезде Кэц очень коротка, поэтому мы не рискуем замерзнуть. Для нас, биологов, это очень хорошо. Но наши физики недовольны: они с трудом получают для опытов температуру, близкую к абсолютному нулю. Земля, как огромная печь, дышит теплом даже на расстоянии тысячи километров. Растения нашей оранжереи без вреда переносят короткую ночную прохладу. Мы даже не пускаем в ход электрических печей. У нас здесь чудесный горный климат. Скоро на ваших бледных ленин-

градских щеках заиграет румянец. Я здесь пополнел, у меня появился аппетит.

— Признаться, и я есть хочу, — сказал я.

— Так полетим в столовую, — предложил Крамер, протягивая мне бронзовую от загара руку.

Он вывел меня в коридор, и мы, подпрыгивая и хватаясь за ремешки, направились в столовую.

Это была большая комната цилиндрической формы, позолоченная первыми лучами «утра». Большое решетчатое окно с толстыми стеклами окружала рамка яркозеленых вьющихся растений. Такой яркой зелени мне на Земле не приходилось видеть.

— А вот и он!

Я оглядываюсь на знакомый голос и вижу Меллер. Она прилепилась к стене, как ласточка, а возле нее Тоня в легком сиреневом платье. Волосы Тони после дезинфекционных процедур взлохмачены. Я радостно улыбаюсь ей.

— Пожалуйте, пожалуйте сюда, — зовет Меллер. — Ну, чем вас попотчевать?

Передо мной на полке герметически закрытые банки, баллоны, кубы, шары.

— Мы вас будем кормить из соски жидкой пищей, манной кашей. С твердыми кусками вы не справитесь: вылетят из рук — не поймаете. У нас все больше вегетарианская пища. Зато собственные плантации. Здесь яблочный мусс, — она указала на закрытую банку, — здесь клубника с рисом, абрикосы, персики, маседуан из бананов, репа Кэц, — такой вы на Земле не ели... Хотите репы?

И Меллер ловко сняла с полки цилиндр с трубочкой на боку. В задней стенке цилиндра имелась трубка пошире. Эту трубку Меллер вставила в небольшой насос и начала качать. На наконечнике боковой трубки показалась желтоватая пена. Меллер протянула цилиндр Тоне.

— Берите и сосите. Если сосать будет трудно, подкачайте воздуху. Наконечники стерилизованы. Чего гримасничаете? Наша посуда не так красива, как греческие чаши, но зато хороша для здешних условий.

Тоня нерешительно взяла трубку в рот.

— Ну как? — спросила Меллер.

— Очень вкусно.

Крамер подал мне другую «соску». Полужидкая желтая кашица из «кэцовской репы» была действительно очень вкусна. Маседуан из бананов тоже хорош. Я не успевал подкачивать насос. Затем следовало желе из абрикосов и клубничный мусс.

Я ел с удовольствием. Но Тоня была задумчива и почти ничего не ела.

В коридоре я нагнал ее, схватил за руку и спросил:

— Чем вы озабочены, Тоня?

— Я сейчас была у директора Звезды Кэц, справлялась о Евгеньеве. Его уже нет на Звезде. Он отправился в длительное межпланетное путешествие.

— Значит, и мы последуем за ним? — с тревогой спросил я.

— Увы! — ответила она. — Нам надо работать. Но директор сказал, что, может быть, вы совершите межпланетное путешествие.

— Куда? — с испугом спросил я.

— Еще не знаю. На Луну, на Марс, — может быть, и дальше.

— Нельзя ли с Евгеньевым поговорить по радио?

— Можно. Радиосвязь Кэца не установлена только с Землей: мешает слой Хевисайда. Он отбрасывает радиолучи. Мне как раз придется работать над тем, чтобы короткими лучами пробить этот слой и установить радиосвязь с Землей. Пока связь поддерживается световым телеграфом. Прожектор в миллион свечей дает вспышки, которые прекрасно принимаются на Земле, если только небо не покрыто облаками. Впрочем, на Памире, в городе Кэц, небо почти всегда безоблачно. С летящими же в межпланетном пространстве ракетами Звезда Кэц говорит по радио... Сейчас я пойду на радиостанцию и постараюсь наладить связь с ракетой, исследующей мировое пространство между Звездой Кэц и Луной... А вас директор просил зайти к нему. — Посмотрев на часы-браслет, Тоня добавила: — Хотя к директору сегодня уже поздно. Полетим вместе на радиостанцию. Комната номер девять.

Огромный коридор, ярко освещенный электрическими лампами, уходил вдаль, как тоннель подземной дороги. Голоса здесь звучали тише обычного, потому что воздух был разрежен, и я не сразу услышал, что меня окликают.

Это был Крамер. Он летел к нам, махая небольшими крыльями. Сбоку и над спиной его торчали какие-то предметы, похожие на сложенные веера.

— Вот вам крылья, — сказал он, — чтобы вы совсем были похожи на небожителей. В раскрытом виде эти штуки немного напоминают крылья летучей мыши. Прикрепляются к кистям рук. Могут складываться и откидываться назад, и тогда вы можете свободно брать все.

Крамер ловко прикрепил нам крылья размером в большой лист лопуха, показал, как обращаться с механизмом, и улетел назад. Я и Тоня принялись за полеты. Мы не раз сталкивались головами, ударялись о стены, делали неожиданные повороты. Но неловкие движения не причиняли нам боли.

— В самом деле, мы похожи на летучих мышей, — со смехом сказала Тоня. — Ну, кто первый долетит до радиостанции?

Мы сорвались с места.

— А почему так пустынно в коридоре? — спросил я.

— Все на работе, — сказала Тоня. — Здесь, говорят, по вечерам публика летает роем. Как майские жуки в погожий день!

Мы подлетели к комнате номер девять. Тоня нажала кнопку, и дверь бесшумно открылась. Первое, что меня удивило, — это радист. Он с наушниками на ушах примостился на «потолке» и записывал радиотелефонограмму.

— Готово, — сказал он, пряча в сумку у пояса записную книжку; эта сумка заменяла ему ящик письменного стола. — Вы хотите поговорить с Евгеньевым? Попытаемся.

— А это трудно? — спросила Тоня.

— Нет, нетрудно, но у меня сегодня не работает длинноволновый передатчик, а на короткой волне найти ракету, спирально поднимающуюся над Землей, несколько сложнее. Я сейчас вычислю местонахождение ракеты и попробую...

Но в этот момент он неожиданно задел ногою за стену и отлетел в сторону. Его удержали шнуры радионаушников, и через мгновение радист принял прежнее положение. Вынув записную книжку, он посмотрел на

хронометр и углубился в расчеты. А потом принялся за настройку.

— Алло... Алло! Говорит Звезда Кэц! Да. Да. Позовите к аппарату Евгеньева. Нет? Скажите ему, чтобы он, когда вернется, вызвал Звезду Кэц. С ним должна говорить новая сотрудница Звезды Кэц. Фамилия...

— Антонина Герасимова, — поспешила сказать Тоня.

— Товарищ Герасимова. Слышишь? Так. Много? Хороший улов? Поздравляю.

Он выключил аппарат и сказал:

— Евгеньева нет в ракете. Он вылетел в межпланетное пространство на промысел и вернется часа через три. Занят ловлей мелких астероидов. Прекрасный строительный материал. Железо, алюминий, граниты. Я вызову вас, когда Евгеньев будет у радиотелефона.

В БИБЛИОТЕКЕ

За вечерним чаем ко мне подлетел Крамер.

— Вы свободны сегодня вечером? — спросил он меня и пояснил: — Не удивляйтесь, пожалуйста, на Звезде стоминутные сутки, но по привычке мы рабочий день исчисляем по земному времени. Закрывая ставни, делаем «ночь» и спим шесть-семь «звездных» суток. Теперь по московскому времени восемь часов вечера. Не хотите ли познакомиться с нашей библиотекой?

— Охотно, — ответил я.

Как и все помещения на Звезде Кэц, библиотека представляла собой цилиндр. Окон не было. Боковые стены были сплошь заняты ящиками. По продольной оси цилиндра — от двери до противоположной стены — натянуты четыре тонких троса. Придерживаясь за них, посетители передвигались в этом своеобразном коридоре. Пространство между «коридором» и боковыми стенками заполнял ряд сетчатых коек. В помещении был чистый, озонированный воздух с запахом хвои. Газонаполненные трубки, пролегающие между ящиками, светились приятным матовым светом. Тишина. На некоторых койках лежат люди с надетыми на голову черными коробками, изредка подкручивая выступающие из коробок круглые рукоятки.

Странная библиотека! Можно подумать, что здесь не читают, а проходят какой-то курс лечения.

Перебирая руками трос, я двигаюсь за Крамером к противоположному концу библиотеки. Там на фоне сложенных стеною черных ящиков порхает девушка в ярко-красном шелковом платье.

— Наш библиотекарь, Эльза Нильсон. Познакомьтесь, — говорит Крамер и шутя бросает меня к девушке. Она, смеясь, подхватывает меня на лету, и мы знакомимся.

— Что будете читать? — спрашивает она. — У нас миллион экземпляров книг почти на всех языках мира.

Миллион экземпляров! Где же они могут разместиться здесь? Но потом я догадываюсь:

— Фильмотека?

— Да, книги на пленке, — говорит Нильсон. — Читают их с помощью проекционного фонаря.

— Легко и компактно, — добавляет Крамер. — Целый том, страница за страницей отпечатанный на пленке, занимает места не больше, чем катушка ниток.

— А газеты? — спрашиваю я.

— Их заменяют радио и телевизор, — отвечает Нильсон.

— Книги на пленках — это уже не новость, — говорит Крамер. — У нас есть вещи поинтереснее. Какую же программу вечера мы составим для товарища Артемьева? Давайте так: сначала мировая хроника. Покажем, что на Звезде Кэц мы не отстали от мировых событий. Затем дайте «Солнечный столб»...

— Это новый роман? — спросил я.

— Да, в некотором роде, — ответил, улыбаясь, Крамер. — Ну, и хотя бы «Атмосферную электростанцию».

Кивнув головой, Нильсон вынула из ящика круглые плоские металлические коробки.

Крамер предложил мне лечь на койку. Затем, вложив эти коробки в ящик с рукоятками, надел его мне на голову.

— Лежите, слушайте, смотрите, — сказал он.

— Лежу, но ничего не вижу и не слышу. Абсолютная тишина и мрак.

— Поверните ручку справа, — сказал Крамер.

Я повернул. Что-то щелкнуло, тихо зажужжало.

Сильный свет ослепил меня. На мгновение я закрыл глаза и в то же время услышал голос:

«Тропические джунгли Африки расчищаются под культурное земледелие».

Я открыл глаза и увидел сверкающую в ослепительных лучах африканского солнца сине-зеленую поверхность океана, а на ней — растянутый в боевую линию огромный флот: дредноуты, сверхдредноуты, линкоры, крейсеры и истребители всех видов и систем. Здесь были и старые военные корабли, изрыгающие из широкогорлых труб клубы черного дыма, и более новые теплоходы с двигателями внутреннего сгорания, и позднейшие — с электрическими двигателями.

Это зрелище было так неожиданно, что я невольно вздрогнул. Неужто опять война? Но какая же может быть война, когда с капитализмом покончено во всем мире? Не угощают ли меня старым фильмом из времен последней войны, которая привела к революции?

«Военный флот — орудие истребления — мы превратили в мирный грузовой транспорт», — продолжал все тот же голос.

Ах, вот в чем дело! Ослепленный ярким светом, я сразу не заметил, что боевые башни с чудовищными морскими пушками сняты. Вместо них на кораблях установлены грузовые краны. Сотни хлопотливых катеров, буксиров, барж снуют между «боевой» цепью судов и новенькой гаванью. В гавани кипит разгрузочная работа.

Я снова повернул ручку. И... это тоже похоже на войну.

Огромный лагерь, белые палатки и фанерные домики, окрашенные в белый цвет. У домов и палаток люди в белых костюмах — европейцы и чернокожие. За лагерем дымовая завеса, поднимающаяся почти до зенита. Дым валит клубами, как при огромном пожаре...

Новый «кадр» — сплошная стена непроходимого тропического леса пылает в огне. На пепелище стояг огромные фургоны — коробки из металлической сетки на стальных каркасах. В них копошатся люди, выкорчевывая небольшими машинами пни.

«Тропики — самые богатые солнцем места на Земле. Но они были недоступны для культурного земледелия.

Непроходимые леса, болота, хищные звери, ядовитые гады, насекомые, губительные лихорадки наводняли тропики. Смотрите, чем они становятся теперь...»

Равнина. Тракторы возделывают землю. Чернокожие трактористы сверкают белыми зубами в веселой улыбке. На горизонте многоэтажные дома, густая зелень садов. «Тропики прокормят миллионы людей... Идея Циолковского претворяется в жизнь...»

«Как, и здесь Циолковский? — удивляюсь я. — Сколько же идей успел он заготовить впрок будущему человечеству!»

И, словно в ответ на эту мысль, я увидел другие картины великой переделки Земли по идеям Циолковского.

Превращение в оазисы пустынь путем использования энергии солнца; приспособление под жилье и оранжерейное «озеленение» доселе неприступных гор; солнечные двигатели, машины, работающие силой приливов, отливов и морских волн; новые виды растений, которые используют больший процент солнечной энергии...

Но это уже по моей части. Об этих достижениях мне известно.

Мировая кинохроника окончилась. После минутного перерыва я вновь услышал голос. И все, что он рассказывал, как наяву проходило перед моими глазами.

* * *

«Я участвовал в испытательном пробеге аэросаней нового типа, — говорил голос. — Условия были поставлены довольно тяжелые: проехать сотни километров тундры далеко за Полярным кругом.

Я был начальником пробега и возглавлял колонну. Мы продвигались прямо на север.

Было темно. Северное сияние не полыхало на небе. Только фары освещали путь. Стояли пятидесятиградусные морозы. Кругом безлюдная снежная равнина.

Мы ехали два дня, поглядывая на компас.

И вдруг мне показалось, что небо на горизонте порозовело.

— Начинается северное сияние. Будет веселее ехать, — сказал товарищ, который вел наши сани.

Через полчаса северный небосклон разгорелся еще ярче.

— Странное северное сияние, — сказал я спутнику. — Совершенно отсутствуют переливы света. И краски не те. Обыкновенно северное сияние вначале бывает зеленоватого цвета, потом расцвечивается розовым разных оттенков. А этот свет как заря, и притом совершенно неподвижный. Он только постепенно усиливается и медленно переходит от розового к белому, по мере того как мы подвигаемся вперед.

— Быть может, это зодиакальный свет? — сказал мой товарищ.

— Невозможно ни по месту, ни по времени. И не похоже: глядите — световая полоса проходит почти от зенита до горизонта, постепенно расширяясь, как конус.

Мы так увлеклись созерцанием загадочного небесного явления, что не заметили глубокой лощины с довольно крутым склоном и едва не сломали санных лыж.

Через несколько минут, выбравшись из лощины, мы заметили потепление. Термометр показывал тридцать восемь ниже нуля, а всего час назад было пятьдесят.

— Может быть, этот свет излучает тепло? — сказал я.

— Если так, то это совершенно необъяснимо, — возразил спутник. — Световой столб, отапливающий тундру!

Он рассмеялся.

Столб лежал на пути нашего маршрута, и нам ничего больше не оставалось, как ехать к этому световому конусу и узнать, если удастся, в чем дело.

Мы ехали, а вокруг становилось все теплее и светлее. Вскоре мой товарищ погасил фары: в них больше не было надобности. Затем мы заметили усиливающуюся тягу воздуха в направлении светового конуса, а в его вершине разглядели ослепительно сверкающий узкий серп, словно серп Венеры, наблюдаемый в бинокль.

Увы, по мере нашего продвижения загадка не только не разгадывалась, но становилась еще более запутанной.

— Этот свет поразительно напоминает солнечный, — сказал мой товарищ в недоумении.

Скоро стало светло как днем. Но справа, слева и

позади нас были сумерки, переходившие на горизонте в полную тьму. Ветер, стлавшийся по земле, все усиливался, поднимая снежную пыль. Мы продолжали путь в снежном самуме.

Между тем температура стремительно повышалась.

— Минус тридцать... Двадцать пять... Семнадцать... Девять... — сообщил мой спутник. — Ноль... Два градуса выше нуля... И это после пятидесяти холода! Теперь мне становится понятным ветер. Видимо, этот «солнечный столб» нагревает воздух и почву, — получается большая разница температур. Холодный воздух притекает снизу к теплой зоне, а вверху, наверно, есть обратные течения теплого воздуха.

Но вот мы приблизились к черте, на которую непосредственно падали световые лучи. Снежинки, увлекаемые ветром, таяли; буран превратился в дождь, который падал не с неба, а налетал сзади; снег на земле быстро таял, становился рыхлым и водянистым. На склонах бугров и лощин уже журчали ручьи. Санный путь портился. Темная морозная полярная зима, как в сказке, превращалась в дружную весну.

Ехать дальше становилось опасным: можно погубить сани. Я остановился. Остановился и весь поезд. Из аэросаней начали выскакивать водители, инженеры, корреспонденты, кинооператоры — участники пробега. Они не менее меня были заинтересованы необычайным явлением.

Я распорядился поставить несколько саней боком, чтобы защититься от ветра, и открыл совещание. Оно продолжалось недолго. Все были согласны, что ехать дальше рискованно, и решили, что несколько человек должны сопровождать меня в пешеходной экспедиции, остальные останутся с санями. Мы же, разведав, в чем дело, вернемся, а затем все вместе объедем «солнечный столб» стороной и продолжим наш путь.

На месте нашей остановки термометр показывал восемь градусов тепла по Цельсию. Поэтому, скинув меховые одежды, мы надели охотничьи сапоги и кожаные костюмы, взяли с собой небольшие запасы продовольствия, инструменты и отправились в путь.

Этот путь был нелегким. Сначала наши ноги проваливались в рыхлый снег, потом мы увязали в грязи.

Нам приходилось обходить речки, болота, небольшие озера. К счастью, кромка грязи была не очень широка. Мы уже видели сухой «берег», покрытый изумрудно-зеленой травой и цветами.

— В конце декабря далеко за Полярным кругом — свет, тепло и зеленая трава! Ущипните меня за ухо, чтобы я проснулся! — воскликнул мой приятель.

— Но это не весна, а какой-то чудесный островок весны среди океана полярной зимы, — заметил другой спутник. — Если бы это была настоящая весна, то на всех здешних болотах и озерах мы встретили бы массу птиц.

Наш кинооператор установил аппарат, навел фокус и взялся за ручку. Но в этот момент налетел шквал и повалил его в грязь вместе с аппаратом. Плед кинооператора был поднят ветром на огромную высоту и заброшен неведомо куда.

Ураган не прекращался, и ветер буквально сбивал с ног. Здесь уже не было постоянного направления ветра; он дул порывами то в спину, то в лицо, то закручивался смерчем, почти приподнимая нас на воздух. Очевидно, мы подошли к той границе, где приток холодного воздуха встречался с нагретым, сталкивался и создавал вихревые восходящие потоки. Это была граница циклона, вызванного неведомым «солнечным столбом».

Мы уже не шли, а карабкались на четвереньках, ползли по грязи, цеплялись друг за друга из последних сил...

Совершенно измученные, мы добрались до сухой почвы и попали в зону полного штиля. Здесь только чувствовались восходящие токи от нагретой земли, как над полем в жаркий летний полдень. Температура поднялась до двадцати градусов тепла.

Мы просохли в несколько минут и расстегнули куртки. Весна переходила в лето.

Невдалеке поднимался небольшой холм, покрытый травою, цветами и стелющимися по земле полярными березками. Летали комары, мухи, бабочки, воскресшие под живительными лучами.

Мы взошли на холм и остановились как вкопанные. То, что мы увидели, было похоже на мираж.

Перед нами колосилась пшеница. На отдельных по-

лосах росли подсолнечники, зеленела кукуруза. За полем — огороды с капустой, огурцами, свеклой, помидорами, грядки клубники и земляники. Еще дальше — пояс кустарников: смородины, крыжовника и даже участков виноградных лоз с гроздьями зрелого винограда. За кустарниками — плодовые деревья: груши, яблони, вишни, сливы; за ними — мандарины, абрикосы и персики, и, наконец, в центральном кольце оазиса, где температура, очевидно, была очень высокой, росли апельсиновые, лимонные деревья, какао вперемежку с чайными и кофейными кустами.

Словом, здесь были собраны главнейшие культурные растения средней полосы, субтропиков и даже тропические.

Меж полями, огородами, садами были проложены дороги — концентрическими кругами и по радиусу к центру. Там возвышался пятиэтажный дом с балконами и радиомачтой наверху, ярко освещенный отвесными лучами. На балконах, на подоконниках открытых окон виднелись цветы, зелень. По стенам тянулись вьющиеся растения.

На полях, в огородах, в садах работали люди в летних костюмах и в широкополых шляпах...

Минуты две мы простояли в оцепенении. Наконец мой товарищ вымолвил:

— Это превосходит предел человеческого удивления. Ффу! — тяжело вздохнул он. — Вот так сказка из «Тысячи и одной ночи»!

Мы направились по радиальной дорожке к центру оазиса. Временами я поглядывал на небо, откуда исходили таинственные лучи. Ослепительный, как солнце, серп превращался в диск.

Навстречу нам по дорожке, усыпанной желтым песком, меж апельсиновыми деревьями, отягченными зрелыми плодами, шел загорелый человек в белой рубашке, белых брюках до колен и сандалиях на босу ногу. Широкополая шляпа бросала тень на его лицо. Он издали приветливо махнул нам рукой. Поравнявшись с нами, сказал:

— Здравствуйте, товарищи. Мне уже сообщили о вашем приходе. Однако вы смелые люди, если сумели пробраться сквозь полосу наших циклонов.

— Да, у вас хорошие сторожа, — смеясь ответил мой товарищ.

— Сторожить нам незачем, — возразил человек в белом костюме. — Пограничные вихри — это, так сказать, побочное явление. Но если бы мы захотели, то могли бы создать такое вихревое заграждение, через которое не пробралось бы сюда ни одно живое существо. И мышь и слон с одинаковой легкостью были бы подняты на десяток километров и отброшены назад в мертвую снежную пустыню. Вы все-таки подвергались большой опасности. А между тем с восточной стороны имеется крытый ход, по которому можно совершенно безопасно проникнуть сюда сквозь «зону Бурь»... Ну, давайте знакомиться; Крукс, Вильям Крукс. Директор опытного оазиса. Вы, видимо, не знали, что здесь существует такой оазис? Впрочем, это можно заключить по вашим изумленным лицам. Оазис — не секрет. О нем сообщалось и в газетах и по радио. Но я не удивляюсь вашей неосведомленности. С тех пор как трудящиеся взялись за переустройство мира, во всех частях земного шара производится столько работ, что стало трудно быть в курсе всего. Вы слыхали о Звезде Кэц?

— Да, — ответил я.

— Так вот, наше «искусственное солнце», — Крукс указал на небо, — обязано своим происхождением Звезде Кэц. Звезда Кэц — первая небесная база. Имея эту базу, нам уже нетрудно было создать и наше «солнце». Вы, вероятно, догадываетесь, что́ оно собой представляет? Это вогнутое зеркало, состоящее из полированных металлических листов. Оно помещено на такой высоте, что лучи Солнца, находящегося за земным горизонтом, падают на зеркало и отражаются на Землю вертикально. Посмотрите на тени. Они отвесны, как на экваторе в полдень. Палка, прямо воткнутая в землю, не дает никакой тени. Температура в центре оазиса тридцать градусов тепла и днем и ночью в продолжение круглого года. По краям оазиса она несколько ниже из-за притока холодного воздуха. Хотя этот приток очень незначителен: холодный воздух тотчас же увлекается вверх восходящими токами. Соответственно этим температурным зонам мы и располагаем наши растения. В центре, как видите, у нас произрастают даже такие теплолюбивые растения, как какао.

— Но если это ваше искусственное солнце погаснет? — сказал я.

— Если бы оно погасло, растения нашего оазиса погибли бы в несколько минут. Но погаснуть оно не может, пока светит настоящее Солнце. Поворачивая зеркальные листы под известным углом, можно регулировать температуру. Здесь она у нас постоянная. И мы собираем несколько урожаев в год. Это «солнце» лишь первое среди десятков других, которые скоро зажгутся на высоких широтах юга и севера земного шара. Мы покроем целой сетью таких оазисов полярные и приполярные страны. Постепенно воздух будет прогреваться и между оазисами. Мы создадим мощное «солнце» над Северным полюсом и растопим вековые льды. Прогрев воздух и породив новые воздушные течения, отеплим все северное полушарие. Мы превратим ледяную Гренландию в цветущий сад с вечным летом. И, наконец, доберемся до Южного полюса с его неистощимыми природными богатствами. Освободим ото льдов целый материк, который вместит и прокормит миллионы людей. Мы превратим нашу Землю в лучшую из планет...»

Голос умолк. Наступила темнота. Слышно было только жужжание аппарата. Затем опять вспыхнул свет, и я увидел новую необычайную картину.

В просторах стратосферы, под небом аспидного цвета летают странные снаряды, похожие на ощетинившихся ежей. Внизу — легкие перистые облака, под ними — кучевые, слоистые... Сквозь пелену облаков виднеется поверхность Земли: зеленые пятна лесов, черные квадраты пашни, извилистые серебристые нити рек, блестки озер, тончайшие ровные линии железных дорог. «Ежи» мечутся по небу в разных направлениях, оставляя за собой дымовые хвосты. По временам «ежи» замедляют свой полет, останавливаются. Тогда из «ежей» вырываются ослепительные молнии и почти отвесно падают на Землю.

...Большая кабина. Круглые иллюминаторы с толстыми кварцевыми стеклами. Сложные, не виданные мною аппараты. Двое молодых людей у аппаратов. Третий сидит у стола за измерительными приборами и управляет работой двух:

— ...Пять тысяч... семь... Задержать полет... Десять ампер... Пятьсот тысяч вольт... Стоп... Разряд!

Молодой человек у аппарата дергает рычаг. Сухой треск необычайной силы разрывает тишину, молния срывается и летит на Землю.

— Вперед, полный ход!.. — командует старший.

Он поворачивает лицо ко мне и говорит:

— Вы находитесь на атмосферной электростанции — тоже одно из предприятий Звезды Кэц.

Построив Звезду Кэц, мы смогли исследовать стратосферу с исчерпывающей полнотой, изучили атмосферное электричество. О нем знали давно. Были даже попытки использовать его для промышленных целей. Но эти попытки не увенчались успехом ввиду ничтожного количества атмосферного электричества. Считалось, что над одним квадратным километром накопляется всего 0,04 киловатт-часа энергии. Так оно и есть, если брать слои атмосферы, близкие к поверхности Земли. Разряды молнии дают неизмеримо больше — 700 киловатт-часов в одну сотую долю секунды. Но молния — случайный, редкий гость. Иное дело — высшие слои атмосферы. Там картина меняется.

Живя на Земле, мы находимся на дне воздушного океана. Сравнительно давно люди научились пользоваться горизонтальными воздушными течениями, которые гнали их парусные корабли и вращали крылья ветряных мельниц. Потом открыли причину этих течений — неравномерное нагревание воздуха солнечными лучами. Затем, когда люди начали летать, они узнали, что по той же причине происходят движения воздуха и по вертикали — снизу вверх и сверху вниз. И, наконец, совсем недавно установили, что в нашем воздушном океане, вследствие притяжения Солнца, и в особенности Луны, происходят такие же приливы и отливы, как в водных океанах. Но так как воздух почти в тысячу раз легче воды, то приливные явления должны быть особенно сильными. Атмосфера в отношении приливов и отливов ведет себя примерно так, как водный океан глубиною в восемь километров.

Луна притягивает массы атмосферы, и наш воздушный океан вздымается, выпячивается по направлению к Луне. Получаются огромные периодические движения воздушных слоев. Эти приливы и отливы сопро-

вождаются трением газовых частиц, которые сильно ионизированы. Поэтому высокие слои атмосферы являются хорошим проводником для радиоволн. И вот в этих сильно ионизированных слоях атмосферы при их движении относительно магнитного поля Земли возбуждаются, как в проводнике, индукционные токи Фуко.

Таким образом в природе благодаря атмосферным приливам создается своеобразная динамо-машина, влияющая на магнитное состояние Земли. Это обнаружено на записях магнитографов.

Изучая работу этой грандиозной машины, этого своеобразного «вечного двигателя», мы нашли, что запасы атмосферного электричества неистощимы. Они с лихвой покрывают потребности человечества в электроэнергии, надо только суметь «снять» это электричество.

То, что вы видите, — первое и несовершенное разрешение задачи. Ракеты снабжены остриями-иглами, принимающими на себя электричество, которое накопляется в своего рода лейденских банках. Затем происходит разряд «молний» над безлюдным местом, где существует приемная станция с металлическими шарами, парящими высоко над нею и соединенными с нею тросами.

Сейчас мы приступаем к строительству грандиозной атмосферной станции, работа которой будет совершенно автоматизирована. В стратосфере соорудим постоянные, неподвижные установки, соединенные друг с другом проводами. Эти установки будут накоплять электричество и отдавать его Земле по ионизированному столбу воздуха. Люди получат неистощимый источник энергии, необходимый для великой переделки Земли.

Снова темнота, молчание... Затем вспыхивает голубой свет. Он постепенно переходит в розовый. Утро. Яблони в цвету. Молодая мать держит ребенка. Он протягивает руки лучезарному дню...

Видение исчезло.

Вдруг я увидел небесные просторы и нашу планету Землю, летящую в мировом пространстве. Послышалась торжественная музыка. Земля улетала в неведомые дали, превращаясь в звезду. А музыка станови-

лась все тише и наконец словно угасла вдали. Сеанс был окончен. Но я еще долго лежал с закрытыми глазами, переживая свои впечатления.

Да, Тоня, пожалуй, была права, упрекая меня в том, что я слишком замкнулся в своей работе. Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всем мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы! А ведь это только начало моих впечатлений. Что же ждет меня впереди?..

У ДИРЕКТОРА

Кабинет директора несколько отличался от других комнат, которые я видел. Возле окна стоял стол из чрезвычайно тонкого алюминия. На столе — папки, аппараты внутреннего телефона, радио и много кнопок с номерами. Возле стола — алюминиевый вращающийся стеллаж для книг и папок. На Звезде существовала небольшая искусственная сила тяжести, и предметы «лежали» на месте, но разлетались при малейшем движении. Поэтому все они были прикреплены автоматическими закрепками.

У стола на легком алюминиевом кресле сидел директор, пристегнувшись ремешком.

Это был человек лет тридцати, бронзовый от загара, с темным румянцем на щеках, с орлиным носом и большими выразительными черными глазами. На нем был легкий, не стесняющий движений костюм. Директор дружески кивнул мне головой (на Кэце за руку не здоровались) и спросил:

— Как вы себя чувствуете в наших условиях, товарищ Артемьев? Не страдаете ли от недостатка кислорода?

— Как будто начинаю привыкать, — ответил я. — Но у вас здесь здóрово прохладно и воздух разрежен, как на самых высоких горах Земли.

— Привычка, — ответил он. — Как видите, я чувствую себя превосходно. Лучше, чем на Земле. Там я был приговорен к смерти — третья стадия туберкулеза, кровохарканье. Меня чуть не на носилках внесли в ракету. И вот теперь я здоров как бык. Звезда Кэц делает и не такие чудеса. Это первоклассный курорт.

Преимущество его перед земными в том, что каждому человеку здесь можно создать наилучший для него климат.

— Но как же вас при таком строгом отборе приняли на Кэц с открытой формой туберкулеза? — удивился я.

— Это было исключение для нужного человека, — с улыбкой сказал директор. — Меня отправили в особой санитарной ракете и здесь долго выдерживали в изоляторе, пока не исчезли последние следы активного процесса. Наш врач, уважаемая Анна Игнатьевна Меллер, занята хлопотами об открытии специальных надземных санаториев для больных костным туберкулезом. Она уже делала опыты — результаты поразительные. Никакого давления на разрушаемые процессом кости. Никаких гипсовых кроваток, корсетов, костылей. Интенсивнейшие ультрафиолетовые лучи солнца. Полное дыхание кожи. Морской воздух. Нет ничего проще создать его в наших условиях. Полный покой, питание. Самые безнадежные формы излечиваются в кратчайший срок.

— Но на Землю этим людям возвращаться рискованно?

— Почему же, если процесс закончен? Многие вернулись и чувствуют себя прекрасно. Однако мы с вами отвлеклись. Ближе к делу... Так вот, товарищ Артемьев, биологи нам очень нужны. Работы здесь непочатый край. В первую очередь надо наладить снабжение Звезды фруктами, овощами собственной оранжереи. Пока с этим успешно справляется наш «огородник» Андрей Павлович Шлыков, но ведь мы всё расширяем небесные владения. На Земле люди могут расселяться только в четырех направлениях: на восток, на запад, на север и на юг. А здесь еще вверх и вниз — словом, во все стороны. Мы постепенно обрастаем всякими подсобными предприятиями. Новую оранжерею строим. Там работает помощник Шлыкова — Крамер.

— Я уже знаком с ним.

Директор кивнул головой.

— Так вот... — продолжал он, взмахнув рукой, в которой держал карандаш.

Карандаш выскользнул из пальцев и полетел по дуге мимо меня. Я хотел поймать его на лету, но ноги

мои отделились от пола, колени приподнялись к животу, и я повис в воздухе. Только через минуту ступни моих ног коснулись «пола».

— Тут вещи непослушные, норовят убежать, — пошутил директор. — Так вот. Мы разводим фрукты и овощи в условиях почти полной невесомости. Вы подумайте, сколько интереснейших проблем открывается для биолога. Как ведет себя в растениях при отсутствии силы тяжести геотропизм? Как происходит деление клеток, обмен веществ, движение соков? Как влияют ультракороткие лучи? Космические лучи? Да всего и не перечислишь! Шлыков делает открытие за открытием. А животные? Мы будем разводить и их. У нас уже есть несколько подопытных. Ведь этакая надземная лаборатория — клад для ученого, любящего свое дело. Вижу, и у вас глаза загорелись.

Я не видел своих глаз, но слова директора действительно обрадовали меня. Признаюсь, в этот момент я позабыл не только об Армении, но даже и о Тоне.

— Я горю желанием приступить к работе, — сказал я.

— И завтра же приступите, — сказал директор. — Но пока не здесь, не в оранжерее. Мы организуем научную экспедицию на Луну. Полетят наш старик астроном Федор Григорьевич Тюрин, геолог Борис Михайлович Соколовский и вы.

Услышав это, я сразу вспомнил Тоню. Оставить ее, быть может, надолго. Не знать, что происходит здесь без меня...

— А зачем биолог? — спросил я. — Луна ведь совершенно мертвая планета.

— Надо думать, что так. Но не исключена возможность... Вы поговорите с нашим астрономом, у которого есть кое-какие предположения на этот счет. — Директор улыбнулся. — Старик наш немного с сумасшедшинкой. У него есть один пунктик — философия, «Философия движения». Боюсь, что он заговорит вас. Но в своей области он крупнейшая величина. Что же делать? В старости люди часто имеют «хобби», как говорят англичане, свой конек. Вы отправляйтесь сейчас к Тюрину и познакомьтесь с ним. Интересный старик. Только не давайте ему болтать много о философии.

Директор нажал одну из многочисленных кнопок.

— Вы уже знакомы с Крамером. Я вызову его, он вам поможет перебраться в обсерваторию. Не забудьте, что там нет и той ничтожной силы тяжести, которая действует здесь.

Влетел Крамер. Директор объяснил ему все. Крамер кивнул головой, взял меня за руку, и мы вылетели в коридор.

— Я в этом полете постараюсь научиться передвигаться в межпланетном пространстве самостоятельно, — сказал я.

— Одобряю! — поддержал Крамер. — Дед, к которому мы полетим, сердитый добряк. Редька с медом. Вы ему только не противоречьте, когда он будет о философии толковать. Иначе он расстроится и будет дуться на вас всю дорогу до Луны. А в общем, чудесный старик. Мы его все любим.

Положение мое осложнялось. Директор советовал не давать Тюрину много философствовать. Крамер предупреждает — не злить старого астронома-философа. Придется быть дипломатом.

УЧЕНЫЙ ПАУК

В межпланетных костюмах, с портативными ракетами-ранцами за спиной, мы прошли сквозь атмосферную камеру, открыли дверь и выпали наружу. Толчка ноги было достаточно, чтобы мы понеслись в безвоздушном пространстве. На небе снова было «полноземие». Огромный светящийся вогнутый «таз» Земли занимал полнебосклона — «сто двенадцать градусов», — объяснил Крамер.

Я увидал очертания Европы и Азии, север, затянутый белыми пятнами облаков. В просветах ярко блестели льды северных полярных морей. На темных массивах азиатских гор белели пятна снежных вершин. Солнце отражалось в озере Байкал. Его очертания были отчетливы. Среди зеленоватых пятен извивались серебристые нити Оби и Енисея. Четко выделялись знакомые контуры Каспийского, Черного, Средиземного морей. Отчетливо вырисовывались Иран, Аравия, Индия, Красное море, Нил. Очертания Западной Европы были словно размыты. Скандинавский полуостров покрывали

облака. Западная и южная оконечности Африки тоже были плохо видны. Неясным, расплывчатым пятном выделялся в синеве Индийского океана Мадагаскар. Тибет был виден отлично, но восток Азии тонул в тумане. Суматра, Борнео, белесое пятно западного берега Австралии... Японские острова еле различимы. Удивительно! Я одновременно видел север Европы и Австралию, восточные берега Африки и Японию, наши полярные моря и Индийский океан. Никогда еще люди не окидывали такого огромного пространства Земли одним взглядом. Если бы на Земле на осмотр каждого гектара тратить только одну секунду, то и тогда потребовалось бы четыреста—пятьсот лет, чтоб осмотреть всю Землю, — так она велика.

Крамер сжал мне руку и показал на светящуюся точку вдали — цель нашего путешествия. Пришлось оторваться от изумительного зрелища Земли. Я посмотрел на Звезду Кэц и на ракетодром, похожий на большую сияющую луну. Далеко-далеко, в темных глубинах неба, то вспыхивала, то гасла неведомая красная звездочка. Я догадался: это к ракетодрому приближается с Земли ракета. Вокруг Звезды Кэц в темном пространстве неба было немало близких звезд. Присмотревшись к ним, я убедился, что они — создание рук человека. Это были «подсобные предприятия», о которых говорил директор; я их еще не знал. Большинство их имело вид светящегося цилиндра, но были и иные формы: кубы, шары, конусы, пирамиды. Некоторые строения имели еще пристройки; от них шли какие-то рукава, трубы, диски, назначение которых не было мне известно. Другие «звезды» периодически испускали ослепительные лучи. Часть «звезд» стояла неподвижно, другая медленно двигалась. Были и такие, которые двигались друг возле друга, вероятно соединенные невидимой проволокой или тросом. Этим вращением, очевидно, создавалось искусственное тяготение.

Крамер вновь отвлек мое внимание. Показывая на обсерваторию, он прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Успеете еще насмотреться. Нажимайте кольцо на груди и стреляйте. Нельзя терять времени.

Я нажал кольцо. В спину ударило, и я полетел кувырком. Вселенная завертелась передо мной. Я видел то

синее Солнце, то гигантскую Землю, то темные просторы неба, усеянного разноцветными звездами. У меня зарябило в глазах, закружилась голова. Я не знал, куда лечу, где Крамер. Приоткрыв глаза, я с ужасом увидел, что стремительно падаю на ракетодром. Я поспешно нажал другую кнопку, получил толчок в бок и метнулся влево от ракетодрома. Неприятнейшее ощущение! А главное, я ничего не мог поделать. Я сжимался, разгибался, извивался — ничего не помогало. Тогда я закрыл глаза и еще раз нажал кнопку. Снова удар в спину... Обсерваторию я давно потерял из виду. Земля голубовато светилась внизу. Край ее уже потемнел: приближалась короткая ночь.

Справа вспыхнул огонек, — вероятно, взрыв портативной ракеты Крамера. Нет, я не буду больше стрелять без толку. И вот в момент моего жуткого отчаяния я увидел Звезду Кэц совсем не в том месте, где предполагал. Не помня себя от радости, я выстрелил и закувыркался пуще прежнего. Мною овладел страх. Эти цирковые упражнения были совсем не в моем духе... И вдруг что-то ударило меня по ноге, затем по руке. Уж не астероид ли?.. Если моя одежда прорвется, я моментально обращусь в кусок льда и задохнусь... У меня по коже поползли мурашки. Быть может, в моем костюме уже образовалась скважина и межпланетный холод пробирается к телу? Я почувствовал, что задыхаюсь. Правая рука чем-то сжата. Стук в скафандр, и я слышу глухой голос Крамера:

— Наконец-то я поймал вас. Наделали вы мне хлопот... Я думал, что вы ловчее. Только не стреляйте больше, пожалуйста. Вы метались из стороны в сторону, словно пиротехническая шутиха. Я едва не упустил вас из виду. Вы бы тогда совсем пропали.

Крамер отбросил мой белый плащ, в котором я совсем запутался, и живительные лучи Солнца быстро согрели меня. Кислородный аппарат был в исправности, но я еле дышал от волнения. Крамер, подхватив меня под мышку, как при первой высадке из ракеты, стрельнул слева, справа, сзади. И мы помчались. Впрочем, движения я не ощущал, видел только, что «вселенная стала на место». И Звезда Кэц будто падает вниз, а навстречу нам несется звездочка обсерватории. Она

разгорается все сильнее и сильнее, как переменная звезда.

Вскоре я мог различить внешний вид обсерватории. Это было необычайное сооружение. Представьте себе правильный тетраэдр: четырехгранник, все грани которого — треугольники. В вершинах этих треугольных пирамид помещены большие металлические шары со множеством круглых окон. Шары соединены трубами. Как я узнал впоследствии, трубы эти служат коридорами для перехода из одного шара в другой. На шарах воздвигнуты телескопы-рефлекторы. Огромные вогнутые зеркала соединены с шарами легкими алюминиевыми фермами. Обычная на земле телескопная труба в «небесном» телескопе отсутствует. Здесь она не нужна: атмосферы нет, поэтому рассеивания света не происходит. Кроме гигантских телескопов, над шарами возвышаются сравнительно небольшие астрономические инструменты: спектрографы, астрографы, гелиографы.

Но вот Крамер замедлил полет и изменил направление, — мы приблизились к одному из шаров по касательной линии и остановились вплотную возле трубы, которая соединяла шары, не коснувшись ее. Такая предосторожность, как потом объяснил мне Крамер, была вызвана тем, что обсерватория не должна испытывать ни малейших толчков. Горе тому посетителю, который, причаливая, толкнет обсерваторию. Тюрин гневно обрушится на гостя, заявив, что ему испортили лучший снимок звездного неба и чуть ли не погубили его жизнь...

Крамер осторожно нажал кнопку в стене. Дверь открылась, и мы проникли в атмосферную камеру. Когда воздух наполнил ее и мы сняли костюмы, мой проводник сказал:

— Этот старик буквально прирос к телескопу. Он не отрывается даже для еды. Пристроил возле себя баллончики, банки и посасывает из трубки пищу, не прекращая наблюдений. Да вы и сами увидите. Пока вы будете с ним беседовать, я слетаю в новую оранжерею. Посмотрю, как там идут работы.

Он вновь надел скафандр. А я, открыв дверь, ведущую внутрь обсерватории, попал в освещенный электрическим светом коридор. Лампы были у меня под ногами, — оказывается, я влетел в обсерваторию вниз

головой. Чтобы случайно не раздавить ногами лампы, я поспешил ухватиться за спасительные ремешки у стен. Складные крылья были со мною, но я не решился пустить их в ход в этом святилище страшного старика. Таким рисовался он мне по рассказам Крамера и директора.

Было очень тихо. Обсерватория казалась совершенно необитаемой. Только мягко гудели вентиляторы, да где-то раздавалось шипение, по-видимому, кислородных аппаратов. Я не знал, куда мне направиться.

— Эй, послушайте, — сказал я и кашлянул.

Полное молчание.

Я кашлянул громче, затем крикнул:

— Есть здесь кто-нибудь?

Из дальней двери показалась лохматая голова юного негра.

— Кто? Что? — спросил он.

— Федор Григорьевич Тюрин дома? Принимает? — пошутил я.

На черном лице белозубым оскалом сверкнула улыбка.

— Принимает. А я спал. Я всегда сплю, когда у нас во Флориде ночь. Вы вовремя меня разбудили, — сказал словоохотливый негр.

— Как же вы из Флориды попали на небо? — не утерпел я.

— Пароходом, поездом, аэропланом, дирижаблем, ракетой.

— Да, но... почему?

— Потому, что я любопытный. Здесь так же тепло, как во Флориде. Я помогаю профессору, — слово «профессор» он произнес с уважением, — он ведь совсем дитя. Если бы не я, он умер бы с голоду возле своего окуляра. У меня есть обезьянка Микки. С ней не скучно. Есть книги. И есть большая интересная книга — небо. Профессор рассказывает мне о звездах.

«По-видимому, этот старик не такой уж страшный», — подумал я.

— Летите прямо по коридору до шара. В шаре есть канат. И он приведет вас к профессору Тюрину.

Послышался крик обезьянки.

— Что? Не можешь посмотреть, кто здесь, с кем я разговариваю? Ха-ха! Она теперь барахтается в воз-

духе посреди комнаты и никак не может опуститься на пол. У нее непременно отрастут крылья, — убежденно добавил негр. — Без крыльев тут плохо.

Я пролетел до сферической стены — ею заканчивался коридор, — открыл дверцы и очутился в «шаре». К стенкам шара были прикреплены машины, аппараты, ящики, баллоны. От входной двери наискось был протянут довольно толстый канат. Он пропадал в отверстии перегородки, которая разделяла шар на половины. Я ухватился за канат и, перебирая его руками, начал подвигаться вперед — вниз или вверх, не могу сказать. С этими земными понятиями приходится распроститься раз навсегда.

Наконец я пролез в отверстие и увидал человека. Он лежал в воздухе. А от него во все стороны шли тонкие шелковые шнуры, прикрепленные к стенкам.

«Как паук в своей паутине», — подумал я.

— Джон? — спросил он неожиданно тонким голосом.

— Здравствуйте, товарищ Тюрин. Я Артемьев. Прилетел...

— А, знаю. Директор говорил. На Луну? Да. Летим. Отлично.

Он говорил, не отрывая глаз от окуляра и не делая ни одного движения.

— Садиться не приглашаю: не на чем. Да и не нужно.

Я постарался осторожно подобраться поближе к «пауку», чтобы лучше рассмотреть его лицо. Первое, что я увидел, — это огромную копну белоснежных густых волос и бритое, немного бледное лицо с прямым носом. Когда Тюрин чуть-чуть повернул голову в мою сторону, я встретил живой взгляд черных глаз с красноватыми веками. Вероятно, он переутомлял свои глаза.

Я кашлянул.

— Не кашляйте в мою сторону, беспорядок наделаете! — строго сказал он.

«Начинается, — подумал я. — Уж и кашлять нельзя».

Но, присмотревшись, я понял, почему нельзя кашлять.

Тюрин разложил в воздухе книги, бумагу, карандаши, тетради, носовой платок, трубку, портсигар. Ма-

лейшее движение воздуха — и вещи улетят. Придется звать Джона на помощь, — ведь самому профессору, наверное, нелегко распутать свою паутину. Он, очевидно, этой паутиной поддерживает свое тело в неподвижном состоянии у объектива телескопа.

— Очень большая труба у вашего телескопа, — сказал я, чтобы начать разговор.

Тюрин рассмеялся довольным смехом.

— Да, земным астрономам о таком телескопе не приходится и мечтать. Только трубы никакой нет. Разве, подлетая, вы не заметили этого?.. Простите, чтобы не забыть, я должен продиктовать несколько слов.

И он начал говорить фразы, пересыпанные астрономическими и математическими терминами. Потом плавно протянул руку вбок и повернул рычажок на черном ящике, который также был привязан шнурами. Если бы эти движения показать на экране, зрители были бы уверены, что механик слишком медленно вертит ручку аппарата.

— Автоматическая запись на ленте — домашний секретарь, — пояснил Тюрин. — Спрятан в коробочке, работает безукоризненно и есть не просит. Это скорее, чем записывать самому. Наблюдаю и тут же диктую. Машина и математические исчисления помогает мне производить. На всякий случай карандаш и бумага при мне. Только не дышите в мою сторону... Да, так телескоп... Такого на Земле не построить. Там вес ставит предел величине. Это у меня зеркальный телескоп-рефлектор. И не один. Зеркала имеют в диаметре сотни метров. Рефлекторы гигантских размеров. И сделаны они здесь из небесных материалов, стекло — из кристаллических метеоров. Я тут настоящий промысел метеоров-болидов организовал... Да, о чем я... Разве на Земле можно заниматься астрономией? Они там кроты по сравнению со мной. Я здесь за два года опередил их на целое столетие. Вот подождите, скоро мои труды будут опубликованы... Возьмите планету Плутон. Что о ней знают на Земле? Время обращения вокруг Солнца в сутках знают? Нет. Среднее расстояние от Солнца? Наклонение эклиптики? Нет. Масса? Плотность? Сила тяжести на экваторе? Время вращения на оси? Нет, нет и нет. Открыли, называется, планету!..

Он по-стариковски захихикал.

— А белые карлики, двойные звезды? А строение галактической системы? А общее строение вселенной?.. Да что говорить! Даже атмосферу планет солнечной системы толком не знают! До сих пор спорят. А у меня тут открытий на двадцать Галилеев хватит. Я не хвалюсь этим, потому что в данном случае не человек красит место, а место человека. Любой астроном на моем месте сделал бы то же. И работаю я не один. У меня целый штат астрономов... Уж если кто был гениален, так это тот, кто придумал надземную обсерваторию. Да, Кэц. Ему мы этим обязаны.

У отверстия что-то зашевелилось. И я увидел обезьянку, а затем курчавую голову Джона. Крепко запустив пальчики в густую шевелюру негритенка, обезьянка восседала у него на голове.

— Товарищ профессор! Вы еще не завтракали? — сказал Джон.

— Провались! — ответил Тюрин.

Обезьянка визгливо закричала.

— Вот и Микки то́ же говорит. Выпейте горячего кофе, — настаивал Джон.

— Сгинь, пропади! Убери свою крикунью.

Обезьянка закричала еще пронзительнее.

— Не уберу, пока не позавтракаете!

— Ну хорошо, хорошо. Вот видишь, уже начал, пью, ем.

Тюрин осторожно притянул к себе баллон и, открыв кран трубки, пососал раз-другой.

Обезьянка и голова Джона скрылись, но через несколько минут вынырнули снова. Так повторялось до тех пор, пока, по мнению Джона, профессор не насытился.

— И это каждый день, — со вздохом сказал Тюрин. — Прямо истязатели. Но и то сказать, без них я совершенно забываю о еде. Астрономия — это, молодой друг мой, такая увлекательная вещь!.. Вы думаете, что астрономия наука? Наука о звездах? Нет. По-настоящему говоря, это мировоззрение. Философия.

«Началось», — с испугом подумал я. И, чтобы ускользнуть от опасной темы, спросил:

— Скажите, пожалуйста, нужен ли биолог при путешествии на Луну?

Тюрин осторожно повернул голову и посмотрел на меня испытующе, недоверчиво:

— А вы что же, о философии и слушать не хотите?

Вспомнив напутствия Крамера, я поспешно ответил:

— Наоборот, я очень интересуюсь философией, но сейчас... осталось мало времени, мне нужно подготовиться. Я хотел бы знать...

Тюрин припал к окуляру телескопа и молчал. Неужто рассердился? Я не знал, как выйти из неловкого положения. Но Тюрин неожиданно заговорил:

— Я никого не имею на Земле. Ни жены, ни детей. В обычном смысле, я одинок. Но мой дом, моя родина — вся Земля и все небо. Моя семья — все трудящиеся мира, такие же славные ребята, как и вы.

От этого внезапного комплимента у меня полегчало на душе.

— Вы думаете, здесь, в этом паучьем углу, я оторвался от Земли, ее интересов? Нет. Мы здесь делаем большое дело. Вам еще предстоит познакомиться со всеми научными разветвлениями Звезды Кэц.

— Кое с чем я уже познакомился в библиотеке. «Солнечные столбы»...

Тюрин вдруг плавно протянул руку, включил аппарат «автоматический секретарь» и продиктовал ему несколько фраз, по-видимому записывая свои последние наблюдения или мысли. Потом продолжал:

— Я гляжу на небо. И что больше всего поражает мой ум? Вечное движение. Движение — это жизнь. Остановка движения — смерть. Движение — счастье. Связанность, остановка — страдание, несчастье. Счастье в движении — движении тела, мысли. На этом фундаменте можно построить даже мораль. Как вы полагаете?

Наступил критический момент. Я не знал, что ответить.

— Мне кажется, вы правы, — наконец сказал я. — Но эту глубокую идею необходимо продумать.

— Ага! Вы все-таки находите, что это глубокая идея? — весело запищал профессор и впервые резво повернулся в мою сторону. Паутина заколебалась. Хорошо, что здесь невозможно падение.

— Я непременно продумаю эту идею, — сказал я, чтобы окончательно завоевать симпатию своего буду-

щего товарища по путешествию. — А сейчас за мною залетит товарищ Крамер, и я хотел бы...

— Ну что́ бы вы хотели знать? Зачем на Луне может понадобиться биолог? Луна ведь совершенно мертвая планета. На Луне полное отсутствие атмосферы и потому абсолютно отсутствует органическая жизнь. Так приятно думать. Я позволю себе мыслить несколько иначе. Мой телескоп... Да вот извольте взглянуть на Луну. Цепляйтесь по этим шнурам, только осторожно. Не заденьте книг. Вот так! Ну, одним глазком...

Я взглянул в объектив и поразился. Поверхность Луны была на очень близком расстоянии, я отчетливо различал даже отдельные глыбы и трещины. Край одной такой глыбы блестел разноцветными огнями. Очевидно, это были выходы кристаллических горных пород.

— Ну, что скажете? — самодовольно сказал профессор.

— Мне кажется, что я вижу Луну ближе, чем Землю с высоты Звезды Кэц.

— Да, а если вы посмотрите на Землю в мой телескоп, то разглядите и свой Ленинград... Так вот. Я полагаю на основе моих наблюдений, что на Луне есть хотя бы ничтожное количество газов. Следовательно, могут быть и кое-какие растения... Завтра мы с вами полетим проверять. Я, собственно, не любитель путешествий. Мне и отсюда видно. Но на этой экспедиции настаивает наш директор. Дисциплина прежде всего... Так вот... Теперь вернемся к нашему разговору о философии движения...

Бесконечное прямолинейное движение точки в пространстве — бессмыслица. Такое движение ничем не отличается от неподвижности. Бесконечность впереди, бесконечность позади, — нет масштаба. Всякий пройденный отрезок пути по сравнению с бесконечностью равен нулю.

Но как же быть с движением во всем Космосе? Космос вечен. Движение в нем не прекращается. Неужто же и движение Космоса — бессмыслица?

Я несколько лет думал о природе движения, пока не нашел, наконец, где зарыта собака.

Дело оказалось совсем простым. Факт тот, что в природе вообще отсутствует непрерывное бесконеч-

ное движение — и прямолинейное, и по кривой. Всякое движение прерывисто, вот в чем секрет. Еще Менделеев доказал закономерную прерывистость величин (даже величин!), в данном случае — атомов. Эволюционное учение заменяется, вернее углубляется, генетическим, все бóльшая роль отводится в развитии организмов скачкам, мутациям. Прерывистость магнитных величин доказана Вейсом, прерывистость лучеиспускания — Бланком, прерывистость термических характеристик — Коноваловым. Космос вечен, но все движения в Космосе — прерывисты. Солнечные системы рождаются, развиваются, дряхлеют и умирают. Рождаются новые разнообразные системы. Имеют конец и начало, а значит, и масштаб измерения. То же происходит и в органическом мире... Вам все понятно? Вы следите за моей мыслью?..

На мое счастье, из люка вновь показалась голова негра с обезьянкой.

— Товарищ Артемьев, Крамер ждет вас в атмосферной камере, — сказал он.

Я поспешил проститься с профессором и выполз из этого паучьего угла.

Признаюсь, Тюрин заставил меня подумать о его философии. «Счастье в движении». Но какое печальное зрелище, если посмотреть со стороны, представляет собой творец философии движения! Затерянный в темных пространствах неба, опутанный паутиной, неподвижно висит он дни, месяцы, годы... Но он счастлив, это несомненно. Недостаток движения тела заменяется интенсивным движением мысли, мозговых клеток.

ТЮРИН ТРЕНИРУЕТСЯ

Крамер ждал меня, не снимая своего скафандра, — он, видимо, торопился. Я быстро оделся, и мой провожатый, понизив атмосферное давление почти до полного вакуума, открыл наружную дверь. Крепко держа меня перед собою, он осторожно отделился от стенок обсерватории боковым скользящим движением и при помощи легких выстрелов повернулся к Звезде Кэц. Потом сделал несколько сильных выстрелов, и мы понеслись с огромной быстротой. Теперь Крамер

мог бы выпустить меня из рук, но, видимо не доверяя больше моему «летному искусству», он придерживал сзади мой локоть.

Взглянув на приближающуюся Звезду Кэц, я заметил, что она довольно быстро вращается на своей поперечной оси. Очевидно, ремонт оранжереи был окончен, и теперь искусственно создавалась более значительная сила тяжести.

Нелегкая задача — пришвартоваться к крылу вращающейся мельницы. Но Крамер справился с этим. Он начал описывать круги над концом цилиндра Звезды в направлении его вращения. Уравняв таким образом наше движение с движением цилиндра, он ухватился за скобу.

Не успел я раздеться, как меня вызвала к себе Меллер.

Не знаю, намного ли в ракете увеличилась тяжесть. Вероятно, она была не более одной десятой земной. Но я почувствовал знакомое приятное напряжение мускулов. Радостно было «ходить» ногами «по полу», вновь обрести верх и низ.

Я бодро вошел к Меллер.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я послала за Тюриным. Он сейчас будет здесь. Как вы его нашли?

— Оригинальный человек, — ответил я. — Однако я ожидал встретить...

— Я не о том, — прервала Меллер. — Как он выглядит? Я спрашиваю как врач.

— Очень бледен. Несколько одутловатое лицо...

— Разумеется. Он ведет совершенно невозможный образ жизни. Ведь в обсерватории есть небольшой сад, гимнастический зал, аппараты для тренировки мускулатуры, но он совершенно пренебрегает своим здоровьем. Признаться, это я уговорила директора отправить Тюрина на Луну и впредь буду настаивать на коренном изменении его жизненного режима, иначе мы скоро потеряем этого исключительного человека.

Явился Тюрин. При ярком освещении амбулатории он выглядел еще более нездоровым. К тому же его ножные мышцы совершенно отвыкли от движения и, возможно, частично атрофировались. Он едва держался на ногах. Колени его подгибались, ноги дрожали, он беспомощно размахивал руками. Если бы его сейчас

перенесли на Землю, он, вероятно, почувствовал бы себя как кит, выброшенный на берег.

— Вот до чего вы себя довели! — укоризненно начала Меллер. — Не человек, а кисель.

Маленькая энергичная женщина отчитывала старого ученого, как непослушного ребенка. В заключение она отправила его на массаж, приказав после массажа явиться на медицинский осмотр.

Когда Тюрин ушел, Меллер обратилась ко мне:

— Вы биолог и поймете меня. Тюрин — исключение. Все мы чувствуем себя прекрасно. Однако эта легкость «небесной жизни» сильно беспокоит меня. Вы не ощущаете или почти не ощущаете своего тела. Но каковы будут последствия? Кэц — молодая звезда И даже наши старожилы находятся в условиях невесомости не более трех лет. А что будет через десяток лет? Как такое приспособление к среде отзовется на общем состоянии организма? Наконец, как будут развиваться наши новорожденные дети? И дети детей? Весьма вероятно, что кости наших потомков будут становиться все более хрящевидными, студенистыми. Мышцы атрофироваться. Это первое, что сильно беспокоит меня, как человека, отвечающего за здоровье нашей небесной колонии. Второе — космические лучи. Несмотря на оболочку нашего жилища, которая частично задерживает эти лучи, мы все же получаем их здесь гораздо больше, чем на Земле. Пока я не вижу вредных последствий. Но опять-таки у нас еще слишком мало материала для наблюдений. У мух-дрозофил здесь наблюдается усиленная мутация, причем многие родятся с летальными генами — не дают потомства. Что если такое же действие окажут лучи и на людей Звезды Кэц? Вдруг у них начнут рождаться дети-уроды или мертворожденные младенцы?.. В конечном счете всё в наших руках. Все вредные последствия мы можем устранить. Искусственно создать любую силу тяжести, если нужно — даже бóльшую, чем на Земле. Можем и изолироваться от космических лучей. Но нам надо проделать массу опытов, чтобы определить оптимальные условия... Видите, сколько работы для вас, биологов?

— Да, работы хватит, — сказал я, очень заинтересованный словами Меллер. — Эта работа нужна не только для небесных колоний, но и для Земли.

Насколько расширятся наши познания и о живой и мертвой природе! Я в восторге, что случай привел меня сюда.

— Тем лучше. Нам нужны работники-энтузиасты, — сказала Меллер.

Упоминание о «случае, который привел меня сюда», навело меня на мысль о Тоне. Захваченный новыми впечатлениями, я даже не вспоминал о ней. Что с нею и как ее поиски?

Я распростился с Меллер и вылетел в коридор. В коридоре слышались веселый смех, голоса, песни и жужжание крыльев; хоть и появилась небольшая тяжесть, но молодежь по привычке действовала крыльями. Им нравилось делать прыжки, пролетая несколько метров, как летучие рыбы. Некоторые упражнялись в ходьбе по полу. Сколько молодых, веселых, загорелых лиц! Сколько забав и проказ: вот группа девушек, нарушая «уличное» движение, затеяла игру в «мяч», причем «мячом» была одна из них — маленькая толстушка. Она визжала, перелетая из рук в руки.

Все гуляющие чувствовали себя весело и беззаботно. Видимо, работа совсем не утомляла людей в этом «легковесном» мире. Бочком, держась стены, я добрался до двери комнаты Тони. Тоня сидела возле окна на легком алюминиевом стуле. Видимо, за это время из склада принесли мебель.

За окном на черном небе огромное зарево — кольцо «ночной» Земли. Свет зари румянил лицо и руки Тони. Ее лицо было задумчиво.

Мне захотелось растормошить ее. Я подошел к ней и сказал улыбаясь:

— Ну, сколько вы теперь весите?

И, не долго думая, взял ее за плечи и легко приподнял, как трехлетнюю девочку. Вероятно, веселое настроение толпы заразило и меня.

Она молча отстранилась.

— О чем вы грустите? — спросил я, чувствуя неловкость.

— Так... о маме вспомнила.

— «Земное притяжение» действует? Тоска по родине?

— Может быть, — ответила она.

— А что с Евгеньевым?

— Еще не дозвонилась. Аппарат все время занят. А как ваш разговор с директором?

— Завтра лечу на Луну.

Она вскинула на меня глаза:

— Надолго?

— Не знаю. Самый полет, говорят, продолжается не более пяти-шести дней. А сколько пробудем на Луне, неизвестно.

— Это очень интересно, — сказала Тоня, пристально глядя на меня. — Я бы с удовольствием полетела с вами. Но меня временно посылают в лабораторию, которая находится на таком расстоянии от Земли, что туда не достигает земное лучеиспускание. Там в тени царит холод мирового пространства. Я лечу оборудовать новую лабораторию для изучения электропроводности металлов при низких температурах...

Глаза ее оживились.

— Есть интереснейшая проблема! Вы знаете, что сопротивление электрическому току в металлах с понижением температуры понижается. При температурах, близких к абсолютному нулю, сопротивление тоже почти равно нулю... Над этими вопросами работал еще Капица. Но на Земле требовались колоссальные усилия, чтобы достичь низких температур. А в межпланетном пространстве... это просто. Представьте себе металлическое кольцо, помещенное в вакууме, в температуре абсолютного холода. В кольцо направляется индуктированный ток. Его можно довести до необычайной мощности. Этот ток будет циркулировать в кольце вечно, если не повысится температура. При повышении же температуры происходит мгновенный разряд. Если в кольце дать ток достаточно высокого напряжения, то мы сможем иметь своего рода законсервированную молнию, которая проявит свою активность, как только температура повысится.

— Молния, законсервированная в сосуде Дьюара, — подхватил я, — который снабжен взрывателем, падает на Землю. При ударе о землю пистон взрывается, температура в сосуде повышается, и молния производит свое разрушительное действие.

Тоня улыбнулась:

— Какие у вас кровожадные мысли! Я не думала о таком применении.

— Совсем не кровожадные, — возразил я. — С войнами покончено. Но можно взрывать скалы, айсберги...

— Ах, вот что... Разумеется. Вопрос только в том, что при отсутствии сопротивления падает и напряжение, — значит, и мощность... Надо произвести подсчет. Как бы и в этом деле пригодился Палей! — воскликнула она почти со страстью.

Это, конечно, была страсть ученого, но я не мог скрыть своего огорчения.

* * *

Нам не удалось вылететь на другой день: заболел Тюрин.

— Что с ним? — спросил я у Меллер.

— Раскис наш философ, — ответила она, — от «счастья» заболел, от движения. В сущности говоря, с ним ничего особенного не приключилось. Жалуется на боль в ногах. Икры болят. Это пустяки, но как его такого на Луну пустить? И себе и вам хлопот наделает. При десятой части земной тяжести раскис. А ведь на Луне — шестая. Там он, пожалуй, и ног не потянет. Я решила дать ему потренироваться несколько дней. У нас в небе есть склады пойманных астероидов. Все эти небесные камни, куски планет, складываются в виде шара. Чтобы отдельные куски не разлетались от случайных толчков, наши гелиосварщики расплавили и сварили поверхность этих планеток. К одной такой «бомбе» мы прикрепили стальным тросом полый шар и привели их в круговое движение. Получилась центробежная сила, тяжесть внутри полого шара равна тяжести на Луне. Вот в этом шаре и тренируется Тюрин. Давление и количество кислорода в шаре такие же, как в скафандре межпланетного костюма. Слетайте, голубчик, навестите Тюрина. Только один не летите. Захватите с собой вашу няньку — Крамера.

Я разыскал Крамера в гимнастическом зале. Он выделывал на трапеции головокружительные штуки. Цирковым гимнастам на Земле о таких трюках и мечтать не приходится.

— Полететь я с вами полечу, — сказал он, — но пора научиться летать самостоятельно. Ведь вы на Луну летите, а во время такого путешествия мало ли что может случиться!

Крамер привязал меня к себе длинной проволокой и предоставил мне лететь к «манежу» Тюрина. Я уже не кувыркался и «стрелял» довольно удачно, но уменья «приземлиться» к вращающемуся шару у меня не хватило, и Крамер поспешил мне на помощь. Через четыре минуты после отлета мы уже вползали в металлический шар.

Встречены мы были неистовым визгом и криком. Я с любопытством окинул взглядом внутренность шара, освещенного большой электрической лампой, и увидел, что Тюрин сидит на «полу» и стучит кулаками по резиновому ковру, а возле него гигантскими прыжками скачет негритенок Джон. Обезьянка Микки с веселым визгом прыгает с плеча Джона до «потолка», хватается там за ремешки и падает вниз, на плечо или голову Джона. «Лунная тяжесть», видимо, пришлась по вкусу Джону и обезьянке, чего нельзя было сказать про Тюрина.

— Вставайте, профессор! — звонко закричал Джон. — Доктор Меллер приказала вам ходить по пятнадцати минут, а вы еще и пяти не ходили.

— Не встану! — разгневанно пропищал Тюрин. — Что я, лошадь на корде? Истязатели! У меня и так ноги отваливаются!

В этот момент я и Крамер «свалились с неба» возле Тюрина. Джон первый увидел нас и обрадовался.

— Вот смотрите, товарищ Артемьев, — затараторил он, — профессор меня не слушает, опять хочет залезть в свою паутину...

Обезьянка вдруг заплевала, завизжала.

— Да уйми ты свой патефон! — еще тоньше и пронзительнее закричал Тюрин. — Здравствуйте, товарищи! — обратился он к нам и, став на четвереньки, тяжело поднялся.

«Ну как с таким на Луну лететь?» — подумал я и переглянулся с Крамером. Тот только головой качнул.

— Ведь вы, профессор, сами мне не раз говорили: чем больше движений, тем больше счастья... — не унимался Джон.

Такой «философский аргумент» со стороны Джона был неожиданным. Мы с Крамером невольно улыбнулись, а Тюрин покраснел от гнева.

— Надо же понимать! Надо понимать! — закричал

он на самых высоких нотах. — Есть различного рода движения. Эти грубо физические движения мешают высшим движениям клеток моего головного мозга, моим мыслям. И потом всякое движение прерывисто, а ты хочешь, чтобы я маршировал без отдыха... Нате, ешьте мое мясо, пейте мою кровь!

И он зашагал с видом мученика, кряхтя, охая и вздыхая.

Джон отвел меня в сторону и быстро зашептал:

— Товарищ Артемьев! Я очень боюсь за моего профессора. Он такой слабый. Ему опасно без меня лететь на Луну. Ведь он даже есть и пить забывает. Кто о нем будет заботиться на Луне?..

У Джона даже слезы выступили на глазах. Он горячо любил своего профессора. Я, как умел, утешил Джона и обещал заботиться о профессоре во время путешествия.

— Вы отвечаете за него! — торжественно произнес негр.

— Да, конечно! — подтвердил я.

Вернувшись на Звезду, я все рассказал Меллер. Она неодобрительно покачала головой:

— Придется мне самой заняться Тюриным.

И эта маленькая энергичная женщина действительно отправилась в «манеж».

Я тоже времени не терял даром: учился летать в межпланетном пространстве и, по словам моего учителя Крамера, сделал большие успехи.

— Теперь я спокоен, что во время путешествия на Луну вы не потонете в пучинах неба, — сказал он.

Через несколько дней Меллер вернулась из «манежа» и объявила:

— На Землю профессора я бы еще не решилась пустить, но для Луны он «в полной лунной форме».

К ЛУННОЙ ОРБИТЕ

Накануне нашего лунного путешествия я проводил Тоню в лабораторию мирового холода. Прощание было краткое, но теплое. Она крепко пожала мне руку и сказала:

— Берегите себя...

Эти простые слова сделали меня счастливым.

На другое утро Тюрин довольно бодро вошел в ракету. Джон, совершенно убитый горем, провожал его. Казалось, он вот-вот заплачет.

— Вы отвечаете за профессора! — крикнул он мне перед тем, как дверь ракеты захлопнулась.

Оказывается, мы летим на Луну не прямым путем, а по спирали, обращенной вокруг Земли. И неизвестно, сколько продлится путешествие. В нашей ракете могут разместиться двадцать человек. А нас всего шестеро: трое членов научной экспедиции, капитан, штурман и механик. Все свободное пространство ракеты занято запасами продовольствия, взрывчатых веществ и жидкого кислорода. А на верху ракеты прикреплен вагон на колесах, предназначенный для путешествия по лунной поверхности. Сопротивления воздуха нет, поэтому «лунный автомобиль» не уменьшит скорости полета ракеты.

Скоро наша ракета покинула гостеприимный ракетодром Звезды Кэц. И сразу же Тюрин почувствовал себя очень плохо. Дело в том, что как только мы развивали скорость и взрывы учащались, вес тела менялся. И я понимал Тюрина: можно привыкнуть к тяжести, можно привыкнуть к невесомости, но привыкнуть к тому, что твое тело то ничего не весит, то вдруг как будто наливается свинцом, невозможно.

Хорошо, что у нас были достаточные запасы продовольствия и горючего, поэтому мы могли не спешить, и взрывы были умеренные. Звук их передавался только по стенкам ракеты. К этим звукам можно было привыкнуть, как к жужжанию мотора или тиканью часов, но усиление тяжести!..

Тюрин вздыхал, охал. Кровь то приливала к его лицу, и оно становилось багровым, почти синим, то отливала, — лицо бледнело, желтело.

И только наш геолог Соколовский, жизнерадостный, плотный человек с пышными усами, неизменно был весел.

Когда невесомость тела возвращалась, астроном начинал говорить вслух, — привычка, которую он приобрел в своем одиночестве. Говорил он без связи: то сообщал интересные астрономические сведения, неизвестные земным астрономам, то изрекал «философские сентенции»:

— Почему так привлекательно кино? Потому, что в нем мы видим движение....

Затем он начинал стонать и корчиться, потом снова говорить.

Я смотрел в окно. По мере того как мы удалялись от Земли, она казалась все меньше. Наш «день» становился все длиннее, ночи все короче. В сущности, это были не ночи, а солнечные затмения.

А вот с Луной происходили забавные вещи.

Если наша ракета находилась в противоположной точке орбиты от Луны, Луна казалась маленькой, гораздо меньше, чем мы видим ее с Земли, а если мы по орбите приближались к Луне, она становилась невиданно огромной.

Наконец наступил момент, когда максимальные размеры Луны сравнялись с размерами Земли. Наш капитан, не раз совершавший путешествие к лунной орбите, сказал нам:

— Поздравляю. Мы одолели четыре пятых расстояния, отделяющего нас от Луны. Сорок восемь земных радиусов позади. При наших межпланетных путешествиях в пределах солнечной системы земной радиус — 6378,2 километра — служит единицей измерения. Это своего рода миля межпланетных навигаторов, — пояснил он.

Теперь размер Луны колебался в течение суток — время обращения ракеты вокруг Земли. Половину суток Луна «пухла», увеличивалась в размерах, половину «худела». Но эти сутки уже стали гораздо больше земных.

Безоблачный, сияющий день все рос.

Капитан говорит, что притяжение Луны с каждым часом сказывается все сильнее и искажает путь ракеты. Движение ракеты то ускоряется, то замедляется в результате цепких объятий нашего земного спутника. Луна не хочет отпускать нас от себя. Если бы не сила противодействия, заключающаяся в наших взрывных приборах, мы были бы вечными пленниками Луны. Насколько же опаснее притяжение огромных планет солнечной системы!..

В первые часы полета капитан надолго покинул управление, предоставив ракете автоматически лететь по намеченному пути. Это не было опасным. Но чем

дальше, тем все реже капитан отходил от пультов управления, хотя они и механизированы.

Мы неслись вокруг Земли уже примерно по той же орбите, что и Луна, поэтому путешествие вокруг Земли совершали в одинаковое с Луной время — около тридцати земных суток. Наша ночь — солнечные затмения стали так же редки, как лунные на Земле. Ракета все реже нагоняла Луну, и наконец их движения уравнялись. Ракета достигла такого же расстояния от Земли, как и Луна. Расстояние между ракетой и Луной сделалось неизменным.

Казалось, что Луна, Земля и ракета неподвижны, и только звездный свод непрерывно движется.

— Скоро здесь небесные колонии будем строить, — нарушил молчание Соколовский.

— Ну нет, батенька мой, не так скоро, — отозвался Тюрин. — Надо сперва достать тут материалы. Нельзя все притащить с Земли. Наоборот, мы еще Земле должны посылать кое-какие «небесные» подарки. Вот коллекцию метеоритов мы уже послали. Хорошая коллекция.

И Тюрин довольно рассмеялся.

— Это верно, — сказал Соколовский. — Нам надо много железа, никеля, стали, кварца для сооружения наших жилищ.

— И где же вы достанете эти ископаемые? — спросил я. Слово «ископаемые» вызвало взрыв смеха Соколовского.

— Не ископаемые, а излетаемые, — сказал он. — Метеориты — вот «ископаемые». Недаром я гонялся за ними.

— Метеоритный промысел организовал я. Это моя идея! — внес поправку Тюрин.

— Я не оспариваю этого, профессор, — сказал Соколовский. — Идея ваша, осуществление мое. Вот и сейчас я послал Евгеньева в новую разведку.

Фамилия «Евгеньев» заставила меня вспомнить весь путь, приведший меня в небо. И подумать только, как быстро все эти личные дела отошли на задний план перед необычайными здешними впечатлениями!

— Вы знаете, товарищ Артемьев, что мы нашли целый рой мелких метеоритов совсем недалеко от Звезды

Кэц? — обратился Соколовский ко мне. — Повыше попадались и более крупные. При их исследовании нашли железо, никель, кремнезем, глинозем, окись кальция, полевой шпат, хромовое железо, железные окислы, графит и другие простые и сложные вещества. Словом, все необходимое для построек плюс кислород для растений и воду. Обладая энергией Солнца, мы можем обработать эти материалы и получить все, что нам надо, вплоть до карандашей. Кислород и вода, конечно, находятся здесь не в готовом, а в «связанном» виде, но химиков это не затрудняет.

— А я изучил по вашим данным движение этих остатков погибших небесных тел, — вмешался Тюрин, — и пришел к интересным выводам. Часть метеоритов прилетела издалека, но большинство носилось вокруг Земли по той же орбите, что и Звезда Кэц...

— На это, профессор, обратил ваше внимание я, — сказал Соколовский.

— Ну да! Но выводы-то сделал я.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Соколовский.

— Я не спорю. Я только люблю точность. На то я и ученый, — возразил Тюрин и даже приподнялся в кресле, но тотчас же опустился и заохал.

— Меллер права, — сказал он. — Совсем я ослабел за годы неподвижного лежания в мире невесомости. Надо будет изменить режим.

— Вот Луна вас проманежит, — рассмеялся геолог.

— Да. Так я хотел сказать о моей гипотезе, — продолжал Тюрин. — Метеоритов, вращающихся вокруг Земли, так много, что, надо думать, они являются остатками разорвавшегося маленького земного спутника — второй Луны. Это была совсем крошечная Луна. Когда мы точно подсчитаем количество и массу этих метеоров, то сможем реставрировать былые размеры этого спутника, как палеонтологи реставрируют костяки вымерших животных. Маленькая вторая Луна! Но она могла светить не слабее нашей Луны, так как находилась ближе к Земле.

— Простите, профессор, — неожиданно вмешался молодой механик, цветом кожи и худощавым сложением похожий на индуса. — Мне кажется, на таком близком

расстоянии Земля притянула бы к себе маленькую Луну.

— Что? Что? — грозно вскричал Тюрин. — А крошечная Звезда Кэц почему не падает на Землю? А? Все дело в быстроте движения... Но маленькая Луна все же погибла, — примирительно сказал он. — Борющиеся силы — инерция и земное притяжение — разорвали ее в клочья... Увы, увы, это грозит и нашей Луне! Она распадется на осколки. И Земля получит прекрасное кольцо, как у Сатурна. Я полагаю, что это лунное кольцо даст не меньше света, чем Луна. Оно будет украшать ночи земных жителей. Но все же это будет потеря, — со вздохом закончил он.

— Невознаградимая потеря, — вставил я.

— Гм... Гм... А может быть, и вознаградимая. У меня есть кое-какой проект, но о нем я пока помолчу.

— А как вы охотились за метеорами? — спросил я у Соколовского.

— Это забавная охота, — ответил геолог. — Мне приходилось охотиться за ними не только на орбите Звезды Кэц и...

— В поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера, — перебил Тюрин. — Земными астрономами найдено немногим более тысячи этих астероидов. А мой каталог перевалил за четыре тысячи. Эти астероиды — тоже остатки планеты, более значительной, чем погибшая вторая Луна. По моим расчетам, эта планета была больше, чем Меркурий. Марс и Юпитер взаимным притяжением разорвали ее на куски. Не поделили! Кольцо Сатурна — тоже погибший его спутник, раздробленный на куски. Видите, сколько уже покойников в нашей солнечной системе. За кем очередь? Ой-ой... опять эти толчки!

Я снова заглянул в окно, придерживаясь руками за обитые кожей мягкие подлокотники кресла. За окном все то же черное небо, сплошь усеянное звездною пылью. Так можно лететь годы, столетия, и картина будет все та же...

И вдруг мне вспомнилась моя давнишняя поездка в вагоне самого обыкновенного поезда со старичком паровозом. Лето. Вечер. Солнце спускается за лес, золотя облака. В открытое окно вагона тянет лесной сыростью, запахом аконита, сладким запахом липы.

В небе за поездом бежит молодой месяц. Лес сменяется озером, озеро — холмами, по холмам разбросаны дома, утопающие в садах. А потом пошли поля, повеяло запахом гречихи. Сколько разнообразия впечатлений, сколько «движения» для глаза, уха, носа, выражаясь словами Тюрина. А здесь — ни ветра, ни дождей, ни смены погод, ни ночи, ни лета, ни зимы. Вечно однообразный траурный свод неба, страшное синеватое солнце, неизменный климат в ракете...

Нет, как ни интересно побывать в небе, на Луне, других планетах, но эту «небесную жизнь» я не променяю на земную...

— Ну так вот!.. Охота за астероидами — самый увлекательный вид охоты, — вдруг услышал я басок геолога Соколовского.

Мне нравится слушать его. Он говорит как-то просто, по-домашнему, «по-земному», словно беседует в своем кабинете где-нибудь на седьмой линии Васильевского острова. На него, по-видимому, необычайная обстановка не производит никакого действия.

— Подлетая к поясу астероидов, надо держать ухо востро, — говорит Соколовский. — Иначе, того и гляди, какой-нибудь осколок величиной с московский Дворец Советов, а то и больше, обрушится на ракету — и поминай ее как звали! Поэтому летишь по касательной, все более приближаясь к направлению астероидов... Замечательная картина! Вы подлетаете к поясу астероидов. Вид неба изменяется... Взгляните-ка на небо. По существу, его нельзя назвать совершенно черным. Фон черный, но на нем сплошная россыпь звезд. И вот на этой светящейся россыпи вы замечаете темные полосы. Это пролетают не освещенные солнцем астероиды. Иные чертят на небе яркие, как серебро, следы. Другие оставляют полосы медно-красного света. Все небо становится полосатым. По мере того как ракета поворачивает в сторону движения астероидов, набирает скорость, летит и уже почти наравне с ними, они перестают казаться полосами. Вы попадаете в необычайный мир и летите среди многочисленных «лун» различной величины. Все они летят в одном направлении, но еще опережают ракету.

Когда какая-нибудь из «лун» пролетает близко от ракеты, вы видите, что она совсем не круглая. Эти

«луны» имеют самые разнообразные формы. Один астероид, скажем, похож на пирамиду, другой приближается к форме шара, третий похож на неотесанный куб, большинство же — просто бесформенные обломки скал. Некоторые летят группами, иные под влиянием взаимного притяжения сливаются в «виноградную гроздь»... Поверхность их то матовая, то блестящая, как горный хрусталь.

«Луны» справа, «луны» слева, вверху, внизу... Когда ракета замедляет полет, кажется, будто «луны» стремительно двинулись вперед, но вот ракета снова набирает скорость, и они начинают как бы замедлять полет. Наконец ракета их обгоняет — «луны» отстают.

Опасно лететь медленнее астероидов. Они могут нагнать и разбить ракету. Совершенно безопасно лететь в одном с ними направлении и с одинаковой скоростью. Но тогда видишь только окружающие астероиды. При этом кажется, что все стоит неподвижно — и ракета, и «луны» слева, справа, сверху, сзади. Только звездный свод медленно течет, потому что и астероиды и ракета все-таки летят и меняют свое положение на небе.

Наш капитан предпочитал летать немного скорее астероидов. Тогда небесные глыбы не налетят сзади. И вместе с тем двигаешься в рое «лун», рассматриваешь их, выбираешь. Словом, выступаешь в роли гоголевского черта, который собирается похитить с неба луну. Только маленькую. У нас еще не хватает сил сорвать большой астероид с его орбиты и прибуксировать к Звезде Кэц. Мы боимся израсходовать все горючее и оказаться пленником астероида, который увлечет нас за собой... Вначале мы выбирали самые маленькие астероиды. Требовалось большое умение и ловкость, чтобы приблизиться к астероиду без толчка и взять его «на абордаж». Капитан так направлял ракету, что она, летя наравне с астероидом, как можно ближе подходила к нему. Затем боковые взрывы прекращались. Мы пускали в ход электромагнит: ведь почти все астероиды, кроме кристаллических, состоят главным образом из железа. Наконец, когда расстояние уменьшалось до ничтожной величины, мы выключали электромагнит, предоставляя остальное силе притяжения. Через некоторое время мы ощущали едва заметный толчок

и дальше летели уже вплотную с нашим спутником. В первое время, однако, причал не всегда сходил гладко. Иногда мы довольно-таки сильно сталкивались. Астероид — для нас незаметно — отклонялся от своей орбиты, зато ракета, как более легкая, отлетала в сторону, и приходилось снова маневрировать. Потом мы наловчились «причаливать» очень чисто. Оставалось только прикрепить астероид к ракете. Мы пробовали привязывать его запасными цепями, пробовали удерживать электромагнитом, но все это было плохо. Впоследствии мы научились даже припаивать метеоры к оболочке ракеты, благо солнечной энергии у нас достаточно, а аппараты гелиогенной сварки мы всегда брали с собой.

— Но для этого надо было выходить из ракеты? — сказал я.

— Само собой. Мы и выходили. Даже путешествовали по астероидам. Помню один случай, — продолжал Соколовский смеясь. — Мы подлетали к большому астероиду, имевшему вид плохо обточенной каменной бомбы несколько сплюснутой формы. Я вылетел из ракеты, уцепился за острые углы астероида и пошел в «кругосветное» путешествие. И что же вы думаете? На сплюснутых «полюсах» я поднимался и стоял на ногах «вверх головой», а на выпуклом «экваторе» центр тяжести переместился, и мне пришлось становиться на голову «вверх ногами». Так я и шел, цепляясь руками.

— Это была, очевидно, вращающаяся планетка, и изменялся не центр тяжести, а относительная тяжесть,— поправил Тюрин. — У поверхности полюсов вращения тяжесть имеет наибольшую величину и нормальное направление к центру. Но чем дальше от полюса, тем тяжесть слабее. Так что человек, идущий от полюса к экватору, как бы спускается с горы, причем крутизна спуска все растет. Между полюсами и экватором направление тяжести совпадало с горизонтом, и вам казалось, что вы спускаетесь с совсем отвесной горы. А дальше почва представлялась уже наклонным потолком, и вам надо было хвататься за что придется, чтобы слететь с планетки... С Земли в лучшие телескопы, — продолжал Тюрин, — видны планеты с диаметром не менее шести километров. А астероиды бывают величиною и с пылинку.

— На каких только мне не приходилось бывать! — сказал Соколовский. — На иных тяжесть так ничтожна, что достаточно было легкого прыжка, чтобы улететь с поверхности. Я был на одном таком с окружностью в семнадцать с половиной километров. Подпрыгнув на метр, я опускался двадцать две секунды. Сделав движение не больше, чем то, которое необходимо, чтобы перешагнуть порог на Земле, я мог бы тут подняться на высоту двухсот десяти метров — немного ниже башни Эйфеля. Я бросал камни, и они уже не возвращались.

— Вернутся, но не скоро, — вставил астроном.

— Побывал я и на относительно большой планетке с диаметром только в шесть раз меньше лунного. Я поднимал там одной рукой двадцать два человека — моих спутников. Там можно было бы качаться на качелях, подвешенных на суровых нитках, построить башню в шесть с половиной километров высотой. Я пробовал там выстрелить из револьвера. Что получилось, можете себе представить! Если бы я сам не был сброшен с планетки выстрелом, моя пуля могла бы убить меня сзади, облетев вокруг астероида. Она, вероятно, и сейчас носится где-нибудь вокруг планеты, как ее спутник.

— Поезда на такой планете двигались бы со скоростью тысячи двухсот восьмидесяти километров в час, — сказал Тюрин. — Кстати, несколько таких планет можно приблизить к Земле. Почему бы не устроить добавочное освещение? А затем и заселить эти планетки. Покрыть стеклянной оранжереей. Насадить растения. Развести животных. Это будет великолепное жилье. Со временем так можно будет заселить Луну.

— На Луне то слишком холодно, то слишком жарко, — ответил я.

— Искусственная атмосфера под стеклянным колпаком и шторы умерят жар Солнца. Что же касается холода почвы во время лунных ночей, то у меня на этот счет свои взгляды, — многозначительно заметил Тюрин. — Разве мы не отказались от теории раскаленного ядра Земли с чрезвычайно высокой температурой? И тем не менее наша Земля тепла...

— Солнце и атмосферная шуба... — начал геолог, но Тюрин перебил его:

— Да, да, но не только это. В земной коре разви-

вается тепло от радиоактивного распада в ее недрах. Почему не может быть этого на Луне? И даже в более сильной степени? Радиоактивный распад сможет подогревать почву Луны. Да и не остывшая под лунной корой магма... Луна не так холодна, как кажется. И если там есть остатки атмосферы... Вот почему вы, биолог, включены в эту экспедицию, — обратился он ко мне.

Соколовский с сомнением покачал головой:

— На астероидах я что-то не встречал подогревания почвы радиоактивным распадом элементов.

— Астероиды меньше Луны, — пискливо ответил астроном.

Он ненадолго замолчал и вдруг опять ударился в философствование, словно две мыслительные линии в его мозгу шли параллельно.

Мертвые немигающие звезды заглядывают в окно нашей ракеты. Звездный дождь, пересекая небосклон, мчится куда-то вбок и вверх, — ракета поворачивает.

— Мы набрали уже немало астероидов, — тихо говорит мне Соколовский, не обращая внимания на Тюрина, который, как пифия, изрекает свои фразы. — Прежде всего мы «подвели фундамент» под наш ракетодром. Чем больше его масса, тем он устойчивее. Случайные удары причаливающих ракет не будут смещать его в пространстве. Затем мы поставляем астероиды на наши фабрики и заводы, — вы еще с этим познакомитесь. Недавно нам удалось поймать интереснейшую планетку. Правда, это совсем небольшой осколок, — по-земному, тонны на полторы. Представьте себе, почти сплошной кусок золота... Недурная находка! Золотые россыпи в небе...

Очевидно услыхав эти слова, Тюрин заметил:

— В больших планетах элементы располагаются от поверхности к центру по их восходящему удельному весу: наверху силиций, алюминий-«сиал», ниже силиций, магний-«сима», еще ниже никель, железо-«нифе», железо и еще более тяжелые металлы — платина, золото, ртуть, свинец. Ваш золотой астероид — обломок центрального ядра погибшей планеты. Редкий случай. На золотые россыпи неба много не рассчитывайте.

Меня клонило ко сну. Мой организм еще не отвык от земного распорядка дня и ночи, смены бодрствования и сна.

— Засыпаете? — спросил меня Тюрин. — Спокойной ночи. А со мною, знаете, творятся любопытные вещи. На обсерватории я совсем отвык от регулярного сна. И теперь похожу на тех животных, которые спят короткими промежутками. Вроде кота стал.

Он еще говорил что-то, но я уже уснул. Взрывов не было. Тихо, спокойно... Мне снилась моя ленинградская лаборатория...

Когда через сутки я взглянул на небо, то был поражен видом Луны. Она занимала седьмую часть неба и прямо устрашала своей величиной. От нее нас отделяло всего две тысячи километров. Горы, долины, безводные «моря» был видны как на ладони. Резко выделялись контуры отдельных горных цепей, конусы в кратерах вулканов, давно погасших, безжизненных, как всё на Луне. Видны были зияющие трещины...

Астроном смотрел на Луну, не отрывая глаз. Он уже давно знал «каждый камень ее поверхности», как он выразился.

— Вон, смотрите, у края. Это Клавиус, ниже — Тихо, еще ниже — Альфонс, Птолемей, правее — Коперник, а дальше идут Апеннины, Кавказ, Альпы...

— Не хватает Памира, Гималаев, Кордильер, — сказал я.

— А мы назовем так горные вершины на другой стороне Луны, — смеясь сказал геолог. — Там они еще никем не именованы.

— Вот это Луна! — восхищался Тюрин. — В сто раз больше «земной». О, ах! — застонал он. — Опять тяжесть!

— Капитан тормозит, — сказал геолог. — Луна все сильнее притягивает нас к себе. Через полчаса будем на месте.

Я обрадовался и немного испугался. Пусть назовет меня трусом тот, кто уже совершил путешествие на Луну и не был взволнован перед первой посадкой.

Луна под нами. Она занимает уже полнеба. Ее горы растут на глазах.

Но странно: Луна, как Земля, с высоты кажется уже не выпуклой поверхностью шара, а вогнутой, словно пестрый опрокинутый зонтик.

Тюрин стонал: контрвзрывание все усиливалось. Тем не менее он не отрывал взгляда от Луны. Но она

вдруг стала сдвигаться куда-то вбок. И только потому, что мое тело отяжелело с одной стороны, я понял, что ракета вновь переменила направление полета. Направление тяжести переместилось настолько, что Луна «ощущалась» уже высоко над нами. Трудно было представить, как можно будет ходить «по потолку».

— Терпите, профессор, — обратился геолог к Тюрину. — Осталось всего два-три километра. Ракета летит совсем медленно: не больше сотни метров в секунду. Давление газов ракеты равно лунному притяжению, и ракета спокойно идет по инерции.

Снова стало легко. Тяжесть исчезла.

— А куда мы спускаемся? — спросил оживший через двадцать секунд Тюрин.

— Кажется, близко к нашему собрату Тихо Браге. Осталось всего пятьсот метров, — сказал Соколовский.

— Ой-ой! Опять контрвзрывы! — застонал Тюрин.

Ну вот, всё в порядке. Теперь Луна внизу, под нами.

— Сейчас спустимся... — сказал Соколовский с волнением в голосе. — Только бы не повредить наш «лунный автомобиль» при посадке.

Прошло еще десять секунд, и я почувствовал легкий толчок. Взрывы прекратились. Мы довольно мягко упали на бок.

НА ЛУНЕ

— С приездом! — сказал Соколовский. — Все благополучно.

— Мы даже не закрыли при посадке ставню, — заметил Тюрин. — Это неосторожность. Ракета могла удариться стеклом окна об острый обломок скалы.

— Ну, наш капитан не первый раз садится на Луну, — возразил Соколовский. — Итак, дорогие товарищи, надевайте межпланетные костюмы и пересаживайтесь на наш лунный автомобиль.

Мы быстро оделись и вышли из ракеты.

Я глубоко вздохнул. И хотя я дышал кислородом моего аппарата, мне показалось, будто газ приобрел здесь иной «вкус». Это, конечно, игра воображения. Вторым моим ощущением, уже вполне реальным, было чувство легкости. Я и раньше, во время полетов на ра-

кете и на Звезде Кэц, где была почти полная невесомость, испытывал эту легкость, но здесь, на Луне, тяжесть ощущалась как «постоянная величина», только значительно меньшая, чем на Земле. Шутка сказать, я весил теперь в шесть раз меньше своего земного веса!

Я осмотрелся. Над нами было все то же траурное небо с немигающими звездами. Солнца не видно, не видно и Земли. Полная темнота, прорезываемая лишь лучами света из бокового окна нашей ракеты. Все это как-то не вязалось с обычным представлением о сияющем земном спутнике. Потом я догадался: ракета снизилась несколько южнее Клавиуса, на той стороне Луны, которая с Земли никогда не видна. А здесь в это время была ночь.

Кругом мертвая пустыня. Холода я не чувствовал в своем электрифицированном костюме. Но вид этой черной пустыни леденил душу.

Из ракеты вышли капитан и механик, чтобы помочь снять наш ракетный автомобиль. Геолог жестом приглашает меня принять участие в общей работе. Я гляжу на ракету-авто. Она имеет вид вагона-яйца. Как она ни мала, вес ее должен быть порядочный. Между тем я не вижу ни канатов, ни лебедок, — словом, никаких приспособлений для спуска. Механик работает наверху, отвинчивая гайки. Капитан, Соколовский, Тюрин и я стоим внизу, готовые принять ракету. Но ведь она раздавит нас... Впрочем, мы на Луне. К этому не сразу привыкнешь. Вот уже кормовая часть «яйца» отвинчена. Ракета опустилась кормой. Соколовский ухватился за край отверстия дюзы. Капитан стоит посредине, я — у носовой части. Сейчас ракета соскользнет вниз... Я уже держу руки наготове и вместе с тем думаю о том, куда и как отскочить, если тяжесть окажется не по моим силам. Однако мои опасения напрасны. Шесть рук, подхватив соскользнувшую ракетку, без особого напряжения ставят ее на колеса.

Капитан и механик, помахав руками на прощание, ушли в большую ракету. Тюрин пригласил меня и Соколовского войти в наш автомобиль.

В нем было довольно-таки тесно. Но зато мы могли освободиться от наших костюмов и разговаривать.

Распоряжался Соколовский, уже знакомый с устрой-

ством маленькой ракетки. Он зажег свет, наполнил ракету кислородом, включил электрическую печь.

Внутренность ракеты напоминала закрытый четырехместный автомобиль. Эти четыре сиденья занимали только переднюю часть ракеты. Две трети кабины были заняты горючим, продовольствием, механизмами. В эту часть ракеты вела узкая дверь, в которую с трудом можно было протиснуться.

Раздевшись, мы почувствовали холод, хотя электрическая печь уже работала. Я ежился. Тюрин набросил на себя меховую курточку.

— Сильно остыла наша ракетка. Потерпите, скоро нагреется, — сказал Соколовский.

— Уже заря занимается, — пропищал Тюрин, взглянув в небольшое окно нашего экипажа.

— Заря? — с удивлением спросил я. — Какая же на Луне может быть заря: ведь здесь нет атмосферы?

— Оказывается, может быть, — ответил Тюрин. Он никогда не был на Луне, но как астроном знал лунные условия не хуже земных.

Я посмотрел в окно и увидел вдали несколько точек, светящихся, как раскаленные добела куски металла.

Это были освещенные восходящим солнцем вершины гор. Их яркий отсвет отражался на других вершинах. Передаваясь дальше и дальше и постепенно ослабевая, он создавал своеобразный эффект лунной зари. При ее свете я начинал различать находящиеся в полутени горные цепи, впадины «морей», конусообразные пики. Невидимые горы на фоне звездного неба зияли черными провалами с причудливыми зубчатыми краями.

— Скоро взойдет солнце, — сказал я.

— Не так-то скоро, — возразил Тюрин. — На экваторе Земли оно восходит в две минуты, а здесь придется ждать целый час, пока весь солнечный диск поднимется над горизонтом. Ведь сутки на Луне в тридцать раз длиннее, чем на Земле.

Я не отрываясь смотрел в окно. Зрелище было изумительное! Горные вершины ослепительно вспыхивали одна за другой, словно кто зажигал на них факелы. А сколько этих горных вершин на Луне! Лучи еще невидимого Солнца «срезали» все вершины на одинаковом расстоянии от поверхности. И казалось, будто в «воздухе» внезапно появлялись горы причудливых

очертаний, но с одинаково плоским основанием. Этих пылающих гор становилось все больше и больше, и вот, наконец, обозначилась их «проекция», и они перестали казаться висящими на черном фоне.

В своей нижней части они были пепельно-серебристого цвета, а выше — ослепительно белого. Постепенно освещались отраженным светом и подножия гор. «Лунная заря» разгоралась все ярче.

Буквально ослепленный этим зрелищем, я все же не мог оторвать глаз от окна. Мне хотелось разглядеть особенности в очертании лунных гор. Но горы были почти такие же, как и на Земле. Кое-где скалы нависали над пропастью, как огромные карнизы, и тем не менее не падали. Здесь они весили легче, притяжение было слабее.

На лунных равнинах, словно на поле сражения, были воронки разной величины. Одни маленькие, не больше тех, которые оставляет после разрыва снаряд трехдюймовки, другие приближались к размерам кратера. Неужто это следы от упавших на Луну метеоритов? Это возможно. Атмосферы на Луне нет, следовательно, нет защитного покрова, который предохранял бы Луну, как Землю, от небесных бомб. Но ведь тогда здесь очень небезопасно. Что если такая бомба-метеор в несколько сот тонн упадет на голову!

Я высказал свои опасения Тюрину. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Часть воронок вулканического происхождения, но часть, безусловно, сделана падающими метеорами, — сказал он. — Вы опасаетесь, что один из них может свалиться на вашу голову? Такая возможность, конечно, существует, но теория вероятности говорит, что риск здесь немногим больше, чем на Земле.

— Немногим больше! — воскликнул я. — Много ли падает больших метеоров на Землю? За ними охотятся, как за редкостью. А здесь, посмотрите, вся поверхность изрыта ими.

— Это правда, — спокойно ответил Тюрин. — Но вы забываете об одном: Луна уже давно лишена атмосферы. Существует она миллионы лет, причем, так как здесь нет ни ветров, ни дождей, следы от падения метеоров остаются неизменными. И эти воронки — летопись многих миллионов лет жизни. Если один большой метеор

упадет на поверхность Луны раз в столетие, это уже много. Неужто мы будем такими счастливчиками, что именно теперь, при нас, упадет этот метеор? Я бы ничего не имел бы против, — конечно, если только метеор упадет не прямо на голову, а поблизости от меня.

— Давайте потолкуем о плане наших действий, — сказал Соколовский.

Тюрин предложил начать с общего осмотра лунной поверхности.

— Сколько раз я любовался в телескоп на цирк Клавиуса, на кратер Коперника! — говорил он. — Я хочу быть первым астрономом, нога которого ступит на эти места.

— Предлагаю начать с геологического исследования почвы, — предложил Соколовский. — Тем более, что видимая с Земли часть Луны еще не освещена солнцем, а здесь наступило «утро».

— Вы ошибаетесь, — возразил Тюрин. — То есть вы не совсем точны. На Земле сейчас видят месяц в его первой четверти. Мы можем объехать этот «месяц» — восточный край Луны — за сорок пять часов, если пустим нашу ракету со скоростью километров двести в час. Остановимся мы только на Клавиусе и Копернике. Да кто тут начальник экспедиции: я или вы? — закончил он, уже горячась.

Прогулка по «месяцу» заинтересовала меня.

— Почему бы нам, в самом деле, не посмотреть величайший цирк и кратер Луны? — сказал я. — Их геологическое строение также представляет большой интерес.

Геолог пожал плечами. На лунной поверхности, видимой с Земли, Соколовский уже был однажды. Но если большинство за это путешествие...

— А вы не всходили на кратер? — с опаской спросил Тюрин.

— Нет, нет, — засмеялся Соколовский. — Человеческая нога еще не ступала на него. Ваша будет первая. Я был «на дне» моря Изобилия. И могу подтвердить, что название оправдывает себя, если говорить о геологических материалах. Я собрал там чудесную коллекцию... Ну, нечего терять время. Ехать так ехать! Но только позвольте мне развить бóльшую скорость. На

нашем авто мы можем делать тысячу и больше километров в час. Так и быть, доставлю вас на Клавиус.

— И на Коперник, — сказал Тюрин. — Попутно мы осмотрим Карпаты. Они лежат немного севернее Коперника.

— Есть! — ответил Соколовский и нажал рычаг.

Наша ракета дрогнула, пробежала некоторое расстояние на колесах и, отделившись от поверхности, стала набирать высоту. Я увидел нашу большую ракету, лежавшую в долине, затем яркий луч света ослепил меня: Солнце!

Оно стояло еще совсем низко над горизонтом. Это было утреннее Солнце, но как оно не походило на то Солнце, которое мы видим с Земли! Атмосфера не румянила его. Оно было синеватое, как всегда на этом черном небе. Но свет его был ослепителен. Сквозь стекла окна я сразу почувствовал его тепло.

Ракета уже поднялась высоко и летела над горными вершинами. Тюрин внимательно всматривался в очертания гор. Он забыл о толчках, сопровождающих перемену скоростей, и о своей философии. Сейчас он был только астрономом.

— Клавиус! Это он! Я уже вижу внутри него три небольших кратера.

— Доставить прямо в цирк? — улыбаясь спросил Соколовский.

— Да, в цирк. Поближе к кратеру! — воскликнул Тюрин. И вдруг запел от радости.

Для меня это было так неожиданно, словно я услышал пение паука. Я уже говорил, что у Тюрина был чрезвычайно тонкий голос, чего, к сожалению, нельзя сказать о его слухе. В пении Тюрина не было ни ритма, ни мелодии. Соколовский лукаво посмотрел на меня и улыбнулся.

— Что? О чем вы? — вдруг спросил Тюрин.

— Выискиваю место для посадки, — ответил геолог.

— Место для посадки! — воскликнул Тюрин. — Я думаю, здесь его достаточно. Поперечник Клавиуса имеет двести километров. Треть расстояния между Ленинградом и Москвой!

Цирк Клавиуса представлял собой долину, окруженную высоким валом. Тюрин говорил, что высота этого вала имеет семь километров. Это выше Альп, высота

Кордильер. Судя по зубчатой тени, вал имеет неровные края. Три тени от небольших кратеров протянулись почти через весь цирк.

— Самое подходящее время для путешествия по цирку, — сказал Тюрин. — Когда Солнце над головой, на Луне невыносимо жарко. Почва накалена. Теперь же она только нагревается.

— Ничего, выдержим и лунный день. Наши костюмы хорошо предохраняют и от жары и от холода, — отозвался Соколовский. — Спускаемся. Держитесь крепче, профессор!

Я тоже ухватился за кресло. Но ракета почти без толчка стала на колеса, подпрыгнула, пролетела метров двадцать, снова упала, снова подпрыгнула и, наконец, побежала по довольно ровной поверхности.

Тюрин просил подъехать к центру треугольника, образуемого тремя кратерами.

Мы быстро направились к кратерам. Почва становилась все более неровной, нас начало бросать из стороны в сторону, подкидывать на сиденьях.

— Пожалуй, лучше одним прыжком перенестись до места, — сказал геолог. — Того и гляди, колеса поломаешь.

В этот момент мы почувствовали сильный толчок. Что-то под нами кракнуло, и машина, осев набок, медленно потащилась по кочкам.

— Ну вот, я говорил! — воскликнул с досадой Соколовский. — Авария. Придется выходить наружу и исправлять повреждение.

— У нас есть запасные колеса. Починим, — сказал Тюрин. — В крайнем случае пешком пойдем. До кратеров осталось всего с десяток километров. Надо одеваться!

Он поспешно вынул трубку и закурил.

— А я предлагаю закусить,— сказал Соколовский.— Уже пора завтракать.

Как ни торопился Тюрин, ему пришлось подчиниться. Мы наскоро позавтракали и вышли наружу. Соколовский покачал головой: колесо было совсем испорчено. Пришлось ставить новое.

— Ну, вы возитесь, а я побегу, — сказал Тюрин.

И он действительно побежал. Этакий-то кисель! Вот что значит научная любознательность! Соколовский в

удивлении развел руками. Тюрин легко перепрыгивал через трещины в два метра шириной и только более широкие обегал кругом. Половина его костюма, обращенная к солнцу, ярко блестела, а другая почти пропадала в тени. Казалось, по лунной поверхности движется необычайный урод, прыгая на правой ноге и размахивая правой рукой. Левая рука и нога периодически сверкали узкой световой ленточкой — «месяцем» освещенной части. Фигура Тюрина быстро удалялась.

Мы провозились с колесом несколько минут. Когда все было исправлено, Соколовский предложил мне подняться на верхнюю открытую площадку ракеты, где имелся второй аппарат управления. Мы тронулись в путь по следам Тюрина. Сидеть на верху ракеты было интереснее, чем внутри. Я мог обозревать все окрестности. Справа от нас — четыре тени гор исполосовали ярко освещенную Солнцем долину. Налево — «горели» только вершины гор, а подножья их тонули в лунных сумерках. С Земли эта часть Луны кажется пепельного цвета. Горные цепи были более пологими, чем я ожидал. Мы ехали по самому краю «месяца», то есть по линии «терминатора», как говорил Тюрин, — границы света и тени.

Вдруг Соколовский легонько толкнул меня локтем в бок и кивнул головой вперед. Перед нами была огромная трещина. Мы уже не раз с разбегу перескакивали такие трещины, а если трещина оказывалась слишком широкой, перелетали через нее. Вероятно, Соколовский предупредил меня перед прыжком, чтобы я не свалился. Я вопросительно посмотрел на него. Геолог прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Смотрите, наш профессор...

Я взглянул и увидел Тюрина, только что выскочившего из теневой полосы. Он бежал, размахивая руками, вдоль длинной трещины навстречу нам. Перепрыгнуть через трещину он не мог.

— Боится, что мы опередим его и первыми станем в центре цирка, — сказал геолог. — Придется остановиться.

Едва ракета стала, Тюрин с разбегу вскочил на верхнюю площадку. Луна решительно омолодила его.

Впрочем, я несколько преувеличиваю. Тюрин привалился ко мне всем телом, и видно было, как его одежда судорожно приподнималась на груди. Старик устал чрезвычайно.

Соколовский перед трещиной «нажал на педали». Произошел взрыв — ракета рванулась вперед и вверх. В то же время у меня перед глазами мелькнули ноги Тюрина. Утомление сказалось: он не успел крепко ухватиться за поручни и был сброшен. Я увидел, как его тело, описав дугу, начало падать. Он падал медленно, но со значительной высоты. У меня замерло сердце. Убился профессор!..

А мы уже летели над широкой трещиной. Вдруг Соколовский круто повернул ракету назад, отчего я сам едва не сорвался, и мы быстро спустились на поверхность Луны невдалеке от Тюрина. Тюрин лежал неподвижно. Соколовский, как человек опытный, прежде всего осмотрел его одежду — нет ли разрывов. Малейшая дыра могла быть смертельна: мировой холод моментально превратил бы тело профессора в кусок льда. К счастью, одежда была цела, только испачкана черной пылью и немного поцарапана. Тюрин поднял руку, шевельнул ногой... Жив! Неожиданно он поднялся на ноги и самостоятельно направился к ракете. Я был поражен. Только на Луне можно падать так благополучно. Взобравшись на свое место, Тюрин молча показал рукою вперед. Я заглянул в стекло его скафандра. Он улыбался!

Через несколько минут мы были на месте. Профессор первым торжественно сошел с ракеты. Он совершал обряд. Он священнодействовал. Эта картина навсегда врезалась в мою память. Черное небо, испещренное звездами. Синеватое Солнце. С одной стороны ослепительно яркие горы, с другой—«висящие в пустоте» раскаленные добела горные вершины. Широкая долина цирка, почти до половины покрытая тенью с зубчатым краем; на усыпанной пеплом и пылью каменистой почве — уходящие вдаль следы колес нашей машины. Эти следы на лунной поверхности производили особенно сильное впечатление. У самого края тени мерно шагает фигура, похожая на водолаза, оставляя за собой следы — следы ног человека! Но вот эта фигура останавливается. Смотрит на кратеры, на нас, на небо. Соби-

рает камни и складывает небольшую пирамиду. Затем наклоняется и чертит пальцем на пепле:

ТЮРИН

Эта надпись, сделанная на легком пепле пальцем руки, крепче рунических надписей на земных скалах: дожди не смоют ее, ветры не занесут пылью. Надпись сохранится на миллионы лет, если только случайный метеорит не упадет на это место.

Тюрин удовлетворен. Мы вновь усаживаемся в наш экипаж и летим на север. Солнце понемногу поднимается над горизонтом и освещает отдельные утесы гор, лежащих на востоке. Однако как медленно катится оно по небу!

Снова прыжок над трещиной. На этот раз Тюрин предупрежден. Он цепляется руками за железные поручни. Я гляжу вниз. Ужасная трещина! Едва ли такие существуют на Земле. Дна не видно — черно. А в ширину она несколько километров. Бедная старушка Луна! Какие глубокие морщины на твоем лице!..

— Альфонс... Птолемей... Мы уже видали их, подлетая к Луне, — говорит Тюрин.

Вдали я вижу вершину кратера.

Тюрин прижимает свой скафандр к моему — иначе мы не можем разговаривать — и сообщает:

— Вот он!.. Коперник! Один из самых больших кратеров Луны. Его диаметр больше восьмидесяти пяти километров. Самый же большой кратер на Земле — на острове Цейлоне — имеет менее семидесяти километров ширины.

— В кратер. В самый кратер! — командует Тюрин.

Соколовский ставит ракету «на дыбы». Она круто взвивается вверх, чтобы перелететь край кратера. С высоты я вижу правильный круг, в центре которого возвышается конус. Ракета опускается у подножия конуса. Тюрин соскакивает на поверхность и прыжками бежит к конусу. Неужели он хочет взобраться на вершину? Так и есть. Он уже карабкается по крутым, почти отвесным скалам и с такой быстротой, что самый лучший альпинист на Земле не угнался бы за ним. На Луне лазить гораздо легче. Здесь Тюрин весит десять—двенадцать килограммов. Это небольшой вес даже для его ослабленных мышц.

Вокруг конуса, на некотором расстоянии от него, —

каменный вал. Мне не совсем понятно его происхождение. Если это камни, выброшенные извержением вулкана, тогда они были бы разбросаны по всему пространству и не образовали бы такого правильного кольца.

Объяснение пришло совершенно неожиданно. Я вдруг почувствовал сотрясение почвы. Неужто на Луне бывают «лунотрясения»? Я в недоумении оглянулся на Соколовского. Тот молча протянул руку по направлению к пику: с его вершины летели огромные скалы, дробясь по пути. С разгона эти скалы докатились до вала.

Так вот в чем дело! На Луне нет ни ветров, ни дождей — разрушителей земных гор. Но зато есть более опасный разрушитель — огромная разница температур между лунной ночью и лунным днем. Две недели на Луне держится около двухсот градусов холода, а две недели — около двухсот тепла. Разница в четыреста градусов! Скалы не выдерживают и трескаются, как настывшие стаканы, в которые налили кипятку. Тюрин должен это знать лучше меня. Как же он неосторожен, предпринимая свою экскурсию на гору!.. Видимо, профессор и сам понял это: прыгая с утеса на утес, он быстро спускается вниз. Слева от него происходит новый обвал, справа — тоже. Но Тюрин уже около нас.

— Нет, нет! Я не отказываюсь от своей мысли, — говорит он, — но я выбрал неудачное время. Восходить на лунные горы нужно или в конце лунного дня или ночью. Пока довольно. Летим в океан Бурь, а оттуда — прямо на восток, на другую сторону Луны, которую еще не видел ни один человек.

— Хотел бы я знать, кто выдумал эти странные названия, — сказал я, когда мы двинулись в путь. — Коперник, Платон, Аристотель — это я еще понимаю. Но что за океан Бурь на Луне, где никаких бурь не бывает? Море Изобилия, где ничего нет, кроме мертвых камней, море Кризисов... каких кризисов? И что это за моря, в которых нет ни капли воды?

— Да, названия не совсем удачны, — согласился Тюрин. — Впадины на поверхности Луны, конечно, ложа бывших здесь когда-то океанов и морей. Но их названия... Надо же было как-нибудь назвать! Вот когда открывали маленькие планеты, то сначала называли их по установившейся традиции именами древнегреческих богов. Скоро все имена были исчерпаны, а новых плане-

ток прибывало все больше и больше. Тогда прибегли к прославленным именам людей: Фламмариона, Гаусса, Пикеринга и даже известных филантропов вроде американца Эдуарда Тука. Так капиталист Тук приобрел в небе земельные участки. По-моему, для мелких планет лучше всего номерная система... А Карпаты, Альпы, Апеннины на Луне — это от скудости фантазии. Вот я, например, придумал совершенно новые названия гор, вулканов, морей и цирков, которые мы откроем на другой стороне Луны...

— Вы не забудете, конечно, и кратера Тюрина? — спросил, улыбаясь, Соколовский.

— На всех хватит, — ответил Тюрин. — И кратер Тюрина, и море Соколовского, и цирк Артемьева, если пожелаете.

Не прошло получаса, как Соколовский, «поддавший пару» нашей ракете, доставил нас в океан Бурь. Ракетка опустилась на «дно» океана. Дно было очень неровное. Кое-где поднимались высокие горы. Их вершины, возможно, когда-то выдавались островами. Иногда мы опускались в глубокие долины, и нас покрывала тень. Но совсем темно не становилось: отраженный свет падал от вершин освещенных гор.

Я внимательно смотрел по сторонам. Камни отбрасывали от себя сплошные длинные тени. Вдруг в одном месте я увидел странную решетчатую тень — как от полуразвалившейся корзины. Я указал на нее Соколовскому. Он тотчас же остановил ракетку, и я побежал к тени. По виду это был камень, но камень необычайной формы: он напоминал часть позвоночного столба с ребрами. Неужели мы нашли останки вымершего чудовища? Значит, на Луне существовали даже позвоночные животные? Следовательно, она не так уж скоро лишилась своей атмосферы. «Позвонки» и «ребра» были слишком тонки для своих размеров. Но ведь на Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле, и животные могли иметь здесь более тонкие скелеты. Притом это, наверное, было морское животное.

Геолог взял одно «ребро», валявшееся возле скелета, и разломил его. Снаружи черное, внутри оно имело сероватый пористый вид. Соколовский покачал головой и сказал:

— Я думаю, что это не кости, а скорее кораллы.

— Но общий вид, очертания... — возразил я.

Научный спор готов был разгореться, но тут вмешался Тюрин. Ссылаясь на свои полномочия, он потребовал немедленного отправления. Он спешил осмотреть обратную сторону Луны, пока она была почти вся освещена Солнцем. Пришлось покориться. Я захватил несколько «костей», чтобы сделать анализ по возвращении на Кэц, и мы полетели дальше. Эта находка сильно взволновала меня. Если бы покопаться в почве морского дна, можно было бы сделать много неожиданных открытий. Восстановить картину кратковременной жизни на Луне. Кратковременной, разумеется, по астрономическим масштабам...

Наша ракетка мчалась на восток. Я смотрел на Солнце и удивлялся: оно довольно быстро поднималось к зениту. Вдруг Тюрин схватил себя за бока:

— Я, кажется, потерял свою лейку... Футляр цел, а аппарата нет... Назад! Я не могу остаться без фотографического аппарата! Я, вероятно, обронил его, когда вкладывал в футляр после съемки этого злосчастного скелета! Здесь вещи так мало весят, что не мудрено обронить их и не заметить...

Геолог с неудовольствием дернул головой, но повернул ракету обратно. И тут я заметил необычайное явление: Солнце пошло вспять к востоку, постепенно скатываясь к горизонту. Мне показалось, что я брежу. Не слишком ли накалили мне голову солнечные лучи? Солнце, движущееся на небе то в одну, то в другую сторону! Я не решался даже сказать об этом своим спутникам и продолжал молча наблюдать. Когда мы, подъезжая к месту, убавили скорость и шли не более пятнадцати километров в час, — Солнце остановилось. Ничего не могу понять!

Тюрин, вероятно, заметил, что я слишком часто поглядываю на небо. Он усмехнулся и, прислонив свой скафандр к моему, сказал:

— Я вижу, вас беспокоит поведение Солнца. А между тем причина простая. Луна — небольшое небесное тело, движение ее экваториальных точек очень медленное: они проходят менее четырех метров в секунду. Поэтому, если ехать по экватору со скоростью около пятнадцати километров в час на запад, Солнце будет стоять на небе, а если ускорить наше движение, Солнце начнет «захо-

дить на восток». И наоборот: когда мы ехали на восток, навстречу Солнцу, то мы, быстро перемещаясь по лунной поверхности, заставили Солнце ускорить свое восхождение. Словом, мы здесь можем управлять движением Солнца. Пятнадцать километров в час на Луне легко и пешком пройти. И тогда над пешеходом, движущимся с такой скоростью по экватору на запад, Солнце будет стоять неподвижно... Это очень удобно. Например, очень удобно идти следом за Солнцем, когда оно близко к заходу. Почва еще теплая, света достаточно, но нет изнуряющего зноя. Хотя наши костюмы хорошо предохраняют нас от смены температур, однако разница между светом и тенью чувствуется довольно ощутительно.

Мы приехали на старое место. Тюрин начал поиски аппарата, а я, воспользовавшись случаем, стал вновь осматривать дно океана Бурь. Может быть, некогда на поверхности этого океана действительно бушевали ужаснейшие бури. Волны в пять-шесть раз превышали волны земных океанов. Целые водяные горы ходили тогда по этому морю. Сверкала молния, шипела вода, грохотал гром... Море кишело чудовищами гигантского роста, гораздо большего, чем самые большие животные, когда-либо существовавшие на Земле...

Я подошел к краю трещины. Она была шириною не менее километра. Почему бы не заглянуть, что делается на глубине? Я засветил электрический фонарь и начал спускаться по пологим бокам трещины. Спускаться было совсем легко. Сначала осторожно, потом все смелее прыгал я, опускаясь глубже и глубже. Надо мною сверкали звезды. Кругом непроглядная темнота. Мне показалось, что с глубиной температура поднимается. Впрочем, может быть, я разогревался от быстрого движения. Жаль, что я не взял у геолога термометр. Можно было бы проверить гипотезу Тюрина о том, что почва Луны теплее, чем предполагали ученые.

На пути начали попадаться странные обломки камней цилиндрической формы. Неужто это окаменевшие стволы деревьев? Но как они могли очутиться на дне моря, в глубокой расщелине?

Я зацепился за что-то острое, едва не разорвал костюма и похолодел от ужаса: это было бы смертельно. Быстро наклонившись, я ощупал рукою предмет: какие-то зубья. Повернул фонарь. Из скалы торчала длинная

черная двусторонняя пила — точь-в-точь как у нашей «пилы-рыбы». Нет, «это» не могло быть кораллом. Я направлял свет в разные стороны и всюду видел пилы, прямые винтообразные бивни, как у нарвалов, хрящевые пластины, ребра... Целое кладбище вымерших животных... Ходить среди этих окаменевших орудий нападения и защиты было очень опасно. И все же я бродил как зачарованный. Необычайное открытие! Ради одного этого стоило совершить межпланетное путешествие. Я уже воображал, как в расщелину опустится специальная экспедиция, и кости животных, погибших миллионы миллионов лет тому назад, будут собраны, доставлены на Кэц, на Землю, в музей Академии наук и ученые реставрируют лунных животных...

А вот это кораллы! Они не в шесть, а в десять раз больше самых крупных земных. Целый лес «ветвистых рогов». Некоторые кораллы сохранили даже окраску. Одни были цвета слоновой кости, другие — розовые, но больше всего красных.

Да, значит на Луне существовала жизнь. Быть может, Тюрин прав, и нам удастся обнаружить остатки этой жизни. Не мертвые останки, а остатки последних представителей животного и растительного царства...

Небольшой камешек, пролетев мимо меня, опустился в коралловый куст.

Это вернуло меня к действительности. Я поднял голову вверх и увидел на краю расщелины мигающие огоньки. Мои спутники, вероятно, уже давно сигнализировали мне. Надо было возвращаться. Я помигал им в ответ своим фонарем, затем поспешно собрал наиболее интересные образцы и нагрузил ими походную сумку. На земле эта кладь весила бы, вероятно, более шестидесяти килограммов. Значит, здесь весит не более десяти. Эта добавочная тяжесть не слишком обременяла меня, и я быстро поднялся на поверхность.

Мне пришлось выслушать от астронома выговор за самовольную отлучку, но когда я рассказал ему о своей находке, он смягчился.

— Вы сделали великое открытие. Поздравляю! — сказал он. — Мы, конечно, организуем экспедицию. Но сейчас не будем задерживаться. Вперед, и уже без всяких задержек!

Но одна задержка все же произошла. Мы были уже

у края океана. Перед нами поднимались «береговые» скалы, освещенные Солнцем. Чудесное зрелище! Соколовский невольно задержал машину.

Внизу скалы были из красноватых порфиров и базальтов самых разнообразных красок и оттенков: изумрудно-зеленый, розовый, серый, синий, палевый, желтый цвета... Это напоминало волшебный восточный ковер, переливающий всеми цветами радуги. Кое-где виднелись белоснежные отроги, розовые обелиски. Выходы огромных горных хрусталей сверкали ослепительным светом. Кровавыми каплями висели рубины. Словно прозрачные цветы красовались оранжевые гиацинты, кроваво-красные пироны, темные меланиты, фиолетовые альмандины. Целые гнезда сапфиров, изумрудов, аметистов... Откуда-то сбоку, с острого края скалы, брызнул целый сноп ярких радужных лучей. Так сверкать могли только алмазы. Это, вероятно, были свежие разломы скал, поэтому блеск и разнообразие цветов не затянуло еще космической пылью.

Геолог резко затормозил. Тюрин едва не выпал. Машина стала. Соколовский, вынимая на ходу из мешка геологический молоток, уже прыгал по сверкающим скалам. За ним я, за нами Тюрин. Соколовского охватило «геологическое» безумие. Это не была жадность стяжателя при виде драгоценностей. Это была жадность ученого, встретившего гнездо редких ископаемых.

Соколовский бил молотком по алмазным глыбам с остервенением рудокопа, заваленного обвалом и пробивающего себе путь спасения. Под градом ударов алмазы разлетались во все стороны радужными брызгами. Безумие заразительно. Я и Тюрин подбирали алмазные куски и тут же бросали, чтоб схватить лучшие. Мы набивали ими сумки, вертели в руках, поворачивая к лучам Солнца, подбрасывали вверх. Все искрилось и сверкало вокруг нас.

Луна! Луна! С Земли ты кажешься однообразно-серебристого цвета. Но сколько разнообразных, ослепительных красок открываешь ты для того, кто ступил на твою поверхность!..

Впоследствии мы не раз встречали такие сокровища. Драгоценные камни, как разноцветная роса, выступали на скалах гор, пиков. Алмазы, изумруды — самые дорогие на Земле камни — не редкость на Луне. Мы почти

привыкли к этому зрелищу. Но я никогда не забуду «алмазной горячки», охватившей нас на берегу океана Бурь...

Мы снова летим на восток, перепрыгивая через горы и трещины. Геолог нагоняет потерянное время.

Тюрин, придерживаясь одной рукой за подлокотник сиденья, торжественно приподнимает другую руку и даже привстает. Этим он знаменует наш перевал через границу видимой с Земли лунной поверхности. Мы вступили в область неизвестного. Ни один человеческий глаз еще не видал того, что увидим сейчас мы. Мое внимание напрягается до крайних пределов.

Но первые километры принесли разочарование. Такое чувство бывает при первом посещении заграницы. Всегда кажется, что стоит тебе только переехать пограничную черту, и все станет иным. Однако вначале видишь те же наши березки, те же сосны... Только архитектура домов да костюмы людей меняются. И лишь постепенно раскрывается своеобразие новой страны. Здесь разница была еще менее заметна. Те же горы, цирки, кратеры, долины, впадины былых морей...

Тюрин волновался чрезвычайно. Он не знал, как поступить: на верху вагона-ракеты лучше видно, в самой же ракете удобнее вести записи. Выиграешь одно, проиграешь другое. В конце концов он решил пожертвовать записями: все равно поверхность «задней» стороны Луны будет тщательно измерена и со временем занесена на карту. Сейчас нужно получить лишь общее представление об этой неведомой людям части лунного рельефа. Мы решили проехать вдоль экватора. Тюрин отмечал только самые крупные цирки, самые высокие кратеры и давал им названия. Это право первого исследователя давало ему большое наслаждение. Вместе с тем он был настолько скромен, что не спешил назвать кратер или море своим именем. Он, вероятно, заранее заготовил целый каталог и теперь так и сыпал именами героев социалистических революций, знаменитых ученых, писателей, путешественников.

— Как вам нравится это море? — спросил он меня с видом короля, который собирается наградить земельной собственностью своего вассала. — Не назвать ли его «морем Артемьева»?

Я посмотрел на глубокую впадину, тянувшуюся до

горизонта и испещренную трещинами. Это море ничем не отличалось от других лунных морей.

— Если позволите, — сказал я после некоторого колебания, — назовем его «морем Антонины».

— Антония? Марка Антония, ближайшего помощника Юлия Цезаря? — спросил, не расслышав, Тюрин. Его голова была набита именами великих людей и богов древности. — Что же, это хорошо. Марк Антоний! Это звучит не плохо и еще не использовано астрономами. Так и будет. Запишем: «Море Марка Антония».

Мне неловко было поправлять профессора. Так ближайший сотрудник Юлия Цезаря получил посмертные владения на Луне. Ну, ничего. На меня и на Тоню еще хватит морей.

Тюрин попросил сделать остановку. Мы находились в котловине, куда еще не достигали лучи Солнца.

Высадившись, астроном вынул термометр и воткнул его в почву. Геолог спустился вслед за Тюриным. Через некоторое время Тюрин вытащил термометр и, взглянув на него, передал Соколовскому. Они сдвинули свои скафандры и, видимо, поделились соображениями. Затем быстро поднялись на площадку ракеты. Здесь снова заговорили. Я вопросительно посмотрел на Соколовского.

— Температура почвы около двухсот пятидесяти градусов холода по Цельсию, — сказал мне Соколовский. — По этому поводу Тюрин не в духе. Он объясняет это тем, что в данном месте мало радиоактивных веществ, распад которых подогревал бы почву. Он говорит, что и на Земле океаны образовались именно там, где почва была наиболее холодна. На дне тропических морей температура действительно бывает холоднее, чем даже в морях северных широт. Он уверяет, что мы еще найдем отепленные радиоактивным распадом зоны. Хотя, между нами говоря, в общем тепловом режиме Земли тепло радиоактивного распада составляет очень незначительную величину. Я думаю, и на Луне дело обстоит так же.

Соколовский предложил подняться повыше, чтобы лучше обозреть общий вид лунной поверхности.

— Перед нами развернется вся карта. Ее можно будет заснять, — сказал он Тюрину.

Астроном согласился. Мы крепко ухватились за подлокотники сидений, и Соколовский усилил взрывы.

Ракета начала набирать высоту. Тюрин беспрерывно щелкал фотоаппаратом. В одном месте, на небольшой возвышенности, я увидел скопление камней или скал в виде правильного прямого угла.

«Уж не постройки ли это лунных жителей, которые существовали, пока Луна не превратилась в мертвую планету, лишенную атмосферы?» — подумал я и сразу же отбросил эту нелепую мысль. Но правильная геометрическая форма все же запомнилась мне, как одна из еще не разгаданных загадок.

Тюрин ерзал на своем кресле. Видимо, неудача с термометром сильно огорчила профессора. Когда мы пролетали над очередным «морем», Тюрин потребовал, чтобы Соколовский снизился в затененную его часть, и снова измерил температуру. На этот раз термометр показал минус сто восемьдесят градусов. Разница огромная, если только она не была вызвана значительным нагревом почвы от Солнца. Однако Тюрин окинул Соколовского взглядом победителя и безапелляционно заявил:

— «Море Зноя» — так будет оно называться.

Зной в сто восемьдесят градусов ниже нуля! Впрочем, чем это хуже «моря Дождей» или «моря Изобилия»? Шутники эти астрономы!

Тюрин предложил проехать сотни две километров на колесах, чтобы еще в двух-трех местах измерить температуру почвы.

Мы ехали по дну уже другого моря, которому я охотно дал бы название «море Тряски». Все дно было покрыто буграми, некоторые из них имели маслянистую поверхность. Не были ли это нефтяные пласты? Трясло нас немилосердно, но мы продолжали ехать. Тюрин довольно часто проверял температуру. Когда в одном месте Цельсий показал двести градусов холода, астроном торжественно поднес термометр к глазам Соколовского. В чем дело? А в том, что если температура вновь понизилась, несмотря на то, что мы едем навстречу лунному дню, то, значит, дело не только в нагреве почвы Солнцем. Пожалуй, профессор в этом прав.

Тюрин повеселел. Мы выбрались из котловины, объехали трещину, перевалили через каменную гряду цирка и, пробежав по гладкой равнине, поднялись над горами.

Перелетев через них, мы увидали грандиозную стену гор километров в пятнадцать высоты. Эта стена закрывала от нас Солнце, хотя оно уже довольно высоко стояло над горизонтом. Мы едва не налетели на эту неожиданно высокую преграду. Соколовский сделал крутой поворот и набрал высоту.

— Вот это находка! — восхищался Тюрин. — Эту горную цепь не назовешь ни Альпами, ни Кордильерами. Это... Это...

— Тюриньеры! — подсказал Соколовский. — Да, Тюриньеры. Вполне звучное и достойное вас название. Гор выше этих мы, наверно, не найдем.

— Тюриньеры, — ошеломленно повторил Тюрин. — Гм... гм... немножко нескромно... Но звучит отлично: Тюриньеры! Пусть будет по-вашему, — согласился он. Через стекла скафандра я увидел его сияющее лицо.

Нам пришлось сделать большой полукруг, набирая высоту. Эти горы уходили в самое небо... Наконец мы вновь увидали Солнце. Ослепительное синее Солнце! Я невольно зажмурил глаза. А когда открыл их, мне показалось, что мы оставили Луну и несемся в просторах неба... Я обернулся и увидал позади сияющую отвесную стену Тюриньеров, их основания уходили куда-то в черную бездну. А впереди — ничего. Внизу — ничего. Черная пустота... Отраженный свет постепенно гаснет, и дальше — полная тьма.

Вот так приключение! Луна с ее обратной стороны, оказывается, имеет форму не полушария, а какого-то обрубка шара. Вижу, мои соседи волнуются не меньше меня. Я смотрю вправо, влево. Пустота. Мне вспомнились гипотезы о том, какою может быть невидимая часть Луны. Большинство астрономов утверждало, что эта часть такая же, как и видимая, только с другими морями, горами. Кто-то высказал мысль, что Луна имеет грушевидную форму. Со стороны Земли она шаровидна, а с другой стороны вытянута почти как груша. И оттого будто бы Луна всегда обращена одной, наиболее тяжелой стороной к Земле. Но мы нашли нечто еще более невероятное: Луна — половина шара. Куда же девалась вторая половина?

Полет продолжался несколько минут, а мы всё еще летели над черной бездной. Тюрин сидел словно оглушенный. Соколовский молча правил, все усиливая

взрывы: ему не терпелось узнать, чем все это кончится.

Не знаю, как долго летели мы среди черноты звездного неба, но вот на востоке показалась светящаяся полоска лунной поверхности. Мы обрадовались ей, как путешественники, переплывшие неведомый океан, при виде желанного берега. Так, значит, мы не свалились с Луны? Что же тогда было под нами?

Тюрин догадался первый.

— Трещина! — воскликнул он, стукнувшись о мой скафандр. — Трещина необычайной глубины и ширины!

Так оно и оказалось.

Скоро мы достигли другого края трещины.

Когда я оглянулся назад, Тюриньеров не было. Они исчезли за горизонтом. А позади нас зияло черное пространство.

Мы все трое были слишком потрясены нашим открытием. Соколовский, выбрав посадочную площадку, снизился, посадив ракету недалеко от края.

Мы молча переглянулись. Тюрин почесал рукою скафандр, — он хотел почесать затылок, как это делают люди, вконец озадаченные. Мы сдвинули наши скафандры: всем хотелось поделиться впечатлениями.

— Так вот какое дело выходит, — сказал, наконец, Тюрин. — Это уже не обычная трещина, каких немало на Луне. Эта трещина идет почти от края до края на поверхности задней стороны Луны. И глубина ее едва ли не больше десятой части всего диаметра планеты. Наш милый спутник болен, и серьезно болен, а мы и не знали этого. Увы, Луна — наполовину треснувший шар.

Мне вспомнились разные гипотезы о гибели Луны. Одни утверждали, что Луна, вращаясь вокруг Земли, все больше удаляется от нее. И поэтому будущим земным жителям Луна будет казаться все меньше и меньше. Сначала сравняется с Венерой, затем будет видна как простая маленькая звездочка, и, наконец, наш верный спутник навсегда уйдет в мировое пространство. Иные, наоборот, пугают тем, что Луна в конце концов будет притянута Землей и упадет на нее. Нечто подобное будто бы было уже однажды на Земле: Земля имела второго спутника — небольшую Луну, которая в незапамятные времена упала на Землю. При этом падении образовалась впадина Тихого океана.

— Что же будет с Луной? — тревожно спросил я, —

Упадет ли она на Землю или уйдет в мировое пространство, когда распадется на части?

— Ни то, ни другое. Скорее всего она будет носиться вокруг Земли бесконечно долго, но в ином виде, — ответил Тюрин. — Если она расколется только на две части, то у Земли окажется два спутника вместо одного. Две «полулуны». Но вернее всего — Луна разлетится на мелкие части, и тогда вокруг Земли образуется светящийся пояс, как у Сатурна. Кольцо из мелких кусков. Я предсказывал это, но, признаться, угроза потерять Луну стоит ближе, чем я думал... Да, жалко нашей старушки Луны, — продолжал он, глядя во мрак трещины. — Гм... гм... А может быть, и не ждать неизбежного конца, а ускорить его? Если в эту трещину заложить тонну нашего потентала, то этого, вероятно, будет достаточно, чтобы разорвать Луну на части. Уж если суждено ей погибнуть, то, по крайней мере, пусть это произойдет по нашей воле и в назначенный час.

— Интересно, как глубоко уходит трещина в лунную кору? — сказал Соколовский. Его, как геолога, интересовала не судьба Луны, а возможность проникнуть почти до центра планеты.

Тюрин быстро согласился совершить это путешествие.

Мы начали обсуждать план действий. Тюрин предлагал медленно спускаться в ракете-вагоне по отвесному склону трещины, тормозя спуск взрывами.

— Можно делать остановки и измерять температуру, — сказал он.

Но Соколовский считал такой спуск трудным и даже рискованным. Притом на медленный спуск уйдет слишком много горючего.

— Лучше мы опустимся прямо на дно. На обратном пути можно сделать две-три остановки, если найдем подходящие для ракеты площадки.

Соколовский был нашим капитаном, и Тюрину на этот раз пришлось согласиться. Он только просил опускаться не очень быстро и держаться ближе к краю трещины, чтобы осмотреть геологический состав склона, насколько это возможно при полете.

И вот мы начали спуск.

Ракета поднялась над черной бездной расщелины и, описав полукруг, пошла на снижение. Солнце, стоявшее

уже довольно высоко, освещало часть склона на значительную глубину. Но противоположный склон трещины еще не был виден. Ракета все наклонялась, словно сани, летящие с горы. Нам приходилось откидываться назад, упираться ногами. Тюрин защелкал фотоаппаратом.

Мы видели черные, почти гладкие скалы. Иногда они словно наливались синевой. Затем появились красноватые, желтоватые, зеленые оттенки. Я объяснял это тем, что здесь дольше сохранялась атмосфера и металлы, в особенности железо, подверглись большому действию кислорода, окисляясь, как на Земле. Впоследствии Тюрин и Соколовский подтвердили мое предположение.

Внезапно мы погрузились в глубокую тьму. Ракета вошла в полосу тени. Переход был так резок, что в первое мгновение мы точно ослепли. Ракета повернулась вправо. В темноте было рискованно лететь вблизи скал. Вспыхнули лучи прожекторов. Два огненных щупальца шарили во мраке, ничего не встречая. Спуск замедлился. Проходила минута за минутой, а мы все еще летели в пустоте. Если бы не отсутствие звезд по сторонам, можно было подумать, что мы несемся в межпланетном пространстве. Но вот лучи света скользнули по острому утесу. Соколовский еще более замедлил полет. Прожекторы освещали угловатые пласты отслоившихся горных пород. Справа показалась стена. Мы повернули влево. Но и слева виднелась такая же стена. Теперь мы летели в узком каньоне. Целые горы остроконечных обломков громоздились со всех сторон. Сесть было невозможно. Мы пролетали километр за километром, но ущелье не расширялось.

— Кажется, нам придется ограничиться этим осмотром и подняться, — сказал Соколовский.

На нем лежала ответственность за наши жизни и за целость ракеты, — он не хотел рисковать. Но Тюрин положил свою руку на руку Соколовского, как бы запрещая этим жестом поворачивать руль высоты.

Полет продолжался час, два, три, — я уж не могу сказать точно.

Наконец мы увидели площадку, лежащую довольно косо, но все же на нее можно было спуститься. Ракета остановилась в пространстве, потом очень медленно снизилась. Стоп! Ракета стояла под углом в тридцать градусов.

— Ну вот, — сказал Соколовский. — Доставить вас сюда я доставил, но как мы поднимемся отсюда, не знаю.

— Главное — мы достигли цели, — ответил Тюрин.

Сейчас он ни о чем больше не хотел думать и занялся измерением температуры почвы. К его величайшему удовольствию, термометр показывал сто пятьдесят градусов холода. Не слишком-то высокая температура, но все же гипотеза как будто оправдывалась.

А геолог уже бил молотком. Из-под его молотка сыпались искры, но ни один кусок породы не отлетал в сторону. Наконец, утомленный работой, Соколовский выпрямился и, прислонившись ко мне скафандром, сказал:

— Чистейший железняк. Чего и можно было ожидать. Придется ограничиться готовыми обломками. — И он зашагал по площадке в поисках образцов.

Я посмотрел вверх и увидел звезды, полоски Млечного Пути и ярко расцвеченные разноцветными искрами сияющие края нашей трещины. Потом я взглянул в направлении луча прожектора. И вдруг мне показалось, что возле небольшой боковой расщелины луч как будто колеблется. Я подошел к расщелине. В самом деле: еле заметная струя пара или газа выходила из ее глубин. Чтобы проверить себя, я взял горсть легкого пепла и бросил туда. Пепел отлетел в сторону. Это становилось интересным. Я нашел обломок скалы, нависший над краем, и сбросил его, чтобы сотрясением почвы привлечь внимание моих спутников и позвать их к себе. Камень полетел вниз. Прошло не менее десяти секунд, прежде чем я почувствовал легкое сотрясение почвы. Затем последовало второе, третье, четвертое — все более сильные. Я не мог понять, в чем дело. Некоторые удары были так значительны, что вибрация почвы передавалась всему телу. И вдруг я увидел, как огромная глыба пролетела мимо меня. Попав в полоску света, она сверкнула, как метеорит, и исчезла в темной бездне. Скалы дрожали. Я понял, что совершил страшную ошибку. Произошло то, что бывает в горах, когда падение небольшого камешка вызывает грандиозные горные обвалы. И вот теперь отовсюду неслись камни, обломки скал, мелкие камешки. Они ударялись о скалы, отскакивали, сталкивались между собой, выбивая

искры... Если бы мы находились на Земле, мы слышали бы громовые раскаты, гул, похожий на канонаду, бесконечно отраженную горным эхом, но здесь не было воздуха, и поэтому царила абсолютная тишина. Звук, вернее — вибрация почвы, передавался только через ноги. Невозможно было угадать, куда бежать, откуда ждать опасности... Застыв в смертельном испуге, я, вероятно, так и погиб бы в столбняке, если бы не увидел Соколовского, который, стоя на площадке ракеты, неистово махал мне руками. Да, конечно, только ракета могла спасти нас!

В несколько прыжков я был возле ракеты, вспрыгнул с разбегу на площадку, и в тот же момент Соколовский рванул рычаг. Мы резко откинулись назад и несколько минут летели вверх ногами — так круто поставил Соколовский нашу ракету. Сильные взрывы ракетных дюз следовали один за другим.

Соколовский направлял ракету вверх и вправо, подальше от склона расщелины. Удивляюсь, как он мог править в таком неудобном положении! Судя по его выдержке, он был человеком бывалым, никогда не терявшим присутствия духа. А ведь с виду совсем «домашний» балагур и весельчак.

Только когда наша ракета вошла в освещенное Солнцем пространство и значительно удалилась от краев ущелья, Соколовский замедлил полет и выпрямил ракету.

Тюрин вполз на сиденье и потер скафандр. По-видимому, профессор немного ушиб затылок.

Как это часто бывает с людьми, благополучно избежавшими большой опасности, нас вдруг охватило нервное веселье. Мы заглядывали друг другу в стекла скафандров и смеялись, смеялись...

Тюрин указал на освещенный склон лунной трещины. Случай приготовил нам площадку для посадки. И какую площадку! Перед нами был огромный уступ, на нем без труда мог бы поместиться целый ракетодром для десятков ракетных кораблей. Соколовский повернул ракету, и вскоре мы катились на колесах, словно по асфальту. Подкатив почти к самой стене, остановились. Каменная или железная стена имела продольные трещины. В каждую из этих трещин могли бы въехать рядом несколько поездов.

Мы сошли на площадку «ракетодрома». Наше возбуждение еще не улеглось. Мы чувствовали потребность двигаться, работать, чтобы скорее привести в порядок свои нервы.

Я рассказал Тюрину и Соколовскому о находке лунного «гейзера» и признался, что вызвал горные обвалы, едва не погубившие нас. Но Тюрин, заинтересованный «гейзером», даже не упомянул о моем проступке.

— Ведь это же величайшее открытие! — воскликнул он. — Я всегда говорил, что Луна не такая уж мертвая планета. Хотя бы ничтожные остатки газов, атмосферы — какого бы то ни было состава — на ней должны сохраниться. Это, вероятно, выходы серных паров. Где-нибудь в толще Луны еще осталась горячая магма. Последние догорающие угли великого пожара. В глубине этой трещины, которая, наверное, проникает внутрь не менее чем на четверть лунного радиуса, пары нашли себе выход. И мы не взяли их на пробу. Необходимо сделать это во что бы то ни стало. Ведь это же произведет мировую сенсацию среди ученых. Гейзер Артемьева! Не возражайте! Вы имеете на это все права. Летим сейчас же.

И он уже прыгнул к ракете, но Соколовский отрицательно покачал головой.

— На сегодня с нас довольно, — сказал он. — Надо отдохнуть.

— Что значит «на сегодня»? — возразил Тюрин. — День на Луне продолжается тридцать земных дней. Так вы тридцать дней не сдвинетесь с места?

— Сдвинусь, — примирительно ответил Соколовский. — Но только если бы вы сидели у руля, когда мы вылетали из этой чертовой щели, то поняли бы меня и рассуждали бы иначе.

Тюрин посмотрел на утомленное лицо Соколовского и замолчал.

Мы решили обновить запас кислорода в скафандрах и разбрестись в разные стороны, не отходя слишком далеко друг от друга.

Первым делом я отправился к ближайшему ущелью, которое заинтересовало меня своей окраской Скалы там были красноватых и розовых тонов. На этом фоне ярко выделялись густо-зеленые пятна неправильной формы, очевидно прослойки другой породы. Получалось очень

красивое сочетание красок. Я постепенно углублялся в каньон. Одна стена его была ярко освещена Солнцем, по другой косо скользили солнечные лучи, оставляя внизу острый угол тени.

Я был в прекрасном настроении. Кислород вливался в легкие чуть пьянящими струями. Во всех членах я ощущал необычайную легкость. Мне иногда казалось, что все это я вижу во сне. Увлекательный, чудесный сон!

В одном из боковых каньонов сверкал «водопад» навеки застывших самоцветов. Они привлекли мое внимание, и я свернул вправо. Потом свернул еще и еще раз. И, наконец, увидал целый лабиринт каньонов. В нем было легко заблудиться, но я старался запомнить дорогу. И всюду эти пятна. Ярко-зеленые на полном свету, они в полосе тени были темно-рыжего оттенка, а в полутени — светло-бурого. Странное изменение окраски: ведь на Луне нет атмосферы, которая может изменять оттенки цветов. Я подошел к одному из таких пятен и присмотрелся. Нет, это не выход горной породы. Пятно было выпуклым, и казалось мягким, как войлок. Я уселся на камень и принялся разглядывать пятно.

И вдруг мне показалось, что оно немного сдвинулось с места от теневой полосы к свету. Обман зрения! Я слишком напряженно смотрел на пятно. Сделав мысленную отметку на складке горной породы, я продолжал следить за ним. Через несколько минут я уже не мог сомневаться: пятно сдвинулось с места. Его край перешел за теневую черту и стал зеленеть на моих глазах.

Я вскочил и подбежал к стене. Ухватившись за острый угол скалы, я дотянулся до ближайшего пятна и оторвал мягкий войлокообразный кусок. Он состоял из мелких нитей елкообразной формы. Растения! Ну конечно, это растения! Лунные мхи. Вот так открытие! Я оторвал второй клочок от бурого пятна. Этот клочок был совершенно сух. Повернув его обратной стороной, я увидал беловатые «орешки», оканчивающиеся подушечками-присосами.

Биологическая загадка. По виду это растение можно скорее отнести к мхам. Но эти присосы? «Корненожки»! Растение, которое может передвигаться, чтобы следовать за двигающимися по скалам солнеч-

ными лучами. Его зеленый цвет зависит, конечно, от хлорофилла. А дыхание? Влага? Откуда оно ее берет?.. Мне вспомнились разговоры о Кэце, о небесных камнях, из которых можно извлекать и кислород и воду. Разумеется, и в лунных камнях находятся в связанном виде кислород и водород — элементы, входящие в состав воздуха и воды. Почему бы и нет?.. Разве земные растения не являются чудесными «фабриками» со сложнейшим химическим производством? И разве наши земные растения, вроде «Иерихонской розы», не обладают способностью замирать от зноя и засухи, а потом вновь оживать, когда их поставишь в воду? В лунную холодную ночь здешние растения спят, при свете Солнца начинает действовать «химическая фабрика», вырабатывая все, что нужно для жизни. Движение? Но и земные растения не лишены его совершенно. А приспособляемость организмов беспредельна.

Я набил полную сумку мхами и в приподнятом настроении отправился назад, чтобы скорее похвалиться своею находкой.

Прошел до конца бокового каньона, свернул направо, еще раз направо. Здесь я должен был увидеть сверкающие россыпи рубинов и алмазов, но не увидел их... Пошел назад, повернул в другой каньон... Совершенно незнакомое место!

Я ускорил ход. Уже не шагал, а прыгал. И вдруг на краю обрыва остановился в изумлении. Совершенно новый лунный ландшафт открылся передо мною. По ту сторону пропасти возвышались горные цепи. Среди них выделялись три вершины одинаковой высоты. Они сверкали, как головы сахара. Я еще никогда не видал таких белых вершин. Ясно, что это не снег. На Луне не может быть снега. Возможно, эти горы меловые или гипсовые. Но дело не в горах. Мне стало ясно, что я заблудился, и заблудился основательно.

Тревога охватила меня. Словно весь этот необычайный лунный мир вдруг повернулся ко мне другой стороной. Как он был враждебен человеку! Здесь нет ни наших земных лесов, ни полей, ни лугов с их цветами, травами, птицами и животными, где «под каждым листом» уготован «стол и дом».

Здесь нет речек и озер, изобилующих рыбой.

Луна — скупой Кащей, который не накормит и не напоит человека. Заблудившиеся на Земле могут целыми днями поддерживать свое существование хотя бы корнями растений. А здесь? Кроме голых скал — ничего. Разве только этот мох. Но он, вероятно, так же несъедобен, как песок. Но если бы даже кругом меня были молочные реки с кисельными берегами, я все равно погиб бы от голода и жажды, испытывая муки Тантала: ведь я не могу снять своего скафандра.

Скафандр! Я вспомнил о нем и вздрогнул, будто ледяной холод мировых пространств проник в мое тело. Вся «атмосфера», которая дает мне возможность дышать и жить, заключена в небольшом баллоне за моей спиной. Его хватит на шесть часов; нет, меньше: уже прошло часа два, как я возобновил запас кислорода. А дальше? Смерть от удушья... Скорее выбраться к большому каньону, пока не истощился запас кислорода и физических сил!

Я вновь повернул назад и запрыгал, как кузнечик. Хорошо еще, что здесь прыжки не утомляют так, как на Земле...

Вот и конец каньона. Передо мной новый каньон, ярко освещенный солнцем и покрытый сплошным зеленым ковром. Видимо, все мхи приползли сюда из теневых мест. Отвратительные мхи! Я больше не хотел смотреть на них, но всюду мои глаза встречали зеленый цвет, от которого рябило в глазах.

А может быть, это и есть тот каньон, по которому я шел сюда, но его сейчас трудно узнать, потому что он стал зеленым?

Новый поворот — узкое ущелье, погруженное в голубую тьму. Сквозь прогретый солнцем костюм на меня пахнуло холодом. Или это нервы шалят?..

Куда же теперь идти? Позади, за двумя поворотами, обрыв. Впереди — темный, узкий, неведомый каньон.

Я почувствовал страшную слабость и в изнеможении опустился на бугристый камень. Вдруг камень подо мной зашевелился и пополз... Я вскочил, как ужаленный. Мои нервы были слишком напряжены. Живой камень! Новое животное! Новое сенсационное открытие! Но в эту минуту мне было не до открытий. Я позволил уползти неведомому животному, даже не взглянув на него. И, как автомат, побрел дальше.

Я даже не размышлял о том, куда иду. Иногда мне казалось, что кислород в баллоне иссякает. Наступало удушье. Тогда я приостанавливался и хватался за грудь. Потом это проходило. Нервы, нервы! Если бы на Луне была атмосфера, упругая среда, хотя бы и не годная для дыхания! Можно было бы стучать камнем о камень, призывая на помощь. Атмосфера могла бы передать отсветы — «зарево» прожекторов ракеты. Впрочем, сейчас это не помогло бы: с неба лился ослепительный солнечный свет, от которого можно было бы ослепнуть, если бы не дымчатые стекла скафандра.

В тот момент, когда я был полон отчаяния и готовился к близкому концу, я неожиданно увидел большой каньон. Я обрадовался так, словно вышел на Большой проспект Васильевского острова.

Вот удача! Не инстинкт ли вывел меня, когда я перестал мудрить и высчитывать?

Однако моя радость скоро опять сменилась тревогой. В какую сторону идти? Вправо или влево? Совершенно потерял ориентировку! Попробовал испытать свой «инстинкт», но на этот раз он безмолвствовал. Шаг направо — инстинкт не возражает, шаг налево — то же самое.

Пришлось вновь обратиться к помощи «верхней коры головного мозга» — размышлять. Когда я вышел из ракеты, то повернул направо. Значит, теперь надо свернуть налево. Пойдем налево.

Так я шел, вероятно, не меньше часа. Голод давал себя чувствовать. А конца каньона все еще не было видно. Странно. Ведь первый раз я шел до поворота менее получаса. Значит, иду не в ту сторону. Повернуть назад? Сколько потерянного времени! Я продолжал упорно идти вперед. Вдруг каньон сузился. Ясное дело — иду не в ту сторону. Назад скорее!

Солнце уже палило немилосердно. Пришлось накрыться белым плащом. Голод все больше мучил меня, начала сказываться и усталость, но я прыгал и прыгал, словно за мной гнались неведомые чудовища. Внезапно мне путь преградила трещина. Она невелика, через нее можно перескочить. Но этой трещины я не встречал, когда шел сюда! Или, замечтавшись, я перепрыгнул ее, не заметив? Меня прошиб холодный

пот. Сердце лихорадочно забилось. Гибну! Я принужден был лечь, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя. С черного неба на меня смотрело синее мертвое Солнце. Вот так же безучастно оно будет освещать мой труп... Нет, нет! Я еще не умер! У меня есть запас кислорода и энергии... Вскочив, одним махом я перелетел через трещину и побежал... Куда? Вперед, назад — все равно, только бы двигаться!

Каньон расширился. Я прыгал безостановочно не менее часа, пока не упал, вконец изнеможенный. И тут впервые по-настоящему почувствовал недостаток воздуха. Это уже не было самообманом. В движении я слишком много тратил кислорода, и запас его истощился раньше времени.

Конец, конец... Прощай, Тоня!.. Армения...

В голове начало мутиться...

И вдруг я увидел над собой ярко освещенный Солнцем бок нашей яйцевидной ракетки. Меня ищут! Спасен! Собрав последние силы, вскакиваю, машу руками, кричу, совершенно забывая о том, что мой крик не уйдет дальше скафандра... Увы! Радость угасла так же быстро, как и вспыхнула: меня не заметили. Ракетка пролетела над каньоном и скрылась за вершиной горы...

Это была последняя вспышка энергии. Затем мною овладело безразличие. Недостаток кислорода сказывался. Тысячи синих солнц замелькали перед глазами. В ушах зашумело, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени пролежал я без чувств. Потом, еще не открывая глаз, я глубоко вздохнул. Живительный кислород вливался в мои легкие. Я открыл глаза и увидел над собой склоненное лицо Соколовского. Он озабоченно смотрел в стекло моего скафандра. Я лежал на полу внутри нашей ракеты, куда, очевидно, меня принесли. Но почему же они не снимают с меня скафандра?

— Пить... — произнес я, не соображая, что меня не слышат. Но Соколовский, вероятно, по движению губ понял мою просьбу. Он усадил меня в кресло и, подвинув свой скафандр к моему, сказал:

— Вы хотите пить и есть, конечно?

— Да.

— К сожалению, придется потерпеть. У нас авария.

Горный обвал в ущелье причинил некоторые повреждения ракетке. Камнями разбиты оконные стекла.

Я вспомнил «сторонние» удары, которые почувствовал, когда мы вылетали из «ущелья Смерти». Тогда я не обратил на них внимания.

— У нас есть запасные стекла, — продолжал Соколовский, — но, чтобы вставить их и запаять, нужно немало времени. Словом, мы скорее доберемся до нашей большой ракеты. Лунное путешествие придется закончить.

— А зачем вы меня принесли внутрь ракеты?

— Затем, — отвечал Соколовский, — что мне придется развить очень большую космическую скорость, чтобы за два-три часа доставить вас на место. Взрывы будут сильные, увеличение тяжести тела многократное. Вы же слишком слабы и не удержитесь на верхней площадке. Да и профессор Тюрин тоже будет вместе с вами в кабине.

— Как я рад, дорогой мой, что вы живы! — услышал я голос Тюрина. — Мы уже потеряли надежду найти вас...

В этом голосе была неожиданная теплота.

— Теперь лягте лучше на пол. Я тоже лягу с вами, а товарищ Соколовский сядет у руля.

Через минуту наша ракета с разбитыми стеклами уже взвилась над горными вершинами. Крутой поворот на запад. На мгновение ракетка почти легла на бок. Под собою я увидел бездну лунной трещины, которая едва не погубила нас, и посадочную площадку с каньоном. Ракетка дрожала от взрывов. Тело словно наливалось свинцом. Кровь приливала то к голове, то к ногам. У меня опять начали мутиться мысли... Я впал в легкий обморок, который на этот раз преодолел сам. Кислород — великолепное живительное средство. Чувствовалось, что Соколовский позаботился о том, чтобы в мой скафандр поступали усиленные дозы кислорода. Но давление не должно было превышать одной атмосферы, иначе не выдержал бы костюм. Он и так раздулся, как раздувается водолазный, когда «заедает» золотник, выпускающий излишек воздуха.

К концу этого путешествия я оправился настолько, что мог самостоятельно выйти из ракетки и перебраться в наш большой межпланетный корабль.

С каким удовольствием я сбросил костюм «водолаза»! А пил и ел за пятерых!

К нам быстро вернулось хорошее расположение духа. И я уже со смехом рассказывал о своих злоключениях, о научных открытиях и никак не мог простить себе того, что упустил «лунную черепаху», которую принял за камень. Впрочем, я уже сомневался в ее существовании. Быть может, это была только игра моего расстроенного воображения. Но мхи, «ползучие мхи», лежали в моей сумке, как трофей, принесенный из «страны Снов».

Наша экспедиция на Луну, при всей ее кратковременности, дала богатые научные результаты. У нас было много сенсаций для земных ученых.

Обратный путь прошел хорошо. Не было той подавленности, которая невольно овладевает человеком перед неизвестным. На Звезду Кэц мы летели, как «домой». Но где она? Я посмотрел на небо. Где-то вверху над нами висел серп «новоземли». Внизу половину небосклона занимала Луна. Несмотря на то, что я едва не погиб на ней, ее вид не возбуждал страха.

Я ходил по этой Луне, следы наших ног остались на ее поверхности, «кусочки Луны» мы везли с собой на Кэц, на Землю. Это по-новому сближало, почти роднило нас с Луной...

ЗВЕЗДНЫЕ БУДНИ

— Ну-ка, покажитесь, покажитесь! — говорила Меллер, поворачивая Тюрина во все стороны. — Загорел, помолодел «паук». Прямо женихом стал! А мышцы? Да не прыгайте, не форсите. Дайте пощупать ваши мышцы. Бицепсы слабоваты. А ноги хорошо окрепли. На сколько лет опять в своей паутине завязнете?

— Не-ет, уж теперь не завязну, Анна Игнатьевна! — отвечал Тюрин. — Скоро снова на Луну полечу. Там много работы. На Марс, на Венеру полечу.

— Ишь, расхрабрился! — пошутила Меллер. — Дайте-ка я вам анализ крови сделаю. Сколько кровяных шариков прибавило вам лунное Солнце... Лунные жители — редкие пациенты.

Покончив с врачебным осмотром, я поспешил к Тоне.

Мне казалось, что она уже вернулась на Звезду. Только теперь я почувствовал, как соскучился по ней.

Я мчался по широкому коридору. Тяжесть на Кэце была меньшая, чем на Луне, и я, как балерина, едва касаясь носками пола, порхал наподобие летучей рыбы. Кэцовцы поминутно останавливали меня и расспрашивали о Луне.

— Потом, потом, товарищи, — отвечал я и летел дальше.

Вот и ее дверь. Я постучал. Из-за двери выглянула незнакомая девушка. Каштановые волосы обрамляли ее лицо с большими серыми глазами.

— Здравствуйте, — растерявшись произнес я. — Мне хотелось видеть товарища Герасимову. Разве она переселилась из этой комнаты?

— Товарищ Артемьев? — спросила меня девушка и улыбнулась, как старому знакомому. — Герасимова еще не вернулась из командировки и вернется не скоро. Я пока занимаю ее комнату. Сейчас она работает в физико-технической лаборатории.

Вероятно заметив мое огорчение, она прибавила:

— Но вы можете поговорить с ней по телефону. Зайдите в радиорубку.

Наскоро поблагодарив девушку, я помчался на радиотелефонную станцию. Пулей влетел в комнату радиста и крикнул:

— Физико-техническую лабораторию!

— Сейчас, — сказал он и завертел ручки аппарата. — Товарища Герасимову? Сию минуту... Алло! Алло! Пожалуйста.

— Я Герасимова. Кто со мной говорит? Артемьев?

Если эфир не лжет, в ее голосе слышится радость.

— Здравствуйте, я так рада вас слышать! Вы чуть не погибли? Я узнала об этом еще до вашего прилета. Нам сообщили из лунной ракеты... Но все хорошо, что хорошо кончается. А я здесь веду очень интересные работы в лаборатории абсолютного холода. Она устроена на балконе теневой стороны нашей ракеты. Приходится работать в межпланетных костюмах. Это несколько неудобно. Но зато абсолютный холод, что называется, под рукой. Я уже сделала несколько интересных открытий в области сопротивления полупроводников при низких температурах...

И она начала говорить о своих открытиях. Когда же она скажет о чернобородом и Палее? Самому как-то неудобно спрашивать. Она собиралась побывать на Кэце, но не ранее как через «земной» месяц.

— А как ваши поиски? — не утерпел я.

Но увы, в этот самый момент радист сказал:

— Срочный вызов ракеты Кэц-восемь. Простите, я должен прервать ваш разговор.

Я вышел из радиостанции расстроенный. Тоня обрадовалась мне, это очевидно. Значит, она все-таки неравнодушна ко мне. Но говорила она больше о своих научных работах. И ни слова о Палее. И я не скоро увижу ее...

В коридоре меня остановил молодой человек:

— Товарищ Артемьев, я вас ищу. Директор вас просит к себе.

Пришлось отправиться к Пархоменко. Он очень подробно расспрашивал меня о нашем путешествии на Луну. А я рассказывал довольно бестолково.

— Вижу, вы утомлены сегодня, — сказал директор. — Отдыхайте, а завтра принимайтесь за работу. Наш биолог товарищ Шлыков уже давно поджидает вас.

Мне хотелось скорее остаться одному. Но я был голоден и отправился в столовую. Там мне пришлось рассказать кэцовцам о путешествии. Я прямо стал знаменитостью — один из первых людей, побывавших на Луне! Меня слушали с огромным вниманием, мне завидовали. В другое время все это заняло бы меня, но сейчас я был огорчен тем, что не повидался с Тоней. Скомкав свой рассказ и отговорившись усталостью, я, наконец, добрался до своей комнаты. В мое отсутствие к стене привесили откидную кровать из тончайшей сетки. В матрацах не было нужды. Я улегся на кровать и отдался своим думам... Так и уснул, перелетая мыслью с Луны на Васильевский остров, в свою лабораторию, от Тони к неведомому Палею...

* * *

— Товарищ Артемьев! Товарищ Артемьев!..

Я проснулся и вскочил. У дверей комнаты стоял молодой человек с бритой головой.

— Простите, что я разбудил вас. Но, кажется, вам все равно пора вставать. Мы с вами немного знакомы. Помните, в столовой? Аэролог Кистенко. Я вас расспраши-

вал о лунных мхах. Весть об этом уже дошла до города Кэц. Земные кэцовцы просят прислать образец. А я как раз посылаю в город Кэц аэрологическую ракету.

— Пожалуйста, — ответил я, вынимая из сумки кусочек «войлока».

— Отлично. Этот мох, кажется, тяжелее земного, но, в общем, весит немного. Вы удивляетесь, что я говорю о весе? Но ведь моя ракета полетит на Землю. Каждый день я отправляю в город Кэц по одной ракете. По пути на Землю она автоматически производит все аэрологические записи — состав атмосферы, интенсивность космических излучений, температуру, влажность и прочее на разных расстояниях от Земли. Примерно три четверти пути ракета управляется радиолучом Звезды Кэц, а затем ее перехватывает радиолуч города Кэц. И она падает на автоматически раскрывающемся парашюте в строго определенной точке, на площадке в один квадратный метр. Недурно? В этой же ракете отправляется и почта... Вес ракеты рассчитан точно. Поэтому важен вес мха. Еще раз благодарю вас.

Он ушел, я посмотрел на часы. По «земному», ленинградскому времени было уже утро. Я позавтракал и отправился на работу.

Открыв дверь кабинета биолога Андрея Павловича Шлыкова, я на минуту остановился. Уж очень этот кабинет не был похож на земные кабинеты «завов». Если Тюрина можно было сравнить с пауком, притаившимся со своей паутиной в темной узкой щели, то Шлыков походил на гусеницу в зеленом саду. Весь кабинет его был наполнен вьющимися растениями с очень мелкой листвой. Это была как бы зеленая пещера, освещенная яркими лучами солнца. В глубине ее на плетеной кушетке полулежал Шлыков, полный, бронзово-загорелый мужчина средних лет. Он показался мне несколько вялым и как будто полусонным. У него были тяжелые, словно набрякшие, веки. Когда я появился, сонные веки поднялись, и я увидел серые, очень живые умные глаза. Их живость не гармонировала с его медлительными движениями.

Мы поздоровались. Шлыков стал расспрашивать меня о Луне. Образчик мха уже лежал возле него на длинном алюминиевом столике.

— Я не вижу ничего удивительного в том, что вы нашли на Луне этот мох, — сказал он раздельно и тихо.—

Споры бактерий, споры плесневых грибков, известных на Земле, могут переносить очень низкую температуру, до двухсот пятидесяти градусов ниже нуля, сохраняя жизнеспособность. Дыхание? Оно может быть и интрамолекулярным, причем даже кислород не обязателен, хотя бы и в связанном виде. Вспомните наших азотобактерий. Питание? Вспомните наших амеб. Они не имеют даже рта. Если они находят «съедобный» кусочек, то обволакивают его всем телом и ассимилируют. Вот с вашей «черепахой» дело несколько сложнее. Но я не отрицаю возможности существования и более сложных животных на Луне. Приспособляемость организмов почти беспредельна... Ну что же, начало положено. И скоро мы будем знать о прошлом органической жизни Луны не меньше, чем о прошлом нашей Земли.

Шлыков остановился, записал что-то в книжке и продолжал:

— Теперь о нашей работе. Наша первейшая задача на Звезде Кэц, — я говорю о нас, биологах, — состоит в том, чтобы максимально использовать растения для наших нужд. Что могут давать нам растения? Прежде всего пищу. Затем очищение воздуха и воды и, наконец, материал отбросов, который мы должны утилизировать до последней молекулы.

Мы должны переделывать, изменять, усовершенствовать растения так, как нам нужно. Можем ли мы сделать это? Вполне. И гораздо легче, чем на Земле. Здесь нет ни заморозков, ни засухи, ни ожогов солнечными лучами, ни суховеев. Мы искусственно создаем любой климат для любого растения. Температура, влажность, состав почвы и воздуха, сила солнечного излучения — всё в наших руках. На Земле в оранжереях можно создать лишь относительное подобие того, что мы не имеем на Звезде Кэц. У нас здесь есть короткие ультрафиолетовые лучи, которые никогда не достигают поверхности Земли, рассеиваясь в ее атмосфере. Я говорю о космическом излучении. Наконец, отсутствие тяжести. Вы, конечно, знаете, как действует земное притяжение на рост и развитие растений, как они реагируют на это притяжение...

— Геотропизм, — сказал я.

— Да, геотропизм. Корни чувствуют направление силы земного притяжения так же, как стрелка компаса север. И если корень отклоняется в сторону от этого на-

правления, то лишь в «поисках» влаги, пищи. А как происходит деление клеток, рост, формирование растений при отсутствии силы тяжести? Здесь мы имеем лаборатории, в которых сила тяжести отсутствует совершенно. Поэтому мы ставим опыты, которые на Земле невозможны. Разрешив неясные еще вопросы жизни растений, мы переносим наш опыт в условия земной весомости. Я хотел бы, чтобы вы начали свою работу с изучения геотропизма. В Большой оранжерее работает ассистент Крамер, в лаборатории вам будет помогать новая сотрудница Зорина.

Шлыков замолчал. Я было повернулся к двери, но он жестом руки остановил меня:

— Растения — это еще не всё. У нас удивительно интересные работы над животными. Там работает Фалеев. Я им не очень доволен. Вначале он работал хорошо, а в последнее время словно его подменили. Если бы вы заинтересовались этим делом, я перевел бы вас туда. Побывайте, во всяком случае, в этой лаборатории, посмотрите, что там делается. А сейчас отправляйтесь в Большую оранжерею. Крамер познакомит вас с нею.

Тяжелые веки опустились. Кивнув мне на прощанье головой, Шлыков углубился в свои записи.

У КРАМЕРА ПОРТИТСЯ ХАРАКТЕР

Я вылетел в коридор.

— Товарищ Артемьев! Вам письмо! — услышал я за собою голос. Молодая девушка-«почтальон» протянула мне конверт. Я схватил его с жадностью. Это было первое письмо, полученное мною на Звезде Кэц. Почтовая марка. Штемпель — Ленинград. У меня от волнения забилось сердце.

— Письмо из Ленинграда, — сказала девушка. — Я никогда не была в этом городе. Скажите, хороший город?

— Замечательный город! — с горячностью ответил я. — Это самый лучший город после Москвы. Но мне он нравится даже больше, чем Москва.

И я с увлечением начал рассказывать ей о чудесных новых кварталах Ленинграда, подступивших к Стрельне и Пулковским высотам, о его изумительных парках, о живописных каналах, придающих ему вид Венеции, о

метрополитене, о ленинградском воздухе, совершенно очищенном от копоти фабричных труб и пыли, о стеклянных перекрытиях, защищающих пешехода от ветра на многочисленных мостах, о зимних садах для детей, о первоклассных музеях, о театрах, о библиотеках...

— Даже климат его стал лучше, — говорил я. — Торфяные болота на сотни километров вокруг осушены, заболоченные реки и озера приведены в культурный вид, кое-какие каналы в черте города засыпаны и превращены в аллеи или покрыты сплошными мостами-автострадами. Влажность воздуха значительно уменьшилась, а чистота его дала ленинградцам дополнительный солнечный паек. Теперь у нас всякому автомобилю и грузовику, въезжающим в черту города, колеса окатывают водой, чтобы они не заносили в город грязи и пыли. Да что говорить! Ленинград — это Ленинград!

— Непременно побываю в Ленинграде, — сказала девушка и, кивнув головой, «упорхнула».

Я распечатал письмо. Мой лаборант сообщал мне, что в лаборатории заканчивается ремонт. Устанавливается новое оборудование. Покончив с установкой новейшей аппаратуры, лаборант отправляется в Армению вместе с профессором Габелем, так как на мое скорое возвращение они потеряли надежду.

Я был взволнован. Может быть, бросить все и полететь на Землю?..

Появление Крамера изменило направление моих мыслей. А когда я увидел оранжерею, то сразу забыл обо всем. Сильное впечатление произвела она на меня.

Но попал я туда не сразу. Крамер предложил мне надеть «водолазный» костюм, хотя и более облегченного типа, чем для вылазок в межпланетное пространство. Костюм был снабжен радиотелефоном.

— В оранжерее давление значительно ниже, чем здесь, — объяснил Крамер. — И в ее атмосфере гораздо больше углекислоты. На Земле углекислота составляет всего одну трехтысячную часть атмосферы, в оранжерее — три сотых, а в некоторых отделениях — еще выше. Это уже вредно для человека. Но зато для растений!.. Растут, как в каменноугольном периоде!

Крамер вдруг залился беспричинным продолжительным смехом, даже слишком продолжительным, как мне показалось.

— В этих скафандрах, — сказал он, когда приступ смеха прошел, — имеется радиотелефон, так что нам не надо будет прислонять головы друг к другу, чтобы разговаривать. Скоро таким радиотелефоном будут снабжены и межпланетные скафандры. Это очень удобно, не правда ли? Его сконструировала, кажется, ваша знакомая, которую вы привезли с Земли.

Крамер подмигнул мне и снова захохотал.

«Неизвестно, кто кого привез, — подумал я. — И почему Крамер сегодня так дико хохочет?..»

Мы пошли сквозь атмосферную камеру и не спеша направились по длинному коридору, соединяющему ракету с оранжереей.

— У нас несколько оранжерей, — болтал Крамер без умолку. — Одна длинная, которую вы видели подлетая. Ха-ха-ха! Помните, как вы едва не улетели и я привязал вас, как собачку. Сейчас мы идем к новой, конической оранжерее. На ней, как и на ракете, существует вес, но очень незначительный. Всего тысячная доля земного. Лист, сорвавшийся с дерева на высоте метра от пола, падает целых двадцать секунд. Но этой силы тяжести вполне достаточно, чтобы все отбросы и пыль осаждались вниз и чтобы созревшие плоды падали на почву, а не витали в пространстве... Вы еще не купались в «невесомой ванне»? Замечательно! «Пошел купаться Веверлей...» — вдруг запел он и вновь разразился диким смехом. — У нас ведь есть еще несколько опытных лабораторий, где сила тяжести совершенно отсутствует. Там и ванна... Ну вот мы и пришли. «Завеса сброшена...» — продекламировал он, открывая дверь.

Сначала меня ослепил свет. Потом, приглядевшись, я увидел колоссальной величины тоннель, расширяющийся воронкой. Входная дверь находилась в узком основании воронки. На противоположном конце воронка замыкалась огромной стеклянной полусферой выпуклостью наружу.

Сквозь стекла лились потоки света. Сила его была необычайна. Словно тысячи прожекторов при киносъемках слепили глаза. Стены тоннеля утопали в зелени всевозможных оттенков от ярко-изумрудного до почти черного. Этот зеленый ковер пронизывали узкие мостки с легкими перилами из алюминия. Зрелище было изумительное. Но еще больше удивился я, когда ближе познакомился с отдельными растениями. Я, биолог, ботаник, специально изу-

чающий физиологию растений, оказывается, не имел ни малейшего представления о том, до какой степени растения могут быть податливым, «пластическим» материалом, как может измениться их внешний вид и внутренняя структура.

Мне хотелось все обстоятельно и спокойно осмотреть. Но над ухом назойливо жужжал Крамер:

— Это все Шлыков! Он гений. Скоро у него растения будут танцевать на задних ножках, как собачки, и петь по-соловьиному. Выдрессирует! «Зерновые хлеба, — говорит он, — используют одну шестидесятую долю солнечной энергии, а банан в сто раз больше. И дело не только в климате. Можно заставить все растения повысить использование энергии в сотни раз».

— Он уже мне говорил об этом, — попробовал я прекратить словоизлияния Крамера, но тот не унимался:

— И Шлыков достиг этого. А результаты? Не угодно ли посмотреть на этот экземпляр? Что вы о нем скажете? Ха-ха-ха!

Я стоял в молчаливом удивлении. Передо мною был куст ростом с человека; листья в ладонь, а красные сочные плоды величиною с большой арбуз напоминали землянику. Это и была чудовищная земляника. Кустик не стлался по земле, а тянулся вверх. На тонком стебле висели эти огромные ягоды. (Вот что значит отсутствие тяжести!) Одни из них были совершенно красные, другие еще не созрели.

— Каждый день мы снимаем десяток таких «ягодок» с одного этого куста, — тараторил Крамер. — Одни снимаем, другие дозревают. Лезут беспрерывно. Наши растения не знают даже того двухнедельного отдыха, который имеют на Земле тропические растения. Гони и гони! Вбирай лучи Солнца, отбросы и воду из почвы и превращай их в эти вкусные плоды. А Солнце здесь не заходит. Атмосфера оранжереи всегда прозрачна. Это одно. Второе — в здешней атмосфере уйма углекислоты, как во время каменноугольного периода.

— Вы уже говорили мне про углекислоту.

— Взгляните-ка на эти листья, — продолжал Крамер, нисколько не смутившись. — Они почти черные и поэтому поглощают чуть ли не целиком солнечную энергию, но перегревания растений не происходит. Только уменьшается испарение воды. Вы знаете, сколько энергии тра-

тит растение на испарение? В тридцать пять — сорок раз больше, чем на полезную работу. А здесь эта энергия идет в «мясо». Видите, листья толстые, мясистые. Некоторые из них совсем лишены устьиц. А плоды какие огромные! Зато вот этот экземпляр только и делает, что выделяет воду, — сказал он, указывая на растение, с конца листьев которого капала вода. — Не растение, а Бахчисарайский фонтан. Видали «фонтан Слез»? Капает и капает! Это наш естественный фильтр.

— А вот тоже интересное растение, — продолжал он, двигаясь по узкому мостику. — «Киоск фруктовой воды», так сказать, сокоточащая рана. Видите: разрез на стволе, трубочка, и из нее тоже капает. Попробуйте на язык. Вкусно? Сладко? Лимонад! Обратите внимание на почву — измельчение частиц идеальное. И полезных бактерий на каждую тысячу твердых частиц приходится не одна, а несколько десятков. Зато посмотрите на горох, бобы, фасоль. Как яблоки!

А вот эти стеклянные отделения существуют для того, чтобы создать для некоторых растений особые условия: самый подходящий состав газовой среды, наилучшую температуру. Вредители отсутствуют. Сорняки отсутствуют. Светофильтры дают благоприятный состав лучей... Ира! Ира! Что ты делаешь, сумасшедшая? — вдруг испуганно закричал он, подпрыгнул и полетел по оранжерее. — Ира! Ира! — кричал он где-то за кустами, словно его резали на части.

Что случилось с этим человеком? Еще недавно он был спокойный, добродушный малый. А теперь у него страшно повышенная возбудимость. Я не мог понять, что́ так взбесило его. Я слышал шум, шипенье и видел, как опавшие листья летели от широкого конца воронки к узкому.

— Зачем ты пустила вентилятор с такой силой? Ураган хочешь устроить? — орал Крамер. — Поломать растения?.. Убавь силу, не то я тебя на Землю сброшу!

Шум и движение листьев уменьшились. Откуда-то послышался пискливый голос:

— Вчера ведь сам распорядился ставить вентилятор на двадцать шесть...

— Это тебе приснилось!

Я медленно продвигался к стеклянной полусфере, поминутно задерживаясь у особо интересных растений. На тончайших стеблях ярким пламенем горели цветы мака.

«Коробочки» его были величиною с голову грудного ребенка.

— Вот видишь? Вот видишь, как шатается и роняет семена мак! — кричал он.

Семена эти были с горошину.

Многометровый горох тянулся к середине «воронки». Корзинка подсолнуха в полметра диаметром почти не поднималась над почвой. Огурцы, морковь, картофель, земляника, малина, смородина, крыжовник, слива, рожь, пшеница, овес, гречиха, свекловица, конопля... Я едва узнавал их: так были изменены их размеры и формы.

Не раз я останавливался в полном недоумении: что же это такое?..

Земные карлики превращались в гигантов и, наоборот, земные древесные великаны превращались в карликов. В особых, несколько затемненных местах росли грибы — чудовищные шампиньоны...

А вот субтропики и тропики. Карликовые фиговые деревья с гигантскими плодами, чайные, кофейные, какаовые деревья, кокосовые пальмы величиною с зонтик, но с плодами, вдвойне превышающими земные размеры.

В одном стеклянном ящике я увидел настоящий тропический лес карликовых размеров. Пальмы, бананы, папоротники... Не хватало только слонов величиною с крысу, чтобы вообразить себя Гулливером в стране лилипутов...

Какими ничтожными казались мне все мои «земные» достижения!

Как легко разрешаются здесь проблемы, над которыми я так много лет ломал себе голову. Здесь в продолжение всего года свежие фрукты и овощи, и заводы, которые их перерабатывают, могут работать круглый год без перебоя...

А разве опыт Звезды Кэц нельзя перенести на Землю? Взять хотя бы Памир. На высоте Памира ультрафиолетовых лучей меньше, чем на Звезде Кэц, но гораздо больше, чем в местностях, лежащих на уровне моря. Плоскогорье Памира можно превратить в сплошную оранжерею. Все расходы окупятся. В оранжерее можно создать любую атмосферу, увеличить количество углекислоты...

А безоблачное небо тропиков с их жарким климатом и изобилием солнечных лучей?.. Когда мы окончательно победим джунгли, миллионы людей найдут там кров и пищу.

А земные пустыни? Мы уже успешно ведем там борьбу с песками, с безводьем. Но сколько еще пустынь на Земле! И мы призовем на помощь Солнце, используя опыт Кэца. Солнце, выпившее воду, убившее своим зноем растения, возродит пустыни. Они станут сплошным зеленым садом...

Нет, земному шару никогда не будет угрожать перенаселение! Человечество может смело смотреть в будущее!..

— Или у вас столбняк, Артемьев? — услышал я резкое восклицание Крамера.

— Простите, замечтался, — ответил я, вздрогнув от неожиданности.

Я оглянулся — оранжерея-конус ожила. По узким дорожкам летали молодые девушки с корзинками. Их яркие, разноцветные костюмы выделялись на зеленом фоне, как цветы. Девушки собирали плоды. Невидимая музыка сопровождала их работу.

— Мифологическая картина, — расхохотался Крамер. — Звездные девушки! Сказка наших дней! Скоро их заменят автоматами... Однако нам пора идти. Я еще не показал вам лабораторию. Она находится вне Звезды Кэц. Там полная невесомость. Придется переодеваться в межпланетные костюмы и перелетать довольно большое пространство. Вам пора научиться управлять портативной ракетой. Так и знайте: если вы улетите на этот раз, я не буду гоняться за вами!

Но на этот раз я «стрелял» более умело и не отставал от Крамера. И все же этот небесный перелет доставил мне некоторое волнение. У меня начала стынуть правая нога. Я забеспокоился, нет ли повреждения в костюме, не просачивается ли мировой холод. Но оказалось, что нога находилась в тени. Я повернул ногу к свету, и она согрелась.

Вот и лаборатория. Она имеет вид цилиндра. Внутри цилиндр разделен стеклянными перегородками. Из отсека в отсек приходится переходить через «изоляционные» камеры, потому что давление и состав воздуха в каждом отсеке различны. В одной стороне цилиндра во всю его длину — окна, на противоположной — растения. Некоторые из них посажены в стеклянные сосуды, чтобы можно было видеть развитие корней. Это меня удивляет: корни не любят света. Часть растений на грядках, другая — в горшках, которые расставлены рядами в воздухе. И ра-

стут они необычайно: ветви и листья расходятся в виде лучей от горшка к окну. У одних корни развиваются «вверху», у других — «внизу». Но у большинства корни на затемненной стороне. Отсутствие силы тяжести как бы уничтожило силу геотропизма, и здесь, по-видимому, «направление» роста дает только гелиотропизм — сила, которая направляет растения к источнику света.

— Оставь! Уйди! Говорю тебе, уйди! — слышу я чей-то женский голос и смех Крамера.

Гляжу в конец лаборатории и вижу сквозь стекла перегородок молодую девушку в лиловом костюме. Она витает где-то под «потолком», а Крамер, махая крыльями, подлетает к ней и толкает ее. Девушка, отлетев в сторону, ударяется о «потолок», летит к противоположной стороне, стараясь при помощи таких же крыльев-вееров принять неподвижное положение. Ей, видимо, нужно стать лицом к темно-зеленому кусту. Но в мире невесомости не так-то легко принять нужное положение. Оставив веера, девушка снимает привязанный к поясу металлический диск и устанавливает его в пространстве ребром к себе, как тарелку, которую несут в руках. Потом она поворачивает диск, и он вертится в одну сторону, девушка — в обратную. Чтобы повернуться по вертикальной оси, девушке приходится ставить диск боком, ребром вверх. Теперь диск поворачивает ее тело, как на трапеции.

Я приближаюсь к Крамеру и девушке. Мне кажется, я где-то видел ее. Да, так и есть, она живет в комнате Тони! Значит, мне с ней придется работать. Я смотрю на нее сбоку и вверх, она и Камер смеются, видя мои нелепые движения. Я чувствую себя рыбой, вытянутой из воды. Но девушка управляется с диском и крыльями не лучше меня. Один Крамер плавает, именно плавает, как рыба в воде. Он продолжает вертеться вокруг девушки, ставя ее то вверх, то вниз головой по отношению к себе. Она и сердится и смеется. Потом Крамер, взглянув на меня, говорит:

— Знакомьтесь, Зорина!

— Мы уже встречались, — отвечает Зорина и кивает мне головой.

— Ага, знакомы? Тем лучше, — почему-то сердито говорит Крамер. — Ну, идемте, Артемьев. Ванна рядом. Перед работой и после работы мы здесь принимаем ванну.

Узкими переходами мы пробираемся в новый цилиндр — «предбанник» — диаметром около четырех метров и почти такой же длины. Там мы раздеваемся, пролезаем в круглое отверстие и попадаем в «ванну». Это цилиндр такого же диаметра, но значительно длиннее. Гладкие алюминиевые стенки, боковое освещение — и ни капли воды. Я останавливаюсь на самой середине цилиндра и никак, без диска и крыльев, не могу добраться до стенок. Вишу в пустоте. Крамер возится у входа. Но вот он повернул ручку, что-то зашумело, и из крана, находящегося в круглой плоской стенке, замыкающей цилиндр, показалась вода. Струя под напором ударила меня и разбилась на капли и шары. Я отлетел в сторону. Водяные шары, летая вокруг меня, сталкивались, все увеличиваясь в размерах.

В тот же самый момент цилиндр начал вращаться на продольной оси все быстрее и быстрее. Получилась центробежная сила. Капли и шары начали оседать на стенках. И скоро стенки цилиндра были покрыты метровым слоем воды. Вода была всюду — справа, слева, стояла сводом над головой. Только центральная часть цилиндра, по его большой оси, оставалась пустой. Я почувствовал, как меня начинает «притягивать» ближайшая стенка. Через несколько минут я погрузился в воду. А еще через несколько секунд стоял «на дне». Крамер оказался на противоположной стенке цилиндра, головой ко мне. Но оба мы чувствовали себя вполне устойчиво: ходили по дну, плавали, ныряли. Эта необычайная ванна мне очень понравилась. Тяжесть тела была небольшая, и держаться на воде было очень легко.

Крамер подплыл к входному отверстию и повернул медную ручку. Вода начала быстро убегать в небольшие дырочки, движение цилиндра замедлилось. Когда он остановился совершенно, в ванне уже не было воды, а наши тела вновь стали невесомыми.

В раздевальне я неловким движением выпустил из рук костюм и долго не мог поймать его. В этом мире невесомости вещи ведут себя очень коварно. Маленький толчок — и они убегают, начинают метаться из угла в угол, от стенки к стенке — поймай их! Крамер из этого сделал игру: он бросал вещи «дуплетом в угол» и ловил их после того, как они прилетали обратно, иногда рикошетируя по нескольку раз.

— Как вам нравится Зорина? Правда, хороша? — неожиданно спросил он меня. При этом лицо его стало злым и мрачным. — Вы смотрите! — угрожающе произнес он.

Уж не приревновал ли он Зорину ко мне? Вот чудак!

— Ну, теперь я вас провожу в зоологическую лабораторию, — сказал Крамер, подозрительно посмотрев на меня. — Мы можем пройти туда «тоннелем». Я доведу вас и оставлю.

Действительно, он покинул меня у самой двери лаборатории и на прощанье многозначительно повторил:

— Так смотрите же!

— На что смотреть? — не утерпел я.

Лицо его вдруг перекосилось.

— Вы не будете, так я буду смотреть в оба! — процедил он сквозь зубы и удалился.

Что за дикий, нелепый человек!

Я уже взялся за ручку двери, как Крамер вернулся. Держась кончиком ноги за ремешок в стене, «стоя» передо мной под углом в шестьдесят градусов, он сказал:

— И вот еще что. Я вам не верю! Зачем вы прилетели сюда? Уж не за тем ли, чтобы познакомиться с работами Шлыкова и, улетев обратно на Землю, выдать там эти работы за свои? Шлыков — гений! И я не позволю никому...

— Послушайте, Крамер! — возмутился я. — Или вы больны, или должны отвечать за свои поступки. Вы оскорбляете меня без всякого основания. Подумайте сами, какую чепуху вы несете! Кто из нас теперь способен выдавать чужие труды за свои? И к чему? В какое время и где мы живем?

— Так помните же! — прервал он меня и, сделав огромный прыжок, скрылся в тоннеле.

Я был озадачен. В чем дело? Машинально открыв дверь, я вошел в лабораторию.

ЗООЛАБОРАТОРИЯ

В ту же секунду я увидел перевернутое вниз лицо человека с широко открытыми, недоуменными глазами и выдающейся челюстью.

— Ну что вы прикажете делать? — воскликнул человек, словно читая мои мысли.

Я был совершенно сбит с толку. Час от часу не легче! До сих пор я встречал на Кэце нормальных, здоровых, жизнерадостных людей, а тут сразу два каких-то психопата!

— В чем дело, товарищ? — спросил я.

— Я не знаю, как мне поступить с козликом, собственно — с его ножками. Два раза уже переделывали стойло, а ноги у козлика все растут. Не вмещаются, гнутся ножки, крючатся. Прямо хоть отрезай их!.. Вы Артемьев? А я Фалеев. Хорошо, что вы тоже биолог. Подумаем вместе. Зоологическая лаборатория самая беспокойная. Всякие рогатые, четвероногие проблемы одолели. Шлыков дает все новые и новые задания. А как их выполнить, когда результаты опытов бывают совершенно неожиданные? Отсутствие силы тяжести — это раз, действие космических лучей — два. Благодаря действию этих лучей получаются такие мутационные скачки, что руками разводишь. Да вы взгляните сами.

Фалеев довольно легко перевернулся в воздухе и, подгребая воздух широкими ладонями, поплыл по лаборатории. Я, как умел, полетел за ним.

Животными здесь совсем не пахло: видимо, уборка и вентиляция помещения поставлены идеально. Стойла представляли собой простые перегородки из сеток. Возле одного стойла я увидел огромную свинью, которая напоминала шар, вернее — гигантское яйцо. Вместе с тем ноги у свиньи были длиннейшие и тонкие, как макароны. Мягкие копытца походили на два пальца, сложенные клешней. Если бы такую свинью внезапно перенести на Землю, она расплющилась бы там в блин, раздавленная собственной тяжестью, как выброшенный из воды кит.

Козлик еще больше поразил меня. Морда его была чрезвычайно вытянута, рога — длинные и кривые, как турецкие ятаганы, ноги тонкие, полутораметровой длины и оканчивались двумя хилыми придатками, расставленными под углом в тридцать градусов, как птичьи пальцы. Ростом этот «козлик» был с большого барана, но на нем совершенно не было шерсти.

— Как голая африканская собака, — сказал Фалеев. — Это «мясной» козлик. А дальше вы увидите козла — производителя шерсти. Он совсем мал ростом, но зато его шерсть отросла на метр. И какая волна! Живая фабрика шерсти!

— Но ваш шерстяной козлик помещается, конечно, не в такой температуре? — спросил я.

— Само собой разумеется. Его мы держим в холоде, но хорошо питаем. С шерстью — это еще простое дело. Шлыков задает задачи посложнее. Вот нам нужны струны для музыкальных инструментов и лаун-теннисных ракеток. Извольте вывести породу баранов с длиннейшими кишками. Шлыков не признаёт трудностей. Он говорит, что нет ничего невозможного. А указания дает самые краткие. «Если, — говорит, — надо удлинять кишки, пробуйте разную пищу, меняйте корм». Корм кормом, а у барана вместо удлинения кишок вдруг разрастается желудок. Здесь действуют какие-то новые факторы... Вот с ногами козлика не знаю, что делать. Неужто опять перестраивать хлев? Тут прямо сказка про горох получается: прорубили пол, прорубили потолок, прорубили крышу, а он все растет. Только крыши прорубать мы не можем.

— А вы и крыши не рубите и ничего не перестраивайте, — сказал я. — Есть предположение, что космические лучи играли огромную роль в эволюции животных на Земле. Необычайно быстрые мутации, о которых вы говорите, подтверждают эту гипотезу. По-видимому, здесь происходит «скачкообразное» приспособление организмов к изменившимся условиям среды. Силы тяжести нет — тела не стоят, не имеют твердой опоры. Животные витают в воздухе. Они стремятся выйти из этого положения. Им становятся необходимы длинные конечности...

— Ну да! — перебил меня Фалеев. — Первые собаки здесь скулили неимоверно. Они часами махали лапами, как белка в колесе, чтобы дотянуться до стенки или до кусочка мяса в прищепке. И, конечно, не сдвигались с места.

— Вот-вот, поэтому ноги и растут. А вы не увеличивайте размеров помещения. Если ноги станут такими длинными, что будут доставать до любой стены, я думаю, их рост приостановится. Или же сделайте такую решетку, за которую животные могли бы хвататься. Замените эту мелкую сетку другою, с более крупными ячеями, или же сделайте загородку из прутьев. Тогда у животных будут развиваться хватательные органы. Ваши козлы и бараны станут «четверорукими», как обезьяны, приспособятся к хватательным движениям. Будут лазить по клетке. Од-

ной-двумя конечностями держаться, а свободными доставать, что им надо.

— А ведь верно! — воскликнул Фалеев. — С вами у нас дело скорее пойдет. А то я как-то в последнее время совсем растерялся, прямо отупел... Знаете, — сказал он испуганно-приглушенным голосом, — тут недолго и с ума сойти, когда на твоих глазах кошмарные чудовища рождаются... А только куда нам лучше направить приспособляемость? Может быть, прямо на то, чтобы сразу делать животных летучими? По здешним условиям это практичнее всего. Козлы летучие! Горюшко! — Он плаксиво рассмеялся. — Но про четвероруких вы тоже неплохо придумали. У одной моей кошки отрос такой хвост, что она им, как обезьянка, орудует. Где лапами не достанет, там хвост в дело пускает. Ухватится кончиком, а лапами подтягивается, как на канате. Опять же, во время прыжков она рулит хвостом, как белка-летяга. И у нее как будто между лапами перепонки образовались. Совсем летягой скоро станет. А собака Джипси? Жутко, право... Да вот я сейчас... Джипси! Джипси!..

Откуда-то донесся собачий лай. И вдруг я увидел летящее к нам чудовище. Оно махало ногами, как собака во время самого быстрого бега, но приближалось медленно. Между тонкими его пальцами были видны небольшие перепонки. Эти перепонки помогали толкать тело вперед, отбрасывая воздух. Собака была немного крупнее бульдога, тело ее покрывала редкая шерсть каштанового цвета, хвост был длинный и пушистый, морда совершенно безволосая, короткая, почти плоская нижняя челюсть была недоразвита. Это было что-то среднее между собачьей мордой, обезьяньей и лицом человека. Действительно, жуткий вид! Собака подлетела совсем близко и посмотрела мне прямо в глаза. Я невольно вздрогнул: у Джипси были большие, совсем человечьи грустные карие глаза, полные мысли... Джипси махнул хвостом, повернул свое тело и ухватился концами пальцев без когтей за край перегородки. Потом перевел глаза с меня на Фалеева. В глазах был вопрос.

Фалеев вдруг смутился, словно имел дело не с собакой, а с человеком, который ему мало знаком. Эти человеческие глаза на собачьем «лице» были страшны. Я сам почувствовал смущение.

— Вот познакомься, Джипси, — сказал Фалеев,

смотря куда-то мимо внимательных глаз собаки. — Наш новый товарищ — Артемьев.

Я полагал, что Фалеев обращается к собаке с такой речью в шутку, как многие любители собак. И я уже сделал движение рукою, чтобы погладить Джипси по его лысой голове. Каково же было мое изумление, когда собака кивнула мне головой и протянула лапу! Я был так поражен, что моя протянутая рука застыла на мгновенье в воздухе. И вместо того чтобы погладить Джипси, как простую собаку, я, пересилив себя, вежливо пожал ее теплую безволосую лапу, хотя рукопожатия на Кэце и были отменены.

— Щенята Дианы накормлены? — спросил Фалеев.

Собака отрицательно покачала головой.

— Почему? Соски с молоком не принесены?

Джипси утвердительно кивнул.

— Ну, тогда лети, Джипси, нажми седьмую кнопку. Вызови Олю и поторопи ее.

Собака, окинув меня испытующим взором, полетела в обратный путь. Я почувствовал, что мое сердце учащенно забилось.

— Видели? — тихо спросил Фалеев. — Все понимает. Только отвечать не может. Речевого аппарата не приобрела. Приходится по вопросно-ответной системе изъясняться. Зато в развитии мозга произошел колоссальный скачок. Право, жутко с такой собакой! Я стараюсь с нею ладить. Меня она как будто любит, а Крамера почему-то невзлюбила. Увидит — сердито посмотрит и улетает от него. Она сама, видно, страдает оттого, что говорить не может. Тут уж мне приходится ее собачий язык изучать.

В глубине лаборатории послышался отрывистый лай.

— Вот видите, этак она призывает меня. Что-то там не ладится! Летим к ней!

К лаю Джипси присоединился визг щенка. Мы быстро понеслись по лаборатории.

Щенок с перепончатыми лапами просунул один палец в сетку и не мог его вытащить. Он отчаянно визжал, смотря на нас взглядом ребенка. Джипси суетился возле, безуспешно пытаясь своими длинными пальцами вынуть застрявшую лапу щенка. Мы пришли на помощь и общими усилиями освободили палец.

Я решил «поговорить» с Джипси.

— Джипси! (Как трудно выдержать взгляд этих

глаз!) Ты не умеешь говорить? Хочешь, я буду учить тебя?

Джипси быстро закивал головою, и мне показалось, что в глазах его сверкнула радость. Собака подлетела ко мне и лизнула мою руку.

— Это значит, что он очень доволен. Я вижу, вы будете с ним друзьями, — сказал Фалеев. — Ну, так как же, товарищ Артемьев, где вы намерены работать? В лаборатории физиологии растений или здесь?

— Пусть решит Шлыков, — сказал я. — А пока мне придется поработать в оранжерее. До свиданья, товарищ Фалеев! До свиданья, Джипси!..

Остаток дня я провел в оранжерее. Крамер находился в мрачном настроении и со мною не разговаривал. Он молча возился возле кустов клубники. Когда Зорина подлетала ко мне с каким-нибудь вопросом, Крамер угрюмо следил за нею и за каждым моим движением. Тяжело работать в такой обстановке! Я решил просить Шлыкова перевести меня в лабораторию физиологии животных.

Когда я сообщил свою просьбу Шлыкову, он очень обрадовался.

— Я решил значительно увеличить штат зоолаборатории, — сказал он. — В оранжерею я направлю новых работников, которые сегодня прибывают с Земли. А вы отправляйтесь к Фалееву. Не понимаю, что с ним стало? С каждым днем он становится все более бестолковым и рассеянным. С ним происходит что-то неладное.

— На мой взгляд, не только с ним одним, — заметил я.

— А с кем еще? — спросил Шлыков, приподнимаясь на своей кушетке.

— С Крамером. Это был первый человек, с которым я познакомился на Кэце. Тогда он был совершенно иным. Теперь же я не узнаю его. Он стал раздражителен, подозрителен, неуравновешен. Мне кажется, его психика не в порядке, — сказал я.

— Не знаю... Я редко вижу его. Но если вы это находите, надо будет показать его Меллер. К Фалееву я перевожу и новую сотрудницу — Зорину.

— Зорину? — воскликнул я.

— А почему бы и нет? Вы имеете что-нибудь против нее?

— Против нее нет, ничего не имею, — ответил я. —

Но, мне кажется, Крамер почувствовал недоброжелательство ко мне именно из-за этой девушки. И если она будет работать в одной лаборатории со мной...

— Ах, вот в чем дело! — рассмеялся Шлыков. — На Звезде Кэц родилась ревность. Тогда понятно, почему Крамер вдруг стал неуравновешенным. Но на это не стоит обращать внимания.

Что мне оставалось делать? И я рассказал Шлыкову, что дело здесь не только в Зориной, что Крамер подозревает меня в намерении похитить и присвоить открытия самого Шлыкова, и при этом он беспричинно хохочет... Но Шлыков сказал, что все это проистекает из одного — ревности Крамера. Я решил подождать и посмотреть, как будет вести себя Крамер дальше.

НОВЫЙ ДРУГ

Началась трудовая жизнь.

Я с увлечением работал в лаборатории.

Вечерами и в выходные дни мы развлекались в клубе, в общественном саду, в кинотеатре, в гимнастическом зале. Молодежь устраивала «шарады». Делали «верблюда» из трех человек, покрытых скатертью. Зорина вскакивала на верблюда и, погоняя, неслась по коридору. Словом, забавлялись, как дети. «Старики» не отставали от «молодежи».

Один Крамер вел себя по-прежнему странно. Он то хохотал как сумасшедший, то вдруг погружался в глубокую задумчивость. Нет, это не только ревность. Меня он оставил в покое, но продолжал следить за каждым моим шагом.

Я познакомился со многими кэцовцами и даже приобрел друзей. Я все больше входил во вкус «небесного» житья-бытья и тосковал только о Тоне.

Изредка я говорил с нею по телефону. Она сообщала мне, что чернобородый все еще витает где-то между Марсом и Юпитером, в кольце астероидов, но скоро прилетит на Кэц и что она сделала какое-то очередное «поразительное открытие».

Мои новые друзья познакомили меня с небесной колонией. Молодой инженер Карибаев приглашал посетить завод, на котором он работал.

— Замечательное сооружение, — говорил он с неболь-

шим акцентом. — Целая планетка. Шар. Большой шар! Только мы живем не на поверхности, а внутри шара. В диаметре он в два километра. Шар медленно вращается. От вращения получается сила тяжести — одна сотая земной. Слабая тяжесть помогла нам поставить самые сложные производства. У нас законы рычага, жидких тел и газов не осложняются весом. Звуки и вообще разные колебания распространяются, как на Земле. Барометр, правда, не работает, но он нам и не нужен. Часы, весы — пружинные. Массу можно определить и на центробежной машине. Магнитные, электрические и другие силы действуют яснее, чем на Земле. Для процессов штамповочных машин сила тяжести не нужна. Топок с жидким и твердым горючим мы избегаем. Для выработки электрической энергии мы используем Солнце при помощи самых разнообразных машин.

Представьте себе два цилиндра. Один цилиндр в тени, другой освещен Солнцем. Солнечная теплота превращает заключенную в цилиндре жидкость в пар. Пар бежит по трубе и вращает турбину. Затем пар попадает в холодный цилиндр, который стоит в тени, и охлаждается. Когда вся жидкость из горячего цилиндра переходит в виде пара в холодный, цилиндры автоматически меняются местами. Тот, который служил холодильником, становится паровым котлом, и наоборот. Разница температур между освещенной Солнцем стороной и теневой огромная. Машина работает автоматически и безотказно. Это почти «вечный двигатель», если не считать износа трущихся частей.

Другая солнечная установка имеет вид большого шара с маленьким отверстием. Шар внутри черный. Сквозь маленькое отверстие в шар попадает собранный зеркалом луч Солнца и нагревает внутреннюю поверхность шара. Это тепло мы можем применять и для двигателя и для своих металлургических работ. Мы легко получаем шесть тысяч градусов тепла, то есть столько же, как на поверхности Солнца. Вы видели, когда летали на Луну, наш шар-завод?

— Видел, — ответил я. — Он похож на маленькую планетку.

— А позади шара заметили огромный квадрат, который закрывает часть звездного неба?

— Не обратил внимания.

— Возможно, что вы пролетели с другой стороны и «квадрат» стоял ребром к вам. Когда он освещен Солнцем, то далеко виден, как необычайная «квадратная луна». Это фотоэлемент. Тончайший медный лист в десять тысяч квадратных метров, покрытый окисью меди. От него идут невидимые издали тонкие провода. Над ним помещается еще более грандиозное сооружение, похожее на радиатор парового отопления. Термоэлектрическая установка. Металлические трубки из разного металла, спаянные посредине. При нагревании Солнцем места спая получается электрический ток.

Словом, мы имеем энергию в неограниченном количестве. Специальные металлообрабатывающие машины нетрудно было создать. Ковка, конечно, не может быть у нас применена. Молотки ничего не весят. Но ковку прекрасно можно заменить штамповкой, прессами. И поэтому на наших фабриках и заводах полное отсутствие дыма, копоти, грязи. Чистота, тишина, отличный воздух. Передвижение огромных тяжестей дается легко. Наши ловцы метеоров собрали тысячи тонн железа, меди, свинца, олова, иридия, платины, хрома, вольфрама, которые «висят» за шаром «на дворе». Нужную нам глыбу мы притягиваем на завод тончайшими проволоками. Так просто устроен наш «внутризаводской транспорт». Иногда мы пользуемся и небольшими ракетами, «безвоздушными ракетокарами», заменяющими электрокары. Преимущественно мы применяем электросварку, но иногда и непосредственную «солнцесварку». Если вы хоть немного интересуетесь техникой, непременно побывайте на нашем заводе... Кстати, где вы были сегодня в двенадцать часов утра по нашему счету времени?

— Кажется в оранжерее или в лаборатории.

— Тревогу слышали?

— Нет.

— Ну, значит, в это время вы были в лаборатории, отдаленной от Кэца. Иначе не могли бы не слышать. Сирена гудела и завывала как бешеная. Я в это время был у Пархоменко. Посмотрели бы вы, какая суета поднялась на Звезде!

— Чем же была вызвана тревога?

— Редчайшим случаем, первым в летописи Звезды. Маленький метеор, быть может величиною немного более песчинки, пронизал насквозь нашу Звезду, пробив по

пути листья растений и плечо одной нашей сотрудницы. Метеор был ничтожно мал. Об этом можно судить по тому, что образованная им в оболочке Кэц скважина сама собой запаялась, вначале расплавившись от удара. Но Горева, сквозь комбинезон и плечо которой прошел небесный гость, говорила, что видела вспышку и слышала треск, как от молнии. Сейчас же была объявлена тревога. Ведь метеор мог пробить большое отверстие в оболочке. Газ начал бы выходить, и мировой холод проник бы в ракету. Вот почему наша ракета разделена на глухие отсеки. Двери моментально герметически закрываются, и утечки атмосферы из других отделений ракеты не происходит. В отделение, где случается авария, направляются рабочие в скафандрах. Горева успела выскочить из своей комнаты прежде, чем двери автоматически захлопнулись. На всякий случай у нас, впрочем, имеются ключи. Они дают возможность открыть дверь и выбежать, если она автоматически уже закрылась. Несмотря на переполох, все шло в общем очень дисциплинированно и четко. Меллер осмотрела ранку Горевой и заявила, что никогда не приходилось ей видеть столь «стерильной» раны. Впрочем, едва ли можно назвать раной отверстие немногим больше булавочного укола. Эта «сквозная рана» не потребовала даже перевязки. Однако я заболтался, — сказал инженер, взглянув на ручные часы. — Так я вас жду!

Я обещал, что побываю на заводе непременно. Но обещанию этому не суждено было осуществиться. Иные события отвлекли меня.

* * *

Я почти переселился в зоолабораторию, часто даже не являлся обедать на Кэц; переодевание в «водолазный» костюм, атмосферные камеры—все это отнимало немало времени, а я дорожил каждой минутой. Ведь одна минута в этой лаборатории давала больше, чем многие часы на Земле: так быстро протекали здесь при опытах различные биологические процессы. Мутация мух-дрозофил происходила буквально на моих глаз. Я поражался разнообразию все новых и новых разновидностей. Я весь был поглощен исследованием законов, которые управляют всеми этими изменениями. Понять их — значит, найти новое могучее орудие произвольного управления развитием и ростом животных. Я изучал ядра клеток и находящиеся

в них хромосомы — носители наследственных признаков, — изучал хромосомные наборы, или комплекты. Я уже мог безошибочно получать у дрозофил потомство «заказанного» пола и роста.

Какие перспективы развития земного животноводства! Правда, там нет космических лучей такой интенсивности, какая существует здесь. Но на Земле уже открыли способы искусственного получения космических лучей. Там это еще слишком дорогое удовольствие, но опыты можно производить здесь, а результаты сообщать на Землю. И на Земле в особых камерах станут подвергать искусственному космическому облучению животных, для того чтобы наверняка получать желаемый результат. В стаде мы сможем получать столько коров и столько быков, сколько нам нужно, а не сколько желает природа. Мы по заказу сможем получать животных-гигантов. Слоноподобная корова каждый день даст десять ведер молока. Разве это не заманчивая задача?

За работой я не забывал Джипси. Он решительно привязался ко мне и не отлетал ни на шаг. С ним было не скучно. Правда, не легко было привыкнуть к его внешности и небывалой натуре. Но я привык, и впечатление его уродства сгладилось. Даже глаза самого Джипси повеселели.

Ведь люди не всегда вежливы со своими четвероногими друзьями. Особенно этот Крамер. «Ну ты, лысый баран! — грубо приветствовал он Джипси, встречаясь с ним. — Не подходи!» — и грозил кулаком. Понятно, что Джипси терпеть его не мог.

Обучение Джипси «говорить» сводилось к созданию «условного языка». Мне приходилось запоминать те звуки, которые издавал Джипси по тому или иному поводу. Звуки эти мало походили на членораздельную речь, но всё же они отличались друг от друга. Джипси сам стал помогать мне, обращая внимание на интонацию, силу тона, паузы. Так, постепенно, мы начали довольно свободно изъясняться друг с другом. Неудобство было только в том, что Джипси все же оставался «иностранцем», которого мог понять один я. Тем больше он ценил и любил меня. Он часто лизал мне руки — это собачье выражение ласки у него осталось. Да и как иначе он мог проявить свои нежные чувства?

Забавно было смотреть на Джипси, когда он с вели-

чайшей заботливостью и терпением обучал молодых щенят двигаться, «летать» в невесомом пространстве. Жаль, что эти картины не были засняты на кинопленку!

Глядя на него, я думал: как плохо мы еще используем животных для служения человеку! Джипси с его перепончатыми лапами мало приспособлен для движения по Земле. Его мышцы и скелет, вероятно, ослаблены. Но ничего нет проще создать здесь тип высокоразвитой собаки, годной для земных условий. Нужно только выращивать этих собак при искусственной тяжести. Развитие же их мозга при влиянии интенсивнейших космических лучей идет здесь гораздо быстрее, чем на Земле. Я заметил у Джипси необычайно тонкий нюх и слух. Он мог бы быть не только прекрасным сторожем, который при случае может зажечь сигнальные огни, позвонить в звонок, вызвать лаем по телефону, но и своего рода живым реактивом на производстве. Он чувствует малейшие изменения запаха, температуры, звука, цвета и тотчас может подать сигнал. Это, конечно, идеально делают и наши автоматы. Но Джипси не автомат, и он может больше: не только «отмечать», но и изменять направление работы при помощи тех же автоматов.

Он очень любил, когда я посылал его с разными поручениями, и исполнял их почти всегда безошибочно. Если он не понимал меня, то мотал головой. «Да» и «нет» он уже передавал звуками «ввв», «ввэ».

Его преданность была безгранична. Однажды в нашу лабораторию прилетел служащий, недавно прибывший с Земли, и неумело замахал предо мною веерами. Джипси вообразил, что новый человек хочет ударить меня, — он буквально налетел на него и отбросил далеко в сторону. Несчастный едва не умер от страха, увидев такое кошмарное чудовище.

Мне будет нелегко расстаться с Джипси, а взять его на Землю невозможно. Там он чувствовал бы себя отвратительно.

Словом, я был очень доволен Джипси. Зато Фалеев приводил меня все в большее недоумение. Этот человек поразительно изменялся у меня на глазах. Он становился все бестолковее. Иногда, не понимая простых вещей, он долго «висел» передо мною. Работа у него совсем не ладилась. Он все забывал, делал массу ошибок. Даже внешне он как-то опустился, оброс бородой, редко менял ко-

стюм, в ванну мне приходилось тащить его чуть не насильно. Самое же удивительное, — он начал изменяться физически. Я долго не верил своим глазам, но в конце концов убедился, что он становится все выше, длиннее... Лицо его тоже удлинялось. Нижняя челюсть выдавалась все больше. Пальцы на ногах и руках вытягивались, хрящи и кости утолщались. Словом, с ним происходило то, что происходит с человеком, заболевшим акромегалией. Однажды я подвел его к зеркалу, в которое он, вероятно, не заглядывал уже месяц, и сказал:

— Посмотрите, на кого вы стали похожи!

Он долго смотрел в зеркало, потом спросил:

— Кто это?

Совсем не в себе человек!

— Разумеется, вы.

— Не узнаю, — сказал Фалеев. — Неужели это я? Страшнее Джипси. — Он сказал это совершенно равнодушным тоном и, отойдя от зеркала, тотчас заговорил о другом.

Нет, этого человека надо лечить, и лечить немедленно.

Я решил в тот же день слетать на Кэц и обо всем сообщить Меллер.

Но в этот день произошло еще одно событие, которое заставило меня сделать доклад Меллер уже не об одном больном, а о двух.

СТРАННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Наши пружинные часы (часы с маятником не работают в мире невесомости) показывали уже около шести вечера. Фалеев улетел на Звезду Кэц, Зорина еще оставалась в зоолаборатории. Эта девушка увлекалась работой не меньше меня и часто засиживалась здесь до ужина. Всегда веселая, жизнерадостная, радушная, она была не только прекрасным работником, но и отличным товарищем.

Она часто обращалась ко мне с различными научными вопросами, и я охотно давал разъяснения.

Так было и на этот раз.

Вера Зорина изучала влияние холода на рост шерсти. Подопытное животное находилось в особой камере с довольно низкой температурой, и работать там прихо-

дилось в теплом костюме. Эта камера помещалась в конце нашей трубообразной лаборатории.

Я сидел один у стеклянного ящика, рассматривая чудовищную дрозофилу величиною с голубя. Несмотря на такой рост, крылья у мухи были не больше пчелиных. Так как эти крылья почти не помогали ей во время полета, то она предпочитала быстро лазить по стенкам своего стеклянного домика. Но эта гигантская муха уже не была бесполым существом. Дрозофила была самка — по моему заказу. Размышляя о последствиях своего успеха, я не сразу заметил, как ко мне подлетел Джипси и начал изъясняться на своем собачьем языке. Потом я понял: меня просит к себе Зорина.

Я поднялся. Джипси полетел вперед, махая своими перепончатыми лапами, я за ним. Долетев до конца лаборатории, я надел теплый костюм и «вошел» в камеру. Под потолком «парил» баран. У него была такая длинная шерсть, что ног совершенно не было видно. Я пощупал мягкое шелковистое руно. Поистине золотое руно! Шерсть окружала барана, как облако.

— Недурно! — сказал я. — Вы делаете успехи.

— И представьте, — обрадовалась Зорина, — совсем недавно я стригла барана. Вот шерсть опять отросла и даже длиннее прежнего. Но она стала несколько жестче. Это озаботило меня.

— Что вы, шелк не может быть мягче, — возразил я.

— Но паутина тоньше шелка, — в свою очередь возразила Зорина. — Вот попробуйте снятое руно. — И она подала мне клок белоснежной шерсти, легкой, как газ.

Зорина права: снятая шерсть была тоньше.

— Неужели после стрижки шерсть становится грубее? — спросила меня девушка.

Я не мог ответить сразу.

— Холодно здесь, — заметил я. — Выйдемте отсюда и побеседуем.

Мы перешли из камеры в лабораторию, сняли шубы и, «повесив их на воздух» рядом с собой, начали разговор. В окно заглядывало синее Солнце. Где-то внизу висел гигантский месяц Земли. Брильянтовой россыпью светился Млечный Путь. Белели пятнышки туманности. Знакомая, уже привычная картина... Зорина слушала меня, зацепившись пальцем ноги за ремешок в «потолке». Я, обняв Джипси за голову, примостился возле самого окна.

Вдруг Джипси тревожно проворчал: «Кгмррр...» В этот же момент я услышал голос Крамера:

— Небесная идиллия! Дуэт на Звезде!

Я переглянулся с Зориной. Ее брови нахмурились. Джипси снова заворчал, но я успокоил его. Крамер, махая веером правой руки, делал медленные круги в воздухе, приближаясь к нам.

— Мне надо поговорить с Верой! — сказал он, остановившись и глядя на меня в упор.

— Я вам мешаю? — спросил я.

— Надо самому быть догадливым, — злобно ответил Крамер. — С вами у меня будет разговор попозже.

Я резко оттолкнулся ногой от стенки и полетел в противоположный конец лаборатории.

— Куда же вы, Артемьев? — услышал я за собой голос Зориной.

Оглянувшись на полдороге, я увидел, что Джипси колеблется — лететь ли за мной или оставаться с девушкой, которую он любил не меньше меня.

— Идем, Джипси! — крикнул я.

Но Джипси, в первый раз за все время, не исполнил моего приказания. Он ответил мне, что останется с Зориной и будет охранять ее. Этот ответ Крамер, конечно, не понял. Для него «слова» Джипси были набором ворчанья, лая и чавканья челюстями. Тем лучше!

Я подлетел к камере дрозофил и остановился, прислушиваясь к тому, что делается в другом конце лаборатории. Странный вид Крамера и поведение собаки, почувствовавшей опасность, настроили меня тревожно.

Но все было тихо. Джипси не ворчал, не лаял. И голоса Крамера не было слышно. Наверно, он говорил очень тихо. Атмосфера в нашей лаборатории не так плотна, как на Земле, и потому звуки приглушены. Прошло минуты две в напряженном ожидании. И вдруг до меня долетел неистовый призывный лай Джипси. Потом он умолк, и только слышалось глухое ворчанье.

Я рванулся и полетел обратно, хватаясь на лету за выступы перегородок и этим нагоняя скорость.

Ужасная картина представилась моим глазам.

Крамер душил Зорину. Вера старалась разжать его руки, но ей это не удавалось. Джипси вцепился зубами Крамеру в плечо. И тот, пытаясь освободиться от собаки, делал резкие движения всем телом. Джипси от-

чаянно махал лапами. И все трое вертелись посреди лаборатории, как клубок.

Я с налету врезался в группу сплетенных тел и схватил Крамера за горло. Больше мне ничего не оставалось делать.

— Джипси! Вызывай на помощь! Звонок! Телефон! — крикнул я.

Крамер хрипел, но не выпускал шеи Зориной. Его руки словно окостенели. Лицо было искажено, глаза безумны.

Джипси помчался к звонковому номератору, нажал кнопку «тревоги». Затем вновь вернулся ко мне и вцепился Крамеру в нос. Крамер закричал и отпустил руки. Джипси тотчас же разжал челюсти.

Но нам еще рано было праздновать победу. Правда, мне удалось оттолкнуть Веру подальше от Крамера. Но в следующий момент он сильно ударил Джипси в его курносое «лицо» и набросился на меня. Началась необычайная борьба. Я отчаянно махал крыльями, чтобы увернуться от Крамера. Однако мой противник, более привычный к движениям в невесомом пространстве, быстро изменял положение, и неожиданно оказывался возле моей головы. Тогда Джипси бросался между нами, угрожая снова вцепиться в лицо Крамера.

Крамер неистово наносил мне удары кулаком и ногами. Но, на мое счастье, кулаки врага не имели ни малейшего веса. И я чувствовал удар только тогда, когда Крамер налетал на меня, оттолкнувшись от стены.

Наконец ему удалось схватит меня сзади, и его руки стали подбираться к моей шее. Тут Джипси повис на кисти его правой руки. Крамеру пришлось освободить левую, чтобы отбросить собаку, но в это время к нашей свалке присоединилась Вера. Она ухватила Крамера за ноги.

— Оставьте, Крамер! Вам не справиться одному с троими! — уговаривал я его.

Но он был как бешеный.

В лаборатории послышались голоса людей, и вскоре пять юношей растащили нас. Крамер продолжал драться, вырываться и неистово кричать. Пришлось четверым держать его, а одному слетать за веревкой на наш небольшой склад. Крамера связали.

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство! — прохрипел он.

— Какой позор! — сказал один из прибывших. — Никогда еще подобного не было на Кэце!

— Наш директор, товарищ Пархоменко, имеет и судебные полномочия. Я думаю, этот первый хулиганский поступок будет и последним, — сказал другой.

— Не судите его раньше времени, товарищи, — примирительно сказал я. — Мне кажется, что Крамера надо не судить, а лечить. Он болен.

Крамер стиснул зубы и замолчал.

Опасаясь, что он снова начнет драться, его так и одели в «водолазный» костюм связанным по рукам и ногам и доставили на Кэц как груз. Мы с Зориной также последовали туда. В лаборатории оставили только одного дежурного и Джипси.

Когда мы прибыли на Кэц, я настоял на том, чтобы Крамера немедленно показали Меллер. Я рассказал ей о его поведении с начала моего знакомства с ним вплоть до последнего поступка. И упомянул также о том, что и Фалеев, по моему мнению, заболел и телесно и психически и что, быть может, причина их болезни одна и та же.

Меллер внимательно выслушала меня и сказала:

— Да, это весьма вероятно. Условия на Звезде слишком необычны. У нас уже были случаи острого помешательства. Один из первых «небесных переселенцев» вообразил, что он «на том свете». Можете представить себе, какие пережитки еще существуют в нашей психике!

Она потребовала, чтобы к ней привели Крамера, а затем Фалеева.

Крамер не отвечал на вопросы, был угрюм и только один раз повторил свою фразу:

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство.

Фалеев проявлял «тихое недоумение», как в шутку выразилась Меллер. Из ответов Фалеева она все же, видимо, сделала кое-какие заключения. И когда обоих увели, она сказала:

— Вы совершенно правы. Они оба больны, и серьезно больны. О суде над Крамером не может быть и речи. Его нужно только пожалеть. Это жертва научного долга. Но как же вы, биолог, не догадались о причине?

— Я здесь недавний гость, и я не медик... — смущенно ответил я.

— А между тем вы легко могли бы догадаться. Впрочем, и я, старая кочерыжка, не лучше вас. Тоже прозе-

вала... Все дело в космических лучах! Вы подумайте. Уже на высоте каких-нибудь двадцати трех километров от поверхности Земли сила космического излучения в триста раз больше, чем на Земле. Через земную атмосферу до поверхности Земли проникает только ничтожное количество этих лучей. Мы же находимся за границей атмосферы и подвергаемся длительному действию космических лучей, в тысячу раз большему, чем на Земле...

— Позвольте, — перебил я. — Но ведь тогда все жители Кэц должны были бы перебеситься или выродиться в уродов. Однако этого не происходит.

Меллер укоризненно покачала головой.

— И вы всё еще не понимаете! Этим мы обязаны строителям Кэц. Хотя и существовало мнение, что космические лучи опасности не представляют, но строители Кэц все же создали в оболочках наших небесных жилищ изоляционные слои, которые предохраняют от действия самых сильных космических излучений. Понятно?

— Я не знал этого...

— А вот часть лабораторий — физиологии растений и зоолаборатория — были созданы так, чтобы пропускать максимальное количество космических лучей. Мы должны были определить, как воздействуют они на организм животных и растений. Ведь все ваши опыты с дрозофилами и более крупными животными на чем основаны? Все эти мутации откуда происходят? От действия космических лучей. Вы это знаете?

— Я это знаю. И теперь понял...

— Наконец-то. Дрозофилы изменяются; из собак, козлов, баранов невесть какие чудовища получаются. А вы сами что — из другого теста? На них действует, на вас не действует? И ведь я же знала это! Знала и предупреждала. А меня вот такие биологи, как вы, уговаривали: ничего опасного! Ну и довели одного до сумасшествия, другого до уродства. Космические лучи оказывали действие на железы, железы влияли на физиологические и психические функции. Это ясно... У Фалеева акромегалия. С этой болезнью мы скоро справимся. А с Крамером придется повозиться. Да если и вы, друг мой, проработали бы в такой лаборатории года два, то наверно, и с вами случилась бы такая же неприятная история.

— Но что же теперь делать? Я не могу оставить работу.

— Вы и не оставляйте. Придумаем что-нибудь. Работают же рентгенологи, радиологи с опасными лучами, надо только умело изолировать себя. Изоляционные шлемы с козырьком, изоляционная одежда. Подопытные животные могут находиться под непосредственным действием лучей, научные же сотрудники — под «крышей», не пропускающей космический «дождь». И выходить под такой «ливень» в опытную камеру можно только с «зонтиком». Я сделаю распоряжение, и наши инженеры устроят все нужное.

ЧЕРНОБОРОДЫЙ ЕВГЕНЬЕВ — ПАЛЕЙ

Прошло восемь месяцев с тех пор, как я оставил Землю.

Звезда Кэц готовилась к празднику. Здесь каждый год с большой торжественностью празднуется день основания Звезды. Старожилы рассказывали мне, что к этому дню на Звезду Кэц слетаются все небесные колонисты, где бы они ни были. Делают доклады, выслушивают отчеты о годовой работе, сообщают о своих достижениях, делятся опытом, строят планы на будущее. В этом году готовился особенно торжественный праздник. Я ожидал его с большим нетерпением: я знал, что увижу, наконец, не только Тоню, но и неуловимого чернобородого.

На Звезде уже начались подготовительные работы. Из оранжереи приносили вьющиеся растения, цветы и декорировали главный зал. Художники рисовали плакаты, портреты, диаграммы, музыканты разучивали новые песни и кантаты, артисты репетировали пьесу, руководители научной работы составляли доклады.

Весело было летать по «вечерам» вдоль озелененного «тоннеля», украшенного разноцветными лампами. Всюду была предпраздничная суета, слышались пение, музыка, молодые голоса. Каждый день появлялись новые лица. Преобладала молодежь. Знакомые встречали друг друга шумными приветствиями и оживленно делились впечатлениями.

— Ты откуда?

— С пояса астероидов.

— На кольце Сатурна был?

— Как же!

— Расскажи! Расскажи! — слышались голоса.

Вокруг рассказчика немедленно образовывалась плотная группа, вернее рой: тяжесть была ничтожна, и многие слушатели летали над головой рассказчика.

— Кольцо Сатурна, как вы знаете, представляет собой мириады летящих в одном направлении осколков. Это, вероятно, остатки разорвавшейся на части планетки — спутника Сатурна. Есть совсем небольшие камешки, есть огромные глыбы и целые горы.

— А можно ходить по кольцу, перескакивая с камня на камень? — спросил кто-то.

— Конечно, можно, — смеясь ответил рассказчик, и нельзя было понять, говорит ли он правду или шутит. — Я так и делал. Некоторые осколки действительно летят так близко, что можно перешагнуть с одного на другой. Но, вообще говоря, расстояния между ними не так уж малы. Однако при помощи наших портативных ракет мы легко перелетали с осколка на осколок. Вот где богатство, товарищи! Некоторые куски состояли из сплошного золота, некоторые — из серебра, но большинство было из железняка.

— И ты, конечно, привез золото?

— Образцы привезли. Кольца Сатурна хватит нам на сотни лет. Мы будем извлекать камень за камнем из этого чудесного ожерелья. Сначала мелкие камни, а затем возьмемся и за большие.

— И Сатурн лишится своего прекрасного украшения. Это все-таки жалко, — сказал кто-то.

— Да, признаюсь, зрелище эффектное. Подлетая к кольцу в одной плоскости с ним, видишь только его ребро — тонкую светящуюся линию, которая прорезает также светящуюся планету. Если смотришь сверху, видишь сияющее кольцо необычайной красоты. Сбоку — золотую дугу, опоясывающую полнеба, то правильную, то вытянутую эллипсисом или даже параболой. Прибавьте к этому десять лун-спутников, и вы представите себе, какое поразительное зрелище ожидает путешественника.

— А на Сатурн не спускались?

— Нет, это мы тебе оставили, — сказал рассказчик. Все рассмеялись. — Вот на Фебе были, на Япете были. Маленькие луны, лишенные атмосферы, и больше ничего. Но вид неба отовсюду изумительный.

— Словом, мы изучили стратосферу, как атмосферу

собственной комнаты. Для нас больше нет тайн... — послышался голос аэролога, пролетавшего мимо рука об руку с моим знакомым Соколовским.

Я помахал рукой геологу и вдруг увидел Тюрина. Он осторожно ступал по полу рядом с директором Пархоменко и что-то говорил о движении. Уж не собирается ли он сделать доклад о своей философии движения?..

Пархоменко подошел к Зориной. Не первый раз я встречаю директора вместе с этой девушкой. Хорошо, что Крамер не видит. Он, бедняга, все еще сидит в изоляторе. Тюрин, с классической рассеянностью ученого, даже не заметил, что потерял своего спутника, и медленно пошел дальше, разглагольствуя:

— Движение — благо, неподвижность — зло. Движение — добро, неподвижность...

Звуки оркестра заглушили речь проповедника новой философии.

Я облетел весь главный коридор, заглянул в огромный зал, в столовую, на «стадион», в бассейн. Всюду порхающие, скачущие, лазящие люди. Всюду звонкие голоса и смех. Но среди них нет Тони.. Мне стало тоскливо, и я отправился в зоолабораторию побеседовать со своим четвероногим другом.

Наконец настал день праздника. Для того чтобы многочисленные колонисты могли расположиться удобнее, силу тяжести на Звезде почти совершенно уничтожили. И собравшиеся разместились равномерно по всему пространству. Они облепили стены, наполняя зал, как мухи-дрозофилы стеклянную коробку.

В конце коридора была сооружена «эстрада». За нею помещался художественно исполненный светящийся транспарант. На нем была изображена наша Земля, над нею — Звезда Кэц, еще выше — Луна. В большом овальном отверстии транспаранта виднелась платиновая статуя Константина Эдуардовича Циолковского. Он был изображен в своей любимой рабочей позе: положив дощечку с бумагой на колени. В правой руке его был карандаш. Великий изобретатель, указавший людям путь к звездам, как будто прервал свою работу, прислушиваясь к тому, что будут говорить ораторы. Художник-скульптор передал с необыкновенной выразительностью напряжение лица глуховатого старца и радостную улыбку человека, «не прожившего даром» свою долгую жизнь. Эта серебристо-

матовая статуя, эффектно освещенная, оставляла незабываемое впечатление.

Стол президиума заменяло висящее в воздухе золотое кольцо. Оно напоминало «новоземие». Вокруг этого кольца, придерживаясь за него руками, расположились члены президиума. В центре появился директор Пархоменко. Зал приветствовал его возгласами и аплодисментами.

Я почувствовал, что кто-то прикоснулся к моей руке. Я обернулся — Тоня!

— Ты!.. — только и мог воскликнуть я. Так, неожиданно для себя, я стал называть Тоню на «ты».

Вопреки правилам Кэц, мы крепко пожали друг другу руки.

— Работа задержала! — сказала Тоня. — Я сделала еще одно открытие. Очень полезное здесь, но, к сожалению, очень мало применимое на Земле... Помнишь тот случай, когда маленький астероид едва не вызвал катастрофу, пронизав наше жилище? Это убедило меня в том, что как ни маловероятны такие случаи с точки зрения вероятности, но они все же случаются. И вот я изобрела...

— Значит, не открытие, а изобретение?

— Да, изобретение. Я изобрела аппарат, который реагирует на приближение даже малейших астероидов и автоматически отодвигает Звезду с их пути.

— Вроде радиоаппаратов, предупреждающих о появлении на пути корабля айсбергов?

— Да, с тою только разницей, что мой аппарат не только предупреждает, но и отодвигает наш «корабль» в сторону. Я после расскажу тебе подробнее... Пархоменко уже начинает свой доклад.

Все стихло.

Директор поздравил собравшихся с «успешным окончанием звездного года». Взрыв аплодисментов, и снова тишина.

Потом он, подводя итоги, говорил, что Звезда Кэц, детище Земли, «начинает возвращать долг своей матери». Он говорил, что у кэцовцев есть огромные достижения, что они своими трудами в области астрономии, аэрологии, геологии, физики, биологии обогатили все человечество. Сколько сделано крупнейших научных открытий, сколько разрешено неразрешимых на Земле задач! Необычайно ценные открытия сделал, например, Тюрин. Его «Строе-

ние Космоса» войдет в историю науки как классический труд, создающий эпоху. Его имя становится в ряд имен таких титанов науки, как Ньютон и Галилей.

Высокую оценку получили и работы аэролога Кистенко, геолога Соколовского, «выдающегося изобретателя и экспериментатора товарища Герасимовой», упомянуты были мои скромные труды, как мне кажется, не в меру оцененные.

— Истинным героем — завоевателем небесных пространств проявил себя товарищ Евгеньев, — сказал Пархоменко и начал аплодировать кому-то позади себя.

Евгеньев! Чернобородый! Я вытягиваю шею, чтобы разглядеть его, но герой скрывается. Он не вышел даже на аплодисменты.

— Он, товарищи, скромничает, — говорит Пархоменко. — Но мы заставим его сделать доклад о своих необычайных приключениях в поясе астероидов. Начальник экспедиции должен отчитаться перед нами.

Евгеньев, наконец, показался в кольце. Я сразу узнал его.

— А ты бы узнала? — спросил я Тоню.

Тоня улыбнулась.

— Среди безбородых — да, но среди таких же бородатых, как он, едва ли. Я ведь его только мельком видела, когда он ехал на аэродром.

Евгеньев заговорил. При первых же его словах Тоня вдруг сильно побледнела.

— Что с тобой? — испуганно воскликнул я.

— Да ведь это же Палей! Его голос... Но как он изменился! Палей-Евгеньев... ничего не понимаю!

Я, вероятно, побледнел не меньше Тони: так взволновала меня эта новость.

— Как только он кончит речь, пойдем к нему! — сказала Тоня решительным тоном.

— Может быть, тебе удобнее одной? Вам много о чем надо поговорить.

— У нас нет тайн, — ответила Тоня. — Так лучше. Идем!

И как только овации умолкли и чернобородый отошел от «стола», Тоня и я направились к нему.

Торжественная часть заседания оканчивалась. «Рой мух» пришел в движение. Играл оркестр. Все пели хором «Звездный гимн». Начинался карнавал цветов.

С трудом пробираясь через толпу, мы, наконец, приблизились к Палею. Увидев Тоню, он заулыбался и крикнул:

— Нина! Товарищ Артемьев! Здравствуйте!

— Идем куда-нибудь в тихий уголок. Мне нужно поговорить с тобой, — сказала Тоня Палею и схватила плававший в воздухе букет душистых фиалок.

— И мне тоже, — ответил Палей.

Мы отправились в отдаленный угол зала, но и там было слишком шумно. Тоня предложила перейти в библиотеку.

Палей-Евгеньев был в отличном настроении. Он предложил нам «усесться» на стулья, хотя они нисколько не поддерживали нас. Сам он с необычайной скоростью и ловкостью подставил под себя стул, витавший в воздухе, и, придерживая его ногами, «уселся». Мы последовали его примеру далеко не с такой ловкостью. Тоня оказалась повернутой на бок — Палей поставил ее стул рядом с собою. Я висел вниз головой по отношению к ним, но не хотел менять своего положения, чтобы не вызвать смеха Палея неумелыми движениями.

— Так оригинальнее, — сказал я.

Некоторое время мы молчали. Несмотря на всю внешнюю веселость, Палей волновался. Тоня тоже не скрывала волнения. Что же касается меня, то мое положение было совсем неловким. Право, я охотно улетел бы, как ни хотелось мне послушать, о чем они будут говорить. Я почувствовал себя еще более неловко, когда Палей, кивнув на меня головой, спросил Тоню:

— Товарищ Артемьев твой жених?

Мне показалось, что я падаю. Но, к счастью, здесь люди не падают, если даже упадут в обморок. Что ответит Тоня? Я пристально посмотрел на нее.

— Да, — ответила она без колебания.

Я вздохнул свободнее и почувствовал себя тверже на «воздушном» стуле.

— Так я не ошибся, — тихо сказал Палей, и в его голосе мне почудилась грусть.

Значит, и я не ошибся, предполагая, что у них было что-то, кроме научного интереса.

— Я очень виноват перед тобой, Нина, — произнес Палей, помолчав.

Тоня утвердительно кивнула головой.

Палей взглянул на меня.

— Мы — товарищи, — сказал он, — а с товарищами можно говорить вполне откровенно. Я любил тебя, Нина... Ты это знала?

Тоня немного опустила голову:

— Нет.

— Верю. Я хорошо умел скрывать свои чувства. А ты как ко мне относилась?

— Для меня ты был другом и товарищем по работе.

Палей кивнул головой:

— И в этом я не ошибся. Ты увлекалась нашей работой. А я страдал, сильно страдал! Помнишь, с какой радостью принял я предложение ехать на Дальний Восток? Мне казалось, что когда меня не будет возле тебя...

— Я была очень огорчена, когда наша работа прервалась на самом интересном месте. Все записи ведь вел ты. У тебя остались формулы. Без них я не могла двигаться дальше.

— И только из-за этих формул ты искала меня по земле и по небу?

— Да, — ответила Тоня.

На этот раз Палей искренне рассмеялся:

— Все, что делается, делается к лучшему. Ты не раз упрекала меня, Нина, что я человек увлекающийся. Увы! Это мой недостаток, но и мое достоинство... Без этого увлечения я не совершил бы «двенадцати подвигов Геркулеса», о которых сегодня говорил Пархоменко. Кстати, нас всех представляют к награде. Это награда за мой увлекающийся характер... Так вот, — продолжал он. — Уехал я на Дальний Восток и там... влюбился в Соню и женился на ней и уже имею прекрасную дочурку. Жена и дочь на Земле, но скоро приедут сюда.

У меня еще больше отлегло от сердца.

— Почему же ты стал Евгеньевым? Евгений Евгеньев? — спросила Тоня.

— Евгений Евгеньев — это случайность. Фамилия Сони — Евгеньева. А она у меня оригиналка. «Почему бы тебе не носить мою фамилию», — сказала она мне перед тем, как идти в загс. «Твоя так твоя», — согласился я. Палея мне было не жалко: он человек увлекающийся. Бросает работу на самом интересном месте... Быть может, Евгеньев будет лучшим работником.

— Но почему ты не переслал мне своих записок?

— Во-первых, я был так счастлив, что забыл обо всем на свете. Во-вторых, я чувствовал себя виноватым перед тобой. После своего неожиданного отъезда я два раза был в Ленинграде. И один раз видел тебя с товарищем Артемьевым. Я слышал, как ты назвала его по фамилии. Но я сразу понял ваши отношения. В то время я работал уже в системе Кэца, новая работа совершенно захватила меня. Я весь жил «небесными интересами». К нашей с тобой работе, признаться, потерял всякое влечение. Я помнил, что наши общие записки я должен вернуть тебе... И вот я встречаю товарища Артемьева. А надо сказать, что это случилось в очень горячее время. За час до отлета на аэродром из Ленинграда мы вдруг получили телеграмму о том, что нам необходимо закупить некоторые физические приборы, только что выпущенные ленинградскими заводами. Мы с товарищем распределили покупки, условившись встретиться на углу улицы Третьего Июля и проспекта Двадцать Пятого Октября. Поэтому-то я и уехал так быстро, что не успел сообщить своего адреса. Успел только крикнуть: «Памир, Кэц!» А приехал на Памир и завертелся. Потом улетел на Звезду Кэц, отсюда — в межпланетное путешествие... Вот и весь сказ. Виноват, кругом виноват!

— Но где же, наконец, эти записки? — воскликнула Тоня.

— Только не сбрось меня, пожалуйста, со стула, а не то упаду и разобьюсь на куски, — засмеялся Палей. — Увы, увы! Тебе совсем не надо было летать на небо, чтобы получить их. Они остались в Ленинграде, в доме почти рядом с твоим, у моей сестры.

— И ты не мог даже написать об этом! — с упреком сказала Тоня.

— Повинную голову и меч не сечет, — сказал Палей-Евгеньев, подставляя Тоне свою черноволосую голову.

Тоня запустила пальцы в его густую шевелюру и, улыбаясь, потрепала его. Оба они от этого движения закружились.

— Высечь тебя надо, негодника, а не к награде представлять!

— За что высечь, а за что и наградить, — шутливо возразил Палей.

Тоня вдруг обернулась ко мне и сказала:

— Ну, что же, летим на Землю, Леня?

«Летим на Землю! Леня!» Как обрадовали бы меня эти слова несколько месяцев тому назад! Теперь же обрадовало только слово «Леня». Что же касается полета на Землю, то...

— Об этом мы еще поговорим. Нельзя же так скоро. И у тебя и у меня есть незаконченные работы, — ответил я.

— Как? — удивилась она. — Теперь ты не хочешь лететь со мной на Землю?

— Хочу, Тоня. Но я накануне величайшего открытия в биологии. И закончить эту работу можно только здесь. А дело прежде всего.

Тоня посмотрела на меня так, словно видела в первый раз.

— Ты, кажется, успешно дозрел на Кэце, — сказала она не то насмешливо, не то одобрительно. — Этой твердости характера я в тебе еще не замечала. Что же, таким ты мне больше нравишься. Поступай как хочешь. Но я здесь больше оставаться не могу. Свои работы я окончила даже с превышением плана, как говорится, а новые начинать не собираюсь. Мне необходимо окончить ту, которую я начала когда-то с Палеем.

— Да, Нина, — поддержал ее Палей. — Впрочем, кажется, ты стала Тоней, как я Евгеньевым. Все меняется! Ты должна окончить эту работу. Осталось немного. Нельзя такую проблему бросать на половине...

— А кто бросил? — спросила Тоня. — Ну, хватит счетов! Пойдем веселиться. Это моя последняя ночь на Звезде!

НАКОНЕЦ Я ВЫДЕРЖИВАЮ ХАРАКТЕР

На другой день я сидел в своей зоолаборатории и работал вместе с Зориной. Мы уже были в особых изоляционных костюмах, предохраняющих от действия космических лучей. Над нами были воздвигнуты изоляционные крыши. Только на подопытных животных космические лучи лились, как дождь.

Зорина сообщила мне, что Фалеев поправляется. Его тело и лицо принимают прежний вид. Улучшается и психическое состояние. Но с Крамером все еще плохо, хотя Меллер надеется на его поправку.

Дверь лаборатории открылась. Неожиданно появилась Тоня.

— Я улетаю, Леня! — сказала она. — Перед дорогой зашла проститься и поговорить.

Зорина, чтобы не мешать нам, удалилась в другой конец лаборатории. Тоня посмотрела ей вслед и сказала мне тихо:

— Жаль, что ты не едешь.

— Ничего, наша разлука ненадолго, — сказал я.

В это время к нам подлетел Джипси.

— Тоня, помнишь, я тебе рассказывал о действии космических лучей? Так вот посмотри, что они сделали с Джипси.

— Какой фантастический урод!.. — воскликнула Тоня.

Урод улыбнулся и завилял хвостом.

— Вот теперь мне кажется, что тебе опасно здесь оставаться, — сказала Тоня. — Явишься ко мне вот таким чудовищем.

— Не беспокойся. Я защищен этой одеждой и «зонтиками». Они сохранят мое тело, мой мозг и... мою любовь к тебе!

Тоня недоверчиво посмотрела на меня.

— Поступай как знаешь! — сказала она и, сердечно со мной простившись, ушла.

— Эх, Джипси, остались мы с тобой бобылями! — сказал я.

Джипси лизнул мою руку.

ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ

Весна. Окна открыты. Вечерний ветер приносит запах молодых берез. Я дописал страницу рукописи и взглянул в окно. Словно зацепившись за шпиль Адмиралтейства, на небе стоит полная луна. Из репродуктора льются звуки скрипки. Всё, как тогда, много лет тому назад... Но теперь я смотрю на Луну иными глазами. Это уже не далекий, недоступный спутник Земли. На лунной поверхности остались следы моих ног. Они и сейчас такие свежие, как будто я только что прошел по усыпанной пеплом и космической пылью почве.

Иногда все это кажется мне сном...

Рядом с моим кабинетом кабинет Тони. Она, как и я, уже профессор.

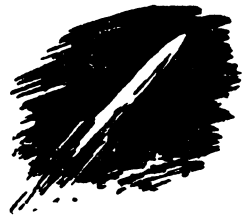
Из столовой доносится пение сына-школьника.

На ковре возле моего кресла лежит моя любимая собака — черный пудель Джипси. Я назвал его так, вспоминая о другом Джипси, которого я оставил на Звезде. Какое трогательное было расставание!

Я не прерываю связи со своими кэцовскими друзьями. Все они живы и здоровы. Зорина вышла замуж за директора Пархоменко. Выздоровевший Крамер принял это как и полагается нормальному человеку: не слишком радостно, но не делая из этого драмы. Палей-Евгеньев работает главным инженером — конструктором и «облетчиком» ракет. Тюрин подготовляет путешествие за пределы солнечной системы. Он решительно не хочет стариться.

Месяц тому назад я окончил большую книгу «Биологические опыты на Звезде Кэц». Материалом послужили работы Шлыкова, Крамера и мои собственные. Получилась чрезвычайно интересная книга. Она уже сдана в печать. Окончив ее, мне захотелось еще раз пережить все приключения, связанные с моей не совсем обычной женитьбой. И вот я заканчиваю и эту книгу.

...Мой сын поет «Марш Звезды Кэц». Сколько раз я рассказывал ему о своем путешествии! Теперь он только и мечтает о том, как полетит на Звезду, когда вырастет большой. И он, наверное, будет жителем звезд.



И. ЕФРЕМОВ

«Кантон Сарк»

РАССКАЗ

ОТ АВТОРА

Первый вариант этого рассказа был опубликован в 1944 году. В то время я знал судьбу замечательного корабля лишь в общих чертах и придумал фантастическую версию о постановке «Катти Сарк» в специально построенный для нее музей. После того как рассказ был издан в Англии, английские читатели сообщили мне много новых фактов о судьбе «Катти Сарк».

В 1952 году в Англии образовалось Общество сохранения «Катти Сарк», которое на собранные деньги занялось реставрацией корабля и постройкой для него сухой стоянки.

Настоящий, полностью переработанный вариант рассказа является попыткой изложения этапов подлинной истории «Катти Сарк».

ЮБИЛЕЙ КАПИТАНА ЛИХТАНОВА

В квартирке едва умещались многочисленные гости. Все сиденья были использованы, и в ход пошли торчком поставленные чемоданы. Почтить семидесятилетие капитана явились преимущественно моряки. Табачный дым плавал голубыми слоями, неохотно убираясь в тянувшее холодом приоткрытое окно. Сам хозяин, крупный и грузный, сновал между гостями и чувствовал себя отлично среди веселых возгласов и смеха.

Молоденький штурман, стесняясь общества почтенных командиров, жался у стены, рассматривая картинки судов в простых коричневых рамках, и остановился взглядом на большой фотографии парусника. В точных линиях стремительного, узкого корпуса корабля чувствовалось совершенство, подчеркивавшееся неправдоподобной громадой белых парусов. Верхние реи были необычайно длинны и в размерах почти не уступали нижним.

Хозяин подошел ободрить робкого гостя.

— Любуетесь? — одобрительно загудел он, опуская жилистую руку на плечо штурмана.

— Этим кораблем вы тоже командовали, Даниил Алексеевич? — спросил юноша.

— Вот еще! — отмахнулся старый моряк. — Да это же «Катти Сарк»!

— Что такое? — не понял штурман.

— Ну да, откуда ж вам, береговикам зеленым, знать! — пробурчал капитан. — А впрочем... Внимание, товарищи! — крепким, «штормовым» голосом перекрыл он шум сборища.

Все лица выжидательно повернулись к нему.

— Сколько тут моряков летучей рыбы? [1] Поднимите руки!.. Раз, два... — считал капитан, — одиннадцать. Много!.. Ну так вот... — Капитан снял фотографию со стены и поднял, чтобы все могли видеть. — Это «Катти Сарк»!

Последовало общее недоуменное молчание, нарушенное одиноким возгласом:

— А, вот она какая!

Капитан усмехнулся:

— Когда-то морское парусное искусство именовалось бессмертным. Да и в самом деле — оно достигло высочайшего совершенства. Прошло примерно семьдесят лет — срок одной человеческой жизни, и вот лишь горсточка старых моряков еще знает все тонкости этого мастерства. Забыты гремевшие на весь мир имена капитанов и кораблей. А когда умрем и мы, старики, человечество навсегда закроет великолепную страницу истории завоевания морей, завоевания простым парусом, управляемым искусными руками и твердыми сердцами!..

— Даниил Алексеевич, это вы через дугу! — воскликнул еще молодой, но по орденам бывалый моряк. — Парусное искусство и нам знакомо, а вот каждый корабль знать...

Хозяин дома рассердился:

— «Каждый»! И вам не стыдно, Силантий Семеныч? Не знать — не позорно, но уж отстаивать свое невежество — извините.

— Да ведь, — начал оправдываться его собеседник, — я хотел только...

— Ну, раз «только», слушайте! Покорение океанов — настоящее корабельное дело — началось примерно лет пятьсот назад. За эти полтыщи лет наш мир постепенно расширялся. Громадный опыт борьбы с морем совершен-

---

[1] **Моряк летучей рыбы** — плававший в океане, где только и водятся летучие рыбы.

ствовал искусство постройки кораблей. Овладевая силой ветра, человек создал искусство управления парусами. Десятки тысяч безыменных или забытых жертв легли на дно океанов с обломками своих судов. Ценой неустанного труда, отваги и страданий моряков, ценой вдохновенных поисков строителей к середине прошлого века появились клиперы, стригуны, «стригущие» верхушки волн. Это уже были не угловатые дома, приспособленные к плаванию, как большинство старинных кораблей, а крылатые скороходы — лебеди моря.

Клиперы предназначались для самых далеких рейсов и смело бежали по океану, не смущаясь никакими бурями. Изобретенные позже железные парусники не могли с ними состязаться: днища их железных корпусов обрастали водорослями и раковинами, задерживая ход корабля. У лучших же клиперов железным был только набор, то есть скелет корпуса, а обшивка — деревянная, из особо прочных и долговечных пород дерева. Деревянная обшивка, покрытая медью, защищала их от обрастания.

Все искусство кораблестроения вместе с усовершенствованными пропорциями корпуса, мачт и соотношением парусов получило свое высшее выражение в двух английских клиперах, построенных одновременно в Шотландии в семидесятых годах прошлого века: «Фермопилы» и «Катти Сарк».

Ничего лучшего, чем эти два корабля, среди всех парусников мира не было построено. Вот почему «Катти Сарк» не «каждый корабль», как выразился Силантий Семеныч. И морякам знать ее не мешало бы... Тем более, что история этого корабля не только родня занимательному роману, — это собранная в фокусе история всего парусного торгового мореплавания!

Неудивительно, что после такой речи собравшиеся уговорили старого моряка рассказать все, что он знает о «Катти Сарк».

— Случайно мне известно довольно много, хотя клипер построен за тринадцать лет до моего рождения, — начал старик. — Я еще юнгой был, а парусный флот уже давно сдал свои позиции паровому, и вместо клиперов плавали лишь каботажные шхуны да многомачтовые барки — стальные большегрузные парусники для дальних перевозок дешевых грузов. Лучше всего был известен у нас «Товарищ» — учебное судно Ленинградского военно-

морского училища, а наиболее знаменитым и быстроходным — германский стальной пятимачтовый барк «Потози» в четыре тысячи тонн, построенный в 1896 году. С «Потози»-то, собственно, и началась для меня история «Катти Сарк».

ЧЕСТЬ КАПИТАНА ДОУМЭНА

В 1922 году я был командирован в Англию и Америку для приобретения подходящего парусника. Требовалось хорошее, приспособленное к дальним плаваниям учебное судно: подготовленные молодые моряки нужны были восстанавливающемуся хозяйству нашей страны.

Громадные американские дешевые шхуны не годились. Шхуна, то есть судно с косой парусностью, проста в работе, она идеально лавирует и незаменима при плаваниях во внутренних морях и архипелагах. Но с попутными ветрами и на большом волнении шхуна опасна — очень рысклива. Для океана нужен корабль с прямым парусным вооружением. Я и нацелился на барк «Потози», который недавно перешел на рейсы Европа—Южная Америка.

Обменявшись телеграммами с судовладельцами и капитаном, я выяснил, что могу встретить корабль в Фальмуте. Вот почему в осенние мглистые дни 1922 года я оказался в этом английском порту, излюбленном парусниками всех стран из-за своей легкой доступности.

Поеживаясь от пронизывающей сырости, я направился по мокрым плитам незнакомых улиц к морю. Обойдя какие-то длинные закопченные здания красного кирпича, я сразу увидел гавань. Обилие мачт как будто противоречило разговорам об умирании парусного искусства, но я знал, что это впечатление обманчиво.

Большинство мачт принадлежало легким рыбачьим шхунам или парусно-моторным шаландам, никогда и не нюхавшим океанских просторов. Только два-три настоящих корабля стояло в порту, и на этом общем фоне заметно выделялся стройный рангоут знаменитого барка. Четыре мачты огромной высоты господствовали над всем частым и низким лесом береговой мелочи. Четыре мачты, сзади пятая — сухая бизань.[1] Да, очевидно, это был «Потози».

[1] Сухая бизань — задняя мачта с косой парусностью. Корабль с прямыми парусами не менее чем на двух мачтах и с сухой бизанью называется «барк».

В гавани было пустовато. Должно быть, дрянная погода разогнала моряков по уютным местам, достаточно многочисленным в Фальмуте. Массивные позеленелые камни набережной в средней части гавани блестели от оседавшей с воздуха воды; эстакады на сваях и мостики осклизли от сырости. Резкий ветер, сырое небо и зеленосерые волны, брызгающие пеной; крепкие, бодрящие запахи моря, смолы и мокрой пеньки совсем не способствовали угнетенному настроению, как это иногда бывает у городских людей в такую погоду. Наоборот, завеса холодного моросящего дождя вызывала приятные мечты о далеком сияющем южном море, и как реальный залог возможности выйти сквозь пелену осеннего тумана в широкий и теплый мир высились могучие мачты «Потози».

Мы, моряки, не очень прихотливы к условиям жизни на суше просто потому, что и самые дрянные места для нас скоропреходящи: несколько дней — и новое плавание, новая перемена...

Полюбовавшись огромным барком, чистым, выхоленным, и основательно продрогнув, я направился в небольшую гостиницу, где предстояло встретиться с капитаном «Потози». Я нашел этого хмурого щеголеватого человека на почетном месте, у камина в столовой. Вопреки первому впечатлению, мы быстро подружились. Капитан много плавал, был хорошо образован. При этих качествах способность остроумно оценивать события и заразительный юмор делали капитана приятным собеседником. Я договорился о подробном осмотре его судна и получил все нужные мне предварительные сведения.

Окончив деловую часть, капитан пригласил меня поужинать вместе. В затянувшейся беседе он признался, что рад столь высокой цене, назначенной компанией за его судно:

— Если продадут мой «Потози», я вряд ли найду парусник по вкусу: уж очень мало осталось настоящих кораблей. Придется переходить на пароход. — И капитан добрым глотком поторопился смягчить отразившееся на его лице огорчение. — Не понимаю, зачем вам платить большие деньги за знаменитость, которую мало кто оценит? За эту сумму вы два парусника купите, разве что с небольшим ремонтом, а хороший ходок вам ни к чему. Вот начнете ходить в кругосветные плавания, тогда другое дело.

Немного огорченный, я признал, что капитан прав. И тот, совсем по-дружески пожав мне руку, обещал помочь, если дело сорвется, в подыскании более дешевого, но достаточно хорошего корабля.

Как бы то ни было, переговоры моего начальства с компанией — хозяином «Потози» — шли своим чередом, а я должен был выполнять свои обязанности. В ближайшие два дня я излазил весь барк, от кильсона до брамстеньг, и мог только подтвердить первоначально слышанные отзывы: покупка была бы превосходная. Я послал необходимые телеграммы и остался ждать решения.

Погода все ухудшалась, и наконец было получено штормовое предупреждение. Ожидалась грозная буря. Рыбацкие суда поспешили укрыться в гавани.

Сильнейший западный шторм разразился на следующую ночь. Солнце не показывалось четыре дня, ураганный ветер перемешивал соленую водяную пыль с потоками проливного дождя. В гавани стоял лязг якорных цепей, визг трущегося железа и деревянных брусьев, скрип рангоутов бесчисленных рыбацких судов. Буря загнала в бухту несколько больших кораблей, в том числе и два парохода...

На пятые сутки наступила ясная и ветреная погода. Я простился с «Потози». Барк развернул свои паруса и ушел на юг, в Рио, где в бухте Гуанабара высилась причудливая гора — Сахарная Голова. Спустя три года, в 1925 году, «Потози» погиб у тех же южноамериканских берегов — загорелся груз угля. Остов и сломанные мачты великолепного барка еще несколько лет были видны на отмели, где капитан затопил горевший корабль...

Я долго следил в бинокль за уходящим красавцем, проводив его на буксирном судне. Как всегда, оставаться на берегу стало немного грустно и одиноко. И вечером, возвращаясь в гостиницу, я зашел в понравившийся мне старинным названием ресторан, чтобы развлечься стаканчиком вина и поболтать с моряками. Войдя в низкий просторный зал, отделанный темным деревом, я удивился необычайному многолюдству. В правом отделении, между стойкой и огромным камином, столы были сдвинуты вместе, и за ними заседала компания чем-то возбужденных пожилых моряков. Пока я оглядывался в поисках места, меня окликнул капитан, с которым я здесь познакомился несколько дней назад:

— Идите-ка сюда, дорогой капитан!.. Сэры, я счастлив представить вам русского капитана. Теперь в нашем собрании есть представители почти всех плавающих наций. Отсутствуют итальянцы да еще японцы.

Приветственные восклицания раздались при моем появлении, и я опустился на услужливо подставленный дубовый стул.

— Я уже отправил посыльного к старому Вуджету — ее последнему капитану. Старик совсем еще крепок, скоро будет здесь, — громогласно сообщил собранию массивного вида моряк.

На секунду наступило молчание, и я поспешил узнать, в чем дело.

— Ну вот! — воскликнул седобородый моряк с веселыми голубыми глазами. — Разве вы не слыхали, что сегодня к нам в порт пришла «Катти Сарк»? Или вы не знаете, что это такое? — подозрительно оглядел он меня.

Все головы повернулись в мою сторону.

— Я слыхал про знаменитый клипер, — спокойно ответил я. — Но может ли это быть, ведь он, кажется, слишком давно построен?

— В 1869 году, Скоттом и Линтоном, — подтвердил мой собеседник. — И плавает уже, следовательно, пятьдесят три года. Но — можете мне поверить — судно как бутылка, никакой течи ..

— Извините, — перебил я восторженную речь. — Но как же я ничего не заметил? Я только сейчас из гавани и клипера не видел. Разве что прибавилась какая-то грязная, гнусно раскрашенная баркентина, должно быть испанская, и никакого клипера...

Дружный хохот заглушил мои слова. Оратор даже привскочил и весело заорал:

— Да эта баркентина и есть «Катти Сарк»! Как же вы, моряк, не разглядели?

Но я уже оправился от смущения:

— В порту я сегодня без дела не болтался и времени рассмотреть вблизи не имел. Издалека поглядел на паруса — баркентина, да еще запущенная, грязная... Больше и не интересовался.

— Ну конечно, — примирительно вмешался плохо говоривший по-английски гигантского роста моряк, видимо норвежец. — Эти ослы так запакостили судно! А что-

бы грязь не бросалась в глаза, раскрасили его на свой дурацкий вкус, как балаган...

— Теперь все понятно. Однако, насколько я понял, вы что-то собираетесь предпринять? — обратился я к моряку, взявшему на себя роль председателя импровизированного собрания.

Хор односложных восклицаний, большей частью иронического оттенка, поднялся и утих. Лицо моряка-председателя стало жестким, квадратные челюсти еще больше выпятились.

— Что мы можем «предпринять», по вашему выражению, сэр? — ответил он полувопросом, полуутверждением. — Мы давно уж сидим здесь, но так ничего и не придумали. Если бы иметь много денег... Ну, что об этом говорить! Даже если бы мы в складчину могли купить «Катти Сарк», то что́ стали бы мы с ней делать? Гноить на мертвом якоре?..

— Но ведь есть же морские клубы, инженерные общества, — возразил я. — Кому, как не им, сохранить последнее, лучшее произведение эпохи парусных кораблей?

— Э, — презрительно бросил моряк, — в клубах только рекорды всякие ставят! Разве не знаете? А у обществ этих ни денег, ни авторитета. Давно ведь о «Катти Сарк» идут разговоры, но после войны всё забыли. Ну, сообщили старику Вуджету. Пусть посмотрит — ему, наверно, приятно будет повидать клипер. Такое судно, как первую любовь, никогда не забудешь. Вот и всё, что мы можем сделать, да еще потолковать о былых днях за выпивкой, что мы и делаем... А вы нас за предпринимателей, что ли, приняли? — негодующе фыркнул старый капитан.

Я замолчал. Да и что́ тут можно было сказать.

В это время в комнату уверенно вошел бледный, худой человек, одетый, как и многие из присутствующих, в черный костюм, оттеняющий его густые серебристые волосы.

— Капитан Доумэн, только вас и не хватало! Если приедет Вуджет, то соберутся все поклонники «Катти»... Вы уже видели ее?

— Не только видел, но и был на борту, говорил со шкипером.

— Зачем?

Слабая улыбка засветилась на лице Доумэна:

— В первый раз за всю свою славную службу «Катти» сдала. Степсы[1] расшатались, швы палубы расходятся. Капитан-португалец напуган штормом, считает, что едва спасся, укрывшись в Фальмуте, и думает, что судно разваливается... Короче, я купил «Катти»!

Последовал невероятный шум восторга: суровые ветераны моря стучали кулаками и ногами, хлопали друг друга по спинам, обменивались крепчайшими рукопожатиями, кричали «ура» страшными голосами.

— Эй, выпить за здоровье капитана Доумэна! — заорал глава собрания. — За здоровье моряка, который сделал для чести Англии больше, чем чванные аристократы или денежные тузы!

— Уильям, — обратился к Доумэну какой-то молчавший до сих пор моряк, — как же ты смог это сделать?

Доумэн опять счастливо усмехнулся:

— Я съездил к миссис Доумэн, посоветовался с ней. Оба мы староваты, детей и родственников нет... Что нам нужно? Дом наш неплох, а тут подвернулось маленькое наследство. Ну, вот мы и решили: если цена окажется под силу — купим. Реставрировать корабль друзья помогут. Кое-что соберем, ученики поработают на ремонте... Счастье, что шкипер и судовладелец давно хотели отделаться от «Катти», — невыгодна она на дешевых рейсах за нашим углем!

Капитан Доумэн умолк, и почти благоговейное молчание воцарилось в прокуренном зале. Доумэн помолчал, зажег трубку и подумал вслух:

— Вот и сбылась мечта... Смолоду много слыхал я о двух жемчужинах нашего флота: «Фермопилах» и «Катти Сарк». Уже капитаном перешел на австралийские линии, и однажды «Катти Сарк» меня обогнала. Я на своем корабле еле полз при легком ветерке. Вдруг показалась эта красавица. По тяжелой зыби идет, как танцует, даже лиселя[2] не поставлены, а восемь узлов делает, да... никак не меньше семи. Белым альбатросом пролетела мимо, играя, а ведь мой «Флайинг Спур» («Летящее копье») был не последний из австралийских почтовиков! Вспо-

[1] Степс — гнездо, в которое входит мачта своим нижним концом (шпором).

[2] Лисель — дополнительный парус, ставящийся на выдвижных реях, или лисель-спиртах, сбоку от главного паруса (марселя или брамселя).

мнил я, как хвастался в Мельбурне пропившийся матрос (служил на «Катти»): «Мы, говорит он про экипаж «Катти Сарк», головой ручаемся — никто никогда ее не обгонит, разве только альбатрос!»

С тех пор запала мне в голову мечта: хоть один рейс покомандовать «Катти», в своих руках почувствовать такой клипер. Но кто же из хороших капитанов с таким кораблем расстанется? Вуджет командовал ею, как получил с китайской линии, до конца, пока не продали ее. И я потерял «Катти» из виду. А теперь, странно думать, я владелец «Катти Сарк». Я владелец «Катти Сарк»... — медленно повторил Доумэн. — Не поверю, пока не выйду на ней в море!

— Когда же вам сдадут корабль, сэр? — почтительно спросил я.

— Вот уйдет она в Лиссабон, в последний раз. Пока оформят, то да сё, не меньше полгода пройдет. Ну, как бы то ни было, а к осени встанет «Катти» под Красный флаг,[1] как в доброе старое время!

На следующий день только я собрался осмотреть «Катти Сарк», как получил телеграмму от своего начальства с приказанием отложить дело с покупкой «Потози», а посетить еще два английских порта и затем Шербур во Франции, где находились другие большие парусники. Я в тот же день покинул Фальмут. И на этом оборвалось мое первое знакомство со знаменитым клипером...

РУКОПИСЬ КАПИТАНА ЛИХТАНОВА

Капитан умолк и зорко осмотрел своих слушателей, как бы выслеживая на лицах тень скуки или утомления. Оставшись доволен, он прокашлялся, выпил бокал вина, закурил и продолжал:

— Через семнадцать лет, в 1939 году, мне пришлось снова побывать в Фальмуте. Крепко пахло войной даже в этом удаленном парусном порту. Мне посчастливилось встретить знакомого — из тех, кто участвовал в моряцком собрании по поводу «Катти Сарк». Я, конечно, спросил его про клипер и доблестного судовладельца — капитана Доумэна.

[1] Красный флаг (Red Ensign) — флаг английского торгового флота.

— Умер в прошлом году, — отвечал мой знакомый.— И «Катти» здесь нет. Вдова покойного подарила корабль (в самом деле, зачем он ей?) Темзинскому мореходному училищу в Гринвиче. Пока был жив Доумэн, он понемногу восстановил «Катти Сарк» прежний рангоут. Долго ему пришлось собирать по крохам лес, парусину, тросы и деньги. Перед смертью удалось Доумэну выйти на клипере в океан, к Азорам... Помните, как мечтал он командовать «Катти Сарк»? — Моряк задумался и продолжал: — Хоронил Доумэна весь Фальмут, даже из Лондона приехали. В прошлом же году пригласили Вуджета. И с ним на борту «Катти» пошла кругом из Фальмута в Темзу, откуда семьдесят лет назад она отправилась в свое первое плавание в Китай. Теперь «Катти» служит вспомогательным учебным кораблем для морских кадетов. Корабль в сохранности и крепок... хоть и не в музее, как мы тогда думали.

— Я понимаю, — осторожно сказал я. — Сейчас Англии не до музея... Но неужели еще жив Вуджет? Сколько же старику лет?

— Не знаю, много. Не только жив, но и здоров, не хуже своего корабля. Роется в саду, поливает розы... Да, впрочем, хотите нанести ему визит?

Я с радостью согласился.

Конечно, старик был «крепок» лишь относительно. Дряхлый пережиток парусного флота ничем не напоминал отважного капитана-гонщика, прославившего Англию на морских путях. Но живость ума и великолепная память не оставили капитана Ричарда Вуджета.

Я прогостил у него два дня — до понедельника. В субботу вечером приехали сын капитана, тоже Дик, и его товарищ Ирвинг. Оба когда-то служили учениками на «Катти Сарк», а теперь сами командовали кораблями, хоть и не столь знаменитыми, да вдобавок еще пароходами. Меня глубоко тронула нежность, с которой оба эти уже не первой молодости моряка относились к старому Вуджету.

Мы подолгу сидели на террасе с раздвижными, на японский манер, стенками. С шумевшего поодаль моря ползли вереницы слезливых туч. Прихваченные морозом поздние розы посеребрил моросистый дождь, и беспомощные лепестки устилали потемневшую землю. Но горячий чай был крепок, и беседа подогревалась милыми вос-

поминаниями о выносливой молодости с ее вечным ожиданием необычайного.

Дополняемый сыном и Ирвингом, старый Вуджет рассказал мне историю своего корабля. К несчастью, я не записывал тогда ничего, надеясь на память, а она-то после болезни стала подводить... Только недавно собрался с духом и написал все, что смог припомнить. Получилось вроде маленькой повести, и я когда-нибудь прочту ее вам.

Но отложить прочтение повести капитану Лихтанову не удалось. Раззадоренные гости потребовали от юбиляра «выкладывать всё, и теперь же». Он сдался, принес пачку исписанных листков и, презирая, как всякий настоящий моряк, очки, прочел их нам, держа перед собой на вытянутой руке.

МЕЧТА-ВЕДЬМА

Главный строитель верфей Скотта и Линтона в Думбартоне встал навстречу важному заказчику. Фирма уже давно переписывалась с судовладельцем Джоном Виллисом о его намерении построить корабль-мечту, который не только взял бы первенство на гонках кораблей китайской чайной торговли, но и смог бы постоянно удерживать его.

Оба шотландца пожали друг другу руки. Общительный, полный юмора кораблестроитель был противоположностью угрюмоватому и заносчивому судовладельцу.

— Мне достали сведения насчет того нового клипера, — начал, отдуваясь, Джон Виллис, — что строится Худом в Эбердине.

Кораблестроитель выразил живейший интерес. Судовладелец извлек книжку в черной коже:

— Сравните с вашими расчетами. Регистровых тонн будет девятьсот пятьдесят, длина двести тринадцать с половиной... [1]

— У нас двести четырнадцать, — вставил инженер, — и девятьсот шестьдесят тонн. Ширина тридцать шесть с половиной.

— Ого, такая же!

— Глубина двадцать и восемь десятых...

---

[1] Меры длины в футах. Фут равен 30,5 сантиметра

— У них больше — двадцать один с третью. Но это пустяк. Похоже, очень похоже... Набор железный, обшивка — тик, вяз и сосна?

— Да, да!

— Понимаю. Они учли весь опыт Великой Гонки прошлого, шестьдесят шестого года.

— Вы имеете в виду гонку из Фучоу в Лондон?

— Да. Гнались девять лучших чайных клиперов. Победитель — Джон Кэй со своим «Ариэлем». На десять минут позже — «Тайпинг». На девяносто девятый день после выхода из Фучоу.

— Худ взял пропорции «Ариэля». — Инженер порылся в справочниках. — Да, «Ариэль» чуть-чуть короче и у́же — восемьсот пятьдесят две тонны. Но главное не это, главное — площадь парусности. Она вам известна?

— Все известно, даже имя корабля — «Фермопилы». Странное имя! Почему...

— Так что же парусность? — перебил судостроитель.

— Сейчас. Мне дали ее в этих новых мерах — квадратных метрах. Вот, площадь основной парусности — две тысячи пятьсот двадцать этих метров.

Судостроитель сделал быстрый расчет, и лицо его стало озабоченным.

— Что такое? — встревожился Джон Виллис. — Неужели у вас меньше?

— Меньше... две триста пятьдесят. Да, этот корабль будет серьезным соперником... Сколько дополнительной парусности?

— Девятьсот тридцать... Слушайте, сэр, я столько лет собирался заказать особый корабль, понимаете — самый лучший! Я плачу вам шестнадцать тысяч фунтов! Что же получается с этим... «Фермопилами», черт возьми это дурацкое имя!

— Вы получите самый лучший. Я увеличу нашу дополнительную парусность, всего дополнительной будет одиннадцать тысяч квадратных футов.

— Вам виднее! Но извольте сделать обшивку только из тика, ну... можно еще горный вяз. Но чтоб без сосны, как у худовского клипера! Плохо будет, если мой клипер окажется не самым быстрым кораблем на чайных линиях!

Судостроитель встал.

— Слушайте, Виллис, я хочу, чтобы вы поняли меня, — медленно сказал он. — Мы строим корабль самый

прочный, самый легкий на ходу, самый совершенный по всем пропорциям и парусности, самый безопасный для плавания в любых морях. Я не буду ставить лунных парусов на нашем клипере, разве только маленький грот-трюмсель. [1] Ведь я не собираюсь построить рекордиста по скорости. Такой уже был. И до сих пор, через одиннадцать лет, его рекорд еще никем не побит. Наверно, и не будет побит: тут нужен не только корабль, но и капитан, не жалеющий ни корабля, ни людей.

— Кого вы имеете в виду?

— Американцев. Их три клипера — «Летящее облако», «Молния» и «Джемс Бэйнс». Антони Энрайт на «Молнии» поставил в пятьдесят седьмом в Южной Атлантике, к югу от острова Гоф, мировой рекорд — прошел за сутки четыреста тридцать миль.

— Бог мой! «Джемса Бэйнса» я сам видел по пути из Кэйптауна в Сидней.

— В каком году?

— В пятьдесят шестом.

— В этот именно год он поставил рекорд скорости. Рекорд опубликован... Возьмите журнал. Двадцать один узел!

Виллис схватил номер «Морского альманаха».

— А наш клипер так ходить не будет? — спросил он с нескрываемой обидой.

Кораблестроитель положил руку на плечо упрямого шотландца:

— Поймите, Виллис, это не годится! Американцы оказались слишком смелы: еще пятнадцать лет назад они заострили обводы, отодвинули назад фок-мачту и начали крепить стеньговые штаги на палубу, а не к топам мачт... Корабли стали нести громадную парусность. Но эти знаменитые клиперы служили только лет шесть-семь, не больше. Гнать такую громадину со скоростью двадцать узлов! «Джемс Бэйнс» — две с половиной тысячи тонн, «Молния» — две. Гротарей [2] у «Джемса Бэйнса» чудовищен — сто футов, вдвое больше ширины корабля. Деревьев таких не нашлось, склепали из пластин орегонской со-

[1] В английском флоте самые верхние паруса (трюмсели) назывались лунными (moon sail), бом-брамсели — небесными (sky sail), брамсели — королевскими (royal sail) и т. п.

[2] Гротарей — первый снизу рей второй мачты, считая с носа.

сны... Такая парусность! А набор деревянный, дубовый, с медным креплением. Разве можно? Они и развалились, эти великолепные ходоки, едва себя окупив... Мы вам построим несокрушимый корабль наиболее совершенных пропорций, но ходом на три-четыре узла меньше. Все равно быстрее никого не будет, разве худовский... Ну, да мы примем меры...

— Так вы ручаетесь за восемнадцать узлов? — повеселел Виллис.

— Скажем так: с попутным ветром всегда семнадцать, а можно будет выжать и восемнадцать. Не рекорд! Постоянная коммерческая скорость!

Судовладелец вскоре откланялся, захватив с собой «Морской альманах». Провожая его к дверям, строитель вспомнил:

— Имя, давайте имя клипера, на днях будем закладывать. Иначе не успеем оснастить и отправить в рейс в шестьдесят девятом!

Джон Виллис приехал в свой просторный, несколько мрачный дом и заперся в кабинете.

— «Джемс Бэйнс». 1856 год. Одиннадцать лет назад... — бормотал он, раскрывая журнал и водя пальцем по оглавлению.

Наконец он нашел нужное — выписку из вахтенного журнала клипера-рекордиста:

«1856, июня 18, широта 42° 47′ южная, долгота 115° 54′ восточная, барометр 29,20 дюймов. Ветер меняется от З до ЮЗ.

Первую половину дня сильно свежеет... В 8 ч. 30 м. под всеми лиселями с правой и грот-трюмселем скорость 21 узел. С полуночи шторм от ЮЗ, но ясная светлая ночь. В 8 часов утра ветер и погода те же. Пройдено за сутки 420 миль».

Джон Виллис опустил альманах на колени и глубоко задумался.

Июнь 1856 года. Да, в двадцатых числах. Ему было тогда всего сорок шесть лет, и здоровье еще не начало сдавать, как теперь. Им была предпринята поездка в Австралию с целью самолично изучить условия австралийских фрахтов. Корабль его находился в водах великого западного дрейфа в пятистах милях к югу от Австралии,

на долготе ее западных берегов. До Бассова пролива оставалось еще около тысячи двухсот миль, а до цели плавания, Сиднея, — тысяча семьсот. «Ревущие сороковые»,[1] как бы приветствуя судовладельца, посылали крепкие зимние штормы — все время западные, попутные. Океан взметывался громадными волнами, сеял водяную пыль. Клочья и струи пены в воздухе обгоняли корабль. Старый крепкий почтовик скрипел, взмахивал длинным, крутым бушпритом и грузно проваливался между склонами мечущихся водяных холмов. Мокрые кливера на секунду обвисали и вновь надувались с гулким рывком, сотрясая корпус. Виллис не вел корабль, но проводил на палубе долгие часы, зачарованный мощью этого моря. Океан поражал своей мрачной первобытной силой. Внезапные шквалы у южноамериканских берегов, бешеные тайфуны китайских морей были опаснее, но ни один океан не требовал такой прочности от корабля и непрерывной, изматывающей борьбы с бурей и страшным волнением, как здесь, вдоль сорокового градуса южной параллели, на границе Индийского и Южного Ледовитого океанов.

Незабываемая встреча произошла в светлую июньскую ночь. Джон Виллис задержался на палубе, пытаясь рассеять головную боль от тяжелой многодневной качки. Ветер крепчал с каждым часом. Грустное пение такелажа, которому вторил низкий гул парусов, становилось резче и как-то наглее, пока не перешло в победный вой. Вахтенный помощник вызвал людей наверх — уменьшить парусность. Лаг исправно отсчитывал мили, и заслуженный корабль шел со скоростью в тринадцать узлов.

Внезапный крик вахтенного перекрыл свист ветра и всплески волн:

— Корабль справа, с кормы, идет тем же галсом!

В свете луны показалось сначала расплывчатое белое пятно, потом черная точка корпуса. С невероятной быстротой догонявшее судно росло, становилось отчетливее. Джон Виллис бросился на мостик. Корабль шел в бакштаг[2] правого галса с креном на левый борт. Корпус

---

[1] «Ревущие сороковые» (Roaring Forties) — сороковые широты южного полушария, очень бурные.

[2] Бакштаг — ветер, дующий сзади наискось по курсу корабля, здесь — дующий в правый борт корабля.

казался странно узким под огромной массой парусов и почти исчезал в облаке пены. Исполинские нижние реи разносили белые полотнища далеко в стороны, нижние паруса будто касались гребней пенящихся волн в двадцати пяти футах от бортов. С правой стороны лисели были выдвинуты на лисель-спиртах. Корабль загребал начинающуюся бурю простертым направо крылом и рвался вперед, отталкиваясь от ураганного ветра. Обращенный к Виллису борт корабля едва различался в хаосе волн и всплесков, по палубе извивались водяные потоки, пологий бушприт протыкал верхушки встречных валов. Судно словно могучим плугом вспарывало океан, тяжко трудясь в борьбе с надменной стихией.

Корабли сблизились. Несколько сорванных ветром выкриков в рупор, приветственные взмахи — и изумительный корабль, точно Летучий Голландец, исчез впереди в волнах и несомом бурей водяном тумане.

— «Джемс Бэйнс», Бостон! — наконец раскрыл рот вахтенный помощник. — Клянусь Юпитером, это моряки!..

Джон Виллис только кивнул в знак согласия.

— Мы убрали часть парусов, а у них не только лисели, даже лунный парус стоит. Видели?

Виллис вспомнил, что действительно видел парус на самой верхушке грот-мачты, но промолчал. Ему хотелось наедине обдумать впечатление. Встреча с американским клипером потрясла его сильнее, чем сначала показалось. И в Австралии, и на обратном пути он не мог забыть ломившегося сквозь бурю с поразительной отвагой корабля, который обогнал их, будто какую-нибудь баржу. Гордость судовладельца, собственника отличных кораблей, вдобавок еще шотландца, была уязвлена. Уж очень велико было превосходство американского клипера! Перебирая в уме — в который раз! — все известные ему корабли британского торгового флота, Виллис признавался, что нет ни одного, который мог бы совершить подобный же подвиг двадцатиузлового полета через ураган. А еще через год миру стал известен рекорд «Молнии», в западном дрейфе Атлантики на десять миль превысившей суточный переход «Джемса Бэйнса»...

Но что-то мешало Виллису признать «Молнию» или «Джемса Бэйнса» идеалами корабля. Встреча в Индийском океане разбудила не только жажду соревнования, но

и смутное ощущение, что идеальный клипер, корабль-мечта, должен быть другим. Громадный плуг, вспарывающий океан под напором чудовищной парусности, — нет, в этом судне не было той чарующей легкости усилий, какой-то простоты движения, которое пленяет нас в быстрых лошадях, собаках или птицах.

Несколько лет спустя, осторожно, боясь показаться смешным, Джон Виллис поведал свои мечты знаменитому судостроителю. И вот подошла пора осуществления, а строитель говорит, что клипер не будет таким же быстрым, как те прославленные американцы. Но он обещает всестороннее совершенство корабля.

Это верно! Клипер-мечта должен быть меньшим, легко нести свои паруса и скользить по волнам, а не пахать их. Как прекрасен был бы танец на верхушках волн! Нестись вместе со свитой пенных гребней, сливаясь с движением ветра...

Внезапно острое воспоминание, как молния, вспыхнуло в мозгу. Джон Виллис понял, откуда появилось у него представление о скользящем полете. Сорок лет назад он видел картину художника — он давно забыл, какого, — изображающую молодую ведьму из поэмы Бернса — Нэн Короткую Рубашку. Вызывающе смеясь, лукавая и желанная, юная женщина неслась в беге-полете над вереском и кочками шотландских болот, ярко освещенная ущербной луной. Ее обнаженная левая рука была поднята вверх и изогнута, словно лебединая шея, а правая легко отведена в сторону. Тонкая рубашка, ниспадавшая с плеч, короткая, как у выросшего из нее ребенка, открывала во всю длину сильные стройные ноги. В круглом лице и изгибе широких бедер художник сумел отразить ненавязчивую порочность, напоминавшую, что эта красивая не по-английски девушка, настоящая дочь Шотландии, все же... ведьма...

Картина впервые разбудила у юного Джона Виллиса сознание сладкого и тревожного очарования женщины. Образ юной Нэн Короткой Рубашки накрепко запечатлелся в памяти, связанный с ожиданием неопределенных чудес будущего. И только самому себе сознавался гордый судовладелец, что ему пришлось позже встретить похожую на ту Нэн девушку. Простая служанка из горной шотландской деревни, она не могла быть женой, подходившей чопорной семье молодого Виллиса. Стыдясь своей

любви, Джон грустно вздыхал, так и не признавшись насмешливой и смелой девушке. Все давно миновало, жизнь прошла совсем по-иному, чем это мечталось смолоду, но в потаенных уголках души заносчивого богача продолжало жить сожаление о сладостном и запретном образе Нэн, сливающемся с утраченной любовью к Джэн.

И сейчас, слегка взволнованный воспоминаниями прошлого, Джон Виллис решил, какое имя больше всего подходит его будущему кораблю.

Нэн Короткая Рубашка! Быстрая, как ветер, прекрасная и своенравная! И его клипер будет носиться по океанам в легком беге-полете юной ведьмы!

Джон Виллис довольно ухмыльнулся, но тут же сообразил, что имя ведьмы, данное кораблю, вызовет недоумения и нарекания. Что ж, у него хватит воли отстоять свое, но все же лучше назвать клипер просто «Короткой Рубашкой» — «Катти Сарк», без имени Нэн. Носовая фигура, деревянная статуя под бушпритом, будет изображать Нэн Короткую Рубашку. Он позаботится, чтобы ее сделали похожей на ту самую Нэн — Джэн...

ДВА СОПЕРНИКА

Клипер Виллиса получил название «Катти Сарк», сколько бы ни удивлялись и ни отговаривали упрямого шотландца приятели и товарищи.

А осенью 1868 года вышел из Эбердина новый худовский клипер «Фермопилы». Вскоре среди моряков разнеслась слава о необыкновенном корабле, превосходившем всех быстротой, управляемостью, легкостью хода. В следующем году отчалила от пристани Темзы и «Катти Сарк», направляясь в далекий Китай. Флот чайных клиперов, пораженных мореходными качествами «Фермопил», скоро понял, что у этого замечательного корабля есть соперник, не худший, а, может быть, даже и превосходящий его. Как настоящая ведьма, «Катти Сарк» настигла только что ушедший в очередной рейс худовский клипер и, несмотря на отчаянные усилия его экипажа, пришла одновременно с ним в Шанхай. С этой поры между двумя лучшими парусниками мира началось неустанное соревнование, продолжавшееся двадцать пять лет.

Когда на туманном рассвете с наступлением прилива

«Катти Сарк» и «Фермопилы» одновременно исчезли из Шанхая, моряки поняли, что началась самая интересная за столетие гонка кораблей. Оба соперника пролетели Зондский пролив, не теряя друг друга из виду. Затем, медленно, час за часом, сутки за сутками, «Катти Сарк» стала опережать «Фермопилы». В бейдевинд [1] оба клипера шли по тринадцати узлов — неслыханное дело, недоступное всем другим клиперам. Затем бейдевинд стал круче, и тут «Катти» оказалась быстрее на полтора узла, чем шедший десятиузловым ходом ее соперник.

Всё дальше расходились корабли. «Катти Сарк» скрылась за горизонтом, и, как ни лавировал ее противник, в течение двух суток впереди ни разу не показались паруса «Катти Сарк».

Барометр неуклонно падал, густой удушающий зной плавал над маслянистым океаном, и вечерние звезды плясали и дрожали у горизонта. Ведьма Нэн Короткая Рубашка бесстрашно неслась навстречу грозному тайфуну, не изменяя курса, а вдалеке, невидимый за выпуклым простором моря, так же неустрашимо и упорно следовали за ней «Фермопилы».

Оба клипера проскочили через тайфун, но «Катти Сарк» не повезло. Виноват был замешкавшийся рулевой. Тяжкий вал ударил по старнпосту, [2] расщепил руль. Штуртрос лопнул, вывернутый на сторону руль оторвался. Клипер, потерявший управление, начал с опасным креном судорожно нырять в гремящих валах. Но моряки не растерялись. Положенный в дрейф клипер справился с тайфуном и с наскоро прилаженным временным рулем благополучно прибыл в Англию, уступив на этот раз пальму первенства «Фермопилам».

В чайном флоте «Катти Сарк», как и «Фермопилы», пробыла недолго. Развитие чайного дела на Цейлоне сократило китайскую чаеторговлю, и держать на ней эти замечательные корабли стало невыгодным. Клиперы перешли на австралийские рейсы и тут-то наилучшим образом проявили себя.

От мыса Доброй Надежды до Австралии путь кораблей пролегал через «Ревущие сороковые» с их постоян-

---

[1] Бейдевинд — ветер, дующий наискось, спереди и сбоку.

[2] Старнпост — ахтерштевень, вертикальный кормовой брус, к которому крепится руль.

ными штормами и крупным волнением. Здесь «Фермопилы» и «Катти Сарк» возглавили весь шерстяной флот, состоявший из отборных судов, ибо австралийская шерсть срочно требовалась все увеличивающемуся текстильному производству Англии.

Джон Виллис долго подыскивал подходящего капитана для своего любимого клипера, пока не остановился на Ричарде Вуджете. Молодой моряк зарекомендовал себя наилучшим образом в ужасный ураган 1875 года, и судовладелец решил поручить ему корабль.

Дик Вуджет радостно согласился и в первый же рейс понял, что не ошибся. Это плавание стало незабываемым, чистым и редким наслаждением. Вуджет изучал свой превосходный корабль на смене галсов. Не было случая, несмотря на шквальные ветры или тяжелое волнение, чтобы корабль не выполнил поворота оверштаг[1] быстро, без всякой задержки, бросаясь к ветру, едва руль перекладывался на ветер.

В штилевых полосах тропической Атлантики «Катти Сарк» окончательно и навсегда покорила свой экипаж.

В знойном воздухе реял почти неощутимый ветерок, верхушки медленных, лениво зыбившихся волн закруглились, будто расплавились, море горело под безжалостным солнцем. Но клипер, чуть раздувая всю массу своих парусов, продолжал скользить по волнам шестиузловым ходом. Это казалось чудом, но это было так! Штилевая полоса на этот раз не мучила моряков вынужденным бездельем, нелюбимым гораздо сильнее всякой непогоды и особенно отвратительным в душную жару.

В южных широтах устойчивый зюйд-вест сразу прибавил клиперу ходу. Лаг принялся отсчитывать серебристыми звонками пресловутые тринадцать узлов в бейдевинд. Капитан Вуджет стоял у борта, вглядываясь в даль, где холодные фиолетовые волны прочерчивались красноватыми, вблизи совсем багряными гребнями. Море меняло оттенки красок каждую минуту, по мере того как летели навстречу срываемые ветром всплески и солнце склонялось все ниже к четкой линии горизонта. Светлая бронза заката резко граничила с голубовато-серой поверхностью моря. После зноя угасшего дня сильный зюйд-вест

[1] Оверштаг — поворот корабля против ветра.

нес прохладу из ледяных просторов Антарктического океана.

Вуджет, устремив невидящий взгляд на едва заметно вибрировавшие вант-путенсы,[1] думал о тех моряках, которые на несравненно худших, чем его клипер, судах проникали в глубь этого всемирного ледяного погреба. Знаменитый соотечественник Кук и храбрый русский Беллинсгаузен далеко заходили в область холодных туманов, среди которых смертоносными призраками скользили гигантские айсберги.

Вуджет старался представить по читанным когда-то описаниям плаваний странный материк на Южном полюсе — чудовищную ледяную шапку, с которой дуют крепчайшие в мире ураганы и в клубящейся белесоватой бессолнечной мгле в океан ползут мертвые льдины. Именно антарктические бури на всем пути от южной оконечности Африки до Австралии дыбят огромные волны и рождают частые штормы.

Капитану не терпелось принять сражение с угрюмой мощью бурных широт. Но дни и ночи сменялись по-прежнему спокойно, как всегда на хорошем корабле в хорошую погоду, различаясь лишь вахтами, реже — сменой галсов, да еще обсервациями места корабля.

Красивая ведьма пронесла, плавно покачиваясь, свои высокие белогрудые мачты мимо мыса Игольного в Индийский океан, когда всем находившимся на клипере стало ясно, что безмятежному плаванию пришел конец. Барометр падал медленно, но непрерывно, с зловещим упорством.

Вахта капитана Вуджета пришлась на безлунную светлую ночь. Однообразно гудел ветер в парусах, не нарушая ощущения тишины. Волны мерцали свежеразрезанным свинцом и, казалось, освещали борта корабля. Вода тускло отблескивала; обычные зеленый и красный блики бортовых огней совсем не замечались в волнах. Блеск волн не исходил изнутри, как при обычном свечении моря, вызываемом морскими животными. Вода казалась огромным волнистым зеркалом, отражавшим невидимый свет, и, может быть, это и было так на самом деле.

Капитан внимательно оглядел небо. Оно стало пепельным. Справа, на юге, звезды на горизонте затемнялись

[1] **Вант-путенсы** — боковые нижние растяжки мачт.

узкой, серповидной полосой облаков. Удивленный странным состоянием моря, Вуджет долго вглядывался в далекие тучи, но не заметил угрожающего расширения облачной полосы. Зайдя в рубку, капитан сильно затянулся, направив красный огонек трубки на стекло равномерно качавшегося барометра. Ртуть стояла на 28,3 и своим быстрым падением обещала бурю. Вуджет снова направился к борту, бросив взгляд на рулевого, четким силуэтом выделявшегося в желтом свечении нактоуза.[1]

— Кто на руле? — негромко спросил Вуджет.

— Бэйкер, сэр! — звонко отозвался матрос.

Это прозвучало для капитана успокоительно. Бэйкер был опытным матросом, плававшим еще на китайской линии.

Вуджет продолжал свою молчаливую прогулку по палубе, наблюдая за облачной дугой, западный конец которой все больше вытягивался позади клипера. Море темнело, волны потеряли свой блеск, зато небо начало светлеть. Первые лучи солнца сверкнули над водой, и одновременно облака справа и сзади стали густеть, кудрявиться по краям и задергивать небо снизу, от горизонта, плотной массой.

Капитан вызвал всех наверх взять рифы на фоке и фор-марселе, а также закрепить грот и контр-бизань. Первые шквалы потрясли корабль. В хаосе брызг, в пронзительном свисте ветра «Катти Сарк» вздрагивала, кренясь и прибавляя ход. Шторм склонялся все больше к западу, пока не перешел на чистый фордевинд. Тяжелые, низкие облака потушили золотившийся восток, опускаясь все ниже, и, казалось, утюжили верхушки грозных валов, получищем двинувшихся на клипер.

Капитан распорядился закрепить все крюйсельные[2] паруса, рискнув оставить полный грот-марсель, все брамсели и бом-брамсели,[3] положившись на прекрасную остойчивость «Катти Сарк». Он не ошибся. Судно мчалось четырнадцатиузловым ходом совершенно спокойно, несмотря на крупные волны. Рулевые на штурвале работали сосредоточенно, но без всякого напряжения.

[1] Нактоуз — деревянная колонка, на которой устанавливается судовой компас.

[2] Крюйсельные паруса — паруса на задней мачте (бизани).

[3] Брамсели и бом-брамсели — верхние паруса на мачтах.

Вуджет лишний раз убедился, что многовековой опыт кораблестроения действительно воплотил все лучшее в его замечательном судне.

Шторм установился в одном направлении. Клипер несся сквозь бушующий океан, словно заколдованный. Гривастые водяные горы вздымались вокруг, угрожая задавить судно своей тяжестью, но не могли даже захлестнуть палубу, обдаваемую только брызгами. Серые разлохмаченные облака с огромной скоростью бежали по небу, обгоняя «Катти Сарк».

Видимость сократилась. Океан не казался беспредельным и стал похож на небольшое озеро, замкнутое в свинцовых стенах туч и изборожденное гигантскими волнами. Слева начал подниматься вал непомерной вышины. Темная зловещая бездна углублялась у его подножия. Вал рос, приближался, заострялся. Вот уже совсем навис над палубой «Катти Сарк» его заворачивающийся вниз гребень. В долю секунды клипер взлетел на него, легкий и увертливый. Чудовище исчезло, подбросив корму своим последним вздохом. Волшебница Нэн плясала на волнах, и угнетающая сила бури не имела над ней никакой власти.

Весь экипаж клипера был охвачен задорной смелостью, которую порождает в людях буря, если они полностью уверены в своей безопасности. Чуткое ухо капитана уловило сквозь рев урагана обрывки песни, — матросы изо всех сил горланили какой-то старинный пиратский напев, а боцманы, ругаясь, требовали молчания. Вуджет приказал первому помощнику не уменьшать парусов.

— Наша красавица несет их совершенно легко, — добавил капитан, еще раз окинул взглядом беснующееся море и удалился в свою каюту.

Еще не проснувшись как следует, Вуджет понял, что долго спал, и вскочил на ноги.

На палубе его приветствовал молодой второй помощник:

— Все великолепно, сэр! И вас убаюкало на славу!

— Только не знаю, на чью! — буркнул Вуджет, удивляясь, что проспал полторы вахты.

— Конечно же, во славу нашей «Катти»! — восторженно воскликнул молодой моряк.

Капитан согласно кивнул, зорко оглядывая небо и море.

Волны катились ровнее, и слои облаков поднимались все выше. Ветер еще выл и гудел над палубой, когда в небе произошла внезапная и резкая перемена. Словно гигантский нож распорол толстое облачное одеяло от края до края горизонта. Серая пелена, заграждавшая простор океана, расползлась в стороны, уходя на норд и зюйд. Разрез в тучах открыл чистое небо, уже слегка тускневшее в преддверии вечера, и проложил на поверхности моря широкую, светлую дорогу.

Необъятное сизое крыло низких туч на севере медленно отступало в темную даль.

Внезапно оттуда вынырнул корабль. Сильно накренившись, он мчался по бурному морю с той же неуловимой и необъяснимой легкостью, как и «Катти». Буря утихла, но ветер, зашедший к югу, был еще очень свеж, чтобы не сказать крепок. Встречный клипер шел почти в халфвинд.[1] Кроме основных парусов, судно несло все стаксели и даже два лиселя. Затаив дыхание, моряки следили за кораблем, и ревнивое чувство завладевало ими. Клипер несся по бурному морю еще быстрее их корабля. Он прошел вдали, уже слабо различимый в темнеющем небе, не подав никакого сигнала, а может быть, его сигналы уже не различались.

— Это «Фермопилы», только «Фермопилы»! — восхищенно воскликнул один из матросов, не раз встречавший соперника «Катти Сарк» в китайских водах.

Капитан Вуджет и сам инстинктивно понял, что это мог быть только второй знаменитый клипер. Что-то одинаковое с «Катти» было во всей повадке корабля: та же чудесная слаженность всех пропорций корпуса, рангоута и парусов, заставлявшая восхищаться даже неопытных пассажиров.

Закусив губу, Вуджет распорядился прибавить парусов. Для «Катти» ветер был бакштагом — наилучшим для парусника. Скачком увеличив ход, судно понеслось по волнам. Вскоре звонки лага возвестили семнадцать узлов. Но ветер слабел, можно было рискнуть — и Вуджет приказал поставить все стаксели и лисели: всю дополнительную парусность корабля. Три тысячи триста пятьдесят квадратных метров парусины низко загудели, надулись огромными белыми рядами.

[1] Халфвинд — полветра, когда ветер перпендикулярен курсу корабля.

— Восемнадцать узлов! — завопил помощник, осекся, покраснел, но, встретив сочувственный взгляд своего капитана, вновь приосанился.

Некоторые вновь принятые в экипаж моряки не хотели верить. Но ветер дул теперь ровно, мягко шипела и плескалась под носом вода, а скорость клипера оставалась все той же. Только звонки лага отмечали милю за милей, да победно пели тросы стоячего такелажа. И каждый моряк экипажа «Катти Сарк» чувствовал себя наследником прежних победителей морей, прокладывавших новые пути по грозным необозримым океанам, среди которых любой корабль терялся ничтожной песчинкой. Судьба отметила и возвысила их: они плавают на лучшем корабле мира!

Если бы только не «Фермопилы»! А впрочем, может быть, и хорошо, что их — кораблей-альбатросов — два. Будет с кем потягаться, попробовать силы!

ПАР И ПАРУСА

Капитан Ричард Вуджет при поддержке своей команды не переставал изучать «Катти Сарк». В его руки попало чудесное творение рук человеческих, с помощью которого можно было бороться за скоростной полет по половине земного шара при любых условиях того сложного сочетания жары и холода, ветра и штиля, дождей и сухих бурь, которое для сокращения именуется погодой и к которому на море добавляются волнение, течения и противотечения, приливы и отливы. Вуджет учился брать от корабля все богатство его управляемости, невероятно гибкой для парусника с прямым вооружением, способности к лавировке и движению при слабых ветрах. Результаты труда капитана и экипажа не замедлили сказаться: все бегуны шерстяного флота оказывались неизменно побежденными. Быстроногая ведьма, выходя одновременно с другими судами, опережала их на целые недели.

«Фермопилы» были тоже побеждены: и в первый, и во второй, и в пятый раз... Первенство «Катти» утвердилось, хотя и не столь прочно, как хотелось бы капитану и команде корабля. «Фермопилы» уступали «Катти Сарк» в переходах всего на часы, самое большее — на сутки. Упрямый корабль не прекращал состязания, казалось, впитав в себя шотландское упорство своих строителей.

Целыми неделями «Катти Сарк» мчалась с попут-

ными ветрами со скоростью семнадцати узлов, покрывая более трехсот шестидесяти миль в сутки. В 1885 году «Катти Сарк» сделала переход из Лондона в Сидней, преодолев расстояние в двадцать одну тысячу триста километров с буксировками, ожиданием лоцманов и заходом в Кейптаун за шестьдесят семь дней. Джон Виллис, которому перевалило за семьдесят, устроил банкет и принимал поздравления, как владелец лучшего в мире корабля. Однако новая сила вступила в соревнование на морских просторах: пароходы — эти жалкие каботажные скорлупки — превращались в настоящие океанские суда. Применение винта сделало их надежными; строители паровых машин и котлов накопили нужный опыт. И даже на далеких и тяжелых австралийских рейсах доставка почты была поручена пароходам. Резвость шерстяных клиперов с каждым годом уступала работе машин, более стойкой и постоянной, меньше зависящей от капризов погоды.

«Фермопилы» и «Катти Сарк» дольше всех держали знамя в соперничестве пара и паруса, вызывая неизменное восхищение у пароходных пассажиров и команды, когда при попутном ветре тот или другой из красавцев-клиперов возникал белокрылым лебедем среди моря, нагонял дымившее, глухо шумевшее чудовище и скользил вперед, чистый, безмолвный и легкий.

В 1889 году мир удивился новому подвигу «Катти Сарк». «Британия» — один из лучших почтовых пароходов Полуостровной и Восточной компании отправился в австралийский рейс. У острова Гарбо пароход встретил «Катти Сарк», шедшую тоже в Сидней. Крутой бейдевинд не давал клиперу развить более двенадцати узлов, а пароход исправно, сутки за сутками, делал четырнадцать.

Пассажиры и моряки «Британии» наблюдали за усилиями клипера лавировать побыстрее: по неслышной команде менялись галсы, разворачивались дополнительные паруса...

И все же белое облачко осталось позади, растаяло в голубом сверкании спокойного моря. Многие зрители, знавшие, что встретили самый быстроходный из старых клиперов, поспешили объявить, что паруса побеждены. Но капитан, лучше знавший, с кем имеет дело, только покачал головой, заявив, что впереди еще несколько тысяч миль пути.

Велико было удивление пассажиров, когда через трое суток позади начал вырастать знакомый белый силуэт. «Катти Сарк» теперь шла с попутным ветром и приняла в себя всю его торжествующую силу.

Капитан Вуджет не мог отказать себе и своим людям в удовольствии пройти совсем близко от бортов «Британии». С мягким шипением воды и гудящим на высоких басах такелажем клипер промчался в двух кабельтовых [1] от парохода. Огромные мачты высоко встали над морем. Поддерживаемые надменно выпяченными парусами, они, казалось, несли клипер по воздуху, приподняв его над волнами, в которых тяжело переваливался пароход. И команда и пассажиры «Британии», высыпавшие на палубу, устроили «Катти Сарк» бурную овацию. Приветственные крики неслись вслед клиперу, когда он, делая восемнадцать узлов, оставил пароход позади, несмотря на распоряжения капитана «Британии» увеличить ход до предела. Только один человек на пароходе — один из лучших инженеров пароходной компании — молчаливо стоял у борта, не отрывая глаз от парусного красавца.

— Не знаю, как вам, а мне горько видеть эту красоту и знать, что она уходит, что она обречена на исчезновение! — отвечал он на вопросы спутников.

Несмотря на то, что пароходная машина в этом рейсе без единой аварии печатала свои четырнадцать узлов, паруса победили пар. «Катти Сарк» пришла в Сидней на четыре часа раньше парохода. Снова газеты заговорили о триумфе клипера. Но старый Джон Виллис лежал уже под каменной плитой — он не дождался новой победы своей любимицы над пароходами, которых не понял и не любил. Упрямый шотландец мог быть доволен: его мечта-ведьма много раз вступала в соревнование с пароходами и побеждала их. И все же пароходный инженер оказался прав...

«КАТТИ САРК» ОБРЕЧЕНА

Лунная ночь чем-то тревожила капитана Вуджета. Атлантический океан был спокоен. Уже шестые сутки пассат гнал клипер ровным, быстрым ходом. Ни единого

---

[1] Кабельтов — 50 морских саженей — около 100 метров.

звука, кроме журчания воды и гула снастей, не слышно на затихшем корабле. Изредка возглас впередсмотрящего или удары колокола, отбивавшего склянки, — и снова молчание теплой, светлой ночи.

Вуджет, сняв фуражку, теребил свои поседевшие, коротко остриженные волосы. Старший помощник заступил вахту, но капитан не уходил с мостика. Шагая взад и вперед, Вуджет думал.

Решетки настила из крепкого тикового дерева истерты его ногами. Не так уж много осталось до дня, когда он отпразднует пятнадцать лет командования «Катти Сарк». Замечательный клипер по-прежнему крепок, никакой течи в корпусе, никакого износа главного рангоута. Он, капитан, не щадил корабля, выжимая из него невиданную скорость, и в то же время берег корабль, пользуясь слабостью старого Виллиса. Но старик давно уже умер, а наследникам... что им до корабля! «Больше фунтов, шиллингов, пенсов, капитан! Капитан, ваш клипер скоро станет убыточен!»

Вуджет злобно передразнил старшего сына Джона Виллиса в мыслях. Тревога не оставляла моряка, все больше овладевала им. Сознание обреченности «Катти Сарк» проникало в душу и, точно ржавчина, разъедало ее.

Он всего себя отдал кораблю. Отборная команда подбиралась годами. За счет морской выучки и сработанности каждой вахты Вуджету удалось уменьшить против обычной нормы число людей. И все равно — шестьдесят человек! И девятьсот шестьдесят регистровых тонн. По шестнадцати на человека, на деле и того меньше! Даже большие американские клиперы-скоростники середины столетия были выгоднее. При сотне человек экипажа они обладали средней грузоподъемностью в две тысячи тонн — около двадцати тонн на человека.

Пока в тяжелых морских условиях возили скоростной дорогой груз — клиперы чайного и шерстяного флота были рентабельны. Но что же можно сделать теперь, когда пароходы, точные, как часы, возят по сотне тонн на человека команды, а новые — и по сто пятьдесят... Им не уступают вновь придуманные барки. После того как американцы провалились с постройкой дешевых больших шхун (эти рыскливые суда оказались очень опасными в океане на попутном волнении), в Европе стали строить большие стальные суда с прямой парус-

ностью, но очень простым такелажем. Марсели разрéзали на две части, поставили лебедки, и четыре человека легко управляются там, где раньше едва управлялись десять. Барк в три, а то и четыре тысячи тонн имеет лишь двадцать четыре человека команды. Скорость, конечно, несравнима с клиперами, дай бог — десять узлов, но ведь сколько есть дешевых, нескоростных грузов: уголь, лес, соль, удобрения, руда!..

Капитан Вуджет был образованным моряком и не мог не понимать назревшую трагедию старых парусников. Уже два года, как исчез с австралийских рейсов клипер «Фермопилы», вечный соперник «Катти Сарк». По слухам, он продан куда-то в Канаду, но и там вряд ли продержится. Парусники покупают сейчас на Средиземном море и Зондских островах — в странах, где труд дешев и численность команды на коротких рейсах не имеет большого значения.

Вуджет наклонился и осторожно потрогал рукой отполированное углубление в медной поперечине поручня. Здесь, у этого столбика, он привык стоять в трудные минуты жизни корабля и, упираясь коленом в стойку, встречать лицом к лицу ярость бушующего моря.

— Конечно, они позолотят пилюлю, — вернулся он снова к мыслям о судовладельцах, — но надо смотреть правде в глаза. Песенка моей «Катти» спета. Боюсь, что они стесняются только славы корабля, но ее хватит еще года на три, не более! Ну, пятнадцать лет отпраздную, а дальше...

Капитан оказался прав. Невыгодность знаменитого корабля надоела потомкам Джона Виллиса. И в 1895 году британский флаг сняли с «Катти Сарк», с этой гордости английского флота, как пятью годами раньше его сняли с «Фермопил». Оба гордых океанских лебедя, четверть века честно служившие своим хозяевам, были проданы и, в буквальном смысле слова, пошли по рукам. Никому из британцев, занятых только чистоганом, не пришло в голову, что такие совершенные творения мысли и опыта подобны произведениям искусства и принадлежат, в сущности, всему человечеству, как памятники развития его культуры.

Судьба обоих кораблей сложилась по-разному.

В португальском военном флоте тогда были настоящие знатоки. Проследив за «Фермопилами», они приобре-

ли в Канаде этот клипер, уже приспособленный было к перевозкам свежей рыбы. «Фермопилы» вошли в состав португальского военного флота в качестве учебного судна. С таким кораблем моряки могли чувствовать себя в безопасности у родных берегов и в Бискайе, всегда отличавшейся грозными бурями и справедливо прозванной «кладбищем кораблей». Владельцы «Катти Сарк» также продали ее португальцам — фирме Феррейра в Лиссабоне. Если бы они решили отделаться от «Катти Сарк» на полгода раньше, то учебным судном стала бы «Катти», а не «Фермопилы». Вся история нашего клипера стала бы иной.

«Фермопилы» выдерживали шквалы Бискайского залива, бури Средиземного моря и неистовые налеты штормов близ Южной Америки еще двенадцать лет. В 1907 году, когда исполнилось сорок лет службы корабля, стала очевидной его дальнейшая непригодность. Связи корпуса расшатались еще за время работы в шерстяном флоте. Постоянная гонка с максимальной парусностью на крупном волнении состарила в конце концов замечательный корабль, и надо лишь удивляться его долгой жизни. Сказалась облегченная в сравнении с «Катти Сарк», частично сосновая, обшивка. Но моряки португальского флота остались верны себе. Они не продали состарившийся клипер на дрова, не превратили его в угольный плашкоут или речную баржу. Португальское адмиралтейство издало специальный приказ: парусник вывели в море и устроили ему морские похороны перед строем военных судов. Под звуки шопеновского траурного марша украшенный флагами клипер был торпедирован.

Очевидцы рассказывали потом, что день был ослепительно ярок, воды моря у бухты Лагуш сияли прозрачной синевой. «Фермопилы» погружались кормой. Когда нос корабля под грохот орудийного салюта скрылся под водой, многих старых мореходов прошибла слеза. Хорошо, что на свете имеются люди высокой и мечтательной души, как эти португальские моряки!

Совсем не такие слезы навертывались на глаза капитана Ричарда Вуджета, когда он сдавал свой корабль представителям фирмы. Вести его в Лиссабон он отказался и покинул клипер на родном берегу. Невыразимая горечь расставания с кораблем усугублялась тем, что лучший клипер мира был продан по дешевке в чужую

страну. Матросы и офицеры оставили судно и в гробовом молчании ожидали на берегу своего капитана. Вуджет никак не мог покинуть мостик. Стыдясь набегающих слез, он обращал глаза к мачтам. Их уходившие высоко в пасмурное небо клотики столько раз просекали плотный напор бури, накалялись тропическим солнцем, жутко светились огнями святого Эльма в предгрозовых ночах... Как знакома каждая черточка строгого рисунка на ореховых панелях переднего дэкхауза, тысячи раз встречавшего взгляд капитана за тысячи вахт!

Два клерка, непонимающие и удивленные, ожидали на палубе. Капитан потрогал отполированные спицы штурвала и вдруг крепко сжал поручни мостика, так что побелели пальцы загорелых рук. Это было как последнее рукопожатие перед разлукой навсегда. Сгорбившись, понурив голову, моряк сбежал на палубу, перешел на берег и не оглядывался до тех пор, пока щели узких улиц не скрыли от него мачт «Катти Сарк».

Вуджет не показывался из дому несколько дней, пока клипер не исчез из порта...

ПОД ПОРТУГАЛЬСКИМ ФЛАГОМ

После гибели «Фермопил» «Катти Сарк» оставалась совсем одинокой, единственной в мире, но и она фактически исчезла для него. Португальский флаг не прибавил ничего нового к прошлой славе клипера. А старая слава забылась, как забывается все в быстром течении жизни, несмотря на усилия людей, особенно власть имущих, удержаться подольше в памяти человечества.

Новые капитаны неплохо обращались с кораблем. Память прошлой любви и тугой кошель давно умершего Джона Виллиса продолжали играть свою роль — тяжелый железный набор и тиковая обшивка «Катти Сарк» сделали ее корпус несокрушимым. Годы шли, а клипер продолжал плавать без малейшей течи. Разразилась первая мировая война. «Катти Сарк», проданная и забытая своим отечеством, снова начала служить Англии, войдя в состав торгового флота союзников как одна из самых незаметных и незначительных его единиц. Скромные перевозки английского угля на юг Франции, в Италию и Гибралтар стали уделом старого парусника.

В один из холодных дней поздней осени 1915 года клипер шел из Лиссабона к западным берегам Англии. Дождь, моросивший из низких туч, подхватывался резким ветром. Серое, взъерошенное море сливалось с таким же серым горизонтом. Темное небо опускалось все ниже на побелевшую от вспененных гребешков волну. Барометр предвещал сильную бурю, но капитан клипера и его совладелец, один из молодых родственников известных в Лиссабоне судовладельцев Феррейра, был отважным моряком. Раскачиваясь под глухо зарифленным фоком, верхними марселями и брамселями, «Катти Сарк», сохранившая прежнюю резвость юной ведьмы и под новым, благочестивым именем, шла тринадцатиузловым ходом. Съежились у вант вахтенные, посинел на мостике офицер; все мечтали о конце вахты и о кружке горячего кофе. До зоны плавающих мин было еще далеко, и капитан Феррейра мирно спал в той самой каюте, в которой провел такой большой кусок жизни капитан Вуджет.

Гулкие раскаты прогремели впереди слева, там, где смыкалась узкая щель между тучами и морем. Баковый матрос закричал, что видит отблески огней. Вахтенный помощник разбудил капитана. Тот, позевывая, вышел на палубу, но сумрачное море молчало. Капитан, постояв на мостике с полчаса, озябнув и кляня помощника, направился в каюту, но был остановлен криком вахтенного:

— Судно слева по носу!

То, что предстало спустя некоторое время его глазам, мало походило на судно. Из моря торчала высокая башня, ржаво-красная, черно-белая. Она высилась над водой неподвижно, пугая своей необычностью. Это тонул кормой большой пароход, став среди моря почти вертикально. Множество обломков плавало вокруг, появляясь и снова исчезая в волнах, по которым все шире расползалась радужная пленка масла.

Изменив курс, клипер подошел к гибнущему великану. Передняя мачта парохода тонким крестом нависла на уровне верхних рей парусника. В проходах между спардеком и носовой палубой, на передней стене салона и ходовой рубки сгрудились люди, казавшиеся на белой краске скопищем черных мух. Некоторые в страхе цеплялись за лебедки, горловины люков, грузовые стрелы — за все выступы носовой палубы, стоявшей отвесно. Среди

волн плавали четыре опрокинутые шлюпки, много белых досок, весел, донных решеток.

Холодный ветер выл над бурным морем, и волны тяжело и глухо шлепали о подножие страшной башни. У переднего выреза фальшборта появился моряк с рупором в руке: немецкая подводная лодка торпедировала пароход, кормовое орудие которого успело несколько раз выстрелить и, по-видимому, повредило перископ. Обозленная сопротивлением, субмарина всплыла и расстреляла все шлюпки, которые удалось спустить до того, как крен корабля стал так велик. Положение судна безнадежно, хотя погружение приостановилось, — должно быть, в носовой части образовалась воздушная подушка.

Капитан Феррейра стоял на мостике, задрав вверх голову, и чувствовал, что сотни глаз жадно следят за ним. Для всех погибавших он явился избавителем от страшной участи, и не было на свете корабля благословеннее его клипера.

— Сколько людей на корабле? — не теряя времени, крикнул капитан в рупор — и с ужасом услыхал, что осталось не меньше тысячи.

Распорядившись лечь в дрейф и спускать шлюпки, капитан Феррейра не переставал думать о том, что взять всех немыслимо. Небольшой клипер, не приспособленный к перевозке людей, мог разместить в трюмах и на палубе самое большее семьсот человек. Не оставалось времени выбросить в море груз руды, но он, по счастью, и не занимал много места. Дело не в весе, а в объеме живого груза. Вдобавок эту массу людей маленькие шлюпки клипера будут возить до ночи. А ветер все крепчает, и пароход может затонуть в любую минуту — как только сдаст главная передняя переборка.

Храбрый португалец, уверенный в своем корабле, решился на отчаянный маневр. Развернув реи по продольной оси клипера, управляясь двумя стакселями и кливером, Феррейра стал медленно осаживать корабль боком по ветру. Затаив дыхание, обреченные люди на тонущем пароходе следили за клипером... Вот корма его коснулась борта парохода — там уже висели приготовленные кранцы и брезенты. В следующую секунду захлопали спущенные стаксели. Движение клипера замедлилось, и волны начали отводить нос парусника прочь от парохода, но канаты были уже заброшены, и парусник заболтался на

волнах в опасной близости от тонувшего гиганта. Эта близость стала спасительной для погибавших. По четкой команде экипаж парохода, военные и добровольцы из мужчин-пассажиров образовали крепкую стену в проемах бортов, откуда начали передавать людей. Женщин оказалось немного, гораздо больше было раненых: транспорт вез выздоравливающих с турецкого фронта. Каким головоломным ни казалось это предприятие — спускать почти беспомощных людей с высоты отвесно вставшего парохода на пляшущий на волнах внизу парусник, — но, выполняемое сотнями рук, оно быстро подвигалось. Наконец ранеными оказались забиты все свободные места в трюмах, кубрике, каютах, рубке, палубных проходах и даже в камбузе «Катти Сарк». Все раненые были переправлены до последнего человека. Оставались здоровые.

— Капитан, сколько еще сможете принять? — раздался сверху чистый, сильный голос. Загорелый полковник с седыми усами, как старший чином, взял на себя команду эвакуацией парохода.

— Еще на палубу, — хрипло выдавил Феррейра, — человек двести...

Полковник окинул взглядом ожидавшую спасения толпу.

— В первую очередь идут молодые! — крикнул он не допускавшим возражения голосом.

Ни слова протеста не раздалось в ответ. Люди выстраивались в очередь. Короткие споры возникали только там, где молодые отказывались идти, пытаясь предоставить возможность спасения старшим. Но, подчиняясь приказу, цепляясь за канаты, молодежь перепрыгивала на ванты парусника и молча размещалась на палубе, стараясь занять как можно меньше места. Клипер заметно оседал ниже. Феррейра едва успевал следить за всем, но восхищение мужеством моряков и солдат росло в нем, внушая озорную смелость. В утробе гибнувшего парохода послышалось глухое урчанье. Громадный корпус корабля вздрогнул и как будто стал погружаться в пучину.

— Отваливайте, капитан! Да сохранит вас бог за ваше мужество! — прогремел голос полковника. — «Ура» в честь капитана и его корабля!..

Борясь с подступавшим к горлу рыданием, Феррейра отдал приказание. Тихо, словно призрак, клипер начал

удаляться от парохода. Спасенные стояли у борта «Катти Сарк», не спуская глаз с героев-товарищей, отдававших свои жизни ради их спасения. Усилием воли Феррейра заставил себя распорядиться лечь на курс к берегам Англии. Неохотно, как бы борясь с собой, его матросы выполняли команду.

Торчавшая из моря башня скрылась за кильватерной струей парусника, и нельзя было решить — погрузился ли несчастный пароход или еще на плаву скрывался в туманной дали...

Волнение усиливалось, шторм надвигался быстро и неотвратимо. Вдруг недалеко от клипера вынырнула из волн вертикальная серо-зеленая трубка — перископ подводной лодки. Никогда Феррейра не испытывал такого ужаса. Более семисот жизней зависело сейчас от его сметливости и отваги.

— Все наверх! — заорал не своим голосом капитан. — Пошел паруса ставить!..

Почуяв беду, команда опрометью вылетела из кубрика, где подвахтенные кое-как дремали у стенки, отдав гостям все остальное помещение. Подводная лодка отказалась от торпедной атаки. Или ее перископ был действительно поврежден, или же, увидев беззащитный парусник, она пожалела торпеду, решив расстрелять его из орудия. Из волн вынырнула рубка, затем продолговатый корпус.

Плотно сбившиеся на палубе клипера люди следили за субмариной. Видимо, это была большая лодка секретной постройки, может быть, один из тех подводных крейсеров, которыми хвасталась немецкая пропаганда, грозя союзникам истребительной войной. Второй раз смерть подступала вплотную — и нервы людей начинали сдавать. Толпа загудела и заколыхалась.

— Молчать, стоять по местам!.. — взревел Феррейра по-английски и добавил спокойнее: — если хотите спасти свои шкуры...

Краем глаза капитан следил за быстро темневшим на юго-западе небом.

— Реи обрасопить на левый галс! Руль — два шлага под ветер! — звучали резкие слова команды.

Клипер начал терять ход, и моряки из спасенных стали с недоумением оглядываться. Тем временем на подводной лодке открылись люки. Из переднего показалось

длинное орудие — стопятидесятимиллиметровая дальнобойная пушка; из рубки высунулся ствол пулемета. Сейчас безжалостные снаряды начнут рвать в куски деревянное тело корабля, никогда не носившего никакого вооружения и созданного для борьбы со стихией, но не с человеком. Ливень пуль врежется в плотную массу людей на ничем не прикрытой палубе!

Волны накатывались на подводную лодку. Феррейра со злорадством заметил, как артиллеристы у орудия скользили и падали, цепляясь за леера поднявшихся из люка стоек. Кусая губы, Феррейра не замечал, что громко говорит сам с собой.

— Еще минуту, минуту, минуту!.. — твердил он, весь дрожа от тревоги ожидания.

Клипер вздрогнул, качнулся; огромные полотнища курсовых парусов наполнились ветром. Расстояние между субмариной и парусником стало медленно увеличиваться. Зелено-желтая молния блеснула в темнеющем море. Над головой моряков заурчал снаряд, и высокий столб воды встал справа от клипера, с тупым грохотом обрушив вниз свою косматую голову.

— Капитан, они приказывают остановиться! — выкрикнул с палубы чей-то высокий, дрожащий голос.

— Молчать, смирно! — яростно рявкнул Феррейра. — У меня шлюпок на пятьдесят человек!.. Эй, ложись на палубу!

Команда пришлась кстати. Клипер набирал ход, и с субмарины послышался треск пулемета. Пули застучали по обшивке, впиваясь в борта. Опять вспышка, грохот близкого разрыва, водопад, рухнувший на палубу. Еще!..

Минуты «Катти Сарк» были сочтены. Но тут — будто все ведьмы моря пришли на помощь своей любимице. Гул, свист, рев — и первый шквал бури обрушился на клипер. Он повалился на борт под скрип мачт и оглушительный треск разрываемой парусины.

— Руль прямо! Прямо руль!! — вопил капитан, стараясь удержаться на мостике, в то время как крен корабля и напор ветра силились перебросить его через перила.

Только «Катти Сарк» могла выпрямиться из такого крена, и она сделала это. Подхваченный бурей, клипер рывком прыгнул вперед. Вспышка, грохот... Мимо!

«Сейчас перестанут стрелять...» — подумал Феррейра.

Подводной лодке приходилось туго на поверхности моря в такую бурю. Но прежде чем уйти в глубину, хорошо выученные убийцы старались собрать легкую жатву.

Клипер гордой беспомощной птицей летел по волнам, распустив все свои белые крылья словно в предсмертном порыве. Два шестидюймовых снаряда вылетели вдогонку один за другим. Взрыв оглушил капитана, палуба накренилась. Со слепящей вспышкой вал воды обрушился на клипер. Феррейра упал, смутно, как сквозь стену, слыша вопли людей и треск дерева. Но вода схлынула, и капитан увидел, что корабль цел. На палубе валялись люди, обломки рей, обрывки спутанных канатов. «Катти Сарк», кренясь, продолжала мчаться прямо в кипящий котел урагана. Феррейра хотел встать, но не смог и застонал от беспомощности и внезапной боли. Еще ясный разум капитана понимал, что необходимо сейчас же убрать паруса, изменить курс с бакштага на фордевинд. Ни о каком преследовании со стороны субмарины не могло быть и речи, — бурный океан взял клипер под крепкую защиту.

Капитану казалось, что он громко командует, отдавая важные распоряжения. Но склонившиеся над ним люди не могли разобрать эти отрывистые, слабые звуки. А корабль тем временем продолжал нестись на крыльях бури. Прочные стеньги гнулись, а стальные растяжки — фордуны — начали звенеть невыносимо режущим ухо стоном.

Пока ошалевший от событий помощник начал распоряжаться, ряд последовательных страшных рывков потряс клипер Капитан Феррейра, умирая, уже ничего не почувствовал. Славный моряк мог не беспокоиться: «Катти Сарк» выдержала испытание моря, а снаряды врага пощадили ее. Только, как в первую гонку с «Фермопилами» — сорок пять лет назад, клипер потерял руль и опять с временным приспособлением дошел до Англии, доставив в целости свой груз человеческих жизней.

«КАТТИ САРК» — БАРКЕНТИНА

Гибель капитана Феррейры повернула судьбу «Катти». Еще раз проданный, еще дешевле, клипер попал в плохие руки.

Весной 1916 года в Бискайском заливе разразился шторм, сильный даже для этого котла бурь. «Катти

Сарк», в третий раз переименованная, шла из Англии с обычным грузом угля. Испугавшись дикой ярости шторма, шкипер решил повернуть на фордевинд и удрать от урагана. Ленивая, собранная из случайных бродяг команда ненавидела работу со снастями, точно брасы, топенанты и шкоты были личными врагами каждого матроса. Перед лицом грозной опасности вместо слаженных и самоотверженных усилий матросы сыпали замысловатые ругательства, а иногда вместе с капитаном призывали Иисуса Христа и деву Марию. Поворот недопустимо замедлился, и ураган сильно накренил клипер. Экипаж еще больше растерялся и упустил время.

«Катти Сарк» поднялась бы из крена, но сместился груз угля, и клипер совсем повалился на борт. Оставалось срубить мачты — те самые мачты, которые не мог согнуть напор ураганов в самых штормовых морях мира. Мачты полетели за борт, унося с собой весь такелаж. Корабль немного выпрямился.

Угрюмые, как после убийства, молясь и ругаясь, люди ожидали своей гибели. Но клипер и без мачт, повалившись на левый борт, вынес редкий по силе ураган и добрался до Лиссабона с временной фок-мачтой.

Леса, годного, чтобы восстановить прежний рангоут «Катти Сарк», не нашлось, а если бы он и нашелся, то оказался бы слишком дорогим для новых владельцев. Огромная и сложная парусность корабля требовала многолюдной команды для управления и большого искусства от офицеров. Всего этого не было, и вот лучший клипер мира стал баркентиной. Иначе говоря, фок-мачту оставили с прямой парусностью, а грот- и бизань-мачты снабдили косыми, как у шхуны, парусами. «Катти Сарк», превращенная в баркентину, переименованная в четвертый раз, запущенная и пестро раскрашенная, утратила свою поразительную резвость и плавала на случайных фрахтах между мелкими портами Средиземного моря, ценимая сменившимися владельцами только за корпус, который так и не давал течи.

Исполнилось пятьдесят три года службы корабля, когда разразилась ужасающая буря 1922 года. Тут-то, не ремонтировавшаяся с давних времен палуба бывшего клипера поддалась, проржавевшие бимсы лопнули, и капитан с напуганной командой, готовые проститься с жизнью, едва добрались до Фальмута.

ПРОШЛОГО НЕ ВЕРНУТЬ

В сентябре 1922 года «Катти Сарк» вернулась в Фальмут, с тем чтобы навсегда остаться в Англии. Капитан Доумэн израсходовал все свои сбережения, чтобы выкупить и восстановить «Катти Сарк». Приобретение мачт и рей было последним усилием старого капитана. Но начатое им дело не остановилось. Был начат сбор средств на такелаж; каждый из ветеранов флота считал своим долгом хоть что-нибудь достать для знаменитого корабля: хоть бухту троса, хоть несколько блоков. Кто не мог дать материалов или денег — помогал работой. Сменялись сгнившие брусья и доски обшивки, перестилалась палуба, постепенно вырастали громадные мачты.

Так простые люди Англии, сознававшие, что сохранение лучшего корабля страны, всем обязанной морю, является делом национальной чести, сберегли «Катти Сарк». Аристократы, столь ревниво оберегающие традиции своей родины, когда эти традиции касаются их собственных привилегий, забыли о реликвии английского флота. Забыли о ней и те богачи, состояния которых были добыты трудами тысяч безвестных моряков и славных кораблей. Но простые моряки, не заслужившие чинов и орденов, понимали ценность народного труда и бережно отнеслись к одному из лучших воплощений гения и рук английского народа...

Капитан Доумэн наконец дождался исполнения своей полувековой мечты. Открытое море приняло возрожденный клипер. Корабль семидесятилетнего возраста оставался почти прежним, созданным для бега взапуски с ветрами морей.

Но глухая тоска не покидала капитана Доумэна с того момента, когда берега скрылись за простором моря и океанская зыбь стала привычно качать «Катти Сарк».

На мостике, крепко вросши ногами в настил, стоял капитан — командир и владелец лучшего клипера его страны, да что́ там... всего мира. Что же нет настоящей радости исполнения заветной мечты? Скорее беспричинная грусть, какая-то жалость к самому себе одолевает его!

Доумэн почувствовал усталость и направился в капитанскую каюту. Он вытянулся на старом диване и закрыл глаза, прислушиваясь к гуденью ветра и тупым ударам волн в борта. Семьдесят лет волны всех морей

бьются в борта «Катти Сарк»; на корабле безвестной чередой прошли разные люди. Он, капитан Доумэн, тоже оставит здесь какую-то частицу себя и тоже безвестно уйдет в прошлое...

Прошлое! Вот в чем разгадка этой печали, продолжал думать Доумэн. Его мечта родилась давно и вся принадлежит прошлому — отважной молодости, закаленной зрелости парусного века и... его самого!

Но жить прошлым нельзя! Разве может он сейчас, одолеваемый старческими недугами, вести бессменно и неустанно борьбу с морем, гнаться с соперниками в трехмесячном рейсе? Да если бы и мог, то кому нужен теперь пробег его клипера в Австралию, куда ежедневно уходят десятки пароходов в десятки тысяч тонн грузоподъемностью! Этот гордый кораблик теперь будет только смешон, выйдя на состязание с современностью. Ведьма «Катти Сарк» была создана для важных дел, но значение их давно умерло, и нелепы попытки возродить прошлое. Соревноваться с пароходами на коммерческих рейсах бессмысленно. Но клипер еще не умер — он может учить! Он, Доумэн, может гордиться тем, что сохранил судно для этой цели — учить приходящую на смену молодежь тому пониманию моря, близости с ним, которые может дать только парусное плавание.

Капитан Доумэн присел и принялся раскуривать трубку. Боль в груди сделала курение редким удовольствием. Докурив, Доумэн вышел на мостик. Старый настил поскрипывал под его ногами, выдавая возраст корабля. Ветер, неизменный спутник моряка, обвевал отяжелевшую голову. В душе капитана стало легко, пусто и бездумно. Протерев заслезившиеся глаза, Доумэн приказал повернуть на обратный курс.

ОБЩЕСТВО СОХРАНЕНИЯ «КАТТИ САРК»

Даниил Алексеевич окончил чтение своей рукописи, вытер платком лицо и попросил чаю покрепче. Его гости и слушатели продолжали сидеть, будто ожидая еще чего-то.

— Я кончил! — пробурчал старый капитан и, сам взволнованный, сурово нахмурился.

После минутного молчания гости заговорили, перебивая друг друга:

— А дальше, что же дальше? Ведь вы довели рассказ до тридцать девятого года, а сейчас пятьдесят пятый. Где теперь «Катти Сарк»? Ведь еще шестнадцать лет прошло.

— Там же! Я был в Лондоне в 1952 году и видел ее стоявшей на Темзе у Гринхита, рядом со старым «Уорчестером». Этот двухпалубный военный корабль был учебным судном морских кадетов и практикантов торгового флота, а подаренная вдовой Доумэна «Катти Сарк» — вспомогательным. Затем в качестве учебного судна был куплен «Эксмут». А оба старых ветерана остались плавучими памятниками. Дерево на «Катти» выветрилось, краска облезла и облупилась — восемьдесят три года службы! Не было еще корабля в истории флота, который плавал бы — и как плавал — почти столетие!

— Даниил Алексеевич! — чуть не с отчаянием вскричал молодой штурман. — Неужели нельзя уберечь «Катти Сарк» от разрушения? Разве так трудно построить здание? Ведь это...

Старый капитан поднял руку, призывая к молчанию:

— Погодите немного!

Он порылся в столе, извлек несколько английских газет и два номера журнала «Судостроительные и Морского флота сообщения».

— Я собрал тут все последние сведения. В конце 1951 года в Клэрнс Хауз собралась группа людей, заинтересованных в судьбе клипера, на этот раз под председательством герцога Эдинбургского. Образовалось Общество сохранения «Катти Сарк». В настоящее время сумма сборов превысила двести тысяч фунтов. Клипер поставлен в специальный сухой док около восьмидесяти метров длины и шесть метров глубины, близ королевского Морского колледжа в Гринвиче. «Катти Сарк» будет полностью реставрирована и открыта для осмотра всем желающим летом 1957 года. Разыскана носовая фигура, но, к несчастью уже не первоначальная, не та самая Нэн Коротка Рубашка. Теперь наконец англичане не рассчитывают больше на старых чудаков-капитанов, а взялись за дело по-серьезному, дружно.

Найдены подлинные доказательства первоначального устройства рангоута «Катти Сарк». Основные факты взяты из книги Лонгриджа «Последние из чайных кли-

перов». Некоторые дополнения даны Монгриффом Скоттом из Дисса в Норфольке, сыном одного из владельцев фирмы, строившей знаменитый клипер. Сохранилась картина маслом, написанная художником Туджей в 1872 году для капитана Джона Виллиса — владельца «Катти Сарк». На картине клипер показан под всеми парусами, что прямо-таки бесценно для восстановления его оригинального вооружения.

Из трех тысяч листов металла Мюнца, которыми обшита подводная часть корабля, около шестисот требуют замены. Вновь ставящимся листам придается старинный вид специальной химической обработкой, на что потребовалось особое научное изыскание.

Проволочные канаты стоячего такелажа будут заменены стальными тросами, а для бегучего такелажа химический институт предложил териленовое волокно — пластмассу, — которому будет придан цвет слабо просмоленной пеньки. Из этого волокна специально для «Катти Сарк» сейчас приготовляют канаты необычайной прочности и стойкости. Скоро великолепные мачты клипера будут возвышаться почти на пятьдесят метров над стенами дока, а корпус, обновленный и перестроенный по прежним чертежам, станет музеем парусного флота и училищем для морских кадетов... Одно мне не нравится — стоянка у корабля будет открытая, а в английском климате это плохо. Стоило бы довести дело до конца и построить над кораблем стеклянный павильон — не так уж сложно это теперь, при современной технике. Тогда, и только тогда, клипер бы сохранился на вечные времена...

Старик помолчал, усмехнулся чему-то и медленно заговорил снова:

— Последнее мое впечатление о «Катти» было... как бы это сказать... странным. Может быть, я не сумею его выразить. В последнюю поездку мне пришлось сначала осмотреть новый лайнер «Гималайя», только что пришедший из Австралии, а потом уже ехать в Гринвич к «Катти Сарк». Представьте себе гигантский снежно-белый с голубыми полосами корабль. Верхние надстройки с красиво изогнутыми, обтекаемыми очертаниями сверкали зеркальными стеклами. С высоты мостика «Гималайи», размером чуть не во всю палубу «Катти Сарк», знаменитый клипер показался бы скорлупкой с тоненькими мачтами.

В ходовой и штурманской рубках гиганта находилось

множество приборов. Радар, авторулевой, свободные от магнитной девиации гироскопические компасы, курсограф, вычерчивающий ход корабля, эхолот для измерения глубины ультразвуком... всего не перечислишь! Великан шутя справлялся с «Ревущими сороковыми» и мчался по путям старых клиперов со скоростью двадцать пять узлов.

Я любовался и восхищался красавцем лайнером — детищем нашего века, олицетворением колоссальной технической мощи и безусловного покорения морской стихии.

Но обветшалый, маленький клипер не показался мне жалким по сравнению с «Гималайей». Больше того, взгляд на «Катти Сарк» будил в душе какую-то бодрую гордость. Простые вещи — дерево корпуса, паруса, канаты такелажа, магнитная стрелка. Но когда за ними стояли искусство строителя, мужество и умение моряка, то... корабль-крошка шел сквозь бури ревущих широт нисколько не менее уверенно, чем его колоссальный электроход-потомок. А скорость в тридцать восемь километров в час, достигнутая парусами сто лет назад, вовсе не убога перед пятьюдесятью километрами, выжимаемыми машинами во много десятков тысяч сил...

И вот на набережной Гринвича я закрывал глаза, силясь мысленно представить себе оба эти корабля в океане. И, как много лет назад Джон Виллис при виде клипера «Джемс Бэйнс», я почувствовал в лайнере «Гималайя» то же яростное вспарывание океана, теперь еще более подчеркнутое высотой корабля и защитой тысячесильных машин. При всей своей мощи это не было искусство. Вместо единого ритма, почти музыкального бега корабля, сочетавшегося с силой стихии в согласном и легком «танце на волнах», мощи океана противопоставлялась прямая сила. Власть над стихией достигалась путем огромной затраты сил и материалов и стоила человеку дорого...

Тогда я понял, что наша культура еще не сказала последнего слова в идее океанского корабля... и что это слово не будет сверхгигантом-лайнером!

Мне думается, что понять законы стихий — это знание, а овладение этими силами, подчинение их — это искусство! И в нашем веке искусство породит корабль, не зависимый от ветра, но столь же согласный с законами моря, как была в свое время «Катти Сарк»... Вот почему

знаменитый клипер — это не просто корабль с богатой историей, так сказать реликвия. Нет, не только... Человеческая мысль, экономика, техника развиваются, как бы это сказать, рейсами, что ли, этапами.

И в каждом из этапов есть свои высшие выражения, высшие достижения. Именно они остаются в истории, именно на них опираются мечтатели и смелые творцы нового. Эти высшие достижения, каким бы народом они ни были порождены, по существу, плод трудов и мысли всего человечества, воли людей к борьбе с природой, результат опыта самых разных народов. Умение увидеть эти камни фундамента будущего в прошлом — вот в чем задача каждой страны, на долю которой выпало счастье владеть ими!.. Вот почему я думаю, что англичане должны построить еще и крышу над сухим доком «Катти Сарк», — закончил свою речь практичный капитан.

Он с размаху опустился в кресло, с минуту ожесточенно грыз мундштук и воскликнул:

— А если нам, старикам, иногда становится грустно, то тут вам нечему удивляться!

— Отчего же грустно? — спросил кто-то.

— Я написал стихи и отвечу ими:

Но это сон. Волны веселой пену
Давным-давно не режут клипера.
И парусам давно несут на смену
Дым тысяч труб соленые ветра!..

Что поделать — в этом наша молодость!..

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Томан. В ПОГОНЕ ЗА «ПРИЗРАКОМ» 3
Е. Рысс, Л. Рахманов. ДОМИК НА БОЛОТЕ 135
Г. Мартынов. НЕВИДИМАЯ СХВАТКА 305
И. Ефремов. АТОЛЛ ФАКАОФО 339
А. Беляев. ЗВЕЗДА КЭЦ 375
И. Ефремов. „КАТТИ САРК" 529

„В мире фантастики и приключений"

Редактор Т. В. Боголепова. Художественный редактор Б. Ф. Семенов
Технический редактор П. С. Смирнов. Корректор М. Д. Лебедева

Сдано в набор 25/XII 1958 г. Подписано к печати 29/IV 1959 г.
Тираж 150 000 (1—75 000) Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 18.
Усл. печ. л. 29,52 Уч.-изд. л. 30,08. М-23261 Заказ № 1852

Лениздат. Ленинград, Торговый пер., 3.
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57.

Цена 11 р.